

АНТОН ЧЕХОВ

✦ **ВИШНЕВЫЙ САД** ✦
Большое собрание пьес
В ОДНОМ ТОМЕ

Чехов, Антон Павлович. Вишневый сад. Большое собрание пьес в одном томе // Эксмо, Москва, 2021
ISBN: 978-5-04-181298-0
FB2: "Sergius", 30.05.2023, version 1.1
UUID: 03FB65C4-347E-4E72-8F57-FE8E04D71F2E
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Антон Павлович Чехов

Вишневый сад. Большое собрание пьес в одном томе

(Чехов А.П. Сборники)

Новаторские для своего времени пьесы А. П. Чехова сделали его имя бессмертным и в литературе, и в истории театра. «Пусть на сцене все будет так же просто и так же вместе с тем сложно, как в жизни: люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни», — говорил Чехов, выводя формулу новой драмы. Драматизм повседневности, скрытый в обыденном течении жизни, и стал важнейшим открытием писателя. А в результате сломаны привычные представления о драматическом действии, его завязке, кульминации и развязке, о назначении слова и молчания, жеста и взгляда. Книга представляет наиболее полное собрание пьес писателя.

Содержание

#1	0005
1878–1888	0006
Безотцовщина	0006
Медведь Шутка в одном действии (Посвящена Н. Н. Соловцову)	0315
Предложение Шутка в одном действии	0341
1889–1894	0367
Иванов Драма в четырех действиях	0367
Трагик поневоле (из дачной жизни) Шутка в одном действии	0488
Свадьба Сцена в одном действии	0499
Леший Комедия в 4-х действиях	0525
Юбилей Шутка в одном действии	0651
1895–1904	0677
Чайка Комедия в четырех действиях	0677
Дядя Ваня Сцены из деревенской жизни в четырех действиях	0776
Три сестры Драма в четырех действиях	0866
О вреде табака Сцена-монолог в одном действии	0986
Вишневый сад Комедия в 4-х действиях	0995

Антон Чехов

**Вишневый сад. Большое
собрание пьес в одном томе**

© Оформление. ООО «Издательство „Экс-
мо“», 2021

* * *

1878–1888

Безотцовщина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анна Петровна Войничева, молодая вдова, генеральша.

Сергей Павлович Войницев, сын генерала Войничева от первого брака.

Софья Егоровна, его жена.

Помещики, соседи Войничевых.

Порфирий Семенович Глагольев 1.

Кирилл Порфирьевич Глагольев 2, его сын.

Герасим Кузьмич Петрин.

Павел Петрович Щербук.

Марья Ефимовна Грекова, девушка 20 лет.

Иван Иванович Трилецкий, полковник в отставке.

Николай Иванович, его сын, молодой лекарь.

Абрам Абрамович Венгерович 1, богатый еврей.

Исак Абрамович, его сын, студент.
Тимофей Гордеевич Бугров, купец.
Михаил Васильевич Платонов, сельский
учитель.

Александра Ивановна (Саша), его жена,
дочь И. И. Трилецкого.

Осип, малый лет 30, конокрад.

Марко, рассыльный мирового судьи, ма-
ленький старичок.

Василий

Яков

Катя

Гости, прислуга.

*Действие происходит в имени **Войнице-
вых** в одной из южных губерний.*

Действие первое

Гостиная в доме **Войницевых**. Стеклянная
дверь в сад и две двери во внутренние покои.
Мебель старого и нового фасона, смешанная.
Рояль, возле нее пюпитр со скрипкою и нота-
ми. Фисгармония. Картины (олеография) в зо-
лоченых рамах.

Явление I

Анна Петровна сидит за роялью, склонив
голову к клавишам.

Николай Иванович Трилецкий *входит.*

Трилецкий *(подходит к Анне Петровне).*

Что?

Анна Петровна *(поднимает голову).* Ничего... Скучненько...

Трилецкий. Дайте, mon ange[1], покурить! Плоть ужасно курить хочет. С самого утра по-чему-то еще не курил.

Анна Петровна *(подает ему папирсы).* Берите больше, чтобы потом не беспокоить.

Закуривают.

Скучно, Николя! Тоска, делать нечего, хандра... Что и делать, не знаю...

Трилецкий берет ее за руку.

Анна Петровна. Вы это за пульсом? Я здорова...

Трилецкий. Нет, я не за пульсом... Я чмокнуть...

Целует руку.

В вашу руку целуешь, как в подушечку... Чем это вы моете свои руки, что они у вас такие белые? Чудо руки! Даже еще раз поцелую.

Целует руку.

В шахматы, что ли?

Анна Петровна. Давайте...

Смотрит на часы.

Четверть первого... Небось, наши гости проголодались...

Трилецкий (*приготавливает шахматную доску*). По всей вероятности. Что касается меня, то я страшно голоден.

Анна Петровна. Я о вас и не спрашиваю... Вы всегда голодны, хоть и едите каждую минуту...

Садятся за шахматы.

Ходите вы... Уж и пошел... Надо сперва подумать, а потом уже и идти... Я сюда... Вы всегда голодны...

Трилецкий. Вы так пошли... Тэк-с... Голоден-с... Обедать скоро будем?

Анна Петровна. Не думаю, чтобы скоро... Повар изволил ради нашего приезда нализаться и теперь без ног. Завтракать скоро будем. Серьезно, Николай Иванович, когда вы будете сыты? Ест, ест, ест... без конца ест! Ужас что такое! Какой маленький человек и такой большой желудок!

Трилецкий. О да! Удивительно!

Анна Петровна. Забрался в мою комнату и не спросясь съел полпирога! Вы знаете ведь,

что это не мой пирог? Свинство, голубчик! Ходите!

Трилецкий. Ничего я не знаю. Знаю только, что он у вас там прокиснет, если я его не съем. Вы так? Можете-с... А я этак... Если я много ем, то я, значит, здоров, а если здоров, то, с вашего позволения... *Mens sana in corpore sano*[2]. Зачем думаете? Ходите, милая дамочка, не думая... *(Поет.)* Я хочу вам рассказать, рассказать...

Анна Петровна. Молчите... Вы мешаете мне думать.

Трилецкий. Жаль, что вы, такая умная женщина, ничего не смыслите в гастрономии. Кто не умеет хорошо поесть, тот урод... Нравственный урод!.. Ибо... Позвольте, позвольте! Так не ходят! Ну? Куда же вы? А, ну это другое дело. Ибо вкус занимает в природе таковое же место, как и слух и зрение, то есть входит в число пяти чувств, которые всецело относятся к области, матушка моя, психологии. Психологии!

Анна Петровна. Вы, кажется, острить собираетесь... Не острите, дорогой мой! И надоело, и не к лицу вам... Вы заметили, что я не

смеюсь, когда вы остриете? Пора, кажется, заметить...

Трилецкий. Ваш ход, votre excellence!..[3]
Берегите коня. Не смеетесь, потому что не понимаете... Так-с...

Анна Петровна. Чего глазеете? Ваш ход! Как полагаете? Ваша «она» будет сегодня у нас или нет?

Трилецкий. Обещала быть. Дала слово.

Анна Петровна. Пора уж ей быть в таком случае. Первый час... Вы... извините за нескромность вопроса... Вы и с этой «да так» или же серьезно?

Трилецкий. То есть?

Анна Петровна. Откровенно, Николай Иваныч! Не ради сплетен спрашиваю, по-приятельски... Что Грекова для вас и что вы для нее? Откровенно и без острот, пожалуйста... Ну? Ей-ей, по-приятельски спрашиваю...

Трилецкий. Что она для меня и что я для нее? Пока неизвестно-с...

Анна Петровна. По крайней мере...

Трилецкий. Езжу к ней, болтаю, надоедаю, ввожу ее маменьку в расход по кофейной части и... больше ничего. Ваш ход. Езжу, надо

вам сказать, через день, а иногда и каждый день, гуляю по темным аллеям... Я толкую ей про свое, она толкует мне про свое, причем держит меня за эту пуговку и снимает с моего воротника пушок... Я ведь вечно в пуху.

Анна Петровна. Ну?

Трилецкий. Ну и ничего... Что собственно тянет меня к ней, определить трудно. Скукали то, любовь ли, или что-либо другое прочее, не могу знать... Знаю, что после обеда мне бывает страшно скучно за ней... По случайно наведенным справкам оказывается, что и она скучает за мной...

Анна Петровна. Любовь, значит?

Трилецкий (*пожимает плечами*). Очень может быть. Как вы думаете, люблю я ее или нет?

Анна Петровна. Вот это мило! Вам же лучше знать...

Трилецкий. Э-э... да вы не понимаете меня!.. Ваш ход!

Анна Петровна. Хожу. Не понимаю, Никола! Женщине трудно понять вас в этом отношении...

Пауза.

Трилецкий. Она хорошая девочка.

Анна Петровна. Мне нравится. Светленькая головка... Только вот что, приятель... Не наделайте-ка вы ей как-нибудь неприятностей!.. Как-нибудь... За вами этот грех водится... Пошляетесь, пошляетесь, наговорите кучу вздора, наобещаете, разнесете славу и тем и покончите... Мне ее жалко будет... Что она теперь поддельывает?..

Трилецкий. Читает...

Анна Петровна. И химией занимается?

Смеется.

Трилецкий. Кажется.

Анна Петровна. Славная... Потихе! Вы рукавом свезете! Нравится она мне со своим острым носиком! Из нее мог бы выйти недурной ученый...

Трилецкий. Дороги не видит, бедная девочка!

Анна Петровна. Вот что, Николая... Попросите Марью Ефимовну, чтобы она поехала ко мне немного... Я с ней познакомлюсь и... Я, впрочем, маклеровать не стану, а так только... Мы ее вместе раскусим и или отпустим с миром, или же примем ее к сведению...

Авось...

Пауза.

Я считаю вас малюточкой, ветерком, а потому и вмешиваюсь в ваши дела. Ваш ход. Мой совет таков. Или не трогать ее вовсе, или же жениться на ней... Только жениться, но... не далее! Паче чаяния жениться захотите, извольте подумать сперва... Извольте рассмотреть ее со всех сторон, не поверхностно, подумать, помыслить, порассуждать, чтоб потом не плакать... Слышите?

Трилецкий. Как же... Уши развесил.

Анна Петровна. Знаю я вас. Всё делаете не думая и женитесь не думая. Вам только палец покажи женщина, так вы уж готовы на всякую всячину. Посоветоваться с близкими людьми должны... Да... На свою глупую голову не надейтесь. *(Стучит о стол.)* Вот она у вас, ваша голова! *(Свистит.)* Свистит, матушка! Мозгу в ней много, да толку что-то не видно.

Трилецкий. Свистит, точно мужик! Удивительная женщина!

Пауза.

Ездить она к вам не станет.

Анна Петровна. Почему?

Трилецкий. Потому что к вам шляется Платонов... Она терпеть не может его после тех его выходов. Вообразил человек, что она дура, вбил себе это в свою нечесаную голову, и теперь черт его не разубедит! Считает почему-то своею обязанностью надоедать дурам, выделывать над ними разные штуки... Ходите!.. А разве она дура? Понимает же он людей!

Анна Петровна. Пустяки. Мы не позволим ему лишнего. Скажите ей, чтоб не боялась. А чего это Платонова так долго нет? Давно уж пора ему быть... *(Смотрит на часы.)* Невежливо с его стороны. Шесть месяцев не видались.

Трилецкий. Когда я ехал к вам, в школе ставни были наглухо закрыты. Должно быть, спит еще. Каналья человек! Я его сам давно уж не видел.

Анна Петровна. Здоров он?

Трилецкий. Он всегда здоров. Жив курилка!

Входят Глагольев 1 и Войницев.

Явление II

Те же, Глагольев 1 и Войницев.

Глагольев 1 (входя). Так-то, милейший Сергей Павлович. В этом отношении мы, входящие светила, лучше и счастливее вас, восходящих. И мужчина не был, как видите, в проигрыше, и женщина была в выигрыше.

Садятся.

Сядемте, а то я утомился... Мы любили женщин, как самые лучшие рыцари, веровали в нее, поклонялись ей, потому что видели в ней лучшего человека... А женщина лучший человек, Сергей Павлович!

Анна Петровна. Зачем же мошенничать?

Трилецкий. Кто мошенничает?

Анна Петровна. А кто эту шашку сюда поставил?

Трилецкий. Да вы же сами поставили!

Анна Петровна. Ах да... Pardon...

Трилецкий. То-то что pardon.

Глагольев 1. У нас были и друзья... Дружба в наше время не была так наивна и так ненужна. В наше время были кружки, арзамасы... За друзей у нас, между прочим, было принято в огонь лазить.

Войницев (зевает). Славное было время!

Трилецкий. А в наше ужасное время пожарные на то есть, чтоб в огонь лазить за друзьями.

Анна Петровна. Глупо, Николая!

Пауза.

Глагольев 1. В прошлую зиму в Москве на опере я видел, как один молодой человек плакал под влиянием хорошей музыки... Ведь это хорошо?

Войницев. Пожалуй, что и очень даже хорошо.

Глагольев 1. И я так думаю. Но зачем же, скажите вы мне, пожалуйста, глядя на него, улыбались близь сидящие дамочки и кавалеры? Чему они улыбались? И он сам, заметив, что добрые люди видят его слезы, завертелся на кресле, покраснел, состроил на своем лице скверную улыбочку и потом вышел из театра... В наше время не стыдились хороших слез и не смеялись над ними...

Трилецкий (*Анне Петровне*). Умереть этому медоточивому от меланхолии! Страсть не люблю! Уши режет!

Анна Петровна. Тссс...

Глагольев 1. Мы были счастливее вас. В

наше время понимающие музыку не выходили из театра, досиживали оперу до конца... Вы зеваете, Сергей Павлович... Я оседлал вас...

Войницев. Нет... Подводите же итог, Порфирий Семеныч! Пора...

Глагольев 1. Ну-с... И так далее, и так далее... Если теперь подвести итог всему мною сказанному, то и получится, что в наше время были любящие и ненавидящие, а следовательно, и негодующие и презирующие...

Войницев. Прекрасно, а в наше время их нет, что ли?

Глагольев 1. Думаю, что нет.

Войницев встает и идет к окну.

Отсутствие этих-то людей и составляет современную чухотку...

Пауза.

Войницев. Голословно, Порфирий Семеныч!

Анна Петровна. Не могу! От него так несет этими несносными пачулями, что мне даже дурно делается. *(Кашляет.)* Отодвиньтесь немного назад!

Трилецкий *(отодвигается)*. Сама проигрывает, а бедные пачули виноваты. Удивитель-

ная женщина!

Войницев. Грешно, Порфирий Семенович, бросать в лицо обвинение, основанное на одних только догадках и пристрастии к минувшей молодости!..

Глагольев 1. Может быть, я и ошибаюсь.

Войницев. Может быть... В данном случае не должно иметь места это «может быть»... Обвинение не шуточное!

Глагольев 1 (*смеется*). Но... вы сердиться, милый мой, начинаете... Гм... Одно уж это доказывает, что вы не рыцарь, что вы не умеете относиться с должным уважением к взглядам противника.

Войницев. Одно уж это доказывает, что я умею возмущаться.

Глагольев 1. Я не всех, разумеется, поголовно... Есть и исключения, Сергей Павлович!

Войницев. Разумеется... (*Кланяется.*) Покорнейше вас благодарю за уступочку! Вся прелесть ваших приемов заключается в этих уступках. Ну а что если бы наскочил на вас человек неопытный, вас не знающий, верующий в ваше знание? Ведь вам удалось бы убедить его, что мы, то есть я, Николай Иванович,

тапан и вообще всё более или менее молодое, не умеем негодовать и презирать...

Глагольев 1. Но... вы уж... Я не говорил...

Анна Петровна. Я хочу Порфирия Семеновича слушать. Давайте бросим! Довольно.

Трилецкий. Нет, нет... Играйте и слушайте!

Анна Петровна. Довольно. *(Встает.)* Надоело. После доиграем.

Трилецкий. Когда проигрываю, она сидит, как приклеенная, а как только начну выигрывать, у нее является желание слушать Порфирия Семеновича! *(Глагольеву.)* И кто вас просит говорить? Мешаете только! *(Анне Петровне.)* Извольте сесть и продолжать, в противном же случае я буду считать вас проигравшей!

Анна Петровна. Считайте! *(Садится против Глагольева.)*

Явление III

Те же и Венгерович 1.

Венгерович 1 *(входит).* Жарко! Эта жара напоминает мне, жиду, Палестину. *(Садится у рояли и перебирает клавиши.)* Там, говорят, очень жарко!

Трилецкий *(встает)*. Так и запишем. *(Вынимает из кармана записную книжку.)* Так и запишем-с, добрая женщина! *(Записывает.)* За генеральшей... за генеральшей три рубля... Итого с прежними — десять. Эге! Когда я буду иметь честь получить с вас эту сумму?

Глагольев 1. Эх, господа, господа! Не видали вы прошлого! Другое бы запели... Поняли бы... *(Вздыхает.)* Не понять вам!

Войницев. Литература и история имеет, кажется, более прав на нашу веру... Мы не видели, Порфирий Семеныч, прошлого, но чувствуем его. Оно у нас очень часто вот тут чувствуется... *(Бьет себя по затылку.)* Вот вы так не видите и не чувствуете настоящего.

Трилецкий. Прикажете считать за вами, *vous* excellence, или сейчас заплатите?

Анна Петровна. Перестаньте! Вы не даете слушать!

Трилецкий. Да зачем вы их слушаете? Они до вечера будут говорить!

Анна Петровна. Сержень, дай этому юридивому десять рублей!

Войницев. Десять? *(Вынимает бумажник.)* Давайте-ка, Порфирий Семенович, перемене-

ним разговор...

Глагольев 1. Давайте, если он вам не нравится.

Войнищев. Люблю вас слушать, но не люблю слушать то, что отзывается клеветой...
(*Подает Трилецкому десять рублей.*)

Трилецкий. Мерсі (*Бьет по плечу Венгеровича.*) Вот как нужно жить на этом свете! Посадил беззащитную женщину за шахматы да и обчистил ее без зазрения совести на десять целкачей. Каково? Похвально?

Венгерович 1. Похвально. Вы, доктор, настоящий иерусалимский дворянин!

Анна Петровна. Перестаньте же, Трилецкий! (*Глагольеву.*) Так женщина лучший человек, Порфирий Семенович?

Глагольев 1. Лучший.

Анна Петровна. Гм... По-видимому, вы большой женолюбец, Порфирий Семенович!

Глагольев 1. Да, я люблю женщин. Я им поклоняюсь, Анна Петровна. Я вижу в них отчасти всё то, что я люблю: и сердце, и...

Анна Петровна. Вы им поклоняетесь... Ну а стоят они ваших поклонов?

Глагольев 1. Стоят.

Анна Петровна. Вы убеждены в этом? Сильно убеждены или только заставляете себя так думать?

Трилецкий берет скрипку и водит по ней смычком.

Глагольев 1. Сильно убежден. Достаточно знать мне одну только вас, чтобы быть убежденным в этом...

Анна Петровна. Серьезно? В вас какая-то особенная закваска.

Войницев. Он романтик.

Глагольев 1. Может быть... Что ж? Романтизм вещь не безусловно дурная. Вы изгнали романтизм... Хорошо сделали, но боюсь, что вы изгнали вместе с ним что-то другое...

Анна Петровна. Не сводите, друг мой, на полемику. Не умею спорить. Изгнали или не изгнали, но во всяком случае умней стали, слава богу! Ведь умней, Порфирий Семеныч? А это главное... *(Смеется.)* Были бы умные люди, да умнели бы, а остальное само собой приложится... Ах! Не рипите, Николай Иванович! Положите скрипку!

Трилецкий *(вешает скрипку).* Хороший инструмент.

Глагольев 1. Удачно однажды выразился Платонов... Мы, сказал он, поумнели по части женщин, а поумнеть по части женщин значит втоптать самого себя и женщину в грязь...

Трилецкий *(хохочет)*. Должно быть, именинником был... Хватил лишнее...

Анна Петровна. Это он сказал? *(Смеется.)* Да, он любит иногда отпускать такие изречения... Но да ведь он для красного словца... Кстати, к слову пришлось... Кто такой, что за человек, на ваш взгляд, этот Платонов? Герой или не герой?

Глагольев 1. Как вам сказать? Платонов, по-моему, есть лучший выразитель современной неопределенности... Это герой лучшего, еще, к сожалению, ненаписанного, современного романа... *(Смеется.)* Под неопределенностью я разумею современное состояние нашего общества: русский беллетрист чувствует эту неопределенность. Он стал в тупик, теряется, не знает, на чем остановиться, не понимает... Трудно понять ведь этих господ! *(Указывает на Войнищева.)* Романы донельзя плохи, натянуты, мелочны... и немудрено! Все

крайне неопределенно, непонятно... Всё смешалось до крайности, перепуталось... Вот этой-то неопределенности, по моему мнению, и является выразителем наш умнейший Платонов. Он здоров?

Анна Петровна. Говорят, что здоров.

Пауза.

Славный человечек...

Глагольев 1. Да... Его грешно не уважать. Я зимой несколько раз заезжал к нему и никогда не забуду тех немногих часов, которые мне посчастливилось провести с ним.

Анна Петровна (*смотрит на часы*). Пора уже ему быть. Сергей, ты посылай за ним?

Войнищев. Два раза.

Анна Петровна. Вы всё врите, господа. Трилецкий, бегите, пошлите за ним Якова!

Трилецкий (*потягивается*). Приказать на стол собирать?

Анна Петровна. Я сама прикажу.

Трилецкий (*идет и сталкивается у двери с Бугровым*). Пыхтит, как локомотив, бакалейный человек! (*Хлопает его по животу и уходит.*)

Явление IV

Анна Петровна, Глагольев 1, Венгерович 1, Войнищев и Бугров.

Бугров (входя). Уф! Страсть как жарит! Перед дождем, знать.

Войнищев. Вы из сада?

Бугров. Из сада-с...

Войнищев. Софи там?

Бугров. Какая Софи?

Войнищев. Моя жена. Софья Егоровна![4]

Венгерович 1. Я сейчас... (Уходит в сад.)

Явление V

Анна Петровна, Глагольев 1, Войнищев, Бугров, Платонов и Саша (в русском костюме).

Платонов (в дверях Саше). Пожалуйста! Милости просим, молодая женщина! (Входит за Сашей.) Вот мы и не дома, наконец! Кланяйся, Саша! Здравствуйте, ваше превосходительство! (Подходит к Анне Петровне, целует у нее одну руку и потом другую.)

Анна Петровна. Жестокий, нелюбезный... Можно ли заставлять ждать себя так долго? Ведь вы знаете, как я нетерпелива? Дорогая Александра Ивановна... (Целуется с Сашей.)

Платонов. Вот мы и не дома, наконец! Сла-

ва тебе, господи! Шесть месяцев не видели мы ни паркета, ни кресел, ни высоких потолков, ниже даже людей... Всю зиму проспали в берлоге, как медведи, и только сегодня выползли на свет божий! Сергею Павловичу! *(Целуется с Войницевым.)*

Войницев. И вырос, и пополнил и... черт знает чего только... Александра Ивановна! Батюшки, как пополнила! *(Жмет Саше руку.)* Здоровы? Похорошела и пополнила!

Платонов *(пожимает руку Глагольеву).* Порфирий Семенович... Очень рад вас видеть...

Анна Петровна. Как поживаете? Как живете-можете, Александра Ивановна? Да садитесь же, господа! Рассказывайте-ка... Сядем!..

Платонов *(хохочет).* Сергей Павлович! Он ли это? Господи! Где же длинные волосы, блузочка и сладенький тенорок? А ну-ка, скажите-ка что-нибудь!

Войницев. Я дурандас. *(Смеется.)*

Платонов. Бас, совершенный бас! Ну? Сядем... Подвигайтесь-ка, Порфирий Семеныч! Я сажусь. *(Садится.)* Садитесь, господа! Ф-ф-ф... Жара... Что, Саша! Нюхаешь?

Садятся.

Саша. Нюхаю.

Смех.

Платонов. Человечьим мясом пахнет. Прелесть что за запах! Мне кажется, что мы уже сто лет не видались. Черт знает, как долго эта зима тянется! А вон и мое кресло! Узнаешь, Саша? На нем шесть месяцев тому назад просиживал я дни и ночи, отыскивая с генеральшей причину всех причин и проигрывая твои блестящие гривеннички... Жарко...

Анна Петровна. Я заждалась, терпение потеряла... Здоровы?

Платонов. Очень здоровы... Надо вам доложить, ваше превосходительство, что вы и пополнели, и чуточку похорошели... Сегодня и жарко, и душно... Я уж начинаю скучать за холодом.

Анна Петровна. Как они оба варварски пополнели! Экий счастливый народ! Как жилось, Михаил Васильич?

Платонов. Скверно по обыкновению... Всю зиму спал и шесть месяцев не видел неба. Пил, ел, спал, Майн Рида жене вслух читал... Скверно!

Саша. Жилось хорошо, только скучно, разумеется...

Платонов. Не скучно, а очень скучно, душа моя. За вами скучал страшно... Как кстати для меня теперь мои глаза! Видеть вас, Анна Петровна, после долгого, томительнейшего безлюдья и сквернолюдья — да ведь это непротитительная роскошь!

Анна Петровна. Нате вам за это папироску! *(Дает ему папиросу.)*

Платонов. Мерсі.

Закуривают.

Саша. Вы вчера приехали?

Анна Петровна. В десять часов.

Платонов. В одиннадцать видел у вас огни, да побоялся зайти к вам. Небось утомлены были?

Анна Петровна. И что б зайти! Мы до двух часов проболтали.

Саша шепчет Платонову на ухо.

Платонов. Ах черт возьми! *(Бьет себя по лбу.)* Вот память-то! Что же ты раньше молчала? Сергей Павлович!

Войницев. Что?

Платонов. А он и молчит! Женился и мол-

чит! *(Встает.)* Я забыл, а они и молчат!

Саша. И я забыла, пока он тут говорил... Поздравляю вас, Сергей Павлович! Желаю вам... всего, всего!

Платонов. Честь имею... *(Кланяется.)* Совет да любовь, милый человек! Чудо сотворил, Сергей Павлович! Я от вас такого важного и отважного поступка никак не ожидал! Как скоро и как быстро! Кто мог ожидать от вас такой ереси?

Войнищев. Каков я? И скоро, и быстро! *(Хочет.)* Я сам не ожидал от себя такой ереси. Вмиг, батенька, склеилось дело. Влюбился и женился!

Платонов. Без «влюбился» не проходила ни одна зима, а в эту зиму еще и женился, цензурой обзавелся, как говорит наш поп. Жена — это самая ужасная, самая придирчивая цензура! Горе, если она глупа! Местечко наши?

Войнищев. Предлагают место в прогимназии, да не знаю, как быть. Не хотелось бы мне в прогимназию! Жалованья мало, да и вообще...

Платонов. Берете?

Войнищев. Пока еще решительно ничего не знаю. Вероятно, нет...

Платонов. Гм... Гулять, значит, будем. Три года прошло с тех пор, как вы кончили университет?

Войнищев. Да.

Платонов. Так... *(Вздыхает.)* Бить вас некому! Нужно будет жене вашей сказать... Прогулять три хороших года! а?

Анна Петровна. Жарко теперь толковать о высоких материях... Мне зевать хочется. Чего ради вы так долго не являлись, Александра Ивановна?

Саша. Времени не было... Миша клетку починял, а я в церковь ходила... Клетка поломалась, и нельзя было соловья так оставить.

Глагольев 1. А в церкви же что сегодня? Праздник какой?

Саша. Нет... Ходила заказывать отцу Константину обедню. Сегодня именинник Мишин отец покойник, и неловко как-то не помолиться... Панихиду отслужила...

Пауза.

Глагольев 1. Сколько прошло с тех пор, как скончался ваш отец, Михаил Васильич?

Платонов. Года три, четыре...

Саша. Три года и восемь месяцев.

Глагольев 1. Ну-те? Боже мой! Как быстро время летит! Три года и восемь месяцев! Давно ли, кажется, мы виделись с ним в последний раз? *(Вздыхает.)* В последний раз виделись мы в Ивановке, присяжными заседателями оба были... И тогда же произошел случай, как нельзя лучше характеризующий покойника... Судили, помню, одного бедненького и пьяненького казенного землемера за лихоимство и *(смеется)* оправдали... Василий Андреич, покойник, настоял... Часа три настаивал, доводы приводил, горячился... «Не обвиню его, кричит, пока вы не присягнете, что вы сами не берете взяток!» Нелогично, но... ничего с ним нельзя было поделать! Утомились мы страшно по его милости... С нами тогда был и покойный генерал Войницева, ваш супруг, Анна Петровна... Тоже человек в своем роде.

Анна Петровна. Ну этот не оправдал бы...

Глагольев 1. Да, он настаивал на обвинении... Помню обоих, красных, клокочущих, свирепых... Крестьяне держали сторону гене-

рала, а мы, дворяне, сторону Василия Андреича... Мы пересилили, разумеется... *(Смеется.)* Ваш отец вызвал генерала на дуэль, генерал назвал его... извините, подлецом... Потеха была! Мы напоили после их пьяными и помирили... Нет ничего легче, как мирить русских людей... Добряк был ваш отец, доброе имел сердце...

Платонов. Не доброе, а безалаберное...

Глагольев 1. Великий человек был в своем роде... Я уважал его. Мы были с ним в прекраснейших отношениях!

Платонов. Ну а вот я так не могу похвалиться этим. Я разошелся с ним, когда у меня не было еще ни волоска на подбородке, а в последние три года мы были настоящими врагами. Я его не уважал, он считал меня пустым человеком, и... оба мы были правы. Я не люблю этого человека! Не люблю за то, что он умер спокойно. Умер так, как умирают честные люди. Быть подлецом и в то же время не хотеть сознавать этого — страшная особенность русского негодяя!

Глагольев 1. De mortuis aut bene, aut nihil [5], Михаил Васильич!

Платонов. Нет... Это латинская ересь. По моему: *de omnibus aut nihil, aut veritas*[6]. Но лучше *veritas*, чем *nihil*, поучительнее, по крайней мере... Полагаю, что мертвые не нуждаются в уступке...

Входит Иван Иванович.

Явление VI

Те же и Иван Иванович.

Иван Иванович (*входит*). Та-та-та... Зять и дочка! Светила из созвездия полковника Трилецкого! Здравствуйте, голубчики! Салют вам из крупновской пушки! Господи, как жарко! Мишенька, голубчик мой...

Платонов (*встает*). Здравствуй, полковник! (*Обнимает его.*) Здоров?

Иван Иванович. Я всегда здоров... Терпит господь и не наказывает. Сашенька... (*Целует Сашу в голову*). Давно я вас не лицезрел... Здорова, Сашенька?

Саша. Здорова... Ты здоров?

Иван Иванович (*садится рядом с Сашей*). Я всегда здоров. Во всю жизнь мою ни разу не был болен... Давно уж я вас не видел! Каждый день все собираюсь к вам, внучка повидать да с зятком свет белый покритиковать, да ни-

как не соберусь... Занят, ангелы мои! Позавчера хотел к вам поехать, новую двустволочку желал показать тебе, Мишенька, да исправник остановил, в преферанс засадил... Славная двустволочка! Аглицкая, сто семьдесят шагов дробью наповал... Внучек здоров?

Саша. Здоров, тебе кланяется...

Иван Иванович. Разве он умеет кланяться?

Войнищев. Сие нужно понимать духовно.

Иван Иванович. Ну да, ну да... Духовно... Скажи ему, Сашурка, чтоб скорей рос. На охоту возьму с собой... Для него я уже и двустволочку маленькую приготовил... Охотника из него сделаю, чтоб было кому после смерти свои охотничьи причиндалы оставить...

Анна Петровна. Душка этот Иван Иваныч! Мы с ним на Петров день перепелов стрелять поедем.

Иван Иванович. Го-го! Мы, Анна Петровна, на бекасов поход устроим. Мы на Бесово болотце полярную экспедицию устроим...

Анна Петровна. Попробуем вашу двустволочку...

Иван Иванович. Попробуем. Диана боже-

ственная! (*Целует ее руку.*) Помните, матушка, прошлый год? Ха-ха! Люблю таких особ, побей меня бог! Не люблю малодушия! Вот она где самая-то и есть эмансипация женская! Ее в плечико нюхаешь, а от нее порохом, Ганнибалами да Гамилькарами пахнет! Воевода, совсем воевода! Дай ей эполеты, и погиб мир! Поедем! И Сашку с собой возьмем! Всех возьмем! Покажем им, что значит кровь военная, Диана божественная, ваше превосходительство, Александра Македонская!

Платонов. А ты уже клюкнул, полковник?

Иван Иванович. Разумеется... Sans doute...

[7]

Платонов. То-то ты так и раскудахтался.

Иван Иванович. Я приехал сюда, братец ты мой, часов в восемь... Все еще спали... Пришел сюда, да и давай ногами стучать... Смотрю, выходит она... смеется... Бутылочку мадерки распили. Диана три рюмочки выпила, а я остальное...

Анна Петровна. А нужно это рассказывать!

Вбегает Трилецкий.

Явление VII

Те же и Трилецкий.

Трилецкий. Господам родственникам!

Платонов. А-а-а... Плохой лейб-медик ее превосходительства! *Argentum nitricum... aquae destillatae...*[8] Очень рад видеть, любезный! Здоров, сияет, блещет и пахнет!

Трилецкий (*целует Сашу в голову*). Да и разнесли же черти твоего Михаила! Бык, настоящий бык!

Саша. Фи, как от тебя духами пахнет! Здоров?

Трилецкий. Здоровехонек. Умно сделали, что пришли. (*Садится.*) Как дела, Мишель?

Платонов. Какие?

Трилецкий. Твои, разумеется.

Платонов. Мои? А кто их знает, каковы они! Долго, брат, рассказывать, да и неинтересно. Где это ты так шикарно остригся? Хороша прическа! Стоит целковый?

Трилецкий. Меня не цирюльник чешет... У меня на это дамы есть, а дамам я не за прическу плачу целковые... (*Ест мармелад.*) Я, братец ты мой...

Платонов. Состричь хочешь? Ни, ни, ни... Не беспокойся! Избавь, пожалуйста.

Явление VIII

Те же, Петрин и Венгерович 1.

Петрин входит с газетой и садится.
Венгерович 1 садится в угол.

Трилецкий (Ивану Ивановичу). Заплачь, отче!

Иван Иванович. Для чего мне плакать?

Трилецкий. Да вот, например, хоть от радости... Взгляни на меня! Это сын твой!.. (Указывает на Сашу.) Это дочь твоя! (Указывает на Платонова.) Этот юноша зять твой! Дочь-то одна чего стоит! Это перл, папаша! Один только ты мог породить такую восхитительную дочь! А зять?

Иван Иванович. Чего же мне, друг мой, плакать? Плакать не нужно.

Трилецкий. А зять? О... это зять! Другого такого не сыщешь, хоть обрыскай всю вселенную! Честен, благороден, великодушен, справедлив! А внук?! Что это за мальчишка разнафемский! Машет руками, тянется вперед этак и всё пищит: «дедь! дедь! где дедь? Подайте-ка мне сюда его, разбойника, подайте-ка мне сюда его усищи!»

Иван Иванович (вытаскивает из кармана

платок). Чего же плакать? Ну и слава богу...
(Плачет.) Плакать не нужно.

Трилецкий. Ты плачешь, полковник?

Иван Иванович. Нет... Зачем? Ну и слава тебе, господи!.. Что ж.

Платонов. Перестань, Николай!

Трилецкий (*встает и садится рядом с Бугровым*). Жаркий нонче темперамент в воздухе, Тимофей Гордеич!

Бугров. Это действительно. Жарко, как в бане на самой верхней полочке. Темперамент в градусов тридцать, надо полагать.

Трилецкий. Что бы это значило? Отчего это так жарко, Тимофей Гордеич?

Бугров. Вам это лучше знать.

Трилецкий. Я не знаю. Я по докторской части шел.

Бугров. А по-моему-с, оттого так жарко, что мы засмеялись бы с вами, ежели б в июне месяце было холодно.

Смех.

Трилецкий. Так-с... Теперь понимаю... Что лучше для травы, Тимофей Гордеич, климат или атмосфера?

Бугров. Все хорошо, Николай Иваныч,

только для хлеба дождик нужней... Что толку с климата, ежели дождя нет? Без дождя он и гроша медного не стоит.

Трилецкий. Так... Это правда... Вашими устами, надо полагать, гласит сама мудрость. А какого вы мнения, господин бакалейный человек, касательно остального прочего?

Бугров (*смеется*). Никакого.

Трилецкий. Что и требовалось доказать. Умнейший вы человек, Тимофей Гордеич! Ну, а какого вы мнения насчет того астрономического фокуса, чтобы Анна Петровна дала нам поесть? а?

Анна Петровна. Подождите, Трилецкий! Все ждут, и вы ждите!

Трилецкий. Аппетитов она наших не знает! Не знает она, как нам с вами, а в особенности вам со мной выпить хочется! А славно мы выпьем и закусим, Тимофей Гордеич! Во-первых... Во-первых... (*Шепчет Бугрову на ухо.*) Плохо? Это за галстух... Crematum simplex...[9] Там всё есть: и распивочно и навывнос... Икра, балык, семга, сардины... Далее — шести- или семиэтажный пирог... Во какой! Начинен всевозможными чудесами флоры и фауны Старо-

го и Нового Света... Скорей бы только... Сильно голоден, Тимофей Гордеич? Откровенно...

Саша (*Трилецкому*). Не так тебе есть хочется, как бунт поднимать! Не любишь, когда люди покойно сидят!

Трилецкий. Не люблю, когда людей голодом морят, толстушка!

Платонов. Ты сейчас сострил, Николай Иваныч, отчего же это не смеются?

Анна Петровна. Ах, как он надоел! Как он надоел! Нахален до безобразия! Это ужасно! Ну подождите же, скверный человек! Я вам дам поесть! (*Уходит.*)

Трилецкий. Давно бы так.

Явление IX

Те же, кроме Анны Петровны.

Платонов. Впрочем, не мешало бы... Который час? Я тоже голоден...

Войнищев. Где же моя жена, господа? Платонов ведь ее не видел еще... Надо познакомиться. (*Встает.*) Пойду ее искать. Ей так понравился сад, что она никак не расстанется с ним.

Платонов. Между прочим, Сергей Павлович... Я просил бы вас не представлять меня

вашей супруге... Мне хотелось бы знать, узнает она меня или нет? Я когда-то был с ней знаком немножко и...

Войницев. Знакомы? С Соней?

Платонов. Был во время оно... Когда еще был студентом, кажется. Не представляйте, пожалуйста, и молчите, не говорите ей ни слова обо мне...

Войницев. Хорошо. Этот человек со всеми знаком! И когда он успевает знакомиться?
(Уходит в сад.)

Трилецкий. А какую я важную корреспонденцию поместил в «Русском курьере», господа! Читали? Вы читали, Абрам Абрамыч?

Венгерович 1. Читал.

Трилецкий. Не правда ли, замечательная корреспонденция? Вас-то, вас, Абрам Абрамыч, каким я людоедом выставил! Такое про вас написал, что вся Европа ужаснется!

Петрин *(хохочет)*. Так это вот про кого?! Вот кто этот В.! Ну, а кто же Б.?

Бугров *(смеется)*. Это я-с. *(Вытирает лоб.)* Бог с ними!

Венгерович 1. Что ж! Это очень похвально. Если бы я умел писать, то непременно писал

бы в газеты. Во-первых, деньги за это дают, а во-вторых, у нас почему-то принято пишущих считать очень умными людьми. Только не вы, доктор, написали эту корреспонденцию. Ее написал Порфирий Семеныч.

Глагольев 1. Вы откуда это знаете?

Венгерович 1. Знаю.

Глагольев 1. Странно... Я писал, это правда, но откуда вам это известно?

Венгерович 1. Всё можно узнать, лишь бы только желание было. Вы заказным посылали, ну а приемщик на нашей почте имеет хорошую память. Вот и всё... И разгадывать нечего. Мое еврейское ехидство тут ни при чем... *(Смеется.)* Не бойтесь, мстить не стану.

Глагольев 1. Я и не боюсь, но... мне странно!

Входит Грекова.

Явление X

Те же и Грекова.

Трилецкий *(вскакивает).* Марья Ефимовна! Вот это так мило! Вот это так сюрприз!

Грекова *(подаёт ему руку).* Здравствуйте, Николай Иваныч! *(Кивает всем головой.)* Здравствуйте, господа!

Трилецкий (снимает с нее тальму). Стащу с вас тальмочку... Живы, здоровы? Здравствуйте еще раз! (Целует руку.) Здоровы?

Грекова. Как всегда... (Конфузится и садится на первое попавшееся стул.) Анна Петровна дома?

Трилецкий. Дома. (Садится рядом.)

Глагольев 1. Здравствуйте, Марья Ефимовна!

Иван Иванович. Это Марья Ефимовна? Насилу узнал! (Подходит к Грековой и целует у нее руку.) Имею счастье видеть... Весьма приятно...

Грекова. Здравствуйте, Иван Иваныч! (Кашляет.) Ужасно жарко... Не целуйте мне, пожалуйста, рук... Я себя неловко чувствую... Не люблю...

Платонов (подходит к Грековой). Честь имею кланяться!.. (Хочет поцеловать руку.) Как поживаете? Дайте же руку!

Грекова (отдергивает назад руку). Не нужно...

Платонов. Почему? Недостойн?

Грекова. Не знаю, достойны вы или недостойны, но... вы ведь неискренно?

Платонов. Неискренно? Почему же вы знаете, что неискренно?

Грекова. Вы не стали бы целовать моей руки, если бы я не сказала, что я не люблю этого целования... Вы вообще любите делать то, чего я не люблю.

Платонов. Сейчас уж и заключение!

Трилецкий (*Платонову*). Отойди!

Платонов. Сейчас... Как ваш клоповый эфир, Марья Ефимовна?

Грекова. Какой эфир?

Платонов. Я слышал, что вы добываете из клопов эфир... Хотите обогатить науку... Хорошее дело!

Грекова. Вы всё шутите...

Трилецкий. Да, он всё шутит... Итак, значит, вы приехали, Марья Ефимовна... Как ваша тата поживает?

Платонов. Какая вы розовенькая! Как вам жарко!

Грекова (*встает*). Для чего вы мне это всё говорите?

Платонов. Поговорить хочу с вами... Давно с вами не беседовал. Зачем же сердиться? Когда же, наконец, вы перестанете на меня сер-

даться?

Грекова. Я замечаю, что вы чувствуете себя не в своей тарелке, когда видите меня... Не знаю, чем я вам мешаю, но... Я делаю вам удовольствие и по возможности избегаю вас... Если бы Николай Иванович не дал мне честного слова, что вы здесь не будете, то я не приехала бы сюда... *(Трилецкому)*. Стыдно вам лгать!

Платонов. Стыдно тебе лгать, Николай! *(Грековой.)* Вы плакать собираетесь... Поплачьте! Слезы приносят иногда облегчение...

Грекова быстро идет к двери, где встречается с Анной Петровной.

Явление XI

Те же и Анна Петровна.

Трилецкий *(Платонову)*. Глупо... глупо! Понимаешь ты? Глупо! Еще раз и... мы враги!

Платонов. Ты-то тут при чем?

Трилецкий. Глупо! Ты не знаешь, что ты Анна делаешь!

Глагольев 1. Жестоко, Михаил Васильич!

Анна Петровна. Марья Ефимовна! Как я рада! *(Пожимает Грековой руку.)* Очень рада... Вы такая редкая у меня гостья... Вы приехали, и я вас люблю за это... Сядемте...

Садятся.

Очень рада... Спасибо Николаю Ивановичу... Он потрудился выклянчить вас из вашей деревеньки...

Трилецкий (*Платонову*). А если я ее люблю, положим?

Платонов. Люби... Сделай такое одолжение!

Трилецкий. Не знаешь ты, что ты говоришь!

Анна Петровна. Как вы поживаете, моя дорогая?

Грекова. Благодарю.

Анна Петровна. Вы утомлены... (*Смотрит ей в лицо.*) Проехать двадцать верст мудрено без привычки...

Грекова. Нет... (*Подносит к глазам платок в плачет.*) Нет...

Анна Петровна. Что с вами, Марья Ефимовна?

Пауза.

Грекова. Нет...

Трилецкий ходит по сцене.

Глагольев 1 (*Платонову*). Надо вам извиниться, Михаил Васильич!

Платонов. Для чего?

Глагольев 1. Вы спрашиваете?! Вы были жестоки...

Саша (*подходит к Платонову*). Объяснись, а то я уйду!.. Извинись!

Анна Петровна. Я сама имею обыкновение плакать после дороги... Нервы расстраиваются!..

Глагольев 1. Наконец... Я хочу этого! Нелюбезно! Не ожидал я от вас!

Саша. Извинись, тебе говорят! Бессовестный!

Анна Петровна. Понимаю... (*Смотрит на Платонова*.) Успел уж... Извините меня, Марья Ефимовна. Я забыла поговорить с этим... с этим... Я виновата...

Платонов (*подходит к Грековой*). Марья Ефимовна!

Грекова (*поднимает голову*). Что вам угодно?

Платонов. Извиняюсь... Публично прошу прощения... Сгораю от стыда на пятидесяти кострах!.. Давайте же руку... Клянусь честью, что искренно... (*Берет ее руку*.) Помирился... Не будем хныкать... Мир? (*Целует руку*.)

Грекова. Мир. (*Закрывает платком лицо и убегает.*)

За ней уходит Трилецкий.

Явление XII

Те же, кроме Грековой и Трилецкого.

Анна Петровна. Не думала, что вы позволите себе... Вы!

Глагольев 1. Осторожность, Михаил Васильич, ради бога осторожность!

Платонов. Довольно... (*Садится на диван.*) Бог с ней... Я сделал глупость, что заговорил с ней, а глупость не стоит того, чтобы о ней много говорили...

Анна Петровна. Для чего Трилецкий пошел за ней? Не всем женщинам приятно, если видят их слезы.

Глагольев 1. Уважаю я в женщинах эту чуткость... Особенного ничего ведь вы... не сказали ей, кажется, но... Один намек, словечко...

Анна Петровна. Нехорошо, Михаил Васильич, плохо.

Платонов. Я извинился, Анна Петровна.

Входят Войницев, Софья Егоровна и Венгерович 2.

Явление XIII

Те же, Войнищев, Софья Егоровна, Венгерович 2 и потом Трилецкий.

Войнищев (вбегают). Идет, идет! (Поет.)
Идет!

Венгерович 2 становится у дверей, скрестив на груди руки.

Анна Петровна. Наконец-то Софи надоел этот несносный зной! Милости просим!

Платонов (в стороне). Соня! Творец небесный, как она изменилась!

Софья Егоровна. Я так заболталась с м-г Венгеровичем, что совершенно забыла про зной... (Садится на диван на аршин от Платонова.) Я в восторге от нашего сада, Сергей.

Глагольев 1 (садится возле Софьи Егоровны). Сергей Павлович!

Войнищев. Что прикажете?

Глагольев 1. Софья Егоровна, милейший мой друг, дала мне слово, что в четверг вы все будете у меня.

Платонов (в сторону). На меня посмотрела!

Войнищев. Мы и сдержим это слово. Прикатим к вам целой компанией...

Трилецкий (*входит*). О женщины, женщины! сказал Шекспир и сказал неправду. Нужно было сказать: ах вы, женщины, женщины!

Анна Петровна. Где Марья Ефимовна?

Трилецкий. Я ее в сад проводил. Пусть себе пошляется с горя!

Глагольев 1. Вы у меня еще ни разу не были, Софья Егоровна! У меня вам, надеюсь, понравится... Сад получше вашего, река глубокая, лошадки есть хорошие...

Пауза.

Анна Петровна. Молчание... Дурак родился.

Смех.

Софья Егоровна (*тихо Глагольеву, кивая на Платонова*). Кто это такой? Вот этот, что рядом со мной сидит!

Глагольев 1 (*смеется*). Это наш учитель... Фамилии не знаю...

Бугров (*Трилецкому*). Скажите мне на милость, Николай Иваныч, вы всякие болезни лечить можете или не всякие?

Трилецкий. Всякие.

Бугров. И сибирку?

Трилецкий. И сибирку.

Бугров. А ежели собака бешеная укусит, и это можете?

Трилецкий. А вас бешеная собака укусила? *(Отодвигается от него.)*

Бугров *(конфузится)*. Боже меня сохрани! Что это вы, Николай Иваныч! Христос с вами! Смех.

Анна Петровна. Как к вам ехать, Порфирий Семеныч? Через Юсновку?

Глагольев 1. Нет... Круг дадите, если поедете через Юсновку. Езжайте прямо на Платоновку. Я обитаю почти что в самой Платоновке, в двух верстах от нее.

Софья Егоровна. Я знаю эту Платоновку. Она всё еще существует?

Глагольев 1. Как же...

Софья Егоровна. Я когда-то с ее помещиком была знакома, с Платоновым. Сергей, ты не знаешь, где теперь этот Платонов?

Платонов *(в сторону)*. Спросила бы она у меня, где он.

Войницев. Кажется, знаю. Не помнишь ли, как его зовут? *(Смеется.)*

Платонов. Я тоже когда-то был с ним знаком. Его зовут, кажется, Михаилом Васильи-

чем.

Смех.

Софья Егоровна. Да, да... Его зовут Михаилом Васильичем. Когда я была с ним знакома, он был еще студентом, почти мальчиком... Вы смеетесь, господа... А я, право, ничего не нахожу остроумного в моих словах...

Анна Петровна (*хохочет и указывает на Платонова*). Да узнайте же его, наконец, а то он лопнет от нетерпения!

Платонов поднимается.

Софья Егоровна (*поднимается и смотрит на Платонова*). Да... он. Что же вы молчите, Михаил Васильич?.. Неужели... это вы?

Платонов. Не узнаете, Софья Егоровна? И немудрено! Прошло четыре с половиной года, почти пять лет, а никакие крысы не в состоянии изгрызть так хорошо человеческую физиономию, как мои последние пять лет.

Софья Егоровна (*подает ему руку*). Я теперь только начинаю узнавать вас. Как вы изменились!

Войницев (*подводит к Софье Егоровне Сашу*). А это, рекомендую тебе, его жена!.. Александра Ивановна, сестра остроумнейшего из

людей — Николая Иваныча!

Софья Егоровна (подает Саше руку).
Очень приятно. (Садится.) Вы уж и женаты!..
Давно ли? Впрочем, пять лет...

Анна Петровна. Молодец, Платонов! Он
нигде не бывает, но всех знает. Это, Софи, ре-
комендую вам, наш друг!

Платонов. Этой роскошной рекомендации
достаточно для того, чтобы иметь право спро-
сить вас, Софья Егоровна, как вы вообще по-
живаете? Как ваше здоровье?

Софья Егоровна. Поживаю вообще очень
сносно, но здоровье плоховато. Вы как жи-
ваете? Что подельваете теперь?

Платонов. Со мной судьба моя сыграла то,
чего я ни в каком случае не мог предполагать
в то время, когда вы видели во мне второго
Байрона, а я в себе будущего министра ка-
ких-то особенных дел и Христофора Колумба.
Я школьный учитель, Софья Егоровна, только
всего.

Софья Егоровна. Вы?

Платонов. Да, я...

Пауза

Пожалуй, что немножко и странно...

Софья Егоровна. Невероятно! Почему же...
Почему же не больше?

Платонов. Мало одной фразы, Софья Егоровна, чтобы ответить на ваш вопрос...

Пауза.

Софья Егоровна. Университет вы по крайней мере кончили?

Платонов. Нет. Я его бросил.

Софья Егоровна. Гм... Это все-таки не мешает ведь вам быть человеком?

Платонов. Виноват... Я не понимаю вашего вопроса...

Софья Егоровна. Я неясно выразилась. Это вам не мешает быть человеком... тружеником, хочу сказать, на поприще... ну хоть, например, свободы, эмансипации женщин... Не мешает это вам быть служителем идеи?

Трилецкий (*в сторону*). Завралась!

Платонов (*в сторону*). Вот как! Гм... (*Ей*.) Как вам сказать? Пожалуй, что это и не мешает, но... чему же мешать-то? (*Смеется*.) Мне ничто не может мешать... Я лежащий камень. Лежачие камни сами созданы для того, чтоб мешать...

Входит Щербук.

Явление XIV

Те же и Щербук.

Щербук (в дверях). Лошадям овса не давай: плохо везли!

Анна Петровна. Ура! Мой кавалер пришел!

Все. Павел Петрович!

Щербук (молча целует у Анны Петровны и Саши руку, молча кланяется мужчинам, каждому отдельно и отдает общий поклон). Друзья мои! Скажите мне, недостойному субъекту, где та особа, видеть которую душа моя стремится? Подозрение имею и думаю, что эта особа — оне! (Указывает на Софью Егоровну.) Анна Петровна, позвольте мне просить вас отрекомендовать меня им, чтобы они знали, что я такой за человек!

Анна Петровна (берет его под руку и подводит к Софье Егоровне). Отставной гвардии корнет Павел Петрович Щербук!

Щербук. А касательно чувств?

Анна Петровна. Ах да... Наш приятель, сосед, кавалер, гость и кредитор.

Щербук. Действительно! Друг первейший его превосходительства покойничка генера-

ла! Под предводительством его брал крепости, именуемые женским полонезом. *(Кланяется.)* Позвольте ручку-с!

Софья Егоровна *(протягивает руку и отдергивает ее назад)*. Очень приятно, но... не нужно.

Щербук. Обидно-с... Вашего супруга на руках носил, когда он еще под стол пешком ходил... Я от него знак имею и знак сей в могилу унесу. *(Открывает рот.)* В-во! Зуба нет! Замечаете?

Смех.

Я его на руках держал, а он, Сереженька-то, пистолетом, коим забавляться изволил, мне по зубам реприманду устроил. Хе, хе, хе... Шалун! Вы его, матушка, не имею чести знать имени и отчества, в строгости содержите! Красотой своей вы мне одну картину напоминаете... Носик только не такой... Не дадите ручки?

Петрин подсаживается к Венгеровичу 1 и читает ему вслух газету.

Софья Егоровна *(протягивает руку)*. Если вы уж так...

Щербук *(целует руку)*. Мерсі вас! *(Плато-*

нову.) Как здоровье, Мишенька? Молодец-то какой вырос! *(Садится.)* Я знал тебя еще в тот период, когда ты на свет божий с недоумением глядел... И всё растет, и всё растет... Тьфу! чтоб не сглазить! Молодчина! Красавец-то какой! Ну чего, купидон, по военной не идешь?

Платонов. Грудью слаб, Павел Петрович!

Щербук *(указывает на Трилецкого)*. Он сказал? Верь ему, свистуну, так без головы останешься!

Трилецкий. Прошу не ругаться, Павел Петрович!

Щербук. Он мне поясницу лечил... Того не ешь, другого не ешь, на полу не спи... Ну и не вылечил. Я его и спрашиваю: «Зачем же ты деньги взял, а не вылечил?» А он и говорит: «Что-нибудь из двух, говорит, или лечить, или деньги брать». Каков молодец?

Трилецкий. Для чего же врать, Вельзевул Буцефалович? Сколько вы мне дали денег, позвольте вас спросить? Припомните-ка! Съездил я к вам шесть раз и получил только всего рубль, да еще порванный рубль... Хотел его нищему дать, да нищий не взял. «Порван, говорит, очень, номеров нет!»

Щербук. И ездил шесть раз не потому, что я болен был, а потому, что у моего арендатора дочка кельк шоз[10].

Трилецкий. Платонов, ты близко к нему сидишь... Щелкни его раз от моего имени по лысине! Сделай милость!

Щербук. Отстань! Довольно! Не раздражай спящего льва! Молод еще, еле видим! (*Платонову.*) И отец твой был молодец! Мы с ним, с покойничком, большие друзья были. Штукарь он был! Теперь таких и нет проказников, какими мы с ним были... Эхх. Прошло время... (*Петрину.*) Герася! Побойся всевышнего! Мы здесь беседуем, а ты вслух читаешь! Имей деликатность!

Петрин продолжает читать.

Саша (*толкает Ивана Ивановича в плечо*). Папа! Папа, не спи здесь! Стыдно!

Иван Иванович просыпается и чрез минуту опять засыпает.

Щербук. Нет... Не могу я говорить!.. (*Встает.*) Его слушайте... Он читает!..

Петрин (*встает и подходит к Платонову*). Что вы сказали-с?

Платонов. Решительно ничего...

Петрин. Нет, вы что-то сказали-с... Вы сказали что-то про Петрина...

Платонов. Вам приснилось, должно быть...

Петрин. Критикуете-с?

Платонов. Ничего я не говорил! Уверяю вас, что вам это приснилось!

Петрин. Можете говорить, сколько вам угодно... Петрин... Петрин... Что Петрин? *(Кладет газету в карман.)* Петрин, может быть, в университете обучался, кандидат прав, может быть... Вам это известно?.. Ученое звание за мной до гроба останется... Так-то-с. Надворный советник... Вам это известно? И пожил побольше вашего. Шестой десяток, слава богу, доживаю.

Платонов. Очень приятно, но... что же из этого следует?

Петрин. Поживите с мое, душенька, так узнаете! Жизнь пережить не шутка! Жизнь кусается...

Платонов *(пожимает плечами)*. Право, не знаю, что вы хотите этим сказать, Герасим Кузьмич... Я вас не понимаю... Начали вы о себе, а с себя съехали на жизнь... Что может быть общего между вами и жизнью?

Петрин. Вот как поломает вас жизнь, потрясет хорошенечко, тогда сами на молодых с предостережением смотреть станете... Жизнь, сударь мой... Что такое жизнь? А вот что-с! Когда родится человек, то идет на одну из трех дорог жизненных, кроме которых других путей не имеется: пойдешь направо — волки тебя съедят, пойдешь налево — сам волков съешь, пойдешь прямо — сам себя съешь.

Платонов. Скажите... Гм... Вы пришли к этому умозаключению путем науки, опыта?

Петрин. Путем опыта.

Платонов. Путем опыта... *(Смеется.)* Говорите, почтенный Герасим Кузьмич, кому-нибудь другому, а не мне... Вообще бы я вам советовал не говорить со мной о высоких материях... И смеюсь, и, ей-богу, не верю. Не верю я вашей старческой, самоделковой мудрости! Не верю, друзья моего отца, глубоко, слишком искренно не верю вашим простым речам о мудреных вещах, всему тому, до чего вы дошли своим умом!

Петрин. Да-с... Действительно... Из молодого деревца всё сделаешь: и домик, и корабль, и всё... а старое, широкое да высокое, ни к

черту не годится...

Платонов. Я не говорю вообще про стариков; я говорю про друзей моего отца.

Глагольев 1. Я тоже был другом вашего отца, Михаил Васильич!

Платонов. Мало ли у него было друзей... Бывало, весь двор был запружен каретами да колясками.

Глагольев 1. Нет... Но, значит, и мне вы не верите? *(Хохочет.)*

Платонов. Гм... Как вам сказать?.. И в вас, Порфирий Семеныч, плохо верю.

Глагольев 1. Да? *(Протягивает ему руку.)* Спасибо, дорогой мой, за откровенность! Ваша откровенность еще более привязывает меня к вам.

Платонов. Вы добряк... Я даже глубоко уважаю вас, но... но...

Глагольев 1. Пожалуйста, говорите!

Платонов. Но... но нужно быть слишком доверчивым, чтобы верить в тех фонвизинских солидных Стародумов и сахарных Милонов, которые всю свою жизнь ели щи из одной чашки со Скотиниными и Простаковыми, и в тех сатрапов, которые потому только

и святые, что не делают ни зла, ни добра. Не рассердитесь, пожалуйста!

Анна Петровна. Не люблю я подобных бесед, а в особенности, если они ведутся Платоновым... Всегда плохо оканчиваются. Михаил Васильич, рекомендую вам нашего нового знакомого! *(Указывает на Венгеровича 2.)* Исаак Абрамович Венгерович, студент...

Платонов. А... *(Встает и идет к Венгеровичу 2.)* Очень приятно! Очень рад. *(Протягивает руку.)* Дорого я дал бы теперь, чтобы иметь право опять называться студентом...

Пауза.

Я вам руку подаю... Берите же мою или дайте мне свою...

Венгерович 2. Я не сделаю ни того, ни другого...

Платонов. Что?

Венгерович 2. Я не подам вам своей руки.

Платонов. Загадка... Почему-с?

Анна Петровна *(в сторону).* Черт знает что!

Венгерович 2. Потому что я имею на это основание... Я презираю таких людей, как вы!

Платонов. Брависсиме... *(Осматривает)*

его.) Я сказал бы вам, что это мне ужасно нравится, если бы это не пощекотало вашего самолюбия, которое нужно побережь для будущего...

Пауза.

Вы смотрите на меня, точно великан на пигмея. Может быть, вы и в самом деле великан.

Венгерович 2. Я честный человек и не пошляк.

Платонов. С чем вас и поздравляю... Странно было бы видеть в молодом студенте нечестного человека... О вашей честности вас никто и не спрашивает... Не дадите руки, юноша?

Венгерович 2. Я не подаю милостыни.

Трилецкий шикает.

Платонов. Не подаете? Ваше дело... Я о приличии говорю, а не о милостыне... Сильно презираете?

Венгерович 2. Насколько это возможно для человека, всей душой ненавидящего пошлость, тунеядство, фиглярство...

Платонов (*вздыхает*). Давно уж я не слышал таких речей... Что-то слышится родное в

звонких песнях ямщика!.. И я когда-то был мастером рассыпаться... Только, к сожалению, всё это фразы... Милые фразы, но только фразы... Чутьочку бы искренности... Фальшивые звуки ужасно действуют на непривычное ухо...

Венгерович 2. Не прекратить ли нам этот разговор?

Платонов. Для чего? Нас охотно слушают, да и мы еще не успели надоест друг другу... Давайте еще побеседуем в том же духе...

Вбегает Василий и за ним Осип.

Явление XV

Те же и Осип.

Осип (*входит*). Кгм... Честь имею и удовольствие поздравить ваше превосходительство с приездом...

Пауза.

Желаю вам всего того, что вы от бога желаете.

Смех.

Платонов. Кого вижу?! Чертов кум! Самый страшный из людей! Ужаснейший из смертных!

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста! Вас

недоставало! Зачем пришел?

Осип. Поздравить.

Анна Петровна. Очень нужно! Проваливай!

Платонов. Ты ли это, во тьму ночей и в свет дня вселяющий грозный ужас? Давно уж я не видел тебя, человекоубийца, шестьсот шестьдесят шесть! Ну, приятель? Распространись о чем-нибудь! Вонмем великому Осипу!

Осип *(кланяется)*. С приездом, ваше превосходительство! Сергею Павлычу! С браком с законным! Дай бог, чтоб всё... что касательно семейства выходило лучше... всего! Дай бог!

Войницев. Спасибо! *(Софье Егоровне.)* Это, Софи, рекомендую тебе, наше войницевское пугало!

Анна Петровна. Не держите его, Платонов! Пусть уходит! Я на него сердита. *(Осипу.)* Скажешь на кухне, чтобы тебе дали пообедать... Экие ведь какие зверские глаза! Много за зиму нашего леса накрал?

Осип *(смеется)*. Деревца три-четыре...

Смех.

Анна Петровна *(смеется)*. Врешь, больше! У него и цепочка есть! Скажите! Это золотая

цепочка? Позвольте узнать, который час?

Осип (*смотрит на стенные часы*). Двадцать две минуты второго... Позвольте мне вашу ручку поцеловать!

Анна Петровна (*подносит к его губам руку*). На, целуй...

Осип (*целует руку*). Очень вам благодарен, ваше превосходительство, за ваше сочувствие! (*Кланяется*.) Что вы за меня держитесь, Михаил Васильич!

Платонов. Боюсь, чтобы ты не ушел. Люблю тебя, милый! Какой молодец, черт тебя задери совсем! Каким это образом, мудрый, тебя угораздило попасть сюда?

Осип. За дураком гнался, за Василием, да и зашел кстати.

Платонов. Умный гнался за дураком, а не наоборот! Честь имею, господа, представить! Интереснейший субъект! Одно из интереснейших кровожадных животных современного зоологического музея! (*Поворачивает Осипа на все стороны*). Известен всем и каждому как Осип, конокрад, чужеяд, человекоубийца и вор. Родился в Войницевке, грабил и убивал в Войницевке и пропадет в той же

Войницевке!

Смех.

Осип (*смеется*). Чудной вы человек, Михаил Васильич!

Трилецкий (*рассматривает Осипа*). Чем занимаешься, любезный?

Осип. Воровством.

Трилецкий. Гм... Приятное занятие... Какой же ты, однако, циник!

Осип. Что значит циник?

Трилецкий. Циник слово греческое, в переводе на твой язык значущее: свинья, желанная, чтобы весь свет знал, что она свинья.

Платонов. Он улыбается, боги! Что это за улыбка! А лицо-то, лицо! В этом лице сто пудов железа! Не скоро разобьешь его о камень! (*Подводит его к зеркалу.*) Посмотри-ка, чудовище! Видишь? И ты не удивляешься?

Осип. Самый обыкновенный человек! Даже хуже...

Платонов. Будто бы? А не богатырь? Не Илья Муромец? (*Хлопает его по плечу.*) О храбрый, победоносный росс! Что мы теперь значим с тобой? Шляемся из угла в угол мелкими людишками, чужадами, места своего

не знаем... Нам бы с тобой пустыню с витязями, нам бы с тобой богатырей с стопудовыми головами, с шипом, с посвистом! Уколотил бы Соловья Разбойника? а?

Осип. А кто ж его знает!

Платонов. Уколотил бы! Ведь у тебя силища! Это не мускулы, а канаты! Кстати, отчего ты не на каторге?

Анна Петровна. Кончите, Платонов! Право, надоело.

Платонов. Ты сидел хоть раз в остроге, Осип?

Осип. Случается... Каждую зиму сижу.

Платонов. Так и следует... В лесу холодно — иди в острог. Но отчего же ты не на каторге?

Осип. Не знаю... Пустите, Михаил Васильич!

Платонов. Ты не от мира сего? Ты вне времени и пространства? Ты вне обычаев и закона?

Осип. Позвольте-с... В законе написано, что только тогда пойдешь в Сибирь, когда на тебя обстоятельно докажут или на месте преступления поймают... Всякому, положим, из-

вестно, что я, положим, вор да разбойник (смеется), да не всякий доказать это может... Гм... Не смел нонче народ стал, глуп, неумный то есть... Боится всего... Ну и доказать боится... Выслать бы мог, да законов не понимает... Всё ему страшно... Осел нонче народ стал, одним словом... Всё норовит исподтишка, артелью... Пакостный народ, плевый... Невежество... И обижать такой народ не жалко...

Платонов. Как он важно рассуждает, подлец! Своим умом дошел, отвратительное животное! И он ведь на основании теорий... (Вздыхает.) Какая гадость еще возможна в России!..

Осип. Не один я так рассуждаю, Михаил Васильич! Все нонче так рассуждают. Да вот, например, хоть Абрам Абрамыч...

Платонов. Да, но и этот тоже незаконный... Всяк знает, да не всяк докажет.

Венгерович 1. Меня, полагаю, можно оставить в покое...

Платонов. Про него и толковать нечего... Это подобие твое; разница только в том, что он умней тебя и счастлив, как аркадский пастушок. Ну и... в глаза нельзя назвать, а тебя

можно. Одного поля ягоды, но... Шестьдесят кабаков, друг мой, шестьдесят кабаков, а у тебя и шестидесяти копеек нет!

Венгерович 1. Шестьдесят три кабака.

Платонов. Через год будет семьдесят три... Он благодеяния делает, обеды дает, всеми уважаем, все перед ним шапку ломают, ну а ты... ты великий человек, но... жить, брат, не умеешь! Не умеешь жить, вредный человек!

Венгерович 1. Вы начинаете фантазировать, Михаил Васильич! *(Встает и садится на другой стул.)*

Платонов. На этой голове и громоотводов больше... Проживет преспокойно еще столько же, сколько и жил, если не больше, и умрет... и умрет ведь спокойно!

Анна Петровна. Перестаньте, Платонов!

Войницев. Помирней, Михаил Васильич! Осип, уходи отсюда! Своим присутствием ты только раздражаешь платоновские инстинкты.

Венгерович 1. Ему хочется выгнать меня отсюда, но не удастся!

Платонов. Удастся! Не удастся, сам уйду.

Анна Петровна. Платонов, вы не переста-

нете? Вы не распространяйтесь, а прямо говорите: перестанете вы или нет?

Саша. Замолчи, ради бога! *(Тихо.)* Неприлично! Ты меня срамишь!

Платонов *(Осипу)*. Проваливай! От души желаю тебе скорейшего исчезновения!

Осип. У Марфы Петровны есть попугайчик, который всех людей да собак называет дураками, а как завидит коршуна или Абрама Абрамыча, то и кричит: «Ах ты, проклятый!» *(Хохочет.)* Прощайте-с! *(Уходит.)*

Явление XVI

Те же без Осипа.

Венгерович 1. Кто бы, да не вы, молодой человек, позволяли себе читать мне мораль и еще в такой форме. Я гражданин и, скажу правду, полезный гражданин... Я отец, а вы кто? Кто вы, молодой человек? Извините, хлыщ, промотавшийся помещик, взявший в свои руки святое дело, на которое вы не имеете ни малейшего права, как испорченный человек...

Платонов. Гражданин... Если вы гражданин, то это очень нехорошее слово! Ругательное слово!

Анна Петровна. Он не перестанет! Платонов, зачем отравлять нам день своим резонерством? Зачем говорить лишнее? И имеете ли вы право?

Трилецкий. Не покойно живется с этими справедливейшими и честнейшими... Всюду вмешиваются, везде у них дело, всё до них касается...

Глагольев 1. Начали, господа, о здравии, а оканчиваете за упокой...

Анна Петровна. Не следует, Платонов, забывать того, что если гости бранятся, то хозяйева чувствуют себя очень неловко...

Войницев. Это справедливо, а посему с этой же минуты всеобщее тссс... Мир, согласие и тишина!

Венгерович 1. Не дает и минуты покоя! Что я ему сделал? Это шарлатанство!

Войницев. Тссс...

Трилецкий. Пусть себе бранятся! Нам же веселей.

Пауза.

Платонов. Как поглядишь вокруг себя, да подумаешь серьезно, в обморок падаешь!.. И что хуже всего, так это то, что всё мало-маль-

ски честное, сносное молчит, мертвецки молчит, только смотрит... Всё смотрит на него с боязнью, всё кланяется до земли этому ожиревшему, позолоченному выскочке, всё обязательно ему от головы до пяток! Честь в трубу вылетела!

Анна Петровна. Успокойтесь, Платонов! Вы начинаете прошлогоднюю историю, а я не выношу этого!

Платонов (*пьет воду*). Ладно. (*Садится.*)

Венгерович 1. Ладно.

Пауза.

Щербук. Мученик я, друзья мои, мученик!

Анна Петровна. Что там еще?

Щербук. Горе мне, друзья мои! Лучше в гробу лежать, чем с женою ехидною жить! Опять материя была! Чуть не убила меня неделю тому назад со своим дьяволом, рыжим Дон-Жуаном. Сплю я себе на дворе под яблонькой, сны вкушаю, на прошлые картины во сне с завистью поглядываю... (*Вздыхает.*) Вдруг... Вдруг как шарахнет меня кто-то по голове моей! Господи! Конец, думаю, пришел! Землетрясение, борьба стихий, потоп, дождь огненный... Открываю глаза, а передо

мною рыжий... Схватил меня рыжий за бока, да как даст со всего размаху по этим местам, а потом шлеп меня о землю! Подскочила люта... Схватила меня за мою невинную бороду (*хватает себя за бороду*), а тут не пообедаете! (*Бьет себя по лысине*). Чуть не убили... Думал, что богу душу отдам...

Анна Петровна. Вы преувеличиваете, Павел Петрович...

Щербук. Старуха ведь, старей всех на свете, ни кожи, ни рожи у старой кочерги, а туда же... любовь! Ах ты, ведьма! А рыжему это и на руку... Ему денежки нужны мои, а любовь ее ему не нужна...

Яков входит и подает Анне Петровне визитную карточку.

Войницев. От кого это?

Анна Петровна. Перестаньте, Павел Петрович! (*Читает.*) «Comte Glagolief»[11]. К чему эти церемонии? Пожалуйста, проси! (*Глагольеву 1.*) Ваш сын, Порфирий Семеныч!

Глагольев 1. Мой сын?! Откуда он мог взяться? Он за границей!

Входит Глагольев 2.

Явление XVII

Те же и Глагольев 2.

Анна Петровна. Кирилл Порфирьич! Как это любезно!

Глагольев 1 (*встает*). Ты, Кирилл... приехал? (*Садится.*)

Глагольев 2. Здравствуйте, mesdames! Платонову, Венгеровичу, Трилецкому... И чудак Платонов здесь... Салют, почет и уважение! Ужасно жарко в России... Прямо из Парижа! Прямехонько из французской земли! Ф-ф... Не верите? Честное и благородное слово! Домой только чемодан завез... Ну, да и Париж же, господа! Вот город!

Войницев. Садитесь, французский человек!

Глагольев 2. Нет, нет, нет... Я не в гости приехал, я так только... Мне одного только отца нужно видеть... (*Отцу.*) Ты что же это, послушай?

Глагольев 1. Что такое?

Глагольев 2. Ты ссориться хочешь? Ты зачем не присылал мне денег, когда я просил, а?

Глагольев 1. Дома об этом потолкуем.

Глагольев 2. Почему ты не присылал мне

денег? Ты смеешься? Тебе всё шутки? Ты шутишь? Господа, можно за границей жить без денег?

Анна Петровна. Как вам жилось в Париже? Вы сядьте, Кирилл Порфирьич!

Глагольев 2. По его милости я воротился с одной только зубочисткой! Я послал ему из Парижа тридцать пять телеграмм! Почему ты не присылал мне денег, я тебя спрашиваю? Краснеешь? Стыдно?

Трилецкий. Не кричите, пожалуйста, ваше сиятельство! Будете кричать, пошлю судебному следователю вашу визитную карточку и привлеку вас к судебной ответственности за присвоение не принадлежащего вам графского титула! Неприлично!

Глагольев 1. Не делай, Кирилл, скандала! Я полагал, что шести тысяч будет достаточно. Успокойся!

Глагольев 2. Дай мне денег, я опять поеду! Давай сейчас! Сейчас давай! Еду! Давай скорей! Я спешу!

Анна Петровна. Куда вы так спешите? Успеете! Расскажите-ка нам лучше что-нибудь из своего путешествия...

Яков (входит). Готово-с!

Анна Петровна. Да? В таком случае, господа, идемте есть!

Трилецкий. Есть? Ура-а-а! (Хватает одной рукой за руку Сашу, а другой Глагольева 2 и бежит.)

Саша. Пусти! Пусти, сорванец! Я сама пойду!

Глагольев 2. Пустите! Что за свинство? Я не люблю шуток! (Вырывается.)

Саша и Трилецкий убегают.

Анна Петровна (берет Глагольева 2 под руку). Пойдемте-ка, парижанин! Нечего кипятиться попусту! Абрам Абрамыч, Тимофей Гордеич... Прошу! (Уходит с Глагольевым 2.)

Бугров (встает и потягивается). Пока дождешься этого завтрака, так весь слюной изойдешь. (Уходит.)

Платонов (подает Софье Егоровне руку). Вы позволите? Какие у вас удивленные глаза! Для вас этот мир — неведомый мир! Это мир (тише) глупцов, Софья Егоровна, глупцов набитых, невылазных, безнадежных... (Уходит с Софьей Егоровной.)

Венгерович 1 (сыну). Теперь видел?

Венгерович 2. Это оригинальнейший негодяй! *(Уходит с отцом.)*

Войницев *(толкает Ивана Ивановича).*

Иван Иваныч! Иван Иваныч! Завтракать!

Иван Иванович *(вскакивает).* А? Кто?

Войницев. Никто... Завтракать идемте!

Иван Иванович. Очень хорошо, душенька!

Уходит с Войницевым и Щербуком.

Явление XVIII

Петрин и Глагольев 1.

Петрин. Хочешь?

Глагольев 1. Я не прочь... Я уже говорил тебе!

Петрин. Голубчик... Непременно женишься?

Глагольев 1. Не знаю, братец. Захочет ли она еще?

Петрин. Захочет! Побей меня бог, захочет!

Глагольев 1. Кто знает? Предполагать не следует... Чужая душа потемки. Ты-то чего так хлопчешь?

Петрин. О ком же мне хлопотать, душенька? Ты человек хороший, она такая славная... Хочешь, я с ней поговорю?

Глагольев 1. Я и сам поговорю. Ты молчи

пока и... если можно, пожалуйста, не хлопочи! Я и сам сумею жениться. (*Уходит.*)

Петрин (*один*). Вот ежели б сумел! Святые угодники, войдите в мое положение!.. Выйди генеральша за него, я богатый человек! По вексялям получу, святые угодники! Даже аппетит пропал от этой радостной мысли. Венчаются рабы божии Анна и Порфирий или, то бишь, Порфирий и Анна...

Входит Анна Петровна.

Явление XIX

Петрин и Анна Петровна.

Анна Петровна. Вы же чего не идете завтракать?

Петрин. Матушка, Анна Петровна, можно вам намек сделать?

Анна Петровна. Делайте, только поскорей, пожалуйста... Мне некогда...

Петрин. Гм... Не дадите вы мне немножко деньжат, матушка?

Анна Петровна. Какой же это намек? Это далеко не намек. Сколько вам нужно? Рубль, два?

Петрин. Сделайте умаление вексялям. Надоело глядеть на вексяля эти... Вексяля — это

одна только обманчивость, мечта туманная. Они говорят: ты владеешь! А на деле-то выходит, что ты вовсе не владеешь.

Анна Петровна. Вы всё про те же шестнадцать тысяч толкуете? Как вам не стыдно? Неужели вас ничто не коробит, когда вы клянчите этот долг? Как вам не грешно? На что вам, старику холостому, сдались эти нехорошие деньги?

Петрин. Они мне сдались, потому что они мои, матушка.

Анна Петровна. Вы эти векселя выманили у моего мужа, когда он был не трезв, болен... Вы это помните?

Петрин. Что ж такое, матушка? А на то они и векселя, чтоб по ним денежки требовались и платились. Деньги счет любят.

Анна Петровна. Хорошо, хорошо... Довольно. Денег у меня нет и не будет для вашего брата! Убирайтесь, протестуйте! Эх вы, кандидат прав! Ведь вы на днях умрете, для чего же мошенничаете? Чудак вы!

Петрин. Можно вам, матушка, намек сделать?

Анна Петровна. Нельзя. *(Идет к двери.)*

Ступайте жевать!

Петрин. Позвольте, матушка! Родненькая, на минуточку! Вам Порфиша нравится?

Анна Петровна. Вам какое дело? Какое вам дело до меня, кандидат вы этакий!

Петрин. Какое дело? *(Бьет себя по груди.)* А кто, позвольте вас спросить, первым другом покойного генерал-майора был? Кто ему глаза на смертном одре закрыл?

Анна Петровна. Вы, вы, вы! Молодец вы за это!

Петрин. Пойду выпью за упокой его души... *(Вздыхает.)* И за ваше здравие! Горды и надменны, сударыня! Гордость порок есть... *(Уходит.)*

Входит Платонов.

Явление XX

Анна Петровна и Платонов.

Платонов. Черт знает что за самолюбие! Его гонишь, а он сидит, как ни в чем не бывало... Вот уж воистину хамское барышническое самолюбие! О чем мыслите, превосходительная?

Анна Петровна. Вы успокоились?

Платонов. Успокоился... Но не будем сер-

даться... (*Целует ее руку.*) Все они, наша дорогая генеральша, достойны того, чтобы всякий имел право выгнать их из вашего дома...

Анна Петровна. С каким удовольствием я сама бы, невыносимый Михаил Васильич, прогнала этих гостей!.. В том и вся наша беда, что честь, о которой вы сегодня трактовали на мой счет, удобоварима только в теории, но никак не в практике. Ни я и ни ваше красноречие не имеем права прогнать их. Ведь всё это наши благодетели, кредиторы... Погляди я на них косо — и завтра же нас не будет в этом имении... Или имение, или честь, как видите... Выбираю имение... Понимайте это, милый пустослов, как хотите, и если вам угодно, чтобы я не уехала из прекрасных здешних мест, то не напоминайте мне о чести и не трогайте моих гусей... Меня зовут там... Сегодня после обеда едем кататься... Не смей уходить! (*Бьет его по плечу.*) Заживем! Идемте есть! (*Уходит.*)

Платонов (*после паузы*). А все-таки я его выгоню... Я всех выгоню!.. Глупо, нетактично, но... выгоню... Дал себе слово не трогать этого свинства, но что поделаешь? Характер — сти-

хия, а бесхарактерность и подавно...

Входит Венгерович 2.

Явление XXI

Платонов и Венгерович 2.

Венгерович 2. Послушайте, господин учитель, я советовал бы вам не трогать моего отца.

Платонов. Мерсі за совет.

Венгерович 2. Я не шучу. Мой отец знаком с очень многими и поэтому легко может лишитъ вас места. Я вас предостерегаю.

Платонов. Великодушный юноша! Как вас зовут?

Венгерович 2. Исаак.

Платонов. Авраам, значит, роди Исака. Благодарю вас, великодушный юноша! В свою очередь потрудитесь передать вашему папаше, что я желаю ему и его многим провалиться сквозь землю! Идите кушать, а то там всё поедят без вас, юноша!

Венгерович 2 (*пожимает плечами и идет к двери*). Странно, если не глупо... (*Останавливается.*) Не думаете ли вы, что я сержусь на вас за то, что вы не даете покоя моему отцу? Ничуть. Я поучаюсь, а не сержусь... Я изучаю

на вас современных Чацких и... я понимаю вас! Если бы вам было весело, если бы не было так бездельнически скучно, то, поверьте, вы не трогали бы моего отца. Вы, господин Чацкий, не правды ищете, а увеселяетесь, забавляетесь... Дворни у вас теперь нет, надо же кого-нибудь распекать! Ну и распекаете всех и вся...

Платонов (*смеется*). Ей-богу, славно! А у вас, знаете ли, есть этакое маленькое соображение...

Венгерович 2. Замечательно то отвратительное обстоятельство, что вы никогда не ссоритесь с моим отцом с глазу на глаз, tête-à-tête; вы выбираете для своих увеселений гостиную, где бы вы были видны глупцам во всем своем величии! О, театрал!

Платонов. Желал бы я поговорить с вами лет через десять, даже пять... Как-то вы сохранитесь? Останется ли нетронутым этот тон, этот блеск очей? А ведь попортитесь, юноша! По наукам у вас хорошо идут дела?.. По лицу вижу, что плохо... Попортитесь! Впрочем, идите есть! Я не буду больше беседовать с вами. Мне не нравится ваша злая физиономия...

Венгерович 2 (смеется). Эстетик. (Идет к двери.) Лучше злая физиономия, чем физиономия, напрашивающаяся на пощечину.

Платонов. Да, лучше... Но... ступайте есть!

Венгерович 2. Мы не знакомы... Не забудьте, пожалуйста... (Уходит.)

Платонов (один). Мало знающий, много думающий и из-за угла много говорящий юноша. (Смотрит в дверь столовой.) А вон и Софья. По сторонам смотрит... Меня ищет своими бархатными глазами. Какая она еще хорошенькая! Сколько в ее лице красивого! Волосы всё те же! Тот же цвет, та же прическа... Сколько раз приходилось мне целовать эти волосы! Славные воспоминания навеивает на меня эта головка...

Пауза.

Неужели и для меня уже настала пора довольствоваться одними только воспоминаниями?

Пауза.

Воспоминания вещь хорошая, но... неужели мне-то... уж конец? Ох, не дай бог, не дай бог! Лучше смерть... Надо жить... Жить еще... Молод я еще!

Входит Войнищев.

Явление XXII

Платонов и Войнищев и потом Трилецкий

Войнищев (*входит и вытирает губы салфеткой*). Идемте за здоровье Софи пить, нечего прятаться!.. Ну что?

Платонов. Смотрю и люблюсь на вашу супругу... Чудо барыня!

Войнищев смеется.

Платонов. Большой вы счастливчик!

Войнищев. Да... Я сознаю... Я счастлив. Не то чтобы счастлив, а с точки зрения... нельзя сказать, чтобы совершенно... Но вообще очень счастлив!

Платонов (*смотрит в дверь столовой*). Я давно уже знаю ее, Сергей Павлович! Я ее знаю, как свои пять пальцев. Как она хороша, но как она была хороша! Жаль, что вы ее не знали тогда! Как она хороша!

Войнищев. Да.

Платонов. Глаза-то?!

Войнищев. А волосы?!

Платонов. Она была чудной девушкой!
(*Смеется.*) А моя-то Саша, моя Авдотья, Мат-

рена, Пелагея... Вон она сидит! Чуть видна из-за графина с водкой! Раздражена, взволнована, возмущена моим поведением! Терзается, бедная, мыслью, что все теперь осуждают и ненавидят меня за то, что я поругался с Венгеровичем!

Войницев. Извини за нескромность вопроса... Ты счастлив с ней?

Платонов. Семья, брат... Отними ты у меня ее, и я, кажется, окончательно пропал... Гнездо! Поживешь, узнаешь. Жаль только, что ты мало собачился, цены семье не знаешь. Я свою Сашку и за миллион не продам. Мы с ней сошлись как нельзя лучше... Она глупа, а я никуда не годен...

Трилецкий входит.

(Трилецкому.) Натрескался?

Трилецкий. Страсть. *(Бьет себя по животу.)* Твердыня! Пойдемте-ка, гуси лапчатые, выпьем... Надо бы, господа, для приезда господ... Эх, братцы... *(Обнимает их обоих вместе.)* Да и выпьем же! Эх! *(Потягивается.)* Эх! Жизнь наша человеческая! Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых... *(Потягивается.)* Гуси вы лапчатые! Жулики...

Платонов. У своих больных ты сегодня был?

Трилецкий. Об этом после... Или вот что, Мишель... Говорю тебе раз навсегда. Меня не трогай! Надоел ты мне пуще горькой редьки своими поучениями! Будь человеколюбив! Убедись наконец, что я стена, а ты горох! Или уж если тебе так приспичило, если чешется твой язык, то изложи мне письменно всё то, что тебе нужно. Наизусть выучу! Или, наконец, даже читай мне поучения в определенный час. Даю тебе час в сутки... От четырех до пяти пополудни, например... Хочешь? Я даже платить тебе буду по рублю за этот час. *(Потягивается.)* Целый день, целый день...

Платонов *(Войницеву)*. Объясни мне, пожалуйста, что значит объявление в «Ведомостях»? Неужели в самом-таки деле пришла пора?

Войницев. Нет, не беспокойся! *(Смеется.)* Это маленькая коммерческая комбинация... Будут торги, и имение наше купит Глагольев. Порфирий Семеныч освободит нас от банка, и мы ему, а не банку, будем платить проценты. Это его выдумка.

Платонов. Не понимаю. Какая ему тут выгода?

Дарит он, что ли? Не понимаю я этого подарка, да и едва ли он вам... нужен.

Войницев. Нет... Впрочем, я сам не совсем понимаю... Спроси у татап, она растолкует... Знаю только, что имение после продажи останется за нами и что выплачивать за него мы будем Глагольеву. Матап сейчас же выдает ему своих пять тысяч в уплату. Во всяком случае с банком не так удобно вести дела, как с ним. Ох, да и надоел же мне этот банк! Ты не надоел так Трилецкому, как мне надоел этот банк! Бросим коммерцию! *(Берет Платонова под руку.)* Пойдем, выпьем за наше «ты»! Николай Иванович! Пойдем, брат! *(Берет Трилецкого под руку.)* Выпьемте за наши хорошие отношения, друзья! Пусть судьба лишает меня всего! Пусть пропадут к черту все эти коммерческие комбинации! Были бы живы да здоровы люди, которых я люблю, вы, да моя Соня, да моя мачеха! В вас моя жизнь! Пойдем!

Платонов. Иду. Я выпью за всё и выпью, должно быть, всё! Я давно уже не был пьян, и мне хочется напиться.

Анна Петровна (в дверь). О дружба, это ты! Хороша тройка! (Поет.) Запрягу ль я тройку борзых...

Трилецкий. Темно-карих лошадей... С коньяка начинать, ребята!

Анна Петровна (в дверь). Идите, дармоеды, есть! Простыло всё!

Платонов. Ох, о дружба, это ты! Всегда везло мне в любви, но никогда не везло в дружбе. Боюсь, господа, чтоб и вам не пришлось плакать от моей дружбы! Выпьем за благополучный исход всех дружб, в том числе и нашей! Да будет конец ее так же не бурен и постепенен, как и начало! (Уходят в столовую.)

Конец первого действия

Действие второе

Картина первая

Сад. На первом плане цветник с круговой аллейкой. В центре цветника статуя. На голове статуи площадка. Скамьи, стулья, столики. Направо фасад дома. Крыльцо. Окна открыты. Из окон несутся смех, говор, звуки рояля и скрипки (кадриль, вальсы и проч.). В глубине сада китайская беседка, увешанная фонарями. Над входом в беседку вензель с лите-

рами «С. В.». За беседкой игра в кегли; слышны катание шаров и возгласы: «Пять хороших! Четыре нехороших!» и т. п. Сад и дом освещены. По саду снуют гости и прислуга. **Василий** и **Яков** (в черных фраках, пьяные) развешивают фонари и зажигают плошки.

Явление I

Бугров и Трилецкий (в фуражке с кокардой). **Трилецкий** (выходит из дома под руку с Бугровым). Дай же, Тимофей Гордеич! Ну что тебе стоит дать? Взаймы ведь прошу!

Бугров. Верьте богу, не могу-с! Не обижайте, Николай Иванович!

Трилецкий. Можешь, Тимофей Гордеич! Ты всё можешь! Ты можешь всю вселенную купить и выкупить, только не хочешь! Ведь взаймы прошу! Пойми ты, чудак! Честное слово, не отдам!

Бугров. Видите-с, видите-с? Проговорились касательно неотдачи!

Трилецкий. Ничего не вижу! Вижу одно только твое бесчувствие. Дай, великий человек! Не дашь? Дай, тебе говорят! Прошу, умоляю наконец! Неужели ты такой бесчувственный? Где же твое сердце?

Бугров *(вздыхает)*. Э-хе-хех, Николай Иваныч! Исцелять-то вы не исцеляете, а деньгу тащите...

Трилецкий. Ты хорошо сказал! *(Вздыхает.)* Ты прав.

Бугров *(вынимает бумажник)*. И насмешка тоже по вашей части... Чуть что, сейчас: ха-ха-ха! Нешто можно так? То-то, что не можно... Хоть необразованные, а все же крещенные, как и ваш брат ученый... Ежели я глупо говорю, то вы должны наставить, а не смеяться... Так-то. Мы люди мужики, не пудренные, кожа на нас дубленая, с нас мало и спрашивайте, извиняйте... *(Открывает бумажник.)* В последний раз, Николай Иваныч! *(Считает.)* Один... шесть... двенадцать...

Трилецкий *(смотрит в бумажник)*. Батюшки! А еще говорят, что у русских денег нет! Где ты их набрал столько?

Бугров. Пятьдесят... *(Подает ему деньги.)* В последний раз.

Трилецкий. А это что за бумажка? И ее ты дай. Она на меня так умильно смотрит! *(Берет деньги.)* Дай же и эту бумажку!

Бугров *(дает еще)*. Получите-с! Жадности в

вас много, Николай Иваныч!

Трилецкий. И всё рублевики, и всё рублевики... Милостыню ты собирал, что ли? А они у тебя не фальшивые?

Бугров. Пожалуйста назад, ежели фальшивые!

Трилецкий. Отдал бы назад, ежели бы они тебе были нужны... Мерсі, Тимофей Гордеич! Желаю тебе еще больше потолстеть и медаль получить. Скажи мне, пожалуйста, Тимофей Гордеич, зачем ты такую ненормальную жизнь ведешь? Пьешь много, говоришь басом, потеешь, не спишь, когда следует... Например, отчего ты сейчас не спишь? Ты человек полнокровный, желчный, вспыльчивый, бакалейный, тебе рано ложиться нужно! У тебя и жил больше, чем у других. Можно ли так убивать себя?

Бугров. Но?

Трилецкий. Вот тебе и но! Впрочем, не пугайся... Шучу... Рано тебе еще умирать... Поживешь! Много у тебя денег, Тимофей Гордеич?

Бугров. Хватит на наш век.

Трилецкий. Хороший, умный ты человек,

Тимофей Гордеич, но большой мошенник! Ты меня извини... Я по дружбе... Ведь мы друзья? Большой мошенник! Для чего ты векселя Войнищева скупаешь? Для чего ему деньги даешь?

Бугров. Не вашего ума это дело, Николай Иваныч!

Трилецкий. Хочешь с Венгеровичем шахты генеральшины схапать? Генеральша, мол, сжалится над пасынком, не даст ему погибнуть, отдаст тебе свои шахты? Великий ты человек, но мошенник! Плут!

Бугров. Вот что-с, Николай Иваныч... Я пойду усну где-нибудь около беседочки маленько, а вы, когда станут ужин подавать, меня и разбудите.

Трилецкий. Прелестно! Иди спи.

Бугров (*идет*). А ежели не будут ужина подавать, то разбудите в половину одиннадцатого! (*Уходит к беседке.*)

Явление II

Трилецкий и потом Войнищев.

Трилецкий (*рассматривает деньги*). Мужиком пахнут... Надрал, каналья! Куда же мне их девать? (*Василию и Якову.*) Эй, вы,

вольнонаемники! Василий, позови сюда Якова, Яков, позови сюда Василия! Ползите сюда! Живо!

Яков и Василий *подходят к Трилецкому.*

Они во фраках! Ах, черт возьми! Ужасно вы на господ похожи! *(Дает Якову рубль.)* Это тебе рубль! *(Василию.)* Это тебе рубль! Это вам за то, что у вас носы длинные.

Яков и Василий *(кланяются).* Много довольны, Николай Иваныч!

Трилецкий. Что же вы, славяне, качаетесь? Пьяны? Оба как веревки? Будет же вам от генеральши, коли узнает! По мордасам отлупит! *(Дает еще по рублю.)* Натe еще по рублю! Это за то, что тебя Яковом зовут, а его Василием, а не наоборот. Кланяйтесь!

Яков и Василий *кланяются.*

Совершенно верно! А это вам еще по рублю за то, что меня Николаем Иванычем, а не Иваном Николаевичем зовут! *(Дает еще.)* Кланяйтесь! Так! Смотрите, не пропить! Горького лекарства пропишу! Ужасно вы на господ похожи! Ступайте фонари зажигать! Марш! Довольно с вас!

Яков и Василий *отходят. Войнищев* *прохо-*

дит через сцену.

(Войницеву.) На тебе три рубля!

Войнецев берет деньги, машинально кладет их в карман и уходит в глубину сада.

Поблагодари же!

Выходят из дома **Иван Иванович** и **Саша**.

Явление III

Трилецкий, Иван Иванович и Саша.

Саша (входя). Боже мой! Когда же всему этому конец будет? И за что ты так наказал меня? Этот пьян, Николай пьян, Миша тоже... Хоть бы бога вы побоялись, бессовестные, если людей не стыдитесь! Все смотрят на вас! Мне-то, мне-то каково видеть, как все на вас пальцем указывают!

Иван Иванович. Не то, не то! Постой... Ты меня запутала... Постой...

Саша. Вас в благородный дом пускать нельзя! Не успели войти, как уже и пьяны! У, безобразный! А еще тоже старый! Ты должен пример им подавать, а не то что вместе с ними пить!

Иван Иванович. Постой, постой... Ты меня запутала... О чем бишь я? Да! И не лгу, брат Саша! Верь! Послужи я еще лет пять, генера-

лом был бы! А что ты думаешь, не был бы генералом? Фи!.. *(Хохочет.)* С моим характером да не быть генералом? С моим образованием? Не понимаешь же ты ничего после этого... Ты, значит, не понимаешь...

Саша. Пойдем! Генералы не пьют так.

Иван Иванович. От восторга все пьют! Был бы генералом! Да молчи ты, сделай милость! Вся в мать! Зу-зу-зу... Господи, ей-богу! Та, бывало, день и ночь, день и ночь... То не так, другое не так... Зу-зу-зу... О чем бишь я? Да! И вся ты в покойницу мать, моя крошечка! Вся ты... Вся... И глазки, и волосочки... И ходила та тоже так, как гусочка... *(Целует ее.)* Ангел мой! Вся ты в покойницу... Страсть как любил покойницу! Не уберег, старый Шут Иваныч Балалайкин!

Саша. Будет тебе... Идем! Серьезно, папа... Пора уже тебе оставить выпивку и скандалы. Предоставь это тем здоровилам... Они молодые, а тебе все-таки, старику, не к лицу, право...

Иван Иванович. Слушаю, друг мой! Понимаю! Не буду... Слушаю... Ну да, ну да... Понимаю... О чем бишь я?

Трилецкий (*Ивану Ивановичу*). На тебе, ваше высокоблагородие, сто копеек! (*Дает ему рубль.*)

Иван Иванович. Так-с... Беру, сын мой! Мерси... От чужого не возьму, но от сына своего всегда возьму... Возьму и возрадуюсь... Не люблю, деточки, чужих финансов. И, боже мой, как не люблю! Честен, дети! Честен ваш отец! В жизнь мою ни разу не грабил ни отечества, ни пенатов! А стоило только чуточку руку кое-куда запустить, и был бы богат и славен!

Трилецкий. Похвально, но не нужно, отец, хвастать!

Иван Иванович. Не хвастаю я, Николай! Поучаю, дети мои! Вразумляю... За вас ответ перед творцом дам!

Трилецкий. Куда это вы?

Иван Иванович. Домой. Провожаю вот эту жужелицу... Проводи да проводи... Ввязалась... Вот и провожаю. Самой страшно. Я провожу ее, да опять сюда приду.

Трилецкий. Разумеется, приходи. (*Саше.*) И тебе дать? На и тебе, и тебе на! Три целковых! Тебе три целковых!

Саша. Прибавь кстати и еще два. Мише на летние панталоны куплю, а то у него только одни. А хуже нет, как иметь одни! Во время стирки приходится надевать суконные...

Трилецкий. Я ему никаких бы не дал, ни летних, ни суконных, если бы это от меня зависело: ходи, как знаешь! Но что с тобой поделаешь? На, возьми еще два! *(Дает деньги.)*

Иван Иванович. О чем бишь я? Да... Как теперь помню... Ну да... В генеральном штабе служил, дети мои... Я головой против неприятеля действовал, мозгами турецкую кровь проливал... Штыка не знаю, нет, не знаю... Ну да...

Саша. Что же мы стоим? Пора уже. Прощай, Коля! Идем, папа!

Иван Иванович. Постой! Замолчи ты Христа ради! Тар-тар-тар... Цысарка! Шкворец! Вот как жить надо, дети мои! Честно, благородно, беспорочно... Ну да, ну да... Владимира третьей степени получил...

Саша. Будет тебе, папа! Пойдем!

Трилецкий. Мы и без разглагольствований знаем, что ты за человек... Ступай, провожай!

Иван Иванович. Умнейший ты человек, Николай! Быть тебе Пироговым!

Трилецкий. Ступай, ступай...

Иван Иванович. О чем бишь я? Да... Видал я Пирогова... Когда еще в Киеве был... Ну да, ну да... Умнейший человек... Ничего себе... Так я иду... Идем, Сашурка! Я, дети, ослабел... На панихиду похож стал... Ох, господи, прости нас, грешных! Согрешихом, согрешихом... Ну да, ну да... Грешен, деточки! Теперь Мамону служу, а в молодости богу не молился. Базаристей меня и человека не было... Материя! Штоф унд крафт![12] Ах, господи... Ну да... Молитесь, деточки, чтоб я не умер! Ты уж пошла, Сашурочка? Где ты? Вот где ты... Идем...

Анна Петровна смотрит в окно.

Трилецкий. А сам ни с места... Зарапортовался малый... Ну, ступайте! Мимо мельницы не ходите, собаки порвут.

Саша. На тебе, Коля, его фуражка... Отдай ему, а то простудится...

Трилецкий (*снимает фуражку и надевает ее на отца*). Шествуй, старче! Налево кругом... марш!

Иван Иванович. По-лу-о-брот нааале...вво!

Ну да, ну да... Справедлив ты, Николай! Видит бог, что ты справедлив! И Михайло, зять, справедлив! Вольнодумен, но справедлив! Иду, иду... *(Идут.)* Идем, Саша... Ты идешь? Дай я тебя понесу!

Саша. Вот еще глупости!

Иван Иванович. Дай я тебя понесу! Всегда я мать носил... Несу, бывало, а сам качаюсь... Раз с пригорка загремел с ней вместе... Засмеялась только, голубка, ничуть не рассердилась... Дай я тебя понесу!

Саша. Не выдумывай... Надень картуз как следует. *(Поправляет ему фуражку.)* Какой ты еще молодец у нас!

Иван Иванович. Ну да, ну да...

Уходят. Входят Петрин и Щербук.

Явление IV

Трилецкий, Петрин и Щербук.

Петрин *(выходит из дому под руку с Щербуком).*

Положи ты передо мной пятьдесят тысяч, и я украду... Честное слово, украду... Лишь бы только ничего за это не было... Украду... Положи перед тобой, и ты украдешь.

Щербук. Не украду, Герася! Нет!

Петрин. Положи рубль, и рубль украду! Честность! Фи-фи! Кому нужна твоя честность? Честный значит дурак...

Щербук. Я дурак... Пускай я дурак...

Трилецкий. Натё вам, старцы, по рублю.
(*Дает им по рублю.*)

Петрин (*берет деньги*). Давайте...

Щербук (*хохочет и берет деньги*). Мерсі, господин доктор!

Трилецкий. Напузырились, господа почтенные?

Петрин. Малость...

Трилецкий. А это вам еще по рублю на поминовение душ ваших! Ведь грешны? Берите же! Вам бы по кукишу следовало, да так уж ради праздника... расщедрюсь, черт возьми!

Анна Петровна (*в окно*). Трилецкий, дайте и мне рубль! (*Скрывается.*)

Трилецкий. Вам не рубль, а пять рублей, генерал-майорская вдова! Сейчас! (*Уходит в дом.*)

Петрин (*смотрит на окно*). Скрылась фея?

Щербук (*смотрит на окно*). Скрылась.

Петрин. Не терплю! Нехорошая женщина! Гордыни много... Женщина должна быть

смирная, уважительная... *(Качает головой.)*
Видал Глагольева? Вот тоже еще чучело! Сидит, как гриб, на одном месте, молчит да глазами лупает! Разве так ухаживают за дамами?

Щербук. Женится!

Петрин. Когда он женится? Через сто лет? Покорнейше вас благодарю! Через сто лет мне не нужно.

Щербук. Не нужно, Герася, жениться ему, старику... Женился бы, коли уж так жениться понадобилось, на какой-нибудь простушечке... И он для нее не годится... Она молодая, огненная, дама европейская, образованная...

Петрин. Вот ежели б женился! То есть так мне этого хочется, что и выразить словесно не умею! Ведь у них ровно ничего нету от самой смерти покойничка генерала, царство ему небесное! Есть у ней шахты, да на те Венгерович метит... Где мне с Венгеровичем тягаться? Что я теперь могу получить по векселям с них? Протестуй я теперь, что я получу?

Щербук. Nihil[13].

Петрин. А ежели она замуж за Глагольева пойдет, то я буду знать, с чего мне получить...

Векселя сейчас протестую, запрещение нало-
жу... Небось не даст пасынку погибнуть, вы-
платит! Эх-ех-ох! Исполнишь, мечтание мое!
Шестнадцать тысяч, Павочка!

Щербук. А мне три тысячи... Приказывает
моя кочерга, чтоб я получил... Как я получу?
Не умею я получать... Это не мужики... Это
друзья... Пусть сама едет сюда и получает...
Пойдем, Герася, во флигель!

Петрин. Зачем?

Щербук. К дамскому полонезу баллады на-
шептывать...

Петрин. А Дуняша во флигеле?

Щербук. Там. *(Идут.)* У них веселей... *(По-
ет.)* Ах, как я несчастлив, перестав жить в
нем!

Петрин. Тик-ток, тик-ток... *(Кричит.)* Да-с!
(Поет.) Год новый радостно встречаем в со-
бранье искренних друзей...

Уходят.

Явление V

Войницев и Софья Егоровна выходят из
глубины сада.

Войницев. О чем ты думаешь?

Софья Егоровна. Право, не знаю.

Войницев. Ты чуждаешься моей помощи... Неужели я не в состоянии помочь тебе? Что за тайны, Софи? Тайны от мужа... Гм...

Садятся.

Софья Егоровна. Какие тайны? Я сама не знаю, что во мне происходит... Не мучь себя понапрасну, Сергей! Не обращай внимания на мою хандру...

Пауза.

Уедем отсюда, Сергей!

Войницев. Отсюда?

Софья Егоровна. Да.

Войницев. Зачем?

Софья Егоровна. Хочу... Хоть за границу. Уедем?

Войницев. Ты этого хочешь... Но зачем же?

Софья Егоровна. Здесь хорошо, здорово, весело, но не могу... Все идет хорошо, благополучно, только... уехать нужно. Ты дал слово не спрашивать.

Войницев. Завтра же уедем... Завтра же нас здесь не будет! *(Целует руку.)* Тебе здесь скучно! Да это и понятно! Я понимаю тебя! Черт знает, что за среда! Петрины, Щербуки...

Софья Егоровна. Они не виноваты... Оста-

ВИМ ИХ В ПОКОЕ.

Пауза.

Войнищев. И откуда у вас, у женщин, берется столько тоски? Ну чего тосковать? *(Целует жену в щеку.)* Полно! Будь весела! Живи, пока живется! Нельзя ли эту тоску, как говорит Платонов, по шапке? Ба! Очень кстати вспомнил Платонова! Отчего ты с ним редко беседуешь? Это человек не из мелко плавающих, малый развитой и слишком нескучный! Поговори-ка с ним по душе, посвободней! Как рукой снимет тоску! С татап говори почаще, с Трилецким... *(Смеется.)* Поговори-ка, а не смотри на них свысока! Ты еще не раскусила этих людей... Я рекомендую тебе их, потому что эти люди — моего вкуса люди. Я их люблю. Ты их тоже полюбишь, когда покороче узнаешь.

Анна Петровна *(в окно).* Сергей! Сергей! Кто там? Позовите Сергея Павловича!

Войнищев. Что прикажете?

Анна Петровна. Ты здесь? На минутку!

Войнищев. Сейчас! *(Софье Егоровне.)* Завтра же едем, коли не передумаешь. *(Идет в дом.)*

Софья Егоровна *(после паузы)*. Ведь это почти что несчастье! Я уже в состоянии по целым дням не думать о муже, забывать о его присутствии, не обращать внимания на его слова... В тягость становится... Что делать? *(Думает.)* Ужасно! Так недавно была свадьба и уже... А всё это тот... Платонов! Сил не хватает, нет характера, ничего нет такого, что помогало бы мне стоять против этого человека! Он преследует меня от утра до вечера, ищет меня, не дает мне покою своими понятными глазами... Это ужасно... и глупо, наконец! Ручаться за себя даже нет сил! Сделай он шаг, и, пожалуй, всё может произойти!

Явление VI

Софья Егоровна и Платонов.

Платонов выходит из дома.

Софья Егоровна. Вот он идет! Водит вокруг своими глазами и ищет! Кого он ищет? По походке вижу, кто ему нужен! Как нечестно с его стороны не давать мне покоя!

Платонов. Жарко! Не нужно бы пить... *(Увидев Софью Егоровну.)* Вы здесь, Софья Егоровна? В уединении? *(Смеется.)*

Софья Егоровна. Да.

Платонов. Смертных избегаете?

Софья Егоровна. Нет надобности мне избегать их. Они мне не противны и не мешают.

Платонов. Да? *(Садится рядом.)* Вы позволите?

Пауза.

Но если вы не избегаете людей, зачем вы меня, Софья Егоровна, избегаете? За что? Позвольте, давайте договорить! Очень рад, что могу-таки, наконец, поговорить с вами. Вы избегаете меня, обходите, не смотрите на меня... Что это? Комедия или серьез?

Софья Егоровна. Я и не думала избегать вас! Откуда вы это взяли?

Платонов. Сначала вы как будто благоволили ко мне, удостаивали меня своим благоволением, а теперь и видеть меня не хотите! Я в одну комнату — вы в другую, я в сад — вы из сада, я начинаю говорить с вами, вы отнекиваетесь или говорите сухое, знойное «да» и уходите... Наши отношения превратились в какое-то недоумение... Виноват я? Противен? *(Встает.)* Вины я за собой никакой не чувствую. Потрудитесь сейчас же вывести меня

из этого институтски-глупого положения! Выносить его долее я не намерен!

Софья Егоровна. Признаюсь, я вас... избегаю немножко... Знай я, что это вам так неприятно, я иначе повела бы дело...

Платонов. Избегаете? *(Садится.)* Признаетесь? Но... за что, с какой стати?

Софья Егоровна. Не кричите, то есть... не говорите так громко! Вы мне, надеюсь, не выговор делаете. Я не люблю, если кричат на меня. Я избегаю не вас собственно, а бесед с вами... Человек вы, насколько я вас знаю, хороший... Здесь все вас любят, уважают, некоторые даже поклоняются вам, считают за честь поговорить с вами...

Платонов. Ну-те, ну-те...

Софья Егоровна. Когда я приехала сюда, я сама сейчас же, после первой же нашей беседы, присоединилась к вашим слушателям, но мне, Михаил Васильич, не посчастливилось, решительно не повезло... Вы скоро стали для меня почти невыносимы... Не подыщу более мягкого слова, извините... Вы почти каждый день беседовали со мной о том, как вы меня любили когда-то, как я вас любила и так да-

лее... Студент любил девочку, девочка любила студента... история слишком старая и обыкновенная, чтобы о ней столько много рассказывать и придавать ей для нас с вами теперь какое бы то ни было значение... Не в этом, впрочем, дело... Дело в том, что когда вы говорили со мной о прошлом, то... то говорили так, как будто бы чего-то просили, как будто бы вы тогда, в прошлом, чего-то не добрали, что хотели бы взять теперь... Каждый день тон ваш был томительно одинаков, и каждый день мне казалось, что вы намекаете на какие-то как бы обязательства, наложенные на нас с вами нашим общим прошлым... И потом мне казалось, что вы придаете уж слишком большое значение... что, как бы выразиться яснее, преувеличиваете наши отношения добрых знакомых! Вы как-то странно смотрите, выходите из себя, кричите, хватаете за руку и преследуете... Точно шпионите! Для чего это?.. Одним словом, вы не даете мне покоя... Для чего этот надзор? Что я для вас? Право, можно подумать, что вы выжидаете какого-то удобного случая, который вам для чего-то нужен...

Пауза.

Платонов. Всё? *(Встает.)* Мерси за откровенность! *(Идет к двери.)*

Софья Егоровна. Вы сердитесь? *(Встает.)* Пойдите, Михаил Васильич! Для чего же в амбицию вламываться? Я не хотела...

Платонов *(останавливается).* Эх вы!

Пауза.

Выходит, значит, что я вам не надоед, а что вы боитесь, трусите... Трусите, Софья Егоровна? *(Подходит к ней.)*

Софья Егоровна. Перестаньте, Платонов! Лжете! Я не боялась и не думаю бояться!

Платонов. Где же ваш характер, где сила здравомыслящих мозгов, если каждый встречный, мало-мальски не банальный мужчина может вам казаться опасным для вашего Сергея Павловича! Я и без вас шлялся сюда каждый день, а беседовал с вами, потому что считал вас умной, понимающей женщиной! Какая глубокая испорченность! Впрочем... Виноват, я увлекся... Я не имел права говорить вам всё это... Извините за неприличную выходку...

Софья Егоровна. Никто не дал вам права

говорить такие вещи! Если вас слушают, то из этого не следует, что вы имеете право говорить всё то, что вам вздумается! Ступайте от меня!

Платонов (хохочет). Вас преследуют?! Вас ищут, хватают вас за руки?! Вас, бедную, хотят отнять у вашего мужа?! В вас влюблен Платонов, оригинал Платонов?! Какое счастье! Блаженство! Да ведь это такие конфеты для нашего маленького самолюбьица, каких не едал ни один конфетный фабрикант! Смешно... Не к лицу развитой женщине эти сладости! (Идет в дом.)

Софья Егоровна. Вы дерзки и резки, Платонов! Вы с ума сошли! (Идет за ним и останавливается у двери.) Ужасно! Для чего он говорил всё это? Он хотел ошеломить меня... Нет, я этого не выношу... Я пойду, скажу ему... (Уходит в дом.)

Из-за беседки выходит **Осип.**

Явление VII

Осип, Яков и Василий.

Осип (входит). Пять хороших! Шесть нехороших! Черт знает, чем занимаются! Шли бы лучше в преферанс играть... По одной

десятой... Или в стуюлку... (Якову.) Здравствуй, Яша! Того... м-м-м... Венгерович здесь?

Яков. Здесь.

Осип. Пойди позови! Потихонечку вызови! Скажи, что дело есть большое...

Яков. Ладно. (Идет в дом.)

Осип (срывает фонарь, тушит и кладет его в карман). В прошлом году в городе я у Дарьи Ивановны, что вещи краденые покупает да питейное заведение с девицами держит, в стуюлку играл... Три копейки обязательного были... Ремизы доходили до двух целковых... Выиграл восемь рублей... (Срывает другой фонарь.) Весело в городе!

Василий. Не для вас фонари повешены! Чего рвать?

Осип. А я тебя и не вижу! Здорово, осел! Как поживаешь? (Подходит к нему.) Как дела?

Пауза.

Ах ты, лошадь! Ах ты, свинопас! (Снимает с него шапку.) Смешной ты человек! Ей-богу, смешной! У тебя хоть капелька ума есть? (Бросает шапку на дерево.) Ударь меня по щеке за то, что я вредный человек!

Василий. Пущай вас кто другой ударит, а я не стану бить!

Осип. А убивать станешь? Нет, коли у тебя есть ум, так ты не артелью убивай, а сам убей! Плюнь мне в лицо за то, что я вредный человек!

Василий. Не плюну. Ну чего пристали?

Осип. Не плюнешь? Боишься меня, значит? Становись же передо мной на колени!

Пауза.

Ну? Становись! Кому говорю? Стенам или человеку живому?

Пауза.

Кому говорю?

Василий (*становится на колени*). Грех вам, Осип Иваныч!

Осип. Стыдно стоять? Очень мне это приятно... Господин во фраке, а на коленках пред разбойником стоит... Ну, а теперь кричи ура, что есть духу... Ну?

Входит Венгерович 1.

Явление VIII

Осип и Венгерович 1.

Венгерович 1 (*выходит из дома*). Кто здесь меня звал?

Осип (*быстро снимает шапку*). Я-с, ваше степенство!

Василий поднимается, садится на скамью и плачет.

Венгерович 1. Что тебе нужно?

Осип. Вы изволили искать и спрашивать меня у кабатчика, вот я и пришел!

Венгерович 1. Ах да... Но... не мог разве выбрать другого места?

Осип. Для хороших людей, ваше превосходительство, всякое место хорошо!

Венгерович 1. Ты мне отчасти нужен... Отойдем отсюда... Вон к той скамье!

Идут к скамье, стоящей в глубине сцены.

Стань немного поодаль так, как будто ты со мной не говоришь... Вот так! Тебя кабатчик Лев Соломоныч прислал?

Осип. Так точно.

Венгерович 1. Напрасно... Я не тебя хотел, но... что поделаешь? Ничего с тобой не поделаешь. С тобой не следовало бы делов иметь... Ты такой нехороший человек...

Осип. Очень нехороший! Хуже всех на свете.

Венгерович 1. Говори тише! Сколько я пе-

редавал тебе денег, так это ужас, а ты этого не чувствуешь, как будто мои деньги камни или другой какой-нибудь ненужный предмет... Ты позволяешь себе дерзости, воруешь... Отворачиваешься? Не нравится правда? Правда глаза колет?

Осип. Колет, да только не ваша, ваше превосходительство! Вы позвали меня сюда только за тем, чтобы наставления мне читать?

Венгерович 1. Говори тише... Ты знаешь... Платонова?

Осип. Учителя? Как не знать!

Венгерович 1. Да, учителя. Учителя, который учит только ругаться и больше ничему. За сколько ты возьмешься искалечить этого учителя?

Осип. То есть как искалечить?

Венгерович 1. Не убить, а искалечить... Убивать людей не следует... Для чего их убивать? Убийство — это вещь такая, что... Искалечить, то есть побить так, чтобы всю жизнь помнил...

Осип. Это могу-с...

Венгерович 1. Поломай ему что-нибудь, на лице уродство сделай... Что возьмешь? Тссс...

Кто-то идет... Отойдем немного далее...

Идут в глубину сцены... Из дома выходят Платонов и Грекова.

Явление IX

Венгерович 1 и Осип (в глубине сцены),
Платонов и Грекова.

Платонов (смеется). Что, что? Как? (Хохочет.) Как? Я не расслышал...

Грекова. Не расслышали? Что ж? Я могу повторить... Я даже еще резче выражусь... Вы не обидитесь, разумеется... Вы так привыкли к разного рода резкостям, что мои слова едва ли будут вам в диковинку...

Платонов. Говорите, говорите, красавица!

Грекова. Я не красавица. Кто считает меня красавицей, тот не имеет вкуса... Откровенно — ведь я некрасива? Как на ваш взгляд?

Платонов. После скажу. Говорите вы теперь!

Грекова. Так слушайте же... Вы или необыкновенный человек, или же... негодяй, кто-нибудь из двух.

Платонов хохочет.

Смеетесь... Впрочем, смешно... (Хохочет.)

Платонов (хохочет). Она это сказала! Ай

да дурочка! Скажите, пожалуйста! (*Берет ее за талию.*)

Грекова (*садится*). Позвольте однако ж...

Платонов. И она туда же, куда и люди! Философствует, химией занимается и какие изреченьица откалывает! Поди ты с ней, с презренной! (*Целует ее.*) Хорошенькая, оригинальная бестия...

Грекова. Позвольте же... Что же это? Я... я не говорила... (*Встает и опять садится.*) Зачем вы меня целуете? Я вовсе...

Платонов. Сказала и удивила! Дай, мол, скажу и поражу! Пусть увидит, какая я умная! (*Целует ее.*) Растерялась... растерялась... Глупо смотрит... Ах, ах...

Грекова. Вы... Вы меня любите? Да?.. Да?

Платонов (*пищит*). А ты меня любишь?

Грекова. Если... если... то... да... (*Плачет.*) Любишь? Иначе бы ты не делал так... Любишь?

Платонов. Ни капельки, моя прелесть! Не люблю дурачков, грешный человек! Люблю одну дуру, да и то от нечего делать... О! Побледнела! Глазами засверкала! Знай, мол, наших!..

Грекова (*поднимается*). Издеваетесь, что ли?

Пауза.

Платонов. Чего доброго пощечину влепит...

Грекова. Я горда... Не умею пачкать рук... Я вам сказала, милостивый государь, что вы или необыкновенный человек, или же негодяй, теперь же я вам говорю, что вы необыкновенный негодяй! Презираю вас! (*Идет к дому.*) Не заплачу теперь... Я рада, что наконец-таки узнала, что вы за птица...

Входит Трилецкий.

Явление X

Те же и Трилецкий (в цилиндре).

Трилецкий (*входит*). Журавли кричат! Откуда это они взялись? (*Смотрит вверх.*) Так рано...

Грекова. Николай Иваныч, если вы уважаете меня... себя хоть сколько-нибудь, то не знайтесь с этим человеком! (*Указывает на Платонова.*)

Трилецкий (*смеется*). Помилуйте! Это мой почтеннейший родственник!

Грекова. И друг?

Трилецкий. И друг.

Грекова. Не завидую вам. И ему тоже, кажется... не завидую. Вы добрый человек, но... этот шуточный тон... Бывает время, когда тошнит от ваших шуток... Я не хочу вас обидеть этим, но... я оскорблена, а вы... шутите! *(Плачет.)* Я оскорблена... Но, впрочем, я не заплачу... Я горда. Знайтесь с этим человеком, любите его, поклоняйтесь его уму, бойтесь... Вам всем кажется, что он на Гамлета похож... Ну и любуйтесь им! Дела мне нет... Не нужно мне от вас ничего... Шутите с ним, сколько вам угодно, с этим... негодяем! *(Уходит в дом.)*

Трилецкий *(после паузы)*. Съел, брат?

Платонов. Ничего я не ел...

Трилецкий. Пора бы, Михаил Васильич, по чести, по совести оставить ее в покое. Стыдно, право... Такой умный и большой человек, а выделываешь черт знает что... Вот и назвали негодяем...

Пауза.

Не могу же я в самом деле разорваться на две половины, чтобы одной половиной уважать тебя, а другой благоволить к девушке,

назвавшей тебя негодяем...

Платонов. Не уважай меня, не понадобится это раздвоение.

Трилецкий. Не могу же я не уважать тебя! Ты сам не знаешь, что ты говоришь.

Платонов. Остается, значит, только одно: не благоволить к ней. Не понимаю я тебя, Николай! Что хорошего, умный человек, ты нашел в этой дурочке?

Трилецкий. Гм... Генеральша часто упрекает меня в недостатке джентльменства и указывает мне на тебя, как на образец джентльменства... А по-моему, этот упрек можно всецело отнести и к тебе, образцу... Все вы, а в особенности ты, кричите на каждом переулке, что я влюблен в нее, смеетесь, дразните, подозреваете, следите...

Платонов. Выражайся ясней...

Трилецкий. Я, кажется, ясно выражаюсь... И в то же время у вас хватает совести величать ее при мне дурочкой, дрянью... Не джентльмен ты! Джентльмены знают, что у влюбленных есть известное самолюбие... Не дура она, братец! Она не дура! Она жертва ненужная, вот что! Бывают минутки, друг

мой, когда хочется кого-нибудь ненавидеть, в кого-нибудь вьестся, на ком-нибудь выместить свою какую-нибудь пакость... Отчего же на ней не попробовать? Она годится! Слаба, безответна, смотрит на тебя так до глупости доверчиво... Понимаю я всё это очень хорошо... *(Встает.)* Пойдем выпьем!

Осип *(Венгеровичу)*. Ежели не отдадите тогда остальных, то на сто украду. Об этом не сомневайтесь!

Венгерович 1 *(Осипу)*. Говори тише! Когда будешь его бить, то не забудь сказать: «благодарный кабатчик!» Тсс... Ступай! *(Идет к дому.)*

Осип уходит.

Трилецкий. Черт возьми, Абрам Абрамыч! *(Венгеровичу.)* Ты, Абрам Абрамыч, не болен?

Венгерович 1. Ничего... Слава богу, здоров.

Трилецкий. Какая жалость! А мне так деньги нужны! Веришь ли? До зарезу, что называется...

Венгерович 1. Следовательно, выходит, доктор, из ваших слов, что вам больные нужны до зарезу? *(Смеется.)*

Трилецкий. Удачно сострил! Хотя тяжело,

да зато удачно! Ха-ха-ха и паки ха-ха-ха! Смейся, Платонов! Дай, голубчик, если можешь!

Венгерович 1. Вы мне и так уже много должны, доктор!

Трилецкий. Для чего говорить это? Кто этого не знает? А сколько я тебе должен?

Венгерович 1. Около... Ну да... Двести сорок пять рублей, кажется.

Трилецкий. Дай, великий человек! Одолжи, и я одолжу тебя когда-нибудь! Будь столь добр, великодушен и храбр! Самый храбрый из евреев тот, кто дает займы без расписки! Будь самым храбрым евреем!

Венгерович 1. Гм... евреем... Всё евреи да евреи... Уверяю вас, господа, что во всю жизнь мою я не видел ни одного русского, который давал бы деньги без расписки, и уверяю вас, что нигде не практикуется в таких больших размерах давание денег без расписки, как среди нечестного еврейства!.. Пусть отнимет у меня бог мою жизнь, если я лгу! *(Вздыхает.)* Многому, очень многому можно с успехом и с пользою поучиться вам, молодые люди, у нас, евреев, а в особенности у стариков евреев... Очень многому... *(Вынимает из*

кармана бумажник.) Вам занимаешь деньги с охотой, с удовольствием, а вы... смеяться, пошутить любите... Нехорошо, господа! Я старик... У меня есть дети... Считаю подлецом, но обходись по-человечески... На то вы и в университете учились...

Трилецкий. Ты хорошо говоришь, Абрам Абрамыч!

Венгерович 1. Нехорошо, господа, дурно... Можно подумать, что между вами, развитыми людьми, и моими приказчиками нет никакой разницы... И тыкать вам никто не позволил... Сколько вам? Очень дурно, молодые люди... Сколько вам?

Трилецкий. Сколько дашь...

Пауза.

Венгерович 1. Я вам дам... Я вам могу дать... пятьдесят рублей... *(Дает деньги.)*

Трилецкий. Роскошно! *(Берет деньги.)* Велик!

Венгерович 1. На вас, доктор, моя шляпа!

Трилецкий. Твоя? Гм... *(Снимает шляпу.)* На, возьми... Отчего ты не отдашь его почистить? Ведь дешево возьмут! Как по-еврейски цилиндр?

Венгерович 1. Как угодно. *(Надевает шляпу.)*

Трилецкий. А тебе идет цилиндр, к лицу. Барон, совсем барон! Отчего ты не купишь себе баронства?

Венгерович 1. Ничего я не знаю! Оставьте меня, пожалуйста!

Трилецкий. Ты велик! Отчего это тебя понять не хотят?

Венгерович 1. Отчего не хотят оставить в покое, скажите лучше! *(Уходит в дом.)*

Явление XI

Платонов и Трилецкий.

Платонов. Для чего ты взял у него эти деньги?

Трилецкий. Да так... *(Садится.)*

Платонов. Как это: да так?

Трилецкий. Взял да и шабаш! А тебе его жалко, что ли?

Платонов. Не в том дело, братец!

Трилецкий. В чем же?

Платонов. Не знаешь?

Трилецкий. Не знаю.

Платонов. Врешь, знаешь!

Пауза.

Великою любовью воспылал бы я к тебе, душа моя, если бы ты хоть недельку, хоть денек пожил по каким-нибудь правилам, хоть бы самым мизерным! Для таких субъектов, как ты, правила необходимы, как хлеб насущный...

Пауза.

Трилецкий. Ничего не знаю... Не нам, брат, с тобой переделывать плоть нашу! Не нам сломать ее... Знал я это, когда еще с тобой в гимназии по-латыни единицы получал... Не будем же болтать попусту... Да прильпнут гортани к языкам!

Пауза.

Смотрел я третьего дня, братец ты мой, у одной своей дамочки портреты «Современных деятелей» и читал их биографии. И что же ты думаешь, любезный? Ведь нет нас с тобой среди них, нет! Не нашел, как ни бился! *Lasciate, Михаил Васильич, ogni speranza!*[14] — говорят итальянцы. Не нашел я ни тебя, ни себя среди современных деятелей и — вообрази! Я спокоен! Вот Софья Егоровна так не того... не спокойна...

Платонов. При чем же тут Софья Егоров-

на?

Трилецкий. Обижается, что ее между «Современными деятелями» нет... Воображает, что стоит ей только мизинцем шевельнуть — и земной шар рот разинет, человечество от радости шапку потеряет... Воображает... Гм... Ни в одном умном романе ты не найдешь столько белиберды, сколько в ней... А в сущности гроша медного не стоит. Лед! Камень! Статуя! Так и хочется подойти к ней и соскоблить с ее носа капельку гипса... А чуть что... сейчас истерика, глас и вздыхания... Силенок ни на грош... Умная кукла... На меня с презрением смотрит, шалопаем считает... А чем ее Сереженька лучше нас с тобой? Чем? Тем только и хорош, что водки не пьет, возвышенно мыслит и без зазрения совести величает себя человеком будущего. Впрочем, не судите, не судимы будете... *(Встает.)* Пойдем выпьем!

Платонов. Не пойду. Мне там душно.

Трилецкий. Пойду сам. *(Потягивается.)* Кстати, что означают на вензеле эти Слово и Веди? Софью ли Войницеву или Сергея Войничева? Кого хотел уважить этими литерами

наш филолог, себя или свою супругу?

Платонов. Мне сдается, что эти литеры означают: «Слава Венгеровичу!» На его деньги кутим.

Трилецкий. Да... Что это с генеральшей сегодня делается? Хохочет, стонет, лезет целоваться... Точно влюблена...

Платонов. В кого ей тут влюбиться? В самое себя разве? Ты не верь в ее смех. Нельзя верить в смех той умной женщины, которая никогда не плачет: она хохочет тогда, когда ей плакать хочется. А нашей генеральше не плакать, а застрелиться хочется... Это и по глазам ее видно...

Трилецкий. Женщины не стреляются, а травятся... Но не будем философствовать... Когда я философствую, я жестоко вру... Славная бабенка наша генеральша! Я вообще ужасно скверно мыслю, когда смотрю на женщину, но это единственная женщина, от которой отскакивают все мои лютые помыслы, как горох от стены. Единственная... Когда я гляжу на ее реальное лицо, я начинаю верить в платоническую любовь. Идешь?

Платонов. Нет.

Трилецкий. Пойду сам... С попом выпью...
(Идет и сталкивается у двери с Глагольевым 2.) Ах! Ваше сиятельство, самоделковый граф! Натяните вам три рубля! (Сует ему в руку три рубля и уходит.)

Явление XII

Платонов и Глагольев 2.

Глагольев 2. Странная личность! Ни с того ни с сего: натяните вам три рубля! (Кричит.) Я сам могу вам дать три рубля! Гм... Какой идиот! (Платонову.) Он ужасно поражает меня своею глупостью. (Смеется.) Глуп до безобразия!

Платонов. Что же вы, танцор, не танцуете?

Глагольев 2. Танцевать? Здесь? С кем, позвольте спросить? (Садится рядом.)

Платонов. Уж будто бы и не с кем?

Глагольев 2. Одни только типы! Все типы, на кого ни посмотришь! Какие-то рожи, орлиные носы, жеманство... А дамы? (Хохочет.) Черт знает что! При такой публике я всегда предпочитаю танцам буфет.

Пауза.

Какой в России, однако же, воздух несвежий! Какой-то промозглый, душный... Тер-

петь не могу России!..

Невежество, вонь... Бррр... То ли дело... Вы были хоть раз в Париже?

Платонов. Не был.

Глагольев 2. Жаль. Впрочем, успеете еще побывать. Когда будете ехать туда, то скажете мне. Я вам открою все тайны Парижа. Я дам вам триста рекомендательных писем, и триста шикажнейших французских кокоток в вашем распоряжении...

Платонов. Благодарю вас, я сыт. Скажите мне, правду ли говорят, что ваш отец хочет купить Платоновку?

Глагольев 2. Право, не знаю. Я далеко держу себя от коммерции... А вы заметили, как mon père[15] ухаживает за вашей генеральшей? *(Хохочет.)* Вот еще тоже тип! Этот старый барсук хочет жениться! Глуп, как тетерев! А ваша генеральша charmante[16]! Со всем недурна!

Пауза.

Она такая душка, такая душка... А формы?! Фи, фи! *(Бьет Платонова по плечу.)* Счастливчик! Она затягивается? Сильно затягивается?

Платонов. Не знаю... Я не присутствую при

ее туалете...

Глагольев 2. А мне говорили... Разве вы не...

Платонов. Вы, граф, идиот!

Глагольев 2. Но я пошутил... Зачем сердиться? Какой вы, право, чудак! *(Тихо.)* А правду ли говорят, что она... Немножко щекотливый вопрос, но между нами, я полагаю... Правду ли говорят, что она иногда любит деньги до положения риз?

Платонов. Об этом спросите у нее самой. Я не знаю.

Глагольев 2. Спросить у нее самой? *(Хохочет.)* Что за идея?! Платонов! Что вы говорите?!

Платонов *(садится на другую скамью).* Какой же вы мастер надоедать!

Глагольев 2 *(хохочет).* А что если на самом-таки деле спросить? Впрочем, почему же и не спросить?

Платонов. Разумеется... *(В сторону.)* Спроси только... Она отобьет тебе твои глупые щеки! *(Ему.)* Спросите!

Глагольев 2 *(вскакивает).* Клянусь, что это великая идея!.. Миллион чертей! Я спрошу,

Платонов, и даю вам честное слово, что она моя! У меня предчувствие есть! Сейчас же спрошу! Держу пари, что она моя! *(Бежит к дому и у двери сталкивается с Анной Петровной и Трилецким.)* Mille pardons[17], madame! *(Расшаркивается и уходит.)*

Платонов садится на старое место.

Явление XIII

Платонов, Анна Петровна и Трилецкий.
Трилецкий *(на крыльце)*. Вон он сидит, наш великий мудрец и философ! Сидит насто-роже и с нетерпением ожидает добычи: кому бы нотацию прочесть на сон грядущий?

Анна Петровна. Не клюет, Михаил Васи-льич!

Трилецкий. Плохо! Не клюется что-то сего-дня! Бедный моралист! Жалею тебя, Плато-нов! Однако же я пьян и... однако же меня там дьякон ждет! Прощайте! *(Уходит.)*

Анна Петровна *(идет к Платонову)*. Что вы тут сидите?

Платонов. В комнатах душно, и это хоро-шее небо лучше вашего побеленного бабами потолка!

Анна Петровна *(садится)*. Прелесть, что за

погода! Чистый воздух, прохлада, звездное небо и луна! Жалею, что барыням нельзя спать на дворе под небом. Когда я была девочкой, я всегда летом ночевала в саду.

Пауза.

А у вас галстух новый?

Платонов. Новый.

Пауза.

Анна Петровна. Я сегодня в каком-то особенном настроении... Мне сегодня всё нравится... Гуляю! Ну да говорите же что-нибудь, Платонов! Чего вы молчите? Я для того и явилась сюда, чтобы вы говорили... Экой вы!

Платонов. Что вам говорить?

Анна Петровна. Скажите мне что-нибудь новенькое, хорошенькое, кисленькое... Вы сегодня такой умненький, такой хорошенький... Право, мне кажется, что я сегодня влюблена в вас более, чем когда-либо... Душка вы такой сегодня! И бунтуете мало!

Платонов. И вы сегодня такая красавица... Впрочем, вы всегда красавица!

Анна Петровна. Мы с вами друзья, Платонов?

Платонов. По всей вероятности... Пожа-

луй, что друзья... Что же другое можно назвать дружбой?

Анна Петровна. Во всяком случае друзья? а?

Платонов. Полагаю, что большие... Я к вам сильно привык и привязан... Много нужно времени, чтобы отучить меня от вас...

Анна Петровна. Большие друзья?

Платонов. Для чего эти вопросики? Бросьте их, матушка! Друзья... друзья... Точно дева старая...

Анна Петровна. Хорошо... Мы друзья, а знаете ли, что от дружбы между мужчиной и женщиной до любви единый только шаг, милостивый государь? *(Смеется.)*

Платонов. Вот как! *(Смеется.)* К чему вы это говорите? Ну да мы с вами не дошагаемся до чертиков, как бы широко ни шагали...

Анна Петровна. Любовь — чертики... Сравнил! Не слышит тебя твоя жена! Pardon, я на вас тыкнула... Ей-богу, Мишель, нечаянно! А почему же нам и не дошагаться? Разве мы не люди, что ли? Любовь вещь хорошая... Чего же краснеть-то?

Платонов *(смотрит на нее пристально).*

Вы, я вижу, или шутите мило, или же хотите... договориться до чего-то... Пойдемте-ка вальс танцевать!

Анна Петровна. Не умеете вы танцевать!

Пауза.

Надо с вами поговорить как следует... Пора... *(Оглядывается.)* Потрудитесь, mon cher [18], слушать и не философствовать!

Платонов. Пойдемте плясать, Анна Петровна!

Анна Петровна. Сядемте подальше... Идите сюда! *(Садятся на другую скамью.)* Вот только не знаю, с чего начать... Вы такой неповоротливый и лживый человечина...

Платонов. Не начать ли мне, Анна Петровна?

Анна Петровна. Ведь вы околесную понесете, Платонов, когда начнете! Скажите, пожалуйста! Он сконфузился! Поверю — держи карман! *(Бьет Платонова по плечу.)* Шутник Миша! Ну говорите же, говорите... Покороче только...

Платонов. Я буду короток... Вот что я вам хочу сказать: для чего?

Пауза.

Честное слово, не стоит, Анна Петровна!

Анна Петровна. Почему же? Да вы послушайте... Вы меня не понимаете... Будь вы свободны, я, недолго думая, сделалась бы вашей женой, отдала бы вам в вечное владение мое превосходительство, но теперь... Ну? Молчание знак согласия? Так, что ли?

Пауза.

Послушайте, Платонов, в данном случае неприлично молчать!

Платонов (*вскакивает*). Забудем этот разговор, Анна Петровна! Давайте, бога ради, сделаем так, как будто бы его вовсе и не было! Не было его!

Анна Петровна (*пожимает плечами*). Станный человек! Почему же?

Платонов. Потому что я уважаю вас! Я так уважаю в себе это уважение к вам, что расстаться с ним для меня будет тяжелее, чем провалиться сквозь землю! Друг мой, я свободный человек, я не прочь приятно провести время, я не враг связей с женщинами, не враг даже благородных интрижек, но... с вами заводить мелкую интрижку, вас делать предметом своих праздных помыслов, вас,

умную, прекрасную, свободную женщину?!

Нет! Это уж слишком! Лучше прогоните меня от себя за тридевять земель! Пожить глупо месяц, другой, а там... краснея разойтись?!

Анна Петровна. Речь идет о любви!

Платонов. А разве я не люблю вас? Я люблю вас добрую, умную, милосердную... Я люблю вас отчаянно, бешено! Жизнь свою я отдам за вас, если вы захотите! Люблю как женщину — человека! Неужели же всякая любовь должна подтасовываться под известный род любви? Моя любовь для меня в тысячу раз дороже той, которая взбрела вам на ум!..

Анна Петровна (*встает*). Ступай, милый, проспись! Проспишься, тогда и поговорим...

Платонов. Забудем этот разговор... (*Целует руку.*) Будем друзьями, но не будем шалить друг другом: мы стоим по отношению друг к другу лучшей участи!.. И к тому же я все-таки... хоть немножко, да женат! Оставим этот разговор! Да будет всё по-старому!

Анна Петровна. Ступай, милый, ступай! Женат... Ведь меня любишь? Зачем же тут про жену толковать? Марш! После поговорим,

часика через два... Теперь ты находишься в припадке лжи...

Платонов. Лгать я вам не умею... *(Тихо ей на ухо.)* Если бы я умел тебе лгать, то давно уже я был бы твоим любовником...

Анна Петровна *(резко).* Убирайтесь!

Платонов. Врете, не сердитесь... Это вы так только... *(Уходит в дом.)*

Анна Петровна. Чудак человек! *(Садится.)* Сам не понимает, что говорит... Всякую любовь подтасовывать под известный род любви... Чепуха какая! Точно любовь писателя к писательнице...

Пауза.

Невыносимый человек! Этак мы до страшного суда с тобой, друг милый, проболтаем! Не взяла честью, силой возьму... Сегодня же! Пора уже обоим выйти из этого глупого выжидательного положения... Надоело... Возьму силой... Это кто идет? Глагольев... меня ищет...

Входит Глагольев 1.

Явление XIV

Анна Петровна и Глагольев 1.

Глагольев 1. Скучно! Говорят эти люди

о том, что я годы тому назад слышал; думают то, о чем я в детстве думал... Всё старо, ничего нового... Поговорю с ней и уеду.

Анна Петровна. О чем это вы бормочете, Порфирий Семеныч? Можно узнать?

Глагольев 1. Вы здесь? *(Идет к ней.)* Я браню себя за то, что я здесь лишний...

Анна Петровна. Не потому ли, что на нас не похожи? Полноте! Мирятся люди с тараканами, помиритесь и вы с нашими людьми! Подсаживайтесь-ка, потолкуем!

Глагольев 1 *(садится рядом).* Я вас искал, Анна Петровна! Мне нужно с вами поговорить кое о чем...

Анна Петровна. И давайте говорить...

Глагольев 1. Мне хотелось бы с вами поговорить... Мне хочется узнать ответ моему... письму...

Анна Петровна. Гм... На что я вам сдалась, Порфирий Семеныч?

Глагольев 1. Я, знаете ли, отрешаюсь... от прав мужа... Не до прав мне! Мне нужен друг, умная хозяйка... У меня есть рай, но нет в нем... ангелов.

Анна Петровна *(в сторону).* Что ни сло-

во — то сахару кусок! (Ему.) Часто я задаю себе вопрос, что я буду в раю делать, я — человек, а не ангел, если попаду в него?

Глагольев 1. Можете ли вы знать, что вы будете делать в раю, если не знаете, что будете делать завтра? Хороший человек везде найдет себе работу, и на земле, и на небе...

Анна Петровна. Всё это прекрасно, но будет ли мое житье у вас стоить того, что я за него буду получать? Немножко странно, Порфирий Семеныч! Извините меня, Порфирий Семеныч, но мне ваше предложение кажется очень странным... Для чего вам жениться? Для чего вам сдался друг в юбке? Не мое дело, извините... но уж на то пошло, договорю. Будь я в ваших летах, имей я столько денег, ума и правды, сколько вы имеете, я ничего не искала бы на этом свете, кроме общего блага... то есть, как бы так выразиться, я ничего не искала бы, кроме удовлетворения любви к ближним...

Глагольев 1. Не умею я биться за благополучие людей... Для этого нужны воля железная и уменье, а их-то и не дал мне бог! Я родился для того только, чтобы любить великие

дела и наделать массу грошовых, ничего не стоящих... Только любить! Пойдемте ко мне!

Анна Петровна. Нет. Не говорите больше ни слова об этом... Не придавайте моему отказу жизненного значения... Суета, мой друг! Если бы мы владели всем тем, что мы любим, то у нас не хватило бы места... для наших владений... Значит, не совсем неумно и нелюбезно поступают, когда отказывают... *(Хохочет.)* Вот вам и философия на закуску! Что это за шум? Слышите? Бьюсь об заклад, что это Платонов бунтует... Что за характер!

Входят Грекова и Трилецкий.

Явление XV

Анна Петровна, Глагольев 1, Грекова и Трилецкий.

Грекова *(входя).* Это выше всяких оскорблений! *(Плачет.)* Выше! Молчать могут, видя это, одни только испорченные люди!

Трилецкий. Верю, верю, но при чем же я тут? Я-то тут при чем? Не идти же мне на него с дубиной, согласитесь сами!

Грекова. Должны были идти с дубиной, если не имеете других средств! Отойдите от меня! Я, я, женщина, не молчала бы, если бы

при мне оскорбляли вас так низко, так бесстыдно и незаслуженно!

Трилецкий. Но ведь я же того... Рассуждайте умно!.. Чем виноват я?..

Грекова. Вы трус, вот кто вы! Ступайте от меня прочь к вашему отвратительному буфету! Прощайте! Не трудитесь ездить ко мне больше! Не нужны мы друг другу... Прощайте!

Трилецкий. Прощайте, сделайте милость, прощайте! Надоело всё это, опротивело без конца! Слезы, слезы... А, боже мой! У меня у самого в голове вертеж... *coenurus cerebralis!* Э-э-э... *(Машет рукой и уходит.)*

Грекова. *Coenurus cerebralis...* *(Идет.)* Оскорбил... За что? Что я сделала?

Анна Петровна *(подходит к ней).* Марья Ефимовна... Не держу вас... Я сама бы ушла отсюда на вашем месте... *(Целует ее.)* Не плачьте, моя дорогая... Большая часть женщин создана для того, чтобы сносить всякие гадости от мужчин...

Грекова. Только не я... Я его... уволю! Он не будет здесь учителем! Он не имеет права быть учителем! Завтра же поеду к директору

народных училищ...

Анна Петровна. Полноте... На днях я побываю у вас, и мы вместе осудим Платонова, а пока успокойтесь... Перестаньте плакать... Вы будете удовлетворены... На Трилецкого же вы не сердитесь, моя дорогая... Он не заступился за вас потому, что он слишком добр и мягок, а такие люди не в состоянии заступаться... Что он вам сделал?

Грекова. Он при всех поцеловал... назвал дурой и... и... пхнул на стол... Не думайте, что это пройдет ему безнаказанно! Или он сумасшедший, или же... Я покажу ему! *(Уходит.)*

Анна Петровна *(ей вслед)*. Прощайте! Скоро увидимся! *(Якову.)* Яков! Подать экипаж Марье Ефимовне! Ах, Платонов, Платонов... Добуянится он когда-нибудь до беды...

Глагольев 1. Прекрасная девушка! Не влюбил ее наш добрейший Михаил Васильич... Обижает...

Анна Петровна. Ни за что! Сегодня обижает, а завтра извиняется... Барская струнка!

Входит Глагольев 2.

Явление XVI

Те же и Глагольев 2.

Глагольев 2 (в сторону). С ней! Опять с ней! Это, наконец, уж черт знает что такое? (Смотрит в упор на отца.)

Глагольев 1 (после паузы). Что тебе?

Глагольев 2. Ты здесь сидишь, а тебя там ищут! Иди, тебя там зовут!

Глагольев 1. Кто меня там зовет?

Глагольев 2. Люди!

Глагольев 1. Знаю, что люди... (Встает.) Как хотите, а я не отстану от вас, Анна Петровна! Авось другое заговорите, когда поймете меня! Увидимся... (Уходит в дом.)

Явление XVII

Анна Петровна и Глагольев 2.

Глагольев 2 (садится рядом). Старый барсук! Осел! Его никто не зовет! Это я надул его!

Анна Петровна. Когда вы поумнеете, вы сильно ругнете себя за отца!

Глагольев 2. Шутите... Вот зачем я сюда пришел... Два слова... Да или нет?

Анна Петровна. То есть?

Глагольев 2 (смеется). Будто бы не понимаете? Да или нет?

Анна Петровна. Решительно не понимаю!

Глагольев 2. Сейчас поймете... При помощи злата всё понимается... Если «да», то не угодно ли вам будет, генералиссимус души моей, залезть ко мне в карман и вытащить оттуда мой бумажник с папашиными деньгами?.. *(Подставляет боковой карман.)*

Анна Петровна. Откровенно... Да ведь за такие речи умным людям пощечины дают!

Глагольев 2. От приятной дамы приятно и пощечину получить... Сперва пощечину даст, а потом немного погодя и «да» скажет...

Анна Петровна *(встает)*. Берите вашу шапку и убирайтесь отсюда сию же секунду!

Глагольев 2 *(встает)*. Куда?

Анна Петровна. Куда угодно! Убираться и не смей показываться сюда!

Глагольев 2. Фи... Для чего же сердиться? Я не уйду, Анна Петровна!

Анна Петровна. Ну так я прикажу вас вывести! *(Уходит в дом.)*

Глагольев 2. Какая вы сердитая! Я ведь ничего не сказал такого, особенного... Что же я сказал? Сердится не нужно... *(Уходит за ней.)*

Явление XVIII

Платонов и Софья Егоровна выходят из дома.

Платонов. В школе я и доселе пребываю в качестве занимающего не свое место, а место учителя... Вот что было после того, как мы расстались!.. (Садятся.) Не говорю про людей, что я сделал лично для себя? Что я в себе посеял, что взлелеял, что возрастил?.. А теперь! Эх! Страшное безобразие... Возмутительно! Зло кишит вокруг меня, пачкает землю, глотает моих братьев во Христе и по родине, я же сижу, сложив руки, как после тяжелой работы; сижу, гляжу, молчу... Мне двадцать семь лет, тридцати лет я буду таким же — не предвижу перемены! — там дальше жирное халатничество, отупение, полное равнодушие ко всему тому, что не плоть, а там смерть!! Пропала жизнь! Волосы становятся дыбом на моей голове, когда я думаю об этой смерти!

Пауза.

Как подняться, Софья Егоровна?

Пауза.

Вы молчите, не знаете... Да и знать ли вам? Софья Егоровна, не жалко мне себя! Черт с ним, с этим мной! Но что с вами поделалось?

Где ваша чистая душа, ваша искренность, правдивость, ваша смелость? Где ваше здоровье? Куда вы дели его? Софья Егоровна! Проводить целые годы в безделье, мозолить чужие руки, любоваться чужими страданиями и в то же время уметь прямо глядеть в глаза — это разврат!

Софья Егоровна встает.

(Сажает ее.) Это последнее слово, постойте! Что сделало вас жеманной, ленивицей, фразеркой? Кто научил вас лгать? А какой вы были прежде! Позвольте! Я сейчас отпущу вас! Дайте договорить! Как вы были хороши, Софья Егоровна, как велики! Голубушка, Софья Егоровна, может быть, вам еще можно подняться, не поздно! Подумайте! Соберите все ваши силы и поднимайтесь ради самого бога! *(Хватает ее за руку.)* Дорогая моя, скажите мне откровенно, ради того нашего общего прошлого, что заставило вас выйти замуж за этого человека? Чем прельстило вас это замужество?

Софья Егоровна. Он прекрасный человек...

Платонов. Не говорите того, во что вы не

верите!

Софья Егоровна (*встает*). Он мой муж, и я просила бы вас...

Платонов. Будь он чем ему угодно, а я скажу правду! Сядьте! (*Сажает ее*). Отчего вы не выбрали себе труженика, страдальца? Отчего не взяли себе в мужья кого-нибудь другого, а не этого пигмея, погрязшего в долгах и безделье?..

Софья Егоровна. Оставьте! Не кричите! Идут...

Проходят гости.

Платонов. Черт с ними! Пусть все слышат! (*Тихо.*) Извините меня за резкость... Но ведь я любил вас! Я любил вас больше всего на свете, а потому вы и теперь мне дороги... Я так любил эти волосы, эти руки, это лицо... Для чего вы пудритесь, Софья Егоровна? Бросьте! Эх! Попадись вы другому человеку, вы скоро бы поднялись, а здесь вы еще больше погрязнете! Бедная... Будь у меня, несчастного, силы, вырвал бы я с корнем и себя и вас из этого болота...

Пауза.

Жизнь! Отчего мы живем не так, как мог-

ли бы!

Софья Егоровна (*встает и закрывает руками лицо*). Оставьте меня!

В доме шум.

Отойдите! (Идет к дому.)

Платонов (*идет за ней*). Отнимите от лица руки! Вот так! Вы не уедете? Ведь нет? Будемте друзьями, Софи! Ведь не уедете? Мы будем еще беседовать? Да?

В доме усиленный шум и беганье по лестнице.

Софья Егоровна. Да.

Платонов. Будемте друзьями, моя дорогая... Зачем нам быть врагами? Позвольте... Еще пару слов...

*Выбегает из дома **Войнищев** и за ним гости.*

Явление XIX

Те же, **Войнищев с гостями, потом **Анна Петровна** и **Трилецкий**.**

Войнищев (*вбегая*). Ах... Вот они, самые главные! Идем фейерверки зажигать! (*Кричит.*) Яков, к реке марш! (*Софье Егоровне.*) Не передумала, Софи?

Платонов. Не уедет, здесь останется...

Войницев. Да? В таком случае ура! Руку, Михаил Васильич! *(Пожимает Платонову руку.)* Я всегда верил в твое красноречие! Идем огни зажигать! *(Идет с гостями в глубину сада.)*

Платонов *(после паузы)*. Да, такие-то дела, Софья Егоровна... Гм...

Голос Войницева. Матан, где вы? Платонов!

Пауза.

Платонов. Пойду-ка, черт возьми, и я... *(Кричит.)* Сергей Павлович, подожди, не зажигай без меня! Пошли, братец, Якова ко мне за шаром! *(Убегает в сад.)*

Анна Петровна *(выбегает из дома)*. Подождите! Сергей, подожди, еще не все сошлись! Стреляйте пока из пушки! *(Софье.)* Идите, Софи! Чего приуныли?

Голос Платонова. Сюда, барынька! Затянем старую песню, не начиная новой!

Анна Петровна. Иду, моншер! *(Убегает.)*

Голос Платонова. Кто со мной в лодку? Софья Егоровна, не хотите ли со мной на реку?

Софья Егоровна. Идти или не идти? *(Думает.)*

Трилецкий (входит). Эй! Где вы? (Поет.)
Иду, иду! (Смотрит в упор на Софью Егоровну.)

Софья Егоровна. Что вам нужно?

Трилецкий. Ничего-с...

Софья Егоровна. Ну так и отойдите! Я не расположена сегодня ни беседовать, ни слушать...

Трилецкий. Знаю, знаю...

Пауза.

Мне ужасно почему-то хочется провести пальцем по вашему лбу: из чего он у вас сделан? Ужасно хочется!..

Не для того, чтобы оскорбить вас, а так... для контенансу...

Софья Егоровна. Шут! (Отворачивается.)
Не комик, а шут, паяц!

Трилецкий. Да... Шут... За шутовство я и харчи получаю от генеральши... Ну да-с... И деньги карманные... А когда надоем, меня с позором выгонят из этих местов. Ведь верно говорю-с? Впрочем, это не я один говорю... Это говорили и вы, когда изволили гостить у Глагольева, этого масона нашего времени...

Софья Егоровна. Хорошо, хорошо... Очень

рада, что вам передали... Теперь вы знаете, значит, что я умею отличать шутов от остроумных людей! Будь вы актером, вы были бы фаворитом райка, но партер шикал бы вам... Я вам шикаю.

Трилецкий. Острота удачна до сверхъестественности... Похвально... Честь имею кланяться! *(Кланяется.)* До приятного свидания! Побеседовал бы еще с вами, но... робею, поражен! *(Идет в глубину сада.)*

Софья Егоровна *(стучит ногой).* Негодный! Не знает он, какого я о нем мнения! Пустой человечишка!

Голос Платонова. Кто на реку со мной?

Софья Егоровна. Ээ... Чему быть, тому не миновать! *(Кричит.)* Иду! *(Убегает.)*

Явление XX

Глагольев 1 и Глагольев 2 выходят из дома.

Глагольев 1. Лжешь! Лжешь, скверный мальчишка!

Глагольев 2. Что за глупости? С какой стати я буду врать? Спроси ее самое, если не веришь! Как только ты ушел, я вот на этой самой скамье шепнул ей два-три слова, обнял, чмокнул... Попросила сначала три тысячи, ну

а я поторговался и сошелся на тысяче! Дай же мне тысячу рублей!

Глагольев 1. Кирилл, дело идет о чести женщины! Не пачкай этой чести, она свята! Замолчи!

Глагольев 2. Клянусь честью! Не веришь? Клянусь всем святым! Дай же тысячу рублей! Я сейчас же поднесу ей эту тысячу...

Глагольев 1. Ужасно... Лжешь ты! Она пошутила с тобой, с глупцом!

Глагольев 2. Но... Обнял ее, тебе говорят! Что же тут удивительного? Все женщины теперь таковы! Не верь их невинности! Знаю я их! А ты еще тоже жениться хотел! *(Хохочет.)*

Глагольев 1. Ради бога, Кирилл! Ты знаешь, что такое значит клевета?

Глагольев 2. Дай тысячу рублей! Я при тебе вручу ей эту тысячу! На этой самой скамье я обнял ее, поцеловал и поторговался... Клянусь! Чего же тебе еще нужно? Для того я и прогнал тебя, чтобы с нею поторговаться! Он не верит, что я умею побеждать женщин! Предложи ей две тысячи, и она твоя! Знаю я женщин, брат!

Глагольев 1 *(вынимает из кармана бу-*

мажник и бросает его на землю). Возьми!

Глагольев 2 поднимает бумажник и считает деньги.

Голос Войницева. Я начинаю! Матап, стреляйте! Трилецкий, полезай на беседку! Кто это на коробку наступил? Вы!

Голос Трилецкого. Лезу, черт меня подери! *(Хохочет.)* Кто это? Бугрова раздавили! Я Бугрову на голову наступил! Где спички?

Глагольев 2 *(в сторону).* Я отмщен! *(Кричит.)* Ура-а-а! *(Убегает.)*

Трилецкий. Кто это там орет? Дайте ему по шеем!

Голос Войницева. Начинать?

Глагольев 1 *(хватает себя за голову).* Боже мой! Разврат! Гной! Я молился ей! Прости ее, господи! *(Садится на скамью и закрывает лицо руками.)*

Голос Войницева. Кто веревочку взял? Матап, как вам не стыдно? Где моя веревочка, что тут лежала?

Голос Анны Петровны. Вот она, ротозей!

Глагольев 1 *(валится со скамьи).*

Голос Анны Петровны. Вы! Кто вы? Не топчитесь здесь! *(Кричит.)* Дай сюда! Дай сю-

да!

Вбегает Софья Егоровна.

Явление XXI

Софья Егоровна (одна).

Софья Егоровна (бледная, с помятой прической). Не могу! Это уж слишком, выше сил моих! (Хватает себя за грудь.) Гибель моя или... Счастье! Душно здесь!.. Он или погубит, или... вестник новой жизни! Приветствую, благословляю... тебя, новая жизнь! Решено!

Голос Войницева (кричит). Берегись!

Фейерверк.

Картина вторая

Лес. Просека. У начала просеки, с левой стороны — школа. По просеке, теряющейся вдали, тянется полотно железной дороги, которое возле школы поворачивает направо. Ряд телеграфных столбов. Ночь.

Явление I

Саша (сидит у открытого окна) и **Осип** (с ружьем через спину, стоит перед окном).

Осип. Как это случилось? Очень просто... Иду я по узлеску, недалече отсюда, смотрю, а она стоит в балочке: подсучила платье и лопухом из ручья воду черпает. Зачерпнет да и

выпьет, зачерпнет да и выпьет, а потом голову помочит... Я спустился вниз, подошел близко да и гляжу на нее... Она и внимания не обращает: дурак, мол, ты, мужик, мол, зачем же мне на тебя внимание обращать в таком случае? «Сударыня, говорю, ваше превосходительство, попить холодной водицы, знать, захотели?» — «А тебе, говорит, какое дело? Ступай отсюда туда, откуда пришел!» Сказала и не смотрит... Я обробел... Меня и стыд взял, и обидно стало, что я из мужицкого звания... «Чего смотришь на меня, дуралей? Не видал, говорит, никогда людей, что ли» И посмотрела на меня пронизательно... «Аль, говорит, понравилась?» — «Страсть, говорю, понравились! Уж такая вы, ваше превосходительство, благородная, чувствительная особа, такая красавица... Красивей вас, говорю, отродясь не видал... Наша деревенская красавица Манька, сотского дочка, говорю, супротив вас лошадь, верблюд... Нежности в вас сколько! Поцеловал бы кажись, говорю, да и помер бы на этом самом месте!» Она засмеялась... «Что ж, говорит. Целуй, коли хочешь!» Меня после этих самых слов в жар бросило.

Подошел я к ней, взял ее тихонько за плечико и поцеловал со всего размаху вот тут, в это самое место, в щечку и в шейку зараз...

Саша (*хохочет*). Она же что?

Осип. «Ну теперь, говорит, проваливай! Умывайся, говорит, почаще да ногти себе не запускай!» Я и отошел.

Саша. Какая она смелая! (*Подает Осипу тарелку щей.*) На, кушай! Присядь где-нибудь!

Осип. Не велик барин, и постою... Очень вам благодарен за ваше дружелюбие, Александра Ивановна! Я вам когда-нибудь за ваши ласки одолжение сделаю...

Саша. Сними шапку... В шапке грешно есть. Ты с молитвой кушай!

Осип (*снимает шапку*). Давно уж я этих святостей не соблюдал... (*Ест.*) И с той поры я как будто очумел... Верите ли? Не ем, не сплю... Всё она у меня перед глазами... Закрою, бывало, глаза, а она перед глазами... Таковую нежность на себя напустил, что хоть вешайся! Чуть было не утопился от тоски, генерала хотел подстрелить... А когда овдовела, начал я всякие поручения исполнять... Куропаток ей стрелял, перепелов ловил, беседочку

ей разноцветными красками выкрасил... Волка ей однажды живого привел... Всякое удовольствие ей доставлял... Бывало, что ни прикажет, всё исполняю... Приказала бы самого себя слопать, себя бы слопал... Нежные чувства... Ничего с ними не поделаешь...

Саша. Да... Я когда полюбила Михаила Васильича и не знала еще, что он меня любит, тоже ужасно тосковала... Несколько раз у бога, грешница, смерти даже просила...

Осип. Вот видите-с... Чувства такие... *(Выпивает из тарелки.)* Не пожалуете ли еще щец? *(Подает тарелку.)*

Саша *(уходит и через полминуты появляется у окна с кастрюлькой)*. Щей нет, а вот не хочешь ли картофли? Жареная на гусином жиру...

Осип. Мерси... *(Берет кастрюльку и ест.)* Страсть, как наелся! И вот так ходил я, ходил, как очумелый... Я все про то же, Александра Ивановна... Ходил, ходил... Приношу ей в прошлом годе после Святой зайчика... «Вот извольте, говорю, ваше превосходительство... Косого зверинца вам принес!» Она взяла его на руки, погладила да и спрашивает

меня: «Правду ли говорят, Осип, что ты разбойник?» — «Истинная, говорю, правда. Не станут люди понапрасну говорить...» Взял и рассказал ей всё... — «Надо, говорит, тебя исправить. Ступай, говорит, пешком в Киев. Из Киева ступай в Москву, из Москвы в Троицкую Лавру, из Троицкой Лавры в Новый Иерусалим, а оттуда домой. Сходи и через год ты другой человек будешь». Напустил я на себя убожество, надел сумочку и пошел в Киев... Не тут-то было! Исправился, да не совсем... Славная картошка! Связался под Харьковом с почтенной компанией, пропил денежки, подрался и воротился назад. И пачпорт даже потерял...

Пауза.

Теперь ничего от меня не берет... Сердится...

Саша. Почему ты в церковь не ходишь, Осип?

Осип. Я пошел бы, да того... Народ смеяться станет... Ишь, скажет, каяться пришел! Да и ходить около церкви днем страшно. Народу много — убьют.

Саша. Ну, а за что ты бедных людей обижа-

ешь?

Осип. А за что их не обижать? Не вашего ума это дело, Александра Ивановна! Не вам рассуждать о грубостях. Не вам понять. А Михаил Васильич никого не обижает?

Саша. Никого! Он если и обидит кого-нибудь, то нехотя, нечаянно. Он добрый человек!

Осип. Я, признаться, его более всех уважаю... Генералчонок Сергей Павлыч глупый человек, неумный; братец ваш тоже неумный, хоть и в докторях, ну а в Михаиле Васильиче много умственных способностей! У него есть чин?

Саша. А как же? Он коллежский регистратор!

Осип. Ну?

Пауза.

Молодчина! Так у него и чин есть... Гм... Молодчина! Доброты у него только мало... Все у него дураки, все у него холуи... Нешто можно так? Ежели б я был хорошим человеком, то я так бы не делал... Я этих самых холуев, дураков и жуликов ласкал бы... Самый несчастный народ они, заметьте! Их-то и нужно жа-

леть... Мало в нем доброты, мало... Гордости нет, запанибрата со всяким, а доброты ни-ни... Не вам понять... Покорнейше благодарю! Век бы целый такую картошку ел... *(Подает кастрюльку.)* Благодарю...

Саша. Не за что.

Осип *(вздыхает)*. Славная вы женщина, Александра Ивановна! За что вы меня каждый раз кормите? У вас, Александра Ивановна, есть хоть капелька женской злобы? Благочестивая! *(Смеется.)* В первый раз такую вижу... Святая Александра, моли бога о нас грешных! *(Кланяется.)* Радуйся, святая Александра!

Саша. Михаил Васильич идет.

Осип. Обманываете... Он в настоящий момент с молодой барыней про нежные чувства рассуждает... Красивый он у вас человек! Коли б захотел, так за ним весь женский пол пошел... Краснобай такой... *(Смеется.)* Всё к генеральше ластится... Ну та и нос натрет, не посмотрит, что он красивый... Он хотел бы, может быть, да она...

Саша. Ты уж начинаешь лишнее болтать... Я не люблю этого... Иди с богом!

Осип. Сейчас пойду... Вам давно уже пора спать... Небось мужа поджидаете?

Саша. Да...

Осип. Хорошая жена! Платонов, должно быть, такую жену себе десять годов искал, со свечками да с понятами... Нашел-таки где-то... *(Кланяется.)* Прощайте, Александра Ивановна! Спокойной ночи!

Саша *(зевает)*. Ступай с богом!

Осип. Пойду... *(Идет.)* Пойду к себе домой... Мой дом там, где пол земля, потолок небо, а стены и крыша неизвестно в каком месте... Кого бог проклял, тот и живет в этом доме... Велик он, да негде голову положить... Только и хорош тем, что за него в волость поземельных платить не надо... *(Останавливается.)* Спокойной ночи, Александра Ивановна! В гости пожалуйте! В лес! Спросите Осипа, каждая птица и ящерица...

Посмотрите-ка, как пенек светится! Как будто мертвец из гроба встал... А вон другой! Моя мать мне говорила, что под тем пеньком, который светится, грешник зарыт, а светится пень для того, чтоб молились... И надо мной будет пень светиться... Я тоже грешник... А

вон и третий! Много же на этом свете грешников! *(Уходит и минуты через две свистит.)*

Явление II

Саша.

Саша *(выходит из школы со свечой и книгой)*. Как долго Миши нет... *(Садится.)* Как бы он себе здоровья не испортил... Эти гулянья ничего не дают, кроме нездоровья... Да и мне уже спать хочется... Где я остановилась? *(Читает.)* «Пора, наконец, снова возвестить о тех великих, вечных идеалах человечества, о тех бессмертных принципах свободы, которые были руководящими звездами наших отцов и которым мы изменили, к несчастью». Что это значит? *(Думает.)* Не понимаю... Отчего это не пишут так, чтоб всем понятно было? Далее... Ммм... Пропущу предисловие... *(Читает.)* «Захер Мазох»... Какая смешная фамилия!.. Мазох... Должно быть, не русский... Далее... Миша заставил читать, так надо читать... *(Зевает и читает.)* «Веселым зимним вечером»... Ну, это можно пропустить... Описание... *(Перелистывает и читает.)* «Трудно было решить, кто играл и на каком инструменте... Сильные величавые звуки органа под

железной мужской рукой вдруг сменялись нежной флейтой как бы под прелестными женскими устами и наконец замирали...» Тссс... Кто-то идет... *(Пауза.)* Это Мишины шаги... *(Тушит свечу.)* Наконец-то... *(Встает и кричит.)* Ау! Раз, два, раз, два!левой, правой, левой, правой!левой!левой!

Входит Платонов.

Явление III

Саша и Платонов.

Платонов *(входя).* Назло тебе: правой! правой! Впрочем, милая моя, ни правой, ни левой! У пьяного нет ни права, ни лева; у него есть вперед, назад, вкось и вниз...

Саша. Пожалуйте сюда, пьяненький, садитесь сюда! Вот я вам покажу, как шагать вкось да вниз! Садитесь! *(Бросается Платонову на шею.)*

Платонов. Сядем... *(Садится.)* Ты чего же это не спишь, инфузория?

Саша. Не хочется... *(Садится рядом.)* Поздно же тебя отпустили!

Платонов. Да, поздно... Пассажирский уж прошел?

Саша. Нет еще. Товарка с час тому назад

прошла.

Платонов. Значит, нет еще двух часов. Ты давно оттуда?

Саша. Я в десять часов была уже дома... Пришла, а Колька ревет на чем свет стоит... Я ушла не простившись, пусть извинят... Танцы после меня были?

Платонов. И танцы были, и ужин был, и скандалы были... Между прочим... знаешь? При тебе это случилось? С Глагольевым стариком удар случился!

Саша. Что ты?!

Платонов. Да... Твой братец кровь пускал и вечную память пел...

Саша. Отчего же это? Что с ним? Он кажется здоровый такой на вид...

Платонов. Легенький удар... Легенький к его счастью и к несчастью его осленка, которого он по глупости величает сыном... Домой отвезли... Ни один вечер без скандала не обходится! Такова наша судьба, знать!

Саша. Воображаю, как перепугались Анна Петровна и Софья Егоровна! А какая славная Софья Егоровна! Я таких хорошеньких дамочек редко вижу... Что-то в ней такое особен-

ное...

Пауза.

Платонов. Ох! Глупо, мерзко...

Саша. Что?

Платонов. Что я наделал?! *(Закрывает руками лицо.)* Стыдно!

Саша. Что ты наделал?

Платонов. Что наделал? Ничего хорошего! Когда я делал то, чего впоследствии не стыдился?

Саша *(в сторону).* Пьян, бедненький! *(Ему.)* Пойдем спать!

Платонов. Гадок был, как никогда! Уважай себя после этого! Нет более несчастья, как быть лишенным собственного уважения! Боже мой! Нет ничего во мне такого, за что можно было бы ухватиться, нет ничего такого, за что можно было бы уважать и любить!

Пауза.

Ты вот любишь... Не понимаю! Нашла, значит, во мне что-то такое, что можно любить? Любишь?

Саша. Что за вопрос! Может ли быть, чтоб я тебя не любила?

Платонов. Знаю, но назови мне то хоро-

шее, за что ты меня так любишь! Укажи мне то хорошее, что ты любишь во мне!

Саша. Гм... За что я тебя люблю? Какой же ты сегодня чудак, Миша! Как же мне не любить тебя, если ты мне муж?

Платонов. Только и любишь за то, что я тебе муж?

Саша. Я тебя не понимаю.

Платонов. Не понимаешь? *(Смеется.)* Ах ты, моя дурочка набитая! Зачем ты не муха? Между мухами с своим умом ты была бы самой умной мухой! *(Целует ее в лоб.)* Что было бы с тобой, если бы ты понимала меня, если бы у тебя не было твоего хорошего неведения? Была бы ты так женски счастлива, если бы умела постигать своей нетронутой головкой, что у меня нет ничего того, что можно любить? Не понимай, мое сокровище, не ведай, если хочешь любить меня! *(Целует ее руку.)* Самочка моя! И я счастлив по милости твоего неведения! У меня, как у людей, семья есть... Есть семья...

Саша *(смеется)*. Чудак!

Платонов. Сокровище ты мое! Маленькая, глупенькая бабеночка! Не женой тебя иметь,

а на столе под стеклом тебя держать нужно! И как это мы ухитрились с тобой Николку породить на свет божий? Не Николок рождают, а солдатиков из теста лепить тебе впору, половина ты моя!

Саша. Глупости ты говоришь, Миша!

Платонов. Сохрани тебя бог понимать! Не понимай! Да будет земля на китах, а киты на вилах! Где мы брали бы себе постоянных жен, если бы вас не было, Саши? *(Хочет ее поцеловать.)*

Саша *(не дается).* Пошел вон! *(Сердито.)* Зачем же ты женился на мне, если я так глупа? Ну и брал бы себе умную! Я не неволила!

Платонов *(хохочет).* А вы и сердиться умеете? Ах, черт возьми! Да это целое открытие из области... Из какой области? Целое открытие, душа моя! Так ты умеешь и сердиться? Ты не шутишь?

Саша *(встает).* Иди-ка, брат, спать! Если бы не пил, не делал бы открытий! Пьяница! А еще тоже учитель! Ты не учитель, а свинтус! Ступай спать! *(Бьет его по спине и уходит в школу.)*

Явление IV

Платонов (один).

Платонов. В самом деле я пьян? Не может быть, я пил мало... В голове, впрочем, не совсем нормально...

Пауза.

А когда с Софьей говорил, был я... пьян? *(Думает.)* Нет, не был! Не был, к несчастью, святые угодники! Не был! Проклятая трезвость моя! *(Вскакивает.)* В чем провинился предо мной ее несчастный муж? За что я опачкал его перед ней такою грязью? Не прощай мне этого, моя совесть! Я разболтался пред ней, как мальчишка, рисовался, театральничал, хвастался... *(Дразнит себя.)* «Зачем вы не вышли за труженика, за страдальца?» А для чего бы она сдалась труженику, страдальцу? Зачем же ты, безумец, говорил то, чему не верил? Ах!.. Она поверила... Она выслушала бредни глупца и опустила глазки! Раскисла, несчастная, разнежилась... Как это всё глупо, как это всё мерзко, нелепо! Опротивело всё... *(Смеется.)* Самодур! Осмеяли купцов самодуров, осмеяли насквозь... Был и смех сквозь слезы и слезы сквозь смех... Кто же меня осмеет? Когда? Смешно! Взятки не бе-

рет, не ворует, жены не бьет, мыслит порядочно, а... негодяй! Смешной негодяй! Необыкновенный негодяй!..

Пауза.

Надо ехать... Буду у инспектора просить другого места... Сегодня же напишу в город...

Входит Венгерович 2.

Явление V

Платонов и Венгерович 2.

Венгерович 2 (*входя*). Гм... Школа, в которой вечно спит тот недоделанный мудрец... Спит он теперь по обыкновению или же бранится по обыкновению? (*Увидев Платонова.*) Вот он, пустой и звонкий... Не спит и не бранится... Не в нормальном положении... (*Ему.*) Не спите еще?

Платонов. Как видите! Чего же вы остановились? Позвольте вам пожелать спокойной ночи!

Венгерович 2. Сейчас уйду. Вы предаетесь уединению? (*Оглядывается.*) Чувствуете себя царем природы? В такую прелестную ночь...

Платонов. Вы домой идете?

Венгерович 2. Да... Отец уехал, и я принужден идти пешком. Наслаждаетесь? А ведь

как приятно — не правда ли? — выпить шампанского и под куражем обозреть самого себя! Можно сесть возле вас?

Платонов. Можете.

Венгерович 2. Благодарю. *(Садится.)* Я люблю за всё благодарить. Как сладко сидеть здесь, вот на этих ступенях, и чувствовать себя полным хозяином! Где ваша подруга, Платонов? Ведь к этому шуму, к этому шепоту природы, пению и трещанию кузнечиков недостает только любовного лепета, чтобы всё это обратилось в рай! К этому кокетливому, робкому ветерку недостает только горячего дыхания милой, чтобы ваши щеки пылали от счастья! К шепоту матери-природы недостает слов любви... Женщину!.. Вы смотрите на меня с изумлением... Ха-ха! Я заговорил не своим языком? Да, это не мой язык... Отрезвившись, я не раз покраснею за этот язык... Впрочем, почему же мне и не поболтать поэтически? Гм... Кто мне воспретит?

Платонов. Никто.

Венгерович 2. Или, может быть, этот язык богов не соответствует моему положению, моей фигуре? У меня лицо не поэтическое?

Платонов. Не поэтическое...

Венгерович 2. Не поэтическое... Гм...
Очень рад. У всех евреев физиономии не поэтические. Подшутила природа, не дала нам, евреям, поэтических физиономий! У нас судят обыкновенно по физиономии и на основании того, что мы имеем известные физиономии, отрицают в нас всякое поэтическое чувство... Говорят, что у евреев нет поэтов.

Платонов. Кто говорит?

Венгерович 2. Все говорят... А какая ведь это подлая клевета!

Платонов. Полно придирааться! Кто это говорит?

Венгерович 2. Все говорят, а между тем сколько у нас настоящих поэтов, не Пушкиных, не Лермонтовых, а настоящих! Ауэрбах, Гейне, Гете...

Платонов. Гете немец.

Венгерович 2. Еврей!

Платонов. Немец!

Венгерович 2. Еврей! Знаю, что говорю!

Платонов. И я знаю, что говорю, но пусть будет по-вашему! Полуученого еврея трудно переспорить.

Венгерович 2. Очень трудно...

Пауза.

Да хоть бы и не было поэтов! Велика важность! Есть поэты — хорошо, нет их — еще лучше! Поэт, как человек чувства, в большинстве случаев дармоед, эгоист... Гете, как поэт, дал ли хоть одному немецкому пролетарию кусок хлеба?

Платонов. Старо! Полно, юноша! Он не взял куска хлеба у немецкого пролетария! Это важно... Потом, лучше быть поэтом, чем ничем! В миллиард раз лучше! Впрочем, давайте замолчим... Оставьте вы в покое кусок хлеба, о котором вы не имеете ни малейшего понятия, и поэтов, которых не понимает ваша высушенная душа, и меня, которому вы не дадите покоя!

Венгерович 2. Не стану, не стану шевелить вашего великого сердца, шипучий человек!. Не стану стягивать с вас теплого одеяла... Спи-те себе!

Пауза.

Посмотрите-ка на небо! Да... Здесь хорошо, покойно, здесь одни только деревья... Нет этих сытых, довольных физиономий... Да...

Деревья шепчут не для меня... И луна не смотрит на меня так приветливо, как на этого Платонова... Она старается смотреть холодно... Ты, мол, не наш... Ступай отсюда, из этого рая, в свою жидовскую лавочку... Впрочем, чепуха... Я заболтался... довольно!..

Платонов. Довольно... Идите, юноша, домой! Чем более будете сидеть, тем больше наболтаете... А за болтовню эту вы краснеть будете, как вы сказали! Идите!

Венгерович 2. Хочу болтать! *(Смеется.)* Я теперь поэт!

Платонов. Не поэт тот, кто стыдится своей молодости! Вы переживаете молодость, будьте же молодым! Смешно, глупо, может быть, но зато человечно!

Венгерович 2. Так... Какие глупости! Вы большой чудак, Платонов! Все вы чудаки здесь... Вам бы жить во времена Ноя... И генеральша чудачка, и Войницева чудак... Между прочим, генеральша недурна в телесном отношении... Какие у нее неглупые глаза! Какие у нее хорошие пальцы!.. Недурна отчасти... Грудь, шея...

Пауза.

Почему? Хуже я вас, что ли? Хоть бы раз в жизни! Если мысли так сильно привлекательно действуют на мой... спинной мозг, то какое блаженство растопило бы меня в пух и прах, если бы она показалась сейчас между этими деревьями и поманила бы меня своими прозрачными пальцами!.. Не смотрите на меня так... Я глуп теперь, мальчуган... Впрочем, кто же смеет запретить мне хоть раз в жизни быть глупым? Я с научной целью хотел бы сейчас быть глупым, счастливым по-вашему... Я и счастлив... Кому какое дело? Гм...

Платонов. Но... *(Рассматривает его цепь.)*

Венгерович 2. Впрочем, личное счастье эгоизм!

Платонов. О да! Личное счастье эгоизм, а личное несчастье добродетель! Сколько же, однако, в вас белиберды! Какая цепь! Какие чудные брелоки! Как сияет!

Венгерович 2. Вас занимает эта цепь?! *(Смеется.)* Вас манит к себе эта мишура, этот блеск...

(Качает головой.) В эти минуты, когда вы поучаете меня чуть ли не стихами, вы може-

те восхищаться золотом! Возьмите эту цепь! Бросьте! *(Срывает с себя цепь и бросает ее в сторону.)*

Платонов. Важно звякнула! По одному этому звуку уж можно заключить, как она тяжела!

Венгерович 2. Золото тяжело не на один только вес! Счастливы вы, что можете сидеть на этих грязных ступенях! Здесь вы не испытываете всей тяжести этого грязного золота! О, эти мне золотые цепи, золотые оковы!

Платонов. Не всегда прочные оковы! Пропили их наши отцы!

Венгерович 2. Сколько несчастных, сколько голодных, сколько пьяных под луной! Когда же, наконец, миллионы много сеющих и ничего не ядущих перестанут голодать? Когда, я вас спрашиваю? Платонов, отчего же вы не отвечаете?

Платонов. Оставьте меня! Сделайте такое одолжение! Не люблю без умолку и без толку звонящих колоколов! Извините, но оставьте меня! Спать хочу!

Венгерович 2. Я колокол? Гм... Скорей же вы колокол...

Платонов. Я колокол и вы колокол, с тою только разницею, что я в себя сам звоню, а в вас звонят другие... Спокойной ночи! *(Встает.)*

Венгерович 2. Спокойной ночи!

В школе бьет два часа.

Уже два часа... В это время нужно уже спать, а я не сплю... Бессонница, шампанское, волнение... Ненормальная жизнь, благодаря которой разрушается организм... *(Встает.)* У меня, кажется, грудь уже начинает болеть... Спокойной ночи! Руки я вам не подаю и горжусь этим. Вы не имеете права на пожатие моей руки...

Платонов. Какие глупости! Мне всё одно.

Венгерович 2. Надеюсь, что нашу беседу и мою... болтовню никто, кроме нас, не слышал и не услышит... *(Идет в глубину сцены и идет обратно.)*

Платонов. Что вам угодно?

Венгерович 2. Тут где-то была моя цепь...

Платонов. Вот она, ваша цепь! *(Швыряет цепь ногой.)* Не забыл-таки! Послушайте, будьте так любезны, пожертвуйте эту цепь в пользу одного моего знакомого, принадлежащего

к разряду много сеющих и ничего не ядущих! Эта цепь будет кормить его и его семью целые годы!.. Позвольте передать ее ему?

Венгерович 2. Нет... С удовольствием отдал бы, но, честное слово, не могу! Это подарок, сувенир...

Платонов. Да, да... Убирайтесь!

Венгерович 2 (*поднимает цепь*). Отстаньте, пожалуйста! (*Идет и в глубине сцены, утомленный, садится на полотно железной дороги и закрывает руками лицо.*)

Платонов. Пошлость! Быть молодым и в то же время не быть светлою личностью! Какая глубокая испорченность! (*Садится.*) Как противны нам люди, в которых мы видим хоть намек на свое нечистое прошлое! Я когда-то был немного похож на этого... Ох!

Слышен конский топот.

Явление VI

Платонов и Анна Петровна (*входит в палатку, с хлыстом в руке.*)

Платонов. Генеральша!

Анна Петровна. Как мне его увидеть? Постучать разве? (*Увидев Платонова.*) Вы здесь? Как это кстати! Я знала, что вы еще не спите...

Да и можно ли спать теперь? Для спанья бог зиму дал... Доброй ночи, человечина! (*Протягивает руку.*) Ну? Что же вы? Руку!

Платонов протягивает руку.

Анна Петровна. Вы не пьяны?

Платонов. А черт меня знает! Или трезв, или же пьян, как самый горький пьяница... Вы что же это? Прогуливаться с жиру изволите, почтеннейшая сомнамбула?

Анна Петровна (*садится рядом*). Н-да-с...

Пауза.

Да-с, милейший Михаил Васильич! (*Поет.*) Сколько счастья, сколько муки... (*Хохочет.*) Какие большие, удивленные глаза! Полноте, не бойтесь, дружище!

Платонов. Я и не боюсь... за себя по крайней мере...

Пауза.

Вы, я вижу, ерундой вздумали заниматься...

Анна Петровна. На старости лет...

Платонов. Старухам простительно... Те сдуру... А вы какая старуха? Вы молоды, как лето в июне. Ваша жизнь впереди.

Анна Петровна. Мне нужна жизнь теперь,

а не впереди... А я молода, Платонов, ужас как молода! Чувствую... Так ветром и ходит по мне эта молодость! Чертовски молода... Холодно!

Пауза.

Платонов (*вскакивает*). Не хочу ни понимать, ни угадывать, ни предполагать... Ничего не хочу! Идите! Назовите меня невеждой и оставьте меня! Прошу вас! Гм... Для чего смотреть так? Да вы... вы подумайте!

Анна Петровна. Я уже думала...

Платонов. Вы подумайте, гордая, умная, прекрасная женщина! Куда и зачем вы пришли?! Ах...

Анна Петровна. Не пришла, а приехала, мой милый!

Платонов. С таким умом, с такой красотой, молодостью... ко мне?! Глазам, ушам не верится... Пришла победить, взять крепость! Не крепость я! Не побеждать вы пришли... Я слабость, страшная слабость! Поймите вы!

Анна Петровна (*встает и подходит к нему*). Самоуничижение паче гордости... Как же быть, Мишель? Надо же чем-нибудь кончить? Согласись сам, что...

Платонов. Не буду я кончать, потому что я ничего не начинал!

Анна Петровна. Э... философия гадкая! И тебе не стыдно лгать? В этакую ночь, при таком небе... и лгать? Лги осенью, если хочешь, в грязь, в слякоть, но не теперь, не здесь... Тебя слышат, на тебя смотрят... Взгляни, чудак, вверх!

Пауза.

Вон и звезды мерцают, что ты лжешь... Полно, милый мой! Будь же хорошим, как всё это хорошо! Не нарушай своей маленькой особой этой тишины... Оттони от себя своих бесов! *(Обнимает его одной рукой.)* Нет другого, которого я любила бы так, как я тебя люблю! Нет женщины, которую ты любил бы так, как меня любишь... Возьмем себе одну только любовь, а остальное, что тебя так мучит, пусть решат другие... *(Целует его.)* Возьмем себе одну только любовь...

Платонов. Одиссей стоил того, чтоб ему пели сирены, но не царь Одиссей я, сирена! *(Обнимает ее.)* Если бы я мог дать тебе счастье! Как ты хороша! Но не дам я тебе счастье! Я сделаю из тебя то, что делал я из всех

женщин, бросавшихся мне на шею... Я сделаю тебя несчастной!

Анна Петровна. Как много ты о себе думаешь! Неужели ты так ужасен, Дон-Жуан? (*Хочет.*) Какой же ты хорошенький при лунном свете! Прелесть!

Платонов. Знаю я себя! Те только романы и оканчиваются благополучно, в которых меня нет...

Анна Петровна. Сядем... Сюда вот... (*Сядутся на полотно.*) Еще что скажешь, философ?

Платонов. Если бы я был честным человеком, я ушел бы от тебя... Я сегодня предчувствовал это, предвидел... Почему же я, негодяй, не ушел?

Анна Петровна. Отгони от себя бесов, Мишель! Не отравляйся... Ведь к тебе женщина пришла, а не зверь... Лицо постное, на глазах слезы... Фи! Если тебе это не нравится, то я уйду... Хочешь? Я уйду, и всё останется по-старому... Идет? (*Хочет.*) Дуралей! Бери, хватай, хапай!.. Что тебе еще? Выкури всю, как папиросу, выжми, на кусочки раздробь... Будь человеком! (*Тормошит его.*) Смешной!

Платонов. Но разве ты моя? Разве ты про меня писана? (*Целует ее руки.*) Иди к другому, моя дорогая... Ступай к тому, который стоит тебя...

Анна Петровна. Ах... Полно тебе молоть чепуху! Дело ведь очень просто: к тебе пришла женщина, которая тебя любит и которую ты любишь... Погода прелестная... Что может быть проще? К чему же тут эта философия, политика? Порисоваться разве хочешь?

Платонов. Гм... (*Встает.*) А если ты пришла пошалить мной, поразвратничать, покуролесить?.. Тогда что? Ведь я не гожусь во временнообязанные... Я не позволю играть собой! Ты не отделаешься от меня грошами, как отделалась от десятка!.. Слишком дорог я для интрижки... (*Хватает себя за голову.*) Уважать, любить тебя и в то же время... мелочь, пошлость, мещанская, плебейская игра!

Анна Петровна (*подходит к нему*). Ты меня любишь, уважаешь, для чего же ты, беспокойная душа, торгуешься со мной, говоришь мне эти мерзости? Для чего эти «если»? Я люблю... Я сказала тебе, и сам ты знаешь, что я тебя люблю... Что же тебе еще? Покоя мне...

(Кладет голову ему на грудь.) Покоя... Пойми же наконец, Платонов! Я отдохнуть хочу... Забыться, и больше мне ничего не нужно... Ты не знаешь... Ты не знаешь, как тяжела для меня жизнь, а я... жить хочу!

Платонов. Не сумею я дать тебе покой!

Анна Петровна. Сумей только не философствовать!.. Живи! Всё живет, всё движется... Кругом жизнь... Давай же и мы жить! Завтра решать вопросы, а сегодня, в эту ночь, жить, жить... Жить, Мишель!

Пауза.

Да что я в самом деле распелась пред тобой? *(Хохочет.)* Скажите, пожалуйста! Я ною, а он и ломается!

Платонов *(хватает ее за руку)*. Послушай... В последний раз... Как честный человек говорю... Уйди!.. В последний раз! Уйди!

Анна Петровна. Будто бы? *(Хохочет.)* А ты не шутишь?.. Глупишь, брат! Теперь уж я тебя не оставлю! *(Бросается ему на шею.)* Слышишь? В последний раз говорю: не выпущу! Во что бы то ни стало, что бы там ни было! Хоть меня погуби, хоть сам пропади, а возьми! Жить! Тра-та-та-та... ра-ра-ра... Чего

рвешься, чудак? Мой! Мели теперь свою философию!

Платонов. Еще раз... Как честный человек...

Анна Петровна. Честью не взяла, силой возьму... Люби, коли любишь, а не строй из себя дурачка! Тра-та-та-та... Звон победы раздавайся... Ко мне, ко мне! *(Накидывает ему на голову черный платок.)* Ко мне!

Платонов. К тебе? *(Смеется.)* Пустая ты женщина! Добра ты себе не желаешь... Плакать ведь будешь! Мужем твоим я не буду, потому что не про меня ты писана, а играть собой не позволю... Посмотрим, кто кем играть будет... Увидим... Заплачешь... Идем, что ли?

Анна Петровна *(хохочет).* Allons! *(Берет его под руку.)* Постой... Кто-то идет. Станем пока за дерево... *(Прячутся за дерево.)* В сюртуке кто-то, не мужик... Отчего ты в газеты передовых статей не пишешь? Ты славно бы писал... Не шутя.

Входит Трилецкий.

Явление VII

Те же и Трилецкий.

Трилецкий *(идет к школе и стучит в*

окно). Саша! Сестренка! Сашурка!

Саша (*отворяет окно*). Кто здесь? Это ты, Коля? Чего тебе?

Трилецкий. Ты еще не спишь? Пусти меня, душечка, переночевать!

Саша. Сделай милость...

Трилецкий. Положишь меня в классной... Да пожалуйста, чтоб Мишель не узнал, что я у вас ночью: спать не даст своей философией! У меня голова ужасно кружится... Всё в глазах двоится... Стою перед одним окном, а мне кажется, что их два: в какое лезть? Комиссия! Хорошо, что я не женат! Будь я женат, мне показалось бы, что я двоеженец... Всё двоится! У тебя на двух шеях две головы! Кстати, между прочим... Там около срубленного дуба, что над речкой — знаешь? — я сморкался, козявочка, и выронил из платка сорок рублей... Поднимешь их, душечка, завтра пораньше... Поищи и возьми себе...

Саша. Их чуть свет плотники поднимут... Какой же ты разгильдяй, Коля! Ах, да! Чуть было не позабыла... Приходила жена лавочника и просила тебя убедительно чтобы ты пришел к ним, как можно скорей... Ее муж

внезапно заболел... В голову какой-то удар сделался... Иди скорей!

Трилецкий. Бог с ним совсем! Мне не до того... У меня у самого стреляет и в голове, и в брюхе... *(Лезет в окно.)* Посторонись...

Саша. Влезай скорей! Ногой меня зацепил... *(Запирает окно.)*

Платонов. Еще кого-то черти несут!

Анна Петровна. Стой.

Платонов. Не держи... Уйду, если захочу!
Кто это?

Анна Петровна. Петрин и Щербук.

Входят Петрин и Щербук, без сюртуков, покачиваясь.

На первом черный цилиндр, на втором — серый.

Явление VIII

Венгерович 2 (в глубине сцены), **Платонов, Анна Петровна, Петрин и Щербук.**

Петрин. Виват, Петрин, кандидат прав! Ура! Где дорога? Куда зашли? Что это? *(Хочет.)* Тут, Павочка, народное просвещение! Тут дураков учат бога забывать да людей надувать! Вот куда мы зашли... Гм... Так-с... Тут, брат, тот... как его, черт? — Платошка живет,

цивилизированный человек... Пава, а где теперь Платошка? Выскажи мнение, не стыдись! С генеральшей дуэт поет? Ох, господи, твоя воля... *(Кричит.)* Глагольев дурак! Она ему нос натерла, а с ним удар сделался!

Щербук. Домой хочу, Герася... Спать хочется, страсть как! Шут с ними со всеми!

Петрин. А где наши сюртуки, Пава? К начальнику станции ночевать идем, а сюртуков нет... *(Хохочет.)* Девки сняли? Ах ты, кавалер, кавалер!.. Девки сюртуки поснимали... *(Вздыхает.)* Эх, Пава, Павочка... Ты шампань пил? Небось, вот ты пьян теперь? А чье ты пил? Мое ты пил... И пил ты сейчас мое, и ел ты сейчас мое... На генеральше платье мое, на Сережке чулки мои... всё мое! Я им всё передавал! У самого каблучонки на сапожонках кривые... Всё им отдал, всё на них просадил, а что получил? Ты спроси, что я получил? Кукиш и позор... Да... Лакей за столом обносит да локтем норовит толкнуть, сама же как с свинством обращается...

Платонов. Надоело мне!

Анна Петровна. Постой... Сейчас уйдут! Какой же скот этот Петрин! Как лжет! А та

старая тряпка и верит...

Петрин. Жиду почета больше... Жид у изголовья, а мы у подножия ног... А почему? А потому, что жид больше денег дает... А на лбу роковые слова: продается с публичного торга!

Щербук. Это Некрасова... Говорят, помер Некрасов...

Петрин. Ладно же! Больше ни копейки! Слышишь? Ни копейки! Пусть старичок в могиле сердится... Пусть там себе с... гробокопателями! Шабаш! Протестую векселя! Завтра же! Я ее в грязь головой поставлю, неблагодарную!

Щербук. Она граф, барон! У нее генеральское лицо! А я... калмык и больше ничего... Меня пуцай Дуняша обожает... Какая дорога неровная! Шоссе бы надо со столбами телеграфическими... с колоколами... Дзинь, дзинь, дзинь...

Уходят.

Явление IX

Те же без *Петрина и Щербука.*

Анна Петровна (*выходит из-за деревьев*)
. Ушли?

Платонов. Ушли...

Анна Петровна (*берет его за плечи*). Шествуем?

Платонов. Пойдем! Иду, но если бы ты знала, как мне не хочется идти!.. Пойду не я к тебе, а черт, который бьет меня теперь по затылку: иди, иди! Пойми же! Если моя совесть не принимает твоей любви, то только потому, что она глубоко убеждена в том, что ты делаешь непоправимую ошибку...

Саша (*в окно*). Миша, Миша! Где ты?

Платонов. Черт возьми!

Саша (*в окно*). Ах... Я вижу тебя... С кем это ты? (*Хохочет.*) Анна Петровна! Насилу я вас узнала! Вы такая черная! В чем это вы? Здравствуйте!

Анна Петровна. Здравствуйте, Александра Ивановна!

Саша. Вы в амазонке? Катаетесь, значит? Отличное дело! Ночь такая хорошая! Поедем и мы с тобой, Миша!

Анна Петровна. Я уже накаталась, Александра Ивановна... Домой сейчас еду...

Саша. В таком случае, разумеется... Иди, Миша, в комнату!.. Я не знаю, право, что делать! С Колей дурно...

Платонов. С каким Колей?

Саша. С братом Николаем... Выпил, должно быть, много... Войди, пожалуйста! Заходите и вы, Анна Петровна! Я сбегая в погреб и сливок принесу... По стакану выпьем... Холодные сливки!

Анна Петровна. Благодарю вас... Я сейчас домой еду... *(Платонову.)* Ступай... Я подожду...

Саша. А то бы я сбегала в погреб... Иди, Миша! *(Скрывается.)*

Платонов. Совершенно забыл о ее существовании... Верит-то, верит как?! Ступай... Я уложу ее спать и приду...

Анна Петровна. Скорей же...

Платонов. Чуть-чуть скандала не было! Прощай пока... *(Идет в школу.)*

Явление X

Анна Петровна, Венгерович 2 и потом Осип.

Анна Петровна. Сюрприз... И я совершенно забыла о ее существовании...

Пауза.

Жестоко... Впрочем, ему не в первый раз надувать эту бедную девочку!.. Э-э-э... гре-

шить так грешить! Один только бог будет знать! Не впервой... Канальство! Жди теперь, пока он уложит ее спать!.. Час протянется, если не больше...

Венгерович 2 *(идет к ней)*. Анна Петровна... *(Падает перед ней на колени.)* Анна Петровна... *(Хватает ее за руки.)* Анна!

Анна Петровна. Кто это? Кто вы? *(Нагинаяется к нему.)* Кто это? Вы, Исак Абрамыч? Выли? Что с вами?

Венгерович 2. Анна! *(Целует руку.)*

Анна Петровна. Уйдите! Нехорошо так! Вы мужчина!

Венгерович 2. Анна!

Анна Петровна. Полно вам цепляться! Уйдите прочь! *(Пхает его в плечо.)*

Венгерович 2 *(растягивается на земле)*, Ох! Глупо... глупо!

Осип *(входит)*. Комедьянты! Это, бывает, не вы, ваше превосходительство? *(Кланяется.)* Как это вы попали в наши святые места?

Анна Петровна. Это ты, Осип? Здравствуй! Подсматриваешь? Шпионишь? *(Берет его за подбородок.)* Всё видел?

Осип. Всё.

Анна Петровна. А чего ты бледен так? а?
(Смеется.) Ты влюблен в меня, Осип?

Осип. Это как вам угодно...

Анна Петровна. Влюблен?

Осип. Я вас не понимаю... (Плачет.) Я вас за святую почитал... Ежели б приказали в огонь лезть, в огонь бы полез...

Анна Петровна. Отчего ты в Киев не пошел?

Осип. Что мне Киев? Я вас за святую почитал... Для меня святей вас и людей не было...

Анна Петровна. Полно, дуралей... Носи опять ко мне зайчиков... Опять буду брать... Ну, прощай... Приходи завтра ко мне, и я тебе дам денег: по железной дороге в Киев поедешь... Идет? Прощай... Платонова у меня не смей трогать! Слышишь?

Осип. Вы мне с этой поры уж не указ...

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста! Не прикажете ли мне в монастырь идти? Его дело!.. Ну, ну... Плачет... Маленький ты, что ли? Довольно... Когда он будет идти ко мне, то выстрелишь!..

Осип. В него?

Анна Петровна. Нет, в воздух... Прощай,

Осип! Погромче выстрели! Выстрелишь?

Осип. Выстрелю.

Анна Петровна. Ну и умничек...

Осип. Только он к вам не пойдет... Он с женой теперь.

Анна Петровна. Толкуй... Прощай, душегуб! *(Убегает.)*

Явление XI

Осип и Венгерович 2.

Осип *(бьет шапкой оземь и плачет).* Кончено! Всё кончено, и чтоб оно провалилось сквозь землю!

Венгерович 2 *(лежа).* Что он говорит?

Осип. Видел всю эту материю, слышал! Глаза лопались, в ушах кто-то здоровенным молотом колотил! Всё слышал! Ну как его не убить, ежели хочется в клочки его разорвать, слопать... *(Садится на насыпь задом к школе.)* Надо убить...

Венгерович 2. Что он говорит? Кого убить?

Явление XII

Те же, Платонов и Трилецкий.

Платонов *(выталкивает из школы Трилецкого).* Вон! Изволь сию же минуту отправляться к лавочнику! Марш!

Трилецкий (*потягивается*). Лучше бы ты потянул меня завтра большой палкой, чем сегодня будить!

Платонов. Ты негодяй, Николай, негодяй! Понимаешь?

Трилецкий. Что ж делать? Таким, значит, бог создал?

Платонов. А что если лавочник уже умер?

Трилецкий. Если умер, то царство ему небесное, а если же еще продолжает борьбу за существование, то напрасно ты говоришь страшные слова... Не пойду я к лавочнику! Мне спать хочется!

Платонов. Пойдешь, скот! Пойдешь! (*Толкает его*). Я не дам тебе спать! Да что ты в самом деле? Что ты строишь из себя? Отчего ты ничего не делаешь? Ради чего ты здесь предаешься, проводишь свои лучшие дни и бездельничаешь?

Трилецкий. Пристал... Какой же ты, братец, право... клещ!

Платонов. Что ты за существо, скажи ты мне, пожалуйста? Это ужасно! Для чего ты живешь? Отчего ты не занимаешься наукой? Отчего не продолжаешь своего научного об-

разования? Наукой отчего не занимаешься, животное?

Трилецкий. Об этом интересном предмете поговорим, когда мне не будет спать хотеться, а теперь пусти меня спать... *(Чешется.)* Черт знает что! Ни с того ни с сего: вставай, негодяй! Гм... Честные правила... Черт бы их съел, эти честные правила!

Платонов. Какому богу ты служишь, странное существо? Что ты за человек? Нет, не будет из нас толку! Нет, не будет!

Трилецкий. Послушай, Михаил Васильич, кто дал тебе право запускать свои холодные лапицы в чужие сердца? Твоя бесцеремонность выше всяких удивлений, братец!

Платонов. Не выйдет из нас ничего, кроме лишаев земли! Пропащий мы народ! Гроша мы не стоим! *(Плачет.)* Нет человека, на котором могли бы отдохнуть глаза! Как всё пошло, грязно, истаскано... Поди прочь, Николай! Уйди!

Трилецкий *(пожимает плечами).* Плачешь?

Пауза.

Я пойду к лавочнику! Слышишь? Я пойду!

Платонов. Как хочешь!

Трилецкий. Пойду! Иду вот...

Платонов (*стучит ногами*). Пошел прочь!

Трилецкий. Хорошо... Ложись-ка спать, Мишель! Не стоит волноваться! Прощай! (*Идет и останавливается.*) На прощанье одно слово... Посоветуй всем проповедникам, в том числе и самому себе, чтобы слово проповедническое клеилось с делами проповедника... Если твои глаза не умеют отдохнуть на тебе самом, то не моги требовать от меня отдыха для твоих глаз, которые, à propos[19], очень хороши у тебя при лунном свете! Они блестят у тебя, как зеленые стеклышки... И еще вот что... С тобой бы говорить не следовало... Тебя бы избить страшно, изломать на куски, разорвать бы с тобой навсегда за ту девочку... Сказать бы тебе то, чего ты отродясь не слышал! Но... не умею! Я плохой дуэлист! И это твое счастье!..

Пауза.

Прощай! (*Уходит.*)

Явление XIII

Платонов, Венгерович 2 и Осип.

Платонов (*хватает себя за голову*). Не

один я таков, все таковы! Все! Где же люди, боже мой? Я-то каков! Не ходи к ней! Она не твоя! Это чужое добро! Испортишь ее жизнь, исковеркаешь навсегда! Уйти отсюда! Нет! Буду у ней, буду здесь жить, буду пьянствовать, язычничать... Развратные, глупые, пьяные... Вечно пьяные! Глупая мать родила от пьяного отца! Отец... мать! Отец... О, чтоб у вас там кости так переворочились, как вы спяна и сдуру переворочили мою бедную жизнь!

Пауза.

Нет... Что я сказал? Бог простит... Царство небесное... *(Наталкивается на лежащего Венгеровича.)* Это кто?

Венгерович 2 *(поднимается на колени).* Дикая, безобразная, позорная ночь!

Платонов. Аааа... Пойди и запиши эту дикую ночь в свой дурацкий дневник чернилами из отцовской совести! Прочь отсюда!

Венгерович 2. Да... Запишу! *(Уходит.)*

Платонов. Что он здесь делал? Подслушивал? *(Осипу.)* Ты кто? Ты зачем здесь, вольный стрелок? Тоже подслушивал? Прочь отсюда! Или постой... Догони Венгеровича и сними с него цепь!

Осип (*встает*). Какую цепь?

Платонов. У него на груди висит большая золотая цепь! Догони его и сними! Живей! (*Стучит ногами.*) Скорей, а то не догонишь! Он бежит теперь к деревне, как сумасшедший!

Осип. А вы к генеральше?

Платонов. Беги скорей, негодяй! Не бей его, а только сними цепь! Пошел! Чего стоишь? Беги!

Осип *убегает.*

(*После паузы.*) Идти... Идти или не идти? (*Вздыхает.*) Идти... Пойду затыну длинную, в сущности скучную, безобразную песню... Я же думал, что я хожу в прочной броне! А что же оказывается? Женщина сказала слово, и во мне поднялась буря... У людей мировые вопросы, а у меня женщина! Вся жизнь — женщина! У Цезаря — Рубикон, у меня — женщина... Пустой бабник! Не жалко было бы, если бы не боролся, а то ведь борюсь! Слаб, бесконечно слаб!

Саша (*в окно*). Миша, ты здесь?

Платонов. Здесь, мое бедное золото!

Саша. Иди в комнату!

Платонов. Нет, Саша! Я хочу побыть на воздухе. У меня голова трещит. Спи, мой ангел!

Саша. Спокойной ночи! *(Закрывает окно.)*

Платонов. Тяжело надуть того, кто верит безгранично! Я и вспотел и покраснел... Иду! *(Идет.)*

Навстречу ему идут Катя и Яков.

Явление XIV

Платонов, Катя и Яков.

Катя *(Якову)*. Постой здесь... Я сейчас... Только книгу возьму... Не уйди же, смотри! *(Идет навстречу Платонову.)*

Платонов *(увидев Катю)*. Ты? Что тебе?

Катя *(испугавшись)*. Ах... это вы? Мне вас нужно.

Платонов. Это ты, Катя? Все, начиная с барыни и кончая горничной, все — ночные птицы! Что тебе?

Катя *(тихо)*. Вам барыня письмо прислала.

Платонов. Что?

Катя. Вам барыня письмо прислала!

Платонов. Что врешь? Какая барыня?

Катя *(тише)*. Софья Егоровна...

Платонов. Что? Ты с ума сошла? Окати се-

бя холодной водой! Пошла вон отсюда!

Катя (*подает письмо*). Вот оно!

Платонов (*вырывает письмо*). Письмо... письмо... Какое письмо? Нельзя было завтра принести? (*Распечатывает.*) Как же я его буду читать?

Катя. Просили как можно скорей...

Платонов (*зажигает спичку*). Черт вас носит! (*Читает.*) «Я делаю первый шаг. Иди, сделаем его вместе. Я воскресаю. Иди и бери. Твоя». Черт знает... Телеграмма какая-то! «Жду до четырех часов в беседке около четырех столбов. Пьяный муж уехал с молодым Глагольевым на охоту. Вся твоя С.». Этого еще не доставало! Боже мой! Этого еще не доставало! (*Кате.*) Что смотришь?

Катя. Как же мне не смотреть, если у меня глаза есть?

Платонов. Выколи себе свои глаза! Это ко мне письмо?

Катя. К вам-с...

Платонов. Врешь! Прочь отсюда!

Катя. Слушаю-с.

Уходит с Яковом.

Явление XV

Платонов (один).

Платонов (после паузы). Вот они, последствия... Доигрался малый! Исковеркал женщину, живое существо, так, без толку, без всякой на то надобности... Проклятый язык! Довел до чего... Что теперь делать? А ну-ка, мудрая ты голова, подумай! Брани себя теперь, рви волосы... (Думает.) Ехать! Сейчас же ехать и не сметь показываться сюда до самого страшного суда! Марш отсюда на все четыре стороны, в ежовые рукавицы нужды, труда! Лучше худшая жизнь, чем эта с этой историей!

Пауза.

Еду... Но... неужели Софья на самом-таки деле любит меня? Да? (Смеется.) За что? Как всё темно и странно на этом свете!

Пауза.

Странно... Неужели эта прекрасная, мраморная женщина с чудными волосами в состоянии полюбить нищего чудака? Неужели любит? Невероятно! (Зажигает спичку и пробегает письмо.) Да... Меня? Софья? (Хохочет.) Любит? (Хватает себя за грудь.) Счастье! Да ведь это счастье! Это мое счастье! Это новая

жизнь, с новыми лицами, с новыми декорациями! Иду! Марш в беседку около четырех столбов! Жди, моя Софья! Была ты и будешь моей! *(Идет и останавливается.)* Не пойду! *(Идет обратно.)* Разбивать семью? *(Кричит.)* Саша, идут в комнату! Отворяй! *(Хватает себя за голову.)* Не пойду, не пойду... не пойду!

Пауза.

Пойду! *(Идет.)* Иди, разбивай, топчи, оскверняй... *(Сталкивается с Войницевым и Глагольевым 2.)*

Явление XVI

Платонов, Войницев и Глагольев 2. *Войницев и Глагольев 2 вбегают с ружьями через спину.*

Войницев. Вот он! Вот он! *(Обнимает Платонова.)* Ну? На охоту едем!

Платонов. Нет... Постой!

Войницев. Что рвешься, друг? *(Хохочет.)* Пьян, я пьян! Первый раз в жизни пьян! Боже мой, как я счастлив! Друг мой! *(Обнимает Платонова.)* Едем? Она послала меня... Приказала настрелять для нее дичи...

Глагольев 2. Скорей едемте! Уже светает...

Войницев. Ты слышал, что мы выдумали?

Не гениально разве? Мы думаем Гамлета сыграть! Честное слово! Такой театр удерем, что даже чертей затошнит! *(Хохочет.)* Как ты бледен... И ты пьян?

Платонов. Пусти... Пьян.

Войнищев. Постой... Моя идея! Завтра же начинаем декорации писать! Я — Гамлет, Софи — Офелия, ты — Клавдий, Трилецкий — Горацио... Как я счастлив! Доволен! Шекспир, Софи, ты и тата! Больше мне ничего не нужно! Впрочем, еще Глинка. Ничего больше! Я Гамлет...

*И этому злодею,
Стыд женщины, супруги, матери
забыв,
Могла отдаться ты!..*

(Хохочет.) Чем не Гамлет?

Платонов *(вырывается и бежит)*. Подлец!
(Убегает.)

Войнищев. Тюлюлю! Пьян! Важно! *(Хохочет.)* Каков наш друг?

Глагольев 2. Наспиртован... Едем!

Войнищев. Едем... И вы были бы моим другом, если бы... Офелия! О нимфа, помяни мои грехи в твоих святых молитвах!

Уходят.

Слышен шум идущего поезда.

Явление XVII

Осип и потом **Саша**.

Осип (вбегает с цепью). Где он? (Оглядывается.) Где он? Ушел? Нет его? (Свистит.) Михаил Васильич! Михаил Васильич! Ау!

Пауза.

Нет? (Подбегает к окну и стучит.) Михаил Васильич! Михаил Васильич! (Разбивает стекло.)

Саша (в окно). Кто здесь?

Осип. Позовите Михаила Васильича! Скорей!

Саша. Что случилось? Его нет в комнате!

Осип (кричит). Нет? Пошел к генеральше, значит! Генеральша здесь была и к себе его звала! Всё пропало, Александра Ивановна! К генеральше пошел он, проклятый!

Саша Лжешь!

Осип. Накажи меня господь, к генеральше! Всё слышал и видел! Они тут обнимались, целовались...

Саша. Лжешь!

Осип. Чтоб ни отцу моему, ни матери не

увидать царства небесного, коли вру! К генеральше! От жены ушел! Догоните его, Александра Ивановна! Нет, нет... Всё пропало! И вы несчастная теперь! *(Снимает с плеч ружье.)* Она приказала мне в последний раз, а я исполняю в последний раз! *(Стреляет в воздух.)* Пусть встречает! *(Бросает ружье на землю.)* Зарежу его, Александра Ивановна! *(Перепрыгивает через насыпь и садится на пень.)* Не беспокойтесь, Александра Ивановна... не беспокойтесь... Я его зарежу... Не сомневайтесь...

Показываются огни.

Саша *(выходит в ночной кофточке, с распущенными волосами).* Ушел... Обманул... *(Рыдает.)* Пропала я... Убей меня, господи, после этого...

Свисток.

Под машину лягу... Не хочу я жить... *(Ложится на рельсы.)* Обманул... Убей меня, бо-жья мать!

Пауза.

Прости, господи... Прости, господи... *(Вскрикивает.)* Коля! *(Поднимается на колени.)* Сын! Спасите! Спасите! Вот она, машина,

идет!.. Спасите!

Осип подскакивает к Саше.

(Падает на рельсы.) Ах...

Осип *(берет ее и несет в школу). Зарежу...*

Не беспокойтесь!

Идет поезд.

Конец второго действия

Действие третье

Комната в школе. Направо и налево двери. Шкаф с посудой, комод, старый фортепиано, стулья, диван, обитый клеенкой, гитара и т. п. Полный беспорядок.

Явление I

Софья Егоровна и Платонов.

С Платонов спит на диване, у окна. Лицо закрыто соломенной шляпой.

Софья Егоровна *(будит Платонова).* Платонов! Михаил Васильич! *(Толкает его.)* Проснись! Мишель! *(Снимает с его лица шляпу.)* Можно ли класть на лицо такую грязную шляпу? Фи, какой неряха, нечистот! Запонки растерял, спит с открытой грудью, неумытый, в грязной сорочке... Мишель! Тебе говорят! Вставай!

Платонов. А?

Софья Егоровна. Проснитесь!

Платонов. После... Хорошо...

Софья Егоровна. Будет тебе! Изволь подняться!

Платонов. Кто это? *(Поднимается.)* Это ты, Софья?

Софья Егоровна *(подносит к его глазам часы.)* Взгляните!

Платонов. Хорошо... *(Ложится.)*

Софья Егоровна. Платонов!

Платонов. Ну, чего тебе? *(Поднимается.)* Ну?

Софья Егоровна. Взгляните на часы!

Платонов. Что такое? Опять ты, Софья, с причудами!

Софья Егоровна. Да, я опять с причудами, Михаил Васильич! Извольте взглянуть на часы! Который теперь час?

Платонов. Половина восьмого.

Софья Егоровна. Половина восьмого... А условие забыли?

Платонов. Какое условие? Выражайся ясней, Софья! Я не расположен сегодня ни шутить, ни решать ерундистые загадки!

Софья Егоровна. Какое условие? А ты за-

был? Что с тобой? У тебя глаза красные, ты весь измят... Ты болен?

Пауза.

Условие: быть сегодня обоим в шесть часов в избе... Забыл? Шесть часов прошло...

Платонов. Дальше что?

Софья Егоровна (*садится рядом*). И тебе не стыдно? Отчего ты не приходил? Ты дал честное слово...

Платонов. Я и сдержал бы это слово, если бы не уснул... Ведь ты видишь, что я спал? Что же пристаешь?

Софья Егоровна (*качает головой*). Какой же ты недобросовестный человек! Что злобно смотришь? Недобросовестный по отношению ко мне, по крайней мере... Подумай-ка... Являлся ли ты хоть раз вовремя на наши свидания? Сколько раз не сдерживал ты данного мне честного слова!

Платонов. Очень рад это слышать!

Софья Егоровна. Неумно, Платонов, стыдно! Зачем ты перестаешь быть благородным, умным, самим собой, когда я с тобою? Для чего эти плебейские выходки, не достойные человека, которому я обязана спасением своей

духовной жизни? При мне держишь ты себя каким-то уродом... Ни ласкового взгляда, ни нежного слова, ни одного слова любви! Прихожу к тебе — от тебя пахнет вином, одет ты безобразно, не причесан, отвечаешь дерзко и невпопад...

Платонов *(вскакивает и шагает по сцене).*
Пришла!

Софья Егоровна. Ты пьян?

Платонов. Вам какое дело?

Софья Егоровна. Как это мило! *(Плачет.)*

Платонов. Женщины!!

Софья Егоровна. Не говори мне про женщин! Тысячу раз на день ты говоришь мне о них! Надоело! *(Встает.)* Что ты делаешь со мной? Ты уморить меня хочешь? Я больна через тебя! У меня день и ночь грудь болит по твоей милости! Ты этого не видишь? Знать ты этого не хочешь? Ты ненавидишь меня! Если бы ты любил меня, то не смел бы так обращаться со мной! Я не какая-нибудь простая девчонка для тебя, неотесанная, грубая душа! Я не позволю какому-нибудь... *(Садится.)* Ради бога! *(Плачет.)*

Платонов. Довольно!

Софья Егоровна. За что ты убиваешь меня? Не прошло и трех недель после той ночи, а я уже стала походить на щепку! Где же обещанное тобою счастье? Чем кончатся эти твои выходки? Подумай, умный, благородный, честный человек! Подумай, Платонов, пока еще не поздно! Думай вот сейчас... Сядь вот на это стуло, выкинь всё из головы и подумай только об одном: что ты делаешь со мной?

Платонов. Я не умею думать.

Пауза.

А вот ты подумай! *(Подходит к ней.)* Ты подумай! Я лишил тебя семьи, благополучия, будущности... За что? К чему? Я ограбил тебя, как самый злейший враг твой! Что я могу тебе дать? Чем я могу заплатить тебе за твои жертвы? Этот незаконный узел твоё несчастье, твоё minimum, твоё гибель! *(Садится.)*

Софья Егоровна. Я сошлась с ним, а он смеет называть эту связь незаконным узлом!

Платонов. Э-э... Не время теперь придирааться к каждому слову! У тебя свой взгляд на эту связь, у меня свой... Я погубил тебя, вот и всё! Да и не тебя одну... Подожди, что еще за-

поет твой муж, когда узнает!

Софья Егоровна. Ты боишься, чтобы он не наделал тебе неприятностей?

Платонов. Этого я не боюсь... Я боюсь, чтобы мы его не убили...

Софья Егоровна. Зачем же ты, малодушный трус, шел тогда ко мне, если ты знал, что мы убьем его?

Платонов. Пожалуйста, не так... патетично!

Меня не проймешь грудными нотами... А зачем ты... Впрочем... (*машет рукой*) говорить с тобой значит проливать твои слезы...

Софья Егоровна. Да, да... Никогда я не плакала, пока не сошлась с тобой! Бойся, дрожи! Он уже знает!

Платонов. Что?

Софья Егоровна. Он уже знает.

Платонов (*поднимается*). Он?!

Софья Егоровна. Он... Я сегодня утром объяснилась с ним...

Платонов. Шутки...

Софья Егоровна. Побледнел?! Тебя бы ненавидеть нужно, а не любить! Я с ума сошла... Я не знаю, за что... за что я люблю тебя?

Он уж знает! (*Треплет его за рукав.*) Дрожи же, дрожи! Он всё знает! Клянусь тебе честью, что он всё знает! Дрожи!

Платонов. Быть не может! Не может быть этого!

Пауза.

Софья Егоровна. Он всё знает... Нужно же было когда-нибудь сделать это?

Платонов. Отчего же ты дрожишь? Как ты объяснилась с ним? Что ты ему сказала?

Софья Егоровна. Я объявила ему, что я уже... что не могу...

Платонов. Он же что?

Софья Егоровна. Был похож на тебя... Испугался! А как невыносимо твое лицо в настоящую минуту!

Платонов. Что он сказал?

Софья Егоровна. Он сперва думал, что я шучу, но когда убедился в противном, то побледнел, зашатался, заплакал, начал ползать на коленях... У него было такое же противное лицо, как у тебя теперь!

Платонов. Что ты наделала, мерзкая?! (*Хватает себя за голову.*) Ты убила его! И ты можешь, и ты смеешь говорить это так хлад-

нокровно? Ты убила его! Ты... назвала меня?

Софья Егоровна. Да... Как же иначе?

Платонов. Он же что?

Софья Егоровна (*вскакивает*). Постыдись же, наконец, Платонов! Ты не знаешь, что ты говоришь! По-твоему, значит, не нужно было говорить?

Платонов. Не нужно! (*Ложится на диван лицом вниз.*)

Софья Егоровна. Честный человек, что ты говоришь?

Платонов. Честнее было бы не говорить, чем убивать! Мы убили его! Он заплакал, ползал на коленях... Ах! (*Вскакивает.*) Несчастный человек! Если бы не ты, он до самой смерти не узнал бы о нашей связи!

Софья Егоровна. Я обязана была объяснить с ним! Я честная женщина!

Платонов. Знаешь, что ты наделала этим объяснением? Ты рассталась с мужем навсегда!

Софья Егоровна. Да, навсегда... Как же иначе? Платонов, ты начинаешь говорить как... подлец!

Платонов. Навсегда... Что же будет с тобой,

когда мы разойдемся? А мы скоро разойдемся! Ты первая перестанешь заблуждаться! Ты первая откроешь глаза и оставишь меня! (*Машет рукой.*) Впрочем... делай, Софья, что хочешь! Ты честней и умней меня, возьми же всю эту некстати заваренную кашу в свое распоряжение! Делай и говори ты! Воскрешай меня, если можешь, поднимай меня на ноги! Скорее только, ради бога, а то я сойду с ума!

Софья Егоровна. Мы завтра уезжаем отсюда.

Платонов. Да, да, едем... Скорей только!

Софья Егоровна. Надо увезти тебя отсюда... Я написала о тебе матери. Мы к ней поедем...

Платонов. К кому хочешь!.. Делай, что знаешь!

Софья Егоровна. Мишель! Ведь новая же жизнь... Пойми ты это!.. Слушайся, Мишель, меня! Пусть всё будет по-моему! У меня свежей голова, чем у тебя! Верь мне, мой дорогой! Я подниму тебя на ноги! Я повезу тебя туда, где больше света, где нет этой грязи, этой пыли, лени, этой грязной сорочки... Я сделаю из тебя человека... Счастье я тебе дам! Пойми

же...

Пауза.

Я сделаю из тебя работника! Мы будем людьми, Мишель! Мы будем есть свой хлеб, мы будем проливать пот, натирать мозоли... *(Кладет голову ему на грудь.)* Я буду работать...

Платонов. Где ты будешь работать? Не такие есть женщины, как ты, посильнее, да и те валяются, как снопы, от безделья! Не умеешь ты работать, да и что ты будешь работать? Наше положение, Соня, таково теперь, что полезнее было бы рассуждать здраво, а не утешать себя иллюзиями... Впрочем, как знаешь!

Софья Егоровна. Увидишь! Есть женщины не такие, как я, но я сильнее их... Веруй же, Мишель! Я освещу путь твой! Ты воскресил меня, и вся жизнь моя будет благодарностью... Едем завтра? Да? Я сейчас пойду в дорогу собираться... Собирайся и ты... В десять часов приходи в избу и приноси свои вещи... Придешь?

Платонов. Приду.

Софья Егоровна. Дай мне честное слово, что ты придешь!

Платонов. А-а-а... Сказал же!

Софья Егоровна. Дай честное слово!

Платонов. Честное слово... Божусь...

Уедем!

Софья Егоровна (*смеется*). Верю, верю! Даже раньше приходи... Я раньше десяти часов буду готова... А ночью и покатым! Заживем, Мишель! Счастья своего ты не понимаешь, глупый человек! Ведь это наше счастье, наша жизнь!.. Завтра же ты будешь другим человеком, свежим, новым! Задышим новым воздухом, потечет в наших жилах новая кровь... (*Хохочет.*) Прочь, ветхий человек! На тебе руку! Жми ее! (*Подает руку.*)

Платонов целует руку.

Софья Егоровна. Приходи же, мой тюлень! Я буду ждать... Не хандри... Прощай пока! Я живо соберусь!.. (*Целует его.*)

Платонов. Прощай... В одиннадцать или в десять?

Софья Егоровна. В десять... Даже раньше приходи! Прощай! Оденься на дорогу поприличней... (*Смеется.*) Денежки у меня есть... Дорогой и поужинаем... Прощай! Пойду собираться... Будь же весел! В десять часов жду!

(Убегает.)

Явление II

Платонов (один).

Платонов *(после паузы.)* Не новая песня... Сто раз слышал...

Пауза.

Напишу ему и Саше по письму... Пусть поплачут, простят и забудут!.. Прощай, Войнищевка! Прощай всё! И Саша, и генеральша... *(Открывает шкаф.)* Завтра я уже новый человек... Страсть какой новый! Во что белье взять? У меня нет чемодана... *(Наливает вино.)* Прощай, школа! *(Пьет.)* Прощайте, мои ребятишки! Исчезает ваш плохой, но добрый Михаил Васильич! Это я пил сейчас? Для чего? Больше не стану пить... Это в последний раз... Сяду писать Саше... *(Ложится на диван.)* Софья искренно верит... Блаженни верующие!.. Смейся, генеральша! А ведь генеральша смеяться будет! Хохотать будет!.. Да! От нее, кажется, письмо было... Где оно? *(Достает с окна письмо.)* Сотое письмо, если не двухсотое после дикой ночи... *(Читает.)* «Вы, Платонов, не отвечающий на мои письма, неделикатный, жестокий, глупый невежда! Если и

это письмо оставите без внимания, не явитесь, то, так и быть уж, сама явлюсь к вам, черт с вами! Жду целый день. Глупо, Платонов! Можно подумать, что вам стыдно той ночи. Забудем ее, если уж на то пошло! Сергей и Софья ведут себя прескверно — конец месяцу, вымазанному диким медом. А всё потому, что нет красноречивого болванчика с ними. Вы болванчик. До свиданья!»

Пауза.

А почерк-то какой! Аккуратный, смелый... Запятые, точки, ять, е — всё на своем месте... Женщина, правильно пишущая, редкое явление...

Входит Марко.

Надо будет ей письмо написать, а то придет, пожалуй... *(Увидев Марко.)* Явление...

Явление III

Платонов и Марко.

Платонов. Милости просим! Кого надобно? *(Поднимается.)*

Марко. К вашему благородию... *(Вынимает из сумки повестку.)* Повесточку к вашей милости...

Платонов. А... Очень приятно. Какую пове-

сточку? Ты от кого?

Марко. От Ивана Андреича, мирового судьи-с...

Платонов. Гм... От мирового? На что я ему сдался? Дай сюда! *(Берет повестку.)* Не понимаю... На крестины зовет, что ли? Плодовит как саранча, старый грешник! *(Читает.)* «В качестве обвиняемого по делу об оскорблении действием дочери статского советника Марьи Ефимовны Грековой». *(Хохочет.)* Ах, черт возьми! Bravo! Черт возьми! Bravo, хлопковый эфир! Когда будет разбираться это дело? Послезавтра? Приду, приду... Скажи, старче, что приду... Умница, ей-богу, умница! Молодец девка! Вот давно бы так и следовало!

Марко. Извольте расписаться-с!

Платонов. Расписаться? Изволь... Ужасно ты, братец, на подстреленную утку похож!

Марко. Никак нет-с...

Платонов *(садится за стол).* На кого же ты похож?

Марко. На образ и подобие божие-с...

Платонов. Так... Николаевский?

Марко. Точно так... После Севастопольской кампании-с отставку получил... Сверх

службы четыре года в госпитале пролежал...
Унтер-офицер... Я по артиллерии-с...

Платонов Так... Хороши были пушки?

Марко. Обнаковенные... Круглого диаметра...

Платонов. Карандашом можно?

Марко. Можно-с... Получил сию повестку такой-то. Имя, отчество и фамилия.

Платонов (*встает*). Получи. Пять раз расписался. Ну что твой мировой? Играет?

Марко. Так точно.

Платонов. От пяти часов вечера до пяти часов вечера?

Марко. Точно так.

Платонов. Цепи своей еще не проиграл?

Марко. Никак нет-с.

Платонов. Скажи ему... Впрочем, ничего не говори ему... Карточных долгов, разумеется, не платит... Играет, глупец, должнаеся, а у самого детей целая куча... Ведь этакая она умница, ей-богу! Не ожидал, совсем не ожидал! Свидетелями же кто? Кому еще есть повестки?

Марко (*перебирает повестки и читает*).
«Господину доктору Николаю Иванычу Три-

лецкому-с»...

Платонов. Трилецкому? (Хохочет.) Можно будет комедь удрать! А еще кому?

Марко (читает). «Господину Кириллу Порфирьичу Глагольеву-с, господину Альфонсу Иванычу Шрифтеру, его благородию господину отставному гвардии корнету Максиму Егорычу Алеутову-с, сыну действительного статского советника господину гимназисту Ивану Талье, господину кандидату Санкт-Петербургского неперситета»...

Платонов. Там так и написано «неперситета»?

Марко. Никак нет-с...

Платонов. Зачем же ты так читаешь?

Марко. По невежеству-с... (Читает.) «...уни... уни... неперситета Сергею Павлычу... Павловичу Войницеву, жене кандидата Санкт-Петербургского уни...неперситета Софье Егоровне госпоже Войницевой, господину студенту Харьковского неперситета Исаку Абрамычу Венгеровичу». Все-с!

Платонов. Гм... Это послезавтра, а завтра ехать нужно... Жалко. Вот был бы, воображаю, процесс... Гм... Экая досада! Доставил бы

ей удовольствием... *(Ходит по сцене.)* Досада...

Марко. На чаек бы с вашего благородия...

Платонов. А?

Марко. На чаек бы... Шесть верст шел-с...

Платонов. На чаек? Не нужно... Впрочем, что я говорю? Хорошо, мой милый! На чаек я тебе не дам, а я тебе лучше чайку дам... И мне выгоднее, да и для тебя трезвее... *(Вынимает из шкафа чайницу.)* Подойди сюда... Чай хороший, крепкий... Хоть не сорокаградусный, но крепкий... Во что же тебе дать?

Марко *(подставляет карман).* Сыпьте-с...

Платонов. Прямо в карман? А не провоняет?

Марко. Сыпьте-с, сыпьте-с... Не сомневайтесь...

Платонов *(сыплет чай).* Довольно?

Марко. Благодарим покорно...

Платонов. Какой же ты старый... Люблю я вас, старых солдатиков!.. Душа вы народ!.. Но и между вами встречаются иногда такие ужасные...

Марко. Всякие бывают-с... Один господь без греха... Счастливо оставаться!

Платонов. Постой... Сейчас... *(Садится и*

пишет на повестке.) «Тогда целовал, потому что... потому что был раздражен и не знал, чего хотел, теперь же поцеловал бы, как святыню. Гадок был с вами, сознаю. Со всеми я гадок. На суде, к сожалению, не увидимся. Завтра уезжаю навсегда. Будьте счастливы и будьте хоть вы справедливы ко мне! Не прощайте!» (Марку.) Знаешь, где Грекова живет?

Марко. Знаю-с. Двенадцать верст отсюда, если пройти реку бродом-с.

Платонов. Ну да... В Жилкове... Отнеси ты ей это письмо, и ты получишь три целковых. Барышне прямо отдашь... Ответа не нужно... Будет давать, не бери... Сегодня же отнесешь... Сейчас... Отнесешь, а потом уж разнесешь повестки. (Ходит по сцене.)

Марко. Понимаю.

Платонов. Еще что? Да! Будешь говорить всем, что я у Грековой прощения просил и что она меня не простила.

Марко. Понимаю. Счастливо оставаться!

Платонов. Прощай, друг! Будь здоров!

Марко уходит.

Явление IV

Платонов (один).

Платонов. С Грековой, значит, квиты... На всю губернию осрамит... Так и следует... Первый раз в жизни меня наказывает женщина... *(Ложится на диван.)* Им пакостишь, а они тебе на шею вешаются... Софья, например... *(Закрывает платком лицо.)* Был свободен, как ветер, а теперь лежи вот здесь, мечтай... Любовь... Амо, амоас, ама... [20] Связался... И ее погубил, и себя уважил... *(Вздыхает.)* Бедные Войницевы! А Саша? Бедная девочка! Как-то она заживет без меня? Зачахнет, умрет... Ушла, почувяла правду, ушла с ребенком, не сказав ни одного слова... Ушла после той же ночи... Проститься бы с ней...

Анна Петровна *(в окно)*. Можно войти? Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Платонов. Анна Петровна! *(Вскакивает.)* Генеральша! Что ей сказать! Ну зачем ей приходиться сюда, спрашивается? *(Поправляется.)*

Анна Петровна *(в окно)*. Можно войти? Я вхожу! Слышите?

Платонов. Пришла! Каким образом не впустить ее? *(Причесывается.)* Как бы ее спровадить? Выпью, пока еще не вошла... *(Быстро)*

отворяет шкаф.) И за каким чертом... Не понимаю! (Быстро выпивает.) Хорошо, если она еще ничего не знает, ну а если знает? Покраснею...

Явление V

Платонов и Анна Петровна.

Анна Петровна входит. Платонов медленно запирает шкаф.

Анна Петровна. Мое почтение! Наше вам!

Платонов. Не запирается...

Пауза.

Анна Петровна. Вы! Здравствуйте!

Платонов. Ах... Это вы, Анна Петровна? Pardon, я и не заметил... Не запирается да и только... Странно... *(Роняет ключ и поднимает.)*

Анна Петровна. Подходите же ко мне! Оставьте шкаф в покое! Оставьте!

Платонов *(подходит к ней).* Здравствуйте...

Анна Петровна. Что же это вы на меня не смотрите?

Платонов. Стыдно. *(Целует руку.)*

Анна Петровна. Чего стыдно?

Платонов. Всего...

Анна Петровна. Гм... Соблазнил кого-ни-

будь?

Платонов. Да, в этом роде...

Анна Петровна. Ай да Платонов! Кого же?

Платонов. Не скажу...

Анна Петровна. Сядем...

Садятся на диван.

Узнаем, молодой человек, узнаем... Чего же меня-то стыдиться? Ведь я вашу грешную душу давно уже знаю...

Платонов. Не спрашивайте, Анна Петровна! Не расположен я сегодня присутствовать на собственном допросе. Говорите, если хотите, но не спрашивайте!

Анна Петровна. Ладно. Письма получал?

Платонов. Да.

Анна Петровна. Отчего же не являлся?

Платонов. Не могу.

Анна Петровна. Отчего же не можете?

Платонов. Не могу.

Анна Петровна. Дуетесь?

Платонов. Нет. За что мне дуться? Не спрашивайте, ради бога!

Анна Петровна. Извольте мне отвечать, Михаил Васильич! Сядьте хорошенько! Отчего вы не являлись к нам в эти последние три

недели?

Платонов. Болен был.

Анна Петровна. Лжете!

Платонов. Лгу. Не спрашивайте, Анна Петровна!

Анна Петровна. Как от вас виныщем несет! Платонов, что это всё значит? Что с вами? На что вы стали похожи? Глаза красные, лицо скверное... Вы грязны, в комнатах грязь... Посмотрите вокруг себя, что это за безобразие? Что с вами? Вы пьете?

Платонов. Ужасно пью!

Анна Петровна. Гм... Прошлогодня история... В прошлом году соблазнил и до самой осени ходил мокрой курицей, так и теперь... Дон-Жуан и жалкий трус в одном теле. Не смей пить!

Платонов. Не буду...

Анна Петровна. Честное слово? Впрочем, для чего отягощать вас честным словом?
(Встает.) Где ваше вино?

Платонов указывает на шкаф.

Стыдно, Миша, быть таким малодушным! Где ваш характер? *(Отпирает шкаф.)* А в шкафу-то какой беспорядок! Задаст же вам Алек-

сандра Ивановна, когда воротится! Хотите, чтобы жена воротилась?

Платонов. Хочу только одного: не задавайте вопросов и не смотрите мне прямо в лицо!

Анна Петровна. В какой бутылке вино?

Платонов. Во всех.

Анна Петровна. Во всех пяти? Ах вы пьяница, пьяница! Да у вас в шкафу целое питейное заведение! Нужно, чтобы Александра Ивановна воротилась... Вы ей объясните как-нибудь... Я соперница не из ужасных... Подельчива... Не в моих планах разводить вас... *(Отпивает из бутылки.)* А вино вкусное... Идите-ка, выпьем немножко! Хотите? Выпьем да и больше пить не будем!

Платонов идет к шкафу.

Держите стакан! *(Льет вино.)* Дуйте! Больше не налью.

Платонов пьет.

А теперь и я выпью... *(Наливает.)* За здоровье плохих! *(Пьет.)* Плохой вы! Хорошее вино! У вас есть вкус... *(Подает ему бутылки.)* Держите-ка! Несите сюда! *(Идут к окну.)* Прощайтесь с вашим вкусным вином! *(Смотрит в окно.)* Выливать жалко... Еще разве выпить,

а? Выпьем?

Платонов. Как хотите...

Анна Петровна *(наливает)*. Пейте... Скорей!

Платонов *(пьет)*. За ваше здоровье! Дай бог вам счастья!

Анна Петровна *(наливает и пьет)*. Скучал за мной? Сядем... Поставьте бутылки пока...

Садятся.

Скучал?

Платонов. Каждую минуту.

Анна Петровна. Отчего же не являлся?

Платонов. Не спрашивайте! Ничего я вам не скажу не потому, что я не откровенен с вами, а потому, что жалею ваши уши! Я пропадаю, совсем пропадаю, моя дорогая! Угрызения совести, тоска, хандра... мука, одним словом! Вы пришли, и мне стало легче.

Анна Петровна. Вы похудели, подурнели... Не терплю я этих романических героев! Что вы строите из себя, Платонов? Разыгрываете героя какого романа? Хандра, тоска, борьба страстей, любовь с предисловиями... Фи! Держите себя по-человечески! Живите, глупый человек, как люди живут! Что вы за архангел

такой, что вам не живется, не дышится и не сидится так, как обыкновенным смертным?

Платонов. Это говорить легко... Что же делать?

Анна Петровна. Человек живет, мужчина то есть, живет и не знает, что ему делать! Странно! Что ему делать?! Извольте, я отвечу вам на ваш вопрос, как умею, хотя он и не стоит ответа, как вопрос праздный!

Платонов. Ничего вы не ответите...

Анна Петровна. Во-первых, живите по-человечески, то есть не пейте, не лежите, умывайтесь почаще и ходите ко мне, а во-вторых, будьте довольны тем, что имеете... Глупите, сэр! Мало вам вашего учительства? *(Встает.)* Пойдемте сейчас ко мне!

Платонов. Как? *(Встает.)* К вам идти? Нет, нет...

Анна Петровна. Идемте! Людей увидите, поговорите, послушаете, побранитесь...

Платонов. Нет, нет... И не приказывайте!

Анна Петровна. Почему же?

Платонов. Не могу, вот и всё!

Анна Петровна. Можете! Надевайте вашу шляпу! Идемте!

Платонов. Не могу, Анна Петровна! Ни за что! Шага из дома не сделаю!

Анна Петровна. Можете! *(Надевает на него шляпу.)* Глупишь, брат Платонов, шутишь! *(Берет его под руку.)* Ну? Раз, два!.. Идите, Платонов! Вперед!

Пауза.

Да ну же, Мишель! Идите!

Платонов. Не могу!

Анна Петровна. Упрямится, точно молодой бык! Начинайте шагать! Ну? раз, два... Мишель, голубчик, родненький, хорошенький...

Платонов *(вырывается).* Не пойду я, Анна Петровна!

Анна Петровна. Пойдем вокруг школы пройдемся!

Платонов. Зачем приставать? Ведь сказал же, что не пойду! Хочу сидеть дома, а потому и позвольте мне делать так, как я хочу!

Пауза.

Не пойду!

Анна Петровна. Гм... Вот что, Платонов... Я вам займу немного денег, а вы уезжайте отсюда куда-нибудь на месяц, на два...

Платонов. Куда?

Анна Петровна. В Москву, в Петербург... Идет? Поезжайте, Мишель! Вам более чем необходимо проветриться! Прокатаетесь, людей посмотрите, в театры сходите, освежитесь, проветритесь... Я вам «дам» денег, писем... Хочешь и я с тобой поеду? Хочешь? Покатаемся, нагуляемся... Приедем сюда обратно обновленными, сияющими...

Платонов. Прелестная идея, но, к несчастью, неисполнимая... Завтра я еду отсюда, Анна Петровна, но не с вами!

Анна Петровна. Как хотите... Куда едете?

Платонов. Еду...

Пауза.

Навсегда уезжаю отсюда...

Анна Петровна. Пустяки... *(Отпивает из бутылки.)* Вздор!

Платонов. Не пустяки, моя дорогая! Еду! Навсегда!!

Анна Петровна. Для чего же, странный вы человек?

Платонов. Не спрашивайте! Ей-богу, навсегда! Уезжаю и... Прощайте, вот что! Не спрашивайте! Ничего вы не узнаете от меня

теперь...

Анна Петровна. Вздор!

Платонов. Сегодня только и видимся... Навсегда скроюсь... *(Берет ее за рукав и потом, за плечо.)*

Забудьте дурака, осла, подлеца и мерзавца Платонова! Он провалится сквозь землю, стучится... Встретимся, быть может, через десятки лет, когда оба будем в состоянии хохотать и старчески плакать над этими днями, а теперь... черт с ним! *(Целует руку.)*

Анна Петровна. На-ка выпей! *(Наливает ему вина.)* Пьяному не грешно молоть чепуху...

Платонов *(выпивает).* Не буду я пьян... Буду помнить, моя мать, моя хорошая фея!.. Никогда не забуду! Смейся, развитая, светлоголовая женщина! Завтра я бегу отсюда, бегу от самого себя, сам не знаю куда, бегу к новой жизни! Знаю я, что такое эта новая жизнь!

Анна Петровна. Всё это прекрасно, но что с вами поделалось?

Платонов. Что? Я... После всё узнаете! Друг мой, когда вы ужаснетесь моему поступку, не проклиняйте меня! Помните, что я уже почти

что наказан... Расстаться с вами навсегда больше чем наказание... Чего улыбаетесь? Верьте! Честное слово, верьте! Так горько на душе, так скверно и подло, что рад был бы задушить себя!

Анна Петровна *(сквозь слезы)*. Не думаю, чтобы вы были способны на ужасное что-нибудь... Вы мне напишете по крайней мере?

Платонов. Не посмею я написать к вам, да и вы сами не захотите читать моих писем! Безусловно навсегда... прощайте!

Анна Петровна. Гм... Пропадете вы без меня, Платонов! *(Трет себе лоб.)* Я чуточку опьянела... Поедем вместе!

Платонов. Нет... Завтра всё узнаете и... *(Отворачивается к окну.)*

Анна Петровна. Вам нужны деньги?

Платонов. Нет...

Анна Петровна. А... помочь не могу?

Платонов. Не знаю. Пришлите сегодня мне вашу карточку... *(Оборачивается.)* Уходите, Анна Петровна, или я черт знает чего надеюсь! Я разрыдаюсь, отколочу себя и... Уходите! Нельзя мне оставаться! Вам говорят русским языком! Чего же вы ждете? Я должен

ехать, поймите вы это! Зачем же так смотреть? Для чего делать такое лицо?

Анна Петровна. Прощайте... *(Подает руку.)* Мы еще увидимся...

Платонов. Нет... *(Целует руку.)* Не нужно... Уходите, моя родная... *(Целует руку.)* Прощайте... Оставьте... *(Закрывает себе лицо ее рукой.)*

Анна Петровна. Раскис, сердечный, растаял... Ну? Пустите руку... Прощайте! Выпьем на прощание, что ли? *(Наливает.)* Пейте!.. Счастливого пути, а после пути счастья!

Платонов пьет.

Остался бы, Платонов! А? *(Наливает и пьет.)* Важно пожили бы... Что за преступление такое? Возможно ли оно в Войницевке?

Пауза.

Налить еще с горя?

Платонов. Да.

Анна Петровна *(наливает).* Пей, душа моя... Эх, черт возьми!

Платонов *(пьет).* Будьте счастливы! Живите тут себе... И без меня можно...

Анна Петровна. Пить так пить... *(Наливает.)* И пить умирать, и не пить умирать, так

лучше же пить умирать... *(Пьет.)* Пьяница я, Платонов... А? Налить еще? Не нужно, впрочем... Язык свяжет, а чем тогда говорить будем? *(Садится.)* Нет ничего хуже, как быть развитой женщиной... Развитая женщина и без дела... Ну что я значу, для чего живу?

Пауза.

Поневоле безнравственная... Я безнравственная женщина, Платонов... *(Хохочет.)* А? И тебя люблю, может быть, потому, что безнравственная... *(Трет себе лоб.)* Я и пропаду... Такие всегда пропадают... Меня бы куда-нибудь профессором, директором... Будь я дипломатом, я бы весь свет перебалаламутила... Развитая женщина и... без дела. Не нужна, значит... Лошади, коровы и собаки нужны, а ты не нужна, лишняя... А? Что же ты молчишь?

Платонов. Обоим нам плохо...

Анна Петровна. Хоть бы дети были... Ты любишь детей? *(Встает.)* Останься, голубчик! Останешься? Хорошо пожили бы. Весело, дружно... Ты уедешь, а я же как? Ведь мне же отдохнуть хочется... Мишель! Мне отдохнуть надо! Я хочу быть... женой, матерью...

Пауза.

Не молчи! Говори! Останешься? Ведь... ведь любишь, чудак? Любишь?

Платонов (*смотрит в окно*). Убью себя, если останусь.

Анна Петровна. Ведь любишь?

Платонов. Кто вас не любит?

Анна Петровна. Ты меня любишь, я тебя тоже, что же тебе еще нужно? С ума ты сходишь, должно быть... Что тебе еще нужно? Отчего тогда ночью не приходил?

Пауза.

Остаешься?

Платонов. Уходите ради бога! Вы мучаете меня!

Анна Петровна (*подает руку*). Ну... в таком случае... Желаю всего лучшего...

Платонов. Уйдите же, или я всё расскажу, а если расскажу, то убью себя!

Анна Петровна. Я руку подаю... Не видите? Я вечером забегу на минуту...

Платонов. Не нужно! Сам приду проститься! Сам к вам приду... Ни за что не приду! Не увидишь ты меня больше, и я тебя не увижу! Сама не захочешь увидеть! Отвернешься на-

всегда! Новая жизнь... *(Обнимает ее и целует.)* В последний раз... *(Выталкивает ее в дверь.)* Прощай! Ступай и будь счастлива! *(Запирает дверь на задвижку.)*

Анна Петровна *(за дверью)*. Клянусь богом, что увидимся!

Платонов. Нет! Прощай! *(Затыкает пальцами уши.)* Ничего не слышу! Молчи и уходи! Я заткнул уши!

Анна Петровна. Ухожу! Я пришлю к тебе Сергея и даю слово, что ты не уедешь, а если уедешь, то со мной! Прощай!

Пауза.

Явление VI

Платонов *(один)*.

Платонов. Ушла? *(Идет к двери и слушает.)* Ушла... А может быть и не ушла? *(Отворяет дверь.)* Она ведь бес... *(Смотрит за дверь.)* Ушла... *(Ложится на диван.)* Прощай, милая женщина!.. *(Вздыхает.)* И не увижу больше никогда... Ушла... Могла бы еще побыть минут пять...

Пауза.

Это было бы недурно! Попрошу-ка Софью отложить отъезд недели на две, а сам с гене-

ральшей поеду! Право... Две недели — только! Софья согласится... Может пока у матери пожить... Попрошу-ка... а?.. Пока я буду ездить с генеральшей, Софья поотдохнет... сил наберется то есть... Ну да ведь не навеки же уеду!

Стук в двери.

Еду! Решено! Отлично...

Стук.

Кто стучит? Генеральша? Кто там?

Стук.

Это вы? *(Встает.)* Не впускаю! *(Идет к двери.)* Она ли это?

Стук.

Хихикает, кажется... *(Смеется.)* Она... Надо впустить... *(Отворяет дверь.)* Ах!

Входит Осип.

Явление VII

Платонов и Осип.

Платонов. Что такое? Ты, черт? Зачем пожаловал?

Осип. Здравствуйте, Михаил Васильич!

Платонов. Что скажешь? Чему и кому обязан посещением такой важной персоны? Говори скорей и убирайся к черту!

Осип. Я сяду... *(Садится.)*

Платонов. Сделайте такое одолжение!

Пауза.

Ты ли это, Осип? Что с тобой? На лице у тебя написаны все десять египетских казней! Что с тобой поделалось? Ты бледен, худ, тощ... Ты болен?

Осип. У вас тоже казни на лице написаны... Что с вами поделалось? Меня черт берет, ну а вы?

Платонов. Я? Я с чертом не знаком... Я сам себя беру... *(Трогает Осипа за плечо.)* Одни кости!

Осип. Жирок ваш где? Больны, Михаил Васильич? От хорошего поведения?

Платонов *(садится рядом).* Зачем пришел?

Осип. Проститься...

Платонов. Разве уезжаешь?

Осип. Не я уезжаю, а вы уезжаете.

Платонов. Вот как! А ты почему знаешь?

Осип. Как не знать!

Платонов. Не уезжаю, брат, я. Напрасно ты пришел.

Осип. Уезжаете-с...

Платонов. И всё ты знаешь, и до всего тебе

дело... Ты, Осип, колдун. Еду, любезный. Ты прав.

Осип. Вот видите ли, значит, знаю. Знаю даже, куда и поедете!

Платонов. Да? Экий ты какой... А я не знаю. Мудрец, совсем мудрец! Ну-ка скажи, куда?

Осип. А вам хочется знать?

Платонов. Помилуй! Интересно! Куда же?

Осип. На тот свет.

Платонов. Далеко!

Пауза.

Загадка. Не ты ли отправителем будешь?

Осип. Так точно. Подорожную вам принес.

Платонов. Очень приятно!.. Гм... Убить, значит, пришел?

Осип. Так точно...

Платонов (*дразнит*). Так точно... Какое нахальство, черт побери! Он пришел отправить меня на тот свет... Гм... Убивать меня станешь от себя или же по чьему-нибудь поручению?

Осип (*показывает четвертную*). Вот... Венгерович дал, чтобы я вашу милость покалечил! (*Рвет деньги.*)

Платонов. Ага... Старый Венгерович?

Осип. Он самый...

Платонов. Для чего же это ты порвал деньги? Великодушие свое показать хочешь, что ли?

Осип. Не умею я великодушие показывать, а для того деньги эти порвал, чтобы вы не подумали на том свете, что я вас из-за денег убил.

Платонов встает и ходит по сцене.

Бойтесь, Михаил Васильич? Страшно? *(Смеется.)* Бежите, кричите! Около дверей не стою, дверей не держу: выход есть. Подите народ сзывайте, скажите, что Осип убить пришел! А убить пришел... Не верите?

Пауза.

Платонов *(подходит к Осипу и смотрит на него).* Удивительно!

Пауза.

Что улыбаешься? Дурак! *(Бьет его по руке.)* Не улыбаться! С тобой говорят! Молчать! Я тебя повешу! Я из тебя мочалу сделаю, разбойник! *(Быстро отходит от него.)* Впрочем... Не серди меня... Мне нельзя сердиться... Мне больно.

Осип. Ударьте меня по щеке за то, что я

вредный человек!

Платонов. Сколько угодно! *(Подходит к Осипу и дает ему пощечину.)* Что? Шатаешься? Подожди, не так еще зашатаешься, когда сотни палок будут дробить твою пустую голову! Помнишь, как умер рябой Филька?

Осип. Собаке собачья и смерть.

Платонов. В-в-в... как ты отвратителен, тварь! Я исковеркать тебя готов, негодяй! За что ты вредишь им, подлая душа, как болезнь, как шальной огонь? Что они сделали тебе? В-в-в... Мерзавец!! *(Бьет его по щеке.)* Гадость! Я тебя... я тебя... *(Быстро отходит от Осипа.)* Ступай!

Осип. Плюньте мне в глаза за то, что я вредный человек!

Платонов. Слюны жалко!

Осип *(поднимается)*. А вы смеете так говорить?

Платонов. Ступай отсюда, пока я тебя с грязью не смешал!

Осип. Не смеете! Вы тоже вредный человек!

Платонов. Ты еще разговаривать со мной станешь? *(Подходит к нему.)* Ты убить, ка-

жется, пришел? На! Убивай! Вот он я! Убивай же!

Осип. Уважал я вас, господин Платонов, за важного человека почитал! Ну а теперь... Жалко убивать, да надо... Уж вредны очень... Зачем к вам сегодня молодая барыня приходила?

Платонов (*треплет его за грудь*). Убивай! Убивай же!

Осип. А генеральша зачем после нее приходила? Вы генеральшу обманываете, значит? А жена ваша где? Какая из них троих самая настоящая? а? И вы не вредный человек после этого? (*Быстро валит его через ногу и падает вместе с ним на пол.*)

Платонов. Прочь пошел! Я убью, а не ты убьешь! Я сильнее тебя!

Борются.

Тише!

Осип. Вы на живот повернитесь! Руки-то не крутите! Рука нисколько не виновата, за что ее крутить? Ну вот еще! На том свете будете, генералу Войницеву от меня поклон низжайший!

Платонов. Пусти!

Осип (*вынимает из-за пояса нож*). Тише! Всё одно убью! А у вас сила! Важный человек! Не хочется помирать? Не трогай того, что не для тебя положено!

Платонов (*кричит*). Руку! Постой, постой... Руку!

Осип. Не хочется помирать? Сейчас вы в царстве небесном будете...

Платонов. В спину только не бей, железное животное, в грудь бей! Руку! Пусти, Осип! Жена, сын... Это нож блестит? О злоба проклятая!

Вбегает Саша.

Явление VIII

Те же и Саша.

Саша (*вбегает*). Что такое? (*Вскрикивает.*) Миша! (*Бежит к борющимся и падает на них.*) Что вы делаете?

Осип. Кто это? Александра Ивановна? (*Вскакивает.*) Живой останется! (*Саше.*) Натевам ножик! (*Дает нож.*) При вас не зарежу... Живой останется!! После зарежу! Не уйдет! (*Выскакивает в окно.*)

Платонов (*после паузы*). Экий черт... Здорово, Саша! Это ты, кажется? (*Стонет.*)

Саша. Он не повредил тебя? Можешь встать? Скорей!

Платонов. Не знаю... Эта тварь из чугуна вылита... Дай мне руку! *(Поднимается.)* Не пугайся, моя родная... Я целехонек. Он меня помял только...

Саша. Какой же он подлый человек! Говорила ведь я тебе, чтоб ты его не трогал!

Платонов. Где диван? Ну что смотришь? Жив твой изменник! Не видишь разве? *(Ложится на диван.)* Спасибо, что пришла, а то быть бы тебе вдовушкой, а мне покойником!

Саша. Ложись на подушку! *(Кладет ему под голову подушку.)* Вот так! *(Садится ему на ноги.)* Ничего не болит?

Пауза.

Зачем ты закрыл глаза?

Платонов. Нет, нет... Это я так... Пришла, Саша? Пришло, мое сокровище? *(Целует руку.)*

Саша. Коля наш заболел!

Платонов. Что с ним?

Саша. Кашель такой, жар, сыпь... Две ночи уж не спит и кричит... Не пьет, не ест... *(Плачет.)* Сильно он захворал, Миша! Боюсь я за

него!.. Так боюсь! И сон снился нехороший...

Платонов. Что же твой братец смотрит? Ведь он лекарь!

Саша. Что он? Разве он может сочувствовать? Он четыре дня тому назад заехал на минутку, покрутился и уехал. Я ему рассказываю про Колину болезнь, а он щипается да зевает... Дурой назвал...

Платонов. Вот еще тоже балбес! Он и себя когда-нибудь прозевает! И от себя уедет, когда заболит!

Саша. Что делать?

Платонов. Уповать... Ты у отца теперь живешь?

Саша. Да.

Платонов. Он же что?

Саша. Ничего. Ходит себе по комнате, трубку курит да к тебе съездить собирается. Я приехала к нему встревоженная, ну а он и догадался, что я... что мы с тобой... Что с Колей делать?

Платонов. Не беспокойся, Саша!

Саша. Как же не беспокоиться? Умри он, чего не дай господи, что с нами тогда будет?

Платонов. Да... Не возьмет бог у тебя наше-

го мальчишку! За что тебя наказывать? Разве за то, что за шалокая замуж вышла?

Пауза.

Береги, Саша, моего маленького человечка! Сбереги ты мне его, и клянусь я тебе всем святым, что я сделаю из него человека! Каждый его шаг будет твоею радостью! А ведь он, бедняга, тоже Платонов! Фамилию бы ему только переменить... Как человек я мал, ничтожен, но как отец я буду велик! Не бойся за его судьбу! Ох, рука! *(Стонет.)* Рука у меня болит... Сильно помял ее тот разбойник... Что с ней? *(Рассматривает руку.)* Красна... Ну черт с ней! Так-то, Саша... Счастлива будешь ты сыном! Смеешься... Смейся, мое золото! А теперь плачешь? Чего же ты плачешь? Гм... Не плачь, Саша! *(Обнимает ее голову.)* Пришла... А зачем уходила? Не плачь, суслик! Для чего слезы? Ведь люблю тебя, девочка!.. Сильно люблю! Велика моя вина, но что поделаешь? Простить надо... Ну, ну...

Саша. Интрига кончилась?

Платонов. Интрига? Что это за слово, мещаночка?

Саша. Не кончилась?

Платонов. Как тебе сказать? Интриги нет никакой, но есть какая-то чудовищная галиматья... Не смущайся сильно этой галиматией! Если не кончилась она, то скоро... кончится!

Саша. Когда же?

Платонов. Надо думать, что скоро! Скоро заживем, Саша, по-старому! Пропади оно, всё новое! Измучился весь, истаскался... Не верь ты в прочность этого узла, как я не верю! Не туго он затянут... Сама она первая охладает и первая взглянет со смехом и горечью на этот узел. Не пара мне Софья. В ней бродит то, что во мне давно уже перебродило; она со слезами умиления смотрит на то, что я не могу видеть без смеха... Не пара она мне...

Пауза.

Верь мне! Софья недолго будет твоей соперницей... Саша, что с тобой?

Саша встает и шатается.

(Поднимается.) Саша!

Саша. Ты... ты с Софьей, а не с генеральшей?

Платонов. Первый раз об этом слышишь?

Саша. С Софьей?.. Подло... низко...

Платонов. Что с тобой? Ты бледна, шатаешься... *(Стонет.)* Не мучь хоть ты меня, Саша! Рука болит, а тут ты еще... Неужели это... это для тебя новость? В первый раз слышишь? Отчего же ты тогда ушла? Разве не от Софьи?

Саша. С генеральшей уж так и сяк, ну а с чужой женой?! Низко, грешно... Не ожидала я от тебя такой подлости! Бог тебя накажет, бесовестный человек! *(Идет к двери.)*

Платонов *(после паузы).* Возмущена? Но куда ты?

Саша *(останавливается у двери).* Дай бог счастья...

Платонов. Кому?

Саша. Вам и Софье Егоровне.

Платонов. Глупых романов начиталась, Саша! Я для тебя еще «ты»: у нас мальчишка есть, и я... все-таки же твой муж! А во-вторых, не нужно мне счастья!.. Останься, Саша! Ты вот уходишь... И, небось, навсегда?

Саша. Не могу! Ох, боже мой, боже мой...

Платонов. Не можешь?

Саша. Боже мой... И неужели это правда? *(Берется руками за виски и приседает.)* Я... Я

не знаю, что делать...

Платонов. Не можешь? *(Подходит к ней.)* Твоя воля... А то осталась бы! Зачем реветь, дурочка?

Пауза.

Эх, Саша, Саша... Велик мой грех, но неужели уж и простить нельзя?

Саша. А сам ты себя простил?

Платонов. Философский вопрос! *(Целует ее в голову.)* Осталась бы... Каюсь ведь! Ведь без тебя водка, грязь, Осипы... Замучился! Сиделкой, а не женой останься! Странный народ вы, женщины! Странна ты, Саша! Если ты кормишь негодяя Осипа, не даешь покоя своим милосердием собакам и кошкам, читаешь до полночи акафисты за каких-то врагов своих, то что стоит тебе бросить лопоту своему провинившемуся, кающемуся мужу? Зачем и ты являешься палачом? Останься, Саша! *(Обнимает ее.)* Не могу без няньки! Я негодяй, я у друга жену отнял, я любовник Софьи, быть может даже любовник и генеральши, я многоженец, большой мошенник с точки зрения семьи... Возмущайся, негодуй! Но кто тебя так любить будет, как я люблю? Кто оценит тебя

так дорого, бабенка, как я оценил? Кому ты обед варить будешь, чей суп пересаливать? Права будешь, коли уйдешь... Справедливость этого требует, но... *(поднимает ее)* кто тебя поднимать так будет? Возможна ли ты, золото, без меня?

Саша. Не могу! Пусти меня! Я пропала! Ты шутишь, а я пропадаю! *(Вырывается.)* Ведь знаешь, что это не шутка? Прощай! Не могу я жить с тобой! Теперь все тебя будут считать подлым человеком! Каково же мне?! *(Рыдает.)*

Платонов. Ступай с богом! *(Целует ее в голову и ложится на диван.)* Я понимаю...

Саша. Разбил нашу семью... Счастливы, покойно жили... Счастливей меня никого и не было на свете... *(Садится.)* Что ты наделал, Миша? *(Встает.)* Что ты наделал? Ведь не веротишь теперь... Пропащая я... *(Рыдает.)*

Платонов. Иди с богом!

Саша. Прощай! Не увидишь меня больше! Не езд к нам... Колю к тебе отец будет возить... Бог тебя простит, как я прощаю! Погубил ты нашу жизнь!

Платонов. Ты ушла?

Саша. Ушла... Хорошо... (Смотрит некоторое время на Платонова и уходит.)

Явление IX

Платонов (один) и потом **Войницев**.

Платонов. Вот для кого начинается новая жизнь! Больно!! Всего лишаяюсь... С ума схожу! Боже мой! Саша, комашка, клоп — и та осмеливается, и та... в силу какой-то святости имеет право бросать в меня камень! Проклятые обстоятельства! (Ложится на диван.)

Войницев входит и останавливается у двери.

(После паузы.) Это эпилог или еще только комедия? (Увидев Войницева, закрывает глаза и слегка храпит.)

Войницев (подходит к Платонову). Платонов!

Пауза.

Ты не спишь... Я вижу это по твоему лицу... (Садится возле.) Не думаю, чтобы... можно было спать...

Платонов поднимается.

(Встает и смотрит в окно.) Ты меня убил... Ты это знаешь?

Пауза.

Благодарю... Мне что? Бог с тобой... Пусть.
Значит, так тому и быть... *(Плачет.)*

Платонов встает и медленно идет в другой угол комнаты.

Раз получил от судьбы подарок и... тот отняли! Мало ему его ума, его красоты, его великой души... Ему понадобилось еще мое счастье! Отнял... А я? Что я? Я ничего... Так... Больной, недалекого ума, женоподобный, сентиментальный, обиженный богом... С наклоном к безделью, мистицизму, суеверный... Добил друг!

Платонов. Уйди отсюда!

Войницев. Сейчас... Шел на дуэль вызвать, а пришел и разревелся... Я уйду.

Пауза.

Я окончательно потерял?

Платонов. Да.

Войницев *(свистит.)* Так... Разумеется...

Платонов. Уйди отсюда! Я прошу! Уйди!

Войницев. Сейчас... Что мне здесь делать?
(Идет к двери.) Нечего мне здесь делать...

Пауза.

Отдай мне ее назад, Платонов! Будь добр!
Моя ведь она! Платонов! Ты и так счастлив!

Спаси, голубчик! А? Отдай! *(Рыдает.)* Ведь она моя! Моя! Понимаешь?

Платонов *(идет к дивану)*. Уходи... Я застрелюсь... Клянусь честью!

Войнищев. Не надо... Бог с вами! *(Машет рукой и уходит.)*

Платонов *(хватает себя за голову)*. О несчастный, жалкий! Боже мой! Проклятие моей богом оставленной голове! *(Рыдает.)* Прочь от людей, гадина! Несчастьем был я для людей, люди были для меня несчастьем! Прочь от людей! Бьют, бьют и никак не убьют! Под каждым стулом, под каждой щепкой сидит убийца, смотрит в глаза и хочет убить! Бейте! *(Бьет себя по груди.)* Бейте, пока еще сам себя не убил! *(Бежит к двери.)* Не бейте меня по груди! Растерзали мою грудь! *(Кричит.)* Саша! Саша, ради бога! *(Отворяет дверь.)*

Входит Глагольев 1.

Явление X

Платонов, Глагольев 1 и потом Глагольев 2.

Глагольев 1 *(входит окутанный, с костылем)*. Вы дома, Михаил Васильич? Очень

рад... Я вам помешал... Но я не задержу вас, я сейчас же уйду... Задам вам один вопрос. Вы ответите, и я уйду. Что с вами, Михаил Васильич? Вы бледны, шатаетесь, дрожите... Что с вами?

Платонов. Что со мной? А? Я пьян, должно быть, или... схожу с ума! Я пьян... пьян... Голова кружится...

Глагольев 1 *(в сторону)*. Спрошу! Что у трезвого на душе, то у пьяного на языке. *(Ему.)* Вопрос странен, может быть даже глуп, но, ради бога, ответьте мне, Михаил Васильич! Вопрос мой для меня жизненный вопрос! Ответу вашему я поверю, потому что я знаю вас за честнейшего человека... Пусть мой вопрос покажется вам странным, нелепым, глупым и даже, быть может, оскорбительным, но, ради бога... ответ! Я нахожусь в страшном положении! Наша общая знакомая... Вы ее хорошо знаете... Я считал ее совершенством в человеческом смысле... Анна Петровна Войницева... *(Поддерживает Платонова.)* Не упадите, ради бога!

Платонов. Уйдите! Я всегда считал тебя... вас глупым стариком!

Глагольев 1. Вы друг ее, вы знаете ее, как свои пять пальцев... Ее мне или оклеветали, или... открыли мне глаза... Она честная женщина, Михаил Васильич? Она... она... Имеет ли она право быть женою честного человека?

Пауза.

Не знаю, как формулировать свой вопрос... Поймите меня, ради бога! Мне сказали, что она...

Платонов. Всё подло, низко, грязно на этом свете! Всё... подло... низко... *(Падает без чувств на Глагольева и валится на землю.)*

Глагольев 2 *(входит)*. Что же ты застрял здесь? Я не намерен ждать!

Глагольев 1. Всё подло, грязно, низко... Всё, в том числе, значит, и она...

Глагольев 2 *(смотрит на Платонова)*. Отец, что это с Платоновым?

Глагольев 1. Отвратительно пьян... Да, подло, грязно... Глубокая, беспощадная, колючая правда!

Пауза.

Едем в Париж!

Глагольев 2. Что?! В Па... В Париж? Зачем тебе в Париж? *(Хохочет.)*

Глагольев 1. Валяться так, как этот валяется! (Указывает на Платонова.)

Глагольев 2. Валяться... в Париже?!

Глагольев 1. Едем искать счастья на другом поприще! Довольно! Полно играть комедию для самого себя, морочить себя идеалами! Нет больше ни веры, ни любви! Нет людей! Едем!

Глагольев 2. В Париж?

Глагольев 1. Да... Если грешить, то грешить на чужой, а не на родной земле! Пока еще не сгнили, заживем по-людски! Будь учителем, сын! Едем в Париж!

Глагольев 2. Вот это мило, отец! Ты научил меня читать, а я научу тебя жить! Едем!

Уходят.

«Конец третьего действия»

Действие четвертое

Кабинет покойного генерала Войницева. Две двери. Старинная мебель, персидские ковры, цветы. Стены увешаны ружьями, пистолетами, кинжалами (кавказской работы) и т. п. Фамильные портреты. Бюсты Крылова, Пушкина и Гоголя. Этажерка с чучелами птиц. Шкаф с книгами. На шкафу мундшту-

ки, коробки, палки, ружейные стволы и т. п. Письменный стол, заваленный бумагами, портретами, статуэтками и оружием. Утро.

Явление I

Софья Егоровна и Катя входят.

Софья Егоровна. Вы не волнуйтесь! Говорите толком!

Катя. Что-то нехорошее делается, барыня! Двери и окна все настезь, в комнатах переворочено, перебито... Дверь сорвана с крючьев... Что-то нехорошее случилось, барыня! Недаром у нас курица петухом пела!

Софья Егоровна. Что же вы думаете?

Катя. Ничего не думаю, барыня. Что я могу думать? Знаю только, что случилось что-то... Или Михаил Васильич уехали совсем, или же руку на себя наложили... У них, барыня, горячий карахтер! Я их уж два года знаю...

Софья Егоровна. Нет... На деревне вы были?

Катя. Была-с... Нету нигде... Часа четыре ходила...

Софья Егоровна (садится). Что делать? Что же делать?

Пауза.

Вы уверены в том, что его здесь нигде нет?
Уверены?

Катя. Не знаю, барыня... Нехорошее что-то случилось... Недаром у меня сердце ноет! Бросьте, барыня! Грех ведь! *(Плачет.)* Барина Сергея Павловича жалко... Красавец был такой, а на что похож стал? Измаялся за два дня, сердечный, и как шальной ходит. Переверлся хороший господин... Михаила Васильича жалко... Бывало, самый веселый человек был, проходу, бывало, от его веселости не было, а теперь он на смерть похож стал... Бросьте, барыня!

Софья Егоровна. Что бросить?

Катя. Любовь. Что с нее толку? Одна только срамота. И вас жалко. На что вы похожи стали? Похудали, не пьете, не кушаете, не спите, а одно только и делаете, что кашляете...

Софья Егоровна. Ступайте, Катя, опять! Может быть, он уже в школе.

Катя. Сейчас...

Пауза.

Вы бы спать легли.

Софья Егоровна. Ступайте, Катя, опять! Вы ушли?

Катя *(в сторону)*. Не мужицкого ты звания! *(Резко, плаксиво.)* Куда же мне идти, барыня?

Софья Егоровна. Мне спать хочется. Я всю ночь не спала. Не кричи так громко! Уйди отсюда!

Катя. Слушаю... Напрасно вы себя так изводите!.. Шли бы к себе в комнату да легли бы на постель! *(Уходит.)*

Явление II

Софья Егоровна и потом Войницев.

Софья Егоровна. Ужасно! Дал вчера честное слово явиться в избу к десяти часам и не явился... Ждала его до рассвета... И это честное слово! Это любовь, это наш отъезд!.. Он не любит меня!

Войницев *(входит)*. Спать лягу... Может быть, усну как-нибудь... *(Увидев Софью Егоровну.)* Вы... у меня? В моем кабинете?

Софья Егоровна. Я здесь? *(Смотрит кругом.)* Да... Но я зашла сюда нечаянно, сама того не замечая... *(Идет к двери.)*

Войницев. На минуту!

Софья Егоровна *(останавливается)*. Ну?

Войнищев. Дайте мне, пожалуйста, минуты две-три... Можете вы здесь побыть две-три минуты?

Софья Егоровна. Говорите! Вы сказать что-нибудь хотите?

Войнищев. Да...

Пауза.

Прошло то время, когда мы в этой комнате не были чужими друг для друга...

Софья Егоровна. Прошло.

Войнищев. Извините впрочем, я заговариваться стал. Вы уезжаете?

Софья Егоровна. Да.

Войнищев. Гм... Скоро?

Софья Егоровна. Сегодня.

Войнищев. С ним?

Софья Егоровна. Да.

Войнищев. Желаю вам счастья!

Пауза.

Хороший материал для счастья! Разыгравшаяся плоть и несчастье другого... Несчастье другого всегда бывает чьим-нибудь счастьем! Впрочем, это старо... Новая ложь охотнее слушается, чем старая истина... Бог с вами! Живите, как знаете!

Софья Егоровна. Вы хотели что-то сказать.

Войницев. А разве я молчу? Ну да... Вот что я хотел сказать... Я хочу, чтобы я пред вами был совершенно чист, не был бы вам должен, а потому прошу вас извинить за мое вчерашнее поведение... Я вчера вечером наговорил вам дерзостей, был груб, зол... Извините, пожалуйста... Извиняете?

Софья Егоровна. Извиняю. *(Хочет уйти.)*

Войницев. Постойте же, постойте, еще не всё! Я скажу еще что-нибудь. *(Вздыхает.)* Я сумасшедший, Софи! Не в силах перенести этот страшный удар... Я сумасшедший, но еще пока всё понимаю... В моей голове среди необъяснимого тумана, в массе чего-то такого серого, свинцового, тяжелого торчит светлый кусочек, которым я всё понимаю... Оставит меня и этот кусочек, ну тогда, значит... совсем пропал. Я всё понимаю...

Пауза.

Это стою я в своем кабинете; в этом кабинете жил когда-то мой отец, свиты его величества генерал-майор Войницев, георгиевский кавалер, человек великий, славный! На нем видели одни только пятна... Видели, как

он бил и топтал, а как его били и топтали, никто не хотел видеть... (*Указывает на Софью Егоровну.*) Это моя экс-жена...

Софья Егоровна хочет уйти.

Войницев. Постойте! Дайте договорить! Глупо говорю, но выслушайте! В последний раз ведь!

Софья Егоровна. Всё вы уже сказали... Что вы еще можете сказать? Расстаться нужно... Что же еще тут говорить? Вам хочется доказать, что я виновата перед вами? Не трудитесь! Я знаю, что мне думать о себе самой...

Войницев. Что я могу сказать? Ох, Софья, Софья! Ничего ты не знаешь! Ничего, иначе ты не смотрела бы так надменно! Что выделывается в душе моей, так это ужас! (*Становится перед ней на колени.*) Что ты делаешь, Софи? Куда ты пхаешь себя и меня? Ради бога, пожалей! Умираю и схожу с ума! Останься со мной! Всё забуду, всё простил уже... Буду твоим рабом, любить тебя буду... буду, как доселе не любил! Я дам тебе счастье! Ты будешь счастлива у меня, как богиня! Не даст он тебе счастья! И себя погубишь, и его погубишь! Погубишь Платонова, Софья!.. Знаю, что насиль-

но мил не будешь, но останься! Опять ты будешь весела, не будешь так мертвецки бледна, так несчастлива! Опять я буду человеком, опять будет ходить к нам... Платонов! Утопия, но... останься! Воротим прошлое, пока еще не поздно! Платонов согласится... Я знаю его... Он не любит тебя, а так... ты отдалась ему, а он и взял... *(Встает.)* Ты плачешь?

Софья Егоровна *(встает)*. Не принимайте этих слез на свой счет! Может быть, Платонов согласится... Пусть соглашается! *(Резко.)* Вы все подлые люди! Где Платонов?

Войнищев. Не знаю я, где он.

Софья Егоровна. Не приставайте ко мне! Отстаньте! Я вас ненавижу! Убирайтесь прочь! Где Платонов? Подлые люди... Где он? Ненавижу я вас!

Войнищев. За что?

Софья Егоровна. Где он?

Войнищев. Я дал ему денег, и он обещал мне уехать. Если он исполнил свое обещание, то, значит, уехал.

Софья Егоровна. Вы его подкупили? Что вы лжете?

Войнищев. Я дал ему тысячу рублей, и он

отказался от вас. Впрочем, лгу! Всё это я лгу! Не верьте вы мне, ради бога! Жив и здоров этот проклятый Платонов! Подите берите его, целуйтесь с ним!.. Не подкупал я его! И неужели вы... он будет счастлив? И это моя жена, моя Софья... Что же всё это значит? И до сих пор даже не верю! Вы с ним платонически? Не дошло еще до... крупного?

Софья Егоровна. Я его жена, любовница, что хотите! *(Хочет уйти.)* Для чего задерживать? У меня нет времени выслушивать разные...

Войнищев. Постой, Софья! Ты его любовница? С какой же это стати? Ты так смело говоришь! *(Хватает ее за руку.)* И ты могла? Ты могла?

Входит Анна Петровна.

Софья Егоровна. Отстаньте! *(Уходит.)*

Явление III

Войнищев и Анна Петровна.

Анна Петровна входит и смотрит в окно.

Войнищев *(машет рукой).* Шабаш!

Пауза.

Что там?

Анна Петровна. Осипа мужики убили.

Войницев. Уже?

Анна Петровна. Да... Около колодезя... Видишь? Вон он!

Войницев (*смотрит в окно*). Что ж? Так ему и надо.

Пауза.

Анна Петровна. Слыхал, сынок, новости? Платонов, говорят, куда-то исчез и... Читал письмо?

Войницев. Читал.

Анна Петровна. Тю-тю именье! Как тебе это нравится? Сплыло... Бог дал, бог и взял... Вот тебе и хваленый коммерческий фокус! А всё потому, что Глагольеву поверили... Обещался купить имение, а на торгах не был... Прислуга говорит, что в Париж уехал... Сострил, каналья, на старости лет! Не будь его, платили бы мы с тобой потихонечку проценты да жили бы... (*Вздыхает.*) Не следует на этом свете доверять врагам, а заодно уж с ними и друзьям!

Войницев. Да, не следует верить друзьям!

Анна Петровна. Ну, феодал? Что теперь делать будешь? Куда пойдешь? Бог предкам дал,

а у тебя взял... Ничего у тебя не осталось...

Войницев. Мне всё одно.

Анна Петровна. Нет, не всё одно. Кушать что будешь? Давай сядем... *(Садятся.)* Как ты мрачен... Что ж делать? Жалко расставаться с гнездышком, но что же поделаешь, голубчик мой? Не воротишь... Так тому и быть, значит... Будь умницей, Сержель! Первое дело — хладнокровие.

Войницев. Не обращайтесь на меня внимания, маман! Что уж обо мне-то говорить? Вы сами едва сидите... Утешьте сперва себя самое, а потом придите и меня утешать.

Анна Петровна. Ну... Не о бабах речь... Баб всегда на задний план... Первое дело — хладнокровие! Ты потерял то, что у тебя было, а важно не то, что было, а то, что впереди. У тебя целая жизнь впереди, хорошая, трудовая, мужская жизнь! Чего же тебе горевать? Поступишь в прогимназию или гимназию, начнешь работать... Ты у меня молодец. Филолог, благонамеренный такой, ни в какие дела нехорошие не суешься, убеждения имеешь, тихоня, женат... Коли захочешь, ты далеко пойдешь! Умница ты у меня мальчик! Не на-

до только с женою ссориться... Не успели пожениться, как уже и ссоритесь... Отчего ты мне не скажешь, Сержель? Болееешь душой, а молчишь... Что происходит между вами?

Войницев. Не происходит, а уже произошло.

Анна Петровна. Что же? Или, может быть, секрет?

Войницев (*вздыхает*). Страшное несчастье стряслось над нашим домом, мама Аня! Отчего я вам не сказал до сих пор? Не знаю. Все надеялся, да и стыдно говорить... Сам только вчера утром узнал... А на имение мне наплевать!

Анна Петровна (*смеется*). Как ты меня пугаешь! Рассердилась, что ли?

Войницев. Смейтесь! Подождите, не так еще засмеетесь!

Пауза.

Она изменила мне... Честь имею рекомендовать: рогатый муж!

Анна Петровна. Что за глупости, Сергей?! Что за глупые фантазии! Говорить о таких чудовищных вещах и говорить не думая! Удивительный ты человек! Иногда такое сморо-

зишь, что просто уши вянут! Рогатый муж...
Не знаешь ты, значит, что это значит...

Войницев. Знаю, тамап! Не теоретически,
но уже практически знаю!

Анна Петровна. Жены своей не оскорбляй,
чудак! Ах...

Войницев. Клянусь вам богом!

Пауза.

Анна Петровна. Странно... О невозможных
вещах говоришь ты. Ты клеветешь! Невоз-
можно! Здесь, в Войницевке?

Войницев. Да, здесь, в вашей проклятой
Войницевке!

Анна Петровна. Гм... Да кому здесь, в на-
шей проклятой Войницевке, может залезть
в голову невозможная мысль поставить на
твою аристократическую голову рога? Совер-
шенно некому! Младшему Глагольеву разве?
Навряд, Глагольев перестал к нам ездить...
Твоя Софи никому здесь не под стать. Глупо
ревнуешь, милый!

Войницев. Платонов!

Анна Петровна. Что Платонов?

Войницев. Он.

Анна Петровна (*вскакивает*). Можно гово-

рить глупости, но такие глупости, как ты сейчас сказал, послушай... Сморозил!! Меру знать нужно! Непростительно глупо!

Войницев. Спросите ее, подите спросите его самого, если не верите! Сам не хотел и не хочу верить, а она уезжает сегодня, оставляет меня! Нужно верить! И он с ней едет! Да неужели же, наконец, вы не видите, что я хожу и смотрю на свет белый, как дохлая кошка! Я пропадаю!

Анна Петровна. Не может быть этого, Сергей! Это плод твоей мальчишеской фантазии! Верь мне! Ничего этого нет!

Войницев. Верьте мне, что она уезжает сегодня! Верьте, что она не перестает в эти последние два дня твердить мне, что она его любовница! Она сама! Произошло такое, чему невозможно поверить, но приходится помимо желания и сверх всяких сил верить!

Анна Петровна. Помню, помню... Теперь всё понимаю... Дай стуло, Сергей! Нет, не нужно... Так вот оно что! Гм... Постой, постой, дай припомнить, как следует...

Пауза.

Входит Бугров.

Явление IV

Анна Петровна, Войнищев и Бугров.

Бугров (входит). Здравствуйте-с! С воскресным днем-с! Живы, здоровы-с!

Анна Петровна. Да-да-да... Это ужасно...

Бугров. Дождик идет, а жарко... (Утирает лоб.) Ффф... Сваришься, покедова дойдешь или доедешь... Здоровы-с?

Пауза.

Я собственно по тому случаю заехал к вам-с, что вчерась были торги, как вам известно... А к тому как это, знаете, немножко (смеется) для вас, разумеется, чувствительно и обидно, то я... то вы на меня не обижайтесь, сделайте милость! Не я купил именье! Купил его Абрам Абрамыч, а на мое имя только...

Войнищев (сильно звонит). Черт бы их побрал...

Бугров. Так-то-с... Вы не подумайте-с... Не я-с... Следовательно, на мое только имя, стало быть! (Садится.)

Яков входит.

Войнищев (Якову). Сколько раз я просил вас, подлецов, мерзавцев (кашляет), негодяев, не впускать никого без доклада! Перепо-

ротъ вас всех, скотов! (Бросает звонок под стол.) Вон отсюда! Мерзавцы... (Ходит по сцене.)

Яков пожимает плечами и уходит.

Бугров (кашляет). На мое имя, только-с... Абрам Абрамыч приказал передать, что жить можете тут сколько вашей душе угодно, хоть до Рождества... Переделочки тут кое-какие будут, ну да они вам не помешают-с... А ежели что такое, и во флигель можете перебраться... Комнат много, да и тепло-с... Он приказал еще спросить-с, не желаете ли вы продать мне, то есть на мое имя, шахты? Шахты ваши-с, Анна Петровна... Вот не желаете ли в настоящее время продать их? Цену хорошую дадим...

Анна Петровна. Нет... Не продам никому черту я шахт! Что вы мне за них дадите? Groш? Подавитесь этим грошом!

Бугров. Абрам Абрамыч велел еще передать, что в случае ежели если не угодно будет-с вам, Анна Петровна, продать ему свои шахты с вычетом долга Сергея Павлыча и покойника его превосходительства Павла Иваныча, то он протестует векселя... И я тоже протестую-с... Хи-хи-с... Дружба дружбой, зна-

ете, а денежки врозь... Коммерция! Проклятое дело такое. Я, того... купил ваши векселя у Петрина...

Войницев. Никому я не позволю рассчитывать на имение моей мачехи! Ее имение — не мое!..

Бугров. Они, может быть, сжалятся...

Войницев. Некогда мне с вами разговаривать!.. Э-э... *(Машет рукой.)* Делайте, что хотите!

Анна Петровна. Оставьте нас, Тимофей Гордеич! Извините... Уйдите, пожалуйста!

Бугров. Слушаю-с... *(Встает.)* Так вы не извольте беспокоиться... Жить здесь можете хоть до Рождества.

Я завтра или послезавтра заеду-с. Будьте здоровы-с! *(Уходит.)*

Анна Петровна. Завтра же выедем отсюда! Да, теперь помню... Платонов... Так вот оно то, от чего он бежит!..

Войницев. Пусть делают, что хотят! Пусть всё берут! Нет у меня уж больше жены, ничего же мне и не нужно! Нет жены, тапан!

Анна Петровна. Да, нет у тебя больше жены... Но что он нашел в этой размазне Софье?

Что он нашел в этой девчонке? Что он мог в ней найти? Как неразборчивы эти глупые мужчины! Они способны увлечься всякою дрянью... Ты же чего смотрел, муж? Где были твои глаза? Плакса! Ньюнил до тех пор, пока не утащили из-под его носа жены! И это мужчина! Мальчишка ты! Женят вас, мальчишек, дураков, только насмех, ослов этаких! Оба вы никуда не годитесь, ни ты, ни твой Платонов! Это из рук вон что такое!

Войнищев. Ничто теперь не поможет, не помогут и упреки. Она уже не моя, а он не ваш. Что ж тут много рассказывать? Оставьте меня, маман! Не выносите моей глупой физиономии!

Анна Петровна. Но что же делать? Что-нибудь да нужно же сделать! Надо спасти!

Войнищев. Кого спасти? Спасать нужно одного только меня... Они пока счастливы. *(Вздыхает.)*

Анна Петровна. Поди ты с своей логикой! Их, а не тебя спасать нужно! Платонов не любит ее! Знаешь ты это? Он обольстил ее, как ты когда-то обольстил свою глупую немку! Не любит он ее! Уверяю тебя! Что она говорила

тебе? Что ты молчишь?

Войницев. Она говорила, что она его любовница.

Анна Петровна. Дура она его, а не любовница! Замолчи! Может быть, еще можно поправить... Платонов из-за одного только поцелуя или пожатия руки в состоянии поднять шум... До крупного у них дело не доходило еще! Я в этом уверена...

Войницев. Доходило!

Анна Петровна. Ты ничего не понимаешь.

Входит Грекова.

Явление V

Войницев, Анна Петровна и Грекова.

Грекова (*входит*). Вот где вы! Здравствуйте! (*Подает руку Анне Петровне.*) Здравствуйте, Сергей Павлович! Извините, пожалуйста, я, кажется, вам помешала... Гость не вовремя хуже... хуже... Как это говорится? Хуже татара, ну да... Я к вам на минуточку... Вы и представить себе не можете! (*Смеется.*) Я вам сейчас покажу, Анна Петровна... Извините, Сергей Павлович, мы будем секретничать... (*Отводит Анну Петровну в сторону.*) Прочтите... (*Подает ей записку.*) Это я вчера

получила... Прочтите!

Анна Петровна (*пробегает записку*). А...

Грекова. Я, знаете ли, в суд подала... (*Кладет ей на грудь голову.*) Пошлите за ним, Анна Петровна! Пусть он придет!

Анна Петровна. Для чего это вам?

Грекова. Я хочу посмотреть, какое у него теперь лицо... Что у него теперь на лице написано? Пошлите за ним! Умоляю вас! Я хочу ему два слова сказать... Вы не знаете, что я наделала! Что я наделала! Не слушайте, Сергей Павлович! (*Шепотом.*) Я ездила к директору... Михаила Васильича переведут по моей просьбе в другое место... Что я наделала! (*Плачет.*) Пошлите за ним!.. Кто знал, что он напишет это письмо?! Ах, если б я могла знать! Боже мой... Я страдаю!

Анна Петровна. Идите, моя дорогая, в библиотеку! Я сейчас приду к вам, тогда и потолкуем... Мне нужно с Сергеем Павловичем наедине поговорить...

Грекова. В библиотеку? Хорошо... А вы пошлете за ним? Какое у него лицо теперь после этого письма? Вы читали? Дайте я спрячу! (*Прячет письмо.*) Милая моя, дорогая... Прошу

вас! Я пойду... но вы пошлите! Не слушайте, Сергей Павлович! Будемте говорить по-немецки, Анна Петровна! Schicken Sie, meine Liebe![21]

Анна Петровна. Хорошо... Ступайте же!

Грекова. Хорошо... *(Быстро целует ее.)* Не сердитесь на меня, моя дорогая! Я... я страдаю! Вы не можете себе представить! Я ухажу, Сергей Павлович! Можете продолжать свою беседу! *(Уходит.)*

Анна Петровна. Я сейчас всё разузнаю... Ты не кипятись! Может быть, можно будет еще починить твою семью... Ужасная история! Кто мог ожидать?! Я сейчас поговорю с Софьей! Я спрошу ее как следует... Ты ошибаешься и глупишь... Впрочем, нет! *(Закрывает руками лицо.)* Нет, нет...

Войнищев. Нет! Не ошибаюсь я!

Анна Петровна. А все-таки я поговорю с ней... Я и с ним пойду поговорю...

Войнищев. Идите говорите! Напрасно только! *(Садится за стол.)* Уедемте отсюда! Нет надежды! И соломинки нет, за которую можно было бы ухватиться...

Анна Петровна. Я сейчас всё разузнаю... А

ты сиди и плачь! Спать ложись, мужчина! Где Софья?

Войницев. Должно быть, у себя...

Анна Петровна уходит.

Явление VI

Войницев и потом Платонов.

Войницев. Тяжелое горе! Сколько времени оно будет тянуться? И завтра, и послезавтра, и через неделю, через месяц, год... Нет конца муке! Застрелиться нужно.

Платонов (*входит с подвязанной рукой*). Сидит... Плачет, кажется...

Пауза.

Мир душе твоей, мой бедный друг! (*Подходит к Войницеву.*) Ради бога, выслушай! Не оправдаться я пришел... Не мне и не тебе судить меня... Я пришел просить не за себя, а за тебя... Братски прошу тебя... Ненавидь, презирай меня, думай обо мне как хочешь, но не... убивай себя! Я не говорю про револьверы, а... вообще... Ты слаб здоровьем... Горе добьет тебя... Не буду я жить!.. Я себя убью, не ты себя убьешь! Хочешь моей смерти? Хочешь, чтоб я перестал жить?

Пауза.

Войнищев. Ничего я не хочу.

Входит Анна Петровна.

Явление VII

Войнищев, Платонов и Анна Петровна.

Анна Петровна. Он здесь?! *(Медленно подходит к Платонову.)* Платонов, это правда?

Платонов. Правда.

Анна Петровна. Он еще смеет... смеет говорить так хладнокровно! Правда... Подлый человек, ведь вы знали, что это подло, низко?

Платонов. Подлый человек... Нельзя ли по-вежливей? Ничего я не знал! Я знал и знаю из всей этой истории одно только то, что я никогда не желал ему и тысячной доли того, что он теперь переносит!

Анна Петровна. И кроме этого вам, друг, не мешало бы еще знать, что жена одного друга не должна и не может быть игрушкой другого! *(Кричит.)* Не любите вы ее! Вам скучно было!

Войнищев. Спросите его, тамап, зачем он пришел?

Анна Петровна. Подло! Подло играть людьми! Они такие же живые существа, как

и вы, чересчур умный человек!

Войницев (*вскакивает*). Пришел сюда! Дерзость! Зачем вы явились сюда? Знаю, зачем вы явились, но не удивите и не поразите нас своими громкими фразами!

Платонов. Кого это «нас»?

Войницев. Знаю я теперь цену всем этим громким фразам! Оставьте меня в покое! Если вы пришли многоглаголением искупить свою вину, то знайте же, что пышными речами не искупишь вины!

Платонов. Как пышными речами не искупишь вины, так криком и злостью не докажешь ее, но я ведь, кажется, сказал, что я застрелюсь?

Войницев. Не так искупают свою вину! Не словами, которым я теперь не верю! Презираю ваши слова! Вот как искупает вину русский человек! (*Показывает в окно.*)

Платонов. Что там?

Войницев. Вон у колодезя лежит искупивший свои вины!

Платонов. Видел... А вы-то зачем фразерствуете, Сергей Павлович? Вы ведь, кажется, теперь в горе...

Вы весь обратились в горе и в то же время театральничаете? Чему это приписать: неискренности или же... глупости?

Войницев (*садится*), Матап, спросите его, зачем он пришел сюда?

Анна Петровна. Платонов, что вам здесь нужно?

Платонов. Вы сами спросите, зачем беспокоить матап? Всё пропало! Жена ушла — и всё пропало, ничего не осталось! Прекрасная, как майский день, Софи — идеал, за которым не видно других идеалов! Без женщины мужчина — что без паров машина! Пропала жизнь, улетучились пары! Всё пропало! И честь, и человеческое достоинство, и аристократизм, всё! Конец пришел!

Войницев. Не слушаю я. Можете оставить меня!

Платонов. Разумеется. Не оскорбляй, Войницев! Я пришел сюда не за тем, чтобы меня оскорбляли! Не дает тебе права твое несчастье топтать меня в грязь! Я человек, и обходись же со мной по-человечески. Несчастлив ты, но ничего ты не стоишь со своим несчастьем в сравнении с теми страданиями, кото-

рые вынес я после твоего ухода! Была страшная ночь, Войницев, после того, как ты ушел! Клянусь вам, филантропы, что ваше несчастье не стоит и тени моих мук!

Анна Петровна. Очень может быть, но кому какое дело до вашей ночи, до ваших мук?

Платонов. И вам нет дела?

Анна Петровна. Уверяю вас, что и нам нет дела!

Платонов. Да? Не лгите, Анна Петровна! *(Вздыхает.)* А может быть, вы по-своему и правы... Может быть... Но где же людей искать? К кому идти? *(Закрывает лицо руками.)* Где же люди? Не понимают... Не понимают! Кто же поймет? Глупы, жестоки, бессердечны...

Войницев. Нет, понимаю я! Понял я! Не к лицу вам, милостивый государь, мой бывший друг, это казанское сиротство! Я понимаю вас! Вы ловкий подлец! Вот кто вы!

Платонов. Прощаю тебе, глупцу, это слово! Побереги себя, не говори больше! *(Анне Петровне.)*

Вы-то чего торчите здесь, любительница сильных ощущений? Любопытно? Нет вам

здесь дела! Свидетелей не нужно!

Анна Петровна. И вам здесь нет дела! Можете... убираться! Нахальство! Нагадить, напакостить, наподличать, а потом прийти и на муки свои жаловаться! Дипломат! Впрочем... извините меня! Если не хотите выслушать еще что-нибудь, то уходите! Сделайте милость!

Войницев *(вскакивает)*. Что ему от меня нужно еще, не понимаю! Что ты хочешь, что ты ждешь от меня? Не понимаю!

Платонов. Вижу, что не понимаете... Прав тот, кто с горя идет не к людям, а в кабак... Тысячу раз прав! *(Идет к двери.)* Жалею, что говорил с вами, унижался... Имел глупость считать вас порядочными людьми... А вы те же... дикари, грубое, неотесанное мужичье... *(Хлопает дверью и уходит.)*

Анна Петровна *(ломает руки)*. Мерзости какие... Изволь сию же минуту догнать его и сказать ему... Скажи ему, что...

Войницев. Что я могу ему сказать?

Анна Петровна. Найдешь, что сказать... Что-нибудь. Беги, Сержель! Умоляю тебя! Он приходил сюда с хорошим чувством! Ты дол-

жен был понять его, а ты был жесток с ним.
Беги, мой родной!

Войницев. Не могу! Оставьте меня!

Анна Петровна. Но да ведь не один же он виноват! Сержень, все виноваты! У всех есть страсти, у всех нет сил... Беги! Скажи ему что-нибудь примиряющее! Покажи ему, что ты человек! Ради бога... Да ну же! Ну! Беги!

Войницев. Я с ума схожу...

Анна Петровна. Сходи с ума, но не смей оскорблять людей! Ах... но беги же, ради бога!
(Плачет.) Сергей!

Войницев. Оставьте меня, маман!

Анна Петровна. Я сама пойду... Что же я сама не бегу? Я сама...

Платонов *(входит)*. Ох! *(Садится на диван.)*

Войницев встает.

Анна Петровна *(в сторону)*. Что с ним?

Пауза.

Платонов. Рука болит... Я голоден, как самая голодная собака... Холодно... Лихорадка трясет... Больно! Поймите вы, что мне больно! Жизнь моя пропадает! Что вы хотите от меня? Что вам еще нужно? Мало вам той проклятой ночи?

Войнищев (*подходит к Платонову*). Михаил Васильич, простим друг другу... Я... Но вы поймете мое положение... Разойдемся, как следует...

Пауза.

Я прощаю... Честное слово, прощаю! И если б я мог забыть всё это, то был бы счастлив, как никогда! Оставим друг друга в покое!

Платонов. Да.

Пауза.

Нет, развинтился... Испортилась машина. Спать хочу ужасно, глаза слиплись, но нет сил уснуть... Смиряюсь, прошу прощения, виноват, молчу... Делайте, что знаете, и думайте, что знаете...

Войнищев отходит от Платонова и садится за стол.

Платонов. Не уйду отсюда, хоть дом зажгите! Кому неприятно мое присутствие, тот может выйти из этой комнаты... (*Хочет лечь.*) Дайте мне чего-нибудь теплого... Не есть, а укрыться... Не пойду я к себе... На дворе дождь... Тут лягу.

Анна Петровна (*подходит к Платонову*). Ступайте, Михаил Васильич, домой! Я при-

шлю и принесу то, что вам нужно. (*Трогает его за плечо.*) Идите! Идите домой!

Платонов. Кому неприятно мое присутствие, тот может выйти из этой комнаты... Дайте мне воды напиться! Пить хочу.

Анна Петровна подает ему графин.

(*Пьет из графина.*) Болен... Совсем болен, милая женщина!

Анна Петровна. Идите к себе!.. (*Прикладывает руку к его лбу.*) Голова горяча... Идите домой. Я за Трилецким пошлю.

Платонов (*тихо*). Худо, ваше превосходительство! Худо... Худо...

Анна Петровна. Мне-то какво? Идите! Я вас прошу! Вам во что бы то ни стало уехать нужно! Слышите?

Входит Софья Егоровна.

Явление VIII

Те же и Софья Егоровна.

Софья Егоровна (*входит*). Потрудитесь взять ваши деньги обратно! Что за великодушные? Я уж сказала вам, кажется... (*Увидев Платонова.*) Вы... здесь?! Зачем вы здесь?

Пауза.

Странно... Что вы здесь делаете?

Платонов. Я-то?

Софья Егоровна. Да, вы!

Анна Петровна. Выйдем, Сергей! *(Выходит и через минуту входит на цыпочках и садится в углу.)*

Платонов. Всё кончено, Софья!

Софья Егоровна. То есть?

Платонов. Да, то есть... После поговорим.

Софья Егоровна. Михаил Васильич! Что значит это... всё?

Платонов. Ничего мне не нужно, ни любви, ни ненависти, дайте мне одного только покоя! Прошу... И говорить даже не хочется... Довольно с меня и того, что было... Пожалуйста...

Софья Егоровна. Что он говорит?

Платонов. То говорю, что довольно. Не надо мне новой жизни. И старой девать некуда... Ничего мне не нужно!

Софья Егоровна *(пожимает плечами).* Не понимаю...

Платонов. Не понимаете? Узел разорвался, вот что!

Софья Егоровна. Вы не едете, что ли?

Платонов. Не нужно бледнеть, Софья...

впрочем, Егоровна!

Софья Егоровна. Вы подличаете?

Платонов. По всей вероятности...

Софья Егоровна. Подлец вы! *(Плачет.)*

Платонов. Знаю... Сто раз слышал... После бы поговорили и... без свидетелей.

Софья Егоровна рыдает.

Шли бы к себе в комнату! Самая лишняя вещь в несчастье — это слезы... Должно было случиться и случилось... В природе есть законы, а в нашей жизни... логика... По логике и случилось...

Пауза.

Софья Егоровна *(рыдает)*. Я же тут при чем? Какое дело мне, какое дело моей жизни, которую вы взяли, до того, что вы утомились? Я же тут при чем? Вы не любите больше?

Платонов. Утешьтесь чем-нибудь... Хоть тем, например, что этот скандал послужит уроком для вашего будущего?

Софья Егоровна. Не уроком, а гибелью! Вы смеете это говорить? Подло!

Платонов. Для чего плакать? Как всё это мне... опротивело! *(Кричит.)* Болен я!

Софья Егоровна. Он клялся, просил, он

первый начал, а теперь вот пришел сюда! Я вам опротивела? Вам нужна была я только на две недели? Ненавижу я вас! Не могу я видеть его! Убирайтесь вон отсюда! *(Рыдает сильней.)*

Анна Петровна. Платонов!

Платонов. А?

Анна Петровна. Уйдите отсюда!

Платонов встает и медленно идет к двери.

Софья Егоровна. Подождите... Не уходите! Вы... правда? Вы, может быть, не трезвы... Вы сядьте, подумайте! *(Хватает его за плечо.)*

Платонов. Сидел я уже и думал. Избавьтесь от меня, Софья Егоровна! Не ваш я человек! Я так долго гнил, моя душа так давно превратилась в скелет, что нет возможности воскресить меня! Закопать подальше, чтоб не заражал воздуха! Верьте мне в последний раз!

Софья Егоровна *(ломает руки).* Что же я буду делать? Что делать мне? Научите! Ведь я умру! Я не переживу этой подлости! Я не проживу и пяти минут! Убью себя... *(Садится в кресло, стоящее в углу.)* Что вы делаете со

мною? *(Истерика.)*

Войницев *(подходит к Софье Егоровне).* Софи!

Анна Петровна. Бог знает, что делается! Успокойтесь, Софи! Дай воды, Сергей!

Войницев. Софи! Не убивайте себя... Перестаньте! *(Платонову.)* Чего вы ждете здесь, Михаил Васильич? Уйдите, бога ради!

Анна Петровна. Будет, Софи, будет! Довольно!

Платонов *(подходит к Софье Егоровне).* Ну чего? Э-э... *(Быстро отходит.)* Идиотство!

Софья Егоровна. Отойдите от меня прочь! Все! Не нуждаюсь я в вашей помощи! *(Анне Петровне.)* Отойдите прочь! Я вас ненавижу! Я знаю, кому я обязана всем этим! Не пройдет это вам даром!

Анна Петровна. Тссс... Не следует браниться.

Софья Егоровна. Не будь над ним вашего развращающего авторитета, не губил бы он меня! *(Рыдает.)* Прочь! *(Войницеву.)* И вы... И вы отойдите!

Войницев отходит, садится за стол и кладет голову на руки.

Анна Петровна (*Платонову*). Ступайте отсюда, вам говорят! Удивительный вы идиот сегодня! Чего вы еще хотите?

Платонов (*затыкает уши*). Куда же я пойду? Я окоченел от холода... (*Идет к двери*.) Хоть бы черти прибрали скорей...

Входит Трилецкий.

Явление IX

Те же и Трилецкий.

Трилецкий (*в дверях*). Я тебе задам такого доклада, что ты и своих не узнаешь!

Голос Якова. Барин приказали...

Трилецкий. Пойди и поцелуйся с своим ба-рином! Он такой же болван, как и ты! (*Входит.*) Неужели и здесь его нет? (*Падает на диван.*) Ужасно! Это... это... это... (*Вскакивает.*) Ох! (*Платонову.*) Трагедия на исходе, трагик! На исходе-с!

Платонов. Что тебе?

Трилецкий. Что ты здесь проедаешься? Где ты шляешься, несчастный? Как тебе не стыдно, не грешно? Философствуешь здесь? Проповеди читаешь?

Платонов. Говори по-человечески, Николай! Что тебе?

Трилецкий. Это скотство! *(Садится и закрывает руками лицо.)* Несчастье, какое несчастье! Кто мог ожидать?

Платонов. Что случилось?

Трилецкий. Что случилось? А ты и не знаешь? Тебе и дела нет до этого? Тебе некогда?

Анна Петровна. Николай Иваныч!

Платонов. Саша, что ли? Говори, Николай! Этого еще недоставало! Что с ней?

Трилецкий. Спичками отравилась!

Платонов. Что ты говоришь?

Трилецкий *(кричит).* Спичками отравилась! *(Вскакивает.)* На, читай! Читай! *(Подносит к его глазам записку.)* Читай, философ!

Платонов *(читает).* «Самоубийцев грешно поминать, но меня поминайте. Я лишила себя жизни в болезни. Миша, люби Колю и брата, как я тебя люблю. Не оставь отца. Живи по закону. Коля, господь тебя благословит, как я благословляю материнским благословением. Простите грешную. Ключ от Мишиного комода в шерстяном платье»... Золото мое! Грешная! Она грешная! Этого еще недоставало! *(Хватает себя за голову.)* Отравилась...

Пауза.

Саша отравилась... Где она? Послушай! Я к ней пойду! *(Срывает с руки повязку.)* Я... я воскрешу ее!

Трилецкий *(ложится на диван лицом вниз)*. Прежде чем воскрешать, не нужно было убивать!

Платонов. Убивать... Зачем ты, безумец, говоришь... это слово? Да разве я убивал ее? Разве... разве я хотел ее смерти? *(Плачет.)* Отравилась... Этого еще не доставало, чтоб переехать меня колесом, как собаку! Если это наказание, то... *(машет кулаком)* это жестокое, безнравственное наказание! Нет, это уж выше сил моих! Выше! За что? Ну грешен, положим, подл... но всё-таки ведь жив еще!

Пауза.

Глядите на меня теперь все! Глядите! Нравится?

Трилецкий *(вскакивает)*. Да, да, да... Будем теперь плакать... Кстати, глаза на мокром месте... Выпороть бы тебя хорошенько! Одевай шапку! Едем! Муж! Хорош муж! Погубил женщину ни за что, ни про что! Довел до чего! А эти и держат его здесь! Нравится он им! Оригинальный человек, интересный субъект, с

грустью благородной на лице! Со следами когда-то бывшей красоты! Поедем-ка! Посмотришь, что ты наделал, интересный субъект, оригинал!

Платонов. Без слов... без слов... Не нужно слов!

Трилецкий. Счастье твое, живодер, что я сегодня чуть свет домой заехал! Ну что было бы, если бы я не заехал, если б я не захватил? Умерла бы она! Понимаешь ты это или нет? Ты обыкновенно всё понимаешь, кроме самых обыкновенных вещей! О, я бы тебе тогда задал! Я не посмотрел бы на твою жалостную физиономию! Если бы ты поменьше болтал своим окаянным языком да побольше сам слушал, то не было бы этого несчастья! За нее я и десять не возьму таких умников, как ты! Едем!

Войнищев. Не кричите! Ах... Как надоели все...

Трилецкий. Едем!

Платонов. Постой... Так она... не умерла, ты говоришь?

Трилецкий. А тебе хотелось бы, чтоб она умерла?

Платонов (вскрикивает). Не умерла! Я не пойму никак... Не умерла? (Обнимает Трилецкого.) Жива! (Хохочет.) Жива!

Анна Петровна. Не понимаю!.. Трилецкий, извольте сказать толком! Все они сегодня как-то особенно глупы! Что же значит это письмо?

Трилецкий. Она написала это письмо... Если б не я, она успела бы умереть... А теперь страшно больна! Не знаю, вынесет ли ее организм... О, пусть она только умрет, тогда... Отойди ты от меня, пожалуйста!

Платонов. Напугал ты меня как! Боже мой! Жива она еще! Значит, ты не допустил ее умереть? Милый мой! (Целует Трилецкого.) Дорогой! (Хохочет.) Не верил в медицину, но теперь даже и в тебя верю! Что с ней теперь? Слаба? Нездорова? Но мы поднимем ее!

Трилецкий. Вынесет ли она еще!

Платонов. Вынесет! Не она вынесет, так я вынесу! Зачем же ты сначала не сказал, что она жива? Анна Петровна! Милая женщина! Воды стакан холодной, и я счастлив! Простите меня, господа, все! Анна Петровна!.. Я с ума схожу!.. (Целует у Анны Петровны руку.) Жи-

ва Саша... Воды, воды... моя дорогая!

Анна Петровна *выходит с пустым графином и через минуту входит с водой.*

(Трилецкому.) Едем к ней! На ноги ее, на ноги! Вверх ногами всю медицину от Гиппократов до Трилецкого! Всё переворачиваем! Кому же и жить на этом свете, как не ей? Едем! Но нет... подожди! Голова кружится... Я страшно болен... Пстой... *(Садится на диван.)* Отдохну и едем... Очень слаба?

Трилецкий. Очень... Обрадовался! Чему он обрадовался, не понимаю!

Анна Петровна. И я испугалась. Говорить нужно потолковей! Пейте! *(Подает Платонову воду.)*

Платонов *(пьет с жадностью).* Спасибо, добрая женщина! Негодяй я, необыкновенный негодяй! *(Трилецкому.)* Сядь возле меня! *(Трилецкий садится.)* И ты весь измучился... Спасибо тебе, друг. Много онахватила?

Трилецкий. Хватило бы на тот свет отправиться.

Платонов. Экая... Ну, слава богу. Рука болит... Дайте мне еще пить. Я сам ужасно болен, Николай! Еле голову на плечах держу...

Того и смотри, что свалится... У меня, должно быть, горячка будет. Солдатики в ситцевых мундирах, с острыми шапочками так и мелькают перед глазами... Желто и зелено кругом... Закати-ка мне *chinini sulphurici*...

Трилецкий. Закатить бы тебе сотню-другую горячих!

Платонов (*хохочет*). Шути, шути... Я иногда смеюсь твоим остротам. Ты мне деверь или шурин? Боже мой, как я болен! Ты представить себе не можешь, как я болен!

Трилецкий щупает ему пульс.

Анна Петровна (*тихо Трилецукому*). Везите его, Николай Иваныч! Я сама к вам сегодня приеду, поговорю с Александрой Ивановной. Что это ей вздумалось нас так пугать? Не опасно?

Трилецкий. Нельзя еще ничего сказать. Отравиться не удалось, но в общем... беда!

Платонов. Что ты ей дал?

Трилецкий. То, что следует. (*Встает.*) Едем!

Платонов. А генеральше что ты сейчас дал?

Трилецкий. Бредишь... Едем!

Платонов. Едем... *(Встает.)* Сергей Павлович! Брось! *(Садится.)* Брось! Чего пригорюнился? Точно солнце у земли украли! А еще тоже философию когда-то учил! Будь Сократом! А? Сергей Павлович! *(Тихо.)* Впрочем, я сам не знаю, что говорю...

Трилецкий *(кладет ему на голову руку).* Ты еще заболей! Ну да тебе для очистки совести не мешает поболеть!

Анна Петровна. Платонов, езжайте с богом! Пошлите в город за другим доктором... Консилиум не мешало бы... Я сама, Впрочем, пошлю, не беспокойтесь... Успокойте же Александру Ивановну!

Платонов. У вас, Анна Петровна, по груди ползет маленький фортепьянчик! Комизм! *(Смеется.)* Комизм! Сядь, Николай, сыграй что-нибудь!.. *(Хохочет.)* Комизм! Я болен, Николай... Серьезно говорю... Не шутя... Едем!

Входит Иван Иванович.

Явление X

Те же и Иван Иванович.

Иван Иванович *(растрепанный, в халате).* Саша моя! *(Плачет.)*

Трилецкий. Тебя еще недоставало здесь с

твоими слезами! Ступай отсюда! Чего прибежал?

Иван Иванович. Умирает она! Исповедоваться хочет! Боюсь, боюсь... Ох как боюсь! *(Подходит к Платонову.)* Мишенька! Умоляю тебя господом и всеми святыми! Дорогой, умный, прекрасный, честный человек! Пойди ты, скажи ей, что ты ее любишь! Брось ты все эти романы паскудные! Умоляю тебя коленопреклоненно! Помирает ведь! Одна у меня... одна! Умрет... погибну! Без покаяния погибну! Скажи ты ей, что ты ее любишь, за жену свою считаешь! Успокой ты ее ради Христа! Мишенька! Ложь бывает во спасение... Видит бог, что ты справедлив, но солги для спасения ближнего! Поедем, сделай милость! Поддай ты мне эту милостыню Христа ради, старику! Сторицею господь воздаст тебе! Трясусь весь, трясусь от ужаса!

Платонов. Уже успел клюкнуть, полковник? *(Смеется.)* Вылечим Сашку и вместе выпьем! Ах, как пить хочу!

Иван Иванович. Поедем, благороднейший... праведнейший! Скажи ты ей два слова, и она спасена! Не спасут медикаменты, когда

психиатрия душевная страдает!

Трилецкий. Выйди отсюда, отец, на минутку! *(Ведет отца за рукав.)* Кто тебе сказал, что она умрет? Откуда ты это выдумал? Вовсе не опасно! Подождешь в той комнате. Сейчас поедем к ней с ним вместе. Постыдился «бы» в таком виде вваливаться в чужой дом!

Иван Иванович *(Анне Петровне).* Грех вам, Диана! Не простит вас бог! Он молодой человек, неопытный...

Трилецкий *(вталкивает его в другую комнату).* Подожди там! *(Платонову.)* Желаете ехать?

Платонов. Страшно болен... Болен я, Николай!

Трилецкий. Желаете ехать, я вас спрашиваю, или нет?

Платонов *(поднимается).* Поменьше слов... Что делать, чтоб во рту не сохло? Едем... Я сюда, кажется, без шапки пришел... *(Садится.)* Поищи мою шапку!

Софья Егоровна. Он должен был это предвидеть. Я отдавалась ему, не спрашивая... Я знала, что я убиваю мужа, но я... ни перед чем для него не остановилась! *(Поднимается и*

подходит к Платонову.) Что вы сделали со мной? *(Рыдает.)*

Трилецкий *(хватает себя за голову)*. Комиссия! *(Ходит по сцене.)*

Анна Петровна. Успокойтесь, Софи! Не время... Он болен.

Софья Егоровна. Можно ли, человечно ли издеваться так над целой человеческой жизнью? *(Садится рядом с Платоновым.)* Ведь вся жизнь теперь моя пропала... Я уж не жива теперь... Спасите меня, Платонов! Не поздно! Платонов, не поздно!

Пауза.

Анна Петровна *(плачет)*. Софи... Что вы хотите? Успеете еще... Что он вам может сказать теперь? Разве вы не слышали... не слышали?

Софья Егоровна. Платонов... Еще раз прошу... *(Рыдает.)* Нет?

Платонов отодвигается от нее.

Не нужно... Хорошо же... *(Падает на колени.)* Платонов!

Анна Петровна. Это уже слишком, Софи! Не смеее вы этого делать! Никто не стоит того, чтоб... на коленях... *(Поднимает ее и сажает)*

ет.) Вы... женщина!

Софья Егоровна (*рыдает*). Скажите ему... Уговорите...

Анна Петровна. Призовите к себе все силы вашего ума... Надо быть... стойкой... Вы женщина! Ну... полноте! Идите к себе в комнату!

Пауза.

Идите, лягте на постель... (*Трилецкому*.)
Николай Иванович! Что делать?

Трилецкий. Об этом нужно спросить милого Мишеньку! (*Ходит по сцене.*)

Анна Петровна. Поведемте ее на постель! Сергей! Николай Иванович! Да помогите же мне, наконец!

Войнищев встает и подходит к Софье Егоровне.

Трилецкий. Поведемте. Надо дать успокоительного.

Анна Петровна. Я сама приняла бы теперь хлороформу... (*Войнищеву.*) Будь мужчиной, Сергей! Не теряйся хоть ты! Мне не лучше твоего, однако же... стою на ногах... Пойдемте, Софи! Экий денек нынче выдался...

Ведут Софью Егоровну.

Мужайся, Сержель! Будем людьми!

Войнищев. Постараюсь, тапан. Креплюсь...

Трилецкий. Не горюй, брат Сергей! Авось вытянем! Не ты первый, не ты и последний!

Войнищев. Постараюсь... Да, я постараюсь...

Уходят.

Явление XI

Платонов и потом Грекова.

Платонов (*один*). Папиросу, Николай, и воды! (*Оглядывается.*) Нет их? Ехать нужно...

Пауза.

Разгромил, придушил женщин слабых, ни в чем не повинных... Не жалко было бы, если бы я их убил как-нибудь иначе, под напором чудовищных страстей, как-нибудь по-испански, а то убил так... глупо как-то, по-русски... (*Машет рукой перед глазами.*) Mouches volantes[22]... Облачки... Бредить, должно быть, буду... Раздавлен, приплющен, скомкан... А давно ли перестал хорохориться? (*Закрывает руками лицо.*) Стыд, жгучий стыд... Больно от стыда! (*Встает.*) Был голоден, холоден, истаскался, пропадал, исшарлатанился весь, пришел в этот дом... Дали мне теплый

угол, одели, приласкали, как никого... Хорошо заплатил! Однако же болен... Плохо... Убить себя нужно... *(Подходит к столу.)* Выбирай, арсенал целый... *(Берет револьвер.)* Гамлет боялся сновидений... Я боюсь... жизни! Что будет, если я жить буду? Стыд заест один... *(Прикладывает револьвер к виску.)* Finita la commedia![23] Одним умным скотом меньше! Прости, Христос, мне мои грехи!

Пауза.

Ну? Сейчас смерть, значит... Боли теперь, рука, сколько хочешь...

Пауза.

Нет сил!! *(Кладет револьвер на стол.)* Жить хочется... *(Садится на диван.)* Жить хочется... *(Входит Грекова.)* Воды бы... Где же Трилецкий? *(Увидев Грекову.)* Это кто? А-а-а... *(Смеется.)* Враг злейший... Будем завтра судиться?

Пауза.

Грекова. Но, разумеется, после того письма мы уж не враги.

Платонов. Всё одно. Воды нет?

Грекова. Вам воды? Что с вами?

Платонов. Болен... У меня горячка будет...

Мне это понравилось. Умно. Но еще умнее было бы, если бы вы со мной вовсе не связывались... Застрелиться хотел... *(Смеется.)* Не удалось... Инстинкт... Ум свое, природа свое... Остроглазая! Ведь умница? *(Целует руку.)* Рука холодная... Слушайте... Вы хотите меня слушать?

Грекова. Да, да, да...

Платонов. Возьмите меня к себе! Я болен, пить хочу, страдаю страшно, невыносимо! Спать хочу, а лечь негде... Меня хоть бы в сарай, лишь бы угол, вода и... хинину немножко. Пожалуйста! *(Протягивает руку.)*

Грекова. Едемте! Я с удовольствием!.. Вы можете жить у меня, сколько угодно... Вы еще не знаете, что я наделала! Едемте!

Платонов. Мерси, умная девочка... Папироса, вода и постель! На дворе дождь?

Грекова. Дождь.

Платонов. По дождю ехать придется... Судиться не станем. Мир! *(Смотрит на нее.)* Я брежу?

Грекова. Нисколько. Едемте! Экипаж у меня крытый.

Платонов. Хорошенькая... Чего же красне-

ешь? Не трону. Ручку вот холодную поцелую... *(Целует руку и тянет ее к себе.)*

Грекова *(садится к нему на колени)*. Нет... Не следует... *(Встает.)* Едемте... У вас лицо странное... Пустите руку!

Платонов. Болен. *(Встает.)* Едем... В щечку... *(Целует ее в щеку.)* Без всякой задней мысли. Не могу... Впрочем, пустяки. Едемте, Марья Ефимовна! И, пожалуйста, поскорей! Вот... вот этим револьвером застрелиться хотел... В щечку... *(Целует в щеку.)* Брежу, но вижу ваше лицо... Всех людей люблю! Всех! Я и вас люблю... Люди были для меня дороже всего... Никого не хотел обидеть, а всех обидел... Всех... *(Целует руку.)*

Грекова. Я всё поняла... Я понимаю ваше положение... Софи... да?

Платонов. Софи, Зизи, Мими, Маша... Вас много... Всех люблю... Был в университете, и на Театральной площади, бывало... падшим хорошие слова говорил... Люди в театре, а я на площади... Раису выкупил... Собрал со студентами триста целковых и другую выкупил... Показать ее письма?

Грекова. Что с вами?

Платонов. С ума, думаете, сошел? Нет, это так... Бред горячечный... Спросите Трилецкого... *(Берет ее за плечи.)* И меня все любят... Все! Оскорбишь, бывало, и то... любят... Грекову, например, оскорбил, на стол пхнул, и то... любит. Вы, впрочем, сама Грекова... Виноват...

Грекова. Что у вас болит?

Платонов. Платонов болит. Вы ведь меня любите? Любите? Откровенно... Я ничего не хочу... Вы только скажите мне, любите?

Грекова. Да... *(Кладет голову ему на грудь.)* Да...

Платонов *(целует ее в голову)*. Все любят... Когда выздоровею, развращу... Прежде хорошие слова говорил, а теперь развращаю...

Грекова. Мне всё одно... Мне ничего не нужно... Ты только и... человек. Не хочу я знать других! Что хочешь делай со мной... Ты... ты только и человек! *(Плачет.)*

Платонов. Понимаю я царя Эдипа, выколловшего себе глаза! Как я низок и как глубоко познаю свою низость! Отойдите! Не стоит... Я болен. *(Освобождается.)* Я еду сейчас... Извините меня, Марья Ефимовна! Я с ума схожу! Где Трилецкий?

Входит Софья Егоровна.

Явление XII

Т*е же и Софья Егоровна.*

Софья Егоровна подходит к столу и роется на нем.

Грекова (хватает Платонова за руку). Тссс...

Пауза.

Софья Егоровна берет револьвер, стреляет в Платонова и дает промах.

(Становится между Платоновым и Софьей Егоровной.) Что вы делаете?! (Кричит.) Сюда! Скорей сюда!

Софья Егоровна. Пустите... (Обегает вокруг Грековой и стреляет Платонову в грудь, в упор.)

Платонов. Постойте, постойте... Как же это так? (Падает.)

Вбегают Анна Петровна, Иван Иванович, Трилецкий и Войницев.

Явление XIII

Т*е же, Анна Петровна, Иван Иванович, Трилецкий, Войницев, потом прислуга и Марко.*

Анна Петровна (вырывает у Софьи Егоров-

ны револьвер и отбрасывает ее на диван). Платонов! (Наклоняется к Платонову.)

Войницев закрывает лицо и отворачивается к двери.

Трилецкий (наклоняется к Платонову и поспешно расстегивает ему сюртук. Пауза). Михаил Васильич! Ты слышишь?

Пауза.

Анна Петровна. Бога ради, Платонов! Мишель... Мишель! Скорей, Трилецкий...

Трилецкий (кричит). Воды!

Грекова (подает ему графин). Спасите его! Вы спасете его! (Ходит по сцене.)

Трилецкий пьет воду и бросает графин в сторону.

Иван Иванович (хватает себя за голову). Ведь сказал же, что погибну? Ну и погиб! Вот и погиб! (Опускается на колени.) Господь всемогущий! Погиб... Вот и погиб...

Вбегают **Яков, Василий, Катя и повар.**

Марко (входит). От мирового судьи-с...

Пауза.

Анна Петровна. Платонов!

Платонов приподнимается и обводит всех глазами.

Платонов Это ничего... Воды выпейте!

Платонов (*указывает на Марка*). Ему три целковых! (*Падает и умирает.*)

Анна Петровна. Мужайся, Сергей! Всё это пройдет, Николай Иванович... Всё это пройдет... Мужайтесь...

Катя (*кланяется в ноги Анне Петровне*). Я одна виноватая! Я записку носила! На деньги польстилась, барыня! Простите меня, окаянную!

Анна Петровна. Крепитесь... Зачем теряться? Он только так... Излечимо...

Трилецкий (*кричит*). Умер!

Анна Петровна. Нет, нет...

Грекова садится за стол, рассматривает бумажку и горько плачет.

Иван Иванович. Со святыми упокой... Погиб... Погиб...

Трилецкий. Жизнь — копейка! Прощай, Мишка! Пропала твоя копейка! Чего глазаете? Сам застрелился! Расстроилась компания! (*Плачет.*) С кем я теперь на твоих поминках пить буду! О, дураки! Не могли уберечь Платонова! (*Встает.*) Отец, поди скажи Саше, чтоб она умирала! (*Покачиваясь, подходит к*

Войницеву.) Ты-то чего? Эх! (Обнимает Войницева.) Умер Платошка! (Рыдает.)

Войнецев. Что делать, Николай?

Трилецкий. Хоронить мертвых и починять живых!

Анна Петровна *(медленно поднимается и идет к Софье Егоровне).* Успокойтесь, Софи! *(Рыдает.)* Что вы наделали?! Но... но... успокойтесь! *(Трилецкому.)* Ничего не говорите Александре Ивановне, Николай Иваныч! Я сама ей скажу! *(Идет к Платонову и опускается перед ним на колени.)* Платонов! Жизнь моя! Не верю! Не верю я! Ведь ты не умер? *(Берет его за руку.)* Жизнь моя!

Трилецкий. За дело, Сережа! Поможем твоей жене, а потом...

Войнецев. Да, да, да... *(Идет к Софье Егоровне.)*

Иван Иванович. Забыл господь... За грехи... За мои грехи... Зачем грешил, старый шут? Убивал тварей божиих, пьянствовал, сквернословил, осуждал... Не вытерпел господь и поразил.

«Конец четвертого действия»

Медведь

Шутка в одном действии
(Посвящена Н. Н. Соловцову)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Елена Ивановна Попова, вдовушка с ямочками на щеках, помещица.

Григорий Степанович Смирнов, нестарый помещик.

Лука, лакей Поповой, старик.

Гостиная в усадьбе Поповой.

1

Попова (в глубоком трауре, не отрывает глаз от фотографической карточки) *и Лука*

Лука. Нехорошо, барыня... Губите вы себя только... Горничная и кухарка пошли по ягоды, всякое дыхание радуется, даже кошка, и та свое удовольствие понимает и по двору гуляет, пташек ловит, а вы целый день сидите в комнате, словно в монастыре, и никакого удовольствия. Да право! Почитай, уж год прошел, как вы из дому не выходите!..

Попова. И не выйду никогда... Зачем?

Жизнь моя уже кончена. Он лежит в могиле, я погребла себя в четырех стенах... Мы оба умерли.

Лука. Ну, вот! И не слушал бы, право. Николай Михайлович померли, так тому и быть, божья воля, царство им небесное... Погоревали — и будет, надо и честь знать. Не весь же век плакать и траур носить. У меня тоже в свое время старуха померла... Что ж? Погоревал, поплакал с месяц, и будет с нее, а ежели цельный век Лазаря петь, то и старуха того не стоит. *(Вздыхает.)* Соседей всех забыли... И сами не ездите, и принимать не велите. Живем, извините, как пауки, — света белого не видим. Ливрею мыши съели... Добро бы хороших людей не было, а то ведь полон уезд господ... В Рыблове полк стоит, так офицеры — чистые конфеты, не нагладишься! А в лагерях что ни пятница, то бал, и, почитай, каждый день военная оркестра музыку играет... Эх, барыня-матушка! Молодая, красивая, кровь с молоком — только бы и жить в свое удовольствие... Красота-то ведь не навеки дадена! Пройдет годов десять, сами захотите павой пройтись да господам офицерам в глаза пыль

пустить, ан поздно будет.

Попова *(решительно)*. Я прошу тебя никогда не говорить мне об этом! Ты знаешь, с тех пор как умер Николай Михайлович, жизнь потеряла для меня всякую цену. Тебе кажется, что я жива, но это только кажется! Я дала себе клятву до самой могилы не снимать этого траура и не видеть света... Слышишь? Пусть тень его видит, как я люблю его... Да, я знаю, для тебя не тайна, он часто бывал несправедлив ко мне, жесток и... и даже неверен, но я буду верна до могилы и докажу ему, как я умею любить. Там, по ту сторону гроба, он увидит меня такою же, какою я была до его смерти...

Лука. Чем эти самые слова, пошли бы лучше по саду погуляли, а то велели бы запрячь Тоби или Великана и к соседям в гости...

Попова. Ах!.. *(Плачет.)*

Лука. Барыня!.. Матушка!.. Что вы? Христос с вами!

Попова. Он так любил Тоби! Он всегда ездил на нем к Корчагиным и Власовым. Как он чудно правил! Сколько грации было в его фигуре, когда он изо всей силы натягивал вож-

жи! Помнишь? Тоби, Тоби! Прикажи дать ему сегодня лишнюю осьмушку овса.

Лука. Слушаю!

Резкий звонок.

Попова (*вздрагивает*). Кто это? Скажи, что я никого не принимаю!

Лука. Слушаю-с! (*Уходит.*)

II

Попова (одна).

Попова (*глядя на фотографию*). Ты увидишь, Nicolas, как я умею любить и прощать... Любовь моя угаснет вместе со мною, когда перестанет биться мое бедное сердце. (*Смеется сквозь слезы.*) И тебе не совестно? Я паинька, верная жена, заперла себя на замок и буду верна тебе до могилы, а ты... и тебе не совестно, бутуз? Изменял мне, делал сцены, по целым неделям оставлял меня одну...

III

Попова и Лука.

Лука (*входит, встревоженно*). Сударыня, там кто-то спрашивает вас. Хочет видеть...

Попова. Но ведь ты сказал, что я со дня смерти мужа никого не принимаю?

Лука. Сказал, но он и слушать не хочет, го-

ворит, что очень нужное дело.

Попова. Я не при-ни-ма-ю!

Лука. Я ему говорил, но... леший какой-то... ругается и прямо в комнаты прет... уж в столовой стоит...

Попова (*раздраженно*). Хорошо, проси... Какие невежи!

Лука уходит.

Как тяжелы эти люди! Что им нужно от меня? К чему им нарушать мой покой? (*Вздыхает.*) Нет, видно уж и вправду придется уйти в монастырь... (*Задумывается.*) Да, в монастырь...

IV

Попова, Лука и Смирнов.

Смирнов (*входя, Луке*). Болван, любишь много разговаривать... Осел! (*Увидев Попову, с достоинством.*) Сударыня, честь имею представиться: отставной поручик артиллерии, землевладелец Григорий Степанович Смирнов! Вынужден беспокоить вас по весьма важному делу...

Попова (*не подавая руки*). Что вам угодно?

Смирнов. Ваш покойный супруг, с которым я имел честь быть знаком, остался мне

должен по двум векселям тысячу двести рублей. Так как завтра мне предстоит платеж процентов в земельный банк, то я просил бы вас, сударыня, уплатить мне деньги сегодня же.

Попова. Тысяча двести... А за что мой муж остался вам должен?

Смирнов. Он покупал у меня овес.

Попова (*вздыхая, Луке*). Так ты же, Лука, не забудь приказать, чтобы дали Тоби лишнюю осьмушку овса.

Лука уходит.

(*Смирнову.*) Если Николай Михайлович остался вам должен, то, само собою разумеется, я заплачу; но, извините пожалуйста, у меня сегодня нет свободных денег. Послезавтра вернется из города мой приказчик, и я прикажу ему уплатить вам что следует, а пока я не могу исполнить вашего желания... К тому же сегодня исполнилось ровно семь месяцев, как умер мой муж, и у меня теперь такое настроение, что я совершенно не расположена заниматься денежными делами.

Смирнов. А у меня теперь такое настроение, что если я завтра не заплачу процентов,

то должен буду вылететь в трубу вверх ногами. У меня опишут имение!

Попова. Послезавтра вы получите ваши деньги.

Смирнов. Мне нужны деньги не послезавтра, а сегодня.

Попова. Простите, сегодня я не могу заплатить вам.

Смирнов. А я не могу ждать до послезавтра.

Попова. Что же делать, если у меня сейчас нет!

Смирнов. Стало быть, не можете заплатить?

Попова. Не могу...

Смирнов. Гм!.. Это ваше последнее слово?

Попова. Да, последнее.

Смирнов. Последнее? Положительно?

Попова. Положительно.

Смирнов. Покорнейше благодарю. Так и запишем. *(Пожимает плечами.)* А еще хотят, чтобы я был хладнокровен! Встречается мне сейчас по дороге акцизный и спрашивает: «Отчего вы всё сердитесь, Григорий Степанович?» Да помилуйте, как же мне не сердить-

ся? Нужны мне дозарезу деньги... Выехал я еще вчера утром чуть свет, объездил всех своих должников, и хоть бы один из них заплатил свой долг! Измучился, как собака, ночевал черт знает где — в жидовской корчме около водочного бочонка... Наконец приезжаю сюда, за 70 верст от дому, надеюсь получить, а меня угощают «настроением»! Как же мне не сердиться?

Попова. Я, кажется, ясно сказала: приказчик вернется из города, тогда и получите.

Смирнов. Я приехал не к приказчику, а к вам! На кой леший, извините за выражение, сдался мне ваш приказчик!

Попова. Простите, милостивый государь, я не привыкла к этим странным выражениям, к такому тону. Я вас больше не слушаю.
(Быстро уходит.)

V

Смирнов (один).

Смирнов. Скажите пожалуйста! Настроение... Семь месяцев тому назад муж умер! Да мне-то нужно платить проценты или нет? Я вас спрашиваю: нужно платить проценты или нет? Ну, у вас муж умер, настроение там

и всякие фокусы... приказчик куда-то уехал, черт его возьми, а мне что прикажете делать? Улететь от своих кредиторов на воздушном шаре, что ли? Или разбежаться и трахнуть башкой о стену? Приезжаю к Груздеву — дома нет, Ярошевич спрятался, с Курицыным поругался насмерть и чуть было его в окно не вышвырнул, у Мазутова — холерина, у этой — настроение. Ни одна каналья не платит! А всё оттого, что я слишком их избаловал, что я нюня, тряпка, баба! Слишком я с ними деликатен! Ну, погодите же! Узнаете вы меня! Я не позволю шутить с собою, черт возьми! Остаюсь и буду торчать здесь, пока она не заплатит! Брр!.. Как я зол сегодня, как я зол! От злости все поджилки трясутся и дух захватило... Фу, боже мой, даже дурно делается! (*Кричит.*) Человек!

VI

Смирнов и Лука.

Лука (*входит*). Чего вам?

Смирнов. Дай мне квасу или воды!

Лука *уходит.*

Нет, какова логика! Человеку нужны доз-резу деньги, впору вешаться, а она не платит,

потому что, видите ли, не расположена заниматься денежными делами!.. Настоящая женская, турнюрная логика! Потому-то вот я никогда не любил и не люблю говорить с женщинами. Для меня легче сидеть на бочке с порохом, чем говорить с женщиной. Брр!.. Даже мороз по коже дерет — до такой степени разозлил меня этот шлейф! Стоит мне хотя бы издали увидеть поэтическое создание, как у меня от злости в икрах начинаются судороги. Просто хоть караул кричи.

VII

Смирнов и Лука.

Лука (*входит и подает воду*). Барыня больны и не принимают.

Смирнов. Пошел!

Лука *уходит.*

Больны и не принимают. Не нужно, не принимай... Я останусь и буду сидеть здесь, пока не отдашь денег. Неделю будешь больна, и я неделю просижу здесь... Год будешь больна — и я год... Я свое возьму, матушка! Меня не тронешь трауром да ямочками на щеках... Знаем мы эти ямочки! (*Кричит в окно.*) Семен, распрягай! Мы не скоро уедем! Я здесь

остаюсь! Скажешь там на конюшне, чтобы овса дали лошадям! Опять у тебя, скотина, левая пристяжная запуталась в вожжу! (*Дразнит.*) Ничаво... Я тебе задам — ничаво! (*Отходит от окна.*) Скверно... жара невыносимая, денег никто не платит, плохо ночь спал, а тут еще этот траурный шлейф с настроением... Голова болит... Водки выпить, что ли? Пожалуй, выпью. (*Кричит.*) Человек!

Лука (*входит*). Что вам?

Смирнов. Дай рюмку водки!

Лука уходит.

Уф! (*Садится и оглядывает себя.*) Нечего сказать, хороша фигура! Весь в пыли, сапоги грязные, не умыт, не чесан, на жилетке солома... Барынька, чего доброго, меня за разбойника приняла. (*Зевает.*) Немножко невежливо являться в гостиную в таком виде, ну, да ничего... я тут не гость, а кредитор, для кредиторов же костюм не писан...

Лука (*входит и подает водку*). Много вы позволяете себе, сударь...

Смирнов (*сердито*). Что?

Лука. Я... я ничего... я собственно...

Смирнов. С кем ты разговариваешь?! Мол-

чать!

Лука (*в сторону*). Навязался, леший, на нашу голову... Принесла нелегкая...

Лука уходит.

Смирнов. Ах, как я зол! Так зол, что, кажется, весь свет стер бы в порошок... Даже дурно делается... (*Кричит.*) Человек!

VIII

Попова и Смирнов.

Попова (*входит, опустив глаза*). Милостивый государь, в своем уединении я давно уже отвыкла от человеческого голоса и не выношу крика. Прошу вас убедительно, не нарушайте моего покоя!

Смирнов. Заплатите мне деньги, и я уеду.

Попова. Я сказала вам русским языком: денег у меня свободных теперь нет, погодите до послезавтра.

Смирнов. Я тоже имел честь сказать вам русским языком: деньги нужны мне не послезавтра, а сегодня. Если сегодня вы мне не заплатите, то завтра я должен буду повеситься.

Попова. Но что же мне делать, если у меня нет денег? Как странно!

Смирнов. Так вы сейчас не заплатите?

Нет?

Попова. Не могу...

Смирнов. В таком случае я остаюсь здесь и буду сидеть, пока не получу... *(Садится.)* Послезавтра заплатите? Отлично! Я до послезавтра просижу таким образом. Вот так и буду сидеть... *(Вскакивает.)* Я вас спрашиваю: мне нужно заплатить завтра проценты или нет?.. Или вы думаете, что я шучу?

Попова. Милостивый государь, прошу вас не кричать! Здесь не конюшня!

Смирнов. Я вас не о конюшне спрашиваю, а о том — нужно мне платить завтра проценты или нет?

Попова. Вы не умеете держать себя в женском обществе!

Смирнов. Нет-с, я умею держать себя в женском обществе!

Попова. Нет, не умеете! Вы невоспитанный, грубый человек! Порядочные люди не говорят так с женщинами!

Смирнов. Ах, удивительное дело! Как же прикажете говорить с вами? По-французски, что ли? *(Злится и сюсюкает.)* Мадам, же ву при...[24] как я счастлив, что вы не платите

мне денег... Ах, пардон, что обеспокоил вас! Такая сегодня прелестная погода! И этот траур так к лицу вам! *(Расшаркивается.)*

Попова. Не умно и грубо.

Смирнов *(дразнит)*. Не умно и грубо! Я не умею держать себя в женском обществе! Сударыня, на своем веку я видел женщин гораздо больше, чем вы воробьев! Три раза я стрелялся на дуэли из-за женщин, двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня! Да-с! Было время, когда я ломал дурака, миндальничал, медоточил, рассыпался бисером, шаркал ногами... Любил, страдал, вздыхал на луну, раскисал, таял, холодел... Любил страстно, бешено, на всякие манеры, черт меня возьми, трещал, как сорока, об эмансипации, прожил на нежном чувстве половину состояния, но теперь — слуга покорный! Теперь меня не проведете! Довольно! Очи черные, очи страстные, алые губки, ямочки на щеках, луна, шепот, робкое дыханье — за всё это, сударыня, я теперь и медного гроша не дам! Я не говорю о присутствующих, но все женщины, от мала до велика, ломаки, кривляки, сплетницы, ненавистницы, лгунишки до мозга костей, су-

етны, мелочны, безжалостны, логика возмутительная, а что касается вот этой штуки (*хлопает себя по лбу*), то, извините за откровенность, воробей любому философу в юбке может дать десять очков вперед! Посмотришь на иное поэтическое создание: кисея, эфир, полубогиня, миллион восторгов, а заглянешь в душу — обыкновеннейший крокодил! (*Хватается за спинку стула, стул трещит и ломается.*) Но возмутительнее всего, что этот крокодил почему-то воображает, что его шедевр, его привилегия и монополия — нежное чувство! Да черт побери совсем, повесьте меня вот на этом гвозде вверх ногами — разве женщина умеет любить кого-нибудь, кроме болонок?.. В любви она умеет только хныкать и распускать нюни! Где мужчина страдает и жертвует, там вся ее любовь выражается только в том, что она вертит шлейфом и старается покрепче схватить за нос. Вы имеете несчастье быть женщиной, стало быть, по себе самой знаете женскую натуру. Скажите же мне по совести: видели ли вы на своем веку женщину, которая была бы искренна, верна и постоянна? Не видели! Верны и постоянны

одни только старухи да уроды! Скорее вы встретите рогатую кошку или белого вальдшнепа, чем постоянную женщину!

Попова. Позвольте, так кто же, по-вашему, верен и постоянен в любви? Не мужчина ли?

Смирнов. Да-с, мужчина!

Попова. Мужчина! *(Злой смех.)* Мужчина верен и постоянен в любви! Скажите, какая новость! *(Горячо.)* Да какое вы имеете право говорить это? Мужчины верны и постоянны! Коли на то пошло, так я вам скажу, что из всех мужчин, каких только я знала и знаю, самым лучшим был мой покойный муж... Я любила его страстно, всем своим существом, как может любить только молодая, мыслящая женщина; я отдала ему свою молодость, счастье, жизнь, свое состояние, дышала им, молилась на него, как язычница, и... и — что же? Этот лучший из мужчин самым бессовестным образом обманывал меня на каждом шагу! После его смерти я нашла в его столе полный ящик любовных писем, а при жизни — ужасно вспомнить! — он оставлял меня одну по целым неделям, на моих глазах ухаживал за другими женщинами и изменял

мне, сорил моими деньгами, шутил над моим чувством... И, несмотря на всё это, я любила его и была ему верна... Мало того, он умер, а я всё еще верна ему и постоянна. Я навеки погребла себя в четырех стенах и до самой могилы не сниму этого траура...

Смирнов (*презрительный смех*). Траур!.. Не понимаю, за кого вы меня принимаете? Точно я не знаю, для чего вы носите это черное домино и погребли себя в четырех стенах! Еще бы! Это так таинственно, поэтично! Проедет мимо усадьбы какой-нибудь юнкер или куцый поэт, взглянет на окна и подумает: «Здесь живет таинственная Тамара, которая из любви к мужу погребла себя в четырех стенах». Знаем мы эти фокусы!

Попова (*вспыхнув*). Что? Как вы смеее говорить мне всё это?

Смирнов. Вы погребли себя заживо, однако вот не позабыли напудриться!

Попова. Да как вы смеее говорить со мною таким образом?

Смирнов. Не кричите, пожалуйста, я вам не приказчик! Позвольте мне называть вещи настоящими их именами. Я не женщина и

привык высказывать свое мнение прямо! Не извольте же кричать!

Попова. Не я кричу, а вы кричите! Извольте оставить меня в покое!

Смирнов. Заплатите мне деньги, и я уеду.

Попова. Не дам я вам денег!

Смирнов. Нет-с, дадите!

Попова. Вот назло же вам, ни копейки не получите! Можете оставить меня в покое!

Смирнов. Я не имею удовольствия быть ни вашим супругом, ни женихом, а потому, пожалуйста, не делайте мне сцен. *(Садится.)* Я этого не люблю.

Попова *(задыхаясь от гнева).* Вы сели?

Смирнов. Сел.

Попова. Прошу вас уйти!

Смирнов. Отдайте деньги... *(В сторону.)*
Ах, как я зол! Как я зол!

Попова. Я не желаю разговаривать с нахалами! Извольте убираться вон!

Пауза.

Вы не уйдете? Нет?

Смирнов. Нет.

Попова. Нет?

Смирнов. Нет!

Попова. Хорошо же! *(Звонит.)*

IX

Т*е же и Лука.*

Попова. Лука, выведи этого господина!

Лука *(подходит к Смирнову).* Сударь, извольте уходить, когда велят! Нечего тут...

Смирнов *(вскакивая).* Молчать! С кем ты разговариваешь? Я из тебя салат сделаю!

Лука *(хватается за сердце).* Батюшки!.. Угодники!.. *(Падает в кресло.)* Ох, дурно, дурно! Дух захватило!

Попова. Где же Даша? Даша! *(Кричит.)* Даша! Пелагея! Даша! *(Звонит.)*

Лука. Ох! Все по ягоды ушли... Никого дома нету... Дурно! Воды!

Попова. Извольте убираться вон!

Смирнов. Не угодно ли вам быть повежливее?

Попова *(сжимая кулаки и топая ногами).* Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр!

Смирнов. Как? Что вы сказали?

Попова. Я сказала, что вы медведь, монстр!

Смирнов *(наступая).* Позвольте, какое же вы имеете право оскорблять меня?

Попова. Да, оскорбляю... ну, так что же? Вы

думаете, я вас боюсь?

Смирнов. А вы думаете, что если вы поэтическое создание, то имеете право оскорблять безнаказанно? Да? К барьеру!

Лука. Батюшки!.. Угодники!.. Воды!

Смирнов. Стреляться!

Попова. Если у вас здоровые кулаки и бычье горло, то, думаете, я боюсь вас? А? Бурбон вы этакий!

Смирнов. К барьеру! Я никому не позволю оскорблять себя и не посмотрю на то, что вы женщина, слабое создание!

Попова (*стараясь перекричать*). Медведь! Медведь! Медведь!

Смирнов. Пора, наконец, отрешиться от предрассудка, что только одни мужчины обязаны платить за оскорбления! Равноправность так равноправность, черт возьми! К барьеру!

Попова. Стреляться хотите? Извольте!

Смирнов. Сию минуту!

Попова. Сию минуту! После мужа остались пистолеты... Я сейчас принесу их сюда... (*Торопливо идет и возвращается.*) С каким наслаждением я влеплю пулю в ваш медный лоб!

Черт вас возьми! (*Уходит.*)

Смирнов. Я подстрелю ее, как цыпленка! Я не мальчишка, не сантиментальный щенок, для меня не существует слабых созданий!

Лука. Батюшка родимый!.. (*Становится на колени.*) Сделай такую милость, пожалей меня, старика, уйди ты отсюда! Напужал до смерти, да еще стреляться собираешься!

Смирнов (*не слушая его*). Стреляться, вот это и есть равноправность, эмансипация! Тут оба пола равны! Подстрелю ее из принципа! Но какова женщина? (*Дразнит.*) «Черт вас возьми... влеплю пулю в медный лоб...» Какова? Раскраснелась, глаза блестят... Вызов приняла! Честное слово, первый раз в жизни такую вижу...

Лука. Батюшка, уйди! Заставь вечно бога молить!

Смирнов. Это — женщина! Вот это я понимаю! Настоящая женщина! Не кислятина, не размазня, а огонь, порох, ракета! Даже убивать жалко!

Лука (*плачет*). Батюшка... родимый, уйди!

Смирнов. Она мне положительно нравится! Положительно! Хоть и ямочки на щеках,

а нравится! Готов даже долг ей простить... и злость прошла... Удивительная женщина!

Х

Те же и *Попова*.

Попова (*входит с пистолетами*). Вот они, пистолеты... Но, прежде чем будем драться, вы извольте показать мне, как нужно стрелять... Я ни разу в жизни не держала в руках пистолета.

Лука. Спаси, господи, и помилуй... Пойду садовника и кучера поищу... Откуда эта напасть взялась на нашу голову... (*Уходит.*)

Смирнов (*осматривая пистолеты*). Видите ли, существует несколько сортов пистолетов... Есть специально дуэльные пистолеты Мортимера, капсульные. А это у вас револьверы системы Смит и Вессон, тройного действия с экстрактором, центрального боя... Прекрасные пистолеты!.. Цена таким минимум 90 рублей за пару... Держать револьвер нужно так... (*В сторону.*) Глаза, глаза! Зажигательная женщина!

Попова. Так?

Смирнов. Да, так... Засим вы поднимаете курок... вот так прицеливаетесь... Голову

немножко назад! Вытяните руку, как следует... Вот так... Потом вот этим пальцем надавливаете эту штучку — и больше ничего... Только главное правило: не горячиться и прицеливаться не спеша... Стараться, чтоб не дрогнула рука.

Попова. Хорошо... В комнатах стреляться неудобно, пойдете в сад.

Смирнов. Пойдемте. Только предупреждаю, что я выстрелю в воздух.

Попова. Этого еще недоставало! Почему?

Смирнов. Потому что... потому что... Это мое дело, почему!

Попова. Вы трусили? Да? А-а-а-а! Нет, сударь, вы не виляйте! Извольте идти за мною! Я не успокоюсь, пока не пробью вашего лба... вот этого лба, который я так ненавижу! Трусили?

Смирнов. Да, трусил.

Попова. Лжете! Почему вы не хотите драться?

Смирнов. Потому что... потому что вы... мне нравитесь.

Попова (злой смех). Я ему нравлюсь! Он смеет говорить, что я ему нравлюсь! (Указы-

вает на дверь.) Можете!

Смирнов (молча кладет револьвер, берет фуражку и идет; около двери останавливается, полминуты оба молча глядят друг на друга: затем он говорит, нерешительно подходя к Поповой). Послушайте... Вы всё еще сердитесь?.. Я тоже чертовски взбешен, но, понимаете ли... как бы этак выразиться... Дело в том, что, видите ли, такого рода история, собственно говоря... (Кричит.) Ну, да разве я виноват, что вы мне нравитесь? (Хватается за спинку стула, стул трещит и ломается.) Черт знает, какая у вас ломкая мебель! Вы мне нравитесь! Понимаете? Я... я почти влюблен!

Попова. Отойдите от меня — я вас ненавижу!

Смирнов. Боже, какая женщина! Никогда в жизни не видал ничего подобного! Пропал! Погиб! Попал в мышеловку, как мышь!

Попова. Отойдите прочь, а то буду стрелять!

Смирнов. Стреляйте! Вы не можете понять, какое счастье умереть под взглядом этих чудных глаз, умереть от револьвера, который держит эта маленькая бархатная руч-

ка... Я с ума сошел! Думайте и решайте сейчас, потому что если я выйду отсюда, то уж мы больше никогда не увидимся! Решайте... Я дворянин, порядочный человек, имею десять тысяч годового дохода... попадаю пулей в подброшенную копейку... имею отличных лошадей... Хотите быть моею женой?

Попова (возмущенная, потрясает револьвером). Стреляться! К барьеру!

Смирнов. Сошел с ума... Ничего не понимаю... (Кричит.) Человек, воды!

Попова (кричит). К барьеру!

Смирнов. Сошел с ума, влюбился, как мальчишка, как дурак! (Хватает ее за руку, она вскрикивает от боли.) Я люблю вас! (Становится на колени.) Люблю, как никогда не любил! Двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня, но ни одну из них я не любил так, как вас... Разлимонился, рассиропился, раскис... стою на коленях, как дурак, и предлагаю руку... Стыд, срам! Пять лет не влюблялся, дал себе зарок, и вдруг втюрился, как оглобля в чужой кузов! Руку предлагаю. Да или нет? Не хотите? Не нужно! (Встает и быстро идет к двери.)

Попова. Постойте...

Смирнов *(останавливается)*. Ну?

Попова. Ничего, уходите... Впрочем, по-
стойте... Нет, уходите, уходите! Я вас ненави-
жу! Или нет... Не уходите! Ах, если бы вы зна-
ли, как я зла! *(Бросает на стол револьвер.)*
Отекли пальцы от этой мерзости... *(Рвет от
злости платок.)* Что же вы стоите? Убирай-
тесь!

Смирнов. Прощайте.

Попова. Да, да, уходите!.. *(Кричит.)* Куда
же вы? Постойте... Ступайте, впрочем. Ах, как
я зла! Не подходите, не подходите!

Смирнов *(подходя к ней)*. Как я на себя зол!
Влюбился, как гимназист, стоял на коленях...
Даже мороз по коже дерет... *(Грубо.)* Я люблю
вас! Очень мне нужно было влюбляться в вас!
Завтра проценты платить, сенокос начался, а
тут вы... *(Берет ее за талию.)* Никогда этого
не прощу себе...

Попова. Отойдите прочь! Прочь руки! Я
вас... ненавижу! К ба-барьеру!

Продолжительный поцелуй.

Те же, *Лука с топором, садовник с граблями, кучер с вилами и рабочие с дрекольем.*
Лука (увидев целующуюся парочку). Батюшки!

Пауза.

Попова (*опустив глаза*). Лука, скажешь там, на конюшне, чтобы сегодня Тоби вовсе не давали овса.

Занавес

Предложение

Шутка в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Степан Степанович Чубуков, помещик.

Наталья Степановна, его дочь, 25-ти лет.

Иван Васильевич Ломов, сосед Чубукова, здоровый, упитанный, но очень мнительный помещик.

Действие происходит в усадьбе Чубукова.

Гостиная в доме Чубукова.

1

Чубуков и Ломов (*входит во фраке и белых перчатках*).

Чубуков (*идя к нему навстречу*). Голубушка, кого вижу! Иван Васильевич! Весьма рад! (*Пожимает руку.*) Вот именно сюрприз, мамочка... Как поживаете?

Ломов. Благодарю вас. А вы как изволите поживать?

Чубуков. Живем помаленьку, ангел мой, вашими молитвами и прочее. Садитесь, покорнейше прошу... Вот именно, нехорошо соседей забывать, мамочка моя. Голубушка, но что же вы так официально? Во фраке, в перчатках и прочее. Разве куда едете, драгоценный мой?

Ломов. Нет, я только к вам, уважаемый Степан Степаныч.

Чубуков. Так зачем же во фраке, прелесть? Точно на Новый год с визитом!

Ломов. Видите ли, в чем дело. (*Берет его под руку.*) Я приехал к вам, уважаемый Степан Степаныч, чтобы беспокоить вас одною просьбою. Неоднократно я уже имел честь обращаться к вам за помощью, и всегда вы, так сказать... но я, простите, волнуюсь. Я выпью воды, уважаемый Степан Степаныч. (*Пьет воду.*)

Чубуков (*в сторону*). Денег приехал просить! Не дам! (*Ему*.) В чем дело, красавец?

Ломов. Видите ли, Уважай Степаныч... виноват, Степан Уважаемыч... то есть, я ужасно волнуюсь, как изволите видеть... Одним словом, вы один только можете помочь мне, хотя, конечно, я ничем не заслужил и... и не имею права рассчитывать на вашу помощь...

Чубуков. Ах, да не размазывайте, мамочка! Говорите сразу! Ну?

Ломов. Сейчас... Сию минуту. Дело в том, что я приехал просить руки у вашей дочери Натальи Степановны.

Чубуков (*радостно*). Мамуся! Иван Васильевич! Повторите еще раз — я не расслышал!

Ломов. Я имею честь просить...

Чубуков (*перебивая*). Голубушка моя... Я так рад и прочее... Вот именно и тому подобное. (*Обнимает и целует*.) Давно желал. Это было моим всегдашним желанием. (*Пускает слезу*.) И всегда я любил вас, ангел мой, как родного сына. Дай бог вам обоим совет и любовь и прочее, а я весьма желал... Что же я стою, как болван! Опешил от радости, совсем

опешил! Ох, я от души... Пойду позову Наташу и тому подобное.

Ломов (*растроганный*). Уважаемый Степан Степаныч, как вы полагаете, могу я рассчитывать на ее согласие?

Чубуков. Такой, вот именно, красавец, и... и вдруг она не согласится! Влюблена, небось, как кошка и прочее... Сейчас! (*Уходит.*)

II

Ломов (один).
Ломов. Холодно... Я весь дрожу, как перед экзаменом. Главное — нужно решиться. Если же долго думать, колебаться, много разговаривать да ждать идеала или настоящей любви, то этак никогда не женишься... Брр!.. Холодно! Наталья Степановна отличная хозяйка, недурна, образованна... чего ж мне еще нужно? Однако у меня уж начинается от волнения шум в ушах. (*Пьет воду.*) А не жениться мне нельзя... Во-первых, мне уже 35 лет — возраст, так сказать, критический. Во-вторых, мне нужна правильная, регулярная жизнь... У меня порок сердца, постоянные сердцебиения, я вспыльчив и всегда ужасно волнуюсь... Сейчас вот у меня губы дрожат и на правом

веке живчик прыгает... Но самое ужасное у меня — это сон. Едва только лягу в постель и только что начну засыпать, как вдруг в левом боку что-то — дерг! и бьет прямо в плечо и в голову... Вскакиваю как сумасшедший, похожу немного и опять ложусь, но только что начну засыпать, как у меня в боку опять — дерг! И этак раз двадцать...

III

Наталья Степановна и Ломов.

Наталья Степановна (*входит*). Ну вот, ей-богу! Это вы, а папа говорит: поди, там купец за товаром пришел. Здравствуйте, Иван Васильевич!

Ломов. Здравствуйте, уважаемая Наталья Степановна!

Наталья Степановна. Извините, я в фартуке и неглиже... Мы горошек чистим для сушки. Отчего вы у нас так долго не были? Садитесь...

Садятся.

Хотите завтракать?

Ломов. Нет, благодарю вас, я уже кушал.

Наталья Степановна. Курите... Вот спички... Погода великолепная, а вчера такой

дождь был, что рабочие весь день ничего не делали. Вы сколько копен накосили? Я, представьте, сжадничала и скосила весь луг, а теперь сама не рада, боюсь, как бы мое сено не сгнило. Лучше было бы подождать. Но что это? Вы, кажется, во фраке! Вот новость! На бал едете, что ли? Между прочим, вы похорошели... Вправду, зачем вы таким франтом?

Ломов (волнуясь). Видите ли, уважаемая Наталья Степановна... Дело в том, что я решил просить вас выслушать меня... Конечно, вы удивитесь и даже рассердитесь, но я... (В сторону.) Ужасно холодно!

Наталья Степановна. В чем дело?

Пауза.

Ну?

Ломов. Я постараюсь быть краток. Вам, уважаемая Наталья Степановна, известно, что я давно уже, с самого детства, имею честь знать ваше семейство. Моя покойная тетушка и ее супруг, от которых я, как вы изволите знать, получил в наследство землю, всегда относились с глубоким уважением к вашему батюшке и к покойной матушке. Род Ломовых и род Чубуковых всегда находились в самых

дружественных и, можно даже сказать, родственных отношениях. К тому же, как вы изволите знать, моя земля тесно соприкасается с вашей. Если вы изволите припомнить, мои Воловьи Лужки граничат с вашим березняком.

Наталья Степановна. Виновата, я вас перебыю. Вы говорите «мои Воловьи Лужки»... Да разве они ваши?

Ломов. Мои-с...

Наталья Степановна. Ну, вот еще! Воловьи Лужки наши, а не ваши!

Ломов. Нет-с, мои, уважаемая Наталья Степановна.

Наталья Степановна. Это для меня новость. Откуда же они ваши?

Ломов. Как откуда? Я говорю про те Воловьи Лужки, что входят клином между вашим березняком и Горелым болотом.

Наталья Степановна. Ну, да, да... Они наши...

Ломов. Нет, вы ошибаетесь, уважаемая Наталья Степановна, — они мои.

Наталья Степановна. Опомнитесь, Иван Васильевич! Давно ли они стали вашими?

Ломов. Как давно? Насколько я себя помню, они всегда были нашими.

Наталья Степановна. Ну, это, положим, извините!

Ломов. Из бумаг это видно, уважаемая Наталья Степановна. Воловьи Лужки были когда-то спорными, это — правда; но теперь всем известно, что они мои. И спорить тут нечего. Изволите ли видеть, бабушка моей тетушки отдала эти Лужки в бессрочное и в безвозмездное пользование крестьянам дедушки вашего батюшки за то, что они жгли для нее кирпич. Крестьяне дедушки вашего батюшки пользовались безвозмездно Лужками лет сорок и привыкли считать их как бы своими, потом же, когда вышло Положение...

Наталья Степановна. И совсем не так, как вы рассказываете! И мой дедушка, и прадедушка считали, что ихняя земля доходила до Горелого болота — значит, Воловьи Лужки были наши. Что ж тут спорить? — не понимаю. Даже досадно!

Ломов. Я вам бумаги покажу, Наталья Степановна!

Наталья Степановна. Нет, вы просто шути-

те или дразните меня... Сюрприз какой! Владеем землей чуть ли не триста лет, и вдруг нам заявляют, что земля не наша! Иван Васильевич, простите, но я даже ушам своим не верю... Мне не дороги эти Лужки. Там всего пять десятин, и стоят они каких-нибудь триста рублей, но меня возмущает несправедливость. Говорите что угодно, но несправедливости я терпеть не могу.

Ломов. Выслушайте меня, умоляю вас! Крестьяне дедушки вашего батюшки, как я уже имел честь сказать вам, жгли для бабушки моей тетушки кирпич. Тетушкина бабушка, желая сделать им приятное...

Наталья Степановна. Дедушка, бабушка, тетушка... ничего я тут не понимаю! Лужки наши, вот и всё.

Ломов. Мои-с!

Наталья Степановна. Наши! Хоть вы два дня доказывайте, хоть наденьте пятнадцать фраков, а они наши, наши, наши!.. Вашего я не хочу и своего терять не желаю... Как вам угодно!

Ломов. Мне, Наталья Степановна, Лужков не надо, но я из принципа. Если угодно, то, из-

вольте, я вам подарю их.

Наталья Степановна. Я сама могу подарить вам их, они мои!.. Всё это, по меньшей мере, странно, Иван Васильевич! До сих пор мы вас считали хорошим соседом, другом, в прошлом году давали вам свою молотилку, и через это самим нам пришлось домолачивать свой хлеб в ноябре, а вы поступаете с нами, как с цыганами. Дарите мне мою же землю. Извините, это не по-соседски! По-моему, это даже дерзость, если хотите...

Ломов. По-вашему выходит, значит, что я узурпатор? Сударыня, никогда я чужих земель не захватывал и обвинять меня в этом никому не позволю... *(Быстро идет к графину и пьет воду.)* Волосьи Лужки мои!

Наталья Степановна. Неправда, наши!

Ломов. Мои!

Наталья Степановна. Неправда! Я вам докажу! Сегодня же пошлю своих косарей на эти Лужки!

Ломов. Что-с?

Наталья Степановна. Сегодня же там будут мои косари!

Ломов. А я их в шею!

Наталья Степановна. Не смеете!

Ломов (*хватается за сердце*). Воловьи Лужки мои! Понимаете? Мои!

Наталья Степановна. Не кричите, пожалуйста! Можете кричать и хрипеть от злобы у себя дома, а тут прошу держать себя в границах!

Ломов. Если бы, сударыня, не это страшное, мучительное сердцебиение, если бы жилы не стучали в висках, то я поговорил бы с вами иначе! (*Кричит.*) Воловьи Лужки мои!

Наталья Степановна. Наши!

Ломов. Мои!

Наталья Степановна. Наши!

Ломов. Мои!

IV

Те же и Чубуков.

Чубуков (*входя*). Что такое? О чем кричите?

Наталья Степановна. Папа, объясни, пожалуйста, этому господину, кому принадлежат Воловьи Лужки: нам или ему?

Чубуков (*ему*). Цыпочка, Лужки наши!

Ломов. Да помилуйте, Степан Степаныч, откуда они ваши? Будьте хоть вы рассуди-

тельным человеком! Бабушка моей тетушки отдала Лужки во временное, безвозмездное пользование крестьянам вашего дедушки. Крестьяне пользовались землей сорок лет и привыкли к ней, как бы к своей, когда же вышло Положение...

Чубуков. Позвольте, драгоценный... Вы забываете, что именно крестьяне не платили вашей бабушке и тому подобное, потому что Лужки тогда были спорными и прочее... А теперь всякая собака знает, вот именно, что они наши. Вы, значит, плана не видели!

Ломов. А я вам докажу, что они мои!

Чубуков. Не докажете, любимец мой.

Ломов. Нет, докажу!

Чубуков. Мамочка, зачем же кричать так? Криком, вот именно, ничего не докажете. Я вашего не желаю и своего упускать не намерен. С какой стати? Уж коли на то пошло, милаша моя, ежели вы намерены оспаривать Лужки и прочее, то я скорее подарю их мужикам, чем вам. Так-то!

Ломов. Не понимаю! Какое же вы имеете право дарить чужую собственность?

Чубуков. Позвольте уж мне знать, имею я

право или нет. Вот именно, молодой человек, я не привык, чтобы со мною разговаривали таким тоном и прочее. Я, молодой человек, старше вас вдвое и прошу вас говорить со мною без ажитации и тому подобное.

Ломов. Нет, вы просто меня за дурака считаете и смеетесь надо мною! Мою землю называете своею да еще хотите, чтобы я был хладнокровен и говорил с вами по-человечески! Так хорошие соседи не поступают, Степан Степаныч! Вы не сосед, а узурпатор!

Чубуков. Что-с? Что вы сказали?

Наталья Степановна. Папа, сейчас же пошли на Лужки косарей!

Чубуков (*Ломову*). Что вы сказали, милостивый государь?

Наталья Степановна. Волосьи Лужки наши, и я не уступлю, не уступлю, не уступлю!

Ломов. Это мы увидим! Я вам судом докажу, что они мои!

Чубуков. Судом? Можете подавать в суд, милостивый государь, и тому подобное! Можете! Я вас знаю, вы только, вот именно, и ждете случая, чтобы судиться и прочее... Кляузная натура! Весь ваш род был сутяжный!

Весь!

Ломов. Прошу не оскорблять моего рода! В роду Ломовых все были честные и не было ни одного, который находился бы под судом за растрату, как ваш дядюшка!

Чубуков. А в вашем ломовском роду все были сумасшедшие!

Наталья Степановна. Все, все, все!

Чубуков. Дед ваш пил запоем, а младшая тетушка, вот именно, Настасья Михайловна, бежала с архитектором и прочее...

Ломов. А ваша мать была кривобокая. *(Хватается за сердце.)* В боку дернуло... В голову ударило... Батюшки!.. Воды!

Чубуков. А ваш отец был картежник и обжора!

Наталья Степановна. А тетка — сплетница, каких мало!

Ломов. Левая нога отнялась... А вы интриган... Ох, сердце!.. И ни для кого не тайна, что вы перед выборами под... В глазах искры... Где моя шляпа?

Наталья Степановна. Низко! Нечестно! Гадко!

Чубуков. А сами вы, вот именно, ехидный,

двуличный и каверзный человек! Да-с!

Ломов. Вот она, шляпа... Сердце... Куда идти? Где дверь? Ох!.. Умираю, кажется... Нога волочится... *(Идет к двери.)*

Чубуков *(ему вслед)*. И чтоб ноги вашей больше не было у меня в доме!

Наталья Степановна. Подавайте в суд! Мы увидим!

Ломов уходит пошатываясь.

V

Чубуков и Наталья Степановна.

Чубуков. К черту! *(Ходит в волнении.)*

Наталья Степановна. Каков негодяй? Вот и верь после этого добрым соседям!

Чубуков. Мерзавец! Чучело гороховое!

Наталья Степановна. Урод этакий! При-
своил себе чужую землю, да еще смеет бра-
ниться.

Чубуков. И эта кикимора, эта, вот именно, куриная слепота, осмеливается еще делать предложение и прочее! А? Предложение!

Наталья Степановна. Какое предложение?

Чубуков. Как же! Приезжал за тем, чтоб тебе предложение сделать.

Наталья Степановна. Предложение? Мне?

Отчего же ты раньше мне этого не сказал?

Чубуков. И во фрак потому нарядился! Со-
сиска этакая! Сморчок!

Наталья Степановна. Мне? Предложение?
Ах! *(Падает в кресло и стонет.)* Вернуть его!
Вернуть! Ах! Вернуть!

Чубуков. Кого вернуть?

Наталья Степановна. Скорей, скорей! Дур-
но! Вернуть! *(Истерика.)*

Чубуков. Что такое? Что тебе? *(Хватает се-
бя за голову.)* Несчастный я человек! Застре-
люсь! Повешусь! Замучили!

Наталья Степановна. Умираю! Вернуть!

Чубуков. Тьфу! Сейчас. Не реви! *(Убегает.)*

Наталья Степановна *(одна, стонет).* Что
мы наделали! Вернуть! Вернуть!

Чубуков *(вбегает).* Сейчас придет и про-
чее, черт его возьми! Уф! Говори сама с ним, а
я, вот именно, не желаю...

Наталья Степановна *(стонет).* Вернуть!

Чубуков *(кричит).* Идет он, тебе говорят. О,
что за комиссия, создатель, быть взрослой до-
чери отцом! Зарежусь! Обязательно заре-
жусь! Выругали человека, осрамили, выгна-
ли, а всё это ты... ты!

Наталья Степановна. Нет, ты!

Чубуков. Я же виноват, вот именно!

В дверях показывается Ломов.

Ну, разговаривай сама с ним! *(Уходит.)*

VI

Наталья Степановна и Ломов.

Ломов *(входит, изнеможенный).*
Страшное сердцебиение... Нога онемела... в боку дергает...

Наталья Степановна. Простите, мы погорячились, Иван Васильевич... Я теперь припоминаю: Воловьи Лужки в самом деле ваши.

Ломов. Страшно сердце бьется... Мои Лужки... На обоих глазах живчики прыгают...

Наталья Степановна. Ваши, ваши Лужки... Садитесь...

Садятся.

Мы были не правы...

Ломов. Я из принципа... Мне не дорога земля, но дорог принцип...

Наталья Степановна. Именно принцип... Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Ломов. Тем более, что у меня есть доказательства. Бабушка моей тетушки отдала крестьянам дедушки вашего батюшки...

Наталья Степановна. Будет, будет об этом... *(В сторону.)* Не знаю, с чего начать... *(Ему.)* Скоро собираетесь на охоту?

Ломов. По тетеревам, уважаемая Наталья Степановна, думаю после жнитва начать. Ах, вы слышали? Представьте, какое у меня несчастье! Мой Угадай, которого вы изволите знать, захромал.

Наталья Степановна. Какая жалость! Отчего же?

Ломов. Не знаю... Должно быть, вывихнул или другие собаки покусали... *(Вздыхает.)* Самая лучшая собака, не говоря уж о деньгах! Ведь я за него Миронову 125 рублей заплатил.

Наталья Степановна. Переплатили, Иван Васильевич!

Ломов. А по-моему, это очень дешево. Собака чудесная.

Наталья Степановна. Папа дал за своего Откатая 85 рублей, а ведь Откатай куда лучше вашего Угадай!

Ломов. Откатай лучше Угадай? Что вы! *(Смеется.)* Откатай лучше Угадай!

Наталья Степановна. Конечно, лучше! Откатай, правда, молод, еще не опсовел, но по

ладам и по розвязи лучше его нет даже у Волчанецкого.

Ломов. Позвольте, Наталья Степановна, но ведь вы забываете, что он подуздоват, а подуздоватая собака всегда непоимиста!

Наталья Степановна. Подуздоват? В первый раз слышу!

Ломов. Уверяю вас, нижняя челюсть короче верхней.

Наталья Степановна. А вы мерили?

Ломов. Мерил. До угонки он годится, конечно, но если на-завладай, то едва ли...

Наталья Степановна. Во-первых, наш Откатай породистый, густопсовый, он сын Запрягая и Стамески, а у вашего муруго-пегого не доберешься до породы... Потом стар и уродлив, как кляча...

Ломов. Стар, да я за него пяти ваших Откатаев не возьму... Разве можно? Угадай — собака, а Откатай... даже и спорить смешно... Таких, как ваш Откатай, у всякого выжлятника — хоть пруд пруди. Четвертная — красная цена.

Наталья Степановна. В вас, Иван Васильевич, сидит сегодня какой-то бес противоре-

чия. То выдумали, что Лужки ваши, то Угадай лучше Откатая. Не люблю я, когда человек говорит не то, что думает. Ведь вы отлично знаете, что Откатай во сто раз лучше вашего... этого глупого Угадая. Зачем же говорить на против?

Ломов. Я вижу, Наталья Степановна, вы считаете меня за слепого или за дурака. Да поймите, что ваш Откатай подуздоват!

Наталья Степановна. Неправда.

Ломов. Подуздоват!

Наталья Степановна (*кричит*). Неправда!

Ломов. Что же вы кричите, сударыня?

Наталья Степановна. Зачем же вы говорите чушь? Ведь это возмутительно! Вашего Угадая подстрелить пора, а вы сравниваете его с Откатаем!

Ломов. Извините, я не могу продолжать этого спора. У меня сердцебиение.

Наталья Степановна. Я заметила: те охотники больше всех спорят, которые меньше всех понимают.

Ломов. Сударыня, прошу вас, замолчите... У меня лопается сердце... (*Кричит.*) Замолчите!

Наталья Степановна. Не замолчу, пока вы не сознаетесь, что Откатай во сто раз лучше вашего Угадая!

Ломов. Во сто раз хуже! Чтоб он издох, ваш Откатай! Виски... глаз... плечо...

Наталья Степановна. А вашему дурацкому Угадаю нет надобности издыхать, потому что он и без того ужедохлый!

Ломов (*плачет*). Замолчите! У меня разрыв сердца!!

Наталья Степановна. Не замолчу!

VII

Те же и Чубуков.

Чубуков (*входит*). Что еще?

Наталья Степановна. Папа, скажи искренно, по чистой совести: какая собака лучше — наш Откатай или его Угадай?

Ломов. Степан Степанович, умоляю вас, скажите вы только одно: подуздоват ваш Откатай или нет? Да или нет?

Чубуков. А хоть бы и так? Велика важность! Да зато во всем уезде лучше собаки нет и прочее.

Ломов. Но ведь мой Угадай лучше? По совести!

Чубуков. Вы не волнуйтесь, драгоценный... Позвольте... Ваш Угадай, вот именно, имеет свои хорошие качества... Он чистопсовый, на твердых ногах, крутобедрый и тому подобное. Но у этой собаки, если хотите знать, красавец мой, два существенных недостатка: стара и с коротким щипцом.

Ломов. Извините, у меня сердцебиение... Возьмем факты... Извольте припомнить, в Маруськиных зеленях мой Угадай шел с графским Размахаем ухо в ухо, а ваш Откатай отстал на целую версту.

Чубуков. Отстал, потому что графский доезжачий ударил его арапником.

Ломов. За дело. Все собаки за лисицей бегут, а Откатай барана трепать стал!

Чубуков. Неправда-с!.. Голубушка, я вспыльчив и, вот именно, прошу вас, прекратим этот спор. Ударил потому, что всем завидно на чужую собаку глядеть... Да-с! Ненавистники все! И вы, сударь, не без греха! Чуть, вот именно, заметите, что чья собака лучше вашего Угадая, сейчас же начинаете того, этого... самого... и тому подобное... Ведь я всё помню!

Ломов. И я помню!

Чубуков (*дразнит*). И я помню... А что вы помните?

Ломов. Сердцебиение... Нога отнялась... Не могу.

Наталья Степановна (*дразнит*). Сердцебиение... Какой вы охотник? Вам в кухне на печи лежать да тараканов давить, а не лисиц травить! Сердцебиение...

Чубуков. Вправду, какой вы охотник? С вашими, вот именно, сердцебиениями дома сидеть, а не на седле болтаться. Добро бы охотились, а то ведь ездите только за тем, чтобы спорить да чужим собакам мешать и прочее. Я вспыльчив, оставим этот разговор. Вы вообще, вот именно, не охотник!

Ломов. А вы разве охотник? Вы ездите только за тем, чтобы к графу подмазываться да интриговать... Сердце!.. Вы интриган!

Чубуков. Что-с? Я интриган? (*Кричит.*) За-молчать!

Ломов. Интриган!

Чубуков. Мальчишка! Щенок!

Ломов. Старая крыса! Иезуит!

Чубуков. Замолчи, а то я подстрелю тебя

из поганого ружья, как куропатку! Свистун!

Ломов. Всем известно, что — ох, сердце! — ваша покойная жена вас била... Нога... виски... искры... Падаю, падаю!..

Чубуков. А ты у своей ключницы под башмаком!

Ломов. Вот, вот, вот... лопнуло сердце! Плечо оторвалось... Где мое плечо?.. Умираю! *(Падает в кресло.)* Доктора! *(Обморок.)*

Чубуков. Мальчишка! Молокосос! Свистун! Мне дурно! *(Пьет воду.)* Дурно!

Наталья Степановна. Какой вы охотник? Вы и на лошади сидеть не умеете! *(Отцу.)* Папа! Что с ним? Папа! Погляди, папа! *(Взвизгивает.)* Иван Васильевич! Он умер!

Чубуков. Мне дурно!.. Дыханье захватило!.. Воздуху!

Наталья Степановна. Он умер! *(Треплет Ломова за рукав.)* Иван Васильич! Иван Васильич! Что мы наделали? Он умер! *(Падает в кресло.)* Доктора, доктора! *(Истерика.)*

Чубуков. Ох!.. Что такое? Что тебе?

Наталья Степановна *(стонет).* Он умер!.. умер!

Чубуков. Кто умер? *(Поглядев на Ломова.)*

В самом деле помер! Батюшки! Воды! Доктора! *(Подносит ко рту Ломова стакан.)* Выпейте!.. Нет, не пьет... Значит, умер и тому подобное... Несчастнейший я человек! Отчего я не пускаю себе пулю в лоб? Отчего я еще до сих пор не зарезался? Чего я жду? Дайте мне нож! Дайте мне пистолет!

Ломов шевелится.

Оживает, кажется... Выпейте воды!.. Вот так...

ЛОМОВ. Искры... туман... Где я?

Чубуков. Женитесь вы поскорей и — ну вас к лешему! Она согласна! *(Соединяет руки Ломова и дочери.)* Она согласна и тому подобное. Благословляю вас и прочее. Только оставьте вы меня в покое!

ЛОМОВ. А? Что? *(Поднимаясь.)* Кого?

Чубуков. Она согласна! Ну? Поцелуйтесь и... и черт с вами!

Наталья Степановна *(стонет).* Он жив... Да, да, я согласна...

Чубуков. Целуйтесь!

ЛОМОВ. А? Кого? *(Целуется с Натальей Степановной.)* Очень приятно... Позвольте, в чем дело? Ах, да, понимаю... Сердце... искры...

Я счастлив, Наталья Степановна... (*Целует руку.*) Нога отнялась...

Наталья Степановна. Я... я тоже счастлива...

Чубуков. Точно гора с плеч... Уф!

Наталья Степановна. Но... все-таки, согласитесь хоть теперь: Угадай хуже Откатая.

Ломов. Лучше!

Наталья Степановна. Хуже!

Чубуков. Ну, начинается семейное счастье! Шампанского!

Ломов. Лучше!

Наталья Степановна. Хуже! Хуже! Хуже!

Чубуков (*стараясь перекричать*). Шампанского! Шампанского!

Занавес

1889—1894

Иванов

Драма в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иванов Николай Алексеевич, непеременимый член по крестьянским делам присутствия.

Анна Петровна, его жена, урожденная Сарра Абрамсон.

Шабельский Матвей Семенович, граф, его дядя по матери.

Лебедев Павел Кириллыч, председатель земской управы.

Зинаида Саввишна, его жена.

Саша, дочь Лебедевых, 20-ти лет.

Львов Евгений Константинович, молодой земский врач.

Бабакина Марфа Егоровна, молодая вдова, помещица, дочь богатого купца.

Косых Дмитрий Никитич, акцизный.

Боркин Михаил Михайлович, дальний родственник Иванова и управляющий его

имением.

Авдотья Назаровна, старуха с неопределенною профессией.

Егорушка, нахлебник Лебедевых.

1-й гость.

2-й гость.

3-й гость.

4-й гость.

Петр, лакей Иванова.

Гаврила, лакей Лебедевых.

Гости обоего пола, **лакеи**.

Действие происходит в одном из уездов средней полосы России.

Действие первое

Сад в имении Иванова. Слева фасад дома с террасой. Одно окно открыто. Перед террасой широкая полукруглая площадка, от которой в сад, прямо и вправо, идут аллеи. На правой стороне садовые диванчики и столики. На одном из последних горит лампа. Вечерет. При поднятии занавеса слышно, как в доме разучивают дуэт на рояле и виолончели.

I

Иванов и Боркин.

Иванов сидит за столом и читает кни-

гу. Боркин, в больших сапогах, с ружьем, показывается в глубине сада; он навеселе; увидев Иванова, на цыпочках идет к нему и, поравнявшись с ним, прицеливается в его лицо.

Иванов (увидев Боркина, вздрагивает и вскакивает). Миша, бог знает что... вы меня испугали... Я и так расстроен, а вы еще с глупыми шутками... (Садится.) Испугал и радуется...

Боркин (хохочет). Ну, ну... виноват, виноват. (Садится рядом.) Не буду больше, не буду... (Снимает фуражку.) Жарко. Верите ли, душа моя, в какие-нибудь три часа семнадцать верст отмахал... замучился... Пощупайте-ка, как у меня сердце бьется...

Иванов (читая). Хорошо, после...

Боркин. Нет, вы сейчас пощупайте. (Берет его руку и прикладывает к груди.) Слышите? Ту-ту-ту-ту-ту-ту. Это, значит, у меня порок сердца. Каждую минуту могу скоропостижно умереть. Послушайте, вам будет жаль, если я умру?

Иванов. Я читаю... после...

Боркин. Нет, серьезно, вам будет жаль, если я вдруг умру? Николай Алексеевич, вам бу-

дет жаль, если я умру?

Иванов. Не приставайте!

Боркин. Голубчик, скажите: будет жаль?

Иванов. Мне жаль, что от вас водкой пахнет. Это, Миша, противно.

Боркин *(смеется)*. Разве пахнет? Удивительное дело... Впрочем, тут нет ничего удивительного. В Плесниках я встретил следователя, и мы, признаться, с ним рюмок по восьми стукнули. В сущности говоря, пить очень вредно. Послушайте, ведь вредно? А? вредно?

Иванов. Это, наконец, невыносимо... Поймите, Миша, что это издевательство...

Боркин. Ну, ну... виноват, виноват!.. Бог с вами, сидите себе... *(Встает и идет.)* Удивительный народ, даже и поговорить нельзя. *(Возвращается.)* Ах, да! Чуть было не забыл... Пожалуйте восемьдесят два рубля!..

Иванов. Какие восемьдесят два рубля?

Боркин. Завтра рабочим платить.

Иванов. У меня нет.

Боркин. Покорнейше благодарю! *(Дразнит.)* У меня нет... Да ведь нужно платить рабочим? Нужно?

Иванов. Не знаю. У меня сегодня ничего

нет. Подождите до первого числа, когда жалованье получу.

Боркин. Вот и извольте разговаривать с такими субъектами!.. Рабочие придут за деньгами не первого числа, а завтра утром!..

Иванов. Так что же мне теперь делать? Ну, режьте меня, пилите... И что у вас за отвратительная манера приставать ко мне именно тогда, когда я читаю, пишу или...

Боркин. Я вас спрашиваю: рабочим нужно платить или нет? Э, да что с вами говорить!.. *(Машет рукой.)* Помещики тоже, черт подери, землевладельцы... Рациональное хозяйство... Тысяча десятин земли — и ни гроша в кармане... Винный погреб есть, а штопора нет... Возьму вот и продам завтра тройку! Да-с!.. Овес на корню продал, а завтра возьму и рожь продам. *(Шагает по сцене.)* Вы думаете, я стану церемониться? Да? Ну, нет-с, не на такого напали...

II

Те же, Шабельский (за сценой) и **Анна Петровна.**

Голос Шабельского за окном: «Играть с вами нет никакой возможности... Слуха у вас

меньше, чем у фаршированной щуки, а туше возмутительное».

Анна Петровна (показывается в открытом окне). Кто здесь сейчас разговаривал? Это вы, Миша? Что вы так шагаете?

Боркин. С вашим Nicolas-voila еще не так зашагаешь.

Анна Петровна. Послушайте, Миша, прикажите принести на крокет сена.

Боркин (машет рукой). Оставьте вы меня, пожалуйста...

Анна Петровна. Скажите, какой тон... К вам этот тон совсем не идет. Если хотите, чтобы вас любили женщины, то никогда при них не сердитесь и не солидничайте... (Мужу.) Николай, давайте на сене кувыркаться!..

Иванов. Тебе, Анюта, вредно стоять у открытого окна. Уйди, пожалуйста... (Кричит.) Дядя, закрой окно!

Окно закрывается.

Боркин. Не забывайте еще, что через два дня нужно проценты платить Лебедеву.

Иванов. Я помню. Сегодня я буду у Лебедева и попрошу его подождать... (Смотрит на часы.)

Боркин. Вы когда туда поедете?

Иванов. Сейчас.

Боркин (*живо*). Пойдите, пойдите!.. ведь сегодня, кажется, день рождения Шурочки... Те-те-те-те... А я забыл... Вот память, а? (*Прыгает.*) Поеду, поеду... (*Поет.*) Поеду... Пойду выкупаюсь, пожую бумаги, приму три капли нашатырного спирта и — хоть сначала начинай... Голубчик, Николай Алексеевич, мамуся моя, ангел души моей, вы всё нервничаете, ей-богу, ноете, постоянно в мерлехлюндии, а ведь мы, ей-богу, вместе черт знает каких делов могли бы наделать! Для вас я на все готов... Хотите, я для вас на Марфуше Бабакиной женюсь? Половина приданого ваша... То есть не половина, а всё берите, всё!..

Иванов. Будет вам вздор молоть...

Боркин. Нет, серьезно, ей-богу, хотите, я на Марфуше женюсь? Приданое пополам... Впрочем, зачем я это вам говорю? Разве вы поймете? (*Дразнит.*) «Будет вздор молоть». Хороший вы человек, умный, но в вас не хватает этой жилки, этого, понимаете ли, взмаха. Этак бы размахнуться, чтобы чертям тошно стало... Вы психопат, нюня, а будь вы нормальный

человек, то через год имели бы миллион. Например, будь у меня сейчас две тысячи триста рублей, я бы через две недели имел двадцать тысяч. Не верите? И это, по-вашему, вздор? Нет, не вздор. Вот дайте мне две тысячи триста рублей, и я через неделю доставлю вам двадцать тысяч. На том берегу Овсянов продает полоску земли, как раз против нас, за две тысячи триста рублей. Если мы купим эту полоску, то оба берега будут наши. А если оба берега будут наши, то, понимаете ли, мы имеем право запрудить реку. Ведь так? Мы мельницу будем строить, и как только мы объявим, что хотим запруду сделать, так все, которые живут вниз по реке, поднимут гвалт, а мы сейчас: коммен зи гер[25], — если хотите, чтобы плотины не было, заплатите. Понимаете? Заревская фабрика даст пять тысяч, Корольков три тысячи, монастырь даст пять тысяч...

Иванов. Все это, Миша, фокусы... Если не хотите со мною ссориться, то держите их при себе.

Боркин (*садится за стол*). Конечно!.. Я так и знал!.. И сами ничего не делаете, и меня связываете...

III

Те же, Шабельский и Львов.

Шабельский (выходя со Львовым из дома). Доктора — те же адвокаты, с тою только разницей, что адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают... Я не говорю о присутствующих. (Садится на диванчик.) Шарлатаны, эксплуататоры... Может быть, в какой-нибудь Аркадии попадаются исключения из общего правила, но... я в свою жизнь пролечил тысяч двадцать и не встретил ни одного доктора, который не казался бы мне патентованным мошенником.

Боркин (Иванову). Да, сами ничего не делаете и меня связываете. Оттого у нас и денег нет...

Шабельский. Повторяю, я не говорю о присутствующих... Может быть, есть исключения, хотя, впрочем... (Зевает.)

Иванов (закрывая книгу). Что, доктор, скажете?

Львов (оглядываясь на окно). То же, что и утром говорил: ей немедленно нужно в Крым ехать. (Ходит по сцене.)

Шабельский (прыскает). В Крым!.. Отчего,

Миша, мы с тобою не лечим? Это так просто... Стала перхать или кашлять от скуки какая-нибудь мадам Анго или Офелия, бери сейчас бумагу и прописывай по правилам науки: сначала молодой доктор, потом поездка в Крым, в Крыму татарин...

Иванов (*графу*). Ах, не зуди ты, зуда! (*Львову.*) Чтобы ехать в Крым, нужны средства. Допустим, что я найду их, но ведь она решительно отказывается от этой поездки...

Львов. Да, отказывается.

Пауза.

Боркин. Послушайте, доктор, разве Анна Петровна уж так серьезно больна, что необходимо в Крым ехать?..

Львов (*оглядывается на окно*). Да, чахотка...

Боркин. Пес!.. нехорошо... Я сам давно уже по лицу замечал, что она не протянет долго.

Львов. Но... говорите потише... в доме слышно...

Пауза.

Боркин (*вздыхая*). Жизнь наша... Жизнь человеческая подобна цветку, пышно произрастающему в поле: пришел козел, съел и — нет

цветка...

Шабельский. Все вздор, вздор и вздор!..
(Зевает.) Вздор и плутни.

Пауза.

Боркин. А я, господа, тут все учу Николая Алексеевича деньги наживать. Сообщил ему одну чудную идею, но мой порох, по обыкновению, упал на влажную почву. Ему не втолкуешь... Посмотрите, на что он похож: меланхолия, сплин, тоска, хандра, грусть...

Шабельский (*встает и потягивается*). Для всех ты, гениальная башка, изобретаешь и учишь всех, как жить, а меня хоть бы раз поучил... Поучи-ка, умная голова, укажи выход...

Боркин (*встает*). Пойду купаться... Прощайте, господа... (*Графу.*) У вас двадцать выходов есть... На вашем месте я через неделю имел бы тысяч двадцать. (*Идет.*)

Шабельский (*идет за ним*). Каким это образом? Ну-ка, научи.

Боркин. Тут и учить нечему. Очень просто... (*Возвращается.*) Николай Алексеевич, дайте мне рубль!

Иванов молча дает ему деньги.

Мерси! (*Графу.*) У вас еще много козырей на руках.

Шабельский (*идя за ним*). Ну, какие же?

Боркин. На вашем месте я через неделю имел бы тысяч тридцать, если не больше. (*Уходит с графом.*)

Иванов (*после паузы*). Лишние люди, лишние слова, необходимость отвечать на глупые вопросы — всё это, доктор, утомило меня до болезни. Я стал раздражителен, вспыльчив, резок, мелочен до того, что не узнаю себя. По целым дням у меня голова болит, бессонница, шум в ушах... А деваться положительно некуда... Положительно...

Львов. Мне, Николай Алексеевич, нужно серьезно поговорить с вами.

Иванов. Говорите.

Львов. Я об Анне Петровне. (*Садится.*) Она не соглашается ехать в Крым, но с вами она поехала бы.

Иванов (*подумав*). Чтобы ехать вдвоем, нужны средства. К тому же, мне не дадут продолжительного отпуска. В этом году я уже брал раз отпуск...

Львов. Допустим, что это правда. Теперь

далее. Самое главное лекарство от чахотки — это абсолютный покой, а ваша жена не знает ни минуты покоя. Ее постоянно волнуют ваши отношения к ней. Простите, я взволнован и буду говорить прямо. Ваше поведение убивает ее.

Пауза.

Николай Алексеевич, позвольте мне думать о вас лучше!..

Иванов. Все это правда, правда... Вероятно, я страшно виноват, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то ленью, и я не в силах понимать себя. Не понимаю ни людей, ни себя... (*Взглядывает на окно.*) Нас могут услышать, пойдемте, пройдемся.

Встают.

Я, милый друг, рассказал бы вам с самого начала, но история длинная и такая сложная, что до утра не расскажешь.

Идут.

Анюта замечательная, необыкновенная женщина... Ради меня она переменила веру, бросила отца и мать, ушла от богатства, и если бы я потребовал еще сотню жертв, она принесла бы их, не моргнув глазом. Ну-с, а я

ничем не замечателен и ничем не жертвовал. Впрочем, это длинная история... Вся суть в том, милый доктор (*мнется*), что... короче говоря, женился я по страстной любви и клялся любить вечно, но... прошло пять лет, она все еще любит меня, а я... (*Разводит руками.*) Вы вот говорите мне, что она скоро умрет, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомление. Если со стороны поглядеть на меня, то это, вероятно, ужасно; сам же я не понимаю, что делается с моею душой...

Уходят по аллее.

IV

Шабельский, потом Анна Петровна.

Шабельский (*входит и хохочет*). Честное слово, это не мошенник, а мыслитель, виртуоз! Памятник ему нужно поставить. В себе одном совмещает современный гной во всех видах: и адвоката, и доктора, и кукуевца, и кассира. (*Садится на нижнюю ступень террасы.*) И ведь нигде, кажется, курса не кончил, вот что удивительно... Стало быть, каким был бы гениальным подлецом, если бы еще усвоил культуру, гуманитарные науки! «Вы, говорит, через неделю можете

иметь двадцать тысяч. У вас, говорит, еще на руках козырный туз — ваш графский титул. *(Хохочет.)* За вас любая девица пойдет с приданным»...

Анна Петровна открывает окно и смотрит вниз.

«Хотите, говорит, посватаю за вас Марфушу?» Qui est ce que c'est[26] Марфуша? Ах, это та, Балабалкина... Бабакалкина... эта, что на прачку похожа.

Анна Петровна. Это вы, граф?

Шабельский. Что такое?

Анна Петровна смеется.

(Еврейским акцентом.) Зачиво вы шмее-тесь?

Анна Петровна. Я вспомнила одну вашу фразу. Помните, вы говорили за обедом? Вор прощенный, лошадь... Как это?

Шабельский. Жид крещеный, вор прощенный, конь леченый — одна цена.

Анна Петровна *(смеется).* Вы даже простого каламбура не можете сказать без злости. Злой вы человек. *(Серьезно.)* Не шутя, граф, вы очень злы. С вами жить скучно и жутко. Всегда вы брюзжите, ворчите, все у вас

подлецы и негодяи. Скажите мне, граф, откровенно: говорили вы когда-нибудь о ком хорошо?

Шабельский. Это что за экзамен?

Анна Петровна. Живем мы с вами под одною крышей уже пять лет, и я ни разу не слышала, чтобы вы отзывались о людях спокойно, без желчи и без смеха. Что вам люди сделали худого? И неужели вы думаете, что вы лучше всех?

Шабельский. Вовсе я этого не думаю. Я такой же мерзавец и свинья в ермолке, как все. Моветон и старый башмак. Я всегда себя браню. Кто я? Что я? Был богат, свободен, немного счастлив, а теперь... нахлебник, приживалка, обезличенный шут. Я негодую, презираю, а мне в ответ смеются; я смеюсь, на меня печально кивают головой и говорят: спятил старик... А чаще всего меня не слышат и не замечают...

Анна Петровна (*покойно*). Опять кричит...

Шабельский. Кто кричит?

Анна Петровна. Сова. Каждый вечер кричит.

Шабельский. Пусть кричит. Хуже того, что

уже есть, не может быть. *(Потягивается.)* Эх, милейшая Сарра, выиграй я сто или двести тысяч, показал бы я вам, где раки зимуют!.. Только бы вы меня и видели. Ушел бы я из этой ямы от даровых хлебов, и ни ногой бы сюда до самого страшного суда...

Анна Петровна. А что бы вы сделали, если бы вы выиграли?

Шабельский *(подумав)*. Я прежде всего поехал бы в Москву и цыган послушал. Потом... потом махнул бы в Париж. Нанял бы себе там квартиру, ходил бы в русскую церковь...

Анна Петровна. А еще что?

Шабельский. По целым дням сидел бы на жениной могиле и думал. Так бы я и сидел на могиле, пока не околел. Жена в Париже похоронена...

Пауза.

Анна Петровна. Ужасно скучно. Сыграть нам дуэт еще, что ли?

Шабельский. Хорошо, приготовьте ноты.

Анна Петровна уходит.

V

Шабельский, Иванов и Львов.

Иванов *(показывается на аллее со*

Львовым). Вы, милый друг, кончили курс только в прошлом году, еще молоды и бодры, а мне тридцать пять. Я имею право вам советовать. Не женитесь вы ни на еврейках, ни на психопатках, ни на синих чулках, а выбирайте себе что-нибудь заурядное, серенькое, без ярких красок, без лишних звуков. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чем серее и монотоннее фон, тем лучше. Голубчик, не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены... Да хранит вас бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей... Запритесь себе в свою раковину и делайте свое маленькое, богом данное дело... Это теплее, честнее и здоровее. А жизнь, которую я пережил, — как она утомительна! Ах, как утомительна!.. Сколько ошибок, несправедливостей, сколько нелепого... (*Увидев графа, раздраженно.*) Всегда ты, дядя, перед глазами вертишься, не даешь поговорить наедине!

Шабельский (*плачушим голосом*). А черт меня возьми, нигде приюта нет! (*Вскакивает и идет в дом.*)

Иванов (*кричит ему вслед*). Ну, виноват, виноват! (*Львову.*) За что я его обидел? Нет, я решительно развинтился. Надо будет с собою что-нибудь сделать. Надо...

Львов (*волнуясь*). Николай Алексеевич, я выслушал вас и... и, простите, буду говорить прямо, без обиняков. В вашем голосе, в вашей интонации, не говоря уж о словах, столько бездушного эгоизма, столько холодного бессердечия... Близкий вам человек погибает оттого, что он вам близок, дни его сочтены, а вы... вы можете не любить, ходить, давать советы, рисоваться... Не могу я вам высказать, нет у меня дара слова, но... но вы мне глубоко несимпатичны!..

Иванов. Может быть, может быть... Вам со стороны виднее... Очень возможно, что вы меня понимаете... Вероятно, я очень, очень виноват... (*Прислушивается.*) Кажется, лошадей подали. Пойду одеться... (*Идет к дому и останавливается.*) Вы, доктор, не любите меня и не скрываете этого. Это делает честь вашему сердцу... (*Уходит в дом.*)

Львов (*один*). Проклятый характер... Опять упустил случай и не поговорил с ним как сле-

дует... Не могу говорить с ним хладнокровно! Едва раскрою рот и скажу одно слово, как у меня вот тут (*показывает на грудь*) начинает душить, переворачиваться, и язык прилипает к горлу. Ненавижу этого Тартюфа, возвышенного мошенника, всюю душой... Вот уезжает... У несчастной жены все счастье в том, чтобы он был возле нее, она дышит им, умоляет его провести с нею хоть один вечер, а он... он не может... Ему, видите ли, дома душно и тесно. Если он хоть один вечер проведет дома, то с тоски пулю себе пустит в лоб. Бедный... ему нужен простор, чтобы затеять какую-нибудь новую подлость... О, я знаю, зачем ты каждый вечер едешь к этим Лебедевым! Знаю!

VI

Львов, Иванов (в шляпе и пальто), **Шабельский** и **Анна Петровна**.

Шабельский (*выходя с Ивановым и с Анной Петровной из дому*). Наконец, Nicolas, это бесчеловечно!.. Сам уезжаешь каждый вечер, а мы остаемся одни. От скуки ложимся спать в восемь часов. Это безобразие, а не жизнь! И почему это тебе можно ездить, а нам нельзя? Почему?

Анна Петровна. Граф, оставьте его! Пусть едет, пусть...

Иванов (*жене*). Ну, куда ты, больная, поедешь? Ты больна и тебе нельзя после заката солнца быть на воздухе... Спроси вот доктора. Ты не дитя, Анюта, нужно рассуждать... (*Графу.*) А тебе зачем туда ехать?

Шабельский. Хоть к черту в пекло, хоть к крокодилу в зубы, только чтоб не здесь оставаться. Мне скучно! Я отупел от скуки! Я надоел всем. Ты оставляешь меня дома, чтобы ей не было одной скучно, а я ее загрыз, заел!

Анна Петровна. Оставьте его, граф, оставьте! Пусть едет, если ему там весело.

Иванов. Аня, к чему этот тон? Ты знаешь, я не за весельем туда еду! Мне нужно поговорить о векселе.

Анна Петровна. Не понимаю, зачем ты оправдываешься? Поезжай! Кто тебя держит?

Иванов. Господа, не будемте есть друг друга! Неужели это так необходимо?!

Шабельский (*плачущим голосом*). Nicolas, голубчик, ну, я прошу тебя, возьми меня с собою! Я погляжу там мошенников и дураков и, может быть, развлекусь. Ведь я с самой Пасхи

нигде не был!

Иванов (*раздраженно*). Хорошо, поедем! Как вы мне все надоели!

Шабельский. Да? Ну, мерсі, мерсі... (*Весело берет его под руку и отводит в сторону.*) Твою соломенную шляпу можно надеть?

Иванов. Можно, только поскорей, пожалуйста!

Граф бежит в дом.

Как вы все надоели мне! Впрочем, господи, что я говорю? Аня, я говорю с тобою невозможным тоном. Никогда этого со мною раньше не было. Ну, прощай, Аня, я вернусь к чаю.

Анна Петровна. Коля, милый мой, останься дома!

Иванов (*волнуясь*). Голубушка моя, родная моя, несчастная, умоляю тебя, не мешай мне уезжать по вечерам из дому. Это жестоко, несправедливо с моей стороны, но позволяй мне делать эту несправедливость! Дома мне мучительно тяжело! Как только прячется солнце, душу мою начинает давить тоска. Какая тоска! Не спрашивай, отчего это. Я сам не знаю. Клянусь истинным богом, не знаю!

Здесь тоска, а поедешь к Лебедевым, там еще хуже; вернешься оттуда, а здесь опять тоска, и так всю ночь... Просто отчаяние!..

Анна Петровна. Коля... а то остался бы! Будем, как прежде, разговаривать... Поужинаем вместе, будем читать... Я и брюзга разучили для тебя много дуэтов... *(Обнимает его.)* Останься!..

Пауза.

Я тебя не понимаю. Это уж целый год продолжается. Отчего ты изменился?

Иванов. Не знаю, не знаю...

Анна Петровна. А почему ты не хочешь, чтобы я уезжала вместе с тобою по вечерам?

Иванов. Если тебе нужно, то, пожалуй, скажу. Немножко жестоко это говорить, но лучше сказать... Когда меня мучает тоска, я... я начинаю тебя не любить. Я и от тебя бегу в это время. Одним словом, мне нужно уезжать из дому.

Анна Петровна. Тоска? понимаю, понимаю... Знаешь что, Коля? Ты попробуй, как прежде, петь, смеяться, сердиться... Останься, будем смеяться, пить наливку и твою тоску разгоним в одну минуту. Хочешь, я буду петь?

Или пойдём, сядем у тебя в кабинете, в потемках, как прежде, и ты мне про свою тоску расскажешь... У тебя такие страдальческие глаза! Я буду глядеть в них и плакать, и нам обоим станет легче... *(Смеется и плачет.)* Или, Коля, как? Цветы повторяются каждую весну, а радости — нет? Да? Ну, поезжай, поезжай...

Иванов. Ты помолись за меня богу, Аня! *(Идет, останавливается и думает.)* Нет, не могу! *(Уходит.)*

Анна Петровна. Поезжай... *(Садится у стола.)*

Львов *(ходит по сцене).* Анна Петровна, возьмите себе за правило: как только бьет шесть часов, вы должны идти в комнаты и не выходить до самого утра. Вечерняя сырость вредна вам.

Анна Петровна. Слушаю-с.

Львов. Что «слушаю-с»! Я говорю серьезно.

Анна Петровна. А я не хочу быть серьезною. *(Кашляет.)*

Львов. Вот видите, — вы уже кашляете...

VII

Львов, Анна Петровна и Шабельский.
Шабельский *(в шляпе и пальто выхо-*

дит из дома). А где Николай? Лошадей подали? *(Быстро идет и целует руку Анне Петровне.)* Покойной ночи, прелесть! *(Гримасничает.)* Гевалт! Жвините, пожалуйста! *(Быстро уходит.)*

ЛЬВОВ. Шут!

Пауза; слышны далекие звуки гармоника.

Анна Петровна. Какая скука!.. Вон кучера и кухарки задают себе бал, а я... я — как брошенная... Евгений Константинович, где вы там шагаете? Идите сюда, сядьте!..

ЛЬВОВ. Не могу я сидеть.

Пауза.

Анна Петровна. На кухне «чижика» играют. *(Поет.)* «Чижик, чижик, где ты был? Под горою водку пил».

Пауза.

Доктор, у вас есть отец и мать?

ЛЬВОВ. Отец умер, а мать есть.

Анна Петровна. Вы скучаете по матери?

ЛЬВОВ. Мне некогда скучать.

Анна Петровна *(смеется).* Цветы повторяются каждую весну, а радости — нет. Кто мне сказал эту фразу? Дай бог память... Кажется, сам Николай сказал. *(Прислушивается.)* Опять

сова кричит!

Львов. Ну и пусть кричит.

Анна Петровна. Я, доктор, начинаю думать, что судьба меня обсчитала. Множество людей, которые, может быть, и не лучше меня, бывают счастливы и ничего не платят за свое счастье. Я же за всё платила, решительно за всё!.. И как дорого! За что брать с меня такие ужасные проценты?.. Душа моя, вы все осторожны со мною, деликатничаете, боитесь сказать правду, но думаете, я не знаю, какая у меня болезнь? Отлично знаю. Впрочем, скучно об этом говорить... *(Еврейским акцентом.)* Жвините, пожалуйста! Вы умеете рассказывать смешные анекдоты?

Львов. Не умею.

Анна Петровна. А Николай умеет. И начинаю я также удивляться несправедливости людей: почему на любовь не отвечают любовью и за правду платят ложью? Скажите: до каких пор будут ненавидеть меня отец и мать? Они живут за пятьдесят верст отсюда, а я день и ночь, даже во сне, чувствую их ненависть. А как прикажете понимать тоску Николая? Он говорит, что не любит меня только

по вечерам, когда его гнетет тоска. Это я понимаю и допускаю, но представьте, что он разлюбил меня совершенно! Конечно, это невозможно, ну — а вдруг? Нет, нет, об этом и думать даже не надо. *(Поет.)* «Чижик, чижик, где ты был?..» *(Вздрагивает.)* Какие у меня страшные мысли!.. Вы, доктор, не семейный и не можете понять многого...

ЛЬВОВ. Вы удивляетесь... *(Садится рядом.)* Нет, я... я удивляюсь, удивляюсь вам! Ну, объясните, растолкуйте мне, как это вы, умная, честная, почти святая, позволили так нагло обмануть себя и затащить вас в это свиное гнездо? Зачем вы здесь? Что общего у вас с этим холодным бездушным... но оставим вашего мужа! — что у вас общего с этою пустою, пошлою средой! О, господи боже мой!.. Этот вечно брюзжащий, заржавленный, сумасшедший граф, этот пройдоха, мошенник из мошенников, Миша, со своею гнусною физиономией... Объясните же мне, к чему вы здесь? Как вы сюда попали?

Анна Петровна *(смеется)*. Вот точно так же и он когда-то говорил... Точь-в-точь... Но у него глаза больше, и бывало, как он начнет

говорить о чем-нибудь горячо, так они как угли... Говорите, говорите!..

ЛЬВОВ (*встает и машет рукой*). Что мне говорить? Идите в комнаты...

Анна Петровна. Вы говорите, что Николай то да сё, пятое, десятое. Откуда вы его знаете? Разве за полгода можно узнать человека? Это, доктор, замечательный человек, и я жалею, что вы не знали его года два-три тому назад. Он теперь хандрит, молчит, ничего не делает, но прежде... Какая прелесть!.. Я полюбила его с первого взгляда. (*Смеется.*) Взглянула, а меня мышеловка — хлоп! Он сказал: пойдём... Я отрезала от себя всё, как, знаете, отрезают гнилые листья ножницами, и пошла...

Пауза.

А теперь не то... Теперь он едет к Лебедевым, чтобы развлечься с другими женщинами, а я... сижу в саду и слушаю, как сова кричит...

Стук сторожа.

Доктор, а братьев у вас нет?

ЛЬВОВ. Нет.

Анна Петровна рыдает.

Ну, что еще? Что вам?

Анна Петровна (*встает*). Я не могу, доктор, я поеду туда...

ЛЬВОВ. Куда это?

Анна Петровна. Туда, где он... Я поеду... Прикажите заложить лошадей... (*Идет к дому.*)

ЛЬВОВ. Вам нельзя ехать...

Анна Петровна. Оставьте меня, не ваше дело... Я не могу, поеду... Велите дать лошадей... (*Бежит в дом.*)

ЛЬВОВ. Нет, я решительно отказываюсь лечить при таких условиях! Мало того, что ни копейки не платят, но еще душу выворачивают вверх дном!.. Нет, я отказываюсь! Довольно!.. (*Идет в дом.*)

Занавес

Действие второе

Зал в доме Лебедевых, прямо выход в сад, направо и налево двери. Старинная, дорогая мебель. Люстра, канделябры и картины — все это в чехлах.

I

Зинаида Саввишна, 1-й гость, 2-й гость, 3-й гость, Косых, Авдотья Назаровна, Егорушка, Гаврила, горничная, старухи-го-

сты, барышни и Бабакина.

Зинаида Саввишна сидит на диване. По обе стороны ее на креслах старухи-гостьи; на стульях молодежь. В глубине, около выхода в сад, играют в карты; между играющими: Косых, Авдотья Назаровна и Егорушка. Гаврила стоит у правой двери; горничная разносит на подносе лакомства. Из сада в правую дверь и обратно в продолжение всего действия циркулируют гости. Бабакина выходит из правой двери и направляется к Зинаиде Саввишне.

Зинаида Саввишна (радостно). Душечка, Марфа Егоровна...

Бабакина. Здравствуйте, Зинаида Саввишна! Честь имею вас поздравить с новорожденною...

Целуются.

Дай бог, чтоб...

Зинаида Саввишна. Благодарю вас, душечка, я так рада... Ну, как ваше здоровье?..

Бабакина. Очень вами благодарна. (*Садится рядом на диван.*) Здравствуйте, молодые люди!..

Гости встают и кланяются.

1-й гость (смеется). Молодые люди... а вы

разве старая?

Бабакина (*вздыхая*). Где уж нам в молодые лезть...

1-й гость (*почтительно смеясь*). Помилуйте, что вы... Одно только звание, что вдова, а вы любой девице можете десять очков вперед дать.

Гаврила подносит Бабакиной чай.

Зинаида Саввишна (*Гавриле*). Что же ты так подаешь? Принес бы какого-нибудь варенья. Кружовенного, что ли...

Бабакина. Не беспокойтесь, очень вами благодарна...

Пауза.

1-й гость. Вы, Марфа Егоровна, через Мушкино ехали?..

Бабакина. Нет, на Займище. Тут дорога лучше.

1-й гость. Так-с.

Косых. Два пики.

Егорушка. Пас.

Авдотья Назаровна. Пас.

2-й гость. Пас.

Бабакина. Выигрышные билеты, душечка Зинаида Саввишна, опять пошли шибко в го-

ру. Видано ли дело: первый заем стоит уж двести семьдесят, а второй без малого двести пятьдесят... Никогда этого не было...

Зинаида Саввишна (*вздыхает*). Хорошо, у кого их много...

Бабакина. Не скажите, душечка; хоть они и в большой цене, а держать в них капитал невыгодно. Одна страховка сживет со света.

Зинаида Саввишна. Так-то так, а все-таки, моя милая, надеешься... (*Вздыхает.*) Бог милостив...

3-й гость. С моей точки зрения, mesdames, я так рассуждаю, что в настоящее время иметь капитал очень невыгодно. Процентные бумаги дают весьма немного дивиденда, а пускать деньги в оборот чрезвычайно опасно. Я так понимаю, mesdames, что человек, который в настоящее время имеет капитал, находится более в критическом положении, чем тот, mesdames, который...

Бабакина (*вздыхает*). Это верно!

1-й гость зевает.

А разве можно при дамах зевать?

1-й гость. Pardon, mesdames, это я нечаянно.

Зинаида Саввишна встает и уходит в правую дверь; продолжительное молчание.

Егорушка. Два бубны.

Авдотья Назаровна. Пас.

2-й гость. Пас.

Косых. Пас.

Бабакина (в сторону). Господи, какая скука, помереть можно!

II

Те же, Зинаида Саввишна и Лебедев.

Зинаида Саввишна (выходя из правой двери с Лебедевым, тихо). Что уселся там? Примадонна какая! Сиди с гостями! (Садится на прежнее место.)

Лебедев (зевает). Ох, грехи наши тяжкие! (Увидев Бабакину.) Батюшки, мармелад сидит! Рахат-лукум!.. (Здоровается.) Как ваше драгоценнейшее?..

Бабакина. Очень вами благодарна.

Лебедев. Ну, слава богу!.. Слава богу! (Садится в кресло.) Так, так... Гаврила!

Гаврила подносит ему рюмку водки и стакан воды; он выпивает водку и запивает водой.

1-й гость. На доброе здоровье!..

Лебедев. Какое уж тут доброе здоровье!.. Околеванца нет, и на том спасибо. *(Жене.)* Зю-зюшка, а где же наша новорожденная?

Косых *(плаксиво)*. Скажите мне, ради бога: ну, за что мы остались без взятки? *(Вскакивает.)* Ну, за что мы проиграли, черт меня подери совсем?

Авдотья Назаровна *(вскакивает и сердито)*. А за то, что если ты, батюшка, не умеешь играть, так не садись. Какое ты имеешь полное право ходить в чужую масть? Вот и остался у тебя маринованный туз!..

Оба бегут из-за стола вперед.

Косых *(плачущим голосом)*. Позвольте, господа... У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь, туз пик и одна, понимаете ли, одна маленькая червонка, а она, черт знает, не могла объявить маленький шлем!.. Я сказал: без козыря...

Авдотья Назаровна *(перебивая)*. Это я сказала: без козыря! Ты сказал: два без козыря...

Косых. Это возмутительно!.. Позвольте... у вас... у меня... у вас... *(Лебедеву.)* Да вы посудите, Павел Кириллыч... У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь...

Лебедев (*затыкает уши*). Отстань, сделай милость... отстань...

Авдотья Назаровна (*кричит*). Это я сказала: без козыря!

Косых (*свирепо*). Будь я подлец и анафема, если я сяду еще когда-нибудь играть с этою севрюгой! (*Быстро уходит в сад.*)

2-й гость уходит за ним, за столом остается Егорушка.

Авдотья Назаровна. Уф!.. Даже в жар от него бросило... Севрюга!.. Сам ты севрюга!..

Бабакина. Да и вы, бабушка, сердитая...

Авдотья Назаровна (*увидев Бабакину, всплескивает руками*). Ясочка моя, красавица!.. Она здесь, а я, куриная слепота, и не вижу... Голубочка... (*Целует ее в плечо и садится рядом.*) Вот радость! Дай же я на тебя погляжу, лебедь белая! Тьфу, тьфу, тьфу... чтоб не сглазить!..

Лебедев. Ну, распелась... Жениха бы ей лучше подыскала...

Авдотья Назаровна. И найду! В гроб, грешница, не лягу, а ее да Саничку замуж выдам!.. В гроб не лягу... (*Вздых.*) Только вот где их найдешь нынче, женихов-то? Вон они, наши же-

нихи-то, сидят нахохлившись, словно петухи мокрые!..

3-й гость. Весьма неудачное сравнение. С моей точки зрения, mesdames, если теперешние молодые люди предпочитают холостую жизнь, то в этом виноваты, так сказать, социальные условия...

Лебедев. Ну, ну!.. не философствуй!.. не люблю!..

III

Те же и Саша.

Саша (*входит и идет к отцу*). Такая великолепная погода, а вы сидите здесь, господа, в духоте.

Зинаида Саввишна. Сашенька, разве ты не видишь, что у нас Марфа Егоровна?

Саша. Виновата. (*Идет к Бабакиной и здоровается.*)

Бабакина. Загорделась, Саничка, загорделась, хоть бы разок приехала. (*Целуются.*) Поздравляю, душечка...

Саша. Благодарю. (*Садится рядом с отцом.*)

Лебедев. Да, Авдотья Назаровна, трудно теперь с женихами. Не то что жениха — путе-

вых шаферов достать негде. Нынешняя молодежь, не в обиду будь сказано, какая-то, господь с нею, кислая, переваренная... Ни поплясать, ни поговорить, ни выпить толком...

Авдотья Назаровна. Ну, пить-то они все мастера, только дай...

Лебедев. Не велика штука пить — пить и лошадь умеет... Нет, ты с толком выпей!.. В наше время, бывало, день-деньской с лекциями бьешься, а как только настал вечер, идешь прямо куда-нибудь на огонь и до самой зари волчком вертишься... И пляшешь, и барышень забавляешь, и эта штука. *(Щелкает себя по шее.)* Бывало, и брешешь, и философствуешь, пока язык не отнимется... А нынешние... *(Машет рукой.)* Не понимаю... Ни богу свечка, ни черту кочерга. Во всем уезде есть только один путевый малый, да и тот женат *(вздыхает)* и, кажется, уж беситься стал...

Бабакина. Кто это?

Лебедев. Николаша Иванов.

Бабакина. Да, он хороший мужчина *(делает гримасу)*, только несчастный!..

Зинаида Саввишна. Еще бы, душечка, быть ему счастливым! *(Вздыхает.)* Как он,

бедный, ошибся!.. Женился на своей жидовке и так, бедный, рассчитывал, что отец и мать за нее золотые горы дадут, а вышло совсем напротив... С того времени, как она переменяла веру, отец и мать знать ее не хотят, прокляли... Так ни копейки и не получил. Теперь кается, да уж поздно...

Саша. Мама, это неправда.

Бабакина (*горячо*). Шурочка, как же неправда? Ведь это все знают. Ежели бы не было интереса, то зачем бы ему на еврейке жениться? Разве русских мало? Ошибся, душечка, ошибся... (*Живо.*) Господи, да и достается же теперь ей от него! Просто смех один. Придет откуда-нибудь домой и сейчас к ней: «Твой отец и мать меня надули! Пошла вон из моего дома!» А куда ей идти? Отец и мать не примут; пошла бы в горничные, да работать не приучена... Уж он мудрует-мудрует над нею, пока граф не вступится. Не будь графа, давно бы ее со света сжил...

Авдотья Назаровна. А то, бывает, запрет ее в погреб и — «ешь, такая-сякая, чеснок»... Ест-ест, покуда из души переть не начнет.

Смех.

Саша. Папа, ведь это ложь!

Лебедев. Ну, так что же? Пусть себе мелют на здоровье... *(Кричит.)* Гаврила!..

Гаврила подает ему водку и воду.

Зинаида Саввишна. Оттого вот и разорился, бедный. Дела, душечка, совсем упали... Если бы Боркин не глядел за хозяйством, так ему бы с жидовкой есть нечего было. *(Вздыхает.)* А как мы-то, душечка, из-за него пострадали!.. Так пострадали, что один только бог видит! Верите ли, милая, уж три года, как он нам девять тысяч должен!

Бабакина *(с ужасом)*. Девять тысяч!..

Зинаида Саввишна. Да... это мой милый Пашенька распорядился дать ему. Не разбирает, кому можно дать, кому нельзя. Про капитал я уже не говорю — бог с ним, но лишь бы проценты исправно платил!..

Саша *(горячо)*. Мама, об этом вы говорили уже тысячу раз!

Зинаида Саввишна. Тебе-то что? Что ты заступаешься?

Саша *(встает)*. Но как у вас хватает духа говорить все это про человека, который не сделал вам никакого зла? Ну, что он вам сде-

лал?

3-й гость. Александра Павловна, позвольте мне сказать два слова! Я уважаю Николая Алексеича и всегда считал за честь, но, говоря entre nous[27], он мне кажется авантюристом.

Саша. И поздравляю, если вам так кажется.

3-й гость. В доказательство приведу вам следующий факт, который передавал мне его атташе, или, так сказать, чичероне Боркин. Два года тому назад, во время скотской эпизоотии, он накупил скота, застраховал его...

Зинаида Саввишна. Да, да, да! Я помню этот случай. Мне тоже говорили.

3-й гость. Застраховал его, можете иметь в виду, потом заразил чумой и взял страховую премию.

Саша. Ах, да вздор все это! Вздор! Никто не покупал и не заражал скота! Это сам Боркин сочинил такой проект и везде хвастался им. Когда Иванов узнал об этом, то Боркин потом у него две недели прощения просил. Виноват же Иванов только, что у него слабый характер и не хватает духа прогнать от себя этого Боркина, и виноват, что он слишком верит

людям! Все, что у него было, растащили, расхитили; около его великодушных затей наживался всякий, кто только хотел.

Лебедев. Шура-горячка! Будет тебе!

Саша. Зачем же они говорят вздор? Ах, да все это скучно и скучно! Иванов, Иванов, Иванов — и больше нет других разговоров. *(Идет к двери и возвращается.)* Удивляюсь! *(Молодым людям.)* Положительно удивляюсь вашему терпению, господа! Неужели вам не скучно так сидеть? Ведь воздух застыл от тоски! Говорите же что-нибудь, забавляйте барышень, шевелитесь! Ну, если у вас нет других сюжетов, кроме Иванова, то смейтесь, пойте, пляшите, что ли...

Лебедев *(смеется)*. Пробери-ка, пробери их хорошенько!

Саша. Ну, послушайте, сделайте мне такое одолжение! Если не хотите плясать, смеяться, петь, если все это скучно, то прошу вас, умоляю, хоть раз в жизни, для курьеза, чтобы удивить или насмешить, соберите силы и все разом придумайте что-нибудь остроумное, блестящее, скажите даже хоть дерзость или пошлость, но чтоб было смешно и ново! Или

все разом совершите что-нибудь маленькое, чуть заметное, но хоть немножко похожее на подвиг, чтобы барышни хоть раз в жизни, глядя на вас, могли бы сказать: «Ах!» Послушайте, ведь вы желаете нравиться, но почему же вы не стараетесь нравиться? Ах, господа! Все вы не то, не то, не то!.. На вас глядя, мухи мрут и лампы начинают коптеть. Не то, не то!.. Тысячу раз я вам говорила и всегда буду говорить, что все вы не то, не то, не то!..

IV

Те же, Иванов и Шабельский.

Шабельский (входя с Ивановым из правой двери). Кто это здесь декламирует? Вы, Шурочка? (Хохочет и пожимает ей руку.) Поздравляю, ангел мой, дай вам бог попозже умереть и не рождаться во второй раз...

Зинаида Саввишна (радостно). Николай Алексеевич, граф!..

Лебедев. Ба! Кого вижу... граф! (Идет навстречу.)

Шабельский (увидав Зинаиду Саввишну и Бабакину, протягивает в сторону их руки). Два банка на одном диване!.. Глядеть любо! (Здоровается; Зинаиде Саввишне.) Здравствуй-

те, Зюзюшка! *(Бабакиной.)* Здравствуйте, помпоники!..

Зинаида Саввишна. Я так рада. Вы, граф, у нас такой редкий гость! *(Кричит.)* Гаврила, чаю! Садитесь, пожалуйста! *(Встает, уходит в правую дверь и тотчас же возвращается; вид крайне озабоченный.)*

Саша садится на прежнее место. Иванов молча здоровается со всеми.

Лебедев *(Шабельскому).* Откуда ты взялся? Какие это силы тебя принесли? Вот сюрприз, накажи меня бог... *(Целует его.)* Граф, ведь ты разбойник! Так не делают порядочные люди! *(Ведет его за руку к рампе.)* Отчего ты у нас не бываешь? Сердит, что ли?

Шабельский. На чем же я могу к тебе ездить? Верхом на палке? Своих лошадей у меня нет, а Николай не берет с собою, велит с Саррой сидеть, чтоб та не скучала. Присылай за мною своих лошадей, тогда и буду ездить...

Лебедев *(машет рукой).* Ну, да!.. Зюзюшка скорее треснет, чем даст лошадей. Голубчик ты мой, милый, ведь ты для меня дороже и роднее всех! Из всего старья уцелели я да ты! Люблю в тебе я прежние страдания и моло-

дость погибшую мою... Шутки шутками, а я вот почти плачу. *(Целует графа.)*

Шабельский. Пусти, пусти! От тебя, как из винного погреба...

Лебедев. Душа моя, ты не можешь себе представить, как мне скучно без моих друзей! Вешаться готов с тоски... *(Тихо.)* Зюзюшка со своею ссудною кассой разогнала всех порядочных людей, и остались, как видишь, одни только зулусы... эти Дудкины, Будкины... Ну, кушай чай...

Гаврила подносит графу чай.

Зинаида Саввишна *(озабоченно Гавриле).* Ну, как же ты подаешь? Принес бы какого-нибудь варенья... Кружовенного, что ли...

Шабельский *(хохочет; Иванову).* Что, не говорил я тебе? *(Лебедеву.)* Я с ним пари дорогой держал, что, как приедем, Зюзюшка сейчас же начнет угощать нас кружовенным вареньем...

Зинаида Саввишна. Вы, граф, все такой же насмешник... *(Садится.)*

Лебедев. Двадцать бочек его наварили, так куда же его девать?

Шабельский *(сядась около стола).* Всё ко-

дите, Зюзюшка? Ну, что, уж миллиончик есть, а?

Зинаида Саввишна *(со вздохом)*. Да, со стороны поглядеть, так богаче нас и людей нет, а откуда быть деньгам? Один разговор только...

Шабельский. Ну, да, да!.. знаем!.. Знаем, как вы плохо в шашки играете... *(Лебедеву.)* Паша, скажи по совести: скопили миллион?

Лебедев. Ей-богу, не знаю. Это у Зюзюшки спроси...

Шабельский *(Бабакиной)*. И у жирненького помпончика скоро будет миллиончик! Ей-богу, хорошеет и полнеет не по дням, а по часам! Что значит деньжищ много...

Бабакина. Очень вами благодарна, ваше сиятельство, а только я не люблю насмешек.

Шабельский. Милый мой банк, да разве это насмешки? Это просто вопль души, от избытка чувств глаголят уста... Вас и Зюзюшку я люблю бесконечно... *(Весело.)* Восторг!.. Упоение!.. Вас обеих не могу видеть равнодушно...

Зинаида Саввишна. Вы все такой же, как и были. *(Егорушке.)* Егорушка, потуши свечи! Зачем им гореть попусту, если не играете?

Егорушка вздрагивает; тушит свечи и са-

дится.

(Иванову.) Николай Алексеевич, как здоровье вашей супруги?

Иванов. Плохо. Сегодня доктор положительно сказал, что у нее чахотка...

Зинаида Саввишна. Неужели? Какая жалость!.. (Вздых.) А мы все ее так любим...

Шабельский. Вздор, вздор и вздор!.. Никакой чахотки нет, докторское шарлатанство, фокус. Хочется эскулапу шляться, вот и выдумал чахотку. Благо муж не ревнив. (Иванов делает нетерпеливое движение.) Что касается самой Сарры, то я не верю ни одному ее слову, ни одному движению. В своей жизни я никогда не верил ни докторам, ни адвокатам, ни женщинам. Вздор, вздор, шарлатанство и фокусы!

Лебедев (Шабельскому). Удивительный ты субъект, Матвей!.. Напустил на себя какую-то мизантропию и носится с нею, как дурак с писаною торбой. Человек как человек, а заговоришь, так точно у тебя типун на языке или сплошной катар... Да, ей-богу!..

Шабельский. Что же мне, целоваться с мошенниками и подлецами, что ли?

Лебедев. Где же ты видишь мошенников и подлецов?

Шабельский. Я, конечно, не говорю о присутствующих, но...

Лебедев. Вот тебе и но... Все это напускное.

Шабельский. Напускное... Хорошо, что у тебя никакого мировоззрения нет.

Лебедев. Какое мое мировоззрение? Сижу и каждую минуту околеванца жду. Вот мое мировоззрение. Нам, брат, не время с тобою о мировоззрениях думать. Так-то... *(Кричит.)* Гаврила!

Шабельский. Ты уж и так нагаврился... Погляди, как нос насандалил!

Лебедев *(пьет)*. Ничего, душа моя... не венчаться мне ехать.

Зинаида Саввишна. Давно уже у нас доктор Львов не был. Совсем забыл.

Саша. Моя антипатия. Ходячая честность. Воды не попросит, папиросы не закурит без того, чтобы не показать своей необыкновенной честности. Ходит или говорит, а у самого на лбу написано: я честный человек! Скучно с ним.

Шабельский. Узкий, прямолинейный ле-

карь! (*Дразнит.*) «Дорогу честному труду!» Орет на каждом шагу, как попугай, и думает, что в самом деле второй Добролюбов. Кто не орет, тот подлец. Взгляды удивительные по своей глубине. Если мужик зажиточный и живет по-человечески, то, значит, подлец и кулак. Я хожу в бархатном пиджаке, и одева-ет меня лакей — я подлец и крепостник. Так честен, так честен, что всего распирает от честности. Места себе не находит. Я даже бо-юсь его... Ей-ей!.. Того и гляди, что из чувства долга по рылу хватит или подлеца пустит.

Иванов. Он меня ужасно утомил, но все-та-ки мне симпатичен; в нем много искренно-сти.

Шабельский. Хороша искренность! Подхо-дит вчера ко мне вечером и ни с того ни с се-го: «Вы, граф, мне глубоко несимпатичны!» Покорнейше благодарю! И все это не просто, а с тенденцией: и голос дрожит, и глаза горят, и поджилки трясутся... Черт бы побрал эту де-ревянную искренность! Ну, я противен ему, гадок, это естественно... я и сам сознаю, но к чему говорить это в лицо? Я дрянной человек, но ведь у меня, как бы то ни было, седые во-

лосы... Бездарная, безжалостная честность!

Лебедев. Ну, ну, ну!.. Сам, небось, был молодым и понимаешь.

Шабельский. Да, я был молод и глуп, в свое время разыгрывал Чацкого, обличал мерзавцев и мошенников, но никогда в жизни я воров не называл в лицо ворами и в доме повешенного не говорил о веревке. Я был воспитан. А ваш этот тупой лекарь почувствовал бы себя на высоте своей задачи и на седьмом небе, если бы судьба дала ему случай, во имя принципа и общечеловеческих идеалов, хватить меня публично по рылу и под микитки.

Лебедев. Молодые люди все с норомом. У меня дядя гегелианец был... так тот, бывало, соберет к себе гостей полон дом, выпьет, станет вот этак на стул и начинает: «Вы невежды! Вы мрачная сила! Заря новой жизни!» Та-та, та-та, та-та... Уж он отчитывает-отчитывает...

Саша. А гости что же?

Лебедев. А ничего... Слушают да пьют себе. Раз, впрочем, я его на дуэль вызвал... дядю-то родного. Из-за Бэкона вышло. Помню, сидел я,

дай бог память, вот так, как Матвей, а дядя с покойным Герасимом Нилычем стояли вот тут, примерно, где Николаша... Ну-с, Герасим Нилыч и задает, братец ты мой, вопрос...

Входит Боркин.

V

Те же и Боркин (одетый франтом, со свертком в руках. подпрыгивая и напевая, входит из правой двери. Гул одобрения).

Барышни. Михаил Михайлович!..

Лебедев. Мишель Мишелич! Слыхом-слыхать...

Шабельский. Душа общества!

Боркин. А вот и я! (Подбегает к Саше.) Благодарная синьорина, беру на себя смелость поздравить вселенную с рождением такого чудного цветка, как вы... Как дань своего восторга, осмеливаюсь преподнести (подает сверток) фейерверки и бенгальские огни собственного изделия. Да прояснят они ночь так же, как вы просветляете потемки темного царства. (Театрально раскланивается.)

Саша. Благодарю вас...

Лебедев (хохочет, Иванову). Отчего ты не прогонишь эту Иуду?

Боркин (*Лебедеву*). Павлу Кириллычу! (*Иванову.*) Патрону... (*Поет.*) Nicolas-voilà, го-ги-го! (*Обходит всех.*) Почтеннейшей Зинаиде Саввишне... Божественной Марфе Егоровне... Древнейшей Авдотье Назаровне... Сиятельнейшему графу...

Шабельский (*хохочет*). Душа общества... Едва вошел, как атмосфера стала жиже. Вы замечаете?

Боркин. Уф, утомился... Кажется, со всеми здоровался. Ну, что новенького, господа? Нет ли чего-нибудь такого особенного, в нос шибящего? (*Живо Зинаиде Саввишне.*) Ах, послушайте, мамаша... Еду сейчас к вам... (*Гавриле.*) Дай-ка мне, Гаврюша, чаю, только без кружовенного варенья! (*Зинаиде Саввишне.*) Еду сейчас к вам, а на реке у вас мужики с лозняка кору дерут. Отчего вы лозняк на откуп не отдадите?

Лебедев (*Иванову*). Отчего ты не прогонишь эту Иуду?

Зинаида Саввишна (*испуганно*). А ведь это правда, мне и на ум не приходило!..

Боркин (*делает ручную гимнастику*). Не могу без движений... Мамаша, что бы такое

особенное выкинуть? Марфа Егоровна, я в ударе... Я экзальтирован! (Поет.) «Я вновь пред тобою...»

Зинаида Саввишна. Устройте что-нибудь, а то все соскучились.

Боркин. Господа, что же вы это в самом деле носы повесили? Сидят, точно присяжные заседатели!.. Давайте изобразим что-нибудь. Что хотите? Фанты, веревочку, горелки, танцы, фейерверки?..

Барышни (хлопают в ладоши). Фейерверки, фейерверки! (Бегут в сад.)

Саша (Иванову). Что вы сегодня такой скучный?..

Иванов. Голова болит, Шурочка, да и скучно...

Саша. Пойдемте в гостиную.

Идут в правую дверь; уходят в сад все, кроме Зинаиды Саввишны и Лебедева.

Зинаида Саввишна. Вот это я понимаю — молодой человек: и минуты не побыл, а уж всех развеселил. (Притушивает большую лампу.) Пока они все в саду, нечего свечам даром гореть. (Тушит свечи.)

Лебедев (идя за нею). Зюзюшка, надо бы

дать гостям закусить чего-нибудь...

Зинаида Саввишна. Ишь свечей сколько... недаром люди судят, что мы богатые. *(Тышит.)*

Лебедев *(идя за нею).* Зюзюшка, ей-богу, да-ла бы чего-нибудь поесть людям... Люди молодые, небось проголодались, бедные... Зюзюшка...

Зинаида Саввишна. Граф не допил своего стакана. Даром только сахар пропал. *(Идет в левую дверь.)*

Лебедев. Тьфу!.. *(Уходит в сад.)*

VI

Иванов и Саша.

Саша *(входя с Ивановым из правой двери).* Все ушли в сад.

Иванов. Такие-то дела, Шурочка. Прежде я много работал и много думал, но никогда не утомлялся; теперь же ничего не делаю и ни о чем не думаю, а устал телом и душой. День и ночь болит моя совесть, я чувствую, что глубоко виноват, но в чем собственно моя вина, не понимаю. А тут еще болезнь жены, безденежье, вечная грызня, сплетни, лишние разговоры, глупый Боркин... Мой дом мне опро-

тивел, и жить в нем для меня хуже пытки. Скажу вам откровенно, Шурочка, для меня стало невыносимо даже общество жены, которая меня любит. Вы — мой старый приятель, и вы не будете сердиться за мою искренность. Приехал я вот к вам развлечься, но мне скучно и у вас, и опять меня тянет домой. Простите, я сейчас потихоньку уеду.

Саша. Николай Алексеевич, я понимаю вас. Ваше несчастье в том, что вы одиноки. Нужно, чтобы около вас был человек, которого бы вы любили и который вас понимал бы. Одна только любовь может обновить вас.

Иванов. Ну, вот еще, Шурочка! Недостает, чтоб я, старый, мокрый петух, затянул новый роман! Храни меня бог от такого несчастья! Нет, моя умница, не в романе дело. Говорю, как пред богом, я снесу все: и тоску, и психопатию, и разоренье, и потерю жены, и свою раннюю старость, и одиночество, но не снесу, не выдержу я своей насмешки над самим собой. Я умираю от стыда при мысли, что я, здоровый, сильный человек, обратился не то в Гамлета, не то в Манфреда, не то в лишние люди... сам черт не разберет! Есть жалкие лю-

ди, которым льстит, когда их называют Гамлетами или лишними, но для меня это — позор! Это возмущает мою гордость, стыд гнетет меня, и я страдаю...

Саша (*шутя, сквозь слезы*). Николай Алексеевич, бежимте в Америку.

Иванов. Мне до этого порога лень дойти, а вы в Америку... (*Идут к выходу в сад.*) В самом деле, Шура, вам здесь трудно живется! Как погляжу я на людей, которые вас окружают, мне становится страшно: за кого вы тут замуж пойдете? Одна только надежда, что какой-нибудь проезжий поручик или студент украдет вас и увезет...

VII

Те же и Зинаида Саввишна.

Зинаида Саввишна выходит из левой двери с банкой варенья.

Иванов. Виноват, Шурочка, я догоню вас...

Саша уходит в сад.

Зинаида Саввишна, я к вам с просьбой...

Зинаида Саввишна. Что вам, Николай Алексеевич?

Иванов (*мнется*). Дело, видите ли, в том, что послезавтра срок моему векселю. Вы пре-

много обязали бы меня, если бы дали отсрочку или позволили приписать проценты к капиталу. У меня теперь совсем нет денег...

Зинаида Саввишна (*испуганно*). Николай Алексеевич, да как это можно? Что же это за порядок? Нет, и не выдумывайте вы, бога ради, не мучьте меня несчастную...

Иванов. Виноват, виноват... (*Уходит в сад.*)

Зинаида Саввишна. Фуй, батюшки, как он меня встревожил!.. Я вся дрожу... вся дрожу... (*Уходит в правую дверь.*)

VIII

Косых.

Косых (*входит из левой двери и идет через сцену*). У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь, туз пик и одна... одна маленькая червонка, а она, черт ее возьми совсем, не могла объявить маленького шлема! (*Уходит в правую дверь.*)

IX

Авдотья Назаровна и 1-й гость.

Авдотья Назаровна (*выходя с 1-м гостем из сада*). Вот так бы я ее и растерзала, сквальгу... так бы и растерзала! Шутка ли, с пяти часов сижу, а она хоть бы ржавую селед-

кой попотчевала!.. Ну, дом!.. Ну, хозяйство!..

1-й гость. Такая скучища, что просто разбежался бы и головой об стену! Ну, люди, господи помилуй!.. Со скуки да с голоду волком завоюешь и людей грызть начнешь...

Авдотья Назаровна. Так бы я ее и растерзала, грешница.

1-й гость. Выпью, старая, и — домой! И невест мне твоих не надо. Какая тут, к нечистому, любовь, ежели с самого обеда ни рюмки?

Авдотья Назаровна. Пойдем, поищем, что ли...

1-й гость. Тсс!.. Потихоньку! Шнапс, кажется, в столовой, в буфете стоит. Мы Егорушку за бока... Тсс!..

Уходят в левую дверь.

Х

Анна Петровна и Львов (выходят из правой двери).

Анна Петровна. Ничего, нам рады будут. Никого нет. Должно быть, в саду.

Львов. Ну, зачем, спрашивается, вы привезли меня сюда, к этим коршунам! Не место тут для нас с вами! Честные люди не должны

знать этой атмосферы!

Анна Петровна. Послушайте, господин честный человек! Нелюбезно провожать даму и всю дорогу говорить с нею только о своей честности! Может быть, это и честно, но, по меньшей мере, скучно. Никогда с женщинами не говорите о своих добродетелях. Пусть они сами поймут. Мой Николай, когда был таким, как вы, в женском обществе только пел песни и рассказывал небылицы, а между тем каждая знала, что он за человек.

ЛЬВОВ. Ах, не говорите мне про вашего Николая, я его отлично понимаю!

Анна Петровна. Вы хороший человек, но ничего не понимаете! Пойдемте в сад. Он никогда не выражался так: «Я честен! Мне душно в этой атмосфере! Коршуны! Совиное гнездо! Крокодилы!» Зверинец он оставлял в покое, а когда, бывало, возмущался, то я от него только и слышала: «Ах, как я был несправедлив сегодня!» или: «Анюта, жаль мне этого человека!» Вот как, а вы...

Уходят.

Авдотья Назаровна и 1-й гость.

1-й гость (*выходя из левой двери*). В столовой нет, так, стало быть, где-нибудь в кладовой. Надо бы Егорушку пощупать. Пойдем через гостиную.

Авдотья Назаровна. Так бы я ее и растерзала!..

Уходят в правую дверь.

XII

Бабакина, Боркин и Шабельский.

Бабакина и Боркин со смехом выбегают из сада; за ними, смеясь и потирая руки, семенит **Шабельский**.

Бабакина. Какая скука! (*Хохочет.*) Какая скука! Все ходят и сидят, как будто аршин проглотили! От скуки все косточки застыли. (*Прыгает.*) Надо размяться!..

Боркин хватает ее за талию и целует в щеку.

Шабельский (*хохочет и щелкает пальцами*). Черт возьми! (*Крякает.*) Некоторым образом...

Бабакина. Пустите, пустите руки, бесстыдник, а то граф бог знает что подумает! Отстаньте!..

Боркин. Ангел души моей, карбункул моего сердца!.. *(Целует.)* Дайте займы две тысячи триста рублей!..

Бабакина. Не-не-нет... Что хотите, а насчет денег — очень вами благодарна... Нет, нет, нет! Ах, да пустите руки!..

Шабельский *(семенит около)*. Помпончик... Имеет свою приятность...

Боркин *(серьезно)*. Но довольно. Давайте говорить о деле. Будем рассуждать прямо, по-коммерчески. Отвечайте мне прямо, без subtilностей и без всяких фокусов: да или нет? Слушайте! *(Указывает на графа.)* Вот ему нужны деньги, минимум три тысячи годового дохода. Вам нужен муж. Хотите быть графиней?

Шабельский *(хохочет)*. Удивительный циник!

Боркин. Хотите быть графиней? Да или нет?

Бабакина *(взволнованно)*. Выдумываете, Миша, право... И эти дела не делаются так, с бухты-барахты... Если графу угодно, он сам может и... и я не знаю, как это вдруг, сразу...

Боркин. Ну, ну, будет тень наводить! Дело

коммерческое... Да или нет?

Шабельский (*смеясь и потирая руки*). В самом деле, а? Черт возьми, разве устроить себе эту гнусность? а? Помпончик... (*Целует Бабакину в щеку.*) Прелесть!.. Огурчик!..

Бабакина. Постойте, постойте, вы меня совсем встревожили... Уйдите, уйдите!.. Нет, не уходите!..

Боркин. Скорей! Да или нет? Нам некогда...

Бабакина. Знаете что, граф? Вы приезжайте ко мне в гости дня на три... У меня весело, не так, как здесь... Приезжайте завтра... (*Боркину.*) Нет, вы это шутите?

Боркин (*сердито*). Да кто же станет шутить в серьезных делах?

Бабакина. Постойте, постойте... Ах, мне дурно! Мне дурно! Графиня... Мне дурно!.. Я падаю...

Боркин и граф со смехом берут ее под руки и, целуя в щеки, уводят в правую дверь.

XIII

Иванов, Саша, потом Анна Петровна.
Иванов и Саша вбегают из сада.

Иванов (*в отчаянии хватая себя за голову*)

. Не может быть! Не надо, не надо, Шурочка!..
Ах, не надо!..

Саша (с увлечением). Люблю я вас безумно... Без вас нет смысла моей жизни, нет счастья и радости! Для меня вы всё...

Иванов. К чему, к чему! Боже мой, я ничего не понимаю... Шурочка, не надо!..

Саша. В детстве моем вы были для меня единственной радостью; я любила вас и вашу душу, как себя, а теперь... я вас люблю, Николай Алексеевич... С вами не то что на край света, а куда хотите, хоть в могилу, только, ради бога, скорее, иначе я задохнусь...

Иванов (закатывается счастливым смехом). Это что же такое? Это, значит, начинать жизнь сначала? Шурочка, да?.. Счастье мое! (Привлекает ее к себе.) Моя молодость, моя свежесть...

Анна Петровна входит из сада и, увидев мужа и Сашу, останавливается как вкопанная.

Значит, жить? Да? Снова за дело?

Поцелуй. После поцелуя Иванов и Саша оглядываются и видят Анну Петровну.

(В ужасе.) Сарра!

Занавес

Действие третье

Кабинет Иванова. Письменный стол, на котором в беспорядке лежат бумаги, книги, казенные пакеты, безделушки, револьверы; возле бумаг лампа, графин с водкой, тарелка с селедкой, куски хлеба и огурцы. На стенах ландкарты, картины, ружья, пистолеты, серпы, нагайки и проч. — Полдень.

1

Шабельский, Лебедев, Боркин и Петр.
Шабельский и Лебедев сидят по сторонам письменного стола.

Боркин среди сцены верхом на стуле. Петр стоит у двери.

Лебедев. У Франции политика ясная и определенная... Французы знают, чего хотят. Им нужно лущить колбасников и больше ничего, а у Германии, брат, совсем не та музыка. У Германии кроме Франции еще много сучков в глазу...

Шабельский. Вздор!.. По-моему, немцы трусы и французы трусы... Показывают только друг другу кукиши в кармане. Поверь, кукишами дело и ограничится. Драться не будут.

Боркин. А по-моему, зачем драться? К чему все эти вооружения, конгрессы, расходы? Я что бы сделал? Собрал бы со всего государства собак, привил бы им пастеровский яд в хорошей дозе и пустил бы в неприятельскую страну. Все враги перебесились бы у меня через месяц.

Лебедев *(смеется)*. Голова, посмотришь, маленькая, а великих идей в ней тьма-тьмущая, как рыб в океане.

Шабельский. Виртуоз!

Лебедев. Бог с тобою, смешишь ты, Мишель Мишелич! *(Перестав смеяться.)* Что ж, господа, Жомини да Жомини, а об водке ни полслова. Repetatur![28]*(Наливает три рюмки.)* Будемте здоровы...

Пьют и закусывают.

Селедочка, матушка, всем закускам закуска.

Шабельский. Ну, нет, огурец лучше... Ученые с сотворения мира думают и ничего умнее соленого огурца не придумали. *(Петру.)* Петр, поди-ка еще принеси огурцов да вели на кухне изжарить четыре пирожка с луком. Чтоб горячие были.

Петр уходит.

Лебедев. Водку тоже хорошо икрой закусывать. Только как? С умом надо... Взять икры паюсной четверку, две луковочки зеленого лучку, прованского масла, смешать все это и, знаешь, этак... поверх всего лимончиком. Смерть! От одного аромата угоришь.

Боркин. После водки хорошо тоже закусывать жареными пескарями. Только их надо уметь жарить. Нужно почистить, потом обвалять в толченых сухарях и жарить досуха, чтобы на зубах хрустели... хру-хру-хру...

Шабельский. Вчера у Бабакиной была хорошая закуска — белые грибы.

Лебедев. А еще бы...

Шабельский. Только как-то особенно приготовлены. Знаешь, с луком, с лавровым листом, со всякими специями. Как открыли кастрюлю, а из нее пар, запах... просто восторг!

Лебедев. А что ж? Repetatur, господа!

Выпивают.

Будемте здоровы... *(Смотрит на часы.)* Должно быть, не дождусь я Николаши. Пора мне ехать. У Бабакиной, ты говоришь, грибы подавали, а у нас еще не видать грибов. Ска-

жи на милость, за каким это лешим ты зачистил к Марфутке?

Шабельский (*кивает на Боркина*). Да вот, женить меня на ней хочет...

Лебедев. Женить?.. Тебе сколько лет?

Шабельский. Шестьдесят два года.

Лебедев. Самая пора жениться. А Марфутка как раз тебе пара.

Боркин. Тут не в Марфутке дело, а в Марфуткиных стерлингах.

Лебедев. Чего захотел: Марфуткиных стерлингов... А гусиного чаю не хочешь?

Боркин. А вот как женится человек, да набьет себе ампоше[29], тогда и увидите гусиный чай. Облизнетесь...

Шабельский. Ей-богу, а ведь он серьезно. Этот гений уверен, что я его послушаюсь и женюсь...

Боркин. А то как же? А вы разве уже не уверены?

Шабельский. Да ты с ума сошел... Когда я был уверен? Пес...

Боркин. Благодарю вас... Очень вам благодарен! Так это, значит, вы меня подвести хотите? То женюсь, то не женюсь... сам черт не

разберет, а я уж честное слово дал! Так вы не женитесь?

Шабельский (*пожимает плечами*). Он серьезно... Удивительный человек!

Боркин (*возмущаясь*). В таком случае, зачем же было баламутить честную женщину? Она помешалась на графстве, не спит, не ест... Разве этим шутят?.. Разве это честно?

Шабельский (*щелкает пальцами*). А что, в самом деле, не устроить ли себе эту гнусность? А? Назло! Возьму и устрою. Честное слово... Вот будет потеха!

Входит Львов.

II

Те же и Львов.

Лебедев. Эскулапии наше нижайшее... (*Подает Львову руку и поет.*) «Доктор, батюшка, спасите, смерти до смерти боюсь...»

Львов. Николай Алексеевич еще не приходил?

Лебедев. Да нет, я сам его жду больше часа.

Львов нетерпеливо шагает по сцене.

Милый, ну, как здоровье Анны Петровны?

Львов. Плохо.

Лебедев (вздых). Можно пойти засвидетельствовать почтение?

Львов. Нет, пожалуйста, не ходите. Она, кажется, спит...

Пауза.

Лебедев. Симпатичная, славная... (*Вздыхает.*) В Шурочкин день рождения, когда она у нас в обморок упала, поглядел я на ее лицо и тогда еще понял, что уж ей, бедной, недолго жить. Не понимаю, отчего с нею тогда дурно сделалось? Прибегаю, гляжу: она, бледная, на полу лежит, около нее Николаша на коленях, тоже бледный, Шурочка вся в слезах. Я и Шурочка после этого случая неделю как шальные ходили.

Шабельский (*Львову*). Скажите мне, почтеннейший жрец науки, какой ученый открыл, что при грудных болезнях дамам бывают полезны частые посещения молодого врача? Это великое открытие! Великое! Куда оно относится: к аллопатии или гомеопатии?

Львов хочет ответить, но делает презрительное движение и уходит.

Какой уничтожающий взгляд...

Лебедев. А тебя дергает нелегкая за язык!

За что ты его обидел?

Шабельский (*раздраженно*). А зачем он врет? Чахотка, нет надежды, умрет... Врет он! Я этого терпеть не могу!

Лебедев. Почему же ты думаешь, что он врет?

Шабельский (*встает и ходит*). Я не могу допустить мысли, чтобы живой человек вдруг, ни с того ни с сего, умер. Оставим этот разговор!

III

Лебедев, Шабельский, Боркин и Косых.

Косых (*вбегает запыхавшись*). Дома Николай Алексеевич? Здравствуйте! (*Быстро пожимает всем руки.*) Дома?

Боркин. Его нет.

Косых (*садится и вскакивает*). В таком случае, прощайте! (*Выпивает рюмку водки и быстро закусывает.*) Поеду дальше... Дела... Замучился... Еле на ногах стою...

Лебедев. Откуда ветер принес?

Косых. От Барабанова. Всю ночь провинтили и только что кончили... Проигрался в пух... Этот Барабанов играет как сапожник! (*Плачущим голосом.*) Вы послушайте: все вре-

мя несую я черву... (Обращается к Боркину, который прыгает от него.) Он ходит бубну, я опять черву, он бубну... Ну, и без взятки. (Лебедеву.) Играем четыре трефы. У меня туз, дама-шост на руках, туз, десятка-третей пик...

Лебедев (затыкает уши). Уволь, уволь, ради Христа, уволь!

Косых (графу). Понимаете: туз, дама-шост на трефах, туз, десятка-третей пик...

Шабельский (отстраняет его руками). Уходите, не желаю я слушать!

Косых. И вдруг несчастье: туза пик по первой бьют...

Шабельский (хватает со стола револьвер). Отойдите, стрелять буду!..

Косых (машет рукой). Черт знает... Неужели даже поговорить не с кем? Живешь как в Австралии: ни общих интересов, ни солидарности... Каждый живет врозь... Однако, надо ехать... пора. (Хватает фуражку.) Время дорого... (Подает Лебедеву руку.) Пас!..

Смех.

Косых уходит и в дверях сталкивается с **Авдотьей Назаровной**.

Шабельский, Лебедев, Боркин и Авдотья Назаровна.

Авдотья Назаровна (вскрикивает). Чтоб тебе пусто было, с ног сшиб!

Все. А-а-а!.. вездесущая!..

Авдотья Назаровна. Вот они где, а я по всему дому ищу. Здравствуйте, ясные соколы, хлеб да соль... (Здоровается.)

Лебедев. Зачем пришла?

Авдотья Назаровна. За делом, батюшка! (Графу.) Дело вас касающее, ваше сиятельство. (Кланяется.) Велели кланяться и о здорьеве спросить... И велела она, куколочка моя, сказать, что ежели вы нынче к вечеру не приедете, то она глазочки свои проплачет. Так, говорит, милая, отзови его в стороночку и шепни на ушко по секрету. А зачем по секрету? Тут всё люди свои. И такое дело, не кур крадем, а по закону да по любви, по междоусобному согласию. Никогда, грешница, не пью, а через такой случай выпью!

Лебедев. И я выпью. (Наливает.) А тебе, старая скворешня, и сносу нет. Лет тридцать я тебя старухой знаю...

Авдотья Назаровна. И счет годам потеря-

ла... Двух мужей похоронила, пошла бы еще за третьего, да никто не хочет без приданого брать. Детей душ восемь было... (*Берет рюмку.*) Ну, дай бог, дело хорошее мы начали, дай бог его и кончить! Они будут жить да поживать, а мы глядеть на них да радоваться! Совет им и любовь... (*Пьет.*) Строгая водка!

Шабельский (*хохоча, Лебедеву*). Но что, понимаешь, курьезнее всего, так это то, что они думают серьезно, будто я... Удивительно! (*Встает.*) А то в самом деле, Паша, не устроить ли себе эту гнусность? Назло... Этак, мол, на, старая собака, ешь! Паша, а? Ей-богу...

Лебедев. Пустое ты городишь, граф. Наше, брат, дело с тобою об околеванце думать, а Марфутки да стерлинги давно мимо проехали... Прошла наша пора.

Шабельский. Нет, я устрою! Честное слово, устрою!

Входят Иванов и Львов.

V

Те же, Иванов и Львов.

Львов. Я прошу вас уделить мне только пять минут.

Лебедев. Николаша! (*Идет навстречу к*

Иванову и целует его.) Здравствуй, дружище... Я тебя уж целый час дожидаясь.

Авдотья Назаровна (*кланяется*). Здравствуйте, батюшка!

Иванов (*с горечью*). Господа, опять в моем кабинете кабак завели!.. Тысячу раз просил я всех и каждого не делать этого... (*Подходит к столу.*) Ну, вот, бумагу водкой облили... крошки... огурцы... Ведь противно!

Лебедев. Виноват, Николаша, виноват... Прости. Мне с тобою, дружище, поговорить надо о весьма важном деле...

Боркин. И мне тоже.

Львов. Николай Алексеевич, можно с вами поговорить?

Иванов (*указывает на Лебедева*). Вот и ему я нужен. Подождите, вы после... (*Лебедеву.*) Чего тебе?

Лебедев. Господа, я желаю говорить конфиденциально. Прошу...

Граф уходит с Авдотьей Назаровной, за ними Боркин, потом Львов.

Иванов. Паша, сам ты можешь пить, сколько тебе угодно, это твоя болезнь, но прошу не спаивать дядю. Раньше он у меня нико-

гда не пил. Ему вредно.

Лебедев (*испуганно*). Голубчик, я не знал... Я даже внимания не обратил...

Иванов. Не дай бог, умрет этот старый ребенок, не вам будет худо, а мне... Что тебе нужно?..

Пауза.

Лебедев. Видишь ли, любезный друг... Не знаю, как начать, чтобы это вышло не так бессовестно... Николаша, совестно мне, краснею, язык заплетается, но, голубчик, войди в мое положение, пойми, что я человек подневольный, негр, тряпка... Извини ты меня...

Иванов. Что такое?

Лебедев. Жена послала... Сделай милость, будь другом, заплати ты ей проценты! Верись ли, загрызла, заездила, замучила! Отвяжись ты от нее, ради создателя!..

Иванов. Паша, ты знаешь, у меня теперь нет денег.

Лебедев. Знаю, знаю, но что же мне делать? Ждать она не хочет. Если протестует вексель, то как я и Шурочка будем тебе в глаза глядеть?

Иванов. Мне самому совестно, Паша, рад

сквозь землю провалиться, но... но где взять? Научи: где? Остается одно: ждать осени, когда я хлеб продам.

Лебедев (*кричит*). Не хочет она ждать!

Пауза.

Иванов. Твое положение неприятное, щекотливое, а мое еще хуже. (*Ходит и думает.*) И ничего не придумаешь... Продать нечего...

Лебедев. Съездил бы к Мильбаху, попросил, ведь он тебе шестнадцать тысяч должен.

Иванов безнадежно машет рукой.

Вот что, Николаша... Я знаю, ты станешь браниться, но... уважь старого пьяницу! По-дружески... Глади на меня, как на друга... Студенты мы с тобою, либералы... Общность идей и интересов... В Московском университете оба учились... *Alma mater...* (*Вынимает бумажник.*) У меня вот есть заветные, про них ни одна душа в доме не знает. Возьми займы... (*Вынимает деньги и кладет на стол.*) Брось самолюбие, а взгляни по-дружески... Я бы от тебя взял, честное слово...

Пауза.

Вот они на столе: тысяча сто. Ты съезди к ней сегодня и отдай собственноручно. Натё,

мол, Зинаида Саввишна, подавитесь! Только, смотри, и виду не подавай, что у меня занял, храни тебя бог! А то достанется мне на орехи от кружовенного варенья! (*Всматривается в лицо Иванова.*) Ну, ну, не надо! (*Быстро берет со стола деньги и прячет в карман.*) Не надо! Я пошутил... Извини, ради Христа!

Пауза.

Мутит на душе?

Иванов машет рукой.

Да, дела... (*Вздыхает.*) Настало для тебя время скорби и печали. Человек, братец ты мой, все равно что самовар. Не все он стоит в холодке на полке, но, бывает, и угольки в него кладут: пш... пш! Ни к черту это сравнение не годится, ну, да ведь умнее не придумаешь... (*Вздыхает.*) Несчастья закаляют душу. Мне тебя не жалко, Николаша, ты выскочишь из беды, перемелется — мука будет, но обидно, брат, и досадно мне на людей... Скажи на милость, откуда эти сплетни берутся! Столько, брат, про тебя по уезду сплетен ходит, что, того и гляди, к тебе товарищ прокурора придет... Ты и убийца, и кровопийца, и грабитель, и изменник...

Иванов. Это все пустяки, вот у меня голова болит.

Лебедев. Все оттого, что много думаешь.

Иванов. Ничего я не думаю.

Лебедев. А ты, Николаша, начихай на все да поезжай к нам. Шурочка тебя любит, понимает и ценит. Она, Николаша, честный, хороший человек. Не в мать и не в отца, а, должно быть, в проезжего молодца... Гляжу, брат, иной раз и не верю, что у меня, у толстоногого пьяницы, такое сокровище. Поезжай, потолкуй с нею об умном и — развлечешься. Это верный, искренний человек...

Пауза.

Иванов. Паша, голубчик, оставь меня одного...

Лебедев. Понимаю, понимаю... *(Торопливо смотрит на часы.)* Я понимаю. *(Целует Иванову.)* Прощай. Мне еще на освящение школы ехать. *(Идет к двери и останавливается.)* Умная... Вчера стали мы с Шурочкой насчет сплетен говорить. *(Смеется.)* А она афоризмом выпалила: «Папочка, светляки, говорит, светят ночью только для того, чтобы их легче могли увидеть и съесть ночные птицы, а хо-

рошие люди существуют для того, чтобы было что есть клевете и сплетне». Каково? Гений! Жорж Занд!..

Иванов. Паша! *(Останавливает его.)* Что со мною?

Лебедев. Я сам тебя хотел спросить об этом, да, признаться, стеснялся. Не знаю, брат! С одной стороны, мне казалось, что тебя одолели несчастья разные, с другой же стороны, знаю, что ты не таковский, чтобы того... Бедой тебя не победишь. Что-то, Николаша, другое, а что — не понимаю!

Иванов. Я сам не понимаю. Мне кажется, или... впрочем, нет!

Пауза.

Видишь ли, что я хотел сказать. У меня был рабочий Семен, которого ты помнишь. Раз, во время молотьбы, он захотел похватать перед девками своею силой, взвалил себе на спину два мешка ржи и надорвался. Умер скоро. Мне кажется, что я тоже надорвался. Гимназия, университет, потом хозяйство, школы, проекты... Веровал я не так, как все, женился не так, как все, горячился, рисковал, деньги свои, сам знаешь, бросал напра-

во и налево, был счастлив и страдал, как никто во всем уезде. Все это, Паша, мои мешки.. Взвалил себе на спину ношу, а спина-то и треснула. В двадцать лет мы все уже герои, за всё беремся, всё можем, и к тридцати уже утомляемся, никуда не годимся. Чем, чем ты объяснишь такую утомляемость? Впрочем, быть может, это не то... Не то, не то!.. Иди, Паша, с богом, я надоел тебе.

Лебедев *(живо)*. Знаешь что? Тебя, брат, среда заела!

Иванов. Глупо, Паша, и старо. Иди!

Лебедев. Действительно, глупо. Теперь и сам вижу, что глупо. Иду, иду!.. *(Уходит.)*

VI

Иванов, потом Львов.

Иванов *(один)*. Нехороший, жалкий и ничтожный я человек. Надо быть тоже жалким, истасканным, испытанным, как Паша, чтобы еще любить меня и уважать. Как я себя презираю, боже мой! Как глубоко ненавижу я свой голос, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли. Ну, не смешно ли, не обидно ли? Еще года нет, как был здоров и силен, был бодр, неутомим, горяч, работал этими самы-

ми руками, говорил так, что трогал до слез даже невежд, умел плакать, когда видел горе, возмущался, когда встречал зло. Я знал, что такое вдохновение, знал прелесть и поэзию тихих ночей, когда от зари до зари сидишь за рабочим столом или тешишь свой ум мечтами. Я веровал, в будущее глядел, как в глаза родной матери... А теперь, о, боже мой! утомился, не верю, в безделье провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозг, ни руки, ни ноги. Имение идет прахом, леса трещат под топором. *(Плачет.)* Земля моя смотрит на меня, как сирота. Ничего я не жду, ничего не жаль, душа дрожит от страха перед завтрашним днем... А история с Саррой? Клялся в вечной любви, пророчил счастье, открывал перед ее глазами будущее, какое ей не снилось даже во сне. Она поверила. Во все пять лет я видел только, как она угасала под тяжестью своих жертв, как изнемогала в борьбе с совестью, но, видит бог, ни косога взгляда на меня, ни слова упрека!.. И что же? Я разлюбил ее... Как? Почему? За что? Не понимаю. Вот она страдает, дни ее сочтены, а я, как последний трус, бегу от ее бледного лица, впалой груди,

умоляющих глаз... Стыдно, стыдно!

Пауза.

Сашу, девочку, трогают мои несчастья. Она мне, почти старику, объясняется в любви, а я пьянею, забываю про все на свете, обво-роженный, как музыкой, и кричу: «Новая жизнь! счастье!» А на другой день верю в эту жизнь и в счастье так же мало, как в домового... Что же со мною? В какую пропасть тол-каю я себя? Откуда во мне эта слабость? Что стало с моими нервами? Стоит только боль-ной жене уколоть мое самолюбие, или не удо-дит прислуга, или ружье даст осечку, как я становлюсь груб, зол и не похож на себя...

Пауза.

Не понимаю, не понимаю, не понимаю! Просто хоть пулю в лоб!..

Львов (*входит*). Мне нужно с вами объяс-ниться, Николай Алексеевич!

Иванов. Если мы, доктор, будем каждый день объясняться, то на это сил никаких не хватит.

Львов. Вам угодно меня выслушать?

Иванов. Выслушиваю я вас каждый день и до сих пор никак не могу понять: что соб-

ственно вам от меня угодно?

Львов. Говорю я ясно и определенно, и не может меня понять только тот, у кого нет сердца...

Иванов. Что у меня жена при смерти — я знаю; что я непоправимо виноват перед нею — я тоже знаю; что вы честный, прямой человек — тоже знаю! Что же вам нужно еще?

Львов. Меня возмущает человеческая жестокость... Умирает женщина. У нее есть отец и мать, которых она любит и хотела бы видеть перед смертью; те знают отлично, что она скоро умрет и что все еще любит их, но, проклятая жестокость, они точно хотят удивить Иегову своим религиозным закалом: всё еще проклинаят ее! Вы, человек, которому она пожертвовала всем — и верой, и родным гнездом, и покоем совести, вы откровеннейшим образом и с самыми откровенными целями каждый день катаетесь к этим Лебедевым!

Иванов. Ах, я там уже две недели не был...

Львов *(не слушая его)*. С такими людьми, как вы, надо говорить прямо, без обиняков, и

если вам не угодно слушать меня, то не слушайте! Я привык называть вещи настоящим их именем... Вам нужна эта смерть для новых подвигов; пусть так, но неужели вы не могли бы подождать? Если бы вы дали ей умереть естественным порядком, не долбили бы ее своим откровенным цинизмом, то неужели бы от вас ушла Лебедева со своим приданым? Не теперь, так через год, через два, вы, чудный Тартюф, успели бы вскружить голову девочке и завладеть ее приданым так же, как и теперь... К чему же вы торопитесь? Почему вам нужно, чтобы ваша жена умерла теперь, а не через месяц, через год?..

Иванов. Мучение... Доктор, вы слишком плохой врач, если предполагаете, что человек может сдерживать себя до бесконечности. Мне страшных усилий стоит не отвечать вам на ваши оскорбления.

Львов. Полноте, кого вы хотите одурачить? Сбросьте маску.

Иванов. Умный человек, подумайте: по-вашему, нет ничего легче, как понять меня! Да? Я женился на Анне, чтобы получить большое приданое... Приданого мне не дали, я промах-

нулся и теперь сживаю ее со света, чтобы жениться на другой и взять приданое... Да? Как просто и несложно... Человек такая простая и немудреная машина... Нет, доктор, в каждом из нас слишком много колес, винтов и клапанов, чтобы мы могли судить друг о друге по первому впечатлению или по двум-трем внешним признакам. Я не понимаю вас, вы меня не понимаете, и сами мы себя не понимаем. Можно быть прекрасным врачом — и в то же время совсем не знать людей. Не будьте же самоуверенны и согласитесь с этим.

Львов. Да неужели же вы думаете, что вы так непрозрачны и у меня так мало мозга, что я не могу отличить подлости от честности?

Иванов. Очевидно, мы с вами никогда не споемся... В последний раз я спрашиваю и отвечайте, пожалуйста, без предисловий: что собственно вам нужно от меня? Чего вы добиваетесь? *(Раздраженно.)* И с кем я имею честь говорить: с моим прокурором или с врачом моей жены?

Львов. Я врач и, как врач, требую, чтобы вы изменили ваше поведение... Оно убивает Анну Петровну!

Иванов. Но что же мне делать? Что? Если вы меня понимаете лучше, чем я сам себя понимаю, то говорите определенно: что мне делать?

Львов. По крайней мере, действовать не так откровенно.

Иванов. А, боже мой! Неужели вы себя понимаете? (*Пьет воду.*) Оставьте меня. Я тысячу раз виноват, отвечу перед богом, а вас никто не уполномочивал ежедневно пытаться меня...

Львов. А кто вас уполномочивал оскорблять во мне мою правду? Вы измучили и отравили мою душу. Пока я не попал в этот уезд, я допускал существование людей глупых, сумасшедших, увлекающихся, но никогда я не верил, что есть люди преступные осмысленно, сознательно направляющие свою волю в сторону зла... Я уважал и любил людей, но, когда увидел вас...

Иванов. Я уже слышал об этом!

Львов. Слышали? (*Увидев входящую Сашу: она в амазонке.*) Теперь уж, надеюсь, мы отлично понимаем друг друга! (*Пожимает плечами и уходит.*)

Иванов и Саша.

Иванов (*испуганно*). Шура, это ты?

Саша. Да, я. Здравствуй. Не ожидал? Отчего ты так долго не был у нас?

Иванов. Шура, ради бога, это неосторожно! Твой приезд может страшно подействовать на жену.

Саша. Она меня не увидит. Я прошла черным ходом. Сейчас уеду. Я беспокоюсь: ты здоров? Отчего не приезжал так долго?

Иванов. Жена и без того уж оскорблена, почти умирает, а ты приезжаешь сюда. Шура, Шура, это легкомысленно и бесчеловечно!

Саша. Что же мне было делать? Ты две недели не был у нас, не отвечал на письма. Я измучилась. Мне казалось, что ты тут невыносимо страдаешь, болен, умер. Ни одной ночи я не спала покойно. Сейчас уеду... По крайней мере, скажи: ты здоров?

Иванов. Нет, замучил я себя, люди мучают меня без конца... Просто сил моих нет! А тут еще ты! Как это нездорово, как ненормально! Шура, как я виноват, как виноват!..

Саша. Как ты любишь говорить страшные

и жалкие слова! Виноват ты? Да? Виноват? Ну, так говори же: в чем?

Иванов. Не знаю, не знаю...

Саша. Это не ответ. Каждый грешник должен знать, в чем он грешен. Фальшивые бумажки делал, что ли?

Иванов. Неостроумно!

Саша. Виноват, что разлюбил жену? Может быть, но человек не хозяин своим чувствам, ты не хотел разлюбить. Виноват ты, что она видела, как я объяснялась тебе в любви? Нет, ты не хотел, чтобы она видела...

Иванов (*перебивая*). И так далее, и так далее... Полюбил, разлюбил, не хозяин своим чувствам — все это общие места, избитые фразы, которыми не поможешь...

Саша. Утомительно с тобою говорить. (*Смотрит на картину.*) Как хорошо собака нарисована! Это с натуры?

Иванов. С натуры. И весь этот наш роман — общее, избитое место: он пал духом и потерял почву. Явилась она, бодрая духом, сильная, и подала ему руку помощи. Это красиво и похоже на правду только в романах, а в жизни...

Саша. И в жизни то же самое.

Иванов. Вижу, тонко ты понимаешь жизнь! Мое нытье внушает тебе благоговейный страх, ты воображаешь, что обрела во мне второго Гамлета, а, по-моему, эта моя психопатия, со всеми ее аксессуарами, может служить хорошим материалом только для смеха и больше ничего! Надо бы хохотать до упаду над моим кривляньем, а ты — караул! Спасать, совершать подвиг! Ах, как я зол сегодня на себя! Чувствую, что сегодняшнее мое напряжение разрешится чем-нибудь... Или я сломаю что-нибудь, или...

Саша. Вот, вот, это именно и нужно. Сломай что-нибудь, разбей или закричи. Ты на меня сердит, я сделала глупость, что решилась приехать сюда. Ну, так возмутись, закричи на меня, затопай ногами. Ну? Начинай сердиться...

Пауза.

Ну?

Иванов. Смешная.

Саша. Отлично! Мы, кажется, улыбаемся! Будьте добры, соблаговолите еще раз улыбнуться!

Иванов (*смеется*). Я заметил: когда ты начинаешь спасать меня и учить уму-разуму, то у тебя делается лицо наивное-пренаивное, а зрачки большие, точно ты на комету смотришь. Постой, у тебя плечо в пыли. (*Смахивает с ее плеча пыль.*) Наивный мужчина — это дурак. Вы же, женщины, умудряетесь наивничать так, что это у вас выходит и мило, и здорово, и тепло, и не так глупо, как кажется. Только что у вас у всех за манера? Пока мужчина здоров, силен и весел, вы не обращаете на него никакого внимания, но как только он покати́л вниз по наклонной плоскости и стал Лазаря петь, вы вешаетесь ему на шею. Разве быть женой сильного и храброго человека хуже, чем быть сиделкой у какого-нибудь слезоточивого неудачника?

Саша. Хуже!

Иванов. Почему же? (*Хохочет.*) Не знает об этом Дарвин, а то бы он задал вам на орехи! Вы портите человеческую породу. По вашей милости на свете скоро будут рождаться одни только нытики и психопаты.

Саша. Мужчины многого не понимают. Всякой девушке скорее понравится неудач-

ник, чем счастливец, потому что каждую со-
блазняет любовь деятельная... Понимаешь?
Деятельная. Мужчины заняты делом, и пото-
му у них любовь на третьем плане. погово-
рить с женой, погулять с нею по саду, прият-
но провести время, на ее могилке попла-
кать — вот и все. А у нас любовь — это жизнь.
Я люблю тебя, это значит, что я мечтаю, как я
излечу тебя от тоски, как пойду с тобою на
край света... Ты на гору, и я на гору; ты в яму,
и я в яму. Для меня, например, было бы боль-
шим счастьем всю ночь бумаги твои перепи-
сывать, или всю ночь сторожить, чтобы тебя
не разбудил кто-нибудь, или идти с тобою
пешком верст сто. Помню, года три назад, ты
раз, во время молотьбы, пришел к нам весь в
пыли, загорелый, измученный и попросил
пить. Принесла я тебе стакан, а ты уж ле-
жишь на диване и спишь как убитый. Спал
ты у нас полсуток, а я все время стояла за двер-
рю и сторожила, чтобы кто не вошел. И так
мне было хорошо! Чем больше труда, тем лю-
бовь лучше, то есть она, понимаешь ли, силь-
ней чувствуется.

Иванов. Деятельная любовь... Гм... Порча

это, девическая философия, или, может, так оно и должно быть... *(Пожимает плечами.)* Черт его знает! *(Весело.)* Шура, честное слово, я порядочный человек!.. Ты посуди: я всегда любил философствовать, но никогда в жизни я не говорил: «наши женщины испорчены» или: «женщина вступила на ложную дорогу». Ей-богу, я был только благодарен и больше ничего! Больше ничего! Девочка моя, хорошая, какая ты забавная! А я-то, какой смешной болван! Православный народ смущаю, по целым дням Лазаря пою. *(Смеется.)* Бу-у! бу-у! *(Быстро уходит.)* Но уходи, Саша! Мы забылись...

Саша. Да, пора уходить. Прощай! Боюсь, как бы твой честный доктор из чувства долга не донес Анне Петровне, что я здесь. Слушай меня: ступай сейчас к жене и сиди, сиди, сиди... Год понадобится сидеть — год сиди. Десять лет — сиди десять лет. Исполняй свой долг. И горюй, и прощенья у нее проси, и плачь — все это так и надо. А главное, не забывай дела.

Иванов. Опять у меня такое чувство, как будто я мухомору объелся. Опять!

Саша. Ну, храни тебя создатель! Обо мне можешь совсем не думать! Недели через две черкнешь строчку — и на том спасибо. А я тебе буду писать...

Боркин *выглядывает в дверь.*

VIII

Те же и Боркин.

Боркин. Николай Алексеевич, можно? (*Увидев Сашу.*) Виноват, я и не вижу... (*Входит.*) Бонжур! (*Раскланивается.*)

Саша (*смущенно*). Здравствуйте...

Боркин. Вы пополнили, похорошели.

Саша (*Иванову*). Так я ухожу, Николай Алексеевич... Я ухожу. (*Уходит.*)

Боркин. Чудное видение! Шел за прозой, а наткнулся на поэзию... (*Поет.*) «Явилась ты, как пташка к свету...»

Иванов взволнованно ходит по сцене.

(*Садится.*) А в ней, Nicolas, есть что-то такое, этакое, чего нет в других. Не правда ли? Что-то особенное... фантасмагорическое... (*Вздыхает.*) В сущности, самая богатая невеста во всем уезде, но маменька такая редька, что никто не захочет связываться. После ее смерти все останется Шурочке, а до смерти

даст тысяч десять, плойку и утюг, да еще велит в ножки поклониться. *(Роется в карманах.)* Покурить де-лос-махорос. Не хотите ли? *(Протягивает портсигар.)* Хорошие... Курить можно.

Иванов *(подходит к Боркину, задыхаясь от гнева)*. Сию же минуту чтоб ноги вашей не было у меня в доме! Сию же минуту!

Боркин приподнимается и роняет сигару.

Вон сию же минуту!

Боркин. Nicolas, что это значит? За что вы сердитесь?

Иванов. За что? А откуда у вас эти сигары? И вы думаете, что я не знаю, куда и зачем вы каждый день возите старика?

Боркин *(пожимает плечами)*. Да вам-то что за надобность?

Иванов. Негодяй вы этакий! Ваши подлые проекты, которыми вы сыплете по всему уезду, сделали меня в глазах людей бесчестным человеком! У нас нет ничего общего, и я прошу вас сию же минуту оставить мой дом! *(Быстро ходит.)*

Боркин. Я знаю, все это вы говорите в раздражении, а потому не сержусь на вас.

Оскорбляйте сколько хотите... (*Поднимает сигару.*) А меланхолию пора бросить. Вы не гимназист...

Иванов. Я вам что сказал? (*Дрожь.*) Вы играете мною?

Входит Анна Петровна.

IX

Т*е же и Анна Петровна.*

Боркин. Ну, вот, Анна Петровна пришла... Я уйду. (*Уходит.*)

Иванов останавливается возле стола и стоит, поникнув головой.

Анна Петровна (*после паузы*). Зачем она сейчас сюда приезжала?

Пауза.

Я тебя спрашиваю: зачем она сюда приезжала?

Иванов. Не спрашивай, Анюта...

Пауза.

Я глубоко виноват. Придумывай какое хочешь наказание, я все снесу, но... не спрашивай... Говорить я не в силах.

Анна Петровна (*сердито*). Зачем она здесь была?

Пауза.

А, так вот ты какой! Теперь я тебя понимаю. Наконец-то я вижу, что ты за человек. Бесчестный, низкий... Помнишь, ты пришел и солгал мне, что ты меня любишь... Я поверила и оставила отца, мать, веру и пошла за тобою... Ты лгал мне о правде, о добре, о своих честных планах, я верила каждому слову...

Иванов. Анята, я никогда не лгал тебе...

Анна Петровна. Жила я с тобою пять лет, томилась и болела от мысли, что изменила своей вере, но любила тебя и не оставляла ни на одну минуту... Ты был моим кумиром... И что же? Все это время ты обманывал меня самым наглым образом...

Иванов. Анята, не говори неправды. Я ошибался, да, но не солгал ни разу в жизни... В этом ты не смеешь попрекнуть меня...

Анна Петровна. Теперь все понятно... Женился ты на мне и думал, что отец и мать простят меня, дадут мне денег... Ты это думал...

Иванов. О, боже мой! Анята, испытывать так терпение... *(Плачет.)*

Анна Петровна. Молчи! Когда увидел, что денег нет, повел новую игру... Теперь я все

помню и понимаю. *(Плачет.)* Ты никогда не любил меня и не был мне верен... Никогда!..

Иванов. Сарра, это ложь!.. Говори, что хочешь, но не оскорбляй меня ложью...

Анна Петровна. Бесчестный, низкий человек... Ты должен Лебедеву, и теперь, чтобы увильнуть от долга, хочешь вскружить голову его дочери, обмануть ее так же, как меня. Разве неправда?

Иванов *(задыхаясь)*. За молчи, ради бога! Я за себя не ручаюсь... Меня душит гнев, и я... я могу оскорбить тебя...

Анна Петровна. Всегда ты нагло обманывал, и не меня одну... Все бесчестные поступки сваливал ты на Боркина, но теперь я знаю — чьи они...

Иванов. Сарра, замолчи, уйди, а то у меня с языка сорвется слово! Меня так и подмывает сказать тебе что-нибудь ужасное, оскорбительное... *(Кричит.)* За молчи, жидовка!..

Анна Петровна. Не замолчу... Слишком долго ты обманывал меня, чтобы я могла молчать...

Иванов. Так ты не замолчишь? *(Борется с собою.)* Ради бога...

Анна Петровна. Теперь иди и обманывай Лебедеву...

Иванов. Так знай же, что ты... скоро умрешь... Мне доктор сказал, что ты скоро умрешь...

Анна Петровна (*садится, упавшим голосом*). Когда он сказал?

Пауза.

Иванов (*хватая себя за голову*). Как я виноват! Боже, как я виноват! (*Рыдает.*)

Занавес

Между третьим и четвертым действиями проходит около года.

Действие четвертое

Одна из гостиных в доме Лебедева. Впереди арка, отделяющая гостиную от зала, направо и налево — двери. Старинная бронза, фамильные портреты. Праздничное убранство. Пианино, на нем скрипка, возле стоит виолончель. — В продолжение всего действия по залу ходят гости, одетые по-бальному.

1

Львов.

Львов (*входит, смотрит на часы*). Пятый час. Должно быть, сейчас начнется благо-

словение... Благословят и повезут венчать. Вот оно, торжество добродетели и правды! Сарру не удалось ограбить, замучил ее и в гроб уложил, теперь нашел другую. Будет и перед этою лицемерить, пока не ограбит ее и, ограбивши, не уложит туда же, где лежит бедная Сарра. Старая, кулачская история...

Пауза.

На седьмом небе от счастья, прекрасно проживет до глубокой старости, а умрет со спокойною совестью. Нет, я выведу тебя на чистую воду! Когда я сорву с тебя проклятую маску и когда все узнают, что ты за птица, ты полетишь у меня с седьмого неба вниз головой в такую яму, из которой не вытащит тебя сама нечистая сила! Я честный человек, мое дело вступить и открыть глаза слепым. Исполню свой долг и завтра же вон из этого проклятого уезда! *(Задумывается.)* Но что сделать? Объясняться с Лебедевыми — напрасный труд. Вызвать на дуэль? Затеять скандал? Боже мой, я волнуюсь, как мальчишка, и совсем потерял способность соображать. Что делать? Дуэль?

Львов и Косых.

Косых (*входит, радостно Львову*). Вчера объявил маленький шлем на трефах, а взял большой. Только опять этот Барабанов мне всю музыку испортил! Играем. Я говорю: без козырей. Он пас. Два трефы. Он пас. Я два бубны... три трефы... и представьте, можете себе представить: я объявляю шлем, а он не показывает туза. Покажи он, мерзавец, туза, я объявил бы большой шлем на без-козырях...

Львов. Простите, я в карты не играю и потому не сумею разделить вашего восторга. Скоро благословение?

Косых. Должно, скоро. Зюзюшку в чувство приводят. Белугой ревет, приданого жалко.

Львов. А не дочери?

Косых. Приданого. Да и обидно. Женится, значит, долга не заплатит. Зятевы векселя не протестуешь.

III

Те же и Бабакина.

Бабакина (*разодетая, важно проходит через сцену мимо Львова и Косых; последний прыскает в кулак; она оглядывается*). Глупо!

Косых касается пальцем ее талии и хохочет.

чет.

Мужик! (*Уходит.*)

КОСЫХ (*хохочет*). Совсем спятила баба! Пока в сиятельство не лезла — была баба как баба, а теперь приступу нет. (*Дразнит.*) Мужик!

ЛЬВОВ (*волнуясь*). Слушайте, скажите мне искренно: какого вы мнения об Иванове?

КОСЫХ. Ничего не стоит. Играет как сапожник. В прошлом году, в посту, был такой случай. Садимся мы играть: я, граф, Боркин и он. Я сдаю...

ЛЬВОВ (*перебивая*). Хороший он человек?

КОСЫХ. Он-то? Жох-мужчина! Пройда, сквозь огонь и воду прошел. Он и граф — пятак пара. Нюхом чуют, где что плохо лежит. На жидовке нарвался, съел гриб, а теперь к Зюзюшкиным сундукам подбирается. Об заклад бьюсь, будь я трижды анафема, если через год он Зюзюшку по миру не пустит. Он — Зюзюшку, а граф — Бабакину. Заберут денежки и будут жить-поживать да добра наживать. Доктор, что это вы сегодня такой бледный? На вас лица нет.

ЛЬВОВ. Ничего, это так. Вчера лишнее выпил.

IV

Те же, Лебедев и Саша.

Лебедев (входя с Сашей). Здесь поговорим. (Львову и Косых.) Ступайте, зулусы, в залу к барышням. Нам по секрету поговорить нужно.

Косых (проходя мимо Саши, восторженно щелкает пальцами). Картина! Козырная дама!

Лебедев. Проходи, пещерный человек, проходи!

Львов и Косых уходят.

Садись, Шурочка, вот так... (Садится и оглядывается.) Слушай внимательно и с должным благоговением. Дело вот в чем: твоя мать приказала мне передать тебе следующее... Понимаешь? Я не от себя буду говорить, а мать приказала.

Саша. Папа, покороче!

Лебедев. Тебе в приданое назначается пятнадцать тысяч рублей серебром. Вот... Смотри, чтоб потом разговоров не было! Постой, молчи! Это только цветки, а будут еще ягодки. Приданого тебе назначено пятнадцать тысяч, но, принимая во внимание, что Николай

Алексеевич должен твоей матери девять тысяч, из твоего приданого делается вычитание... Ну-с, а потом, кроме того...

Саша. Для чего ты мне это говоришь?

Лебедев. Мать приказала!

Саша. Оставьте меня в покое! Если бы ты хотя немного уважал меня и себя, то не позволил бы себе говорить со мною таким образом. Не нужно мне вашего приданого! Я не просила и не прошу!

Лебедев. За что же ты на меня набросилась? У Гоголя две крысы сначала понюхали, а потом уж ушли, а ты, эмансипе, не понюхавши, набросилась.

Саша. Оставьте вы меня в покое, не оскорбляйте моего слуха вашими грошовыми расчетами.

Лебедев (*вспылив*). Тьфу! Все вы то сделаете, что я себя ножом пырну или человека зарежу! Та день-деньской рёвма-ревет, зудит, пилит, копейки считает, а эта, умная, гуманная, черт подери, эмансипированная, не может понять родного отца! Я оскорбляю слух! Да ведь прежде чем прийти сюда оскорблять твой слух, меня там (*указывает на дверь*) на

куски резали, четвертовали. Не может она понять! Голову вскружили и с толку сбили... ну вас! *(Идет к двери и останавливается.)* Не нравится мне, всё мне в вас не нравится!

Саша. Что тебе не нравится?

Лебедев. Всё мне не нравится! Всё!

Саша. Что всё?

Лебедев. Так вот я рассядусь перед тобою и стану рассказывать. Ничего мне не нравится, а на свадьбу твою я и смотреть не хочу! *(Подходит к Саше и ласково.)* Ты меня извини, Шуручка, может быть, твоя свадьба умная, честная, возвышенная, с принципами, но что-то в ней не то, не то! Не походит она на другие свадьбы. Ты — молодая, свежая, чистая, как стеклышко, красивая, а он — вдовец, истрепался, обносился. И не понимаю я его, бог с ним. *(Целует дочь.)* Шуручка, прости, но что-то не совсем чисто. Уж очень много люди говорят. Как-то так у него эта Сарра умерла, потом как-то вдруг почему-то на тебе жениться захотел... *(Живо.)* Впрочем, я баба, баба. Обабился, как старый кринолин. Не слушай меня. Никого, себя только слушай.

Саша. Папа, я и сама чувствую, что не то...

Не то, не то, не то. Если бы ты знал, как мне тяжело! Невыносимо! Мне неловко и страшно сознаваться в этом. Папа, голубчик, ты меня подбодри, ради бога... научи, что делать.

Лебедев. Что такое? Что?

Саша. Так страшно, как никогда не было! *(Оглядывается.)* Мне кажется, что я его не понимаю и никогда не пойму. За все время, пока я его невеста, он ни разу не улыбнулся, ни разу не взглянул мне прямо в глаза. Вечно жалобы, раскаяние в чем-то, намеки на какую-то вину, дрожь... Я утомилась. Бывают даже минуты, когда мне кажется, что я... я его люблю не так сильно, как нужно. А когда он приезжает к нам или говорит со мною, мне становится скучно. Что это все значит, папочка? Страшно!

Лебедев. Голубушка моя, дитя мое единственное, послушай старого отца. Откажи ему!

Саша *(испуганно)*. Что ты, что ты!

Лебедев. Право, Шурочка. Скандал будет, весь уезд языками затрезвонит, но ведь лучше пережить скандал, чем губить себя на всю жизнь.

Саша. Не говори, не говори, папа! И слушать не хочу. Надо бороться с мрачными мыслями. Он хороший, несчастный, непонятый человек; я буду его любить, пойму, поставлю его на ноги. Я исполню свою задачу. Решено!

Лебедев. Не задача это, а психопатия.

Саша. Довольно. Я покаялась тебе, в чем не хотела сознаться даже самой себе. Никому не говори. Забудем.

Лебедев. Ничего я не понимаю. Или я отупел от старости, или все вы очень уж умны стали, а только я, хоть зарежьте, ничего не понимаю.

V

Те же и Шабельский.

Шабельский (входя). Черт бы побрал всех и меня в том числе! Возмутительно!

Лебедев. Тебе что?

Шабельский. Нет, серьезно, нужно во что бы то ни стало устроить себе какую-нибудь гнусность, подлость, чтоб не только мне, но и всем противно стало. И я устрою. Честное слово! Я уж сказал Боркину, чтобы он объявил меня сегодня женихом. (Смеется.) Все подлы,

и я буду подл.

Лебедев. Надоел ты мне! Слушай, Матвей, договоришься ты до того, что тебя, извини за выражение, в желтый дом свезут.

Шабельский. А чем желтый дом хуже любого белого или красного дома? Сделай милость, хоть сейчас меня туда вези. Сделай милость. Все подленькие, маленькие, ничтожные, бездарные, сам я гадок себе, не верю ни одному своему слову...

Лебедев. Знаешь что, брат? Возьми в рот паклю, зажги и дыши на людей. Или еще лучше: возьми свою шапку и поезжай домой. Тут свадьба, все веселятся, а ты — кра-кра, как ворона. Да, право...

Шабельский склоняется к пианино и рыдает.

Батюшки!.. Матвей!.. граф!.. Что с тобою! Матюша, родной мой... ангел мой... Я обидел тебя? Ну, прости меня, старую собаку... Прости пьяницу... Воды выпей...

Шабельский. Не нужно. *(Поднимает голову.)*

Лебедев. Чего ты плачешь?

Шабельский. Ничего, так...

Лебедев. Нет, Матюша, не лги... отчего? Что за причина?

Шабельский. Взглянул я сейчас на эту виолончель и... и жидовочку вспомнил...

Лебедев. Эва, когда нашел вспоминать! Царство ей небесное, вечный покой, а вспоминать не время...

Шабельский. Мы с нею дуэты играли... Чудная, превосходная женщина!

Саша рыдает.

Лебедев. Ты еще что? Будет тебе! Господи, ревут оба, а я... я... Хоть уйдите отсюда, гости увидят!

Шабельский. Паша, когда солнце светит, то и на кладбище весело. Когда есть надежда, то и в старости хорошо. А у меня ни одной надежды, ни одной!

Лебедев. Да, действительно тебе плоховато... Ни детей у тебя, ни денег, ни занятий... Ну, да что делать! *(Саше.)* А ты-то чего?

Шабельский. Паша, дай мне денег. На том свете мы поквитаемся. Я съезжу в Париж, погляжу на могилу жены. В своей жизни я много давал, роздал половину своего состояния, а потому имею право просить. К тому же про-

шу я у друга...

Лебедев (*растерянно*). Голубчик, у меня ни копейки! Впрочем, хорошо, хорошо! То есть я не обещаю, а понимаешь ли... отлично, отлично! (*В сторону.*) Замучили!

VI

Те же, Бабакина и потом Зинаида Саввишна.

Бабакина (*входит*). Где же мой кавалер? Граф, как вы смеете оставлять меня одну? У, противный! (*Бьет графа веером по руке.*)

Шабельский (*брезгливо*). Оставьте меня в покое! Я вас ненавижу!

Бабакина (*оторопело*). Что?.. А?..

Шабельский. Отойдите прочь!

Бабакина (*падает в кресло*). Ах! (*Плачет.*)

Зинаида Саввишна (*входит, плача*). Там кто-то приехал... Кажется, женихов шафер. Благословлять время... (*Рыдает.*)

Саша (*умоляюще*). Мама!

Лебедев. Ну, все заревели! Квартет! Да будет вам сырость разводите! Матвей!.. Марфа Егоровна!.. Ведь этак и я... я заплачу... (*Плачет.*) Господи!

Зинаида Саввишна. Если тебе мать не

нужна, если без послушания... то сделаю тебе такое удовольствие, благословлю...

Входит Иванов; он во фраке и перчатках.

VII

Те же и Иванов.

Лебедев. Этого еще не доставало! Что такое?

Саша. Зачем ты?

Иванов. Виноват, господа, позвольте мне поговорить с Сашей наедине.

Лебедев. Это непорядок, чтоб до венца к невесте приезжать! Тебе пора ехать в церковь!

Иванов. Паша, я прошу...

Лебедев пожимает плечами; он, Зинаида Саввишна, граф и Бабакина уходят.

VIII

Иванов и Саша.

Саша (сурово). Что тебе нужно?

Иванов. Меня душит злоба, но я могу говорить хладнокровно. Слушай. Сейчас я одевался к венцу, взглянул на себя в зеркало, а у меня на висках... седины. Шура, не надо! Пока еще не поздно, нужно прекратить эту бессмысленную комедию... Ты молода, чиста, у

тебя впереди жизнь, а я...

Саша. Все это не ново, слышала я уже тысячу раз и мне надоело! Поезжай в церковь, не задерживай людей.

Иванов. Я сейчас уеду домой, а ты объяви своим, что свадьбы не будет. Объясни им как-нибудь. Пора взяться за ум. Поиграл я Гамлета, а ты возвышенную девицу — и будет с нас.

Саша (вспыхнув). Это что за тон? Я не слушаю.

Иванов. А я говорю и буду говорить.

Саша. Ты зачем приехал! Твое нытье переходит в издевательство.

Иванов. Нет, уж я не ною! Издевательство? Да, я издеваюсь. И если бы можно было издеваться над самим собою в тысячу раз сильнее и заставить хохотать весь свет, то я бы это сделал! Взглянул я на себя в зеркало — и в моей совести точно ядро лопнуло! Я надсмехался над собою и от стыда едва не сошел с ума. *(Смеется.)* Меланхолия! Благодарная тоска! Безотчетная скорбь! Недостает еще, чтобы я стихи писал. Ныть, петь Лазаря, нагонять тоску на людей, сознавать, что энергия жизни утрачена навсегда, что я заржавел, отжил

свое, что я поддался слабодушию и по уши увяз в этой гнусной меланхолии, — сознавать это, когда солнце ярко светит, когда даже муравей тащит свою ношу и доволен собою, — нет, слуга покорный! Видеть, как одни считают тебя за шарлатана, другие сожалеют, третьи протягивают руку помощи, четвертые, — что всего хуже, — с благоговением прислушиваются к твоим вздохам, глядят на тебя, как на второго Магомета, и ждут, что вот-вот ты объявишь им новую религию... Нет, слава богу, у меня еще есть гордость и совесть! Ехал я сюда, смеялся над собою, и мне казалось, что надо мною смеются птицы, смеются деревья...

Саша. Это не злость, а сумасшествие!

Иванов. Ты думаешь? Нет, я не сумасшедший. Теперь я вижу вещи в настоящем свете, и моя мысль так же чиста, как твоя совесть. Мы любим друг друга, но свадьбе нашей не быть! Я сам могу беситься и киснуть сколько мне угодно, но я не имею права губить других! Своим нытьем я отравил жене последний год ее жизни. Пока ты моя невеста, ты разучилась смеяться и постарела на пять лет. Твой отец, для которого было все ясно в жиз-

ни, по моей милости перестал понимать людей. Еду ли я на съезд, в гости, на охоту, куда ни пойду, всюду вношу с собою скуку, уныние, недовольство. Постой, не перебивай! Я резок, свиреп, но, прости, злоба душит меня, и иначе говорить я не могу. Никогда я не лгал, не клеветал на жизнь, но, ставши брюзгой, я, против воли, сам того не замечая, клевету на нее, ропщу на судьбу, жалуюсь, и всякий, слушая меня, заражается отвращением к жизни и тоже начинает клеветать. А какой тон! Точно я делаю одолжение природе, что живу. Да черт меня возьми!

Саша. Постой... Из того, что ты сейчас сказал, следует, что нытье тебе надоело и что пора начать новую жизнь!.. И отлично!..

Иванов. Ничего я отличного не вижу. И какая там новая жизнь? Я погиб безвозвратно! Пора нам обоим понять это. Новая жизнь!

Саша. Николай, опомнись! Откуда видно, что ты погиб? Что за цинизм такой? Нет, не хочу ни говорить, ни слушать... Поезжай в церковь!

Иванов. Погиб!

Саша. Не кричи так, гости услышат!

Иванов. Если неглупый, образованный и здоровый человек без всякой видимой причины стал петь Лазаря и покатил вниз по наклонной плоскости, то он катит уже без удержки, и нет ему спасения! Ну, где мое спасение? В чем? Пить я не могу — голова болит от вина; плохих стихов писать — не умею, молиться на свою душевную лень и видеть в ней нечто превыспреннее — не могу. Лень и есть лень, слабость есть слабость — других названий у меня нет. Погиб, погиб — и разговоров быть не может! *(Оглядывается.)* Нам могут помешать. Слушай. Если ты меня любишь, то помоги мне. Сию же минуту, немедленно откажись от меня! Скорее...

Саша. Ах, Николай, если бы ты знал, как ты меня утомил! Как измучил ты мою душу! Добрый, умный человек, посуди: ну, можно ли задавать такие задачи? Что ни день, то задача, одна труднее другой... Хотела я деятельной любви, но ведь это мученическая любовь!

Иванов. А когда ты станешь моею женой, задачи будут еще сложнее. Откажись же! Пойми: в тебе говорит не любовь, а упрямство честной натуры. Ты задалась целью во что бы

то ни стало воскресить во мне человека, спасти, тебе льстило, что ты совершаешь подвиг... Теперь ты готова отступить назад, но тебе мешает ложное чувство. Пойми!

Саша. Какая у тебя странная, дикая логика! Ну, могу ли я от тебя отказаться? Как я откажусь? У тебя ни матери, ни сестры, ни друзей... Ты разорен, имение твое растащили, на тебя кругом клеветают...

Иванов. Глупо я сделал, что сюда приехал. Мне нужно было бы поступить так, как я хотел...

Входит Лебедев.

IX

Те же и Лебедев.

Саша (*бежит навстречу отцу*). Папа, ради бога, прибежал он сюда, как бешеный, и мучает меня! Требуется, чтобы я отказалась от него, не хочет губить меня. Скажи ему, что я не хочу его великодушия! Я знаю, что делаю.

Лебедев. Ничего не понимаю... Какое великодушие?

Иванов. Свадьбы не будет!

Саша. Будет! Папа, скажи ему, что свадьба будет!

Лебедев. Постой, постой!.. Почему же ты не хочешь, чтобы была свадьба?

Иванов. Я объяснил ей почему, но она не хочет понимать.

Лебедев. Нет, ты не ей, а мне объясни, да так объясни, чтобы я понял! Ах, Николай Алексеевич! Бог тебе судья! Столько ты напустил туману в нашу жизнь, что я точно в кунсткамере живу: гляжу и ничего не понимаю... Просто наказание... Ну, что мне прикажешь, старику, с тобою делать? На дуэль тебя вызвать, что ли?

Иванов. Никакой дуэли не нужно. Нужно иметь только голову на плечах и понимать русский язык.

Саша (*ходит в волнении по сцене*). Это ужасно, ужасно! Просто как ребенок!

Лебедев. Остается только руками развести и больше ничего. Послушай, Николай! По-твоему, все это у тебя умно, тонко, по всем правилам психологии, по-моему, это скандал и несчастье. Выслушай меня, старика, в последний раз! Вот что я тебе скажу: успокой свой ум! Гляди на вещи просто, как все глядят! На этом свете все просто. Потолок белый, сапоги

черные, сахар сладкий. Ты Сашу любишь, она тебя любит. Коли любишь — оставайся, не любишь — уходи, в претензии не будем. Ведь это так просто! Оба вы здоровые, умные, нравственные, и сыты, слава богу, и одеты... Что ж тебе еще нужно? Денег нет? Велика важность! Не в деньгах счастье... Конечно, я понимаю... имение у тебя заложено, процентов нечем платить, но я — отец, я понимаю... Мать как хочет, бог с ней; не дает денег — не нужно. Шурка говорит, что не нуждается в приданом. Принципы, Шопенгауэр... Все это чепуха... Есть у меня в банке заветные десять тысяч... *(Оглядывается.)* Про них в доме ни одна собака не знает... Бабушкины... Это вам обоим... Берите, только уговор лучше денег: Матвею дайте тысячи две...

В зале собираются гости.

Иванов. Паша, разговоры ни к чему. Я поступаю так, как велит мне моя совесть.

Саша. И я поступаю так, как велит мне моя совесть. Можешь говорить что угодно, я тебя не отпущу. Папа, сейчас благословлять! Пойду позову маму... *(Уходит.)*

Иванов и Лебедев.

Лебедев. Ничего не понимаю...

Иванов. Слушай, бедняга... Объяснить тебе, кто я — честен или подл, здоров или психопат, я не стану. Тебе не втолкуешь. Был я молодым, горячим, искренним, неглупым; любил, ненавидел и верил не так, как все, работал и надеялся за десятерых, сражался с мельницами, бился лбом об стены; не соразмерив своих сил, не рассуждая, не зная жизни, я взвалил на себя ношу, от которой сразу захрустела спина и потянулись жилы; я спешил расходовать себя на одну только молодость, пьянел, возбуждался, работал; не знал меры. И скажи: можно ли было иначе? Ведь нас мало, а работы много, много! Боже, как много! И вот как жестоко мстит мне жизнь, с которою я боролся! Надорвался я! В тридцать лет уже похмелье, я стар, я уже надел халат. С тяжелой головой, с ленивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу? И мне уже кажется, что любовь — вздор, ласки приторны, что в труде нет смысла, что

песня и горячие речи пошлы и стары. И всюду я вношу с собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращение к жизни... Погиб безвозвратно! Перед тобою стоит человек, в тридцать пять лет уже утомленный, разочарованный, раздавленный своими ничтожными подвигами; он сторает со стыда, издевается над своею слабостью... О, как возмущается во мне гордость, какое душит меня бешенство! (*Пошатываясь.*) Эка, как я уходил себя! Даже шатаюсь... Ослабел я. Где Матвей? Пусть он свезет меня домой.

Голоса в зале. Женихов шафер приехал!

XI

Те же, Шабельский, Боркин и потом Львов и Саша.

Шабельский (*входя*). В чужом, поношенном фраке... без перчаток... и сколько за это насмешливых взглядов, глупых острот, пошлых улыбок... Отвратительные людишки!

Боркин (*быстро входит с букетом; он во фраке, с шаферским цветком*). Уф! Где же он? (*Иванову.*) Вас в церкви давно ждут, а вы тут философию разводите. Вот комик! Ей-богу, комик! Ведь вам надо не с невестой ехать, а от-

дельно со мною, за невестой же я приеду из церкви. Неужели вы даже этого не понимаете? Положительно комик!

ЛЬВОВ (*входит, Иванову*). А, вы здесь? (*Громко.*) Николай Алексеевич Иванов, объявляю во всеуслышание, что вы подлец!

Иванов (*холодно*). Покорнейше благодарю. *Общее замешательство.*

Боркин (*Львову*). Милостивый государь, это низко! Я вызываю вас на дуэль!

ЛЬВОВ. Господин Боркин, я считаю для себя унижительным не только драться, но даже говорить с вами! А господин Иванов может получить удовлетворение, когда ему угодно.

Шабельский. Милостивый государь, я дерусь с вами!

Саша (*Львову*). За что? За что вы его оскорбили? Господа, позвольте, пусть он мне скажет: за что?

ЛЬВОВ. Александра Павловна, я оскорблял не голословно. Я пришел сюда как честный человек, чтобы раскрыть вам глаза, и прошу вас выслушать меня.

Саша. Что вы можете сказать? Что вы честный человек? Это весь свет знает! Вы

лучше скажите мне по чистой совести: понимаете вы себя или нет! Вошли вы сейчас сюда как честный человек и нанесли ему страшное оскорбление, которое едва не убило меня; раньше, когда вы преследовали его, как тень, и мешали ему жить, вы были уверены, что исполняете свой долг, что вы честный человек. Вы вмешивались в его частную жизнь, злословили и судили его где только можно было, забрасывали меня и всех знакомых анонимными письмами, — и все время вы думали, что вы честный человек. Думая, что это честно, вы, доктор, не щадили даже его больной жены и не давали ей покоя своими подозрениями. И какое бы насилие, какую жестокую подлость вы ни сделали, вам все бы казалось, что вы необыкновенно честный и передовой человек!

Иванов (смеясь). Не свадьба, а парламент! Браво, браво!..

Саша (Львову). Вот теперь и подумайте: понимаете вы себя или нет? Тупые, бессердечные люди! (Берет Иванова за руку.) Пойдем отсюда, Николай! Отец, пойдем!

Иванов. Куда там пойдем? Постой, я сей-

час все это кончу! Проснулась во мне молодость, заговорил прежний Иванов! *(Вынимает револьвер.)*

Саша *(вскрикивает)*. Я знаю, что он хочет сделать! Николай, бога ради!

Иванов. Долго катил вниз по наклону, теперь стой! Пора и честь знать! Отойдите! Спасибо, Саша!

Саша *(кричит)*. Николай, бога ради! Удержите!

Иванов. Оставьте меня! *(Отбегает в сторону и застреливается.)*

Занавес

Трагик поневоле
(из дачной жизни)

Шутка в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Иванович Толкачов, отец семейства.
Алексей Алексеевич Мурашкин, его друг.

Действие происходит в Петербурге, в квартире Мурашкина.

Кабинет Мурашкина. Мягкая мебель. — **Мурашкин** сидит за письменным столом. **Входит Толкачов**, держа в руках стеклянный шар для лампы, игрушечный велосипед, три коробки со шляпками, большой узел с платьем, кулек с пивом и много маленьких узелков. Он бессмысленно поводит глазами и в изнеможении опускается на софу.

Мурашкин. Здравствуй, Иван Иваныч! Как я рад! Откуда ты?

Толкачов (тяжело дыша). Голубчик, милый мой... У меня к тебе просьба... Умоляю... одолжи до завтрашнего дня револьвера. Будь другом!

Мурашкин. На что тебе револьвер?

Толкачов. Нужно... Ох, батюшки!.. Дай-ка воды... Скорей воды!.. Нужно... Ночью придется ехать темным лесом, так вот я... на всякий случай. Одолжи, сделай милость!

Мурашкин. Ой, врешь, Иван Иваныч! Какой там у лешего темный лес? Вероятно, задумал что-нибудь? По лицу вижу, что задумал недоброе! Да что с тобою? Тебе дурно?

Толкачов. Постой, дай отдышаться... Ох, матушки. Замучился, как собака. Во всем теле и в башке такое ощущение, как будто из меня шашлык сделали. Не могу больше терпеть. Будь другом, ничего не спрашивай, не вдавайся в подробности... дай револьвер! Умоляю!

Мурашкин. Ну, полно! Иван Иваныч, что за малодушие? Отец семейства, статский советник! Стыдись!

Толкачов. Какой я отец семейства? Я мученик! Я вьючная скотина, негр, раб, подлец, который все еще чего-то ждет и не отправляет себя на тот свет! Я тряпка, болван, идиот! Зачем я живу? Для чего? *(Вскакивает.)* Ну, ты скажи мне, для чего я живу? К чему этот непрерывный ряд нравственных и физиче-

ских страданий? Я понимаю быть мучеником идеи, да! но быть мучеником черт знает чего, дамских юбок да ламповых шаров, нет! — слуга покорный! Нет, нет, нет! Довольно с меня! Довольно!

Мурашкин. Ты не кричи, соседям слышно!

Толкачов. Пусть и соседи слышат, для меня все равно! Не дашь ты револьвера, так другой даст, а уж мне не быть в живых! Решено!

Мурашкин. Постой, ты мне пуговицу оторвал. Говори хладнокровно. Я все-таки не понимаю, чем же плоха твоя жизнь?

Толкачов. Чем? Ты спрашиваешь: чем? Изволь, я расскажу тебе! Изволь! Выскажусь перед тобою и, может быть, на душе у меня полегчает. Сядем. Ну, слушай... Ох, матушки, одышка!.. Возьмем для примера хоть сегодняшней день. Возьмем. Как ты знаешь, от десяти часов до четырех приходится трубить в канцелярии. Жарища, духота, мухи и несоветимейший, братец ты мой, хаос. Секретарь отпуск взял. Храпов жениться поехал, канцелярская мелюзга помешалась на дачах, амурах да любительских спектаклях. Все заспанные, уморенные, испытые, так что не до-

бьешься никакого толка... Должность секретаря исправляет субъект, глухой на левое ухо и влюбленный; просители обалделые, всё куда-то спешат и торопятся, сердятся, грозят, — такой кавардак со стихиями, что хоть караул кричи. Путаница и дым коромыслом. А работа аспидская: одно и то же, одно и то же, справка, отношение, справка, отношение, — однообразно, как зыбь морская. Просто, понимаешь ли, глаза вон из-под лба лезут. Дай-ка воды... Выходишь из присутствия разбитый, измочаленный, тут бы обедать идти и спать завалиться, ан нет! — помни, что ты дачник, то есть раб, дрянь, мочалка, сосулька, и изволь, как курицын сын, сейчас же бежать исполнять поручения. На наших дачах установился милый обычай: если дачник едет в город, то, не говоря уж о его супруге, всякая дачная мразь имеет власть и право навязать ему тьму поручений. Супруга требует, чтобы я заехал к модистке и выбранил ее за то, что лиф вышел широк, а в плечах узко; Соничке нужно переменить башмаки, свояченице пунцового шелку по образчику на двадцать копеек и три аршина тесьмы... Да вот, постой, я тебе

сейчас прочту. (Вынимает из кармана записочку и читает.) Шар для лампы; 1 фунт ветчинной колбасы; гвоздики и корицы на 5 коп.; касторового масла для Миши; 10 фунтов сахарного песку; взять из дому медный таз и ступку для сахара; карболовой кислоты, персидского порошку, пудры на 10 коп.; 20 бутылок пива; уксусной эссенции и корсет для m-лле Шансо № 82... уф! и взять дома Мишино осеннее пальто и калоши. Это приказ супруги и семейства. Теперь поручения милых знакомых и соседей, черт бы их взял. У Власиных завтра именинник Володя, ему нужно велосипед купить; подполковница Вихрина в интересном положении, и по этому случаю я обязан ежедневно заезжать к акушерке и приглашать ее приехать. И так далее, и так далее. Пять записок у меня в кармане и весь платок в узелках. Этак, батенька, в промежутке между службой и поездом бегаешь по городу, как собака, высунув язык, — бегаешь, бегаешь и жизнь проклянешь. Из магазина в аптеку, из аптеки к модистке, от модистки в колбасную, а там опять в аптеку. Тут спотыкнешься, там деньги потеряешь, в третьем месте заплатить

забудешь и за тобою гонятся со скандалом, в четвертом месте даме на шлейф наступишь... тьфу! От такого моциона осатанеешь и так тебя разломает, что потом всю ночь кости трещат и крокодилы снятся. Ну-с, поручения исполнены, все куплено, теперь как прикажешь упаковать всю эту музыку? Как ты, например, уложишь вместе тяжелую медную ступку и толкач с ламповым шаром или карболку с чаем? Как ты скомбинируешь воедино пивные бутылки и этот велосипед? Египетская работа, задача для ума, ребус! Как там ни ломай голову, как ни хитри, а в конце концов все-таки что-нибудь расколотишь и рассыплешь, а на вокзале и в вагоне будешь стоять, растопыривши руки, раскорячившись и поддерживая подбородком какой-нибудь узел, весь в кулках, в картонках и в прочей дряни. А тронется поезд, публика начнет швырять во все стороны твой багаж: своими вещами ты чужие места занял. Кричат, зовут кондуктора, грозят высадить, а я-то что поделаю? Стою и глазами только лупаю, как побитый осел. Теперь слушай дальше. Приезжаю я к себе на дачу. Тут бы выпить хорошенько от трудов праведных,

поеть да храповицкого — не правда ли? — но не тут-то было. Моя супружница уж давно стережет. Едва ты похлебал супу, как она цап-царап раба божьего и — не угодно ли вам пожаловать куда-нибудь на любительский спектакль или танцевальный круг? Протестовать не моги. Ты — муж, а слово «муж» в переводе на дачный язык значит бессловесное животное, на котором можно ездить и возить клади сколько угодно, не боясь вмешательства общества покровительства животных. Идешь и тарачишь глаза на «Скандал в благородном семействе» или на какую-нибудь «Мотю», аплодируешь по приказанию супруги и чахнешь, чахнешь, чахнешь и каждую минуту ждешь, что вот-вот тебя хватит кондратий. А на кругу гляди на танцы и подыскивай для супруги кавалеров, а если недостает кавалера, то и сам изволь танцевать кадрили. Танцуешь с какой-нибудь Кривулей Ивановной, улыбаешься по-дурацки, а сам думаешь: «доколе, о господи?» Вернешься после полуночи из театра или с бала, а уж ты не человек, а дохлятина, хоть брось. Но вот наконец ты достиг цели: разоблачился и лег в постель. От-

лично, закрывай глаза и спи... Все так хорошо, поэтично: и тепло, понимаешь ли, и ребята за стеной не визжат, и супруги нет, и совесть чиста — лучше и не надо. Засыпаешь ты — и вдруг... и вдруг слышишь: дзз!.. Комары! *(Вскакивает.)* Комары, будь они трижды, анафемы, прокляты, комары! *(Потрясает кулаками.)* Комары! Это казнь египетская, инквизиция! Дзз!.. Дзюзюкает этак жалобно, печально, точно прощения просит, но так тебя, подлец, укусит, что потом целый час чешешься. Ты и куришь, и бьешь их, и с головой укрываешься — нет спасения! В конце концов плюнешь и отдашь себя на растерзание: жрите, проклятые! Не успеешь привыкнуть к комарам, как новая казнь египетская: в зале супруга начинает со своими тенорами романсы разучивать. Днем спят, а по ночам к любительским концертам готовятся. О, боже мой! Тенора — это такое мучение, что никакие комары не сравнятся. *(Поет.)* «Не говори, что молодость стубила...» «Я вновь пред тобою стою очарован...» О, по-одлые! Всю душу мою вытянули! Чтоб их хоть немножко заглушить, я на такой фокус пускаюсь: стучу себе

пальцем по виску около уха. Этак стучу часов до четырех, пока не разойдутся. Ох, дай-ка, брат, еще воды... Не могу... Ну-с, этак, не поспавши, встанешь в шесть часов и — марш на станцию к поезду. Бежишь, боишься опоздать, а тут грязь, туман, холод, брр! А приедешь в город, заводи шарманку сначала. Так-то, брат. Жизнь, доложу я тебе, преподлая, и врагу такой жизни не пожелаю. Понимаешь — заболел! Одышка, изжога, вечно чего-то боюсь, желудок не варит, в глазах мутно... Веришь ли, психопатом стал... *(Оглядывается.)* Только это между нами... Хочу сходить к Чечотту или к Мержеевскому. Находит на меня, братец, какая-то чертовщина. Этак в минуты досады и обалдения, когда комары кусают или тенора поют, вдруг в глазах помутится, вдруг вскочишь, бегаешь, как угорелый, по всему дому и кричишь: «Крови жажду! Крови!» И в самом деле, в это время хочется кого-нибудь ножом пырнуть или по голове стулом трахнуть. Вот оно, до чего дачная жизнь доводит! И никто не жалеет, не сочувствует, а как будто это так и надо. Даже смеются. Но ведь пойми, я животное, я жить хо-

чу! Тут не водевиль, а трагедия! Послушай, если не даешь револьвера, то хоть посочувствуй!

Мурашкин. Я сочувствую.

Толкачов. Вижу, как вы сочувствуете... Прощай. Поеду за кильками, за колбасой... зубного порошку еще надо, а потом на вокзал.

Мурашкин. Ты где на даче живешь?

Толкачов. На Дохлой речке.

Мурашкин (*радостно*). Неужели? Послушай, ты не знаешь ли там дачницу Ольгу Павловну Финберг?

Толкачов. Знаю. Знаком даже.

Мурашкин. Да что ты? Ведь вот какой случай! Как это кстати, как это мило с твоей стороны...

Толкачов. Что такое?

Мурашкин. Голубчик, милый, не можешь ли исполнить одну маленькую просьбу? Будь другом! Ну, дай честное слово, что исполнишь!

Толкачов. Что такое?

Мурашкин. Не в службу, а в дружбу! Умоляю, голубчик. Во-первых, поклонись Ольге Павловне и скажи, что я жив и здоров, целую

ей ручку. Во-вторых, свези ей одну вещичку. Она поручила мне купить для нее ручную швейную машину, а доставить ей некому... Свези, милый! И, кстати, заодно вот эту клетку с канарейкой... только осторожней, а то дверца сломается... Что ты на меня так глядишь?

Толкачов. Швейная машинка... канарейка с клеткой... чижики, зяблики...

Мурашкин. Иван Иванович, да что с тобой? Отчего ты побагровел?

Толкачов (*топая ногами*). Давай сюда машинку! Где клетка? Садись сам верхом! Ешь человека! Терзай! Добивай его! (*Сжимая кулаки.*) Крови жажду! Крови! Крови!

Мурашкин. Ты с ума сошел!

Толкачов (*наступая на него*). Крови жажду! Крови!

Мурашкин (*в ужасе*). Он с ума сошел! (*Кричит.*) Петрушка! Марья! Где вы? Люди, спасите!

Толкачов (*гоняясь за ним по комнате*). Крови жажду!

Крови!

Занавес

Свадьба

Сцена в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Евдоким Захарович Жигалов, отставной коллежский регистратор.

Настасья Тимофеевна, его жена.

Дашенька, их дочь.

Эпаминонд Максимович Апломбов, ее жених.

Федор Яковлевич Ревунов-Караулов, капитан 2-го ранга в отставке.

Андрей Андреевич Нюнин, агент страхового общества.

Анна Мартыновна Змеюкина, акушерка 30 лет, в ярко-пунцовом платье.

Иван Михайлович Ять, телеграфист.

Харламбий Спиридонович Дымба, грек-кондитер.

Дмитрий Степанович Мозговой, матрос из Добровольного флота.

Шафера, кавалеры, лакеи и проч.

Действие происходит в одной из зал кухмистера Андропова.

Ярко освещенная зала. Большой стол, накрытый для ужина.

Около стола хлопочут лакеи во фраках. За сценой музыка играет последнюю фигуру кадрили. **Змеюкина, Ять и шафер** (идут через сцену).

Змеюкина. Нет, нет, нет!

Ять (идя за ней). Сжальтесь! Сжальтесь!

Змеюкина. Нет, нет, нет!

Шафер (спеша за ними). Господа, так нельзя! Куда же вы? А гран-рон? Гран-рон, силь-ву-пле!

Уходят.

Входят **Настасья Тимофеевна и Анломбов.**

Настасья Тимофеевна. Чем тревожить меня разными словами, вы бы лучше шли танцевать.

Анломбов. Я не Спиноза какой-нибудь, чтоб выделывать ногами кренделя. Я человек положительный и с характером и не вижу никакого развлечения в пустых удовольствиях. Но дело не в танцах. Простите, тапан, но я многого не понимаю в ваших поступках. Например, кроме предметов домашней необхо-

димости, вы обещали также дать мне за вашей дочерью два выигрышных билета. Где они?

Настасья Тимофеевна. Голова у меня что-то разболелась... Должно, к непогоде... Быть оттепели!

Апломбов. Вы мне зубов не заговаривайте. Сегодня же я узнал, что ваши билеты в залоге. Извините, тамап, но так поступают одни только эксплоататоры. Я ведь это не из эгоистицизма — мне ваши билеты не нужны, но я из принципа, и надувать себя никому не позволю. Я вашу дочь осчастливил, и если вы мне не отдадите сегодня билетов, то я вашу дочь с кашей съем. Я человек благородный!

Настасья Тимофеевна (*оглядывая стол и считая приборы*). Раз, два, три, четыре, пять...

Лакей. Повар спрашивает, как прикажете подавать мороженое: с ромом, с мадерой или без никого?

Апломбов. С ромом. Да скажи хозяину, что вина мало. Скажи, чтоб еще го-сотерну поставил. (*Настасье Тимофеевне.*) Вы также обещали, и уговор такой был, что сегодня за ужином будет генерал. А где он, спрашивается?

Настасья Тимофеевна. Это, батюшка, не я виновата.

Апломбов. Кто же?

Настасья Тимофеевна. Андрей Андреич виноват... Вчерась он был и обещал привести самого настоящего генерала. *(Вздыхает.)* Должно, не нашел нигде, а то привел бы... Нешто нам жалко? Для родного дитя мы ничего не пожалеем. Генерал так генерал...

Апломбов. Но дальше... Всем, в том числе и вам, тамап, известно, что за Дашенькой, пока я не сделал ей предложения, ухаживал этот телеграфист Ять. Зачем вы его пригласили? Разве вы не знали, что мне это неприятно?

Настасья Тимофеевна. Ох, как тебя? — Эпаминонд Максимыч, еще и дня нет, как женился, а уж замучил ты и меня, и Дашеньку своими разговорами. А что будет через год? Нудный ты, ух нудный!

Апломбов. Не нравится правду слушать? Ага! То-то! А вы поступайте благородно. Я от вас хочу только одного: будьте благородны!

Через залу из одной двери в другую проходят пары танцующих grand-rond. В передней

паре **шафер** с **Дашенькой**, в задней **Ять** со **Змеюкиной**. Последняя пара отстает и остается в зале. **Жигалов** и **Дымба** входят и идут к столу.

Шафер (кричит). Променад! Мсье, променад! (За сценой.) Променад!

Пары уходят.

Ять (*Змеюкиной*). Сжальтесь! Сжальтесь, очаровательная Анна Мартыновна!

Змеюкина. Ах какой вы... Я уже вам сказала, что я сегодня не в голосе.

Ять. Умоляю вас, спойте! Одну только ноту! Сжальтесь! Одну только ноту!

Змеюкина. Надоели... (*Садится и машет веером.*)

Ять. Нет, вы просто безжалостны! У такого жестокого создания, позвольте вам выразиться, и такой чудный, чудный голос! С таким голосом, извините за выражение, не акушерством заниматься, а концерты петь в публичных собраниях! Например, как божественно выходит у вас вот эта фиоритура... вот эта... (*Напевает.*) «Я вас любил, любовь еще напрасно...» Чудно!

Змеюкина (*напевает*). «Я вас любил, лю-

бовь еще, быть может...» Это?

Ять. Вот это самое! Чудно!

Змеюкина. Нет, я не в голосе сегодня. Натe, махайте на меня веером... Жарко! (*Апломбову.*) Эпаминонд Максимыч, что это вы в меланхолии? Разве жениху можно так? Как вам не стыдно, противный? Ну, о чем вы задумались?

Апломбов. Женитьба шаг серьезный! Надо все обдумать всесторонне, обстоятельно.

Змеюкина. Какие вы все противные скептики! Возле вас я задыхаюсь... Дайте мне атмосферы! Слышите? Дайте мне атмосферы! (*Напевает.*)

Ять. Чудно! Чудно!

Змеюкина. Махайте на меня, махайте, а то я чувствую, у меня сейчас будет разрыв сердца. Скажите, пожалуйста, отчего мне так душно?

Ять. Это оттого, что вы вспотели-с...

Змеюкина. Фу! как вы вульгарны! Не смейте так выражаться!

Ять. Виноват! Конечно, вы привыкли, извините за выражение, к аристократическому обществу и...

Змеюкина. Ах, оставьте меня в покое! Дайте мне поэзии, восторгов! Махайте, махайте...

Жигалов (*Дымбе*). Повторим, что ли? (*Наливает.*) Пить всякую минуту можно. Главное действие, Харлампий Спиридоныч, чтоб дело свое не забывать. Пей, да дело разумея... А ежели насчет выпить, то почему не выпить? Выпить можно... За ваше здоровье!

Пьют.

А тигры у вас в Греции есть?

Дымба. Есть.

Жигалов. А львы?

Дымба. И львы есть. Это в России ничего нету, а в Греции все есть. Там у меня и отец, и дядя, и братья, а тут ничего нету.

Жигалов. Гм... А кашалоты в Греции есть?

Дымба. Все есть.

Настасья Тимофеевна (*мужу*). Что ж зря-то пить и закусывать? Пора бы уж всем садиться. Не тыкай вилкой в омары... Это для генерала поставлено. Может, еще придет...

Жигалов. А омары в Греции есть?

Дымба. Есть... Там все есть.

Жигалов. Гм... А коллежские регистраторы есть?

Змеюкина. Воображаю, какая в Греции атмосфера!

Жигалов. И, должно быть, жульничества много. Греки ведь все равно, что армяне или цыганы. Продает тебе губку или золотую рыбку, а сам так и норовит, чтоб содрать с тебя лишнее. Повторим, что ли?

Настасья Тимофеевна. Что ж зря повторять? Всем бы уж пора садиться. Двенадцатый час...

Жигалов. Садиться так садиться. Господа, покорнейше прошу! Пожалуйста! *(Кричит.)* Ужинать! Молодые люди!

Настасья Тимофеевна. Дорогие гости, милости просим! Садитесь!

Змеюкина *(саясь за стол).* Дайте мне поэзии! А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой. Дайте мне бурю!

Ять *(в сторону).* Замечательная женщина! Влюблен! По уши влюблен!

Входят Дашенька, Мозговой, шафера, кавалеры, барышни и проч. Все шумно усаживаются за стол; минутная пауза; музыка играет марш.

Мозговой *(вставая).* Господа! Я должен

сказать вам следующее... У нас приготовлено очень много тостов и речей. Не будем дожидаться и начнем сейчас же. Господа, предлагаю выпить тост за новобрачных!

Музыка играет туш. Ура. Чоканье.

Мозговой. Горько!

Все. Горько! Горько!

Апломбов и Дашенька целуются.

Ять. Чудно! Чудно! Я должен вам выразиться, господа, и отдать должную справедливость, что эта зала и вообще помещение великолепны! Превосходно, очаровательно! Только знаете, чего не хватает для полного торжества? Электрического освещения, извините за выражение! Во всех странах уже введено электрическое освещение, и одна только Россия отстала.

Жигалов (*глубокомысленно*). Электричество... Гм... А по моему взгляду, электрическое освещение — одно только жульничество... Всунут туда уголек, да и думают глаза отве-сти! Нет, брат, уж если ты даешь освещение, то ты давай не уголек, а что-нибудь суще-ственное, этакое что-нибудь особенное, чтоб было за что взяться! Ты давай огня — понима-

ешь? — огня, который натуральный, а не умственный!

Ять. Ежели бы вы видели электрическую батарею, из чего она составлена, то иначе бы рассуждали.

Жигалов. И не желаю видеть. Жульничество. Народ простой надувают... Соки последние выжимают... Знаем их, этих самых... А вы, господин молодой человек, чем за жульничество заступаться, лучше бы выпили и другим налили. Да право!

Апломбов. Я с вами, папаша, вполне согласен. К чему заводить ученые разговоры? Я не прочь и сам поговорить о всевозможных открытиях в научном смысле, но ведь на это есть другое время! (*Дашеньке.*) Ты какого мнения, машер[30]?

Дашенька. Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном.

Настасья Тимофеевна. Слава богу, прожили век без образования и вот уж третью дочку за хорошего человека выдаем. А ежели мы, по-вашему, выходим необразованные, так зачем вы к нам ходите? Шли бы к своим образо-

ванным!

Ять. Я, Настасья Тимофеевна, всегда уважал ваше семейство, а ежели я насчет электрического освещения, так это еще не значит, что я из гордости. Даже вот выпить могу. Я всегда от всех чувств желал Дарье Евдокимовне хорошего жениха. В наше время, Настасья Тимофеевна, трудно выйти за хорошего человека. Нынче каждый норовит вступить в брак из-за интереса, из-за денег...

Апломбов. Это намек!

Ять (*струсив*). И никакого тут нет намека... Я не говорю о присутствующих... Это я так... вообще... Помилуйте! Все знают, что вы из-за любви... Приданое пустяшное.

Настасья Тимофеевна. Нет, не пустяшное! Ты говори, сударь, да не заговаривайся. Кроме того, что тысячу рублей чистыми деньгами, мы три салопа даем, постель и всю мебель. Подика-сь, найди в другом месте такое приданое!

Ять. Я ничего... Мебель, действительно, хорошая и... и салопы, конечно, но я в том смысле, что вот они обижаются, что я намекнул.

Настасья Тимофеевна. А вы не намекайте.

Мы вас по вашим родителям почитаем и на свадьбу пригласили, а вы разные слова. А ежели вы знали, что Эпаминонд Максимыч из интересу женится, то что же вы раньше молчали? *(Слезливо.)* Я ее, может, вскормила, вспоила, взлелеяла... берегла пуще алмаза изумрудного, деточку мою...

Апломбов. И вы поверили? Покорнейше вас благодарю! Очень вам благодарен! *(Ятью.)* А вы, господин Ять, хоть и знакомый мне, а я вам не позволю строить в чужом доме такие безобразия! Позвольте вам выйти вон!

Ять. То есть как?

Апломбов. Желаю, чтобы и вы были таким же честным человеком, как я! Одним словом, позвольте вам выйти вон!

Музыка играет туш.

Кавалеры *(Апломбову).* Да оставь! Будет тебе! Ну стоит ли? Садись! Оставь!

Ять. Я ничего... Я ведь... Не понимаю даже... Извольте, я уйду... Только вы отдайте мне сначала пять рублей, что вы брали у меня в прошлом году на жилетку пике, извините за выражение. Выпью вот еще и... и уйду, только вы сначала долг отдайте.

Кавалеры. Ну будет, будет! Довольно! Стоит ли из-за пустяков?

Шафер (*кричит*). За здоровье родителей невесты Евдокима Захарыча и Настасьи Тимофеевны!

Музыка играет туш. Ура.

Жигалов (*растроганный, кланяется во все стороны*). Благодарю вас! Дорогие гости! Очень вам благодарен, что вы нас не забыли и пожаловали, не побрезговали!.. И не подумайте, чтоб я был выжига какой или жульничество с моей стороны, а просто из чувств! От прямоты души! Для хороших людей ничего не пожалею! Благодарим покорно! (*Целуется.*)

Дашенька (*матери*). Мамаша, что же вы плачете? Я так счастлива!

Апломбов. Матан взволнована предстоящей разлукой. Но я посоветовал бы ей лучше вспомнить наш недавний разговор.

Ять. Не плачьте, Настасья Тимофеевна! Вы подумайте: что такое слезы человеческие? Малодушная психиатрия и больше ничего!

Жигалов. А рыжики в Греции есть?

Дымба. Есть. Все есть.

Жигалов. А вот груздей, небось, нету.

Дымба. И грузди есть. Все есть.

Мозговой. Харлампий Спиридоныч, ваша очередь читать речь! Господа, пусть говорит речь!

Все (*Дымбе*). Речь! речь! Ваша очередь!

Дымба. Зачем? Я не понимаю которое... Сто такое?

Змеюкина. Нет, нет! Не смейте отказываться! Ваша очередь! Вставайте!

Дымба (*встает, смущенно*). Я могу говорить такое... Которая Россия и которая Греция. Теперь которые люди в России и которые в Греции... И которые по морю плавают каравия, по русскому значит корабли, а по земле разные которые железные дороги. Я хорошо понимаю... Мы греки, вы русские и мне ничего не надо... Я могу говорить такое... Которая Россия и которая Греция.

Входит Нюнин.

Нюнин. Постойте, господа, не ешьте! Погодите! Настасья Тимофеевна, на минуточку! Пожалуйте сюда! (*Ведет Настасью Тимофеевну в сторону, запыхавшись.*) Послушайте... Сейчас придет генерал... Наконец нашел-та-

ки... Просто замучился... Генерал настоящий, солидный такой, старый, лет, пожалуй, во семьдесят, а то и девяносто...

Настасья Тимофеевна. Когда же он придет?

Нюнин. Сию минуту. Будете всю жизнь мне благодарны. Не генерал, а малина, Буланже! Не пехота какая-нибудь, не инфантерия, а флотский! По чину он капитан второго ранга, а по-ихнему, морскому, это все равно что генерал-майор, или в гражданской — действительный статский советник. Решительно все равно. Даже выше.

Настасья Тимофеевна. А ты меня не обманываешь, Андрюшенька?

Нюнин. Ну вот, мошенник я, что ли? Будьте покойны!

Настасья Тимофеевна *(вздыхая)*. Не хочется зря деньги тратить, Андрюшенька...

Нюнин. Будьте покойны! Не генерал, а картина! *(Возвышая голос.)* Я и говорю: «Со всем, говорю, забыли нас, ваше превосходительство! Нехорошо, ваше превосходительство, старых знакомых забывать! Настасья, говорю, Тимофеевна на вас в большой пре-

тензии!» (*Идет к столу и садится.*) А он говорит: «Помилуй, мой друг, как же я пойду, если я с женихом не знаком?» — «Э, полноте, ваше превосходительство, что за церемонии? Жених, говорю, человек прекраснейший, душа нараспашку. Служит, говорю, оценщиком в ссудной кассе, но вы не подумайте, ваше превосходительство, что это какой-нибудь замухрышка или червонный валет. В ссудных кассах, говорю, нынче и благородные дамы служат». Похлопал он меня по плечу, выкурили мы с ним по гаванской сигаре, и вот теперь он едет... Погодите, господа, не ешьте...

Апломбов. А когда он приедет?

Нюнин. Сию минуту. Когда я уходил от него, он уже калоши надевал. Погодите, господа, не ешьте.

Апломбов. Так надо приказать, чтоб марш играли...

Нюнин (*кричит*). Эй, музыканты! Марш!
Музыка минуту играет марш.

Лакей (*докладывает*). Господин Ревунов-Караулов!

Жигалов, Настасья Тимофеевна и Нюнин бегут навстречу.

Входит Ревунов-Караулов.

Настасья Тимофеевна (кланяясь). Милости просим, ваше превосходительство! Очень приятно!

Ревунов. Весьма!

Жигалов. Мы, ваше превосходительство, люди не знатные, не высокие, люди простые, но не подумайте, что с нашей стороны какое-нибудь жульничество. Для хороших людей у нас первое место, мы ничего не пожалеем. Милости просим!

Ревунов. Весьма рад!

Нюнин. Позвольте представить, ваше превосходительство! Новобрачный Эпаминонд Максимыч Апломбов со своей новорожд... то есть с новобрачной супругой! Иван Михайлыч Ять, служащий на телеграфе! Иностранец греческого звания по кондитерской части Харламий Спиридоныч Дымба! Осип Лукич Бабельмандебский! И прочие, и прочие... Остальные все — чепуха. Садитесь, ваше превосходительство!

Ревунов. Весьма! Виноват, господа, я хочу сказать Андрюше два слова. (*Отводит Нюнина в сторону.*) Я, братец, немножко сконфу-

жен... Зачем ты зовешь меня вашим превосходительством? Ведь я не генерал! Капитан 2-го ранга — это даже ниже полковника.

Нюнин (*говорит ему в ухо, как глухому*). Знаю, но, Федор Яковлевич, будьте добры, позвольте нам называть вас вашим превосходительством! Семья здесь, знаете ли, патриархальная, уважает старших, любит чиновничество...

Ревунов. Да, если так, то конечно... (*Идя к столу.*)

Весьма!

Настасья Тимофеевна. Садитесь, ваше превосходительство! Будьте такие добрые! Кушайте, ваше превосходительство! Только извините, у себя там вы привыкли к деликатности, а у нас просто!

Ревунов (*не расслышав*). Что-о? Гм... Да-с.

Пауза.

Да-с... В старину люди всегда жили просто и были довольны. Я человек, который в чинах, и то живу просто... Сегодня Андрюша приходит ко мне и зовет меня сюда на свадьбу. Как же, говорю, я пойду, если я не знаком? Это неловко! А он говорит: «Люди они

простые, патриархальные, всякому гостю рады...» Ну, конечно, если так... то отчего же? Очень рад. Дома мне одинокому скучно, а если мое присутствие на свадьбе может доставить кому-нибудь удовольствие, то сделай, говорю, одолжение...

Жигалов. Значит, от души, ваше превосходительство? Уважаю! Сам я человек простой, без всякого жульничества, и уважаю таких. Кушайте, ваше превосходительство!

Апломбов. Вы давно в отставке, ваше превосходительство?

Ревунов. А? Да, да... так... Это верно. Да-с... Но позвольте что же это, однако? Селедка горькая... и хлеб горький. Невозможно есть!

Все. Горько! Горько!

Апломбов и Дашенька целуются.

Ревунов. Хе-хе-хе... Ваше здоровье!

Пауза.

Да-с... В старину все просто было и все были — довольны... Я люблю простоту... Я ведь старый, в отставку вышел в 1865 году... Мне семьдесят два года... Да. Конечно, не без того, и прежде любили при случае показать пышность, но... (*Увидев Мозгового.*) Вы того... мат-

рос, стало быть?

Мозговой. Точно так.

Ревунов. Ага... Так... Да... Морская служба всегда была трудная. Есть над чем задуматься и голову поломать. Всякое незначительное слово имеет, так сказать, свой особый смысл! Например: марсовые по вантам на фок и грот! Что это значит? Матрос небось понимает! Хе-хе... Тонкость, что твоя математика!

Нюнин. За здоровье его превосходительства Федора Яковлевича Ревунова-Караулова!

Музыка играет туш. Ура.

Ять. Вот вы, ваше превосходительство, изволили сейчас выразиться насчет трудностей флотской службы. А разве телеграфная легче? Теперь, ваше превосходительство, никто не может поступить на телеграфную службу, если не умеет читать и писать по-французски и по-немецки. Но самое трудное у нас, — это передача телеграмм. Ужасно трудно! Извольте послушать. *(Стучит вилкой по столу, подражая телеграфному станку.)*

Ревунов. Что же это значит?

Ять. Это значит: я уважаю вас, ваше превосходительство, за добродетели. Вы думаете,

легко? А вот еще... *(Стучит.)*

Ревунов. Вы погромче... Не слышу...

Ять. А это значит: мадам, как я счастлив, что держу вас в своих объятиях!

Ревунов. Вы про какую это мадам? Да... *(Мозговому.)* А вот, если идя полным ветром и надо... и надо поставить брамсели и бом-брамсели! Тут уж надо командовать: салинговые к вантам на брамсели и бом-брамсели... и в это время, как на реях отдают паруса, внизу становятся на брам и бом-брам-шкоты, фалы и брасы...

Шафер *(вставая)*. Милостивые государи и милостивые госуд...

Ревунов *(перебивая)*. Да-с... Мало ли разных команд... Да... Брам и бом-брам-шкоты тянуть пшел фалы!! Хорошо? Но что это значит и какой смысл? А очень просто! Тянут, знаете ли, брам и бом-брам-шкоты и поднимают фалы... все вдруг! причем уравнивают бом-брам-шкоты и бом-брам-фалы при подъеме, а в это время, глядя по надобности, потравливают брасы сих парусов, а когда уж, стало быть, шкоты натянуты, фалы все до места подняты, то брам и бом-брам-брасы вытягиваются и

реи брасуются соответственно направлению ветра...

Нюнин (*Ревунову*). Федор Яковлевич, хозяйка просит вас поговорить о чем-нибудь другом. Это непонятно гостям и скучно...

Ревунов. Что? Кому скучно? (*Мозговому*.) Молодой человек! А вот ежели корабль лежит бейдевинд правым галсом под всеми парусами и надо сделать через фордевинд. Как надо командовать? А вот как: свистать всех наверх, поворот через фордевинд!.. Хе-хе...

Нюнин. Федор Яковлевич, довольно! Кушайте.

Ревунов. Как только все выбежали, сейчас командуют: по местам стоять, поворот через фордевинд! Эх, жизнь! Командуешь, а сам смотришь, как матросы, как молния, разбегаются по местам и разносят брамы и брасы. Этак не вытерпишь и крикнешь: молодцы ребята! (*Поперхнулся и кашляет.*)

Шафер (*спешит воспользоваться наступившей паузой*). В сегодняшней, так сказать, день, в который мы, собравшись все в кучу для чествования нашего любимого...

Ревунов (*перебивая*). Да-с! И ведь все это

надо помнить! Например: фока-шкот, грота-шкот раздернуть!..

Шафер (*обиженно*). Что ж он перебивает? Этак мы ни одной речи не скажем!

Настасья Тимофеевна. Мы люди темные, ваше превосходительство, ничего этого самого не понимаем, а вы лучше расскажите нам что-нибудь касающее...

Ревунов (*не расслышав*). Я уже ел, благодарю. Вы говорите: гуся? Благодарю... Да... Старину вспомнил... А ведь приятно, молодой человек! Плынешь себе по морю, горя не знаючи, и... (*дрогнувшим голосом*) помните этот восторг, когда делают поворот оверштаг! Какой моряк не зажжется при воспоминании об этом маневре?! Ведь как только раздалась команда: свистать всех наверх, поворот оверштаг — словно электрическая искра пробежала по всем. Начиная от командира и до последнего матроса — все восторжались...

Змеюкина. Скучно! Скучно!

Общий ропот.

Ревунов (*не расслышав*). Благодарю, я ел. (*С увлечением.*) Все приготовилось и впилося глазами в старшего офицера... На фоковые и

гровые брасы на правую, на крьюсельные брасы на левую, на контра-брасы на левую, командует старший офицер. Все моментально исполняется... Фока-шкот, кливер-шкот раздернуть... право на борт! *(Встает.)* Корабль покотился к ветру, и, наконец, паруса начинают заполаскивать. Старший офицер: — на брасах, на брасах не зевать, а сам впился глазами в грот-марсель и, когда, наконец, и этот парус заполоскал, то есть момент поворота наступил, раздается громовая команда: грот-марса-булинь отдай, пшел брасы! Тут все летит, трещит — столпотворение вавилонское! — все исполняется без ошибки. Поворот удался!

Настасья Тимофеевна *(вспыхнув)*. Генерал, а безобразите... Постыдились бы на старости лет!

Ревунов. Котлет? Нет, не ел... благодарю вас.

Настасья Тимофеевна *(громко)*. Я говорю, постыдились бы на старости лет! Генерал, а безобразите!

Нюнин *(смущенно)*. Господа, ну вот... стоит ли?

Право...

Ревунов. Во-первых, я не генерал, а капитан 2-го ранга, что по военной табели о рангах соответствует подполковнику.

Настасья Тимофеевна. Ежели не генерал, то за что же вы деньги взяли? И мы вам не за то деньги платили, чтоб вы безобразили!

Ревунов *(в недоумении)*. Какие деньги?

Настасья Тимофеевна. Известно, какие. Небось получили через Андрея Андреевича четвертную... *(Нюнину.)* А тебе, Андрюшенька, грех! Я тебя не просила такого нанимать!

Нюнин. Ну вот... Оставьте! Стоит ли?

Ревунов. Наняли... заплатили... Что такое?

Апломбов. Позвольте, однако... Вы ведь получили от Андрея Андреевича двадцать пять рублей?

Ревунов. Какие двадцать пять рублей? *(Собразив.)* Вот оно что! Теперь я все понимаю... Какая гадость! Какая гадость!

Апломбов. Ведь вы получили деньги?

Ревунов. Никаких денег не получал! Подите прочь! *(Выходит из-за стола.)* Какая гадость! Какая низость! Оскорбить так старого человека, моряка, заслуженного офицера!..

Будь это порядочное общество, я мог бы вызвать на дуэль, а теперь что я могу сделать? *(Растерянно.)* Где дверь? В какую сторону идти? Человек, выведи меня! Человек! *(Идет.)* Какая низость! Какая гадость! *(Уходит.)*

Настасья Тимофеевна. Андриюшенька, где же двадцать пять рублей?

Нюнин. Ну стоит ли говорить о таких пустяках? Велика важность! Тут все радуются, а вы черт знает о чем... *(Кричит.)* За здоровье молодых! Музыка, марш! Музыка!

Музыка играет марш.

За здоровье молодых!

Змеюкина. Мне душно! Дайте мне атмосферы! Возле вас я задыхаюсь!

Ять *(в восторге).* Чудная! Чудная!

Шум.

Шафер *(стараясь перекричать).* Милостивые государи и милостивые государыни! В сегодняшний, так сказать, день...

Занавес

Леший

Комедия в 4-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Александр Владимирович Серебряков, отставной профессор.

Елена Андреевна, его жена, 27 лет.

Софья Александровна (Соня), его дочь от первого брака, 20 лет.

Марья Васильевна Войницкая, вдова тайного советника, мать первой жены профессора.

Егор Петрович Войницкий, ее сын.

Леонид Степанович Желтухин, не окончивший курса технолог, очень богатый человек.

Юлия Степановна (Юля), его сестра, 18 лет.

Иван Иванович Орловский, помещик.

Федор Иванович, его сын.

Михаил Львович Хрущов, помещик, окончивший курс на медицинском факультете.

Илья Ильич Дядин.

Василий, слуга Желтухина.

Семен, работник на мельнице.

Действие первое

Сад в имении Желтухина. Дом с террасою, на площадке перед домом два стола: большой, сервированный для завтрака, и другой, поменьше — для закуски. Третий час дня.

1

Желтухин и Юля выходят из дому.

Юля. Ты бы лучше надел серенький костюмчик. Этот тебе не к лицу.

Желтухин. Все равно. Пустяки.

Юля. Ленечка, отчего ты такой хмурый? Разве можно так в день рождения? Какой же ты нехороший!.. *(Кладет ему голову на грудь.)*

Желтухин. Поменьше любви, пожалуйста!

Юля *(сквозь слезы)*. Ленечка!

Желтухин. Вместо этих кислых поцелуев, разных там любящих взглядов и башмачков для часов, которые ни на какой черт мне не нужны, ты бы лучше просьбы мои исполняла! Отчего ты не написала Серебряковым?

Юля. Ленечка, я написала!

Желтухин. Кому ты написала?

Юля. Сонечке. Я просила ее приехать сегодня непременно, непременно к часу. Честное

слово, написала!

Желтухин. Однако уж третий час, а их нет... Впрочем, как им угодно! И не нужно! Все это нужно оставить, ничего из этого не выйдет... Одни только унижения, подлое чувство и больше ничего... Она на меня и внимания не обращает. Я некрасив, неинтересен, ничего во мне нет романического, и если она выйдет за меня, то только по расчету... за деньги!..

Юля. Некрасив... Ты о себе не можешь понимать.

Желтухин. Ну да, точно я слепой! Борода растет отсюда из шеи, не так, как у людей... Усы какие-то, черт их знает... нос...

Юля. Что это ты за щеку держишься?

Желтухин. Опять болит под глазом.

Юля. Да и напухло немножко. Дай я поцелую, оно и пройдет.

Желтухин. Глупо!

Входят Орловский и Войницкий.

2

Те же, Орловский и Войницкий.

Орловский. Манюня, когда же мы есть будем? Уж третий час!

Юля. Крестненький, да ведь еще Серебряковы не приехали!

Орловский. До каких же пор их ждать? Я, лапочка, есть хочу. Вот и Егор Петрович хочет.

Желтухин (*Войницкому*). Ваши приедут?

Войницкий. Когда я уезжал из дому, Елена Андреевна одевалась.

Желтухин. Значит, наверное будут?

Войницкий. Наверное ничего нельзя сказать. Вдруг у нашего генерала подагра или каприз какой — вот и останутся.

Желтухин. В таком случае давайте есть. Что же ждать? (*Кричит.*) Илья Ильич! Сергей Никодимыч!

Входят Дядин и два-три гостя.

3

Те же, Дядин и гости.

Желтухин. Пожалуйста закусить. Милости просим. (*Около закуски.*) Серебряковы не приехали, Федора Иваныча нет, Леший тоже не приехал... Забыли нас!

Юля. Крестненький, выпьете водки?

Орловский. Самую малость. Вот так... Достаточно.

Дядин (*повязывая на шею салфетку*). А какое у вас превосходное хозяйство, Юлия Степановна! Еду ли я по вашему полю, гуляю ли под тенью вашего сада, смотрю ли на этот стол, всюду вижу могучую власть вашей волшебной ручки. За ваше здоровье!

Юля. Неприятностей много, Илья Ильич! Вчера, например, Назарка не загнал индюшат в сарайчик, ночевали они в саду на росе, а сегодня пять индюшат издохло.

Дядин. Это нельзя. Индюшка птица нежная.

Войницкий (*Дядину*). Вафля, отрежь-ка мне ветчины!

Дядин. С особенным удовольствием. Прекрасная ветчина. Одно из волшебств тысяча и одной ночи. (*Режет.*) Я тебе, Жорженька, отрежу по всем правилам искусства. Бетховен и Шекспир так не умели резать. Только вот ножик тупой. (*Точит нож о нож.*)

Желтухин (*вздрагивая*). Вввв!.. Оставь, Вафля! Я не могу этого!

Орловский. Рассказывайте же, Егор Петрович. Что у вас дома делается?

Войницкий. Ничего не делается.

Орловский. Что нового?

Войницкий. Ничего. Все старо. Что было в прошлом году, то и теперь. Я, по обыкновению, много говорю и мало делаю. Моя старая галка тамап все еще лепечет про женскую эмансипацию; одним глазом смотрит в могилу, а другим ищет в своих умных книжках за­рю новой жизни.

Орловский. А Саша?

Войницкий. А профессора, к сожалению, еще не съела моль. По-прежнему от утра до глубокой ночи сидит у себя в кабинете и пишет. «Напрягши ум, наморщивши чело, всё оды пишем, пишем, и ни себе, ни им похвал нигде не слышим». Бедная бумага! Сонечка по-прежнему читает умные книжки и пишет очень умный дневник.

Орловский. Милая ты моя, душа моя...

Войницкий. При моей наблюдательности мне бы роман писать. Сюжет так и просится на бумагу. Отставной профессор, старый су­харь, ученая вобла... Подагра, ревматизм, мигрень, печёнка и всякие штуки... Ревнив, как Отелло. Живет поневоле в именье своей первой жены, потому что жить в городе ему не

по карману. Вечно жалуется на свои несчастья, хотя в то же время сам необыкновенно счастлив.

Орловский. Ну вот!

Войницкий. Конечно! Вы только подумайте, какое счастье! Не будем говорить о том, что сын простого дьячка, бурсак, добился ученых степеней и кафедры, что он его превосходительство, зять сенатора и прочее. Все это неважно. Но вы возьмите вот что. Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Ровно двадцать пять лет он жует чужие мысли о реализме, тенденции и всяком другом вздоре; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неинтересно, значит, ровно двадцать пять лет переливает из пустого в порожнее. И в то же время какой успех! Какая известность! За что? Почему? По какому праву?

Орловский (*хохочет*). Зависть, зависть!

Войницкий. Да, зависть! А какой успех у женщин! Ни один Дон-Жуан не знал такого полного успеха! Его первая жена, моя сестра, прекрасное, кроткое создание, чистая, как вот

это голубое небо, благородная, великодушная, имевшая поклонников больше, чем он учеников, любила его так, как могут любить одни только чистые ангелы таких же чистых и прекрасных, как они сами. Моя мать, его теща, до сих пор обожает его, и до сих пор он внушает ей священный ужас. Его вторая жена, красавица, умница, — вы ее видели, — вышла за него, когда уж он был стар, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блеск... За что? Почему? А ведь какой талант, какая артистка! Как чудно играет она на рояли!

Орловский. Вообще талантливая семья. Редкая семья.

Желтухин. Да, у Софьи Александровны, например, великолепнейший голос. Удивительное сопрано! Не слышал ничего подобного даже в Петербурге. Но, знаете ли, слишком форсирует в верхних нотах. Этакая жалость! Дайте мне верхние ноты! Дайте мне верхние ноты! Ах, будь эти ноты, ручаюсь вам головой, из нее получилось бы... удивительное, понимаете ли... Виноват, господа, мне нужно сказать Юле два слова. *(Отводит Юлю в сторону.)* Пошли к ним верхового. Напиши, что ес-

ли им нельзя сейчас приехать, то чтоб хоть к обеду. *(Тише.)* Да не будь душой, не срами меня, пиши грамотней... Ехать пишется через ять... *(Громко и ласково.)* Пожалуйста, мой друг.

Юля. Хорошо. *(Уходит.)*

Дядин. Говорят, что супруга профессора, Елена Андреевна, которую я не имею чести знать, отличается красотой своих не только душевных, но и внешних качеств.

Орловский. Да, чудесная барыня.

Желтухин. Она верна своему профессору?

Войницкий. К сожалению, да.

Желтухин. Почему же к сожалению?

Войницкий. Потому что эта верность фальшива от начала до конца. В ней много риторики, но нет логики. Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, — это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство — это не безнравственно. Где же тут, черт возьми, логика?

Дядин *(плачущим голосом).* Жорженька, я не люблю, когда ты это говоришь. Ну вот, право... Я даже дрожу... Господа, я не обладаю та-

лантом и цветами красноречия, но позвольте мне без пышных фраз высказать вам по совести... Господа, кто изменяет жене или мужу, тот, значит, неверный человек, тот может изменить и отечеству!

Войницкий. Заткни фонтан!

Дядин. Позволь, Жорженька... Иван Иваныч, Ленечка, милые мои друзья, возьмите вы во внимание коловратность моей судьбы. Это не секрет и не покрыто мраком неизвестности, что жена моя бежала от меня на другой день после свадьбы с любимым человеком по причине моей непривлекательной наружности...

Войницкий. И превосходно сделала.

Дядин. Позвольте, господа! После того инцидента я своего долга не нарушал. Я до сих пор ее люблю и верен ей, помогаю, чем могу, и завещал свое имущество ее деточкам, которых она прижила с любимым человеком. Я долга не нарушал и горжусь. Я горд! Счастья я лишился, но у меня осталась гордость. А она? Молодость уж прошла, красота под влиянием законов природы поблекла, любимый человек скончался, царство ему небесное... Что же

у нее осталось? *(Садится.)* Я вам серьезно, а вы смеетесь.

Орловский. Человек ты добрый, прекрасная у тебя душа, но уж очень длинно говоришь и руками махаешь...

Из дому выходит Федор Иванович; он в поддевке из отличного сукна, в высоких сапогах; на груди у него ордена, медали и массивная золотая цепь с брелоками; на пальцах дорогие перстни.

4

Те же и Федор Иванович.

Федор Иванович. Здорово, ребята!

Орловский *(радостно).* Федюша милый, сын мой!

Федор Иванович *(Желтухину).* Поздравляю с днем рождения... расти большой... *(Здоровается со всеми.)* Родитель! Вафля, здравствуй! Приятного вам аппетита, хлеб да соль.

Желтухин. Где ты шатался? Нельзя так опаздывать.

Федор Иванович. Жарко! Водки выпить надо.

Орловский *(любуясь им).* Душа моя, борода ты моя великолепная... Господа, ведь краса-

вец? Поглядите: красавец?

Федор Иванович. С новорожденным!
(*Пьет.*) А Серебряковых нет?

Желтухин. Не приехали.

Федор Иванович. Гм... А где же Юля?

Желтухин. Не знаю, что она там застряла. Пора бы уж и пирог подавать. Я сейчас ее позову. (*Уходит.*)

Орловский. А наш Ленечка, новорожденный, сегодня что-то не в духе. Угрюм.

Войницкий. Просто скотина.

Орловский. Нервы расстроены, ничего не поделаешь...

Войницкий. Самолюбив очень, оттого и нервы. Скажите при нем, что эта селедка хороша, он сейчас же обидится: почему не его похвалили. Дрянцо порядочное. Вот он идет.

Входят Юля и Желтухин.

5

Те же, Желтухин и Юля.

Юля. Здравствуй, Феденька! (*Целуется с Федором Ивановичем.*) Кушай, душечка. (*Ивану Ивановичу.*) Посмотрите, крестненький, какой я сегодня Ленечке подарок подарила! (*Показывает башмачок для часов.*)

Орловский. Дусенька моя, девочка моя, башмачок! Какая штука...

Юля. Одной золотой канители на восемь с полтиной пошло. Посмотрите на края: жемчужинки, жемчужинки, жемчужинки... А это буквы: Леонид Желтухин. Тут шелком: кого люблю, того дарю...

Дядин. А позвольте мне посмотреть! Восхитительно!

Федор Иванович. Бросьте вы это... будет вам! Юля, вели-ка подать шампанского!

Юля. Феденька, это вечером!

Федор Иванович. Ну, вот еще — вечером! Валяй сейчас! А то уйду. Честное слово, уйду. Где оно у тебя стоит? Я сам пойду возьму.

Юля. Всегда ты, Федя, в хозяйстве беспорядки делаешь. *(Василию.)* Василий, на ключ! Шампанское в кладовой, знаешь, в углу около кулька с изюмом, в корзине. Только смотри, не разбей чего-нибудь.

Федор Иванович. Василий, три бутылки!

Юля. Не выйдет из тебя, Феденька, хорошего хозяина... *(Накладывает всем пирога.)* Кушайте, господа, побольше... Обед еще не скоро, в шестом часу... Ничего из тебя, Феденька,

не выйдет... Пропавший ты человек.

Федор Иванович. Ну, пошла отчитывать!

Войницкий. Кажется, кто-то подъехал...

Слышите?

Желтухин. Да... Это Серебряковы... Наконец-то!

Василий. Господа Серебряковы приехали!

Юля *(вскрикивает)*. Сонечка! *(Убегает.)*

Войницкий *(поет)*. Пойдем встретим, пойдем встретим... *(Уходит.)*

Федор Иванович. Эка обрадовались!

Желтухин. Как в людях мало такта! Живет с профессоршей и не может скрыть этого.

Федор Иванович. Кто?

Желтухин. Да вот Жорж. Так ее расхваливал сейчас, когда тебя не было, что даже неприлично.

Федор Иванович. Откуда ты знаешь, что он с ней живет?

Желтухин. Точно я слепой... Да и весь уезд говорит об этом...

Федор Иванович. Вздор. Пока с ней никто не живет, но скоро буду жить я... Понимаешь? Я!

Те же, **Серебряков**, **Марья Васильевна**, **Войницкий** под руку с **Еленой Андреевной**, **Соня** и **Юля** входят.

Юля (целуя Соню). Милая! Милая!

Орловский (идя навстречу). Саша, здравствуй, голубушка, здравствуй, матушка! (Целуется с профессором.) Здоров? Слава богу?

Серебряков. А ты, кум? Ты ничего — молодцом! Очень рад тебя видеть. Давно приехал?

Орловский. В пятницу. (Марье Васильевне.) Марья Васильевна! Как изволите поживать, ваше превосходительство? (Целует руку.)

Марья Васильевна. Дорогой мой... (Целует его в голову.)

Соня. Крестненький!

Орловский. Сонечка, душа моя! (Целует ее.) Голубушка, канареечка моя...

Соня. Лицо по-прежнему добренькое, сантиментальное, сладенькое...

Орловский. И выросла, и похорошела, и возмужала, душа моя...

Соня. Ну, как вы вообще? Что, здоровы?

Орловский. Страсть как здоров!

Соня. Молодчина, крестненький! (Федору)

Ивановичу.) А слона-то и не заметила. (*Целуется с ним.*) Загорел, оброс... настоящий паук!

Юля. Милая!

Орловский (*Серебрякову*). Как живешь, кум?

Серебряков. Да понемножку... Ты как?

Орловский. Что мне делается? Живу! Именье сыну отдал, дочек за хороших людей по-выдавал, и теперь свободней меня человека нет. Знай себе гуляю!

Дядин (*Серебрякову*). Ваше превосходительство изволили несколько опоздать. В пироге уж значительно понизилась температура. Позвольте представиться: Илья Ильич Дядин, или, как некоторые весьма остроумно выражаются по причине моего рябого лица, Вафля.

Серебряков. Очень приятно.

Дядин. Madame! Mademoiselle! (*Кланяется Елене Андреевне и Соне.*) Здесь всё мои друзья, ваше превосходительство. Когда-то я имел большое состояние, но по домашним обстоятельствам, или, как выражаются в умственных центрах, по причинам, от редакции не зависящим, я должен был уступить свою

часть родному моему брату, который по одному несчастному случаю лишился семидесяти тысяч казенных денег. Моя профессия: эксплуатация бурных стихий. Заставляю бурные волны вращать колеса мельницы, которую я арендую у моего друга Лешего.

Войницкий. Вафля, заткни фонтан!

Дядин. Всегда с благоговением преклоняюсь (*преклоняется*) пред научными светилами, украшающими наш отечественный горизонт. Простите мне дерзость, с какою я мечтаю нанести вашему превосходительству визит и усладить свою душу беседою о последних выводах науки.

Серебряков. Прошу покорно. Буду рад.

Соня. Ну, рассказывайте, крестненький... Где вы зиму проводили? Куда исчезали?

Орловский. В Гмундене был, в Париже был, в Ницце, в Лондоне, дуся моя, был...

Соня. Хорошо! Счастливчик!

Орловский. Поедем со мной осенью! Хочешь?

Соня (*поет*). Не искушай меня без нужды...

Федор Иванович. Не пой за завтраком, а то у твоего мужа жена будет дура.

Дядин. Теперь интересно бы взглянуть на этот стол а vol d'oiseau[31]. Какой восхитительный букет! Сочетание грации, красоты, глубокой учености, села...

Федор Иванович. Какой восхитительный язык! Черт знает что такое! Говоришь ты, точно кто тебя по спине рубанком водит...

Смех.

Орловский (Соне). А ты, душа моя, все еще замуж не вышла...

Войницкий. Помилуйте, за кого ей замуж идти? Гумбольдт уж умер, Эдисон в Америке, Лассаль тоже умер... Намедни нашел я на столе ее дневник: во какой! Раскрываю и читаю: «Нет, я никогда не люблю... Любовь — это эгоистическое влечение моего я к объекту другого пола...» И черт знает, чего только там нет? Трансцендентально, кульминационный пункт интегрирующего начала... тьфу! И где ты научилась?

Соня. Кто бы другой иронизировал, да не ты, дядя Жорж.

Войницкий. Что же ты сердишься?

Соня. Если скажешь еще хоть одно слово, то кому-нибудь из нас двоих придется уехать

домой. Я или ты...

Орловский (хохочет). Ну, характер!

Войницкий. Да, характер, доложу вам...
(Соне.) Ну, лапку! Дай лапку! (Целует руку.)
Мир и согласие... Не буду больше.

7

Те же и Хрущов.

Хрущов (выходя из дому). Зачем я не художник? Какая чудная группа!

Орловский (радостно). Миша! Сыночек мой крестненький!

Хрущов. С новорожденным! Здравствуйте, Юлечка, какая вы сегодня хорошенькая! Крестненький! (Целуется с Орловским.) Софья Александровна... (Здоровается со всеми.)

Желтухин. Ну, можно ли так поздно приезжать? Где ты был?

Хрущов. У больного.

Юля. Пирог давно уже простыл.

Хрущов. Ничего, Юлечка, я холодного поем. Где же мне сесть?

Соня. Садитесь сюда... (Дает ему место рядом.)

Хрущов. Великолепная сегодня погода, и аппетит у меня адский... Пойдите, я водки

выпью... (Пьет.) С новорожденным! Пирожком закушу... Юлечка, поцелуйте этот пирожок, он станет вкуснее...

Та целует.

Мерсі. Как живете, крестненький? Давно не видел вас.

Орловский. Да, давненько не видались. Ведь я за границей был.

Хрущов. Слышал, слышал... Позавидовал вам. Федор, а ты как живешь?

Федор Иванович. Ничего, вашими молитвами, как столбами, подпираемся...

Хрущов. Дела твои как?

Федор Иванович. Не могу пожаловаться. Живем. Только вот, братец ты мой, езды много. Замучился. Отсюда на Кавказ, из Кавказа сюда, отсюда опять на Кавказ — и этак без конца, скачешь как угорелый. Ведь у меня там — два имения!

Хрущов. Знаю.

Федор Иванович. Колонизацией занимаюсь и ловлю тарантулов и скорпионов. Дела вообще идут хорошо, но насчет «уймитесь, волнения страсти» — все обстоит по-прежнему.

Хрущов. Влюблен, конечно?

Федор Иванович. По этому случаю, Леший, надо выпить. (*Пьет.*) Господа, никогда не влюбляйтесь в замужних женщин! Честное слово, лучше быть раненым в плечо и в ногу навывлет, как ваш покорнейший слуга, чем любить замужнюю... Такая беда, что просто...

Соня. Безнадежно?

Федор Иванович. Ну вот еще! Безнадежно... На этом свете ничего нет безнадежного. Безнадежно, несчастная любовь, ох, ах — все это баловство. Надо только хотеть... Захотел я, чтоб ружье мое не давало осечки, оно и не дает. Захотел я, чтоб барыня меня полюбила, — она и полюбит. Так-то, брат Соня. Уж если я какую намечу, то, кажется, легче ей на луну вскочить, чем от меня уйти.

Соня. Какой ты, однако, страшный...

Федор Иванович. От меня не уйдешь, нет! Я с нею не сказал еще трех фраз, а она уж в моей власти... Да... я ей только сказал: «Сударыня, всякий раз, когда вы взглянете на какое-нибудь окно, вы должны вспомнить обо мне. Я хочу этого». Значит, вспоминает она

обо мне тысячу раз в день. Мало того, я каждый день бомбардирую ее письмами.

Елена Андреевна. Письма — это ненадежный прием. Она получает их, но может не читать.

Федор Иванович. Вы думаете? Гм... Живу я на этом свете тридцать пять лет, а что-то не встречал таких феноменальных женщин, у которых хватало бы мужества не распечатать письмо.

Орловский (*любуясь им*). Каков? Сыночек мой, красавец! Ведь и я таким был. Точь-в-точь таким! Только вот на войне не был, а водку пил и деньги мотал — страшное дело!

Федор Иванович. Люблю я ее, Миша, серьезно, аспидски... Пожелай только она, и я отдал бы ей все... Увез бы ее к себе на Кавказ, на горы, жили бы мы припеваючи... Я, Елена Андреевна, сторожил бы ее, как верный пес, и была бы она для меня, как вот поет наш предводитель: «И будешь ты царицей мира, подруга верная моя». Эх, не знает она своего счастья!

Хрущов. Кто же эта счастливица?

Федор Иванович. Много будешь знать,

скоро состаришься... Но довольно об этом. Теперь начнем из другой оперы. Помню, лет десять назад — Леня тогда еще гимназистом был — праздновали мы вот так же день его рождения. Ехал я отсюда домой верхом, и на правой руке сидела у меня Соня, а на левой — Юлька, и обе за мою бороду держались. Господа, выпьем за здоровье друзей юности моей, Сони и Юли!

Дядин (*хохочет*). Это восхитительно! Это восхитительно!

Федор Иванович. Как-то раз после войны пьянствовал я с одним турецким пашой в Трапезонде... Он меня и спрашивает...

Дядин (*перебивая*). Господа, выпьем тост за отличные отношения! Виват дружба! Живьо!

Федор Иванович. Стоп, стоп, стоп! Соня, прошу внимания! Держу, черт меня возьми, пари! Кладу вот на стол триста рублей! Пойдем после завтрака на крокет, и я держу пари, что в один раз пройду все ворота и обратно.

Соня. Принимаю, только у меня трехсот рублей нет.

Федор Иванович. Если проиграешь, то споешь мне сорок раз.

Соня. Согласна.

Дядин. Это восхитительно! Это восхитительно!

Елена Андреевна (*глядя на небо*). Какая это птица летит?

Желтухин. Это ястреб.

Федор Иванович. Господа, за здоровье ястреба!

Соня хохочет.

Орловский. Ну, закатилась наша! Что ты?

Хрущов хохочет.

Ты-то чего?

Марья Васильевна. Софи, это неприлично!

Хрущов. Ох, виноват, господа... Сейчас кончу, сейчас...

Орловский. Это называется — без ума смеяться.

Войницкий. Им обоим палец покажи, сейчас же захохочут. Соня! (*Показывает палец.*) Ну, вот...

Хрущов. Будет вам! (*Смотрит на часы.*) Ну, отче Михаиле, поел, попил, теперь и честь знай. Пора ехать.

Соня. Куда это?

Хрущов. К больному. Опротивела мне моя

медицина, как постылая жена, как длинная зима...

Серебряков. Позвольте, однако, ведь медицина ваша профессия, дело, так сказать...

Войницкий (с иронией). У него есть другая профессия. Он на своей земле торф копает.

Серебряков. Что?

Войницкий. Торф. Один инженер вычислил, как дважды два, что в его земле лежит торфу на семьсот двадцать тысяч. Не шутите.

Хрущов. Я копаю торф не для денег.

Войницкий. Для чего же вы его копаете?

Хрущов. Для того, чтобы вы не рубили лесов.

Войницкий. Почему же их не рубить? Если вас послушать, то леса существуют только для того, чтобы в них аукали парни и девки.

Хрущов. Я этого никогда не говорил.

Войницкий. И все, что я до сих пор имел честь слышать от вас в защиту лесов, — все старо, несерьезно и тенденциозно. Извините меня, пожалуйста. Я сужу не голословно, я почти наизусть знаю все ваши защитительные речи... Например... *(Приподнятым тоном и жестикулируя, как бы подражая Хрущову.)*

Вы, о люди, истребляете леса, а они украшают землю, они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. Где мягче климат, там меньше тратится сил на борьбу с природой, и потому там мягче и нежнее человек. В странах, где климат мягок, люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства. И так далее, и так далее... Все это мило, но так мало убедительно, что позвольте мне продолжать топить печи дровами и строить сараи из дерева.

Хрущов. Рубить леса из нужды можно, но пора перестать истреблять их. Русские леса трещат от топоров, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи, и все оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо. Надо быть безрассудным варваром (*показывает на деревья*), чтобы жечь в своей печке эту красоту, разрушать то,

чего мы не можем создать. Человеку даны разум и творческая сила, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а только разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее. Вы смотрите на меня с иронией, и все, что я говорю, вам кажется старым и несерьезным, а когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный вот этими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью от сознания, что я помогаю богу создавать организм.

Федор Иванович (*перебивая*). За твое здоровье, Леший!

Войницкий. Все это прекрасно, но если бы взглянули на дело не с фельетонной точки зрения, а с научной, то...

Соня. Дядя Жорж, у тебя язык покрыт

ржавчиной. Замолчи!

Хрущов. В самом деле, Егор Петрович, не будем говорить об этом. Прошу вас.

Войницкий. Как угодно.

Марья Васильевна. Ах!

Соня. Бабушка, что с вами?

Марья Васильевна (*Серебрякову*). Забыла я сказать вам, Александр... потеряла память... сегодня получила я письмо из Харькова от Павла Алексеевича... Вам кланяется...

Серебряков. Благодарю, очень рад.

Марья Васильевна. Прислал свою новую брошюру и просил показать вам.

Серебряков. Интересно?

Марья Васильевна. Интересно, но как-то странно. Опровергает то, что семь лет тому назад сам же защищал. Это очень, очень типично для нашего времени. Никогда с такою легкостью не изменяли своим убеждениям, как теперь. Это ужасно!

Войницкий. Ничего нет ужасного. Кушайте, тамап, карасей.

Марья Васильевна. Но я хочу говорить!

Войницкий. Но мы уже пятьдесят лет говорим о направлениях и лагерях, пора бы уж и

КОНЧИТЬ.

Марья Васильевна. Тебе почему-то неприятно слушать, когда я говорю. Прости, Жорж, но в последний год ты так изменился, что я тебя совершенно не узнаю. Ты был человеком определенных убеждений, светлую личностью...

Войницкий. О да! Я был светлую личностью, от которой никому не было светло. Позвольте мне встать. Я был светлую личностью... Нельзя сострить ядовитей! Теперь мне сорок семь лет. До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманивать свои глаза всякими отвлеченностями и схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни, — и думал, что делаю хорошо... А теперь, если бы вы знали, каким большим дураком я кажусь себе за то, что глупо проворонил время, когда мог бы иметь все, в чем отказывает мне теперь моя старость!

Серебряков. Постой. Ты, Жорж, точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения...

Соня. Довольно, папа! Скучно!

Серебряков. Постой. Ты точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения. Но вино-

ваты не они, а ты сам. Ты забывал, что убеждения без дел мертвы. Нужно было дело делать.

Войницкий. Дело? Не всякий способен быть пишущим *perpetuum mobile*.

Серебряков. Что ты хочешь этим сказать?

Войницкий. Ничего. Прекратим этот разговор. Мы не дома.

Марья Васильевна. Совсем потеряла память... Забыла вам, Александр, напомнить, чтобы вы перед завтраком приняли капли. Привезла их, а напомнить забыла...

Серебряков. Не нужно.

Марья Васильевна. Но ведь вы больны, Александр! Вы очень больны!

Серебряков. Зачем же трезвонить об этом? Стар, болен, стар, болен... только и слышишь! *(Желтухину.)* Леонид Степаныч, позвольте мне встать и уйти в комнаты. Здесь немного жарко и кусают комары.

Желтухин. Сделайте такое одолжение. Завтрак кончился.

Серебряков. Благодарю вас. *(Уходит в дом; за ним идет Марья Васильевна.)*

Юля (брату). Иди за профессором! Нелов-

ко!

Желтухин (ей). Черт бы его взял! (Уходит.)

Дядин. Юлия Степановна, позвольте вас поблагодарить от глубины души. (Целует руку.)

Юля. Не за что, Илья Ильич! Вы мало ели...
Ее благодарят.

Не за что, господа! Вы все так мало кушали!

Федор Иванович. Что же, господа, теперь будем делать? Пойдем сейчас на крокет пари держать... а потом?

Юля. А потом обедать.

Федор Иванович. А потом?

Хрущов. Потом приезжайте все ко мне. Вечером рыбную ловлю на озере устроим.

Федор Иванович. Превосходно.

Дядин. Восхитительно.

Соня. Так позвольте же, господа... Значит, сейчас мы пойдем на крокет пари держать... Потом пораньше пообедаем у Юли и этак часов в семь поедем к Леш... то есть вот к Михаилу Львовичу. Отлично. Пойдемте, Юлечка, за шарами. (Уходит с Юлей в дом.)

Федор Иванович. Василий, носи вино на

крокет! Будем пить за здоровье победителей. Ну, отче, пойдем заниматься благородной игрой.

Орловский. Погоди, роднуша, мне нужно с профессором минуток пять посидеть, а то неловко. Этикет надо соблюсти. Пока поиграй моим шаром, а я скоро... *(Уходит в дом.)*

Дядин. Пойду сейчас слушать ученейшего Александра Владимировича. Предвкушаю то высокое наслаждение, кото...

Войницкий. Ты надоел, Вафля. Иди.

Дядин. Иду-с. *(Уходит в дом.)*

Федор Иванович *(идя в сад, поет).* И будешь ты царицей мира, подруга верная моя... *(Уходит.)*

Хрущов. Я сейчас потихоньку уеду. *(Войницкому.)* Егор Петрович, убедительно прошу вас, не будем никогда говорить ни о лесах, ни о медицине. Не знаю почему, но когда вы заводите об этом речь, то у меня после этого весь день бывает такое чувство, как будто я пообедал из нелуженой посуды. Честь имею кланяться. *(Уходит.)*

Елена Андреевна и Войницкий.

Войницкий. Узкий человек. Всем позво- лительно говорить глупости, но я не люблю, когда их говорят с пафосом.

Елена Андреевна. А вы, Жорж, опять вели себя невозможно! Нужно было вам спорить с Марьей Васильевной и с Александром, гово- рить о *perpetuum mobile*! Как это мелко!

Войницкий. Но если я его ненавижу!

Елена Андреевна. Ненавидеть Александра не за что, он такой же, как и все...

Соня и Юля проходят в сад с шарами и мо- лотками для крокета.

Войницкий. Если б вы могли видеть свое лицо, свои движения... Какая вам лень жить! Ах, какая лень!

Елена Андреевна. Ах, и лень, и скучно!

Пауза.

Все бранят моего мужа при мне, не стесня- ясь моим присутствием. Все смотрят на меня с сожалением: несчастная, у нее старый муж! Всем, даже очень добрым людям, хотелось бы, чтоб я ушла от Александра... Это участие ко мне, все эти сострадательные взгляды и вздо- хи сожаления клонятся к одному. Вот, как

сказал сейчас Леший, все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется, точно так вы безрассудно губите человека, и скоро по вашей милости на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собой. Почему вы не можете видеть равнодушно верную жену, если она не ваша? Потому что, прав этот Леший, во всех вас сидит бес разрушения. Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга.

Войницкий. Не люблю я этой философии!

Елена Андреевна. Скажите этому Федору Иванычу, что он надоел мне своею наглостью. Это противно наконец. Смотреть мне в глаза и громко при всех говорить о своей любви к какой-то замужней женщине — удивительно остроумно!

Голоса в саду: «Браво! Браво!»

Но как, однако, мил этот Леший! Он бывает у нас часто, но я застенчива и ни разу не говорила с ним как следует, не обласкала его. Он подумает, что я злая или гордая. Вероятно, Жорж, оттого мы с вами такие друзья, что оба мы нудные, скучные люди! Нудные! Не смотрите на меня так, я этого не люблю.

Войницкий. Могу ли я смотреть на вас иначе, если я люблю вас? Вы мое счастье, жизнь, моя молодость!.. Я знаю, шансы мои на взаимность равны нулю, но мне ничего не нужно, позвольте мне только глядеть на вас, слышать ваш голос...

9

Те же и Серебряков.

Серебряков (в окне). Леночка, где ты?

Елена Андреевна. Здесь.

Серебряков. Иди посиди с нами, милая...
(Скрывается.)

Елена Андреевна идет к дому.

Войницкий (идя за нею). Позвольте мне говорить о своей любви, не гоните меня прочь, и это одно будет для меня величайшим счастьем.

Занавес

Действие второе

Столовая в доме Серебрякова. Буфет, посреди комнаты обеденный стол. Второй час ночи. Слышно, как в саду стучит сторож.

1

Серебряков (сидит в кресле перед открытым окном и дремлет) и **Елена Андреевна** (сидит

около него и тоже дремлет).

Серебряков (*очнувшись*). Кто здесь? Соня, ты?

Елена Андреевна. Это я...

Серебряков. Ты, Леночка... Невыносимая боль!

Елена Андреевна. У тебя плэд упал на пол... (*Кутает ему ноги.*) Я, Александр, затворю окно.

Серебряков. Нет, мне душно... Я сейчас задремал, и мне снилось, будто у меня левая нога чужая... Проснулся от мучительной боли. Нет, это не подагра, скорей ревматизм. Который теперь час?

Елена Андреевна. Двадцать минут второго.

Пауза.

Серебряков. Утром поищи в библиотеке Батюшкова. Кажется, он есть у нас.

Елена Андреевна. А?

Серебряков. Поищи утром Батюшкова. Помнится, он был у нас. Но отчего мне так тяжело дышать?

Елена Андреевна. Ты устал. Вторую ночь не спишь.

Серебряков. Говорят, у Тургенева от подагры сделалась грудная жаба. Боюсь, как бы у меня не было. Проклятая, отвратительная старость. Черт бы ее побрал. Когда я постарел, я стал себе противен. Да и вам всем, должно быть, противно на меня смотреть.

Елена Андреевна. Ты говоришь о своей старости таким тоном, как будто все мы виноваты, что ты стар.

Серебряков. Тебе же первой я противен.

Елена Андреевна. Скучно! *(Отходит и садится поодаль.)*

Серебряков. Конечно, ты права. Я не глуп и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старик, почти труп. Что ж? Разве я не понимаю? И, конечно, глупо, что я до сих пор жив. Но погодите, скоро я освобожу вас всех. Недолго мне еще придется тянуть.

Елена Андреевна. Саша, я изнемогаю. Если за бессонные ночи я заслуживаю награды, то об одном только прошу: молчи! Бога ради, молчи. Больше мне ничего не нужно.

Серебряков. Выходит так, что благодаря мне все изнемогли, скучают, губят свою моло-

дость, один только я наслаждаюсь жизнью и доволен. Ну да, конечно!

Елена Андреевна. Замолчи! Ты меня замучил!

Серебряков. Я всех замучил. Конечно!

Елена Андреевна *(плача)*. Невыносимо! Скажи, чего ты хочешь от меня?

Серебряков. Ничего.

Елена Андреевна. Ну, так замолчи; я прошу.

Серебряков. Странное дело, заговорит Жорж или эта старая идиотка Марья Васильевна — и ничего, все слушают, но скажи хоть одно слово, как все начинают чувствовать себя несчастными. Даже голос мой противен. Ну, допустим, я противен, я эгоист, я деспот, но неужели я даже в старости не имею некоторого права на эгоизм? Неужели я не заслужил? Жизнь моя была тяжела. Я и Иван Иваныч в одно время были студентами. Спроси его. Он кутил, ездил к цыганкам, был моим благодетелем, а я в это время жил в дешевом, грязном номере, работал день и ночь, как вол, голодал и томился, что живу на чужой счет. Потом был я в Гейдельберге и не ви-

дел Гейдельберга; был в Париже и не видел Парижа: все время сидел в четырех стенах и работал. А получив кафедру, я всю свою жизнь служил науке, как говорится, верой и правдой и теперь служу. Неужели же, я спрашиваю, за все это я не имею права на покойную старость, на внимание к себе людей?

Елена Андреевна. Никто не оспаривает у тебя этого права.

Окно хлопает от ветра.

Ветер поднялся, я закрою окно. (*Закрывает.*) Сейчас будет дождь. Никто у тебя твоих прав не оспаривает.

Пауза. Сторож в саду стучит и поет песню.

Серебряков. Всю жизнь работать для науки, привыкнуть к своему кабинету, к аудитории, к почтенным товарищам и вдруг ни с того ни с сего очутиться в этом склепе, каждый день видеть тут пошлых людей, слушать ничтожные разговоры. Я хочу жить, я люблю успех, люблю известность, шум, а тут точно в ссылке. Каждую минуту тосковать по прошлому, следить за успехами других, бояться смерти... не могу! Нет сил! А тут еще не хотят

простить мне моей старости!

Елена Андреевна. Погоди, имей терпенье: через пять-шесть лет и я буду стара.

Входит Соня.

2

Те же и Соня.

Соня. Не знаю, отчего это так долго доктора нет. Я сказала Степану, что если он не застанет земского врача, то чтоб поехал к Лешему.

Серебряков. На что мне твой Леший? Он столько же понимает в медицине, как я в астрономии.

Соня. Не выписывать же сюда для твоей подагры целый медицинский факультет.

Серебряков. Я с этим юродивым и разговаривать не стану.

Соня. Это как угодно. *(Садится.)* Мне все равно.

Серебряков. Который теперь час?

Елена Андреевна. Второй.

Серебряков. Душно... Соня, дай мне со стола капли!

Соня. Сейчас. *(Подает капли.)*

Серебряков *(раздраженно).* Ах, да не эти!

Ни о чем нельзя попросить!

Соня. Пожалуйста, не капризничай! Может быть, это некоторым и нравится, но меня избавь, сделай милость. Я этого не люблю.

Серебряков. У этой девочки невозможный характер. Что же ты сердишься?

Соня. И почему ты говоришь таким несчастным тоном? Пожалуй, кто-нибудь подумает, что ты в самом деле несчастлив. А на земле мало таких счастливых, как ты.

Серебряков. Да, конечно! Я очень, очень счастлив!

Соня. Разумеется, счастлив... А если подагра, то ведь ты знаешь отлично, что к утру припадок кончится. Что же тут стонать? Экая важность!

*Входит **Войницкий** в халате и со свечой.*

3

*Те же и **Войницкий**.*

Войницкий. На дворе гроза собирается...

Молния.

Вона как! Hélène и Соня, идите спать, я пришел вас сменить.

Серебряков (*испуганно*). Нет, нет, не остав-

ляйте меня с ним! нет! Он меня заговорит!

Войницкий. Но надо же дать им покой! Они уж другую ночь не спят.

Серебряков. Пусть идут спать, но и ты уходи. Благодарю. Умоляю тебя. Во имя нашей прежней дружбы, не протестуй. После поговорим.

Войницкий. Препней нашей дружбы... Это, признаюсь, для меня новость.

Елена Андреевна. Замолчите, Жорж.

Серебряков. Дорогая моя, не оставляй меня с ним! Он меня заговорит.

Войницкий. Это становится даже смешно.

Голос Хрущова за сценой: «Они в столовой?»

Здесь? Пожалуйста, велите убрать мою лошадь!»

Вот доктор приехал.

Входит Хрущов.

4

Те же Хрущов.

Хрущов. Какова погодка-то? За мной гнался дождь, и я едва ушел от него. Здравствуйте. (Здоровается.)

Серебряков. Извините, вас побеспокоили.

Я этого вовсе не хотел.

Хрущов. Полноте, что за важность! Но что это вы вздумали, Александр Владимирович? Как вам не стыдно хворать? Э, нехорошо! Что с вами?

Серебряков. Отчего это доктора обыкновенно говорят с больными снисходительным тоном?

Хрущов *(смеется)*. А вы не будьте наблюдательны. *(Нежно.)* Пойдемте в постель. Здесь вам неудобно. В постели и теплей и покойней. Пойдемте... Там я вас выслушаю и... и все будет прекрасно.

Елена Андреевна. Слушайся, Саша, иди.

Хрущов. Если вам больно ходить, то мы снесем вас в кресле.

Серебряков. Ничего, я могу... я пойду... *(Поднимается.)* Только напрасно вас побеспокоили.

Хрущов и Соня ведут его под руки.

К тому же я не очень-то верю... в аптеку. Что вы меня ведете? Я и сам могу. *(Уходит с Хрущовым и Соней.)*

Елена Андреевна и Войницкий.

Елена Андреевна. Я замучилась с ним. Едва на ногах стою.

Войницкий. Вы с ним, а я с самим собою. Вот уж третью ночь не сплю.

Елена Андреевна. Неблагополучно в этом доме. Ваша мать ненавидит все, кроме своих брошюр и профессора; профессор раздражен, мне не верит, вас боится; Соня злится на отца и не говорит со мною; вы ненавидите мужа и открыто презираете свою мать; я нудная, тоже раздражена и сегодня раз двадцать принималась плакать. Одним словом, война всех против всех. Спрашивается, какой смысл в этой войне, к чему она?

Войницкий. Оставим философию!

Елена Андреевна. Неблагополучно в этом доме. Вы, Жорж, образованны и умны и, кажется, должны понимать, что мир погибает не от разбойников и не от воров, а от скрытой ненависти, от вражды между хорошими людьми, от всех этих мелких дрязг, которых не видят люди, называющие наш дом гнездом интеллигенции. Помогите же мне мирить всех! Одна я не в силах.

Войницкий. Сначала помирите меня с самим собой! Дорогая моя... *(Припадает к ее руке.)*

Елена Андреевна. Оставьте! *(Отнимает руку.)* Уходите!

Войницкий. Сейчас пройдет дождь, и все в природе освежится и легко вздохнет. Одно-го только меня не освежит гроза. Днем и ночью, точно домовой, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя жизнь и любовь: куда мне их девать, что мне из них делать? Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну...

Елена Андреевна. Когда вы мне говорите о своей любви, я как-то тупею и не знаю, что говорить. Простите, я ничего не могу сказать вам. *(Хочет идти.)* Спокойной ночи!

Войницкий *(загораживая ей дорогу).* И если б вы знали, как я страдаю от мысли, что рядом со мною в этом же доме гибнет другая жизнь — ваша! Чего вы ждете? Какая проклятая философия мешает вам? Поймите же, что

высшая нравственность заключается не в том, что вы на свою молодость надели колодки и стараетесь заглушить в себе жажду жизни...

Елена Андреевна (*пристально смотрит на него*). Жорж, вы пьяны!

Войницкий. Может быть, может быть...

Елена Андреевна. Федор Иванович у вас?

Войницкий. Он у меня ночует. Может быть, может быть. Все может быть!

Елена Андреевна. И сегодня кутили? К чему это?

Войницкий. Все-таки на жизнь похоже... Не мешайте мне Hélène!

Елена Андреевна. Раньше вы никогда не пили и никогда вы так много не говорили, как теперь. Идите спать! Мне с вами скучно. И скажите вашему другу Федору Иванычу, что если он не перестанет надоедать мне, то я приму меры. Идите!

Войницкий (*припадая к ее руке*). Дорогая моя... Чудная!

Входит Хрущов.

Те же и Хрущов.

Хрущов. Елена Андреевна, вас Александр Владимирович просит.

Елена Андреевна (вырывая от Войницкого руку). Сию минуту! (Уходит.)

Хрущов (Войницкому). У вас нет ничего святого! Вы и эта милая барыня, что сейчас вышла, вспомнили бы, что ее муж был когда-то мужем вашей родной сестры и что с вами под одной кровлей живет молодая девушка! О вашем романе говорит уже вся губерния. Какое бесстыдство! (Уходит к больному.)

Войницкий (один). Ушла...

Пауза.

Десять лет тому назад я встречал ее у покойной сестры. Тогда ей было семнадцать, а мне тридцать семь лет. Отчего я тогда не влюбился в нее и не сделал ей предложения? Ведь это было так возможно! И была бы теперь она моей женой... Да... теперь оба мы проснулись бы от грозы; она испугалась бы грома, а я держал бы ее в своих объятиях и шептал: «Не бойся, я здесь». О, чудные мысли, как хорошо, я даже смеюсь, но, боже мой, мысли путаются в голове... Зачем я стар? Зачем она меня не

понимает? Ее риторика, ленивая мораль, вздорные, ленивые мысли о погибели мира — все это мне глубоко ненавистно...

Пауза.

Зачем я дурно создан? Как я завидую этому шалому Федору или этому глупому Лешему! Они непосредственны, искренни, глупы... Они не знают этой проклятой, отравляющей иронии...

Входит Федор Иванович, окутанный в одеяло.

7

Войницкий и Федор Иванович.

Федор Иванович (в дверь). Вы одни здесь? дам нет? (Входит.) А меня гроза разбудила. Важный дождик. Который теперь час?

Войницкий. А черт его знает!

Федор Иванович. Мне как будто послышался голос Елены Андреевны.

Войницкий. Сейчас она была здесь.

Федор Иванович. Роскошная женщина! (Осматривает склянки на столе.) Что это? Мятные лепешки? (Ест.) Да-с, роскошная женщина... Профессор болен, что ли?

Войницкий. Болен.

Федор Иванович. Не понимаю такого существования. Говорят, что древние греки бросали слабых и хилых детей в пропасть с горы Монблана. Вот таких бы надо бросать!

Войницкий (*раздраженно*). Не с Монблана, а с Тарпейской скалы. Какое грубое невежество!

Федор Иванович. Ну, со скалы так со скалы... черт ли в том? Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли?

Войницкий. Оставь меня.

Пауза.

Федор Иванович. А то, может быть, в профессоршу влюблен? А? Что ж! Это можно... вздыхай... только послушай: если в сплетнях, вот что по уезду ходят, есть хоть одна сотая доля правды и если я узнаю, то не проси милости, сброшу тебя с Тарпейской скалы...

Войницкий. Она мой друг.

Федор Иванович. Уже?

Войницкий. Что значит это «уже»?

Федор Иванович. Женщина может быть другом мужчины только под таким условием: сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг.

Войницкий. Пошляческая философия.

Федор Иванович. По этому случаю надо выпить. Пойдем, у меня, кажется, еще шартрѣз остался. Выпьем. А как рассветет, ко мне поедем. Идѣть? У меня есть приказчик Лука, который никогда не скажет «идет», а «идѣть». Мошенник страшный... Так идѣть? *(Увидев входящую Соню.)* Батюшки-светы, извините, я без галстуха! *(Убегает.)*

8

Войницкий и Соня.

Соня. А ты, дядя Жорж, опять пил шампанское с Федей и катался на тройке. Подружились ясные соколы. Ну, тот уж отпетый и родился кутилой, а ты-то с чего? В твои годы это совсем не к лицу.

Войницкий. Годы тут ни при чем. Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего.

Соня. Сено у нас не убрано; Герасим сегодня сказал, что оно сгниет от дождя, а ты занимаешься миражами. *(Испуганно.)* Дядя, у тебя на глазах слезы!

Войницкий. Какие слезы? Ничего нет... вздор... ты сейчас взглянула на меня, как по-

койная твоя мать. Милая моя... *(Жадно целует руки и лицо.)* Сестра моя... милая сестра моя... где она теперь? Если б она знала! Ах, если б она знала!

Соня. Что? Дядя, что знала?

Войницкий. Тяжело, нехорошо... Ничего...
Входит Хрущов.

После... Ничего... Я уйду... *(Уходит.)*

9

Соня и Хрущов.

Хрущов. Ваш батюшка совсем не хочет слушаться. Я ему говорю — подагра, а он — ревматизм; я прошу его лежать, а он сидит. *(Берет фуражку.)* Нервы.

Соня. Избалован. Положите вашу шапку. Дайте дождю кончиться. Хотите закусить?

Хрущов. Пожалуй, дайте.

Соня. Я люблю по ночам закусывать. В буфете, кажется, есть что-то... *(Роется в буфете.)* Разве ему доктор нужен? Ему нужно, чтобы около него сидела дюжина дам, заглядывала бы ему в глаза и стонала: «Профессор!» Вот берите сыр...

Хрущов. Таким тоном не говорят о родном отце. Согласен, он тяжелый человек, но если

сравнить его с другими, то все эти дяди Жоржи и Иваны Иванычи не стоят его мизинца.

Соня. Вот бутылка с чем-то. Я вам не об отце, а о великом человеке. Отца я люблю, а великие люди с их китайскими церемониями мне наскучили.

Садятся.

Дождь-то какой!

Молния.

Вот!

Хрущов. Гроза идет мимо, только краем захватит.

Соня *(наливает)*. Пейте.

Хрущов. Сто лет вам жить. *(Пьет.)*

Соня. Вы сердитесь на нас за то, что мы побеспокоили вас ночью?

Хрущов. Напротив. Если бы вы меня не позвали, то я бы теперь спал, а видеть вас наяву гораздо приятнее, чем во сне.

Соня. Отчего же у вас такое сердитое лицо?

Хрущов. Оттого, что я сердит. Здесь никого нет, и можно говорить прямо. С каким удовольствием, Софья Александровна, я увез бы вас отсюда сию минуту. Не могу я дышать

Этим вашим воздухом, и мне кажется, что он отравляет вас. Ваш отец, который весь ушел в свою подагру и в книги и знать больше ничего не хочет, этот дядя Жорж, наконец ваша мачеха...

Соня. Что мачеха?

Хрущов. Нельзя обо всем говорить... нельзя! Великолепная моя, я многого не понимаю в людях. В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли... Часто я вижу прекрасное лицо и такую одежду, что кружится голова от восторга, но душа и мысли — боже мой! В красивой оболочке прячется иногда душа такая черная, что не затрешь ее никакими белилами... Простите мне, я волнуюсь... Ведь вы мне бесконечно дороги...

Соня (*роняет нож*). Уронила...

Хрущов (*поднимает*). Ничего...

Пауза.

Бывает, что идешь темной ночью по лесу, и если в это время светит вдали огонек, то на душе почему-то так хорошо, что не замечаешь ни утомления, ни потемок, ни колючих веток, которые бьют тебя прямо в лицо. Я работаю от утра до глубокой ночи, зиму и лето,

не знаю покою, воюю с теми, кто меня не понимает, страдаю иногда невыносимо... но вот наконец я нашел свой огонек. Я не буду хватать, что люблю вас больше всего на свете. Любовь у меня не все в жизни... она моя награда! Моя хорошая, славная, нет выше награды для того, кто работает, борется, страдает...

Соня (взволнованная). Виновата... Один вопрос, Михаил Львович.

Хрущов. Что? Говорите скорее...

Соня. Видите ли... вот вы часто бываете у нас, и я тоже иногда бываю у вас со своими. Сознайтесь, что вы этого никак не можете простить себе...

Хрущов. То есть?

Соня. То есть я хочу сказать, что ваше демократическое чувство оскорблено тем, что вы коротко знакомы с нами. Я институтка, Елена Андреевна аристократка, одеваемся мы по моде, а вы демократ...

Хрущов. Ну... ну... не будем говорить об этом! Не время!

Соня. Главное, что вы сами копаете торф, сажаете лес... как-то странно. Одним словом, вы народник...

Хрущов. Демократ, народник... Софья Александровна, да неужели об этом можно говорить серьезно и даже с дрожью в голосе?

Соня. Да, да, серьезно, тысячу раз серьезно.

Хрущов. Да нет, нет...

Соня. Уверяю вас и клянусь, чем угодно, что если бы у меня, положим, была сестра и если б вы ее полюбили и сделали ей предложение, то вы бы этого никогда себе не простили, и вам было бы стыдно показаться на глаза вашим земским докторам и женщинам-врачам, стыдно, что вы полюбили институтку, кисейную барышню, которая не была на курсах и одевается по моде. Знаю я очень хорошо... По вашим глазам я вижу, что это правда! Одним словом, короче говоря, эти ваши леса, торф, вышитая сорочка — все рисовка, кривлянье, ложь и больше ничего.

Хрущов. За что? Дитя мое, за что вы меня оскорбили? Впрочем, я глупец. Так мне и нужно: не в свои сани не садись! Прощайте! *(Идет к двери.)*

Соня. Прощайте... Я была резка, прошу извинения.

Хрущов *(возвращаясь)*. Если б вы знали,

как здесь у вас тяжело и душно! Среда, где к каждому человеку подходят боком, смотрят на него искоса и ищут в нем народника, психопата, фразера — все, что угодно, но только не человека! «О, это, говорят, психопат!» — и рады. «Это фразер!» — и довольны, точно открыли Америку! А когда меня не понимают и не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то винят в этом не себя, а меня же и говорят: «Это странный человек, странный!» Вам еще только двадцать лет, но вы уж стары и рассудительны, как ваш отец и дядя Жорж, и я нисколько бы не удивился, если бы вы пригласили меня лечить вас от подагры. Так жить нельзя! Кто бы я ни был, смотрите мне в глаза прямо, ясно, без задних мыслей, без программы, и ищите во мне прежде всего человека, иначе в ваших отношениях к людям никогда не будет мира. Прощайте! И попомните мое слово, с такими хитрыми, подозрительными глазами, как у вас, вы никогда не полюбите!

Соня. Неправда!

Хрущов. Правда!

Соня. Неправда! Вот назло же вам... я люб-

лю! люблю, и мне больно, больно! Оставьте меня! Уходите, умоляю... не бывайте у нас... не бывайте...

Хрущов. Честь имею кланяться! (*Уходит.*)

Соня (*одна*). Разозлился. Не дай бог иметь такой характер, как у этого человека!

Пауза.

Он прекрасно говорит, но кто поручится мне, что это не фразерство? Он постоянно думает и говорит только о своих лесах, сажает деревья... Это хорошо, но ведь очень может быть, что это психопатия... (*Закрывает лицо руками.*) Ничего не понимаю! (*Плачет.*) Учился на медицинском факультете, а занимается совсем не медициной... Это все странно, странно... Господи, да помоги же мне все это обдумать!

Входит Елена Андреевна.

10

Соня и Елена Андреевна.

Елена Андреевна (*открывает окна.*)
Прошла гроза! Какой хороший воздух!

Пауза.

Где Леший?

Соня. Ушел.

Пауза.

Елена Андреевна. Софи!

Соня. Что?

Елена Андреевна. До каких пор вы будете дуться на меня? Друг другу мы не сделали никакого зла. Зачем же нам быть врагами? Полноте...

Соня. Я сама хотела... *(Обнимает ее.)* Милая!

Елена Андреевна. И отлично...

Обе взволнованы.

Соня. Папа лег?

Елена Андреевна. Нет, сидит в гостиной. Не говорим мы друг с другом по целому месяцу и бог знает из-за чего... Пора наконец... *(Смотрит на стол.)* Что это?

Соня. Леший ужинал.

Елена Андреевна. И вино есть... Давайте выпьем брудершафт.

Соня. Давайте.

Елена Андреевна. Из одной рюмки... *(Наливает.)* Этак лучше. Ну, значит — «ТЫ»?

Соня. «ТЫ».

Пьют и целуются.

Я давно уж хотела мириться, да все как-то

совестно было... (Плачет.)

Елена Андреевна. Что же ты плачешь?

Соня. Ничего, это я так.

Елена Андреевна. Ну, будет, будет... (Плачет.) Чудачка, и я через тебя заплакала!

Пауза.

Ты на меня сердита за то, что я будто вышла за твоего отца по расчету. Если веришь клятвам, то клянусь тебе, я выходила за него по любви. Я увлеклась им как ученым и известным человеком. Любовь была не настоящая, искусственная, но ведь мне казалось тогда, что она настоящая. Я не виновата. А ты с самой нашей свадьбы казнила меня своими хитрыми, подозрительными глазами.

Соня. Ну, мир, мир! Забудем. Я уж второй раз сегодня слышу, что у меня хитрые, подозрительные глаза.

Елена Андреевна. Не надо смотреть так хитро. Тебе это не идет. Надо всем верить, иначе жить нельзя.

Соня. Пуганая ворона куста боится. Мне так часто приходилось разочаровываться.

Елена Андреевна. В ком? Отец твой хороший, честный человек, труженик. Ты сегодня

попрекнула его счастьем. Если он в самом деле был счастлив, то за трудами он не замечал этого своего счастья. Я не сделала умышленно зла ни отцу, ни тебе. Дядя твой Жорж очень добрый, честный, но несчастный, неудовлетворенный человек... Кому же не веришь?

Пауза.

Соня. Скажи мне по совести, как другу... Ты счастлива?

Елена Андреевна. Нет.

Соня. Я это знала. Еще один вопрос. Скажи откровенно, ты хотела бы, чтобы у тебя был молодой муж?

Елена Андреевна. Какая ты еще девочка... Конечно, хотела бы! *(Смеется.)* Ну, спроси еще что-нибудь, спроси...

Соня. Тебе Леший нравится?

Елена Андреевна. Да, очень.

Соня *(смеется)*. У меня глупое лицо... да? Вот он ушел, а я все еще слышу его голос и шаги, а посмотрю на темное окно — там мне представляется его лицо... Дай мне высказаться... Но я не могу говорить так громко, мне стыдно. Пойдем ко мне в комнату, там поговорим. Я тебе кажусь глупой? Сознайся... Он

хороший человек?

Елена Андреевна. Очень, очень...

Соня. Мне кажутся странными его леса, торф... Я не понимаю.

Елена Андреевна. Да разве в лесах дело? Милая моя, пойми, ведь это талант! Ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... посадит деревцо или выкопает какой-нибудь пуд торфа — и уж загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уж снится ему счастье человечества. Такие люди дороги, и их любить нужно. Дай вам бог. Оба вы чистые, смелые, честные... Он взбалмошный, ты рассудительная, умная... Будете отлично дополнять друг друга... (*Встает.*) А я нудная, эпизодическое лицо... И в музыке, и в доме мужа, и во всех ваших романах — везде я была только эпизодическим лицом. Собственно говоря, Соня, если вдуматься, то, вероятно, я очень, очень несчастна! (*Ходит в волнении по сцене.*) Нет мне счастья на этом свете! Нет! Что ты смеешься?

Соня (*смеется, закрывая лицо*). Я так счастлива! Как я счастлива!

Елена Андреевна (*ломая руки*). В самом

деле, как я несчастна!

Соня. Я счастлива... счастлива.

Елена Андреевна. Мне хочется играть... Я сыграла бы теперь что-нибудь...

Соня. Сыграй. *(Обнимает ее.)* Я не могу спать... Сыграй...

Елена Андреевна. Сейчас. Твой отец не спит. Когда он болен, его раздражает музыка. Поди спроси. Если он ничего, то сыграю... по-ди...

Соня. Сейчас. *(Уходит.)*

В саду стучит сторож.

Елена Андреевна. Давно уж я не играла. Буду играть и плакать, как дура... *(В окно.)* Это ты стучишь, Ефим?

Голос сторожа: «Эге!»

Не стучи, пан нездоров.

Голос сторожа: «Сейчас уйду!» *(Подсвистывает.)*

Жучка! Трезор! Жучка!»

Пауза.

Соня *(вернувшись).* Нельзя!

Занавес
Действие третье

Гостиная в доме Серебрякова. Три двери: направо, налево и посередине. День. Слышно, как за сценой Елена Андреевна играет на рояли арию Ленского перед дуэлью из «Евгения Онегина».

1

Орловский, Войницкий и Федор Иванович (последний в черкесском костюме с папашой в руках).

Войницкий (слушая музыку). Это она играет, Елена Андреевна... Моя любимая вещь...

Музыка за сценой умолкает.

Да... хорошая вещь... Кажется, никогда еще у нас так скучно не было...

Федор Иванович. Не видал ты, душа моя, настоящей скуки. Когда я был в Сербии добровольцем, так вот где была скука! Жарко, душно, грязно, голова трещит с похмелья... Сижусь раз, помню, в грязном сараишке... Со мною капитан Кашкинази... Всё уж переговорили, идти некуда, делать нечего, пить не хочется — тошно, понимаешь ли, просто хоть в петлю! Сидим, как аспиды, и друг на друга глядим... Он на меня глядит, а я на него... Я на него, а он на меня... Глядим и сами не знаем,

чего... Проходит, понимаешь ли, час, другой, а мы всё глядим. Вдруг он ни с того ни с сего вскакивает, выхватывает шашку и на меня... Здравствуйте... Я, конечно, сейчас — ведь убьет же! — вынимаю свою шашку, и пошла писать: чик-чак, чик-чак, чик-чак... Насилу розняли. Я потом ничего, а капитан Кашкина-зи до сих пор с шрамом на щеке ходит. Так вот до какой степени люди балдеют иногда...

Орловский. Да, бывает.

Входит Соня.

2

Те же и Соня.

Соня (*в сторону*). Не нахожу себе места... (*Идет и смеется.*)

Орловский. Кисанька, куда ты? Посиди с нами.

Соня. Федя, поди сюда... (*Отводит Федора Ивановича в сторону.*) Поди сюда...

Федор Иванович. Что тебе? Отчего у тебя лицо такое лучезарное?

Соня. Федя, дай слово, что исполнишь!

Федор Иванович. Ну?

Соня. Поезжай... к Лешему.

Федор Иванович. Зачем?

Соня. Да так... просто поезжай... Спроси, отчего он у нас так долго не был... Уж две недели.

Федор Иванович. Покраснела! Стыдно! Господа, Соня влюблена!

Все. Стыдно! Стыдно!

Соня закрывает лицо и убегает.

Федор Иванович. Слоняется, как тень, из комнаты в комнату и места себе не находит. В Лешего влюблена.

Орловский. Славная девочка... Люблю. Мечтал я, Федюша, что ты на ней женишься — лучшей невесты не скоро найдешь, ну, да, значит, так богу угодно... А как бы мне приятно и умирительно было! Приехал бы я к тебе, а у тебя молодая жена, семейный очаг, самоварчик кипит...

Федор Иванович. Неграмотен я по этой части. Если бы когда-нибудь пришла мне в голову блажь жениться, то во всяком случае я женился бы на Юле. Эта, по крайности, маленькая, а из всех зол надо всегда выбирать меньшее. Да и хозяйка... *(Хлопает себя по лбу.)* Идея!

Орловский. Что такое?

Федор Иванович. Давайте, шампанского выпьем!

Войницкий. Рано еще, да и жарко... Погоди...

Орловский (*любуясь*). Сыночек мой, красавец... Шампанского захотел, дуся моя...

Входит Елена Андреевна.

3

Те же и Елена Андреевна.

Елена Андреевна идет через сцену.

Войницкий. Полюбуйтесь: идет и от лени шатается. Очень мило! Очень!

Елена Андреевна. Перестаньте, Жорж. И без вашего жужжанья скучно.

Войницкий (*загораживает ей дорогу*). Талант, артистка! Ну, похожи ли вы на артистку? Апатия, Обломов, вахлак... Столько добродетели, что, извините, даже глядеть противно.

Елена Андреевна. Не смотрите... Пустите меня...

Войницкий. Что томитесь? (*Живо.*) Ну, дорогая моя, роскошь, будьте умницей! В ваших жилах течет русалочья кровь, будьте же русалкой!

Елена Андреевна. Пустите!

Войницкий. Дайте себе волю хоть раз в жизни, влюбитесь поскорее по самые уши в какого-нибудь водяного...

Федор Иванович. И бултых с головою в омут с ним вместе так, чтобы герр профессор и все мы только руками развели!

Войницкий. Русалка, а? Люби, покуда любится!

Елена Андреевна. И что вы меня учите? Точно я без вас не знаю, как бы я жила, если б моя воля! Я бы улетела вольной птицей подалее от всех вас, от ваших сонных физиономий, скучных, постылых разговоров, забыла бы, что все вы существуете на свете, и никто бы не посмел тогда учить меня. Но нет у меня своей воли. Я труслива, застенчива, и мне все кажется, что если бы я изменила, то все жены взяли бы с меня пример и побросали бы своих мужей, что меня накажет бог и замучит совесть, а то бы я показала вам, как живут на воле! *(Уходит.)*

Орловский. Душа моя, красавица...

Войницкий. Я, кажется, скоро начну презирать эту женщину! Застенчива, как девчон-

ка, и философствует, как старый, приукрашенный добродетелями дьячок! Кислота! Простокваша!

Орловский. Полно, полно... Где теперь профессор?

Войницкий. У себя в кабинете. Пишет.

Орловский. Он вызвал меня сюда письмом по какому-то делу. Вам не известно, какое дело?

Войницкий. Никаких у него нет дел. Пишет чепуху, брюзжит и ревнует, больше ничего.

Выходят из правой двери Желтухин и Юля.

4

Те же, Желтухин и Юля.

Желтухин. Здравствуйте, господа. (Здоровается.)

Юля. Здравствуйте, крестненький! (Целуется.) Здравствуй, Феденька! (Целуется.) Здравствуйте, Егор Петрович! (Целуется.)

Желтухин. Александр Владимирович дома?

Орловский. Дома. В кабинете сидит.

Желтухин. Надо пойти к нему. Он писал мне, что дело какое-то есть... (Уходит.)

Юля. Егор Петрович, вы вчера получили ячмень по вашей записке?

Войницкий. Благодарю, получил. Сколько вам следует? Мы еще что-то брали у вас весной, не помню что... Надо нам счесться. Терпеть не могу путать и запускать счета.

Юля. Брали весной восемь четвертей ржи, Егор Петрович, двух телушек, одного бычка, и из вашего хутора присылали за маслом.

Войницкий. Сколько же вам следует?

Юля. Как же я могу? Я без счетов не могу, Егор Петрович.

Войницкий. Счета я вам сейчас принесу, если нужно... *(Уходит и тотчас же возвращается со счетами.)*

Орловский. Манюня, братон здоров?

Юля. Слава богу. Крестненький, где это вы купили такой галстух?

Орловский. В городе, у Кирпичева.

Юля. Славненький. Надо будет Ленечке такой купить.

Войницкий. Вот вам и счета.

Юля садится и шелкает на счетах.

Орловский. Какую Лене бог хозяйку послал! Пупсик, от земли не видно, а гляди, как

работает! Ишь ты!

Федор Иванович. Да, а он только ходит да за щеку держится. Свистун...

Орловский. Салопница моя милая... Знаете, ведь она в салопе ходит. Еду я в пятницу по базару, а она ходит около возов в салопе...

Юля. Вот вы меня и сбили.

Войницкий. Пойдемте, господа, куда-нибудь в другое место. В залу, что ли. Надоело мне здесь... *(Зевает.)*

Орловский. В залу так в залу... Мне все равно.

Уходят в левую дверь.

Юля *(одна, после паузы)*. Феденька чеченцем нарядился... Что значит родители направления хорошего не дали... Красивей мужчины во всей губернии нет, умный, богатый, а никакого толку... Дурак дураком... *(Щелкает на счетах.)*

Входит Соня.

5

Юля и Соня.

Соня. Вы у нас, Юлечка? А я не знала...

Юля *(целуется)*. Милая!

Соня. Что вы тут делаете? Считаете? Какая

вы хорошая хозяйка, даже смотреть завидно... Юлечка, отчего вы замуж не выходите?

Юля. Так... Меня приезжали сватать, да я отказала. За меня не посватается настоящий жених! *(Вздыхает.)* Нет!

Соня. Почему же?

Юля. Я необразованная девушка. Меня ведь из второго класса гимназии взяли!

Соня. Зачем же вас взяли, Юлечка?

Юля. За неспособности.

Соня смеется.

Что вы смеетесь, Сонечка?

Соня. У меня в голове как-то странно... Юлечка, я сегодня так счастлива, что даже скучно от счастья... Места себе не найду... Ну, давайте говорить о чем-нибудь, давайте... Вы были когда-нибудь влюблены?

Юля утвердительно кивает головой.

Да? Он интересный?

Юля шепчет ей на ухо.

В кого? В Федора Иваныча?

Юля *(утвердительно кивает головой).* А вы?

Соня. И я тоже... только я не в Федора Иваныча. *(Смеется.)* Ну, еще скажите что-нибудь.

Юля. Мне давно уж нужно поговорить с вами, Сонечка.

Соня. Пожалуйста.

Юля. Я хочу объясниться. Видите ли... Я всегда к вам душевно расположена... У меня много знакомых девушек, но вы из всех самая лучшая... Если б вы мне сказали: «Юлечка, дайте мне десять лошадей или, положим, двести овец». С удовольствием... Для вас бы ничего не пожалела...

Соня. Что же вы сконфузились, Юлечка?

Юля. Мне совестно... Я... я душевно к вам расположена... Из всех вы самая лучшая... не гордая... Какой у вас миленький ситчик!

Соня. Про ситчик после... Говорите...

Юля (*волнуясь*). Не знаю, как это по-умному... Позвольте предложить вам... осчастливить... то есть... то есть... выходите замуж за Ленечку. (*Закрывает лицо.*)

Соня (*вставая*). Не будем говорить об этом, Юлечка... Не надо, не надо...

Входит Елена Андреевна.

6

Те же и Елена Андреевна.

Елена Андреевна. Положительно де-

ваться некуда. Оба Орловские и Жорж ходят по всем комнатам, и куда ни войдешь, везде они. Просто даже тоска берет. Что им здесь надо? Ехали бы куда-нибудь.

Юля (*сквозь слезы*). Здравствуйте, Елена Андреевна! (*Хочет целоваться.*)

Елена Андреевна. Здравствуйте, Юлечка. Простите, я не люблю часто целоваться. Соня, что отец делает?

Пауза.

Соня, что же ты мне не отвечаешь? Я спрашиваю: что отец делает?

Пауза.

Соня, отчего ты не отвечаешь?

Соня. Вам хочется знать? Идите сюда... (*Отводит ее немного в сторону.*) Извольте, я скажу... Слишком чисто у меня сегодня на душе, чтобы я могла говорить с вами и продолжать скрывать. Вот возьмите! (*Подает письмо.*) Это я нашла в саду. Юлечка, пойдете! (*Уходит с Юлей в левую дверь.*)

7

Елена Андреевна, потом Федор Иванович.
Елена Андреевна (*одна*). Что такое? Письмо Жоржа ко мне! Но чем же я виновата?

О, как это резко, безбожно... У нее так чисто на душе, что она не может говорить со мной... Боже мой, так оскорблять... Голова кружится, я сейчас упаду...

Федор Иванович (*выходит из левой двери и идет через сцену*). Что это вы всё вздрагиваете, когда видите меня?

Пауза.

Гм... (*Берет у нее из рук письмо и рвет его на клочки.*) Все это вы бросьте. Вы должны думать только обо мне.

Пауза.

Елена Андреевна. Это что значит?

Федор Иванович. А это значит, что если я кого раз наметил, тому уж не вырваться из этих рук.

Елена Андреевна. Нет, это значит, что вы глупы и наглы.

Федор Иванович. Сегодня в семь с половиною часов вечера вы должны быть за садом около мостика и ждать меня... Ну-с? Больше я ничего не имею вам сказать... Итак, мой ангел, до семи с половиною часов. (*Хочет взять ее за руку.*)

Елена Андреевна дает ему пощечину.

Сильно сказано...

Елена Андреевна. Ступайте прочь.

Федор Иванович. Слушаю-с... *(Идет и возвращается.)* Я тронут... Будем рассуждать мирно. Видите ли... На этом свете я все испытал, даже уху из золотых рыбок два раза ел... Только вот еще на шарах не летал и ни разу еще у ученых профессоров жен не уводил.

Елена Андреевна. Ступайте...

Федор Иванович. Сейчас уйду... Все испытал... И столько у меня от этого наглости, что просто деваться некуда. То есть все это я к тому говорю, что если вам когда-нибудь понадобится друг или верный пес, то обратитесь ко мне... Я тронут...

Елена Андреевна. Никаких мне псов не надо... Ступайте.

Федор Иванович. Слушаю... *(Растроганный.)* Тем не менее все-таки я тронут... Конечно, тронут... Да... *(Нерешительно уходит.)*

Елена Андреевна (одна). Голова болит... Каждую ночь я вижу нехорошие сны и предчувствую что-то ужасное... Какая, однако, мерзость! Молодежь родилась и воспиталась вместе, друг с другом на «ты», всегда целуют-

ся; жить бы им в мире и в согласии, но, кажется, скоро все съедят друг друга... Леса спасает Леший, а людей некому спасать. *(Идет к левой двери, но, увидев идущих навстречу Желтухина и Юлю, уходит в среднюю.)*

8

Желтухин и Юля.

Юля. Как мы с тобой несчастны, Ленечка, ах, как несчастны!

Желтухин. Кто же уполномочивал тебя говорить с нею? Непрошенная сваха, баба! Ты мне все дело испортила! Она подумает, что я сам не умею говорить, и... и какое мещанство! Тысячу раз говорил я, что все это надо оставить. Ничего кроме унижения и этих всяких намеков, низостей, подлостей... Старик, вероятно, догадался, что я люблю ее, и уж эксплуатирует мое чувство! Хочет, чтобы я купил у него это имение.

Юля. А сколько он просит?

Желтухин. Тссс!.. Идут...

Входят из левой двери Серебряков, Орловский и Марья Васильевна; последняя читает на ходу брошюру.

9

Те же, Серебряков, Орловский и Марья Васильевна.

Орловский. Я и сам, душа моя, что-то не совсем здоров. Вот уж два дня голова болит и все тело ломит...

Серебряков. Где же остальные? Не люблю я этого дома. Какой-то лабиринт. Двадцать шесть громадных комнат, разбредутся все, и никого никогда не найдешь. *(Звонит.)* Пригласите сюда Егора Петровича и Елену Андреевну!

Желтухин. Юля, тебе нечего делать, походищи Егора Петровича и Елену Андреевну.

Юля уходит.

Серебряков. С нездоровьем еще можно мириться, куда ни шло, но чего я не могу переваривать, так это своего теперешнего настроения. У меня такое чувство, как будто я уже умер или с земли свалился на какую-то чужую планету.

Орловский. Оно с какой точки взглянуть...

Марья Васильевна *(читая)*. Дайте мне карандаша... Опять противоречие! Надо отметить.

Орловский. Извольте, ваше превосходитель-

тельство! (Подает карандаш и целует руку.)

Входит Войницкий.

10

Те же, *Войницкий*, потом *Елена Андреевна*

Войницкий. Я вам нужен?

Серебряков. Да, Жорж.

Войницкий. Что вам от меня угодно?

Серебряков. Вам... Что же ты сердисься?

Пауза.

Если я в чем виноват перед тобой, то извини, пожалуйста...

Войницкий. Оставь этот тон... Приступим к делу... Что тебе нужно?

Входит Елена Андреевна.

Серебряков. Вот и Леночка... Садитесь, господа.

Пауза.

Я пригласил вас, господа, чтобы объявить вам, что к нам едет ревизор. Впрочем, шутки в сторону. Дело серьезное. Я, господа, собрал вас, чтобы попросить у вас помощи и совета, и, зная всегдашнюю вашу любезность, надеюсь, что получу их. Человек я ученый, книжный и всегда был чужд практической жизни.

Обойтись без указаний сведущих людей я не могу и прошу тебя, Иван Иванович, вот вас, Леонид Степаныч, и тебя, Жорж... Дело в том, что *manet omnes una vox*[32], то есть все мы под богом ходим; я стар, болен и потому нахожу своевременным регулировать свои имущественные отношения постольку, поскольку они касаются моей семьи. Жизнь моя уже кончена, о себе я не думаю, но у меня молодая жена, дочь-девушка... Продолжать жить в деревне им невозможно.

Елена Андреевна. Мне все равно.

Серебряков. Мы для деревни не созданы. Жить же в городе на те средства, какие мы получаем с этого имения, невозможно. Третьего дня я продал на четыре тысячи лесу, но это мера экстраординарная, которую нельзя пользоваться ежегодно. Нужно изыскать такие меры, которые гарантировали бы нам постоянную, более или менее определенную цифру дохода. Я придумал одну такую меру и имею честь предложить ее на ваше обсуждение. Минуя детали, изложу ее в общих чертах. Наше имение дает в среднем размере не более двух процентов. Я предлагаю продать

его. Если вырученные деньги мы обратим в процентные бумаги, то будем получать от четырех до пяти процентов. Я думаю, что будет даже излишек в несколько тысяч, который нам позволит купить в Финляндии небольшую дачу...

Войницкий. Постой, мне кажется, что мне изменяет мой слух. Повтори, что ты сказал...

Серебряков. Деньги обратить в процентные бумаги и купить дачу в Финляндии...

Войницкий. Не Финляндия... Ты еще что-то другое сказал.

Серебряков. Я предлагаю продать имение.

Войницкий. Вот это самое... Ты продашь имение... Превосходно, богатая идея... А куда прикажешь деваться мне со старухой матерью?

Серебряков. Все это своевременно мы обсудим... Не сразу же...

Войницкий. Постой... Очевидно, до сих пор у меня не было ни капли здравого смысла. До сих пор я имел глупость думать, что это имение принадлежит Соне. Мой покойный отец купил это имение в приданое для моей сестры. До сих пор я был наивен, понимал законы

не по-турецки и думал, что именье от сестры перешло к Соне.

Серебряков. Да, имение принадлежит Соне... Кто спорит? Без согласия Сони я не решусь продать его. К тому же это я делаю для блага Сони.

Войницкий. Это непостижимо, непостижимо! Или я с ума сошел, или... или...

Марья Васильевна. Жорж, не противоречь профессору! Он лучше нас знает, что хорошо и что дурно.

Войницкий. Нет, дайте мне воды... *(Пьет воду.)* Говорите что хотите! Что хотите!

Серебряков. Я не понимаю, отчего ты волнуешься, Жорж? Я не говорю, что мой проект идеален. Если все найдут его негодным, то я не буду настаивать.

Входит Дядин; он во фраке, в белых перчатках и с широкополым цилиндром.

11

Те же и Дядин.

Дядин. Честь имею кланяться. Прошу прощения, что осмеливаюсь входить без доклада. Виновен, но заслуживаю снисхождения, так как у вас в передней нет ни одного

доместика[33].

Серебряков (*смущенно*). Очень рад... Прошу...

Дядин (*расшаркиваясь*). Ваше превосходительство! Mesdames! Мое вторжение в ваши пределы имеет двоякую цель. Во-первых, я пришел сюда, чтобы нанести визит и засвидетельствовать свое благоговейное уважение, во-вторых, чтобы пригласить всех вас, по случаю прекрасной погоды, совершить экспедицию в мою область. Обитаю я на водяной мельнице, которую арендую у нашего общего друга Лешего. Это укромный поэтический уголок земли, где ночью слышится плеск русалок, а днем...

Войницкий. Постой, Вафля, мы о деле... Погоди, после... (*Серебрякову*.) Вот спроси ты у него... Это именье куплено у его дяди.

Серебряков. Ах, да зачем мне спрашивать? К чему?

Войницкий. Это именье было куплено по тогдашнему времени за девяносто пять тысяч! Отец уплатил только семьдесят, и осталось долгу двадцать пять тысяч. Теперь слушайте... Именье это не было бы куплено, если

бы я не отказался от наследства в пользу сестры, которую любил. Мало того, я десять лет работал, как вол, и выплатил весь долг.

Орловский. Чего же вы, душа моя, хотите?

Войницкий. Именье чисто от долгов и не расстроено только благодаря моим личным усилиям. И вот, когда я стал стар, меня хотят выгнать отсюда в шею!

Серебряков. Я не понимаю, чего ты доби-
ваешься?

Войницкий. Двадцать пять лет я управлял этим имением, работал, высылал деньги, как самый добросовестный приказчик, и за все время ты ни разу не поблагодарил меня! Все время, и в молодости и теперь, я получал от тебя жалованья пятьсот рублей в год — нищенские деньги! — и ты ни разу не догадался прибавить мне хоть один рубль!

Серебряков. Жорж, почем же я знал! Я человек непрактический и ничего не понимаю. Ты мог бы сам прибавить себе, сколько угодно.

Войницкий. Зачем я не крал? Отчего вы все не презираете меня за то, что я не крал? Это было бы справедливо, и теперь я не был

бы нищим!

Марья Васильевна (*строго*). Жорж!

Дядин (*волнуясь*). Жорженька, не надо, не надо... Я дрожу... Зачем портить хорошие отношения? (*Целует его.*) Не надо...

Войницкий. Двадцать пять лет я вот с ней, вот с этой матерью, как крот, сидел в четырех стенах... Все наши мысли и чувства принадлежали тебе одному. Днем мы говорили о тебе, о твоих работах, гордились твоей известностью, с благоговением произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которые я теперь глубоко презираю!

Дядин. Не надо, Жорженька, не надо... Не могу...

Серебряков. Я не понимаю, что тебе нужно?

Войницкий. Ты для нас был существом высшего порядка, а твои статьи мы знали наизусть... Но теперь у меня открылись глаза. Я все вижу! Пишешь ты об искусстве, но ничего не понимаешь в искусстве! Все твои работы, которые я любил, не стоят гроша медного!

Серебряков. Господа! Да уймите же его на-

конец! Я уйду!

Елена Андреевна. Жорж, я требую, чтобы вы замолчали! Слышите?

Войницкий. Не замолчу! (*Загораживая Серебрякову дорогу.*) Постой, я не кончил! Ты погубил мою жизнь! Я не жил, не жил! По твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни! Ты мой злейший враг!

Дядин. Я не могу... не могу... Я уйду в другую комнату... (*В сильном волнении уходит в правую дверь.*)

Серебряков. Что ты хочешь от меня? И какое ты имеешь право говорить со мной таким тоном? Ничтожество! Если именье твое, то бери его, я не нуждаюсь в нем!

Желтухин (*в сторону*). Ну, заварилась каша!.. Уйду! (*Уходит.*)

Елена Андреевна. Если не замолчите, то я сию минуту уеду из этого ада! (*Кричит.*) Я не могу дольше выносить!

Войницкий. Пропала жизнь! Я талантлив, умен, смел... Если б я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский... Я зарапортовался! Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии! Матушка!

Марья Васильевна. Слушайся профессора!

Войницкий. Матушка! Что мне делать? Не нужно, не говорите! Я сам знаю, что мне делать! *(Серебрякову.)* Будешь ты меня помнить! *(Уходит в среднюю дверь.)*

Марья Васильевна идет за ним.

Серебряков. Господа, что же это наконец такое? Уберите от меня этого сумасшедшего!

Орловский. Ничего, ничего, Саша, у него душа уляжется. Ты не волнуйся так.

Серебряков. Не могу я жить с ним под одной крышей! Живет тут *(указывает на среднюю дверь)*, почти рядом со мной... Пусть перебирается в деревню, во флигель, или я переберусь отсюда, но оставаться с ним я не могу...

Елена Андреевна *(мужу)*. Если повторится еще что-нибудь подобное, то я уеду!

Серебряков. Ах, не пугай, пожалуйста!

Елена Андреевна. Я не пугаю, но все вы точно условились сделать из моей жизни ад... Я уеду...

Серебряков. Все отлично знают, что ты молода, я стар и что ты делаешь большое одолжение, что живешь здесь...

Елена Андреевна. Продолжай, продолжай...

Орловский. Ну, ну, ну... Друзья мои...

Быстро входит Хрущов.

12

Те же и Хрущов.

Хрущов (волнуясь). Очень рад, что застаю вас дома, Александр Владимирович... Простите, быть может, я пришел не вовремя и помешал вам... Но не в этом дело. Здравствуйте...

Серебряков. Что вам угодно?

Хрущов. Извините, я взволнован — это оттого, что сейчас я быстро ехал верхом... Александр Владимирович, я слышал, что третьего дня вы продали Кузнецову свой лес на сруб. Если это правда, а не простая сплетня, то, прошу вас, не делайте этого.

Елена Андреевна. Михаил Львович, муж сейчас не расположен говорить о делах. Пойдемте в сад.

Хрущов. Но мне сейчас нужно говорить!

Елена Андреевна. Как знаете... Я не могу...
(Уходит.)

Хрущов. Позвольте мне съездить к Кузне-

цову и сказать ему, что вы раздумали... Да? Позволяете? Повалить тысячу деревьев, уничтожить их ради каких-нибудь двух-трех тысяч, ради женских тряпок, прихоти, роскоши... Уничтожить, чтобы в будущем потомство проклидало наше варварство! Если вы, ученый, знаменитый человек, решаетесь на такую жестокость, то что же должны делать люди, стоящие много ниже вас? Как это ужасно!

Орловский. Миша, после об этом!

Серебряков. Пойдем, Иван Иванович, это никогда не кончится.

Хрущов (*загораживая Серебрякову дорогу*). В таком случае вот что, профессор... Погодите, через три месяца я получу деньги и куплю у вас сам.

Орловский. Извини, Миша, но это даже странно... Ну, ты, положим, идейный человек... покорнейше тебя благодарим за это, кланяемся тебе низко (*кланяется*), но зачем же стулья ломать?

Хрущов (*вспыхнув*). Всеобщий крестненький! Много добродушных людей на свете, и это всегда казалось мне подозрительным!

Добродушны они все оттого, что равнодушны!

Орловский. Вот ты ссориться сюда приехал, душа моя... Нехорошо! Идея-то идеей, но надо, брат, иметь еще и эту штуку... *(Показывает на сердце.)* Без этой штуки, душа моя, всем твоим лесам и торфам цена грош медный... Не обижайся, но зеленый ты еще, ух, какой зеленый!

Серебряков *(резко)*. И в другой раз потрудитесь не входить без доклада, и прошу вас избавить меня от ваших психопатических выходов! Всем вам хотелось вывести меня из терпения, и это удалось вам... Извольте меня оставить! Все эти ваши леса, торфы я считаю бредом и психопатией — вот мое мнение! Пойдем, Иван Иванович! *(Уходит.)*

Орловский *(идя за ним)*. Это, Саша, уж слишком... Зачем так резко? *(Уходит.)*

Хрущов *(один, после паузы)*. Бред, психопатия... Значит, по мнению знаменитого ученого и профессора, я сумасшедший... Преклоняюсь перед авторитетом вашего превосходительства и поеду сейчас домой, обрею себе голову. Нет, сумасшедшая земля, которая еще

держит вас!

Быстро идет к правой двери; из левой входит Соня, которая подслушивала у двери в продолжение всего 12-го явления.

13

Хрущов и Соня.

Соня (бежит за ним). Постойте... я все слышала... Говорите же... Говорите скорее, а то я не выдержу и сама начну говорить!

Хрущов. Софья Александровна, я сказал уже все, что мне нужно. Я умолял вашего отца пощадить лес, я был прав, а он оскорбил меня, назвал сумасшедшим... Я сумасшедший!

Соня. Довольно, довольно...

Хрущов. Да, не сумасшедшие те, которые под ученостью прячут свое жестокое, каменное сердце и свое бездушие выдают за глубокую мудрость! Не сумасшедшие те, которые выходят за стариков замуж только для того, чтобы у всех на глазах обманывать их, чтобы покупать себе модные, щегольские платья на деньги, вырученные от порубки лесов!

Соня. Слушайте меня, слушайте... (Сжимает ему руки.) Дайте мне сказать вам...

Хрущов. Перестанем. Кончим. Я для вас чужой, ваше мнение о себе я уже знаю, и делать мне тут больше нечего. Прощайте. Жалею, что после нашего короткого знакомства, которым я так дорожил, у меня останутся в памяти только подагра вашего отца и ваши рассуждения о моем демократизме... Но не я в этом виноват... Не я...

Соня плачет, закрывает лицо и быстро уходит в левую дверь.

Я имел неосторожность полюбить здесь, это послужит для меня уроком! Вон из этого погреба!

Идет к правой двери; из левой выходит Елена Андреевна.

14

Хрущов и Елена Андреевна.

Елена Андреевна. Вы еще здесь? Пойдите... Сейчас Иван Иванович сказал мне, что муж был резок с вами... Простите, он сегодня сердит и не понял вас... Что же касается меня, то моя душа принадлежит вам, Михаил Львович! Верьте в искренность моего уважения, я сочувствую, тронута, и позвольте мне от чистого сердца предложить вам мою дружбу.

бу! (Протягивает обе руки.)

Хрущов (брезгливо). Отойдите от меня... Я презираю вашу дружбу! (Уходит.)

Елена Андреевна (одна, стонет). За что? За что?

За сценой выстрел.

15

Елена Андреевна, Марья Васильевна, потом Соня, Серебряков, Орловский и Желтухин. **Марья Васильевна** выходит, пошатываясь, из средней комнаты, вскрикивает и падает без чувств. **Соня** выходит и бежит в среднюю дверь.

Серебряков. Что такое?

Орловский. Что такое?

Желтухин. Что такое?

Слышно, как вскрикивает **Соня**; она возвращается и кричит: «Дядя Жорж застрелился!» Она, **Орловский, Серебряков и Желтухин** бегут в среднюю дверь.

Елена Андреевна (стонет). За что? За что? За что?

В правой двери показывается **Дядин**.

16

Елена Андреевна, Марья Васильевна и Дядин.

Дядин (в дверях). Что такое?

Елена Андреевна (ему). Увезите меня отсюда! Бросьте меня в глубокую пропасть, убейте, но здесь я не могу оставаться. Скорее, умоляю вас! (Уходит с Дядиным.)

Занавес

Действие четвертое

Лес и дом при мельнице, которую арендует Дядин у Хрущова.

1

Елена Андреевна и Дядин сидят на скамье под окном.

Елена Андреевна. Голубчик Илья Ильич, завтра вы опять съездите на почту.

Дядин. Всенепременно.

Елена Андреевна. Погожу еще три дня. Если не получу от брата ответа на свое письмо, то возьму у вас денег взаймы и сама поеду в Москву. Не век же мне жить тут у вас на мельнице.

Дядин. Оно конечно...

Пауза.

Не смею я учить вас, многоуважаемая, но

все ваши письма, телеграммы, и что я каждый день езжу на почту — все это, извините, напрасные хлопоты. Какой бы ответ ни прислал вам братец, вы все равно вернетесь к супругу.

Елена Андреевна. Не вернусь я... Надо рассуждать, Илья Ильич. Мужа я не люблю. Молодежь, которую я любила, была несправедлива ко мне от начала до конца. Зачем же я туда вернусь? Вы скажете — долг... Это я и сама знаю отлично, но, повторяю, надо рассуждать...

Пауза.

Дядин. Так-с... Величайший русский поэт Ломоносов убежал из Архангельской губернии и нашел свою фортуна в Москве. Это, конечно, благородно с его стороны... А вы-то зачем бежали? Ведь вашего счастья, ежели рассуждать по совести, нигде нету... Положено канареечке в клетке сидеть и на чужое счастье поглядывать, ну, и сиди весь век.

Елена Андреевна. А может быть, я не канарейка, а вольный воробей!

Дядин. Эва! Видно птицу по полету, многоуважаемая... За эти две недели другая дама

успела бы в десяти городах побывать и всем в глаза пыль пустить, а вы изволили добежать только до мельницы, да и то у вас вся душа измучилась... Нет, куда уж! Поживете у меня еще некоторый период времени, сердце ваше успокоится, и поедете к супругу. *(Прислушивается.)* Кто-то едет в коляске. *(Встает.)*

Елена Андреевна. Я уйду.

Дядин. Не смею дольше утруждать вас своим присутствием... Пойду к себе на мельницу — и засну немножко... Нынче я встал раньше Авроры.

Елена Андреевна. Когда проснетесь, приходите, вместе чай будем пить. *(Уходит в дом.)*

Дядин (один). Если бы я жил в умственном центре, то с меня могли бы нарисовать в журнале карикатуру с презабавною сатирической надписью. Помилуйте, будучи уже в пожилых летах и с непривлекательною наружностью, я увез у знаменитого профессора молодую жену! Это восхитительно! *(Уходит.)*

2

Семен (несет ведра) и **Юля** (входит).

Юля. Здравствуй, Сенька, бог в помощь!

Илья Ильич дома?

Семен. Дома. Пошел на мельницу.

Юля. Поди позови.

Семен. Сейчас. *(Уходит.)*

Юля *(одна).* Спит, должно быть... *(Садится на лавочку под окном и глубоко вздыхает.)* Одни спят, другие гуляют, а я целый день мыкаюсь, мыкаюсь... не посылает бог смерти. *(Вздыхает еще глубже.)* Господи, есть же такие глупые люди, как этот Вафля! Еду я сейчас мимо его амбара, а из дверей черненький поросенок выходит... Вот как порвут ему сви- ньи чужие мешки, тогда и будет знать...

Входит Дядин.

3

Юля и Дядин.

Дядин *(надевает сюртук).* Это вы, Юлия Степановна? Виноват, я дезабилье... Хотел уснуть немножко в объятиях Морфея.

Юля. Здравствуйте.

Дядин. Извините, я не приглашаю вас в комнаты... Там у меня не прибрано и прочее... Ежели угодно, то пожалуйста на мельницу...

Юля. Я и тут посижу. Вот я зачем к вам приехала, Илья Ильич. Ленечка и профессор,

чтобы развлечься, хотят сегодня здесь у вас на мельнице пикник устроить, чаю напитокся...

Дядин. Весьма приятно.

Юля. Я вперед приехала... Скоро и они будут. Распорядитесь, чтобы поставили тут стол, ну и самовар, конечно... Велите Сеньке, чтоб он вынул из моей коляски корзины с провизией.

Дядин. Это можно.

Пауза.

Ну что? Как у вас там?

Юля. Плохо, Илья Ильич... Верите ли, такая забота, что я даже заболела. Вы знаете, ведь профессор и Сонечка теперь у нас живут!

Дядин. Знаю.

Юля. После того как Егор Петрович руки на себя наложил, они не могут жить в своем доме... Боятся. Днем все-таки еще ничего, а как вечер, сойдутся все в одной комнате и сидят до самого рассвета. Страшно всем. Боятся, как бы в потемках Егор Петрович не представился...

Дядин. Предрассудки... А про Елену Андреевну вспоминают?

Юля. Конечно, вспоминают.

Пауза.

Укатила!

Дядин. Да, сюжет, достойный кисти Айвазовского... Взяла и укатила.

Юля. И теперь неизвестно где... Может, уехала, а может, с отчаяния...

Дядин. Бог милостив, Юлия Степановна! Все будет благополучно.

Входит Хрущов с папкой и с ящиком для рисовальных принадлежностей.

4

Те же и Хрущов.

Хрущов. Эй! Кто здесь есть? Семен!

Дядин. Взгляни сюда!

Хрущов. А!.. Здравствуйте, Юлечка!

Юля. Здравствуйте, Михаил Львович.

Хрущов. А я, Илья Ильич, опять к тебе пришел работать. Не сидится дома. Вели повчерашнему поставить под это дерево мой стол, да и скажи, чтобы две лампы приготовили. Уж начинается...

Дядин. Слушаю, ваше благородие. (*Уходит.*)

Хрущов. Как живете, Юлечка?

Юля. Так себе...

Пауза.

Хрущов. Серебряковы у вас живут?

Юля. У нас.

Хрущов. Гм... А ваш Ленечка что делает?

Юля. Дома сидит... Всё с Сонечкой...

Хрущов. Еще бы!

Пауза.

Ему бы жениться на ней.

Юля. Что ж? *(Вздыхает.)* Дай бог! Он человек образованный, благородный, она тоже из хорошего семейства... Я всегда ей желала...

Хрущов. Дура она...

Юля. Ну, не скажите.

Хрущов. И ваш Ленечка тоже умник... Вообще вся ваша публика как на подбор. Ума палата!

Юля. Вы, должно быть, сегодня не обедали.

Хрущов. Почему вы это думаете?

Юля. Сердиты вы уж очень.

Входят Дядин и Семен; оба несут небольшой стол.

5

Те же, Дядин и Семен.

Дядин. А у тебя, Миша, губа не дура.

Прекрасное место выбрал ты себе для работы. Это оазис! Именно оазис! Вообрази, что это вокруг всё пальмы, Юлечка — кроткая лань, ты лев, я тигр.

Хрущов. Хороший ты, душевный человек, Илья Ильич, но что у тебя за манеры? Какие-то мармеладные слова, ногами шаркаешь, плечами дергаешь... Если кто посторонний увидит, то подумает, что ты не человек, а черт знает что... Досадно...

Дядин. Значит, на роду у меня так написано... Фатальное предопределение.

Хрущов. Ну вот, фатальное предопределение. Брось все это. (*Фиксирует на столе чертёж.*) Я сегодня останусь у тебя ночевать.

Дядин. Чрезвычайно рад. Вот ты, Миша, сердисься, а у меня на душе невыразимо отраднo! Как будто сидит у меня в груди птичка и песенку поет.

Хрущов. Радуйся.

Пауза.

У тебя в груди птичка, а у меня жаба. Двадцать тысяч скандалов! Шиманский продал свой лес на сруб... Это раз! Елена Андреевна бежала от мужа, и теперь никто не знает, где

она. Это два! Я чувствую, что с каждым днем становлюсь все глупее, мелочнее и бездарнее... Это три! Вчера я хотел рассказать тебе, но не мог, не хватило храбрости. Можешь меня поздравить. После покойного Егора Петровича остался дневник. Этот дневник на первых порах попал в руки Ивана Иваныча, я был у него и прочел раз десять...

Юля. Наши тоже читали.

Хрущов. Роман Жоржа с Еленой Андреевной, о котором трезвонил весь уезд, оказывается подлой, грязной сплетней... Я верил этой сплетне и клеветал заодно с другими, ненави-дел, презирал, оскорблял.

Дядин. Конечно, это нехорошо.

Хрущов. Первый, кому я поверил, был ваш брат, Юлечка! Хорош тоже и я! Поверил вашему брату, которого не уважаю, и не верил этой женщине, которая на моих же глазах жертвовала собой. Я охотнее верю злу, чем добру, и не вижу дальше своего носа. А это значит, что я бездарен, как все.

Дядин (Юле). Пойдемте, детка, на мельницу. Пускай он, злюка, тут работает, а мы с вами погуляем. Пойдемте... Работай, Мишенька.

(Уходит с Юлей.)

Хрущов *(один; разводит в блюдечке краску)*. Раз ночью я видел, как он прижался лицом к ее руке. У него в дневнике подробно описана эта ночь, описано, как я приехал туда, что говорил ему. Он приводит мои слова и называет меня глупцом и узким человеком.

Пауза.

Слишком густо... Надо посветлее... А дальше он бранит Соню за то, что она меня любила... Никогда она меня не любила... Кляксу сделал... *(Скоблит бумагу ножом.)* Даже если допустить, что это немножко верно, то все-таки нечего уж об этом думать... Глупо началось, глупо кончилось...

Семен и рабочие *несут большой стол.*

Что это вы? К чему это?

Семен. Илья Ильич велел. Господа из Желтухина приедут чай пить.

Хрущов. Покорно благодарю. Значит, на счет работы придется отложить попечение... Соберу все и уйду домой.

Входит Желтухин под руку с Соней.

Хрущев, Желтухин и Соня.

Желтухин (поет). «Невольню к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила...»

Хрущов. Кто это там? А! (Спешит уложить в ящик рисовальные принадлежности.)

Желтухин. Еще один вопрос, дорогая Софи... Помните, в день рождения вы завтракали у нас? Сознаться, что вы хохотали тогда над моей наружностью.

Соня. Полноте, Леонид Степаныч. Можно ли это говорить? Хохотала я без причины.

Желтухин (увидев Хрущова). А, кого вижу! И ты здесь? Здравствуй.

Хрущов. Здравствуй.

Желтухин. Работаешь? Отлично... Где Вафля?

Хрущов. Там...

Желтухин. Где там?

Хрущов. Я, кажется, ясно говорю... Там, на мельнице.

Желтухин. Пойти позвать его. (Идет и напевает.) «Невольню к этим грустным берегам...» (Уходит.)

Соня. Здравствуйте.

Хрущов. Здравствуйте.

Пауза.

Соня. Что это вы рисуете?

Хрущов. Так... неинтересно.

Соня. Это план?

Хрущов. Нет, лесная карта нашего уезда. Я составил.

Пауза.

Зеленая краска означает места, где были леса при наших дедах и раньше; светло-зеленая — где вырублен лес в последние двадцать пять лет, ну, а голубая — где еще уцелел лес... Да...

Пауза.

Ну, а вы что? Счастливы?

Соня. Теперь, Михаил Львович, не время думать о счастье.

Хрущов. О чем же думать?

Соня. И горе наше произошло только оттого, что мы слишком много думали о счастье...

Хрущов. Так-с.

Пауза.

Соня. Нет худа без добра. Горе научило меня. Надо, Михаил Львович, забыть о своем счастье и думать только о счастье других.

Нужно, чтоб вся жизнь состояла из жертв.

Хрущов. Ну, да...

Пауза.

У Марьи Васильевны застрелился сын, а она все еще ищет противоречий в своих брошюрках. Над вами стряслось несчастье, а вы тешите свое самолюбие: стараетесь исковеркать свою жизнь и думаете, что это похоже на жертвы... Ни у кого нет сердца... Нет его ни у вас, ни у меня... Делается совсем не то, что нужно, и все идет прахом... Я сейчас уйду и не буду мешать вам и Желтухину... Что же вы плачете? Я этого вовсе не хотел.

Соня. Ничего, ничего... *(Утирает глаза.)*

Входят Юля, Дядин и Желтухин.

7

Те же, Юля, Дядин, Желтухин, потом Серебряков и Орловский.

Голос Серебрякова: «Ау! Где вы, господа?»

Соня *(кричит).* Папа, здесь!

Дядин. Самовар несут! Восхитительно!

(Хлопчет с Юлей около стола.)

Входят Серебряков и Орловский.

Соня. Сюда, папа!

Серебряков. Вижу, вижу...

Желтухин (*громко*). Господа, объявляю заседание открытым! Вафля, откупоривайте наливку!

Хрущов (*Серебрякову*). Профессор, забудем все, что между нами произошло! (*Протягивает руку.*) Я прошу у вас извинения...

Серебряков. Благодарю. Очень рад. Вы тоже простите меня. Когда я после того случая на другой день старался обдумать все происшедшее и вспомнил о нашем разговоре, мне было очень неприятно... Будем друзьями. (*Берет его под руку и идет к столу.*)

Орловский. Вот так бы давно, душа моя. Худой мир лучше доброй ссоры.

Дядин. Ваше превосходительство, я счастлив, что вы изволили пожаловать в мой оазис. Неизъяснимо приятно!

Серебряков. Благодарю, почтеннейший. Здесь в самом деле прекрасно. Именно оазис.

Орловский. А ты, Саша, любишь природу?

Серебряков. Весьма.

Пауза.

Не будем молчать, господа, будем говорить. В нашем положении это самое лучшее. Надо глядеть несчастьям в глаза смело и пря-

мо. Я гляжу бодрее вас всех, и это оттого, что я больше всех несчастлив.

Юля. Господа, я сахару класть не буду; пейте с вареньем.

Дядин (*суется около гостей*). Как я рад, как я рад!

Серебряков. В последнее время, Михаил Львович, я так много пережил и столько передумал, что, кажется, мог бы написать в написание потомству целый трактат о том, как надо жить. Век живи, век учишься, а несчастия учат нас.

Дядин. Кто старое помянет, тому глаз вон. Бог милостив, все обойдется благополучно.

Соня вздрагивает.

Желтухин. Что это вы так вздрогнули?

Соня. Кто-то крикнул.

Дядин. Это на реке мужики раков ловят.

Пауза.

Желтухин. Господа, мы ведь условились, что проведем этот вечер так, как будто ничего не случилось... Право, а то напряжение какое-то...

Дядин. Я, ваше превосходительство, питаю к науке не только благоговение, но даже род-

ственные чувства. Брата моего Григория Ильича жены брат, может быть, изволите знать, Константин Гаврилыч Новоселов был магистром иностранной словесности.

Серебряков. Знаком не был, но знаю.

Пауза.

Юля. Завтра ровно пятнадцать дней, как умер Егор Петрович.

Хрущов. Юлечка, не будем говорить об этом.

Серебряков. Бодро, бодро!

Пауза.

Желтухин. Все-таки чувствуется какое-то напряжение...

Серебряков. Природа не терпит пустоты. Она лишила меня двух близких людей и, чтобы пополнить этот дефект, скоро послала мне новых друзей. Пью ваше здоровье, Леонид Степанович!

Желтухин. Благодарю вас, дорогой Александр Владимирович! В свою очередь позвольте мне выпить за вашу плодотворную ученую деятельность.

*Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сер-*

дечное
Русский народ!

Серебряков. Ценю ваше приветствие. От души желаю, чтобы скорее наступило время, когда наши дружеские отношения перейдут в более короткие.

Входит **Федор Иванович.**

8

Те же и Федор Иванович.

Федор Иванович. Вот оно что! Пикник!

Орловский. Сыночек мой... красавец!

Федор Иванович. Здравствуйте. *(Целуется с Соней и Юлей.)*

Орловский. Целые две недели не видались. Где был? Что видел?

Федор Иванович. Поехал я сейчас к Лёне, там мне сказали, что вы здесь, ну, я и поехал сюда.

Орловский. Где шатался?

Федор Иванович. Три ночи не спал... Вчера, отец, в карты пять тысяч проиграл. И пил, и в карты играл, и в городе раз пять был... Со всем очумел.

Орловский. Молодчина! Стало быть, теперь выпивши?

Федор Иванович. Ни в одном глазе. Юлька, чаю! Только с лимоном, покислей... А какой Жорж-то, а? Взял, ни с того, ни с сего, и чичикнул себе в лоб! И нашел тоже из чего: из Лефоше! Не мог взять Смита и Вессона!

Хрущов. Замолчи ты, скотина!

Федор Иванович. Скотина, но только породистая. *(Разглаживает себе бороду.)* Одна борода чего стоит... Вот я и скотина, и дурак, и каналья, а стоит мне только захотеть — и за меня любая невеста пойдет. Соня, выходи за меня замуж! *(Хрущову.)* Впрочем, виноват... Pardon...

Хрущов. Перестань дурака ломать.

Юля. Пропаций ты человек, Феденька! Во всей губернии нет другого такого пьяницы и мотыги, как ты. Даже глядеть на тебя жалко. Фараон фараоном — чистое наказание!

Федор Иванович. Ну, запела Лазаря! Иди, сядь рядом со мной... Вот так. Я к тебе на две недели поеду жить... Отдохнуть надо. *(Целует ее.)*

Юля. От людей за тебя совестно. Ты должен отца своего под старость утешать, а ты его только срамишь. Дурацкая жизнь и боль-

ше ничего.

Федор Иванович. Бросаю пить! Баста! (*Наливает себе наливки.*) Это сливянка или вишневка?

Юля. Не пей же, не пей.

Федор Иванович. Одну рюмку можно. (*Пьет.*) Дарю тебе, Леший, пару лошадей и ружье. К Юле поеду жить... Проживу у нее недельки две.

Хрущов. Тебе бы в дисциплинарном батальоне пожить.

Юля. Пей, пей чай!

Дядин. Ты с сухариками, Феденька.

Орловский (*Серебрякову*). Я, брат Саша, до сорока лет вел такую же вот жизнь, как мой Федор. Раз я, душа моя, стал считать, сколько женщин на своем веку я сделал несчастными? Считал, считал, дошел до семидесяти и бросил.

Ну-с, а как только исполнилось мне сорок лет, вдруг на меня, брат Саша, что-то нашло. Тоска, места себе нигде не найду, одним словом, разлад в душе, да и шабаш. Я туда-сюда, и книжки читаю, и работаю, и путешествую — не помогает! Ну-с, душа моя, поехал я

как-то в гости к покойному куму моему, светлейшему князю Дмитрию Павловичу. Закусили, пообедали... После обеда, чтобы не спать, затеяли на дворе стрельбу в цель. Народу собралось видимо-невидимо. И наш Вафля тут был.

Дядин. Был, был... помню.

Орловский. Тоска у меня, понимаешь ли — господи! Не выдержал. Вдруг слезы брызнули из глаз, зашатался и как крикну на весь двор, что есть мочи: «Друзья мои, люди добрые, простите меня ради Христа!» В ту же самую минуту стало на душе у меня чисто, ласково, тепло, и с той поры, душа моя, во всем уезде нет счастливей меня человека. И тебе это самое надо сделать.

Серебряков. Что?

На небе показывается зарево.

Орловский. Вот это самое. На капитуляцию сдаться надо.

Серебряков. Образчик туземной философии. Ты советуешь мне прощения просить. За что? Пусть у меня прощения попросят!

Соня. Папа, но ведь мы виноваты!

Серебряков. Да? Господа, очевидно, в на-

стоящую минуту все вы имеете в виду мои отношения к жене. Неужели, по-вашему, я виноват? Это даже смешно, господа. Она нарушила свой долг, оставила меня в тяжелую минуту жизни...

Хрущов. Александр Владимирович, выслушайте меня... Вы двадцать пять лет были профессором и служили науке, я сажаю леса и занимаюсь медициной, но к чему, для кого все это, если мы не щадим тех, для кого работаем? Мы говорим, что служим людям, и в то же время бесчеловечно губим друг друга. Например, сделали ли мы с вами что-нибудь, чтобы спасти Жоржа? Где ваша жена, которую все мы оскорбляли? Где ваш покой, где покой вашей дочери? Все погибло, разрушено, все идет прахом. Вы, господа, называете меня Лешим, но ведь я не один, во всех вас сидит леший, все вы бродите в темном лесу и живете ощупью. Ума, знаний и сердца у всех хватает только на то, чтобы портить жизнь себе и другим.

Елена Андреевна выходит из дому и садится на скамью под окном.

Те же и Елена Андреевна.

Хрущов. Я считал себя идейным, гуманным человеком и наряду с этим не прощал людям малейших ошибок, верил сплетням, клеветал заодно с другими, и когда, например, ваша жена доверчиво предложила мне свою дружбу, я выпалил ей с высоты своего величия: «Отойдите от меня! Я презираю вашу дружбу!» Вот каков я. Во мне сидит леший, я мелок, бездарен, слеп, но и вы, профессор, не орел! И в то же время весь уезд, все женщины видят во мне героя, передового человека, а вы знамениты на всю Россию! А если таких, как я, серьезно считают героями, и если такие, как вы, серьезно знамениты, то это значит, что на безлюдье и Фома дворянин, что нет истинных героев, нет талантов, нет людей, которые выводили бы нас из этого темного леса, исправляли бы то, что мы портим, нет настоящих орлов, которые по праву пользовались бы почетной известностью...

Серебряков. Виноват... Я приехал сюда не для того, чтобы полемизировать с вами и защищать свои права на известность.

Желтухин. Вообще, Миша, прекратим этот

разговор.

Хрущов. Я сейчас кончу и уйду. Да, я мелок, но и вы, профессор, не орел! Мелок Жорж, который ничего не нашел умнее сделать, как только пустить себе пулю в лоб. Все мелки! Что же касается женщин...

Елена Андреевна (*перебивая*). Что же касается женщин, то и они не крупнее. (*Идет к столу.*) Елена Андреевна ушла от своего мужа, и, вы думаете, она сделает что-нибудь путное из своей свободы? Не беспокойтесь... Она вернется... (*Садится за стол.*) Вот уж и вернулась...

Общее замешательство.

Дядин (*хохочет*). Это восхитительно! Господа, не велите казнить, велите слово вымолвить! Ваше превосходительство, это я похитил у вас супругу, как некогда некий Парис прекрасную Елену! Я! Хотя рябые Парисы и не бывают, но, друг Горацио, на свете есть много такого, что не снилось нашим мудрецам!

Хрущов. Ничего не понимаю... Это вы, Елена Андреевна?

Елена Андреевна. Эти две недели я прожила у Ильи Ильича... Что вы на меня так

смотрите? Ну, здравствуйте... Я сидела у окна и все слышала. *(Обнимает Соню.)* Давайте мириться. Здравствуй, милая девочка... Мир и согласие!

Дядин *(потирая руки)*. Это восхитительно!

Елена Андреевна *(Хрущову)*. Михаил Львович. *(Дает руку.)* Кто старое помянет, тому глаз вон. Здравствуйте, Федор Иваныч... Юлечка...

Орловский. Душа моя, профессорша наша славная, красавица... Она вернулась, опять пришла к нам...

Елена Андреевна. Я соскучилась по вас. Здравствуй, Александр! *(Протягивает мужу руку, тот отворачивается.)* Александр!

Серебряков. Вы нарушили ваш долг.

Елена Андреевна. Александр!

Серебряков. Не скрою, я очень рад видеть вас и готов говорить с вами, но не здесь, а дома... *(Отходит от стола.)*

Орловский. Саша!

Пауза.

Елена Андреевна. Так... Значит, Александр, наш вопрос решается очень просто: никак. Ну, так тому и быть! Я эпизодическое ли-

цо, счастье мое канареечное, бабье счастье... Сиди сиднем весь век дома, ешь, пей, спи и слушай каждый день, как говорят тебе о подагре, о своих правах, о заслугах. Что вы все опустили головы, точно сконфузились? Давайте пить наливку, что ли? Эх!

Дядин. Все обойдется, исправится, все будет хорошо и благополучно.

Федор Иванович (*подходит к Серебрякову, взволнованный*). Александр Владимирович, я тронут... Прошу вас, приласкайте вашу жену, скажите ей хоть одно доброе слово, и, честное слово благородного человека, я всю жизнь буду вашим верным другом, подарю вам лучшую свою тройку.

Серебряков. Благодарю, но, извините, я вас не понимаю...

Федор Иванович. Гм... не понимаете... Иду я раз с охоты, смотрю — на дереве филин сидит. Я в него трах бекасинником! Он сидит... я в него девятым номером... Сидит... Ничто его не берет. Сидит и только глазами хлопает.

Серебряков. К чему же это относится?

Федор Иванович. К филину. (*Возвращается к столу.*)

Орловский (*прислушивается*). Позвольте, господа... Тише... Кажется, где-то в набат бьют...

Федор Иванович (*увидел зарево*). Ой-ой-ой! Поглядите на небо! Какое зарево!

Орловский. Батюшки, а мы сидим тут и не видим!

Дядин. Ловко.

Федор Иванович. Те-те-те! Вот так иллюминация! Это около Алексеевского.

Хрущов. Нет, Алексеевское будет правее... Скорее это в Ново-Петровском.

Юля. Как страшно! Боюсь я пожаров!

Хрущов. Конечно, в Ново-Петровском.

Дядин (*кричит*). Семен, сбегай на плотину, погляди оттуда, что горит. Может, видно!

Семен (*кричит*). Это Телибеевский лес горит.

Дядин. Что?

Семен. Телибеевский лес!

Дядин. Лес...

Продолжительная пауза.

Хрущов. Мне надо идти туда... на пожар. Прощайте... Извините, я был резок — это оттого, что никогда я себя не чувствовал в та-

ком угнетенном состоянии, как сегодня... У меня тяжело на душе... Но все это не беда... Надо быть человеком и твердо стоять на ногах. Я не застрелюсь и не брошусь под колеса мельницы... Пусть я не герой, но я сделаюсь им! Я отращу себе крылья орла, и не испугают меня ни это зарево, ни сам черт! Пусть горят леса — я посею новые! Пусть меня не любят, я полюблю другую! *(Быстро уходит.)*

Елена Андреевна. Какой он молодец!

Орловский. Да... «Пусть меня не любят — я полюблю другую». Как сие понимать прикажете?

Соня. Увезите меня отсюда... Домой хочу...

Серебряков. Да, пора уже ехать. Сырость здесь невозможная. Где-то были мой плэд и пальто...

Желтухин. Плэд в коляске, а пальто здесь. *(Подает пальто.)*

Соня *(в сильном волнении).* Увезите меня отсюда... Увезите...

Желтухин. Я к вашим услугам...

Соня. Нет, я с крестненьким поеду. Возьмите меня с собой, крестненький...

Орловский. Поедем, душа моя, поедем. *(По-*

могает ей одеться.)

Желтухин (в сторону). Черт знает... Ничего кроме подлостей и унижения.

Федор Иванович и **Юля** укладывают в корзину посуду и салфетки.

Серебряков. Левая нога болит в ступне... Ревматизм, должно быть... Опять придется всю ночь не спать.

Елена Андреевна (застегивая мужу пальто). Милый Илья Ильич, принесите мне из дому мою шляпу и тальму!

Дядин. Сию минуту! (Уходит в дом и возвращается с шляпой и тальмой.)

Орловский. Зарева, душа моя, испугалась! Не бойся, оно стало меньше. Пожар потухает...

Юля. Полбанки кизилового варенья осталось... Ну, это пусть Илья Ильич скушает. (Брату.) Ленечка, бери корзину.

Елена Андреевна. Я готова. (Мужу.) Ну, бери меня, статуя командора, и проваливайся со мной в свои двадцать шесть унылых комнат! Туда мне и дорога!

Серебряков. Статуя командора... Я посмеялся бы этому сравнению, но мне мешает

боль в ноге. *(Всем.)* До свидания, господа! Благодарю вас за угощение и за приятное общество... Великолепный вечер, отличный чай — все прекрасно, но, простите, только одного я не могу признать у вас — это вашей туземной философии и взглядов на жизнь. Надо, господа, дело делать. Так нельзя! Надо дело делать... Да-с... Прощайте... *(Уходит с женой.)*

Федор Иванович. Пойдем, салопница! *(Отцу.)* Прощай, отче! *(Уходит с Юлей.)*

Желтухин *(с корзиной, идя за ними).* Тяжелая корзина, черт бы ее побрал... Терпеть не могу этих пикников. *(Уходит и кричит за сценой.)* Алексей, подавай.

10

Орловский, Соня и Дядин.

Орловский *(Соне).* Ну, что же села? Пойдем, манюся... *(Идет с Соней.)*

Дядин *(в сторону).* А со мной никто не простился... Это восхитительно! *(Тушит свечи.)*

Орловский *(Соне).* Что же ты?

Соня. Не могу я идти, крестненький... Сил нет! Я в отчаянии, крестненький... я в отчаянии! Мне невыносимо тяжело!

Орловский *(встревоженно).* Что такое? Ду-

ша моя, красавица...

Соня. Останемся... Побудем здесь немного.

Орловский. То увезите, то останемся... Тебя не поймешь...

Соня. Здесь я потеряла сегодня свое счастье... Не могу... Ах, крестненький, зачем я еще не умерла! *(Обнимает его.)* Ах, если б вы знали, если б вы знали!

Орловский. Тебе водицы... Пойдем сядем... иди...

Дядин. Что такое? Софья Александровна, матушка... я не могу, я весь дрожу... *(Слезливо.)* Не могу я видеть этого... Деточка моя...

Соня. Илья Ильич, родной мой, свезите меня на пожар! Умоляю вас!

Орловский. Зачем тебе на пожар? Что ты там будешь делать?

Соня. Умоляю вас, свезите, а то я сама пойду. Я в отчаянии... Крестненький, мне тяжело, невыносимо тяжело. Свезите меня на пожар.

Быстро входит Хрущов.

11

Те же и Хрущов.

Хрущов *(кричит)*. Илья Ильич!

Дядин. Здесь! Что тебе?

Хрущов. Я не могу идти пешком, дай мне лошадь.

Соня (узнав Хрущова, радостно вскрикивает). Михаил Львович! (Идет к нему.) Михаил Львович! (Орловскому.) Уйдите, крестненький, мне поговорить с ним нужно. (Хрущову.) Михаил Львович, вы сказали, что полюбите другую... (Орловскому.) Уйдите, крестненький... (Хрущову.) Я теперь другая... Я хочу одну только правду... Ничего, ничего, кроме правды! Я люблю, люблю вас... люблю...

Орловский. Вот так история с географией. (Хохочет.)

Дядин. Это восхитительно!

Соня (Орловскому). Уйдите, крестненький. (Хрущову.) Да, да, одной только правды и больше ничего... Говорите же, говорите... Я все сказала...

Хрущов (обнимая ее). Голубка моя!

Соня. Не уходите, крестненький... Когда ты объяснялся мне, я всякий раз задыхалась от радости, но я была скована предрассудками; отвечать тебе правду мне мешало то же самое, что теперь мешает моему отцу улыбаться Елене. Теперь я свободна...

Орловский (*хохочет*). Спелись-таки, наконец! Выкарабкались на берег! Честь имею вас поздравить. (*Низко кланяется.*) Ах вы, бесстыдники, бесстыдники! Канителили, друг дружку за фалды ловили!

Дядин (*обнимая Хрущова*). Мишенька, голубчик, как ты меня обрадовал! Мишенька!

Орловский (*обнимая и целуя Соню*). Дуся, канареечка моя... Дочка моя крестненькая...

Соня хохочет.

Ну, закатилась!

Хрущов. Позвольте, я никак не могу опомниться... Дайте мне еще поговорить с нею... Не мешайте... Умоляю вас, уходите...

Входят Федор Иванович и Юля.

12

Те же, Федор Иванович и Юля.

Юля. Но ведь ты, Феденька, все врешь! Ты все врешь!

Орловский. Тссс! Тише, ребятки! Мой разбойник идет. Спрячемся, господа, поскорее! Пожалуйста.

Орловский, Дядин, Хрущов и Соня прячутся.

Федор Иванович. Я забыл тут свой кнут и перчатку.

Юля. Но ведь ты все врешь!

Федор Иванович. Ну, вру... Что ж из этого? Не хочу я сейчас ехать к тебе... Погуляем, тогда и поедем.

Юля. Забота мне с тобой! Чистое наказание! *(Всплескивает руками.)* Ну, не дурак ли этот Вафля! До сих пор со стола не убрал! Ведь самовар украсть могут... Ах, Вафля, Вафля, кажется, уж старый, а ума меньше, чем у дитя!

Дядин *(в сторону)*. Благодарим покорно.

Юля. Когда мы шли, тут кто-то смеялся...

Федор Иванович. Это бабы купаются... *(Поднимает перчатку.)* Чья-то перчатка... Сонина... Сегодня Соню точно муха укусила. В Лешего влюблена. Она в него по уши врезалась, а он, болван, не видит.

Юля *(сердито)*. Куда же это мы идем?

Федор Иванович. На плотину... Пойдем погуляем... Лучшего места во всем уезде нет... Красота!

Орловский *(в сторону)*. Сыночек мой, красавец, борода широкая...

Юля. Я сейчас слышала чей-то голос.

Федор Иванович. Тут чудеса, тут леший бродит, русалка на ветвях сидит... Так-то, дя-

дя! *(Хлопает ее по плечу.)*

Юля. Я не дядя.

Федор Иванович. Будем рассуждать мирно. Слушай, Юлечка. Я прошел сквозь огонь, воду и медные трубы... Мне уж тридцать пять лет, а у меня никакого звания, кроме как поручик сербской службы и унтер-офицер русского запаса. Болтаюсь между небом и землей... Нужно мне образ жизни переменить, и знаешь... понимаешь, у меня теперь в голове такая фантазия, что если я женюсь, то в моей жизни произойдет круговорот... Выходи за меня, а? Лучшей мне не надо...

Юля *(смущенно)*. Гм... Видишь ли... Сначала исправься, Феденька.

Федор Иванович. Да ну, не цыгань! Говори прямо!

Юля. Мне совестно... *(Оглядывается.)* Постой, как бы кто не вошел или не подслушал... Кажется, Вафля в окно смотрит.

Федор Иванович. Никого нет.

Юля *(бросается ему на шею)*. Феденька!

Соня хохочет; Орловский, Дядин и Хрущов хохочут, хлопают в ладоши и кричат: «Браво! Браво!»

Федор Иванович. Тьфу! Испугали! Откуда вы взялись?

Соня. Юлечка, поздравляю! И я тоже, и я тоже!

Смех, поцелуи, шум.

Дядин. Это восхитительно! Это восхитительно!

Занавес

Юбилей

Шутка в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шипучин Андрей Андреевич, председатель правления N-ского Общества взаимного кредита, нестарый человек, с моноклем.

Татьяна Алексеевна, его жена, 25 лет.

Хирин Кузьма Николаевич, бухгалтер банка, старик.

Мерчуткина Настасья Федоровна, старуха в салопе.

Члены банка.

Служащие в банке.

Действие происходит в N-ском Банке взаимного кредита.

Кабинет председателя правления. Налево дверь, ведущая в контору банка. Два письменных стола. Обстановка с претензией на изысканную роскошь: бархатная мебель, цветы, статуи, ковры, телефон. — Полдень. **Хирин** один; он в валенках.

Хирин (кричит в дверь). Пошлите взять в аптеке валериановых капель на пятнадцать копеек да велите принести в директорский кабинет свежей воды! Сто раз вам говорить! (Идет к столу.) Совсем замучился. Пишу уже четвертые сутки и глаз не смыкаю; от утра до вечера пишу здесь, а от вечера до утра — дома. (Кашляет.) А тут еще воспаление во всем теле. Зноб, жар, кашель, ноги ломит и в глазах этакие... междометия. (Садится.) Наш кривляка, этот мерзавец, председатель правления, сегодня на общем собрании будет читать доклад: «Наш банк в настоящем и в будущем». Какой Гамбетта, подумаешь... (Пишет.) Два... один... один... шесть... ноль... семь... Затем, шесть... ноль... один... шесть... Ему хочется пыль пустить, а я вот сиди и работай для него, как каторжный!.. Он в этот доклад одной только поэзии напустил и больше ниче-

го, а я вот день-деньской на счетах щелкай, черт бы его душу драл!.. (Щелкает на счетах.) Терпеть не могу! (Пишет.) Значит, один... три... семь... два... один... ноль... Обещал награждать за труды. Если сегодня все обойдется благополучно и удастся очки втереть публике, то обещал золотой жетон и триста наградных... Увидим. (Пишет.) Ну, а если труды мои пропадут даром, то, брат, не взыщи... Я человек вспыльчивый... Я, брат, под горячую руку могу и преступление совершить... Да!

За сценой шум и аплодисменты. Голос Шипучина: «Благодарю! благодарю! Тронут!» Входит Шипучин. Он во фраке и белом галстуке; в руках только что поднесенный ему альбом.

Шипучин (стоя в дверях и обращаясь в контору). Этот ваш подарок, дорогие сослуживцы, я буду хранить до самой смерти как воспоминание о счастливейших днях моей жизни! Да, милостивые государи! Еще раз благодарю! (Посылает воздушный поцелуй и идет к Хирину.) Мой дорогой, мой почтеннейший Кузьма Николаич!

Все время, пока он на сцене, служащие изредка входят с бумагами для подписи и ухо-

дят.

Хирин (вставая). Честь имею поздравить вас, Андрей Андреевич, с пятнадцатилетней годовщиной нашего банка и желаю, чтоб...

Шипучин (крепко пожимает руку). Благодарю, мой дорогой! Благодарю! Для сегодняшнего знаменательного дня, ради юбилея, полагаю, можно и поцеловаться!..

Целуются.

Очень, очень рад! Спасибо вам за службу... за все, за все спасибо! Если мною, пока я имею честь быть председателем правления этого банка, сделано что-нибудь полезное, то этим я обязан прежде всего своим сослуживцам. (Вздыхает.) Да, батенька, пятнадцать лет! Пятнадцать лет, не будь я Шипучин! (Живо.) Ну, что мой доклад? Подвигается?

Хирин. Да. Осталось всего страниц пять.

Шипучин. Прекрасно. Значит, к трем часам будет готов?

Хирин. Если никто не помешает, то кончу. Пустяки осталось.

Шипучин. Великолепно. Великолепно, не будь я Шипучин! Общее собрание будет в четыре. Пожалуйста, голубчик. Дайте-ка мне

первую половину, я проштудирую... Дайте скорее... *(Берет доклад.)* На этот доклад я возлагаю громадные надежды... Это мое profession de foi[34], или, лучше сказать, мой фейерверк... Фейерверк, не будь я Шипучин! *(Садится и про себя читает доклад.)* Устал я, однако, адски... Ночью у меня был припадок подагры, все утро провел в хлопотах и побегушках, потом эти волнения, овации, эта ажитация... устал!

Хирин *(пишет)*. Два... ноль... ноль... три... девять... два... ноль... От цифр в глазах зелено... Три... один... шесть... четыре... один... пять... *(Щелкает на счетах.)*

Шипучин. Тоже неприятность... Сегодня утром была у меня ваша супруга и опять жаловалась на вас. Говорила, что вчера вечером вы за нею и за свояченицею с ножом гонялись. Кузьма Николаич, на что это похоже? Ай-ай!

Хирин *(сурово)*. Осмелюсь ради юбилея, Андрей Андреич, обратиться к вам с просьбой. Прошу вас, хотя бы из уважения к моим каторжным трудам, не вмешивайтесь в мою семейную жизнь. Прошу!

Шипучин (*вздыхает*). Невозможный у вас характер, Кузьма Николаич! Человек вы прекрасный, почтенный, а с женщинами держите себя, как какой-нибудь Джэк. Право. Не понимаю, за что вы их так ненавидите?

Хирин. А я вот не понимаю: за что вы их так любите?

Пауза.

Шипучин. Служащие поднесли сейчас альбом, а члены банка, как я слышал, хотят поднести мне адрес и серебряный жбан... (*Играя моноклем.*) Хорошо, не будь я Шипучин! Это не лишнее... Для репутации банка необходима некоторая помпа, черт возьми! Вы свой человек, вам все, конечно, известно... Адрес сочинял я сам, серебряный жбан купил тоже я сам... Ну, и переплет для адреса сорок пять рублей, но без этого нельзя. Сами бы они не догадались. (*Оглядывается.*) Обстановочка-то какова! Что за обстановка! Вот говорят, что я мелочен, что мне нужно, чтобы только замки у дверей были почищены, чтоб служащие носили модные галстуки да у подъезда стоял толстый швейцар. Ну, нет, судари мои. Замки у дверей и толстый швейцар — не мелочь. До-

ма у себя я могу быть мещанином, есть и спать по-свински, пить запоем...

Хирин. Прошу, пожалуйста, без намеков!

Шипучин. Ах, никто не намекает! Какой у вас невозможный характер... Так вот я и говорю: дома у себя я могу быть мещанином, парвеню и слушаться своих привычек, но здесь все должно быть en grand[35]. Здесь банк! Здесь каждая деталь должна импонировать, так сказать, и иметь торжественный вид. *(Поднимает с пола бумажку и бросает ее в камин.)* Заслуга моя именно в том, что я высоко поднял репутацию банка!.. Великое дело — тон! Великое, не будь я Шипучин. *(Оглядывает Хирину.)* Дорогой мой, каждую минуту сюда может явиться депутация от членов банка, а вы в валенках, в этом шарфе... в каком-то пиджаке дикого цвета... Могли бы надеть фрак, ну, наконец, черный сюртук...

Хирин. Для меня здоровье дороже ваших членов банка. У меня воспаление всего тела.

Шипучин *(волнуясь)*. Но согласитесь, что это беспорядок! Вы нарушаете ансамбль!

Хирин. Если придет депутация, то я спрятаться могу. Не велика беда... *(Пишет.)* Семь...

один... семь... два... один... пять... ноль. Я и сам беспорядков не люблю... Семь... два... девять... *(Щелкает на счетах.)* Терпеть не могу беспорядков! Вот хорошо бы вы сделали, если бы не приглашали сегодня на юбилейный обед дам...

Шипучин. Пустяки какие...

Хирин. Я знаю, вы для шику напустите их сегодня полную залу, но, глядите, они вам все дело испортят. От них всякий вред и беспорядок.

Шипучин. Напротив, женское общество возвышает!

Хирин. Да... Ваша супруга, кажется, образованная, а в понедельник на прошлой неделе такое выпалила, что я потом дня два только руками разводил. Вдруг при посторонних спрашивает: «Правда ли, что у нас в банке муж накупил акций Дряжско-Пряжского банка, которые упали на бирже? Ах, мой муж так беспокоится!» Это при посторонних-то! И зачем вы откровенничаете с ними, не понимаю! Хотите, чтобы они вас под уголовщину подвели?

Шипучин. Ну, довольно, довольно! Для

юбилея это все слишком мрачно. Кстати, вы мне напомнили. *(Смотрит на часы.)* Сейчас должна приехать моя супружница. В сущности, следовало бы съездить на вокзал, встретить ее, бедняжку, но нет времени и... и устал. Признаться, я не рад ей! То есть я рад, но для меня было бы приятнее, если бы она еще денька два пожила у своей матери. Она потребует, чтобы я сегодня провел весь вечер с нею, а между тем, у нас сегодня предполагается после обеда маленькая экскурсия... *(Вздрагивает.)* Однако, у меня уже начинается нервная дрожь. Нервы так напряжены, что достаточно, кажется, малейшего пустяка, чтобы я расплакался! Нет, надо быть крепким, не будь я Шипучин!

*Входит Татьяна Алексеевна, в ватерпру-
фе и с дорожной сумочкой через плечо.*

Шипучин. Ба! Легка на помине!

Татьяна Алексеевна. Милый! *(Бежит к мужу, продолжительный поцелуй.)*

Шипучин. А мы только что о тебе говорили!.. *(Смотрит на часы.)*

Татьяна Алексеевна *(запыхавшись).* Соскучился? Здоров? А я еще дома не была, с вокза-

да прямо сюда. Нужно тебе рассказать многое, многое... не могу утерпеть... Раздеваться я не буду, я на минутку. *(Хирину.)* Здравствуйте, Кузьма Николаич! *(Мужу.)* Дома у нас все благополучно?

Шипучин. Все. А ты за эту неделю пополнела, похорошела... Ну, как съездила?

Татьяна Алексеевна. Превосходно. Кланяются тебе мама и Катя. Василий Андреич велел тебя поцеловать. *(Целует.)* Тетя прислала тебе банку варенья, и все сердятся, что ты не пишешь. Зина велела тебя поцеловать. *(Целует.)* Ах, если б ты знал, что было! Что было! Мне даже страшно рассказывать! Ах, что было! Но я вижу по глазам, что ты мне не рад!

Шипучин. Напротив... Милая... *(Целует.)*
Хирин сердито кашляет.

Татьяна Алексеевна *(вздыхает).* Ах, бедная Катя, бедная Катя! Мне ее так жаль, так жаль!

Шипучин. У нас, милая, сегодня юбилей, всякую минуту может явиться сюда депутация от членов банка, а ты не одета.

Татьяна Алексеевна. Правда, юбилей! Поздравляю, господа... Желаю вам... Значит, се-

годня собрание, обед... Это я люблю. А помнишь тот прекрасный адрес, который ты так долго сочинял для членов банка? Его сегодня будут тебе читать?

Хирин сердито кашляет.

Шипучин (смущенно). Милая, об этом не говорят... Право, ехала бы домой.

Татьяна Алексеевна. Сейчас, сейчас. В одну минуту расскажу и уеду. Я тебе все с самого начала. Ну-с... Когда ты меня проводил, я, помнишь, села рядом с той полной дамой и стала читать. В вагоне я не люблю разговаривать. Три станции все читала и ни с кем ни одного слова... Ну, наступил вечер, и такие, знаешь, пошли всё мрачные мысли! Напротив сидел молодой человек, ничего себе так, недурненький, брюнет... Ну, разговорились... Подошел моряк, потом студент какой-то... (Смеется.) Я сказала им, что я не замужем... Как они за мной ухаживали! Болтали мы до самой полночи, брюнет рассказывал ужасно смешные анекдоты, а моряк все пел. У меня грудь заболела от смеха. А когда моряк — ах, эти моряки! — когда моряк узнал нечаянно, что меня зовут Татьяной, то знаешь, что он

пел? (Поет басом.) Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну!.. (Хохочет.)

Хирин сердито кашляет.

Шипучин. Однако, Танюша, мы мешаем Кузьме Николаичу. Поезжай домой, милая... После...

Татьяна Алексеевна. Ничего, ничего, пусть и он послушает, это очень интересно. Я сейчас кончу. На станцию выехал за мной Сережа. Подвернулся тут какой-то молодой человек, податной инспектор, кажется... ничего себе, славненький, особенно глаза... Сережа представил его, и мы поехали втроем... Погода была чудная...

За сценой голоса: «Нельзя? Нельзя! Что вам угодно?»

Входит Мерчуткина.

Мерчуткина (в дверях, отмахиваясь). Чего хватаете-то? Вот еще! Мне самого нужно!.. (Входит, Шипучину.) Честь имею, ваше превосходительство... Жена губернского секретаря, Настасья Федоровна Мерчуткина-с.

Шипучин. Что вам угодно?

Мерчуткина. Изволите ли видеть, ваше превосходительство, муж мой, губернский

секретарь Мерчуткин, был болен пять месяцев, и пока он лежал дома и лечился, ему без всякой причины отставку дали, ваше превосходительство, а когда я пошла за его жалованьем, то они, изволите ли видеть, взяли и вычли из его жалованья двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек. За что? спрашиваю. «А он, говорят, из товарищеской кассы брал и за него другие ручались». Как же так? Нешто он мог без моего согласия брать? Так нельзя, ваше превосходительство! Я женщина бедная, только и кормлюсь жильцами... Я слабая, беззащитная... От всех обиду терплю и ни от кого доброго слова не слышу.

Шипучин. Позвольте... *(Берет от нее прошение и читает его стоя.)*

Татьяна Алексеевна (Хирину). Но нужно сначала... На прошлой неделе вдруг я получаю от мамы письмо. Пишет, что сестре Кате сделал предложение некий Грендилевский. Прекрасный, скромный молодой человек, но без всяких средств и никакого определенного положения. И на беду, представьте себе, Катя увлеклась им. Что тут делать? Мама пишет, чтобы я не медля приехала и повлияла на Ка-

Тю...

Хирин (*сурово*). Позвольте, вы меня сбили! Вы — мама да Катя, а я вот сбился и ничего не понимаю.

Татьяна Алексеевна. Экая важность! А вы слушайте, когда с вами дама говорит! Отчего вы сегодня такой сердитый? Влюблены? (*Смеется.*)

Шипучин (*Мерчуткиной*). Позвольте, однако, как же это? Я ничего не понимаю...

Татьяна Алексеевна. Влюблены? Ага! По-краснел!

Шипучин (*жене*). Танюша, поди, милая, на минутку в контору. Я сейчас.

Татьяна Алексеевна. Хорошо. (*Уходит.*)

Шипучин. Я ничего не понимаю. Очевидно, вы, сударыня, не туда попали. Ваша просьба по существу совсем к нам не относится. Вы потрудитесь обратиться в то ведомство, где служил ваш муж.

Мерчуткина. Я, батюшка, в пяти местах уже была, нигде даже прошения не приняли. Я уж и голову потеряла, да спасибо зятю Борису Матвейчу, надоумил к вам сходить. «Вы, говорит, мамаша, обратитесь к господину Ши-

пучину: они влиятельный человек, все могут...» Помогите, ваше превосходительство!

Шипучин. Мы, госпожа Мерчуткина, ничего не можем для вас сделать. Поймите вы: ваш муж, насколько я могу судить, служил по военно-медицинскому ведомству, а наше учреждение совершенно частное, коммерческое, у нас банк. Как не понять этого!

Мерчуткина. Ваше превосходительство, а что муж мой болен был, у меня докторское свидетельство есть. Вот оно, извольте поглядеть...

Шипучин (*раздраженно*). Прекрасно, я верю вам, но, повторяю, это к нам не относится.

За сценой смех Татьяны Алексеевны; потом мужской смех.

Шипучин (*взглянув на дверь*). Она там мешает служащим. (*Мерчуткиной.*) Странно и даже смешно. Неужели ваш муж не знает, куда вам обращаться?

Мерчуткина. Он, ваше превосходительство, у меня ничего не знает. Зарядил одно: «не твое дело! пошла вон!» да и все тут...

Шипучин. Повторяю, сударыня: ваш муж служил по военно-медицинскому ведомству,

а здесь банк, учреждение частное, коммерческое...

Мерчуткина. Так, так, так... Понимаю, бабушка. В таком случае, ваше превосходительство, прикажите выдать мне хоть пятнадцать рублей! Я согласна не всё сразу.

Шипучин *(вздыхает)*. Уф!

Хирин. Андрей Андреич, этак я никогда доклада не кончу!

Шипучин. Сейчас. *(Мерчуткиной.)* Вам не втолкуешь. Да поймите же, что обращаться к нам с подобной просьбой так же странно, как подавать прошение о разводе, например, в аптеку или в пробирную палатку.

Стук в дверь. Голос Татьяны Алексеевны:
«Андрей, можно войти?»

(Кричит.) Погоди, милая, сейчас! *(Мерчуткиной.)* Вам не доплатили, но мы-то тут при чем? И к тому же, сударыня, у нас сегодня юбилей, мы заняты... и может сюда войти кто-нибудь сейчас... Извините...

Мерчуткина. Ваше превосходительство, пожалейте меня, сироту! Я женщина слабая, беззащитная... Замучилась до смерти... И с жильцами судись, и за мужа хлопочи, и по

хозяйству бегай, а тут еще зять без места.

Шипучин. Госпожа Мерчуткина, я... Нет, извините, я не могу с вами говорить! У меня даже голова закружилась... Вы и нам мешаете, и время понапрасну теряете... *(Вздыхает, в сторону.)* Вот пробка, не будь я Шипучин! *(Хирину.)* Кузьма Николаич, объясните вы, пожалуйста, госпоже Мерчуткиной... *(Машет рукой и уходит в правление.)*

Хирин *(подходит к Мерчуткиной. Сурово.)* Что вам угодно?

Мерчуткина. Я женщина слабая, беззащитная... На вид, может, я крепкая, а ежели разобрать, так во мне ни одной жилочки нет здоровой! Еле на ногах стою и аппетита решилась. Кофей сегодня пила и без всякого удовольствия.

Хирин. Я вас спрашиваю, что вам угодно?

Мерчуткина. Прикажите, батюшка, выдать мне пятнадцать рублей, остальные хоть через месяц.

Хирин. Но ведь вам, кажется, было сказано русским языком: здесь банк!

Мерчуткина. Так, так... А если нужно, я могу медицинское свидетельство представить.

Хирин. У вас на плечах голова или что?

Мерчуткина. Миленький, ведь я по закону прошу. Мне чужого не нужно.

Хирин. Я вас, мадам, спрашиваю: у вас голова на плечах или что? Ну, черт меня подери совсем, мне некогда с вами разговаривать! Я занят. *(Указывает на дверь.)* Прошу!

Мерчуткина *(удивленная)*. А деньги как же?..

Хирин. Одним словом, у вас на плечах не голова, а вот что... *(Стучит пальцем по столу, потом себе по лбу.)*

Мерчуткина *(обидевшись)*. Что? Ну, нечего, нечего... Своей жене постукай... Я губернская секретарша... Со мной не очень!

Хирин *(вспылив, вполголоса)*. Вон отсюда!

Мерчуткина. Но, но, но... Не очень!

Хирин *(вполголоса)*. Ежели ты не уйдешь сию секунду, то я за дворником пошлю! Вон! *(Топочет ногами.)*

Мерчуткина. Нечего, нечего! Не боюсь! Видали мы таких... Скважина!

Хирин. Кажется, во всю свою жизнь не видал противнее... Уф! Даже в голову ударило... *(Тяжело дышит.)* Я тебе еще раз говорю...

Слышишь! Ежели ты, старая кикимора, не уйдешь отсюда, то я тебя в порошок сотру! У меня такой характер, что я могу из тебя на весь век калеку сделать! Я могу преступление совершить!

Мерчуткина. Собака лает, ветер носит. Не испугалась. Видали мы таких.

Хирин (*в отчаянии*). Видеть ее не могу! Мне дурно! Я не могу! (*Идет к столу и садится.*) Напустили баб полон банк, не могу я доклада писать! Не могу!

Мерчуткина. Я не чужое прошу, а свое, по закону. Ишь срамник! В присутственном месте в валенках сидит... Мужик...

Входят Шипучин и Татьяна Алексеевна.

Татьяна Алексеевна (*входя за мужем*). Поехали мы на вечер к Бережницким. На Кате было голубенькое фуляровое платье с легким кружевом и с открытой шейкой... Ей очень к лицу высокая прическа, и я ее сама причесала... Как оделась и причесалась, ну просто очарование!

Шипучин (*уже с мигренью*). Да, да... очарование... Сейчас могут прийти сюда.

Мерчуткина. Ваше превосходительство!

Шипучин (*уныло*). Что еще? Что вам угодно?

Мерчуткина. Ваше превосходительство!.. (*Указывает на Хирина*.) Вот этот, вот самый... вот этот постучал себе пальцем по лбу, а потом по столу... Вы велели ему мое дело разобрать, а он насмехается и всякие слова. Я женщина слабая, беззащитная...

Шипучин. Хорошо, сударыня, я разберу... приму меры... Уходите... после!.. (*В сторону*.) У меня подагра начинается!..

Хирин (*подходит к Шипучину, тихо*). Андрей Андреич, прикажите послать за швейцаром, пусть ее в три шеи погонит. Ведь это что такое?

Шипучин (*испуганно*). Нет, нет! Она визг поднимет, а в этом доме много квартир.

Мерчуткина. Ваше превосходительство!..

Хирин (*плачущим голосом*). Но ведь мне доклад надо писать! Я не успею!.. (*Возвращается к столу*.) Я не могу!

Мерчуткина. Ваше превосходительство, когда же я получу? Мне нынче деньги надобны.

Шипучин (*в сторону, с негодованием*). За-

ме-ча-тель-но подлая баба! *(Ей мягко.)* Сударыня, я уже вам говорил. Здесь банк, учреждение частное, коммерческое...

Мерчуткина. Сделайте милость, ваше превосходительство, будьте отцом родным... Ежели медицинского свидетельства мало, то я могу и из участка удостоверение представить. Прикажите выдать мне деньги!

Шипучин *(тяжело вздыхает)*. Уф!

Татьяна Алексеевна *(Мерчуткиной)*. Бабушка, вам же говорят, что вы мешаете. Какая вы, право.

Мерчуткина. Красавица, за меня похлопотать некому. Одно только звание, что пью и ем, а кофей ныне пила без всякого удовольствия.

Шипучин *(в изнеможении, Мерчуткиной)*. Сколько вы хотите получить?

Мерчуткина. Двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек.

Шипучин. Хорошо! *(Достает из бумажника 25 руб. и подает ей.)* Вот вам двадцать пять рублей. Берите и... уходите!

Хирин сердито кашляет.

Мерчуткина. Покорнейше благодарю, ва-

ше превосходительство... *(Прячет деньги.)*

Татьяна Алексеевна *(сидясь около мужа).* Однако мне пора домой... *(Посмотрев на часы.)* Но я еще не кончила... В одну минуточку кончу и уйду... Что было! Ах, что было! Итак, поехали мы на вечер к Бережницким... Ничего себе, весело было, но не особенно... Был, конечно, и Катин вздыхатель Грендилевский... Ну, я с Катей поговорила, поплакала, повлияла на нее, она тут же на вечере объяснилась с Грендилевым и отказала ему. Ну, думаю, все устроилось, как нельзя лучше: маму успокоила, Катю спасла и теперь сама могу быть спокойна... Что же ты думаешь? Перед самым ужином идем мы с Катей по аллее и вдруг... *(Волнуясь.)* И вдруг слышим выстрел... Нет, я не могу говорить об этом хладнокровно! *(Обмахивается платком.)* Нет, не могу!

Шипучин *(вздыхает).* Уф!

Татьяна Алексеевна *(плачет).* Бежим к беседке, а там... там лежит бедный Грендилевский... с пистолетом в руке...

Шипучин. Нет, я этого не вынесу! Я не вынесу! *(Мерчуткиной.)* Вам что еще нужно?

Мерчуткина. Ваше превосходительство,

нельзя ли моему мужу опять поступить на место?

Татьяна Алексеевна *(плача)*. Выстрелил себе прямо в сердце... вот тут... Катя упала без чувств, бедняжка... А он сам страшно испугался, лежит и... и просит послать за доктором. Скоро приехал доктор и... и спас несчастного...

Мерчуткина. Ваше превосходительство, нельзя ли моему мужу опять поступить на место?

Шипучин. Нет, я не вынесу! *(Плачет.)* Не вынесу! *(Протягивает к Хирину обе руки, в отчаянии.)* Прогоните ее! Прогоните, умоляю вас!

Хирин *(подходя к Татьяне Алексеевне)*. Вон отсюда!

Шипучин. Не ее, а вот эту... вот эту ужасную... *(указывает на Мерчуткину)* вот эту!

Хирин *(не поняв его, Татьяне Алексеевне)*. Вон отсюда! *(Топочет ногами.)* Вон пошла!

Татьяна Алексеевна. Что? Что вы? С ума сошли?

Шипучин. Это ужасно! Я несчастный человек! Гоните ее! Гоните!

Хирин (*Татьяне Алексеевне*). Вон! Искале-чу! Исковеркаю! Преступление совершу!

Татьяна Алексеевна (*бежит от него, он за ней*). Да как вы смеете! Вы нахал! (*Кричит.*) Андрей! Спаси! Андрей! (*Взвизгивает.*)

Шипучин (*бежит за ними*). Перестаньте! Умоляю вас! Тише! Пощадите меня!

Хирин (*гонится за Мерчуткиной*). Вон отсюда! Ловите! Бейте! Режьте ее!

Шипучин (*кричит*). Перестаньте! Прошу вас! Умоляю!

Мерчуткина. Батюшки... батюшки!.. (*Взвизгивает.*) Батюшки!..

Татьяна Алексеевна (*кричит*). Спасите! Спасите!.. Ах, ах... дурно! Дурно! (*Вскакивает на стул, потом падает на диван и стонет, как в обмороке.*)

Хирин (*гонится за Мерчуткиной*). Бейте ее! Лупите!

Режьте!

Мерчуткина. Ах, ах... батюшки, в глазах темно! Ах! (*Падает без чувств на руки Шипучина.*)

Стук в дверь и голос за сценой: «Депутация!»

Шипучин. Депутация... репутация... оккупация...

Хирин (*топочет ногами*). Вон, черт бы меня драл! (*Засучивает рукава.*) Дайте мне ее! Преступление могу совершить!

Входит депутация из пяти человек; все во фраках. У одного в руках адрес в бархатном переплете, у другого — жбан. В дверь из правления смотрят служащие. Татьяна Алексеевна на диване, Мерчуткина на руках у Шипучина, обе тихо стонут.

Член банка (*громко читает*). Многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевич! Бросая ретроспективный взгляд на прошлое нашего финансового учреждения и пробегая умственным взором историю его постепенного развития, мы получаем в высшей степени отрадное впечатление. Правда, в первое время его существования небольшие размеры основного капитала, отсутствие каких-либо серьезных операций, а также неопределенность целей ставили ребром гамлетовский вопрос: «быть или не быть?», и в одно время даже раздавались голоса в пользу закрытия банка. Но вот во главе учреждения становитесь вы. Ваши

знания, энергия и присущий вам такт были причиной необычайного успеха и редкого процветания. Репутация банка... *(кашляет)* репутация банка...

Мерчуткина *(стонет)*. Ох! Ох!

Татьяна Алексеевна *(стонет)*. Воды! Воды!

Член банка *(продолжает)*. Репутация... *(кашляет)* репутация банка поднята вами на такую высоту, что наше учреждение может ныне соперничать с лучшими заграничными учреждениями...

Шипучин. Депутация... репутация... оккупация... шли два приятеля вечернею порой и дельный разговор вели между собой... Не говори, что молодость стубила, что ревностью истерзана моей.

Член банка *(продолжает в смущении)*. Затем, бросая объективный взгляд на настоящее, мы, многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевич... *(Понизив тон.)* В таком случае мы после... Мы лучше после...

Уходят в смущении.

Занавес

1895—1904

Чайка

Комедия в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Тrepлева, актриса.

Константин Гаврилович Тrepлев, ее сын, молодой человек.

Петр Николаевич Сорин, ее брат.

Нина Михайловна Заречная, молодая де-вушка, дочь богатого помещика.

Илья Афанасьевич Шамраев, поручик в отставке, управляющий у Сорина.

Полина Андреевна, его жена.

Маша, его дочь.

Борис Алексеевич Тригорин, беллетрист.

Евгений Сергеевич Дорн, врач.

Семен Семенович Медведенко, учитель.

Яков, работник.

Повар.

Горничная.

Действие происходит в усадьбе Сорина. —

Между третьим и четвертым действием проходит два года.

Действие первое

Часть парка в имении Сорина. Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашнего спектакля, так что озера совсем не видно. Налево и направо у эстрады кустарник. Несколько стульев, столик.

Только что зашло солнце. На эстраде за опущенным занавесом **Яков** и другие **работники**; слышатся кашель и стук. **Маша** и **Медведе**нко идут слева, возвращаясь с прогулки.

Медведенко. Отчего вы всегда ходите в черном?

Маша. Это траур по моей жизни. Я несчастна.

Медведенко. Отчего? (В раздумье.) Не понимаю... Вы здоровы, отец у вас хотя и небогатый, но с достатком. Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. Я получаю всего 23 рубля в месяц, да еще вычитают с меня в эмеритуру, а все же я не ношу траура. (Садятся.)

Маша. Дело не в деньгах. И бедняк может

быть счастливым.

Медведенко. Это в теории, а на практике выходит так: я, да мать, да две сестры и братишка, а жалованья всего 23 рубля. Ведь есть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вот тут и вертись.

Маша *(оглядываясь на эстраду)*. Скоро начнется спектакль.

Медведенко. Да. Играть будет Заречная, а пьеса сочинения Константина Гавриловича. Они влюблены друг в друга, и сегодня их души сольются в стремлении дать один и тот же художественный образ. А у моей души и у вашей нет общих точек соприкосновения. Я люблю вас, не могу от тоски сидеть дома, каждый день хожу пешком шесть верст сюда да шесть обратно и встречаю один лишь индифферентизм с вашей стороны. Это понятно. Я без средств, семья у меня большая... Какая охота идти за человека, которому самому есть нечего?

Маша. Пустяки. *(Нюхает табак.)* Ваша любовь трогает меня, но я не могу отвечать взаимностью, вот и все. *(Протягивает ему табакерку.)* Одолжайтесь.

Медведенко. Не хочется.

Пауза.

Маша. Душно, должно быть, ночью будет гроза. Вы всё философствуете или говорите о деньгах. По-вашему, нет большего несчастья, как бедность, а по-моему, в тысячу раз легче ходить в лохмотьях и побираться, чем... Впрочем, вам не понять этого...

Входят справа Сорин и Треплев.

Сорин (*опираясь на трость*). Мне, брат, в деревне как-то не того, и, понятная вещь, никогда я тут не привыкну. Вчера лег в десять и сегодня утром проснулся в девять с таким чувством, как будто от долгого сна у меня мозг прилип к черепу и все такое. (*Смеется.*) А после обеда нечаянно опять уснул, и теперь я весь разбит, испытываю кошмар, в конце концов...

Треплев. Правда, тебе нужно жить в городе. (*Увидев Машу и Медведенка.*) Господа, когда начнется, вас позовут, а теперь нельзя здесь. Уходите, пожалуйста.

Сорин (*Маше*). Марья Ильинична, будьте так добры, попросите вашего папашу, чтобы он распорядился отвязать собаку, а то она во-

ет. Сестра опять всю ночь не спала.

Маша. Говорите с моим отцом сами, а я не стану. Увольте, пожалуйста. *(Медведенку.)* Пойдемте!

Медведенко *(Треплеву).* Так вы перед началом пришлите сказать. *(Оба уходят.)*

Сорин. Значит, опять всю ночь будет выть собака. Вот история, никогда в деревне я не жил, как хотел. Бывало, возьмешь отпуск на 28 дней и приедешь сюда, чтобы отдохнуть и все, но тут тебя так доймают всяким вздором, что уж с первого дня хочется вон. *(Смеется.)* Всегда я уезжал отсюда с удовольствием... Ну, а теперь я в отставке, деваться некуда, в конце концов. Хочешь — не хочешь, живи...

Яков *(Треплеву).* Мы, Константин Гаврилыч, купаться пойдем.

Треплев. Хорошо, только через десять минут будьте на местах. *(Смотрит на часы.)* Скоро начнется.

Яков. Слушаю. *(Уходит.)*

Треплев *(окидывая взглядом эстраду).* Вот тебе и театр. Занавес, потом первая кулиса, потом вторая и дальше пустое пространство. Декораций никаких. Открывается вид прямо

на озеро и на горизонт. Поднимем занавес ровно в половине девятого, когда взойдет луна.

Сорин. Великолепно.

Треплев. Если Заречная опоздает, то, конечно, пропадет весь эффект. Пора бы уж ей быть. Отец и мачеха стерегут ее, и вырваться ей из дому так же трудно, как из тюрьмы. (*Поправляет дяде галстук.*) Голова и борода у тебя взлохмачены. Надо бы постричься, что ли...

Сорин (*расчесывая бороду*). Трагедия моей жизни. У меня и в молодости была такая наружность, будто я запоем пил и все. Меня никогда не любили женщины. (*Садясь.*) Отчего сестра не в духе?

Треплев. Отчего? Скучает. (*Садясь рядом.*) Ревнует. Она уже и против меня, и против спектакля, и против моей пьесы, потому что ее беллетристу может понравиться Заречная. Она не знает моей пьесы, но уже ненавидит ее.

Сорин (*смеется*). Выдумаешь, право...

Треплев. Ей уже досадно, что вот на этой маленькой сцене будет иметь успех Заречная,

а не она. (*Посмотрев на часы.*) Психологический курьез — моя мать. Бесспорно талантлива, умна, способна рыдать над книжкой, отхватит тебе всего Некрасова наизусть, за больными ухаживает, как ангел; но попробуй похвалить при ней Дузе! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ее необыкновенною игрой в «La dame aux camélias» или в «Чад жизни», но так как здесь, в деревне, нет этого дурмана, то вот она скучает и злится, и все мы — ее враги, все мы виноваты. Затем, она суеверна, боится трех свечей, тринадцатого числа. Она скупа. У нее в Одессе в банке семьдесят тысяч — это я знаю наверное. А попроси у нее займы, она станет плакать.

Сорин. Ты вообразил, что твоя пьеса не нравится матери, и уже волнуешься и все. Успокойся, мать тебя обожает.

Треплев (*обрывая у цветка лепестки*). Любит — не любит, любит — не любит, любит — не любит. (*Смеется.*) Видишь, моя мать меня не любит. Еще бы! Ей хочется жить, любить, носить светлые кофточки, а мне уже двадцать пять лет, и я постоянно напоминаю ей,

что она уже не молода. Когда меня нет, ей только тридцать два года, при мне же сорок три, и за это она меня ненавидит. Она знает также, что я не признаю театра. Она любит театр, ей кажется, что она служит человечеству, святому искусству, а по-моему, современный театр — это рутина, предрассудок. Когда поднимается занавес и при вечернем освещении, в комнате с тремя стенами, эти великие таланты, жрецы святого искусства изображают, как люди едят, пьют, любят, носят свои пиджаки; когда из пошлых картин и фраз стараются выудить мораль, — мораль маленькую, удобопонятную, полезную в домашнем обиходе; когда в тысяче вариаций мне подносят всё одно и то же, одно и то же, одно и то же, — то я бегу и бегу, как Мопассан бежал от Эйфелевой башни, которая давила ему мозг своею пошлостью.

Сорин. Без театра нельзя.

Треплев. Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно. *(Смотрит на часы.)* Я люблю мать, сильно люблю; но она курит, пьет, открыто живет с этим беллетристом, имя ее постоянно

треплют в газетах — и это меня утомляет. Иногда же во мне говорит эгоизм обыкновенного смертного; бывает жаль, что у меня мать известная актриса, и, кажется, будь это обыкновенная женщина, то я был бы счастливее. Дядя, что может быть отчаяннее и глупее положения: бывало, у нее сидят в гостях сплошь всё знаменитости, артисты и писатели, и между ними только один я — ничто, и меня терпят только потому, что я ее сын. Кто я? Что я? Вышел из третьего курса университета по обстоятельствам, как говорится, от редакции не зависящим, никаких талантов, денег ни гроша, а по паспорту я — киевский мещанин. Мой отец ведь киевский мещанин, хотя тоже был известным актером. Так вот, когда, бывало, в ее гостиной все эти артисты и писатели обращали на меня свое милостивое внимание, то мне казалось, что своими взглядами они измеряли мое ничтожество, — я угадывал их мысли и страдал от унижения...

Сорин. Кстати, скажи, пожалуйста, что за человек ее беллетрист? Не поймешь его. Всё молчит.

Треплев. Человек умный, простой,

немножко, знаешь, меланхоличный. Очень порядочный. Сорок лет будет ему еще не скоро, но он уже знаменит и сыт, сыт по горло... Теперь он пьет одно только пиво и может любить только немолодых. Что касается его писаний, то... как тебе сказать? Мило, талантливо... но... после Толстого или Зола не захочешь читать Тригорина.

Сорин. А я, брат, люблю литераторов. Когда-то я страстно хотел двух вещей: хотел жениться и хотел стать литератором, но не удалось ни то, ни другое. Да. И маленьким литератором приятно быть, в конце концов.

Треплев (*прислушивается*). Я слышу шаги... (*Обнимает дядю.*) Я без нее жить не могу... Даже звук ее шагов прекрасен... Я счастлив безумно. (*Быстро идет навстречу Нине Заречной, которая входит.*) Волшебница, мечта моя...

Нина (*взволнованно*). Я не опоздала... Конечно, я не опоздала...

Треплев (*целуя ее руки*). Нет, нет, нет...

Нина. Весь день я беспокоилась, мне было так страшно! Я боялась, что отец не пустит меня... Но он сейчас уехал с мачехой. Красное

небо, уже начинает восходить луна, и я гнала лошадь, гнала. *(Смеется.)* Но я рада. *(Крепко жмет руку Сорина.)*

Сорин *(смеется)*. Глазки, кажется, заплаканы... Ге-ге! Нехорошо!

Нина. Это так... Видите, как мне тяжело дышать. Через полчаса я уеду, надо спешить. Нельзя, нельзя, бога ради не удерживайте. Отец не знает, что я здесь.

Треплев. В самом деле, уже пора начинать. Надо идти звать всех.

Сорин. Я схожу и всё. Сию минуту. *(Идет вправо и поет.)* «Во Францию два гренадера...» *(Оглядывается.)* Раз так же вот я запел, а один товарищ прокурора и говорит мне: «А у вас, ваше превосходительство, голос сильный»... Потом подумал и прибавил: «Но... противный». *(Смеется и уходит.)*

Нина. Отец и его жена не пускают меня сюда. Говорят, что здесь богема... боятся, как бы я не пошла в актрисы... А меня тянет сюда к озеру, как чайку... Мое сердце полно вами. *(Оглядывается.)*

Треплев. Мы одни.

Нина. Кажется, кто-то там...

Треплев. Никого.

Поцелуй.

Нина. Это какое дерево?

Треплев. Вяз.

Нина. Отчего оно такое темное?

Треплев. Уже вечер, темнеют все предметы. Не уезжайте рано, умоляю вас.

Нина. Нельзя.

Треплев. А если я поеду к вам, Нина? Я всю ночь буду стоять в саду и смотреть на ваше окно.

Нина. Нельзя, вас заметит сторож. Трезор еще не привык к вам и будет лаять.

Треплев. Я люблю вас.

Нина. Тсс...

Треплев (*услышав шаги*). Кто там? Вы, Яков?

Яков (*за эстрадой*). Точно так.

Треплев. Становитесь по местам. Пора. Луна восходит?

Яков. Точно так.

Треплев. Спирт есть? Сера есть? Когда покажутся красные глаза, нужно, чтобы пахло серой. (*Нине.*) Идите, там все приготовлено. Вы волнуетесь?..

Нина. Да, очень. Ваша мама — ничего, ее я не боюсь, но у вас Тригорин... Играть при нем мне страшно и стыдно... Известный писатель... Он молод?

Треплев. Да.

Нина. Какие у него чудесные рассказы!

Треплев (*холодно*). Не знаю, не читал.

Нина. В вашей пьесе трудно играть. В ней нет живых лиц.

Треплев. Живые лица! Надо изображать жизнь не такую, как она есть, и не такую, как должна быть, а такую, как она представляется в мечтах.

Нина. В вашей пьесе мало действия, одна только читка. И в пьесе, по-моему, непременно должна быть любовь...

Оба уходят за эстраду.

Входят Полина Андреевна и Дорн.

Полина Андреевна. Становится сыро. Вернитесь, наденьте калоши.

Дорн. Мне жарко.

Полина Андреевна. Вы не бережете себя. Это упрямство. Вы — доктор и отлично знаете, что вам вреден сырой воздух, но вам хочется, чтобы я страдала; вы нарочно просиде-

ли вчера весь вечер на террасе...

Дорн (*напевает*). «Не говори, что молодость стубила».

Полина Андреевна. Вы были так увлечены разговором с Ириной Николаевной... вы не замечали холода. Признайтесь, она вам нравится...

Дорн. Мне 55 лет.

Полина Андреевна. Пустяки, для мужчины это не старость. Вы прекрасно сохранились и еще нравитесь женщинам.

Дорн. Так что же вам угодно?

Полина Андреевна. Перед актрисой вы все готовы падать ниц. Все!

Дорн (*напевает*). «Я вновь пред тобою...» Если в обществе любят артистов и относятся к ним иначе, чем, например, к купцам, то это в порядке вещей. Это — идеализм.

Полина Андреевна. Женщины всегда влюблялись в вас и вешались на шею. Это тоже идеализм?

Дорн (*пожав плечами*). Что ж? В отношениях женщин ко мне было много хорошего. Во мне любили главным образом превосходного врача. Лет 10–15 назад, вы помните, во

всей губернии я был единственным порядочным акушером. Затем всегда я был честным человеком.

Полина Андреевна (*хватает его за руку*). Дорогой мой!

Дорн. Тише. Идут.

Входят Аркадина под руку с Сориным, Тригорин, Шамраев, Медведенко и Маша.

Шамраев. В 1873 году в Полтаве на ярмарке она играла изумительно. Один восторг! Чудно играла! Не изволите ли также знать, где теперь комик Чадин, Павел Семеныч? В Расплюеве был неподражаем, лучше Садовского, клянусь вам, многоуважаемая. Где он теперь?

Аркадина. Вы всё спрашиваете про каких-то допотопных. Откуда я знаю! (*Садится.*)

Шамраев (*вздыхнув*). Пашка Чадин! Таких уж нет теперь. Пала сцена, Ирина Николаевна! Прежде были могучие дубы, а теперь мы видим одни только пни.

Дорн. Блестящих дарований теперь мало, это правда, но средний актер стал гораздо выше.

Шамраев. Не могу с вами согласиться.

Впрочем, это дело вкуса. De gustibus aut bene, aut nihil[36].

Треплев *выходит из-за эстрады.*

Аркадина (сыну). Мой милый сын, когда же начало?

Треплев. Через минуту. Прошу терпения.

Аркадина (читает из «Гамлета»). «Мой сын! Ты очи обратил мне внутрь души, и я увидела ее в таких кровавых, в таких смертельных язвах — нет спасенья!»

Треплев (из «Гамлета»). «И для чего ж ты поддалась пороку, любви искала в бездне преступленья?»

За эстрадой играют в рожок.

Господа, начало! Прошу внимания!

Пауза.

Я начинаю. (Стучит палочкой и говорит громко.) О вы, почтенные старые тени, которые носитесь в ночную пору над этим озером, усыпите нас, и пусть нам приснится то, что будет через двести тысяч лет!

Сорин. Через двести тысяч лет ничего не будет.

Треплев. Так вот пусть изобразят нам это ничего.

Аркадина. Пусть. Мы спим.

Поднимается занавес; открывается вид на озеро; луна над горизонтом, отражение ее в воде; на большом камне сидит Нина Заречная, вся в белом.

Нина. Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли... Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах. Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно.

Пауза.

Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну. Общая мировая душа — это я... я... Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пиявки. Во мне со-

знания людей слились с инстинктами животных, и я помню все, все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь.

Показываются болотные огни.

Аркадина (*тихо*). Это что-то декадентское.

Треплев (*умоляюще и с упреком*). Мама!

Нина. Я одинока. Раз в сто лет я открываю уста, чтобы говорить, и мой голос звучит в этой пустоте уныло, и никто не слышит... И вы, бледные огни, не слышите меня... Под утро вас рождает гнилое болото, и вы блуждаете до зари, но без мысли, без воли, без трепетания жизни. Боясь, чтобы в вас не возникла жизнь, отец вечной материи, дьявол, каждое мгновение в вас, как в камнях и в воде, производит обмен атомов, и вы меняетесь непрерывно. Во вселенной остается постоянным и неизменным один лишь дух.

Пауза.

Как пленник, брошенный в пустой глубокий колодец, я не знаю, где я и что меня ждет. От меня не скрыто лишь, что в упорной, жестокой борьбе с дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить, и после того материя и дух сольются в гармонии пре-

красной и наступит царство мировой воли. Но это будет лишь, когда мало-помалу, через длинный, длинный ряд тысячелетий, и луна, и светлый Сириус, и земля обратятся в пыль... А до тех пор ужас, ужас...

Пауза; на фоне озера показываются две красные точки.

Вот приближается мой могучий противник, дьявол. Я вижу его страшные багровые глаза...

Аркадина. Серой пахнет. Это так нужно?

Треплев. Да.

Аркадина (*смеется*). Да, это эффект.

Треплев. Мама!

Нина. Он скучает без человека...

Полина Андреевна (*Дорну*). Вы сняли шляпу. Наденьте, а то простудитесь.

Аркадина. Это доктор снял шляпу перед дьяволом, отцом вечной материи.

Треплев (*вспылив, громко*). Пьеса кончена! Довольно! Занавес!

Аркадина. Что же ты сердишься?

Треплев. Довольно! Занавес! Подавай занавес! (Топнув ногой.) Занавес!

Занавес опускается.

Виноват! Я выпустил из вида, что писать пьесы и играть на сцене могут только немногие избранные. Я нарушил монополию! Мне... я... *(Хочет еще что-то сказать, но машет рукой и уходит влево.)*

Аркадина. Что с ним?

Сорин. Ирина, нельзя так, матушка, обращаться с молодым самолюбием.

Аркадина. Что же я ему сказала?

Сорин. Ты его обидела.

Аркадина. Он сам предупреждал, что это шутка, и я относилась к его пьесе, как к шутке.

Сорин. Все-таки...

Аркадина. Теперь оказывается, что он написал великое произведение! Скажите, пожалуйста! Стало быть, устроил он этот спектакль и надушил серой не для шутки, а для демонстрации... Ему хотелось поучить нас, как надо писать и что нужно играть. Наконец, это становится скучно. Эти постоянные вылазки против меня и шпильки, воля ваша, надоедят хоть кому! Капризный, самолюбивый мальчик.

Сорин. Он хотел доставить тебе удоволь-

ствие.

Аркадина. Да? Однако же вот он не выбрал какой-нибудь обыкновенной пьесы, а заставил нас прослушать этот декадентский бред. Ради шутки я готова слушать и бред, но ведь тут претензии на новые формы, на новую эру в искусстве. А по-моему, никаких тут новых форм нет, а просто дурной характер.

Тригорин. Каждый пишет так, как хочет и как может.

Аркадина. Пусть он пишет как хочет и как может, только пусть оставит меня в покое.

Дорн. Юпитер, ты сердишься...

Аркадина. Я не Юпитер, а женщина. *(Закуривает.)* Я не сержусь, мне только досадно, что молодой человек так скучно проводит время. Я не хотела его обидеть.

Медведенко. Никто не имеет основания отделять дух от материи, так как, быть может, самый дух есть совокупность материальных атомов. *(Живо, Тригорину.)* А вот, знаете ли, описать бы в пьесе и потом сыграть на сцене, как живет наш брат — учитель. Трудно, трудно живется!

Аркадина. Это справедливо, но не будем

говорить ни о пьесах, ни об атомах. Вечер такой славный! Слышите, господа, поют? (*Прислушивается.*) Как хорошо!

Полина Андреевна. Это на том берегу.

Пауза.

Аркадина (*Тригорину*). Сядьте возле меня. Лет 10–15 назад, здесь, на озере, музыка и пение слышались непрерывно почти каждую ночь. Тут на берегу шесть помещичьих усадеб. Помню, смех, шум, стрельба, и всё романы, романы... Jeune premier'ом и кумиром всех этих шести усадеб был тогда вот, рекомендую (*кивает на Дорна*), доктор Евгений Сергеич. И теперь он очарователен, но тогда был неотразим. Однако меня начинает мучить совесть. За что я обидела моего бедного мальчика? Я непокойна. (*Громко.*) Костя! Сын! Костя!

Маша. Я пойду поищу его.

Аркадина. Пожалуйста, милая.

Маша (*идет влево*). Ау! Константин Гаврилович!.. Ау! (*Уходит.*)

Нина (*выходя из-за эстрады*). Очевидно, продолжения не будет, мне можно выйти. Здравствуйте! (*Целуется с Аркадиной и Поли-*

ной Андреевной.)

Сорин. Bravo! bravo!

Аркадина. Bravo! bravo! Мы любовались. С такую наружностью, с таким чудным голосом нельзя, грешно сидеть в деревне. У вас должен быть талант. Слышите? Вы обязаны поступить на сцену!

Нина. О, это моя мечта! *(Вздыхнув.)* Но она никогда не осуществится.

Аркадина. Кто знает? Вот позвольте вам представить: Тригорин, Борис Алексеевич.

Нина. Ах, я так рада... *(Сконфузившись.)* Я всегда вас читаю...

Аркадина *(усаживая ее возле).* Не конфузьтесь, милая. Он знаменитость, но у него простая душа. Видите, он сам сконфузился.

Дорн. Полагаю, теперь можно поднять занавес, а то жутко.

Шамраев *(громко).* Яков, подними-ка, братец, занавес!

Занавес поднимается.

Нина *(Тригорину).* Не правда ли, странная пьеса?

Тригорин. Я ничего не понял. Впрочем, смотрел я с удовольствием. Вы так искренно

играли. И декорация была прекрасная.

Пауза.

Должно быть, в этом озере много рыбы.

Нина. Да.

Тригорин. Я люблю удить рыбу. Для меня нет больше наслаждения, как сидеть под вечер на берегу и смотреть на поплавок.

Нина. Но, я думаю, кто испытал наслаждение творчества, для того уже все другие наслаждения не существуют.

Аркадина (*смеясь*). Не говорите так. Когда ему говорят хорошие слова, то он проваливается.

Шамраев. Помню, в Москве в оперном театре однажды знаменитый Сильва взял ниже до. А в это время, как нарочно, сидел на галерее бас из наших синодальных певчих, и вдруг, можете себе представить наше крайнее изумление, мы слышим с галереи: «Браво, Сильва!» — целою октавой ниже... Вот этак (*низким баском*): браво, Сильва... Театр так и замер.

Пауза.

Дорн. Тихий ангел пролетел.

Нина. А мне пора. Прощайте.

Аркадина. Куда? Куда так рано? Мы вас не пустим.

Нина. Меня ждет папа.

Аркадина. Какой он, право... *(Целуются.)*
Ну, что делать. Жаль, жаль вас отпускать.

Нина. Если бы вы знали, как мне тяжело уезжать!

Аркадина. Вас бы проводил кто-нибудь, моя крошка.

Нина *(испуганно)*. О, нет, нет!

Сорин *(ей, умоляюще)*. Оставайтесь!

Нина. Не могу, Петр Николаевич.

Сорин. Оставайтесь на один час и всё. Ну что, право...

Нина *(подумав, сквозь слезы)*. Нельзя! *(Пожимает руку и быстро уходит.)*

Аркадина. Несчастливая девушка в сущности. Говорят, ее покойная мать завещала мужу всё свое громадное состояние, всё до копейки, и теперь эта девочка осталась ни с чем, так как отец ее уже завещал всё своей второй жене. Это возмутительно.

Дорн. Да, ее папенька порядочная-таки скотина, надо отдать ему полную справедливость.

Сорин (*потирая озябшие руки*). Пойдемте-ка, господа, и мы, а то становится сыро. У меня ноги болят.

Аркадина. Они у тебя как деревянные, едва ходят. Ну, пойдем, старик злосчастный. (*Берет его под руку.*)

Шамраев (*подавая руку жене*). Мадам?

Сорин. Я слышу, опять воеет собака. (*Шамраеву.*) Будьте добры, Илья Афанасьевич, прикажите отвязать ее.

Шамраев. Нельзя, Петр Николаевич, боюсь, как бы воры в амбар не забрались. Там у меня просо. (*Идущему рядом Медведенку.*) Да, на целую октаву ниже: «Браво, Сильва!» А ведь не певец, простой синодальный певчий.

Медведенко. А сколько жалованья получает синодальный певчий?

Все уходят, кроме Дорна.

Дорн (*один*). Не знаю, быть может, я ничего не понимаю или сошел с ума, но пьеса мне понравилась. В ней что-то есть. Когда эта девочка говорила об одиночестве и потом, когда показались красные глаза дьявола, у меня от волнения дрожали руки. Свежо, наивно... Вот, кажется, он идет. Мне хочется наговорить ему

побольше приятного.

Треплев (*входит*). Уже нет никого.

Дорн. Я здесь.

Треплев. Меня по всему парку ищет Машенька. Несносное создание.

Дорн. Константин Гаврилович, мне ваша пьеса чрезвычайно понравилась. Странная она какая-то, и конца я не слышал, и все-таки впечатление сильное. Вы талантливый человек, вам надо продолжать.

Треплев крепко жмет ему руку и обнимает порывисто.

Фу, какой нервный. Слезы на глазах... Я что хочу сказать? Вы взяли сюжет из области отвлеченных идей. Так и следовало, потому что художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно. Как вы бледны!

Треплев. Так вы говорите — продолжать?

Дорн. Да... Но изображайте только важное и вечное. Вы знаете, я прожил свою жизнь разнообразно и со вкусом, я доволен, но если бы мне пришлось испытать подъем духа, какой бывает у художников во время творче-

ства, то, мне кажется, я презирал бы свою материальную оболочку и все, что этой оболочке свойственно, и уносился бы от земли подалее в высоту.

Треплев. Виноват, где Заречная?

Дорн. И вот еще что. В произведении должна быть ясная, определенная мысль. Вы должны знать, для чего пишете, иначе, если пойдете по этой живописной дороге без определенной цели, то вы заблудитесь и ваш талант погубит вас.

Треплев (*нетерпеливо*). Где Заречная?

Дорн. Она уехала домой.

Треплев (*в отчаянии*). Что же мне делать? Я хочу ее видеть... Мне необходимо ее видеть... Я поеду...

Маша *входит.*

Дорн (*Треплеву*). Успокойтесь, мой друг.

Треплев. Но все-таки я поеду. Я должен поехать.

Маша. Идите, Константин Гаврилович, в дом. Вас ждет ваша мама. Она непокойна.

Треплев. Скажите ей, что я уехал. И прошу вас всех, оставьте меня в покое! Оставьте! Не ходите за мной!

Дорн. Но, но, но, милый... нельзя так...
Нехорошо.

Треплев (сквозь слезы). Прощайте, доктор.
Благодарю... (Уходит.)

Дорн (вздыхнув). Молодость, молодость!

Маша. Когда нечего больше сказать, то говорят: молодость, молодость... (Нюхает табак.)

Дорн (берет у нее табакерку и швыряет в кусты). Это гадко!

Пауза.

В доме, кажется, играют. Надо идти.

Маша. Погодите.

Дорн. Что?

Маша. Я еще раз хочу вам сказать. Мне хочется поговорить... (Волнуясь.) Я не люблю своего отца... но к вам лежит мое сердце. Почему-то я всею душой чувствую, что вы мне близки... Помогите же мне. Помогите, а то я сделаю глупость, я насмеюсь над своею жизнью, испорчу ее... Не могу дольше...

Дорн. Что? В чем помочь?

Маша. Я страдаю. Никто, никто не знает моих страданий! (Кладет ему голову на грудь, тихо.) Я люблю Константина.

Дорн. Как все нервные! Как все нервные! И сколько любви... О, колдовское озеро! (*Нежно.*) Но что же я могу сделать, дитя мое? Что? Что?

Занавес

Действие второе

Площадка для крокета. В глубине направо дом с большою террасой, налево видно озеро, в котором, отражаясь, сверкает солнце. Цветники. Полдень. Жарко. Сбоку площадки, в тени старой липы, сидят на скамье **Аркадина, Дорн и Маша**. У Дорна на коленях раскрытая книга.

Аркадина (*Маше*). Вот встанемте.

Обе встают.

Станем рядом. Вам двадцать два года, а мне почти вдвое. Евгений Сергеич, кто из нас моложе?

Дорн. Вы, конечно.

Аркадина. Вот-с... А почему? Потому что я работаю, я чувствую, я постоянно в суете, а вы сидите всё на одном месте, не живете... И у меня правило: не заглядывать в будущее. Я никогда не думаю ни о старости, ни о смерти. Чему быть, того не миновать.

Маша. А у меня такое чувство, как будто я родилась уже давно-давно; жизнь свою я тащу волоком, как бесконечный шлейф... И часто не бывает никакой охоты жить. *(Садится.)* Конечно, это все пустяки. Надо встряхнуться, сбросить с себя все это.

Дорн *(напевает тихо).* «Расскажите вы ей, цветы мои...»

Аркадина. Затем, я корректна, как англичанин. Я, милая, держу себя в струне, как говорится, и всегда одета и причесана *comme il faut*[37]. Чтобы я позволила себе выйти из дому, хотя бы вот в сад, в блузе или непричесанной? Никогда. Оттого я и сохранилась, что никогда не была фефёлой, не распускала себя, как некоторые... *(Подбоченясь, прохаживается по площадке.)* Вот вам — как цыпочка. Хоть пятнадцатилетнюю девочку играть.

Дорн. Ну-с, тем не менее все-таки я продолжаю. *(Берет книгу.)* Мы остановились на лабазнике и крысах...

Аркадина. И крысах. Читайте. *(Садится.)* Впрочем, дайте мне, я буду читать. Моя очередь. *(Берет книгу и ищет в ней глазами.)* И крысах... Вот оно... *(Читает.)* «И, разумеется,

для светских людей баловать романистов и привлекать их к себе так же опасно, как лабазнику воспитывать крыс в своих амбарах. А между тем их любят. Итак, когда женщина избрала писателя, которого она желает заполнить, она осаждает его посредством комплиментов, любезностей и угождений...» Ну, это у французов, может быть, но у нас ничего подобного, никаких программ. У нас женщина обыкновенно, прежде чем заполнить писателя, сама уже влюблена по уши, сделайте милость. Недалеко ходить, взять хоть меня и Тригорина...

Идет Сорин, опираясь на трость, и рядом с ним Нина; Медведев катит за ними пустое кресло.

Сорин (тоном, каким ласкают детей). Да? У нас радость? Мы сегодня веселы, в конце концов? (Сестре.) У нас радость! Отец и мачеха уехали в Тверь, и мы теперь свободны на целых три дня.

Нина (садится рядом с Аркадиной и обнимает ее). Я счастлива! Я теперь принадлежу вам.

Сорин (садится в свое кресло). Она сегодня

красивенькая.

Аркадина. Нарядная, интересная... За это вы умница. (*Целует Нину.*) Но не нужно очень хвалить, а то сглазим. Где Борис Алексеевич?

Нина. Он в купальне рыбу удит.

Аркадина. Как ему не надоест! (*Хочет продолжать читать.*)

Нина. Это вы что?

Аркадина. Мопассан «На воде», милочка. (*Читает несколько строк про себя.*) Ну, дальше неинтересно и неверно. (*Закрывает книгу.*) Непокойна у меня душа. Скажите, что с моим сыном? Отчего он так скучен и суров? Он целые дни проводит на озере, и я его почти совсем не вижу.

Маша. У него нехорошо на душе. (*Нине, робко.*) Прошу вас, прочтите из его пьесы!

Нина (*пожав плечами*). Вы хотите? Это так неинтересно!

Маша (*сдерживая восторг*). Когда он сам читает что-нибудь, то глаза у него горят и лицо становится бледным. У него прекрасный, печальный голос; а манеры, как у поэта.

Слышно, как храпит Сорин.

Дорн. Спокойной ночи!

Аркадина. Петруша!

Сорин. А?

Аркадина. Ты спишь?

Сорин. Нисколько.

Пауза.

Аркадина. Ты не лечишься, а это нехорошо, брат.

Сорин. Я рад бы лечиться, да вот доктор не хочет.

Дорн. Лечиться в шестьдесят лет!

Сорин. И в шестьдесят лет жить хочется.

Дорн (*досадливо*). Э! Ну, принимайте валериановые капли.

Аркадина. Мне кажется, ему хорошо бы поехать куда-нибудь на воды.

Дорн. Что ж? Можно поехать. Можно и не поехать.

Аркадина. Вот и пойми.

Дорн. И понимать нечего. Все ясно.

Пауза.

Медведенко. Петру Николаевичу следовало бы бросить курить.

Сорин. Пустяки.

Дорн. Нет, не пустяки. Вино и табак обез-

личивают. После сигары или рюмки водки вы уже не Петр Николаевич, а Петр Николаевич плюс еще кто-то, у вас расплывается ваше я, и вы уже относитесь к самому себе, как к третьему лицу — он.

Сорин *(смеется)*. Вам хорошо рассуждать. Вы пожили на своем веку, а я? Я прослужил по судебному ведомству 28 лет, но еще не жил, ничего не испытал, в конце концов, и, понятная вещь, жить мне очень хочется. Вы сыты и равнодушны и потому имеете склонность к философии, я же хочу жить и потому пью за обедом херес и курю сигары и все. Вот и все.

Дорн. Надо относиться к жизни серьезно, а лечиться в шестьдесят лет, жалеть, что в молодости мало наслаждался, это, извините, легкомыслие.

Маша *(встает)*. Завтракать пора, должно быть. *(Идет лениво, вялою походкой.)* Ногу отсидела... *(Уходит.)*

Дорн. Пойдет и перед завтраком две рюмочки пропустит.

Сорин. Личного счастья нет у бедняжки.

Дорн. Пустое, ваше превосходительство.

Сорин. Вы рассуждаете, как сытый человек.

Аркадина. Ах, что может быть скучнее этой вот милой деревенской скуки! Жарко, тихо, никто ничего не делает, все философствуют... Хорошо с вами, друзья, приятно вас слушать, но... сидеть у себя в номере и учить роль — куда лучше!

Нина (*восторженно*). Хорошо!.. Я понимаю вас.

Сорин. Конечно, в городе лучше. Сидишь в своем кабинете, лакей никого не впускает без доклада, телефон... на улице извозчики и все...

Дорн (*напевает*). «Расскажите вы ей, цветы мои...»

Входит Шамраев, за ним Полина Андреевна.

Шамраев. Вот и наши. Добрый день! (*Целует руку у Аркадиной, потом у Нины.*) Весьма рад видеть вас в добром здоровье. (*Аркадиной.*) Жена говорит, что вы собираетесь сегодня ехать с нею вместе в город. Это правда?

Аркадина. Да, мы собираемся.

Шамраев. Гм... Это великолепно, но на

чем же вы поедете, многоуважаемая? Сегодня у нас возят рожь, все работники заняты. А на каких лошадях, позвольте вас спросить?

Аркадина. На каких? Почему я знаю — на каких!

Сорин. У нас же выездные есть.

Шамраев (*волнуясь*). Выездные? А где я возьму хомуты? Где я возьму хомуты? Это удивительно! Это непостижимо! Высокоуважаемая! Извините, я благоговею перед вашим талантом, готов отдать за вас десять лет жизни, но лошадей я вам не могу дать!

Аркадина. Но если я должна ехать? Странное дело!

Шамраев. Многоуважаемая! Вы не знаете, что значит хозяйство!

Аркадина (*вспылив*). Это старая история! В таком случае я сегодня же уезжаю в Москву. Прикажите нанять для меня лошадей в деревне, а то я уйду на станцию пешком!

Шамраев (*вспылив*). В таком случае я отказываюсь от места! Ищите себе другого управляющего! (*Уходит.*)

Аркадина. Каждое лето так, каждое лето меня здесь оскорбляют! Нога моя здесь боль-

ше не будет!

Уходит влево, где предполагается купальня; через минуту видно, как она проходит в дом; за нею идет Тригорин с удочками и с ведром.

Сорин (*вспылив*). Это нахальство! Это черт знает что такое! Мне это надоело, в конце концов. Сейчас же подать сюда всех лошадей!

Нина (*Полине Андреевне*). Отказать Ирине Николаевне, знаменитой артистке! Разве всякое желание ее, даже каприз, не важнее вашего хозяйства? Просто невероятно!

Полина Андреевна (*в отчаянии*). Что я могу? Войдите в мое положение: что я могу?

Сорин (*Нине*). Пойдемте к сестре... Мы все будем умолять ее, чтобы она не уезжала. Не правда ли? (*Глядя по направлению, куда ушел Шамраев.*) Невыносимый человек! Деспот!

Нина (*мешая ему встать*). Сидите, сидите... Мы вас доведем...

Она и Медведенко катят кресло.

О, как это ужасно!..

Сорин. Да, да, это ужасно... Но он не уйдет, я сейчас поговорю с ним.

Уходят; остаются только Дорн и Полина

Андреевна.

Дорн. Люди скучны. В сущности следовало бы вашего мужа отсюда просто в шею, а ведь все кончится тем, что эта старая баба Петр Николаевич и его сестра попросят у него извинения. Вот увидите!

Полина Андреевна. Он и выездных лошадей послал в поле. И каждый день такие недо-разумения. Если бы вы знали, как это волнует меня! Я заболеваю; видите, я дрожу... Я не выношу его грубости. *(Умоляюще.)* Евгений, дорогой, ненаглядный, возьмите меня к себе... Время наше уходит, мы уже не молоды, и хоть бы в конце жизни нам не прятаться, не лгать...

Пауза.

Дорн. Мне пятьдесят пять лет, уже поздно менять свою жизнь.

Полина Андреевна. Я знаю, вы отказываете мне, потому что, кроме меня, есть женщины, которые вам близки. Взять всех к себе невозможно. Я понимаю. Простите, я надоела вам.

Нина показывается около дома; она рвет цветы.

Дорн. Нет, ничего.

Полина Андреевна. Я страдаю от ревности. Конечно, вы доктор, вам нельзя избегать женщин. Я понимаю...

Дорн (*Нине, которая подходит*). Как там?

Нина. Ирина Николаевна плачет, а у Петра Николаевича астма.

Дорн (*встает*). Пойти дать обоим валериановых капель...

Нина (*подает ему цветы*). Извольте!

Дорн. Merci bien. (*Идет к дому.*)

Полина Андреевна (*идя с ним*). Какие миленькие цветы! (*Около дома, глухим голосом.*) Дайте мне эти цветы! Дайте мне эти цветы! (*Получив цветы, рвет их и бросает в сторону.*)

Оба идут в дом.

Нина (*одна*). Как странно видеть, что известная артистка плачет, да еще по такому пустому поводу! И не странно ли, знаменитый писатель, любимец публики, о нем пишут во всех газетах, портреты его продаются, его переводят на иностранные языки, а он целый день ловит рыбу и радуется, что поймал двух голавлей. Я думала, что известные люди

горды, неприступны, что они презирают толпу и своею славой, блеском своего имени как бы мстят ей за то, что она выше всего ставит знатность происхождения и богатство. Но они вот плачут, удят рыбу, играют в карты, смеются и сердятся, как все...

Треплев (*входит без шляпы, с ружьем и с убитою чайкой*). Вы одни здесь?

Нина. Одна.

Треплев кладет у ее ног чайку.

Что это значит?

Треплев. Я имел подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у ваших ног.

Нина. Что с вами? (*Поднимает чайку и смотрит на нее.*)

Треплев (*после паузы*). Скоро таким же образом я убью самого себя.

Нина. Я вас не узнаю.

Треплев. Да, после того, как я перестал узнавать вас. Вы изменились ко мне, ваш взгляд холоден, мое присутствие стесняет вас.

Нина. В последнее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вот эта чайка тоже, по-видимому, символ, но, простите, я не пони-

маю... *(Кладет чайку на скамью.)* Я слишком проста, чтобы понимать вас.

Треплев. Это началось с того вечера, когда так глупо провалилась моя пьеса. Женщины не прощают неуспеха. Я все сжег, все до последнего клочка. Если бы вы знали, как я несчастлив! Ваше охлаждение страшно, невероятно, точно я проснулся и вижу вот, будто это озеро вдруг высохло или утекло в землю. Вы только что сказали, что вы слишком просты, чтобы понимать меня. О, что тут понимать?! Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновение, уже считаете меня заурядным, ничтожным, каких много... *(Топнув ногой.)* Как это я хорошо понимаю, как понимаю! У меня в мозгу точно гвоздь, будь он проклят вместе с моим самолюбием, которое сосет мою кровь, сосет, как змея... *(Увидев Тригорина, который идет, читая книжку.)* Вот идет истинный талант; ступает, как Гамлет, и тоже с книжкой. *(Дразнит.)* «Слова, слова, слова...» Это солнце еще не подошло к вам, а вы уже улыбаетесь, взгляд ваш растаял в его лучах. Не стану мешать вам. *(Уходит быстро.)*

Тригорин (записывая в книжку). Нюхает табак и пьет водку... Всегда в черном. Ее любит учитель...

Нина. Здравствуйте, Борис Алексеевич!

Тригорин. Здравствуйте. Обстоятельства неожиданно сложились так, что, кажется, мы сегодня уезжаем. Мы с вами едва ли еще увидимся когда-нибудь. А жаль. Мне приходится не часто встречать молодых девушек, молодых и интересных, я уже забыл и не могу себе ясно представить, как чувствуют себя в 18–19 лет, и потому у меня в повестях и рассказах молодые девушки обыкновенно фальшивы. Я бы вот хотел хоть один час побыть на вашем месте, чтобы узнать, как вы думаете и вообще что вы за штука.

Нина. А я хотела бы побывать на вашем месте.

Тригорин. Зачем?

Нина. Чтобы узнать, как чувствует себя известный талантливый писатель. Как чувствуется известность? Как вы ощущаете то, что вы известны?

Тригорин. Как? Должно быть, никак. Об этом я никогда не думал. (Подумав.) Что-ни-

будь из двух: или вы преувеличиваете мою известность, или же вообще она никак не ощущается.

Нина. А если читаете про себя в газетах?

Тригорин. Когда хвалят, приятно, а когда бранят, то потом два дня чувствуешь себя не в духе.

Нина. Чудный мир! Как я завидую вам, если бы вы знали! Жребий людей различен. Одни едва влачат свое скучное, незаметное существование, все похожие друг на друга, все несчастные; другим же, как, например, вам, — вы один из миллиона, — выпала на долю жизнь интересная, светлая, полная значения... Вы счастливы...

Тригорин. Я? *(Пожимая плечами.)* Гм... Вы вот говорите об известности, о счастье, о какой-то светлой, интересной жизни, а для меня все эти хорошие слова, простите, все равно что мармелад, которого я никогда не ем. Вы очень молоды и очень добры.

Нина. Ваша жизнь прекрасна!

Тригорин. Что же в ней особенно хорошего? *(Смотрит на часы.)* Я должен сейчас идти и писать. Извините, мне некогда... *(Смеется.)*

Вы, как говорится, наступили на мою любимую мозоль, и вот я начинаю волноваться и немного сердиться. Впрочем, давайте говорить. Будем говорить о моей прекрасной, светлой жизни... Ну-с, с чего начнем? (*Подумав немного.*) Бывают насильственные представления, когда человек день и ночь думает, например, все о луне, и у меня есть своя такая луна. День и ночь одолевает меня одна неотвязчивая мысль: я должен писать, я должен писать, я должен... Едва кончил повесть, как уже почему-то должен писать другую, потом третью, после третьей четвертую... Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу. Что же тут прекрасного и светлого, я вас спрашиваю? О, что за дикая жизнь! Вот я с вами, я волнуюсь, а между тем каждое мгновение помню, что меня ждет неоконченная повесть. Вижу вот облако, похожее на рояль. Думаю: надо будет упомянуть где-нибудь в рассказе, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнет гелиотропом. Скорее мотаю на ус: приторный запах, вдовий цвет, упомянуть при описании летнего вечера. Ловлю себя и вас на каждой фразе, на каждом слове и спе-

шу скорее запереть все эти фразы и слова в свою литературную кладовую: авось пригодится! Когда кончаю работу, бегу в театр или удить рыбу; тут бы и отдохнуть, забыться, ан — нет, в голове уже ворочается тяжелое чугунное ядро — новый сюжет, и уже тянет к столу, и надо спешить опять писать и писать. И так всегда, всегда, и нет мне покоя от самого себя, и я чувствую, что съедаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому-то в пространство, я обираю пыль с лучших своих цветов, рву самые цветы и топчу их корни. Разве я не сумасшедший? Разве мои близкие и знакомые держат себя со мною, как со здоровым? «Что пописываете? Чем нас подарите?» Одно и то же, одно и то же, и мне кажется, что это внимание знакомых, похвалы, восхищение, — все это обман, меня обманывают, как больного, и я иногда боюсь, что вот-вот подкрадутся ко мне сзади, схватят и повежут, как Поприщина, в сумасшедший дом. А в те годы, в молодые, лучшие годы, когда я начинал, мое писательство было одним сплошным мучением. Маленький писатель, особенно когда ему не везет, кажется себе неуклю-

жим, неловким, лишним, нервы у него напряжены, издерганы; неудержимо бродит он около людей, причастных к литературе и к искусству, непризнанный, никем не замечаемый, боясь прямо и смело глядеть в глаза, точно страстный игрок, у которого нет денег. Я не видел своего читателя, но почему-то в моем воображении он представлялся мне недружелюбным, недоверчивым. Я боялся публики, она была страшна мне, и когда мне приходилось ставить свою новую пьесу, то мне казалось всякий раз, что брюнеты враждебно настроены, а блондины холодно равнодушны. О, как это ужасно! Какое это было мучение!

Нина. Позвольте, но разве вдохновение и самый процесс творчества не дают вам высоких, счастливых минут?

Тригорин. Да. Когда пишу, приятно. И корректуру читать приятно, но... едва вышло из печати, как я не выношу, и вижу уже, что оно не то, ошибка, что его не следовало бы писать вовсе, и мне досадно, на душе дрянно... (Смеется.) А публика читает: «Да, мило, талантливо... Мило, но далеко до Толстого», или: «Пре-

красная вещь, но „Отцы и дети“ Тургенева лучше». И так до гробовой доски все будет только мило и талантливо, мило и талантливо — больше ничего, а как умру, знакомые, проходя мимо могилы, будут говорить: «Здесь лежит Тригорин. Хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева».

Нина. Простите, я отказываюсь понимать вас. Вы просто избалованы успехом.

Тригорин. Каким успехом? Я никогда не нравился себе. Я не люблю себя как писателя. Хуже всего, что я в каком-то чаду и часто не понимаю, что я пишу... Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и прочее и прочее, и я говорю обо всем, тороплюсь, меня со всех сторон подгоняют, сердятся, я мечусь из стороны в сторону, как лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходят вперед и вперед, а я все отстаю

и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд, и, в конце концов, чувствую, что я умею писать только пейзаж, а во всем остальном я фальшив и фальшив до мозга костей.

Нина. Вы заработались, и у вас нет времени и охоты сознать свое значение. Пусть вы недовольны собою, но для других вы велики и прекрасны! Если бы я была таким писателем, как вы, то я отдала бы толпе всю свою жизнь, но сознавала бы, что счастье ее только в том, чтобы возвышаться до меня, и она возила бы меня на колеснице.

Тригорин. Ну, на колеснице... Агамемнон я, что ли?

Оба улыбнулись.

Нина. За такое счастье, как быть писательницей или артисткой, я перенесла бы нелюбовь близких, нужду, разочарование, я жила бы под крышей и ела бы только ржаной хлеб, страдала бы от недовольства собою, от сознания своих несовершенств, но зато бы уж я потребовала славы... настоящей, шумной славы... *(Закрывает лицо руками.)* Голова кружится... Уф!..

Голос Аркадиной (из дому): «Борис Алексее-

вич!»

Тригорин. Меня зовут... Должно быть, укладываться. А не хочется уезжать. *(Оглядывается на озеро.)* Ишь ведь какая благодать!.. Хорошо!

Нина. Видите на том берегу дом и сад?

Тригорин. Да.

Нина. Это усадьба моей покойной матери. Я там родилась. Я всю жизнь провела около этого озера и знаю на нем каждый островок.

Тригорин. Хорошо у вас тут! *(Увидев чайку.)* А это что?

Нина. Что это вы пишете?

Тригорин. Красивая птица. Право, не хочется уезжать. Вот уговорите-ка Ирину Николаевну, чтобы она осталась. *(Записывает в книжку.)*

Нина. Что это вы пишете?

Тригорин. Так, записываю... Сюжет мелькнул... *(Пряча книжку.)* Сюжет для небольшого рассказа: на берегу озера с детства живет молодая девушка, такая, как вы; любит озеро, как чайка, и счастлива, и свободна, как чайка. Но случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил ее, как вот эту чайку.

Пауза.

В окне показывается Аркадина.

Аркадина. Борис Алексеевич, где вы?

Тригорин. Сейчас! *(Идет и оглядывается на Нину; у окна, Аркадиной.)* Что?

Аркадина. Мы остаемся.

Тригорин уходит в дом.

Нина *(подходит к рампе; после некоторого раздумья).* Сон!

Занавес

Действие третье

Столовая в доме Сорина. Направо и налево двери. Буфет. Шкап с лекарствами. Посреди комнаты стол. Чемодан и картонки; заметны приготовления к отъезду. **Тригорин** завтракает. **Маша** стоит у стола.

Маша. Все это я рассказываю вам, как писателю. Можете воспользоваться. Я вам по совести: если бы он ранил себя серьезно, то я не стала бы жить ни одной минуты. А все же я храбрая. Вот взяла и решила: вырву эту любовь из своего сердца, с корнем вырву.

Тригорин. Каким же образом?

Маша. Замуж выхожу. За Медведенка.

Тригорин. Это за учителя?

Маша. Да.

Тригорин. Не понимаю, какая надобность.

Маша. Любить безнадежно, целые годы все ждать чего-то... А как выйду замуж, будет уже не до любви, новые заботы заглушат все старое. И все-таки, знаете ли, перемена. Не повторить ли нам?

Тригорин. А не много ли будет?

Маша. Ну, вот! *(Наливает по рюмке.)* Вы не смотрите на меня так. Женщины пьют чаще, чем вы думаете. Меньшинство пьет открыто, как я, а большинство тайно. Да. И всё водку или коньяк. *(Чокается.)* Желаю вам! Вы человек простой, жалко с вами расставаться.

Пьют.

Тригорин. Мне самому не хочется уезжать.

Маша. А вы попросите, чтобы она осталась.

Тригорин. Нет, теперь не останется. Сын ведет себя крайне бестактно. То стрелялся, а теперь, говорят, собирается меня на дуэль вызвать. А чего ради? Дуется, фыркает, проповедует новые формы... Но ведь всем хватит места, и новым и старым, — зачем толкаться?

Маша. Ну, и ревность. Впрочем, это не мое

дело.

Пауза.

Яков *проходит слева направо с чемоданом; входит **Нина** и останавливается у окна.*

Мой учитель не очень-то умен, но добрый человек и бедняк, и меня сильно любит. Его жалко. И его мать старушку жалко. Ну-с, позвольте пожелать вам всего хорошего. Не поминайте лихом. *(Крепко пожимает руку.)* Очень вам благодарна за ваше доброе расположение. Пришлите же мне ваши книжки, непременно с автографом. Только не пишите «многоуважаемой», а просто так: «Марье, родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на этом свете». Прощайте! *(Уходит.)*

Нина *(протягивая в сторону Тригорина руку, сжатую в кулак).* Чёт или нечет?

Тригорин. Чёт.

Нина *(вздыхнув).* Нет. У меня в руке только одна горошина. Я загадала: идти мне в актрисы или нет? Хоть бы посоветовал кто.

Тригорин. Тут советовать нельзя.

Пауза.

Нина. Мы расстаемся и... пожалуй, более уже не увидимся. Я прошу вас принять от ме-

ня на память вот этот маленький медальон. Я приказала вырезать ваши инициалы... а с этой стороны название вашей книжки: «Дни и ночи».

Тригорин. Как грациозно! *(Целует медальон.)* Прелестный подарок!

Нина. Иногда вспоминайте обо мне.

Тригорин. Я буду вспоминать. Я буду вспоминать вас, какую вы были в тот ясный день — помните? — неделю назад, когда вы были в светлом платье... мы разговаривали... еще тогда на скамье лежала белая чайка.

Нина *(задумчиво)*. Да, чайка...

Пауза.

Больше нам говорить нельзя, сюда идут... Перед отъездом дайте мне две минуты, умоляю вас... *(Уходит влево.)*

Одновременно входят справа Аркадина, Сорин во фраке со звездой, потом Яков, озабоченный укладкой.

Аркадина. Оставайся-ка, старик, дома. Тебе ли с твоим ревматизмом разъезжать по го-стям? *(Тригорину.)* Это кто сейчас вышел? Нина?

Тригорин. Да.

Аркадина. Pardon, мы помешали... *(Садится.)* Кажется, все уложила. Замучилась.

Тригорин *(читает на медальоне).* «Дни и ночи», страница 121, строки 11 и 12.

Яков *(убирая со стола).* Удочки тоже прикажете уложить?

Тригорин. Да, они мне еще понадобятся. А книги отдай кому-нибудь.

Яков. Слушаю.

Тригорин *(про себя).* Страница 121, строки 11 и 12. Что же в этих строках? *(Аркадиной.)* Тут в доме есть мои книжки?

Аркадина. У брата в кабинете, в угловом шкапу.

Тригорин. Страница 121... *(Уходит.)*

Аркадина. Право, Петрушка, остался бы дома...

Сорин. Вы уезжаете, без вас мне будет тяжело дома.

Аркадина. А в городе что же?

Сорин. Особенно ничего, но все же. *(Смеется.)* Будет закладка земского дома и все такое... Хочется хоть на час-другой воспрянуть от этой пискариной жизни, а то очень уж я залежался, точно старый мундштук. Я прика-

зал подавать лошадей к часу, в одно время и выедем.

Аркадина *(после паузы)*. Ну, живи тут, не скучай, не простужайся. Наблюдай за сыном. Береги его. Наставляй.

Пауза.

Вот уеду, так и не буду знать, отчего стрелялся Константин. Мне кажется, главной причиной была ревность, и чем скорее я увезу отсюда Тригорина, тем лучше.

Сорин. Как тебе сказать? Были и другие причины. Понятная вещь, человек молодой, умный, живет в деревне, в глуши, без денег, без положения, без будущего. Никаких занятий. Стыдится и боится своей праздности. Я его чрезвычайно люблю, и он ко мне привязан, но все же, в конце концов, ему кажется, что он лишний в доме, что он тут нахлебник, приживал. Понятная вещь, самолюбие...

Аркадина. Горе мне с ним! *(В раздумье.)* Поступить бы ему на службу, что ли...

Сорин *(насвистывает, потом нерешительно)*. Мне кажется, было бы самое лучшее, если бы ты... дала ему немного денег. Прежде всего ему нужно одеться по-человечески и все. По-

смотри, один и тот же сюртучишко он таскает три года, ходит без пальто... *(Смеется.)* Да и погулять малому не мешало бы... Поехать за границу, что ли... Это ведь не дорого стоит.

Аркадина. Все-таки... Пожалуй, на костюме я еще могу, но чтоб за границу... Нет, в настоящее время и на костюме не могу. *(Решительно.)* Нет у меня денег!

Сорин смеется.

Нет!

Сорин *(насвистывает)*. Так-с. Прости, милая, не сердись. Я тебе верю... Ты великодушная, благородная женщина.

Аркадина *(сквозь слезы)*. Нет у меня денег!

Сорин. Будь у меня деньги, понятная вещь, я бы сам дал ему, но у меня ничего нет, ни пятак. *(Смеется.)* Вся мою пенсию у меня забирает управляющий и тратит на земледелие, скотоводство, пчеловодство, и деньги мои пропадают даром. Пчелыдохнут, коровыдохнут, лошадей мне никогда не дают...

Аркадина. Да, у меня есть деньги, но ведь я артистка; одни туалеты разорили совсем.

Сорин. Ты добрая, милая... Я тебя уважаю... Да... Но опять со мною что-то того... *(Пошаты-*

вається.) Голова кружиться. (*Держится за стол.*) Мне дурно и все.

Аркадина (*испуганно*). Петруша! (*Стараясь поддержать его.*) Петруша, дорогой мой... (*Кричит.*) Помогите мне! Помогите!..

Входят Треплев с повязкой на голове, Медведенко.

Ему дурно!

Сорин. Ничего, ничего... (*Улыбается и пьет воду.*) Уже прошло... и все...

Треплев (*матери*). Не пугайся, мама, это не опасно. С дядей теперь это часто бывает. (*Дяде.*) Тебе, дядя, надо полежать.

Сорин. Немножко, да... А все-таки в город я поеду... Полежу и поеду... понятная вещь... (*Идет, опираясь на трость.*)

Медведенко (*ведет его под руку*). Есть загадка: утром на четырех, в полдень на двух, вечером на трех...

Сорин (*смеется*). Именно. А ночью на спине. Благодарю вас, я сам могу идти...

Медведенко. Ну вот, церемонии!..

Он и Сорин уходят.

Аркадина. Как он меня напугал!

Треплев. Ему нездорово жить в деревне.

Тоскует. Вот если бы ты, мама, вдруг расщедрилась и дала ему займы тысячи полторы-две, то он мог бы прожить в городе целый год.

Аркадина. У меня нет денег. Я актриса, а не банкирша.

Пауза.

Треплев. Мама, перемени мне повязку. Ты это хорошо делаешь.

Аркадина (*достает из аптечного шкапа йодоформ и ящик с перевязочным материалом*). А доктор опоздал.

Треплев. Обещал быть к десяти, а уже полдень.

Аркадина. Садись. (*Снимает у него с головы повязку.*) Ты как в чалме. Вчера один приезжий спрашивал на кухне, какой ты национальности. А у тебя почти совсем зажило. Остались самые пустяки. (*Целует его в голову.*) А ты без меня опять не сделаешь чик-чик?

Треплев. Нет, мама. То была минута безумного отчаяния, когда я не мог владеть собою. Больше это не повторится. (*Целует ей руку.*) У тебя золотые руки. Помню, очень давно, когда ты еще служила на казенной сцене, — я тогда

был маленьким, — у нас во дворе была драка, сильно побили жилицу — прачку. Помнишь? Ее подняли без чувств... ты все ходила к ней, носила лекарства, мыла в корыте ее детей. Неужели не помнишь?

Аркадина. Нет. *(Накладывает новую повязку.)*

Треплев. Две балерины жили тогда в том же доме, где мы... Ходили к тебе кофе пить...

Аркадина. Это помню.

Треплев. Богомольные они такие были.

Пауза.

В последнее время, вот в эти дни, я люблю тебя так же нежно и беззаветно, как в детстве. Кроме тебя, теперь у меня никого не осталось. Только зачем, зачем между мной и тобой стал этот человек.

Аркадина. Ты не понимаешь его, Константин. Это благороднейшая личность...

Треплев. Однако, когда ему доложили, что я собираюсь вызвать его на дуэль, благородство не помешало ему сыграть труса. Уезжает. Позорное бегство!

Аркадина. Какой вздор! Я сама увожу его отсюда. Наша близость, конечно, не может те-

бе нравиться, но ты умен и интеллигентен, я имею право требовать от тебя, чтобы ты уважал мою свободу.

Треплев. Я уважаю твою свободу, но и ты позволь мне быть свободным и относиться к этому человеку как я хочу. Благороднейшая личность! Вот мы с тобою почти ссоримся из-за него, а он теперь где-нибудь в гостиной или в саду смеется надо мной и над тобой, развивает Нину, старается окончательно убедить ее, что он гений.

Аркадина. Для тебя наслаждение говорить мне неприятности. Я уважаю этого человека и прошу при мне не выражаться о нем дурно.

Треплев. А я не уважаю. Ты хочешь, чтобы я тоже считал его гением, но, прости, я лгать не умею, от его произведений мне претит.

Аркадина. Это зависть. Людям не талантливым, но с претензиями, ничего больше не остается, как порицать настоящие таланты. Нечего сказать, утешение!

Треплев (*иронически*). Настоящие таланты! (*Гневно.*) Я талантливее вас всех, коли на то пошло! (*Срывает с головы повязку.*) Вы, рутинеры, захватили первенство в искусстве и

считаете законным и настоящим лишь то, что делаете вы сами, а остальное вы гнетете и душиите! Не признаю я вас! Не признаю ни тебя, ни его!

Аркадина. Декадент!..

Треплев. Отправляйся в свой милый театр и играй там в жалких, бездарных пьесах!

Аркадина. Никогда я не играла в таких пьесах. Оставь меня! Ты и жалкого водевиля написать не в состоянии. Киевский мещанин! Приживал!

Треплев. Скряга!

Аркадина. Оборвыш!

Треплев садится и тихо плачет.

Ничтожество! *(Пройдясь в волнении.)* Не плачь. Не нужно плакать... *(Плачет.)* Не надо... *(Целует его в лоб, в щеки, в голову.)* Милое мое дитя, прости... Прости свою грешную мать. Прости меня несчастную.

Треплев *(обнимает ее).* Если бы ты знала! Я все потерял. Она меня не любит, я уже не могу писать... пропали все надежды...

Аркадина. Не отчаивайся... Все обойдется. Я сейчас увезу его, она опять тебя полюбит. *(Утирает ему слезы.)* Будет. Мы уже помири-

лись.

Треплев (*целует ей руки*). Да, мама.

Аркадина (*нежно*). Помирись и с ним. Не надо дуэли... Ведь не надо?

Треплев. Хорошо... Только, мама, позволь мне не встречаться с ним. Мне это тяжело... выше сил... (*Входит Тригорин.*) Вот... Я выйду... (*Быстро убирает в шкаф лекарства.*) А повязку уже доктор сделает...

Тригорин (*ищет в книжке*). Страница 121... строки 11 и 12... Вот... (*Читает.*) «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

Треплев *подбирает с полу повязку и уходит.*

Аркадина (*поглядев на часы*). Скоро лошадей подадут.

Тригорин (*про себя*). Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее.

Аркадина. У тебя, надеюсь, все уже уложено?

Тригорин (*нетерпеливо*). Да, да... (*В раздумье.*) Отчего в этом призыве чистой души слышалась мне печаль и мое сердце так бо-

лезненно жжалось?.. Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приходи и возьми ее. *(Аркадиной.)* Останемся еще на один день!

Аркадина отрицательно качает головой.

Останемся!

Аркадина. Милый, я знаю, что удерживает тебя здесь. Но имей над собой власть. Ты немного опьянел, отрезвись.

Тригорин. Будь ты тоже трезва, будь умна, рассудительна, умоляю тебя, взгляни на все это, как истинный друг... *(Жмет ей руку.)* Ты способна на жертвы... Будь моим другом, отпусти меня...

Аркадина *(в сильном волнении).* Ты так увлечен?

Тригорин. Меня манит к ней! Быть может, это именно то, что мне нужно.

Аркадина. Любовь провинциальной девочки? О, как ты мало себя знаешь!

Тригорин. Иногда люди спят на ходу, так вот я говорю с тобою, а сам будто сплю и вижу ее во сне... Мною овладели сладкие, дивные мечты... Отпусти...

Аркадина *(дрожа).* Нет, нет... Я обыкновенная женщина, со мной нельзя говорить так...

Не мучай меня, Борис... Мне страшно...

Тригорин. Если захочешь, ты можешь быть необыкновенною. Любовь юная, прелестная, поэтическая, уносящая в мир грёз, — на земле только она одна может дать счастье! Такой любви я не испытал еще... В молодости было некогда, я обивал пороги редакций, боролся с нуждой... Теперь вот она, эта любовь, пришла наконец, манит... Какой же смысл бежать от нее?

Аркадина *(с гневом)*. Ты сошел с ума!

Тригорин. И пускай.

Аркадина. Вы все стоворились сегодня мучить меня! *(Плачет.)*

Тригорин *(берет себя за голову)*. Не понимает! Не хочет понять!

Аркадина. Неужели я уже так стара и безобразна, что со мною можно, не стесняясь, говорить о других женщинах? *(Обнимает его и целует.)* О, ты обезумел! Мой прекрасный, дивный... Ты, последняя страница моей жизни! *(Становится на колени.)* Моя радость, моя гордость, мое блаженство... *(Обнимает его колени.)* Если ты покинешь меня, хотя на один час, то я не переживу, сойду с ума, мой изуми-

тельный, великолепный, мой повелитель...

Тригорин. Сюда могут войти. *(Помогает ей встать.)*

Аркадина. Пусть, я не стыжусь моей любви к тебе. *(Целует ему руки.)* Сокровище мое, отчаянная голова, ты хочешь безумствовать, но я не хочу, не пущу... *(Смеется.)* Ты мой... ты мой... И этот лоб мой, и глаза мои, и эти прекрасные шелковистые волосы тоже мои... Ты весь мой. Ты такой талантливый, умный, лучший из всех теперешних писателей, ты единственная надежда России. У тебя столько искренности, простоты, свежести, здорового юмора... Ты можешь одним штрихом передать главное, что характерно для лица или пейзажа, люди у тебя, как живые. О, тебя нельзя читать без восторга! Ты думаешь, это фимиам? Я льщу? Ну, посмотри мне в глаза... посмотри... Похожа я на лгунью? Вот и видишь, я одна умею ценить тебя; одна говорю тебе правду, мой милый, чудный... Поедешь? Да? Ты меня не покинешь?..

Тригорин. У меня нет своей воли... У меня никогда не было своей воли... Вялый, рыхлый, всегда покорный — неужели это может

нравиться женщине? Бери меня, увози, но только не отпускай от себя ни на шаг...

Аркадина (*про себя*). Теперь он мой. (*Развязно, как ни в чем не бывало.*) Впрочем, если хочешь, можешь остаться. Я уеду сама, а ты приедешь потом, через неделю. В самом деле, куда тебе спешить?

Тригорин. Нет, уж поедем вместе.

Аркадина. Как хочешь. Вместе, так вместе...

Пауза.

Тригорин записывает в книжку.

Что ты?

Тригорин. Утром слышал хорошее выражение: «Девичий бор»... Пригодится. (*Потягивается.*) Значит, ехать? Опять вагоны, станции, буфеты, отбивные котлеты, разговоры...

Шамраев (*входит*). Имею честь с прискорбием заявить, что лошади поданы. Пора уже, многоуважаемая, ехать на станцию; поезд приходит в два и пять минут. Так вы же, Ирина Николаевна, сделайте милость, не забудьте навести справочку: где теперь актер Суздальцев? Жив ли? Здоров ли? Вместе пивали когда-то... В «Ограбленной почте» играл

неподдражаемо... С ним тогда, помню, в Елисаветграде служил трагик Измайлов, тоже личность замечательная... Не торопитесь, многоуважаемая, пять минут еще можно. Раз в одной мелодраме они играли заговорщиков, и когда их вдруг накрыли, то надо было сказать: «Мы попали в западню», а Измайлов — «Мы попали в запендю»... (Хохочет.) Запендю!..

*Пока он говорит, Яков хлопочет около чемоданов, горничная приносит Аркадиной шляпу, манто, зонтик, перчатки; все помогают Аркадиной одеться. Из левой двери выглядывает повар, который немного погодя входит нерешительно. Входит **Полина Андреевна**, потом **Сорин** и **Медведенко**.*

Полина Андреевна (с корзиночкой). Вот вам слив на дорогу... Очень сладкие. Может, захотите полакомиться...

Аркадина. Вы очень добры, Полина Андреевна.

Полина Андреевна. Прощайте, моя дорогая! Если что было не так, то простите. (Плачет.)

Аркадина (обнимает ее). Все было хорошо,

все было хорошо. Только вот плакать не нужно.

Полина Андреевна. Время наше уходит!

Аркадина. Что же делать!

Сорин (*в пальто с пелериной, в шляпе, с палкой, выходит из левой двери; проходя через комнату*). Сестра, пора, как бы не опоздать, в конце концов. Я иду садиться. (*Уходит.*)

Медведенко. А я пойду пешком на станцию... провожать. Я живо... (*Уходит.*)

Аркадина. До свиданья, мои дорогие... Если будем живы и здоровы, летом опять увидимся...

Горничная, Яков и повар целуют у нее руку.

Не забывайте меня. (*Подает повару рубль.*)

Вот вам рубль на троих.

Повар. Покорнейше благодарим, барыня. Счастливой вам дороги! Много вами довольны!

Яков. Дай бог час добрый!

Шамраев. Письмецом бы осчастливили! Прощайте, Борис Алексеевич!

Аркадина. Где Константин? Скажите ему, что я уезжаю. Надо проститься. Ну, не помните лихом. (*Якову.*) Я дала рубль повару. Это

на троих.

Все уходят вправо. Сцена пуста. За сценой шум, какой бывает, когда провозжают. **Горничная** возвращается, чтобы взять со стола корзину со сливами, и опять уходит.

Тригорин (возвращаясь). Я забыл свою трость. Она, кажется, там на террасе.

Идет и у левой двери встречается с **Ниной**, которая входит.

Это вы? Мы уезжаем...

Нина. Я чувствовала, что мы еще увидимся. (Возбужденно.) Борис Алексеевич, я решила бесповоротно, жребий брошен, я поступаю на сцену. Завтра меня уже не будет здесь, я ухожу от отца, покидаю все, начинаю новую жизнь... Я уезжаю, как и вы... в Москву. Мы увидимся там.

Тригорин (оглянувшись). Остановитесь в «Славянском Базаре»... Дайте мне тотчас же знать... Молчановка, дом Грохольского... Я тороплюсь...

Пауза.

Нина. Еще одну минуту...

Тригорин (вполголоса). Вы так прекрасны... О, какое счастье думать, что мы скоро

увидимся!

Она склоняется к нему на грудь.

Я опять увижу эти чудные глаза, невыразимо прекрасную, нежную улыбку... эти кроткие черты, выражение ангельской чистоты...

Дорогая моя...

Продолжительный поцелуй.

Занавес

Между третьим и четвертым действием проходит два года.

Действие четвертое

Одна из гостиных в доме Сорина, обращенная Константином Треплевым в рабочий кабинет. Направо и налево двери, ведущие во внутренние покои. Прямо стеклянная дверь на террасу. Кроме обычной гостиной мебели, в правом углу письменный стол, возле левой двери турецкий диван, шкаф с книгами, книги на окнах, на стульях. — Вечер. Горит одна лампа под колпаком. Полумрак. Слышно, как шумят деревья и воет ветер в трубах. Стучит сторож. **Медведенко и Маша** входят.

Маша (окликает). Константин Гаврилыч! Константин Гаврилыч! (Осматриваясь.) Нет никого. Старик каждую минуту все спраши-

вает, где Костя, где Костя... Жить без него не может...

Медведенко. Бойтся одиночества. (*Прислушиваясь.*) Какая ужасная погода! Это уже вторые сутки.

Маша (*припускает огня в лампе*). На озере волны. Громадные.

Медведенко. В саду темно. Надо бы сказать, чтобы сломали в саду тот театр. Стоит голый, безобразный, как скелет, и занавеска от ветра хлопает. Когда я вчера вечером проходил мимо, то мне показалось, будто кто в нем плакал.

Маша. Ну, вот...

Пауза.

Медведенко. Поедем, Маша, домой!

Маша (*качает отрицательно головой*). Я здесь останусь ночевать.

Медведенко (*умоляюще*). Маша, поедем! Наш ребеночек, небось, голоден.

Маша. Пустяки. Его Матрена покормит.

Пауза.

Медведенко. Жалко. Уже третью ночь без матери.

Маша. Скучный ты стал. Прежде, бывало,

хоть пофилософствуешь, а теперь все ребенок, домой, ребенок, домой, — и больше от тебя ничего не услышишь.

Медведенко. Поедем, Маша!

Маша. Поезжай сам.

Медведенко. Твой отец не даст мне лошади.

Маша. Даст. Ты попроси, он и даст.

Медведенко. Пожалуй, попрошу. Значит, ты завтра приедешь?

Маша (*нюхает табак*). Ну, завтра. Пристал...

Входят Тrepлев и Полина Андреевна; Тrepлев принес подушки и одеяло, а Полина Андреевна постельное белье; кладут на турецкий диван, затем Тrepлев идет к своему столу и садится.

Зачем это, мама?

Полина Андреевна. Петр Николаевич просил постлать ему у Кости.

Маша. Давайте я... (*Постилает постель.*)

Полина Андреевна (*вздыхнув*). Старый что малый... (*Подходит к письменному столу и, облокотившись, смотрит в рукопись.*)

Пауза.

Медведенко. Так я пойду. Прощай, Маша. *(Целует у жены руку.)* Прощайте, мамаша. *(Хочет поцеловать руку у тещи.)*

Полина Андреевна *(досадливо)*. Ну! Иди с богом.

Медведенко. Прощайте, Константин Гаврилыч.

Треплев молча подает руку; Медведенко уходит.

Полина Андреевна *(глядя в рукопись)*. Никто не думал и не гадал, что из вас, Костя, выйдет настоящий писатель. А вот, славу богу, и деньги стали вам присылать из журналов. *(Проводит рукой по его волосам.)* И красивый стал... Милый Костя, хороший, будьте поласковее с моей Машенькой!..

Маша *(постилая)*. Оставьте его, мама.

Полина Андреевна *(Треплеву)*. Она славненькая.

Пауза.

Женщине, Костя, ничего не нужно, только взгляни на нее ласково. По себе знаю.

Треплев встает из-за стола и молча уходит.

Маша. Вот и рассердили. Надо было при-

ставать!

Полина Андреевна. Жалко мне тебя, Машенька.

Маша. Очень нужно!

Полина Андреевна. Сердце мое за тебя переболело. Я ведь все вижу, все понимаю.

Маша. Все глупости. Безнадежная любовь — это только в романах... Пустяки. Не нужно только распускать себя и все чего-то ждать, ждать у моря погоды... Раз в сердце завелась любовь, надо ее вон. Вот обещали перевести мужа в другой уезд. Как переедем туда — все забуду... с корнем из сердца вырву.

Через две комнаты играют меланхолический вальс.

Полина Андреевна. Костя играет. Значит, тоскует.

Маша (*делает бесшумно два-три тура вальса*). Главное, мама, перед глазами не видеть. Только бы дали моему Семену перевод, а там, поверьте, в один месяц забуду. Пустяки все это.

Открывается левая дверь, Дорн и Медведенко катят в кресле Сорина.

Медведенко. У меня теперь в доме шесте-

ро. А мука семь гривен пуд.

Дорн. Вот тут и вертись.

Медведенко. Вам хорошо смеяться. Денег у вас куры не клюют.

Дорн. Денег? За тридцать лет практики, мой друг, беспокойной практики, когда я не принадлежал себе ни днем, ни ночью, мне удалось скопить только две тысячи, да и те я прожил недавно за границей. У меня ничего нет.

Маша (мужу). Ты не уехал?

Медведенко (виновато). Что ж? Когда не дают лошади!

Маша (с горькою досадой, вполголоса). Глаза бы мои тебя не видели!

Кресло останавливается в левой половине комнаты;

Полина Андреевна, Маша и Дорн садятся возле; Медведенко, опечаленный, отходит в сторону.

Дорн. Сколько у вас перемен, однако! Из гостиной сделали кабинет.

Маша. Здесь Константину Гаврилычу удобнее работать. Он может когда угодно выходить в сад и там думать.

Стучит сторож.

Сорин. Где сестра?

Дорн. Поехала на станцию встречать Тригорина. Сейчас вернется.

Сорин. Если вы нашли нужным выписать сюда сестру, значит, я опасно болен. *(Помолчав.)* Вот история, я опасно болен, а между тем мне не дают никаких лекарств.

Дорн. А чего вы хотите? Валериановых капель? Соды? Хины?

Сорин. Ну, начинается философия. О, что за наказание! *(Кивнув головой на диван.)* Это для меня постлано?

Полина Андреевна. Для вас, Петр Николаевич.

Сорин. Благодарю вас.

Дорн *(напевает).* «Месяц плывет по ночным небесам...»

Сорин. Вот хочу дать Косте сюжет для повести. Она должна называться так: «Человек, который хотел». «L'homme qui a voulu». В молодости когда-то хотел я сделаться литератором — и не сделался; хотел красиво говорить — и говорил отвратительно *(дразнит себя)*: «и всё и всё такое, того, не того»... и, быва-

ло, резюме везешь, везешь, даже в пот ударит; хотел жениться — и не женился; хотел всегда жить в городе — и вот кончаю свою жизнь в деревне, и все.

Дорн. Хотел стать действительным статским советником — и стал.

Сорин (*смеется*). К этому я не стремился. Это вышло само собою.

Дорн. Выражать недовольство жизнью в шестьдесят два года, согласитесь, — это не великодушно.

Сорин. Какой упрямец. Поймите, жить хочется!

Дорн. Это легкомыслие. По законам природы всякая жизнь должна иметь конец.

Сорин. Вы рассуждаете, как сытый человек. Вы сыты и потому равнодушны к жизни, вам все равно. Но умирать и вам будет страшно.

Дорн. Страх смерти — животный страх... Надо подавлять его. Сознательно боятся смерти только верующие в вечную жизнь, которым страшно бывает своих грехов. А вы, во-первых, неверующий, во-вторых — какие у вас грехи? Вы двадцать пять лет прослужили

по судебному ведомству — только всего.

Сорин (смеется). Двадцать восемь...

Входит Треплев и садится на скамеечке у ног Сорина. Маша все время не отрывает от него глаз.

Дорн. Мы мешаем Константину Гавриловичу работать.

Треплев. Нет, ничего.

Пауза.

Медведев. Позвольте вас спросить, доктор, какой город за границей вам больше понравился?

Дорн. Генуя.

Треплев. Почему Генуя?

Дорн. Там превосходная уличная толпа. Когда вечером выходишь из отеля, то вся улица бывает запружена народом. Движешься потом в толпе без всякой цели, туда-сюда, по ломаной линии, живешь с нею вместе, сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, вроде той, которую когда-то в вашей пьесе играла Нина Заречная. Кстати, где теперь Заречная? Где она и как?

Треплев. Должно быть, здорова.

Дорн. Мне говорили, будто она повела какую-то особенную жизнь. В чем дело?

Треплев. Это, доктор, длинная история.

Дорн. А вы покороче.

Пауза.

Треплев. Она убежала из дому и сошлась с Тригориным. Это вам известно?

Дорн. Знаю.

Треплев. Был у нее ребенок. Ребенок умер. Тригорин разлюбил ее и вернулся к своим прежним привязанностям, как и следовало ожидать. Впрочем, он никогда не покидал прежних, а по бесхарактерности как-то ухитрился и тут и там. Насколько я мог понять из того, что мне известно, личная жизнь Нины не удалась совершенно.

Дорн. А сцена?

Треплев. Кажется, еще хуже. Дебютировала она под Москвой в дачном театре, потом уехала в провинцию. Тогда я не упускал ее из виду и некоторое время куда она, туда и я. Бралась она все за большие роли, но играла грубо, безвкусно, с завываниями, с резкими жестами. Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но

это были только моменты.

Дорн. Значит, все-таки есть талант?

Треплев. Понять было трудно. Должно быть, есть. Я ее видел, но она не хотела меня видеть, и прислуга не пускала меня к ней в номер. Я понимал ее настроение и не настаивал на свидании.

Пауза.

Что же вам еще сказать? Потом я, когда уже вернулся домой, получал от нее письма. Письма умные, теплые, интересные; она не жаловалась, но я чувствовал, что она глубоко несчастна; что ни строчка, то больной, натянутый нерв. И воображение немного расстроено. Она подписывалась Чайкой. В «Русалке» мельник говорит, что он ворон, так она в письмах все повторяла, что она чайка. Теперь она здесь.

Дорн. То есть как здесь?

Треплев. В городе, на постоялом дворе. Уже дней пять как живет там в номере. Я было поехал к ней, и вот Марья Ильинишна ездила, но она никого не принимает. Семен Семенович уверяет, будто вчера после обеда видел ее в поле, в двух верстах отсюда.

Медведенко. Да, я видел. Шла в ту сторону, к городу. Я поклонился, спросил, отчего не идет к нам в гости. Она сказала, что придет.

Треплев. Не придет она.

Пауза.

Отец и мачеха не хотят ее знать. Везде расставили сторожей, чтобы даже близко не допускать ее к усадьбе. *(Отходит с доктором к письменному столу.)* Как легко, доктор, быть философом на бумаге и как это трудно на деле!

Сорин. Прелестная была девушка.

Дорн. Что-с?

Сорин. Прелестная, говорю, была девушка. Действительный статский советник Сорин был даже в нее влюблен некоторое время.

Дорн. Старый ловелас.

Слышен смех Шамраева.

Полина Андреевна. Кажется, наши приехали со станции...

Треплев. Да, я слышу маму.

Входят Аркадина, Тригорин, за ними Шамраев.

Шамраев *(входя).* Мы все стареем, выветриваемся под влиянием стихий, а вы, много-

уважаемая, все еще молоды... Светлая кофточка, живость... грация...

Аркадина. Вы опять хотите сглазить меня, скучный человек!

Тригорин (*Сорину*). Здравствуйте, Петр Николаевич! Что это вы все хвораете? Нехорошо! (*Увидев Машу, радостно.*) Марья Ильинична!

Маша. Узнали? (*Жмет ему руку.*)

Тригорин. Замужем?

Маша. Давно.

Тригорин. Счастливы? (*Раскланивается с Дорном и с Медведенком, потом нерешительно подходит к Треплеву.*) Ирина Николаевна говорила, что вы уже забыли старое и перестали гневаться.

Треплев протягивает ему руку.

Аркадина (*сыну*). Вот Борис Алексеевич привез журнал с твоим новым рассказом.

Треплев (*принимая книгу, Тригорину*). Благодарю вас. Вы очень любезны.

Садятся.

Тригорин. Вам шлют поклон ваши почитатели... В Петербурге и в Москве вообще заинтересованы вами, и меня всё спрашивают про

вас. Спрашивают: какой он, сколько лет, брюнет или блондин. Думают все почему-то, что вы уже не молоды. И никто не знает вашей настоящей фамилии, так как вы печтаетесь под псевдонимом. Вы таинственны, как Железная маска.

Треплев. Надолго к нам?

Тригорин. Нет, завтра же думаю в Москву. Надо. Тороплюсь кончить повесть и затем еще обещал дать что-нибудь в сборник. Одним словом — старая история.

Пока они разговаривают, Аркадина и Полина Андреевна ставят среди комнаты ломберный стол и раскрывают его; Шамраев зажигает свечи, ставит стулья. Достают из шкапа лото.

Погода встретила меня неласково. Ветер жестокий. Завтра утром, если утихнет, отправлюсь на озеро удить рыбу. Кстати, надо осмотреть сад и то место, где — помните? — играли вашу пьесу. У меня созрел мотив, надо только возобновить в памяти место действия.

Маша (отцу). Папа, позволь мужу взять лошадь! Ему нужно домой.

Шамраев (дразнит). Лошадь... домой...

(Строго.) Сама видела: сейчас посылали на станцию. Не гонять же опять.

Маша. Но ведь есть другие лошади... *(Видя, что отец молчит, машет рукой.)* С вами связываться...

Медведенко. Я, Маша, пешком пойду. Прав...
во...

Полина Андреевна *(вздыхнув).* Пешком, в такую погоду... *(Садится за ломберный стол.)* Пожалуйте, господа.

Медведенко. Ведь всего только шесть верст... Прощай... *(Целует жене руку.)* Прощайте, мамаша.

Теща нехотя протягивает ему для поцелуя руку.

Я бы никого не беспокоил, но ребеночек... *(Кланяется всем.)* Прощайте... *(Уходит; походка виноватая.)*

Шамраев. Небось дойдет. Не генерал.

Полина Андреевна *(стучит по столу).* Пожалуйте, господа. Не будем терять времени, а то скоро ужинать позовут.

Шамраев, Маша и Дорн садятся за стол.

Аркадина *(Тригорину).* Когда наступают длинные осенние вечера, здесь играют в лото.

Вот взгляните: старинное лото, в которое еще играла с нами покойная мать, когда мы были детьми. Не хотите ли до ужина сыграть с нами партию? *(Садится с Тригориным за стол.)* Игра скучная, но если привыкнуть к ней, то ничего. *(Сдаёт всем по три карты.)*

Треплев *(перелистывая журнал)*. Свою повесть прочел, а моей даже не разрезал. *(Кладет журнал на письменный стол, потом направляется к левой двери; проходя мимо матери, целует ее в голову.)*

Аркадина. А ты, Костя?

Треплев. Прости, что-то не хочется... Я пройдуся. *(Уходит.)*

Аркадина. Ставка — гривенник. Поставьте за меня, доктор.

Дорн. Слушаю-с.

Маша. Все поставили? Я начинаю... Двадцать два!

Аркадина. Есть.

Маша. Три!..

Дорн. Так-с.

Маша. Поставили три? Восемь! Восемьдесят один! Десять!

Шамраев. Не спеши.

Аркадина. Как меня в Харькове принимали, батюшки мои, до сих пор голова кружится!

Маша. Тридцать четыре!

За сценой играют меланхолический вальс.

Аркадина. Студенты овацию устроили... Три корзины, два венка и вот... *(Снимает с груди брошь и бросает на стол.)*

Шамраев. Да, это вещь...

Маша. Пятьдесят!..

Дорн. Ровно пятьдесят?

Аркадина. На мне был удивительный туалет... Что-что, а уж одеться я не дура.

Полина Андреевна. Костя играет. Тоскует, бедный.

Шамраев. В газетах бранят его очень.

Маша. Семьдесят семь!

Аркадина. Охота обращать внимание.

Тригорин. Ему не везет. Все никак не может попасть в свой настоящий тон. Что-то странное, неопределенное, порой даже похожее на бред. Ни одного живого лица.

Маша. Одиннадцать!

Аркадина *(оглянувшись на Сорина).* Петруша, тебе скучно?

Пауза.

Спит.

Дорн. Спит действительный статский советник.

Маша. Семь! Девяносто!

Тригорин. Если бы я жил в такой усадьбе, у озера, то разве я стал бы писать? Я поборол бы в себе эту страсть и только и делал бы, что удил рыбу.

Маша. Двадцать восемь!

Тригорин. Поймать ерша или окуня — это такое блаженство!

Дорн. А я верю в Константина Гаврилыча. Что-то есть! Что-то есть! Он мыслит образами, рассказы его красочны, яркие, и я их сильно чувствую. Жаль только, что он не имеет определенных задач. Производит впечатление, и больше ничего, а ведь на одном впечатлении далеко не уедешь. Ирина Николаевна, вы рады, что у вас сын писатель?

Аркадина. Представьте, я еще не читала. Все некогда.

Маша. Двадцать шесть!

Треплев тихо входит и идет к своему столу.

Шамраев (*Тригорину*). А у нас, Борис Алексеевич, осталась ваша вещь.

Тригорин. Какая?

Шамраев. Как-то Константин Гаврилыч застрелил чайку, и вы поручили мне заказать из нее чучело.

Тригорин. Не помню. (*Раздумывая.*) Не помню!

Маша. Шестьдесят шесть! Один!

Треплев (*распахивает окно, прислушивается*). Как темно! Не понимаю, отчего я испытываю такое беспокойство.

Аркадина. Костя, закрой окно, а то дует.

Треплев закрывает окно.

Маша. Восемьдесят восемь!

Тригорин. У меня партия, господа.

Аркадина (*весело*). Браво! браво!

Шамраев. Браво!

Аркадина. Этому человеку всегда и везде везет. (*Встает.*) А теперь пойдете закусить чего-нибудь. Наша знаменитость не обедала сегодня. После ужина будем продолжать. (*Сыну.*) Костя, оставь свои рукописи, пойдём есть.

Треплев. Не хочу, мама, я сыт.

Аркадина. Как знаешь. (*Будит Сорина.*)

Петруша, ужинать! *(Берет Шамраева под руку.)* Я расскажу вам, как меня принимали в Харькове...

Полина Андреевна тушит на столе свечи, потом она и Дорн катят кресло. Все уходит в левую дверь; на сцене остается один Треплев за письменным столом.

Треплев *(собирается писать; пробегает то, что уже написано).* Я так много говорил о новых формах, а теперь чувствую, что сам мало-помалу сползаю к рутине. *(Читает.)* «Афиша на заборе гласила... Бледное лицо, обрамленное темными волосами...» Гласила, обрамленное... Это бездарно. *(Зачеркивает.)* Начну с того, как героя разбудил шум дождя, а остальное все вон. Описание лунного вечера длинно и изысканно. Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно.

Пауза.

Да, я все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души.

Кто-то стучит в окно, ближайшее к столу.

Что такое? *(Глядит в окно.)* Ничего не видно... *(Отворяет стеклянную дверь и смотрит в сад.)* Кто-то пробежал вниз по ступеням. *(Окликает.)* Кто здесь?

Уходит; слышно, как он быстро идет по террасе; через полминуты возвращается с Ниной Заречной.

Нина! Нина!

Нина кладет ему голову на грудь и сдержанно рыдает.

(Растроганный.) Нина! Нина! Это вы... вы... Я точно предчувствовал, весь день душа моя томилась ужасно. *(Снимает с нее шляпу и тальму.)* О, моя добрая, моя ненаглядная, она пришла! Не будем плакать, не будем.

Нина. Здесь есть кто-то.

Треплев. Никого.

Нина. Заприте двери, а то войдут.

Треплев. Никто не войдет.

Нина. Я знаю, Ирина Николаевна здесь. Заприте двери...

Треплев (*запирает правую дверь на ключ, подходит к левой*). Тут нет замка. Я заставлю креслом. (*Ставит у двери кресло.*) Не бойтесь, никто не войдет.

Нина (*пристально смотрит ему в лицо*). Дайте я посмотрю на вас. (*Оглядываясь.*) Тепло, хорошо... Здесь тогда была гостиная. Я сильно изменилась?

Треплев. Да... Вы похудели, и у вас глаза стали больше. Нина, как-то странно, что я вижу вас. Отчего вы не пускали меня к себе? Отчего вы до сих пор не приходили? Я знаю, вы здесь живете уже почти неделю... Я каждый день ходил к вам по нескольку раз, стоял у вас под окном, как нищий.

Нина. Я боялась, что вы меня ненавидите. Мне каждую ночь все снится, что вы смотрите на меня и не узнаете. Если бы вы знали! С самого приезда я все ходила тут... около озера. Около вашего дома была много раз и не решалась войти. Давайте сядем.

Садятся.

Сядем и будем говорить, говорить. Хорошо здесь, тепло, уютно... Слышите — ветер? У Тургенева есть место: «Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый угол». Я — чайка... Нет, не то. (*Трет себе лоб.*) О чем я? Да... Тургенев... «И да поможет господь всем бесприютным скитальцам»... Ничего. (*Рыдает.*)

Треплев. Нина, вы опять... Нина!

Нина. Ничего, мне легче от этого... Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечером я пошла посмотреть в саду, цел ли наш театр. А он до сих пор стоит. Я заплакала в первый раз после двух лет, и у меня отлегло, стало яснее на душе. Видите, я уже не плачу. (*Берет его за руку.*) Итак, вы стали уже писателем... Вы писатель, я — актриса... Попали и мы с вами в круговорот... Жила я радостно, по-детски — проснешься утром и запоешь; любила вас, мечтала о славе, а теперь? Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе... с мужиками, а в Ельце образованные купцы будут приставать с любезностями. Груба жизнь!

Треплев. Зачем в Елец?

Нина. Взяла ангажемент на всю зиму. Пора

ехать.

Треплев. Нина, я проклинал вас, ненави-
дел, рвал ваши письма и фотографии, но каж-
дую минуту я сознавал, что душа моя привя-
зана к вам навеки. Разлюбить вас я не в си-
лах, Нина. С тех пор, как я потерял вас и как
начал печататься, жизнь для меня невыноси-
ма, — я страдаю... Молодость мою вдруг как
оторвало, и мне кажется, что я уже прожил на
свете девяносто лет. Я зову вас, целую землю,
по которой вы ходили; куда бы я ни смотрел,
всюду мне представляется ваше лицо, эта лас-
ковая улыбка, которая светила мне в лучшие
годы моей жизни...

Нина (*растерянно*). Зачем он так говорит,
зачем он так говорит?

Треплев. Я одинок, не согрет ничьей при-
вязанностью, мне холодно, как в подземелье,
и, что бы я ни писал, все это сухо, черство,
мрачно. Оставайтесь здесь, Нина, умоляю вас,
или позвольте мне уехать с вами!

Нина быстро надевает шляпу и тальму.

Нина, зачем? Бога ради, Нина... (*Смотрит,
как она одевается.*)

Пауза.

Нина. Лошади мои стоят у калитки. Не провожайте, я сама дойду... *(Сквозь слезы.)* Дайте воды...

Треплев *(дает ей напиток).* Вы куда теперь?

Нина. В город.

Пауза.

Ирина Николаевна здесь?

Треплев. Да... В четверг дяде было нехорошо, мы ей телеграфировали, чтобы она приехала.

Нина. Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. *(Склоняется к столу.)* Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! *(Поднимает голову.)* Я — чайка... Не то. Я — актриса. Ну, да! *(Услышав смех Аркадиной и Тригорина, прислушивается, потом бежит к левой двери и смотрит в замочную скважину.)* И он здесь... *(Возвращаясь к Треплеву.)* Ну, да... Ничего... Да... Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочною, ничтожною, играла бес-

смысленно... Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа... Это не то... *(Трет себе лоб.)* О чем я?.. Я говорю о сцене. Теперь уж я не так... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а уметь терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни.

Треплев *(печально)*. Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое

призвание.

Нина (*прислушиваясь.*) Тсс... Я пойду. Прощайте. Когда я стану большою актрисой, приезжайте взглянуть на меня. Обещаете? А теперь... (*Жмет ему руку.*) Уже поздно. Я еле на ногах стою... я истощена, мне хочется есть...

Треплев. Оставайтесь, я дам вам поужинать...

Нина. Нет, нет... Не провожайте, я сама дойду... Лошади мои близко... Значит, она привезла его с собою? Что ж, все равно. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего... Я люблю его. Я люблю его даже сильнее, чем прежде... Сюжет для небольшого рассказа... Люблю, люблю страстно, до отчаяния люблю. Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства, — чувства, похожие на нежные, изящные цветы... Помните? (*Читает.*) «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли. Уже тысячи веков, как

земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах...» (*Обнимает порывисто Треплева и убегает в стеклянную дверь.*)

Треплев (*после паузы*). Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму...

В продолжение двух минут молча рвет все свои рукописи и бросает под стол, потом отпирает правую дверь и уходит.

Дорн (*стараясь отворить левую дверь*). Странно. Дверь как будто заперта... (*Входит и ставит на место кресло.*) Скачка с препятствиями.

Входят Аркадина, Полина Андреевна, за ними Яков с бутылками и Маша, потом Шамраев и Тригорин.

Аркадина. Красное вино и пиво для Бориса Алексеевича ставьте сюда, на стол. Мы будем играть и пить. Давайте садиться, господа.

Полина Андреевна (*Якову*). Сейчас же подавай и чай. (*Зажигает свечи, садится за*

ломберный стол.)

Шамраев (подводит Тригорина к шкапу). Вот вещь, о которой я давеча говорил... (Достает из шкапа чучело чайки.) Ваш заказ.

Тригорин (глядя на чайку). Не помню! (Подумав.)

Не помню!

Направо за сценой выстрел; все вздрагивают.

Аркадина (испуганно). Что такое?

Дорн. Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь. (Уходит в правую дверь, через полминуты возвращается.) Так и есть. Лопнула склянка с эфиром. (Напевает.) «Я вновь пред тобою стою очарован...»

Аркадина (садясь за стол). Фу, я испугалась. Это мне напомнило, как... (Закрывает лицо руками.) Даже в глазах потемнело...

Дорн (перелистывая журнал, Тригорину). Тут месяца два назад была напечатана одна статья... письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим... (берет Тригорина за талию и отводит к рампе)... так как я очень интересуюсь этим вопросом... (Тоном

ниже, вполголоса.) Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...

Дядя Ваня

Сцены из деревенской жизни в четырёх действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Серебряков Александр Владимирович, отставной профессор.

Елена Андреевна, его жена, 27-ми лет.

Софья Александровна (Соня), его дочь от первого брака.

Войницкая Мария Васильевна, вдова тайного советника, мать первой жены профессора.

Войницкий Иван Петрович, ее сын.

Астров Михаил Львович, врач.

Телегин Илья Ильич, обедневший помещик.

Марина, старая няня.

Работник.

Действие происходит в усадьбе Серебрякова.

Действие первое

Сад. Видна часть дома с террасой. На аллее под старым тополем стол, сервированный для чая. Скамьи, стулья, на одной из скамей лежит гитара. Недалеко от стола качели. — Третий час дня. Пасмурно.

Марина (сырая, малоподвижная старушка, сидит у самовара, вяжет чулок) и **Астров** (ходит возле).

Марина (наливает стакан). Кушай, ба-тюшка.

Астров (нехотя принимает стакан). Что-то не хочется.

Марина. Может, водочки выпьешь?

Астров. Нет. Я не каждый день водку пью. К тому же душно.

Пауза.

Нянька, сколько прошло, как мы знакомы?

Марина (раздумывая). Сколько? Дай бог память... Ты приехал сюда, в эти края... когда?.. еще жива была Вера Петровна, Сонечки-на мать. Ты при ней к нам две зимы ездил... Ну, значит, лет одиннадцать прошло. (Поду-мав.) А может, и больше...

Астров. Сильно я изменился с тех пор?

Марина. Сильно. Тогда ты молодой был, красивый, а теперь постарел. И красота уже не та. Тоже сказать — и водочку пьешь.

Астров. Да... В десять лет другим человеком стал. А какая причина? Заработался, нянька. От утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили. За все время, пока мы с тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободного. Как не постареть? Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживешь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя, становишься чудаком. *Неизбежная участь. (Закручивая свои длинные усы.)* Ишь, громадные усы выросли... Глупые усы. Я стал чудаком, нянька... Поглупеть-то я еще не поглупел, бог милостив, мозги на своем месте, но чувства как-то притупились. Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю... Вот разве тебя только люблю. *(Целует ее в голову.)* У меня в детстве была такая же нянька.

Марина. Может, ты кушать хочешь?

Астров. Нет. В Великом посту на третьей неделе поехал я в Малицкое на эпидемию... Сыпной тиф... В избах народ вповалку... Грязь, вонь, дым, телята на полу, с больными вместе... Поросята тут же... Возился я целый день, не присел, маковой росинки во рту не было, а приехал домой, не дают отдохнуть — привезли с железной дороги стрелочника; положил я его на стол, чтобы ему операцию делать, а он возьми и умри у меня под хлороформом. И когда вот не нужно, чувства проснулись во мне, и защемило мою совесть, точно это я умышленно убил его... Сел я, закрыл глаза — вот этак, и думаю: те, которые будут жить через сто-двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом? Нянька, ведь не помянут!

Марина. Люди не помянут, зато бог помянет.

Астров. Вот спасибо. Хорошо ты сказала.

*Входит **Войницкий**.*

Войницкий (*выходит из дому; он выспался после завтрака и имеет помятый вид; садится на скамью, поправляет свой щегольской галстук*). Да...

Пауза.

Да...

Астров. Выспался?

Войницкий. Да... Очень. *(Зевает.)* С тех пор, как здесь живет профессор со своею супругой, жизнь выбилась из колеи... Сплю не вовремя, за завтраком и обедом ем разные кабули, пью вина... не здорово все это! Прежде минуты свободной не было, я и Соня работали — мое почтение, а теперь работает одна Соня, а я сплю, ем, пью... Нехорошо!

Марина *(покачав головой).* Порядки! Профессор встает в 12 часов, а самовар кипит с утра, все его дожидается. Без них обедали всегда в первом часу, как везде у людей, а при них в седьмом. Ночью профессор читает и пишет, и вдруг часу во втором звонок... Что такое, батюшки? Чаю! Буди для него народ, ставь самовар... Порядки!

Астров. И долго они еще здесь проживут?

Войницкий *(свистит).* Сто лет. Профессор решил поселиться здесь.

Марина. Вот и теперь. Самовар уже два часа на столе, а они гулять пошли.

Войницкий. Идут, идут... Не волнуйся.

Слышны голоса; из глубины сада, возвращаясь с прогулки, идут Серебряков, Елена Андреевна, Соня и Телегин.

Серебряков. Прекрасно, прекрасно... Чудесные виды.

Телегин. Замечательные, ваше превосходительство.

Соня. Мы завтра поедem в лесничество, папа. Хочешь?

Войницкий. Господа, чай пить!

Серебряков. Друзья мои, пришлите мне чай в кабинет, будьте добры! Мне сегодня нужно еще кое-что сделать.

Соня. А в лесничестве тебе непременно понравится...

Елена Андреевна, Серебряков и Соня уходят в дом; Телегин идет к столу и садится возле Марины.

Войницкий. Жарко, душно, а наш великий ученый в пальто, в калошах, с зонтиком и в перчатках.

Астров. Стало быть, бережет себя.

Войницкий. А как она хороша! Как хороша! Во всю свою жизнь не видел женщины красивее.

Телегин. Еду ли я по полю, Марина Тимофеевна, гуляю ли в тенистом саду, смотрю ли на этот стол, я испытываю неизъяснимое блаженство! Погода очаровательная, птички поют, живем мы все в мире и согласии, — чего еще нам? (*Принимая стакан.*) Чувствительно вам благодарен!

Войницкий (*мечтательно*). Глаза... Чудная женщина!

Астров. Расскажи-ка что-нибудь, Иван Петрович.

Войницкий (*вяло*). Что тебе рассказать?

Астров. Нового нет ли чего?

Войницкий. Ничего. Все старо. Я тот же, что и был, пожалуй, стал хуже, так как обленился, ничего не делаю и только ворчу, как старый хрен. Моя старая галка, тамап, все еще лепечет про женскую эмансипацию; одним глазом смотрит в могилу, а другим ищет в своих умных книжках зарю новой жизни.

Астров. А профессор?

Войницкий. А профессор по-прежнему от утра до глубокой ночи сидит у себя в кабинете и пишет. «Напрягши ум, наморщивши чело, всё оды пишем, пишем, и ни себе, ни им

похвал нигде не слышим». Бедная бумага! Он бы лучше свою автобиографию написал. Какой это превосходный сюжет! Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, ученая вобла... Подагра, ревматизм, мигрень, от ревности и зависти вспухла печенка... Живет эта вобла в именье своей первой жены, живет поневоле, потому что жить в городе ему не по карману. Вечно жалуется на свои несчастья, хотя, в сущности, сам необыкновенно счастлив. *(Нервно.)* Ты только подумай, какое счастье! Сын простого дьячка, бурсак, добился ученых степеней и кафедры, стал его превосходительством, зятем сенатора и прочее и прочее. Все это неважно, впрочем. Но ты возьми вот что. Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Двадцать пять лет он пережевывает чужие мысли о реализме, натурализме и всяком другом вздоре; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неинтересно, — значит, двадцать пять лет переливает из пустого в порожнее. И в то же время какое самомнение! Какие претензии! Он вышел в

отставку, и его не знает ни одна живая душа, он совершенно неизвестен; значит, двадцать пять лет он занимал чужое место. А посмотри: шагает, как полубог!

Астров. Ну, ты, кажется, завидуешь.

Войницкий. Да, завидую! А какой успех у женщин! Ни один Дон-Жуан не знал такого полного успеха! Его первая жена, моя сестра, прекрасное кроткое создание, чистая, как вот это голубое небо, благородная, великодушная, имевшая поклонников больше, чем он учеников, — любила его так, как могут любить одни только чистые ангелы таких же чистых и прекрасных, как они сами. Моя мать, его теща, до сих пор обожает его, и до сих пор он внушает ей священный ужас. Его вторая жена, красавица, умница — вы ее только что видели — вышла за него, когда уже он был стар, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блеск. За что? Почему?

Астров. Она верна профессору?

Войницкий. К сожалению, да.

Астров. Почему же к сожалению?

Войницкий. Потому что эта верность фальшива от начала до конца. В ней много

риторики, но нет логики. Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, — это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство — это не безнравственно.

Телегин (*плачушим голосом*). Ваня, я не люблю, когда ты это говоришь. Ну, вот, право... Кто изменяет жене или мужу, тот, значит, неверный человек, тот может изменить и отечеству!

Войницкий (*с досадой*). Заткни фонтан, Вафля!

Телегин. Позволь, Ваня. Жена моя бежала от меня на другой день после свадьбы с любимым человеком по причине моей непривлекательной наружности. После того я своего долга не нарушал. Я до сих пор ее люблю и верен ей, помогаю, чем могу, и отдал свое имущество на воспитание деточек, которых она прижила с любимым человеком. Счастья я лишился, но у меня осталась гордость. А она? Молодость уже прошла, красота под влиянием законов природы поблекла, любимый человек скончался... Что же у нее осталось?

Входят Соня и Елена Андреевна; немного

погода входит **Мария Васильевна** с книгой; она садится и читает; ей дают чаю, и она пьет не глядя.

Соня (торопливо, няне). Там, нянечка, мужики пришли. Поди, поговори с ними, а чай я сама... (Наливает чай.)

Няня уходит. **Елена Андреевна** берет свою чашку и пьет, сидя на качелях.

Астров (**Елене Андреевне**). Я ведь к вашему мужу. Вы писали, что он очень болен, ревматизм и еще что-то, а оказывается, он здоровехонек.

Елена Андреевна. Вчера вечером он хандрил, жаловался на боли в ногах, а сегодня ничего...

Астров. А я-то сломя голову скакал тридцать верст. Ну, да ничего, не впервой. Зато уж останусь у вас до завтра и, по крайней мере, выплюсь quantum satis[38].

Соня. И прекрасно. Это такая редкость, что вы у нас ночуете. Вы, небось, не обедали?

Астров. Нет-с, не обедал.

Соня. Так вот кстати и пообедаете. Мы теперь обедаем в седьмом часу. (Пьет.) Холодный чай!

Телегин. В самоваре уже значительно понизилась температура.

Елена Андреевна. Ничего, Иван Иванович, мы и холодный выпьем.

Телегин. Виноват-с... Не Иван Иванович, а Илья Ильич-с... Илья Ильич Телегин, или, как некоторые зовут меня по причине моего рябого лица, Вафля. Я когда-то крестил Сонечку, и его превосходительство, ваш супруг, знает меня очень хорошо. Я теперь у вас живу-с, в этом имении-с... Если изволили заметить, я каждый день с вами обедаю.

Соня. Илья Ильич наш помощник, правая рука. *(Нежно.)* Давайте, крестненький, я вам еще налью.

Мария Васильевна. Ах!

Соня. Что с вами, бабушка?

Мария Васильевна. Забыла я сказать Александру... потеряла память... сегодня получила я письмо из Харькова от Павла Алексеевича... Прислал свою новую брошюру...

Астров. Интересно?

Мария Васильевна. Интересно, но как-то странно. Опровергает то, что семь лет назад сам же защищал. Это ужасно!

Войницкий. Ничего нет ужасного. Пейте, тапан, чай.

Мария Васильевна. Но я хочу говорить!

Войницкий. Но мы уже пятьдесят лет говорим и говорим, и читаем брошюры. Пора бы уж и кончить.

Мария Васильевна. Тебе почему-то неприятно слушать, когда я говорю. Прости, Жан, но в последний год ты так изменился, что я тебя совершенно не узнаю... Ты был человеком определенных убеждений, светлую личностью...

Войницкий. О, да! Я был светлую личностью, от которой никому не было светло...

Пауза.

Я был светлую личностью... Нельзя состричь ядовитей! Теперь мне сорок семь лет. До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманивать свои глаза вашею этою схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни, — и думал, что делаю хорошо. А теперь, если бы вы знали! Я ночи не сплю с досады, от злости, что так глупо проворонил время, когда мог бы иметь все, в чем отказывает мне теперь моя старость!

Соня. Дядя Ваня, скучно!

Мария Васильевна (сыну). Ты точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения... Но виноваты не они, а ты сам. Ты забывал, что убеждения сами по себе ничто, мертвая буква... Нужно было дело делать.

Войницкий. Дело? Не всякий способен быть пишущим *perpetuum mobile*, как ваш герр профессор.

Мария Васильевна. Что ты хочешь этим сказать?

Соня (умоляюще). Бабушка! Дядя Ваня! Умоляю вас!

Войницкий. Я молчу. Молчу и извиняюсь.

Пауза.

Елена Андреевна. А хорошая сегодня погода... Не жарко...

Пауза.

Войницкий. В такую погоду хорошо повеситься...

Телегин настраивает гитару. Марина ходит около дома и кличет кур.

Марина. Цып, цып, цып...

Соня. Нянечка, зачем мужики приходили?..

Марина. Все то же, опять все насчет пустоши. Цып, цып, цып...

Соня. Кого ты это?

Марина. Пеструшка ушла с цыплятами... Вороны бы не потаскали... *(Уходит.)*

Телегин играет польку; все молча слушают, входит работник.

Работник. Господин доктор здесь? *(Астрову.)* Пожалуйста, Михаил Львович, за вами приехали.

Астров. Откуда?

Работник. С фабрики.

Астров *(с досадой).* Покорно благодарю. Что ж, надо ехать... *(Ищет глазами фуражку.)* Досадно, черт подери...

Соня. Как это неприятно, право... С фабрики приезжайте обедать.

Астров. Нет, уж поздно будет. Где уж... Куда уж... *(Работнику.)* Вот что, притащи-ка мне, любезный, рюмку водки, в самом деле.

Работник уходит.

Где уж... куда уж... *(Нашел фуражку.)* У Островского в какой-то пьесе есть человек с большими усами и малыми способностями... Так это я. Ну, честь имею, господа... *(Елене Андре-*

евне.) Если когда-нибудь заглянете ко мне, вот вместе с Софьей Александровной, то буду искренно рад. У меня небольшое именъишко, всего десятин тридцать, но, если интересуетесь, образцовый сад и питомник, какого не найдете за тысячу верст кругом. Рядом со мною казенное лесничество... Лесничий там стар, болеет всегда, так что, в сущности, я заведую всеми делами.

Елена Андреевна. Мне уже говорили, что вы очень любите леса. Конечно, можно принести большую пользу, но разве это не мешает вашему настоящему призванию? Ведь вы доктор.

Астров. Одному богу известно, в чем наше настоящее призвание.

Елена Андреевна. И интересно?

Астров. Да, дело интересное.

Войницкий (с иронией). Очень!

Елена Андреевна (Астрову). Вы еще молодой человек, вам на вид... ну, тридцать шесть — тридцать семь лет... и, должно быть, не так интересно, как вы говорите. Все лес и лес. Я думаю, однообразно.

Соня. Нет, это чрезвычайно интересно.

Михаил Львович каждый год сажает новые леса, и ему уже прислали бронзовую медаль и диплом. Он хлопочет, чтобы не истребляли старых. Если вы выслушаете его, то согласитесь с ним вполне. Он говорит, что леса украшают землю, что они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. В странах, где мягкий климат, меньше тратится сил на борьбу с природой и потому там мягче и нежнее человек; там люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства...

Войницкий (смеясь). Bravo, bravo!.. Все это мило, но не убедительно, так что (*Астрову*) позволь мне, мой друг, продолжать топить печи дровами и строить сараи из дерева.

Астров. Ты можешь топить печи торфом, а сараи строить из камня. Ну, я допускаю, руби леса из нужды, но зачем истреблять их? Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей

и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи, и всё оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо. *(Елене Андреевне.)* Не правда ли, сударыня? Надо быть безрассудным варваром, чтобы жечь в своей печке эту красоту, разрушать то, чего мы не можем создать. Человек одарен разумом и творческой силой, чтобы преумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее. *(Войницкому.)* Вот ты глядишь на меня с иронией, и все, что я говорю, тебе кажется не серьезным и... и, быть может, это в самом деле чудачество, но, когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа

моя наполняется гордостью, и я... (*Увидев работника, который принес на подносе рюмку водки.*) Однако... (*пьет*) мне пора. Все это, вероятно, чудачество, в конце концов. Честь имею кланяться! (*Идет к дому.*)

Соня (*берет его под руку и идет вместе*).
Когда же вы приедете к нам?

Астров. Не знаю...

Соня. Опять через месяц?..

Астров и Соня уходят в дом; Мария Васильевна и Телегин остаются возле стола; Елена Андреевна и Войницкий идут к террасе.

Елена Андреевна. А вы, Иван Петрович, опять вели себя невозможно. Нужно было вам раздражать Марию Васильевну, говорить о regretium mobile! И сегодня за завтраком вы опять спорили с Александром. Как это мелко!

Войницкий. Но если я его ненавижу!

Елена Андреевна. Ненавидеть Александра не за что, он такой же, как все. Не хуже вас.

Войницкий. Если бы вы могли видеть свое лицо, свои движения... Какая вам лень жить! Ах, какая лень!

Елена Андреевна. Ах, и лень, и скучно! Все

бранят моего мужа, все смотрят на меня с сожалением: несчастная, у нее старый муж! Это участие ко мне — о, как я его понимаю! Вот как сказал сейчас Астров: все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется. Точно так вы безрассудно губите человека, и скоро, благодаря вам, на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою. Почему вы не можете видеть равнодушно женщину, если она не ваша? Потому что — прав этот доктор — во всех вас сидит бес разрушения. Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга...

Войницкий. Не люблю я этой философии!

Пауза.

Елена Андреевна. У этого доктора утомленное, нервное лицо. Интересное лицо. Соне, очевидно, он нравится, она влюблена в него, и я ее понимаю. При мне он был здесь уже три раза, но я застенчива и ни разу не поговорила с ним как следует, не обласкала его. Он подумал, что я зла. Вероятно, Иван Петрович, оттого мы с вами такие друзья, что оба мы нудные, скучные люди! Нудные! Не смотрите на меня так, я этого не люблю.

Войницкий. Могу ли я смотреть на вас иначе, если я люблю вас? Вы мое счастье, жизнь, моя молодость! Я знаю, шансы мои на взаимность ничтожны, равны нулю, но мне ничего не нужно, позвольте мне только глядеть на вас, слышать ваш голос...

Елена Андреевна. Тише, вас могут услышать!

Идут в дом.

Войницкий (*идя за нею*). Позвольте мне говорить о своей любви, не гоните меня прочь, и это одно будет для меня величайшим счастьем...

Елена Андреевна. Это мучительно...

Оба уходят в дом.

Телегин бьет по струнам и играет польку; Мария Васильевна что-то записывает на полях брошюры.

Занавес

Действие второе

Столовая в доме Серебрякова. — Ночь. — Слышно, как в саду стучит сторож.

Серебряков (сидит в кресле перед открытым окном и дремлет) и Елена Андреевна (сидит подле него и тоже дремлет).

Серебряков (*очнувшись*). Кто здесь? Соня, ты?

Елена Андреевна. Это я.

Серебряков. Ты, Леночка... Невыносимая боль!

Елена Андреевна. У тебя плэд упал на пол. (*Кутает ему ноги.*) Я, Александр, затворю окно.

Серебряков. Нет, мне душно... Я сейчас задремал, и мне снилось, будто у меня левая нога чужая. Проснулся от мучительной боли. Нет, это не подагра, скорей ревматизм. Который теперь час?

Елена Андреевна. Двадцать минут первого.

Пауза.

Серебряков. Утром поищи в библиотеке Батюшкова. Кажется, он есть у нас.

Елена Андреевна. А?

Серебряков. Поищи утром Батюшкова. Помнится, он был у нас. Но отчего мне так тяжело дышать?

Елена Андреевна. Ты устал. Вторую ночь не спишь.

Серебряков. Говорят, у Тургенева от подаг-

ры сделалась грудная жаба. Боюсь, как бы у меня не было. Проклятая, отвратительная старость. Черт бы ее побрал. Когда я постарел, я стал себе противен. Да и вам всем, должно быть, противно на меня смотреть.

Елена Андреевна. Ты говоришь о своей старости таким тоном, как будто все мы виноваты, что ты стар.

Серебряков. Тебе же первой я противен.

Елена Андреевна отходит и садится поодаль.

Конечно, ты права. Я не глуп и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старик, почти труп. Что ж? Разве я не понимаю? И конечно, глупо, что я до сих пор жив. Но погодите, скоро я освобожу вас всех. Недолго мне еще придется тянуть.

Елена Андреевна. Я изнемогаю... Бога ради молчи.

Серебряков. Выходит так, что благодаря мне все изнемогли, скучают, губят свою молодость, один только я наслаждаюсь жизнью и доволен. Ну да, конечно!

Елена Андреевна. Замолчи! Ты меня замутил!

Серебряков. Я всех замучил. Конечно.

Елена Андреевна (*сквозь слезы*). Невыносимо! Скажи, что ты хочешь от меня?

Серебряков. Ничего.

Елена Андреевна. Ну, так замолчи. Я прошу.

Серебряков. Странное дело, заговорит Иван Петрович или эта старая идиотка, Марья Васильевна, — и ничего, все слушают, но скажи я хоть одно слово, как все начинают чувствовать себя несчастными. Даже голос мой противен. Ну, допустим, я противен, я эгоист, я деспот, — но неужели я даже в старости не имею некоторого права на эгоизм? Неужели я не заслужил? Неужели же, я спрашиваю, я не имею права на покойную старость, на внимание к себе людей?

Елена Андреевна. Никто не оспаривает у тебя твоих прав.

Окно хлопает от ветра.

Ветер поднялся, я закрою окно. (*Закрывает.*) Сейчас будет дождь. Никто у тебя твоих прав не оспаривает.

Пауза; сторож в саду стучит и поет песню.

Серебряков. Всю жизнь работать для науки, привыкнуть к своему кабинету, к аудитории, к почтенным товарищам — и вдруг, ни с того ни с сего, очутиться в этом склепе, каждый день видеть тут глупых людей, слушать ничтожные разговоры... Я хочу жить, я люблю успех, люблю известность, шум, а тут — как в ссылке. Каждую минуту тосковать о прошлом, следить за успехами других, бояться смерти... Не могу! Нет сил! А тут еще не хотят простить мне моей старости!

Елена Андреевна. Погоди, имей терпение: через пять-шесть лет и я буду стара.

Входит Соня.

Соня. Папа, ты сам приказал послать за доктором Астровым, а когда он приехал, ты отказываешься принять его. Это не деликатно. Только напрасно побеспокоили человека...

Серебряков. На что мне твой Астров? Он столько же понимает в медицине, как я в астрономии.

Соня. Не выписывать же сюда для твоей подагры целый медицинский факультет.

Серебряков. С этим юродивым я и разговаривать не стану.

Соня. Это как угодно. *(Садится.)* Мне все равно.

Серебряков. Который теперь час?

Елена Андреевна. Первый.

Серебряков. Душно... Соня, дай мне со стола капли!

Соня. Сейчас. *(Подает капли.)*

Серебряков *(раздраженно).* Ах, да не эти! Ни о чем нельзя попросить!

Соня. Пожалуйста, не капризничай. Может быть, это некоторым и нравится, но меня избавь, сделай милость! Я этого не люблю. И мне некогда, мне нужно завтра рано вставать, у меня сенокос.

*Входит **Войницкий** в халате и со свечой.*

Войницкий. На дворе гроза собирается.

Молния.

Вона как! Hélène и Соня, идите спать, я пришел вас сменить.

Серебряков *(испуганно).* Нет, нет! Не оставляйте меня с ним! Нет. Он меня заговорит!

Войницкий. Но надо же дать им покой! Они уже другую ночь не спят.

Серебряков. Пусть идут спать, но и ты уходи. Благодарю. Умоляю тебя. Во имя нашей

прежней дружбы, не протестуй. После поговорим.

Войницкий (с усмешкой). Прежней нашей дружбы... Прежней...

Соня. Замолчи, дядя Ваня.

Серебряков (жене). Дорогая моя, не оставляй меня с ним! Он меня заговорит.

Войницкий. Это становится даже смешно.

Входит Марина со свечой.

Соня. Ты бы ложились, нянечка. Уже поздно.

Марина. Самовар со стола не убран. Не очень-то ляжешь.

Серебряков. Все не спят, изнемогают, один только я блаженствую.

Марина (подходит к Серебрякову, нежно). Что, батюшка? Больно? У меня у самой ноги гудут, так и гудут. (Поправляет плэд.) Это у вас давняя болезнь. Вера Петровна, покойница, Сонечкина мать, бывало, ночи не спит, убивается... Очень уж она вас любила...

Пауза.

Старые что малые, хочется, чтобы пожалел кто, а старых-то никому не жалко. (Целует Серебрякова в плечо.) Пойдем, батюшка, в по-

стель... Пойдем, светик... Я тебя липовым чаем напою, ножки твои согрею... Богу за тебя помолюсь...

Серебряков (*растроганный*). Пойдем, Марина.

Марина. У самой-то у меня ноги так и гудут, так и гудут. (*Ведет его вместе с Соней.*) Вера Петровна, бывало, все убивается, все плачет... Ты, Сонюшка, тогда была еще мала, глупа... Иди, иди, батюшка...

Серебряков, Соня и Марина уходят.

Елена Андреевна. Я замучилась с ним. Едва на ногах стою.

Войницкий. Вы с ним, а я с самим собою. Вот уже третью ночь не сплю.

Елена Андреевна. Неблагополучно в этом доме. Ваша мать ненавидит все, кроме своих брошюр и профессора; профессор раздражен, мне не верит, вас боится; Соня злится на отца, злится на меня и не говорит со мною вот уже две недели; вы ненавидите мужа и открыто презираете свою мать; я раздражена и сегодня раз двадцать принималась плакать...
Неблагополучно в этом доме.

Войницкий. Оставим философию!

Елена Андреевна. Вы, Иван Петрович, образованны и умны и, кажется, должны бы понимать, что мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды, от всех этих мелких дрязг... Ваше бы дело не ворчать, а мирить всех.

Войницкий. Сначала помирите меня с самим собою! Дорогая моя... *(Припадает к ее руке.)*

Елена Андреевна. Оставьте! *(Отнимает руку.)* Уходите!

Войницкий. Сейчас пройдет дождь, и все в природе освежится и легко вздохнет. Одного только меня не освежит гроза. Днем и ночью, точно домовою, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя жизнь и моя любовь: куда мне их девать, что мне с ними делать? Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну.

Елена Андреевна. Когда вы мне говорите о своей любви, я как-то тупею и не знаю, что говорить. Простите, я ничего не могу сказать

вам. *(Хочет идти.)* Спокойной ночи.

Войницкий *(загораживает ей дорогу)*. И если бы вы знали, как я страдаю от мысли, что рядом со мною в этом же доме гибнет другая жизнь — ваша! Чего вы ждете? Какая проклятая философия мешает вам? Поймите же, поймите...

Елена Андреевна *(пристально смотрит на него)*. Иван Петрович, вы пьяны!

Войницкий. Может быть, может быть...

Елена Андреевна. Где доктор?

Войницкий. Он там... у меня ночует. Может быть, может быть... Все может быть!

Елена Андреевна. И сегодня пили? К чему это?

Войницкий. Все-таки на жизнь похоже... Не мешайте мне, Hélène!

Елена Андреевна. Раньше вы никогда не пили и никогда вы так много не говорили... Идите спать! Мне с вами скучно.

Войницкий *(припадая к ее руке)*. Дорогая моя... чудная!

Елена Андреевна *(с досадой)*. Оставьте меня. Это, наконец, противно. *(Уходит.)*

Войницкий *(один)*. Ушла...

Пауза.

Десять лет тому назад я встречал ее у покойной сестры. Тогда ей было семнадцать, а мне тридцать семь лет. Отчего я тогда не влюбился в нее и не сделал ей предложения? Ведь это было так возможно! И была бы она теперь моею женой... Да... Теперь оба мы проснулись бы от грозы; она испугалась бы грома, а я держал бы ее в своих объятиях и шептал: «Не бойся, я здесь». О, чудные мысли, как хорошо, я даже смеюсь... но, боже мой, мысли путаются в голове... Зачем я стар? Зачем она меня не понимает? Ее риторика, ленивая мораль, вздорные, ленивые мысли о гибели мира — все это мне глубоко ненавистно.

Пауза.

О, как я обманут! Я обожал этого профессора, этого жалкого подагрика, я работал на него, как вол! Я и Соня выжимали из этого имени последние соки; мы, точно кулаки, торговали постным маслом, горохом, творогом, сами не доедали куска, чтобы из грошей и копеек собирать тысячи и посылать ему. Я гордился им и его наукой, я жил, я дышал им! Все, что он писал и изрекал, казалось мне ге-

ниальным... Боже, а теперь? Вот он в отставке, и теперь виден весь итог его жизни: после него не останется ни одной страницы труда, он совершенно неизвестен, он ничто! Мыльный пузырь! И я обманут... вижу — глупо обманут...

Входит Астров в сюртуке, без жилета и без галстука; он навеселе; за ним Телегин с гитарой.

Астров. Играй!

Телегин. Все спят-с!

Астров. Играй!

Телегин тихо наигрывает.

(Войницкому.) Ты один здесь? Дам нет?
(Подбоченясь, тихо поет.) «Ходи хата, ходи печь, хозяину негде лечь...» А меня гроза разбудила. Важный дождик. Который теперь час?

Войницкий. А черт его знает.

Астров. Мне как будто бы послышался голос Елены Андреевны.

Войницкий. Сейчас она была здесь.

Астров. Роскошная женщина. *(Осматривает склянки на столе.)* Лекарства. Каких только тут нет рецептов! И харьковские, и москов-

ские, и тульские... Всем городам надоел своею подагрой. Он болен или притворяется?

Войницкий. Болен.

Пауза.

Астров. Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли?

Войницкий. Оставь меня.

Астров. А то, может быть, в профессоршу влюблен?

Войницкий. Она мой друг.

Астров. Уже?

Войницкий. Что значит это «уже»?

Астров. Женщина может быть другом мужчины лишь в такой последовательности: сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг.

Войницкий. Пошляческая философия.

Астров. Как? Да... Надо сознаться, — становлюсь пошляком. Видишь, я и пьян. Обычно, я напиваюсь так один раз в месяц. Когда бываю в таком состоянии, то становлюсь нахальным и наглым до крайности. Мне тогда всё нипочем! Я берусь за самые трудные операции и делаю их прекрасно; я рисую самые широкие планы будущего; в это время я

уже не кажусь себе чудаком и верю, что приношу человечеству громадную пользу... громадную! И в это время у меня своя собственная философская система, и все вы, братцы, представляетесь мне такими букашками... микробами. *(Телегину.)* Вафля, играй!

Телегин. Дружочек, я рад бы для тебя всею душой, но пойми же — в доме спят!

Астров. Играй!

Телегин тихо наигрывает.

Выпить бы надо. Пойдем, там, кажется, у нас еще коньяк остался. А как рассветет, ко мне поедет. Идётся? У меня есть фельдшер, который никогда не скажет «идет», а «идётся». Мошенник страшный. Так идётся? *(Увидев входящую Соню.)* Извините, я без галстука. *(Быстро уходит; Телегин идет за ним.)*

Соня. А ты, дядя Ваня, опять напился с доктором. Подружились ясные соколы. Ну, тот уж всегда такой, а ты-то с чего? В твои годы это совсем не к лицу.

Войницкий. Годы тут ни при чем. Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего.

Соня. Сено у нас все скошено, идут каждый

день дожди, все гниет, а ты занимаешься миражами. Ты совсем забросил хозяйство... Я работаю одна, совсем из сил выбилась... *(Испуганно.)* Дядя, у тебя на глазах слезы!

Войницкий. Какие слезы? Ничего нет... вздор... Ты сейчас взглянула на меня, как покойная твоя мать. Милая моя... *(Жадно целует ее руки и лицо.)* Сестра моя... милая сестра моя... Где она теперь? Если бы она знала! Ах, если бы она знала!

Соня. Что? Дядя, что знала?

Войницкий. Тяжело, нехорошо... Ничего... После... Ничего... Я уйду... *(Уходит.)*

Соня *(стучит в дверь).* Михаил Львович! Вы не спите? На минутку!

Астров *(за дверью).* Сейчас! *(Немного погодя входит: он уже в жилетке и галстуке.)* Что прикажете?

Соня. Сами вы пейте, если это вам не противно, но, умоляю, не давайте пить дяде. Ему вредно.

Астров. Хорошо. Мы не будем больше пить.

Пауза.

Я сейчас уеду к себе. Решено и подписано.

Пока запрягут, будет уже рассвет.

Соня. Дождь идет. Погодите до утра.

Астров. Гроза идет мимо, только краем захватит. Поеду. И, пожалуйста, больше не приглашайте меня к вашему отцу. Я ему говорю — подагра, а он — ревматизм; я прошу лежать, он сидит. А сегодня так и вовсе не стал говорить со мною.

Соня. Избалован. (*Ищет в буфете.*) Хотите закусить?

Астров. Пожалуй, дайте.

Соня. Я люблю по ночам закусывать. В буфете, кажется, что-то есть. Он в жизни, говорят, имел большой успех у женщин, и его дамы избаловали. Вот берите сыр.

Оба стоят у буфета и едят.

Астров. Я сегодня ничего не ел, только пил. У вашего отца тяжелый характер. (*Достает из буфета бутылку.*) Можно? (*Выпивает рюмку.*) Здесь никого нет, и можно говорить прямо. Знаете, мне кажется, что в вашем доме я не выжил бы одного месяца, задохнулся бы в этом воздухе... Ваш отец, который весь ушел в свою подагру и в книги, дядя Ваня со своею хандрой, ваша бабушка, наконец, ваша

мачеха...

Соня. Что мачеха?

Астров. В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Она прекрасна, спора нет, но... ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своею красотой — и больше ничего. У нее нет никаких обязанностей, на нее работают другие... Ведь так? А праздная жизнь не может быть чистою.

Пауза.

Впрочем, быть может, я отношусь слишком строго. Я не удовлетворен жизнью, как ваш дядя Ваня, и оба мы становимся брюзгами.

Соня. А вы недовольны жизнью?

Астров. Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю ее всеми силами моей души. А что касается моей собственной, личной жизни, то, ей-богу, в ней нет решительно ничего хорошего. Знаете, когда идешь темною ночью по лесу, и если в это время вдали светит огонек, то не замечаешь ни утомления, ни потемок, ни колючих веток,

которые бьют тебя по лицу... Я работаю, — вам это известно, — как никто в уезде, судьба бьет меня не переставая, порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нет огонька. Я для себя уже ничего не жду, не люблю людей... Давно уже никого не люблю.

Соня. Никого?

Астров. Никого. Некоторую нежность я чувствую только к вашей няньке — по старой памяти. Мужики однообразны очень, неразвиты, грязно живут, а с интеллигенцией трудно ладить. Она утомляет. Все они, наши добрые знакомые, мелко мыслят, мелко чувствуют и не видят дальше своего носа — просто-напросто глупы. А те, которые поумнее и покрупнее, истеричны, заедены анализом, рефлексом... Эти ноют, ненавистничают, болезненно клеветают, подходят к человеку боком, смотрят на него искоса и решают: «О, это психопат!» или: «Это фразер!» А когда не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то говорят: «Это странный человек, странный!» Я люблю лес — это странно; я не ем мяса — это тоже странно. Непосредственного, чистого, свободного отношения к природе и к людям

уже нет... Нет и нет! *(Хочет выпить.)*

Соня *(мешает ему)*. Нет, прошу вас, умоляю, не пейте больше.

Астров. Отчего?

Соня. Это так не идет к вам! Вы изящны, у вас такой нежный голос... Даже больше, вы, как никто из всех, кого я знаю, — вы прекрасны. Зачем же вы хотите походить на обыкновенных людей, которые пьют и играют в карты? О, не делайте этого, умоляю вас! Вы говорите всегда, что люди не творят, а только разрушают то, что им дано свыше. Зачем же, зачем вы разрушаете самого себя? Не надо, не надо, умоляю, заклинаю вас.

Астров *(протягивает ей руку)*. Не буду больше пить.

Соня. Дайте мне слово.

Астров. Честное слово.

Соня *(крепко пожимает руку)*. Благодарю!

Астров. Баста! Я отрезвел. Видите, я уже совсем трезв и таким останусь до конца дней моих. *(Смотрит на часы.)* Итак, будем продолжать. Я говорю: мое время уже ушло, поздно мне... Постарел, заработался, испошлился, притупились все чувства, и, кажется, я уже не

мог бы привязаться к человеку. Я никого не люблю и... уже не люблю. Что меня еще захватывает, так это красота. Неравнодушен я к ней. Мне кажется, что если бы вот Елена Андреевна захотела, то могла бы вскружить мне голову в один день... Но ведь это не любовь, не привязанность... *(Закрывает рукой глаза и вздрагивает.)*

Соня. Что с вами?

Астров. Так... В Великом посту у меня больной умер под хлороформом.

Соня. Об этом пора забыть.

Пауза.

Скажите мне, Михаил Львович... Если бы у меня была подруга, или младшая сестра, и если бы вы узнали, что она... ну, положим, любит вас, то как бы вы отнеслись к этому?

Астров *(пожав плечами)*. Не знаю. Должно быть, никак. Я дал бы ей понять, что полюбить ее не могу... да и не тем моя голова занята. Как-никак, а если ехать, то уже пора. Прощайте, голубушка, а то мы так до утра не кончим. *(Пожимает руку.)* Я пройду через гостиную, если позволите, а то боюсь, как бы ваш дядя меня не задержал. *(Уходит.)*

Соня (одна). Он ничего не сказал мне... Душа и сердце его все еще скрыты от меня, но отчего же я чувствую себя такую счастливую? (Смеется от счастья.) Я ему сказала: вы изящны, благородны, у вас такой нежный голос... Разве это вышло некстати? Голос его дрожит, ласкает... вот я чувствую его в воздухе. А когда я сказала ему про младшую сестру, он не понял... (Ломая руки.) О, как это ужасно, что я некрасива! Как ужасно! А я знаю, что я некрасива, знаю, знаю... В прошлое воскресенье, когда выходили из церкви, я слышала, как говорили про меня, и одна женщина сказала: «Она добрая, великодушная, но жаль, что она так некрасива»... Некрасива...

Входит Елена Андреевна.

Елена Андреевна (открывает окна). Прошла гроза. Какой хороший воздух!

Пауза.

Где доктор?

Соня. Ушел.

Пауза.

Елена Андреевна. Софи!

Соня. Что?

Елена Андреевна. До каких пор вы будете

дуться на меня? Друг другу мы не сделали никакого зла. Зачем же нам быть врагами? Полноте...

Соня. Я сама хотела... *(Обнимает ее.)* Довольно сердиться.

Елена Андреевна. И отлично.

Обе взволнованы.

Соня. Папа лег?

Елена Андреевна. Нет, сидит в гостиной...

Не говорим мы друг с другом по целым неделям и, бог знает, из-за чего... *(Увидев, что буфет открыт.)* Что это?

Соня. Михаил Львович ужинал.

Елена Андреевна. И вино есть... Давайте выпьем брудершафт.

Соня. Давайте.

Елена Андреевна. Из одной рюмочки... *(Наливает.)* Этак лучше. Ну, значит — ты?

Соня. Ты.

Пьют и целуются.

Я давно уже хотела мириться, да все как-то совестно было... *(Плачет.)*

Елена Андреевна. Что же ты плачешь?

Соня. Ничего, это я так.

Елена Андреевна. Ну, будет, будет... *(Пла-*

чет.) Чудачка, и я заплакала...

Пауза.

Ты на меня сердита за то, что я будто вышла за твоего отца по расчету... Если веришь клятвам, то клянусь тебе — я выходила за него по любви. Я увлеклась им как ученым и известным человеком. Любовь была не настоящая, искусственная, но ведь мне казалось тогда, что она настоящая. Я не виновата. А ты с самой нашей свадьбы не переставала казнить меня своими умными подозрительными глазами.

Соня. Ну, мир, мир! Забудем.

Елена Андреевна. Не надо смотреть так — тебе это не идет. Надо всем верить, иначе жить нельзя.

Пауза.

Соня. Скажи мне по совести, как друг... Ты счастлива?

Елена Андреевна. Нет.

Соня. Я это знала. Еще один вопрос. Скажи откровенно — ты хотела бы, чтобы у тебя был молодой муж?

Елена Андреевна. Какая ты еще девочка. Конечно, хотела бы! *(Смеется.)* Ну, спроси

еще что-нибудь, спроси...

Соня. Тебе доктор нравится?

Елена Андреевна. Да, очень.

Соня *(смеется)*. У меня глупое лицо... да?

Вот он ушел, а я все слышу его голос и шаги, а посмотрю на темное окно — там мне представляется его лицо. Дай мне высказаться... Но я не могу говорить так громко, мне стыдно. Пойдем ко мне в комнату, там поговорим. Я тебе кажусь глупою? Сознайся... Скажи мне про него что-нибудь...

Елена Андреевна. Что же?

Соня. Он умный... Он все умеет, все может... Он и лечит, и сажает лес...

Елена Андреевна. Не в лесе и не в медицине дело... Милая моя, пойми, это талант! А ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... Посадит деревцо и уже загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества. Такие люди редки, их нужно любить... Он пьет, бывает грубоват, — но что за беда? Талантливый человек в России не может быть чистеньким. Сама подумай, что за жизнь у этого доктора! Непролазная грязь на

дорогах, морозы, метели, расстояния громадные, народ грубый, дикий, кругом нужда, болезни, а при такой обстановке тому, кто работает и борется изо дня в день, трудно сохранить себя к сорока годам чистеньким и трезвым... *(Целует ее.)* Я от души тебе желаю, ты стоишь счастья... *(Встает.)* А я нудная, эпизодическое лицо... И в музыке, и в доме мужа, во всех романах — везде, одним словом, я была только эпизодическим лицом. Собственно говоря, Соня, если вдуматься, то я очень, очень несчастна! *(Ходит в волнении по сцене.)* Нет мне счастья на этом свете. Нет! Что ты смеешься?

Соня *(смеется, закрыв лицо)*. Я так счастлива... счастлива!

Елена Андреевна. Мне хочется играть... Я сыграла бы теперь что-нибудь.

Соня. Сыграй. *(Обнимает ее.)* Я не могу спать... Сыграй!

Елена Андреевна. Сейчас. Твой отец не спит. Когда он болен, его раздражает музыка. Поди спроси. Если он ничего, то сыграю. По-ди.

Соня. Сейчас. *(Уходит.)*

В саду стучит сторож.

Елена Андреевна. Давно уже я не играла. Буду играть и плакать, плакать, как дура. *(В окно.)* Это ты стучишь, Ефим?

Голос сторожа. Я!

Елена Андреевна. Не стучи, барин нездоров.

Голос сторожа. Сейчас уйду! *(Подсвистывает.)* Эй, вы, Жучка, Мальчик! Жучка!

Пауза.

Соня *(вернувшись).* Нельзя!

Занавес

Действие третье

Гостиная в доме Серебрякова. Три двери: направо, налево и посередине. — День.

Войницкий, Соня *(сидят)* и **Елена Андреевна** *(ходит по сцене, о чем-то думая).*

Войницкий. Герр профессор изволил выразить желание, чтобы сегодня все мы собрались вот в этой гостиной к часу дня. *(Смотрит на часы.)* Без четверти час. Хочет о чем-то поведать миру.

Елена Андреевна. Вероятно, какое-нибудь дело.

Войницкий. Никаких у него нет дел. Пи-

шет чепуху, брюзжит и ревнует, больше ничего.

Соня *(тоном упрёка)*. Дядя!

Войницкий. Ну, ну, виноват. *(Указывает на Елену Андреевну.)* Полюбуйтесь: ходит и от лени шатается. Очень мило! Очень!

Елена Андреевна. Вы целый день жужжите, всё жужжите — как не надоест! *(С тоской.)* Я умираю от скуки, не знаю, что мне делать.

Соня *(пожимая плечами)*. Мало ли дела? Только бы захотела.

Елена Андреевна. Например?

Соня. Хозяйством занимайся, учи, лечи. Мало ли? Вот когда тебя и папы здесь не было, мы с дядей Ваней сами ездили на базар мукой торговать.

Елена Андреевна. Не умею. Да и неинтересно. Это только в идейных романах учат и лечат мужиков, а как я, ни с того, ни с сего, возьму вдруг и пойду их лечить или учить?

Соня. А вот я так не понимаю, как это не идти и не учить. Погоди и ты привыкнешь. *(Обнимает ее.)* Не скучай, родная. *(Смеясь.)* Ты скучаешь, не находишь себе места, а скука и праздность заразительны. Смотри: дядя Ва-

ня ничего не делает и только ходит за тобою, как тень, я оставила свои дела и прибежала к тебе, чтобы поговорить. Обленилась, не могу! Доктор Михаил Львович прежде бывал у нас очень редко, раз в месяц, упросить его было трудно, а теперь он ездит сюда каждый день, бросил и свои леса и медицину. Ты колдунья, должно быть.

Войницкий. Что томитесь? *(Живо.)* Ну, дорогая моя, роскошь, будьте умницей! В ваших жилах течет русалочья кровь, будьте же русалкой! Дайте себе волю хоть раз в жизни, влюбитесь поскорее в какого-нибудь водяного по самые уши — и бултых с головой в омут, чтобы герр профессор и все мы только руками развели!

Елена Андреевна *(с гневом)*. Оставьте меня в покое! Как это жестоко! *(Хочет уйти.)*

Войницкий *(не пускает ее)*. Ну, ну, моя радость, простите... Извиняюсь. *(Целует руку.)*
Мир.

Елена Андреевна. У ангела не хватило бы терпения, согласитесь.

Войницкий. В знак мира и согласия я принесу сейчас букет роз; еще утром для вас при-

готовил... Осенние розы — прелестные, грустные розы... *(Уходит.)*

Соня. Осенние розы — прелестные, грустные розы...

Обе смотрят в окно.

Елена Андреевна. Вот уже и сентябрь. Как-то мы проживем здесь зиму!

Пауза.

Где доктор?

Соня. В комнате у дяди Вани. Что-то пишет. Я рада, что дядя Ваня ушел, мне нужно поговорить с тобою.

Елена Андреевна. О чем?

Соня. О чем? *(Кладет ей голову на грудь.)*

Елена Андреевна. Ну, полно, полно... *(Приглаживает ей волосы.)* Полно.

Соня. Я некрасива.

Елена Андреевна. У тебя прекрасные волосы.

Соня. Нет! *(Оглядывается, чтобы взглянуть на себя в зеркало.)* Нет! Когда женщина некрасива, то ей говорят: «у вас прекрасные глаза, у вас прекрасные волосы»... Я его люблю уже шесть лет, люблю больше, чем свою мать; я каждую минуту слышу его, чувствую

пожатие его руки; и я смотрю на дверь, жду, мне все кажется, что он сейчас войдет. И вот, ты видишь, я все прихожу к тебе, чтобы поговорить о нем. Теперь он бывает здесь каждый день, но не смотрит на меня, не видит... Это такое страдание! У меня нет никакой надежды, нет, нет! *(В отчаянии.)* О, боже, пошли мне силы... Я всю ночь молилась... Я часто подхожу к нему, сама заговариваю с ним, смотрю ему в глаза... У меня уже нет гордости, нет сил владеть собою... Не удержалась и вчера призналась дяде Ване, что люблю... И вся прислуга знает, что я его люблю. Все знают.

Елена Андреевна. А он?

Соня. Нет. Он меня не замечает.

Елена Андреевна *(в раздумье).* Станный он человек... Знаешь что? Позволь, я поговорю с ним... Я осторожно, намеками...

Пауза.

Право, до каких же пор быть в неизвестности... Позволь!

Соня утвердительно кивает головой.

И прекрасно. Любит или не любит — это не трудно узнать. Ты не смущайся, голубка, не

беспокойся — я допрошу его осторожно, он и не заметит. Нам только узнать: да или нет?

Пауза.

Если нет, то пусть не бывает здесь. Так?

Соня утвердительно кивает головой.

Легче, когда не видишь. Откладывать в долгий ящик не будем, допросим его теперь же. Он собирался показать мне какие-то чертежи... Поди скажи, что я желаю его видеть.

Соня *(в сильном волнении)*. Ты мне скажешь всю правду?

Елена Андреевна. Да, конечно. Мне кажется, что правда, какая бы она ни была, все-таки не так страшна, как неизвестность. Положись на меня, голубка.

Соня. Да, да... Я скажу, что ты хочешь видеть его чертежи... *(Идет и останавливается возле двери.)* Нет, неизвестность лучше... Все-таки надежда...

Елена Андреевна. Что ты?

Соня. Ничего. *(Уходит.)*

Елена Андреевна *(одна)*. Нет ничего хуже, когда знаешь чужую тайну и не можешь помочь. *(Раздумывая.)* Он не влюблен в нее — это ясно, но отчего бы ему не жениться на

ней? Она не красива, но для деревенского доктора, в его годы, это была бы прекрасная жена. Умница, такая добрая, чистая... Нет, это не то, не то...

Пауза.

Я понимаю эту бедную девочку. Среди отчаянной скуки, когда вместо людей кругом бродят какие-то серые пятна, слышатся одни пошлости, когда только и знают, что едят, пьют, спят, иногда приезжает он, не похожий на других, красивый, интересный, увлекательный, точно среди потемок восходит месяц ясный... Поддаться обаянию такого человека, забыться... Кажется, я сама увлеклась немножко. Да, мне без него скучно, я вот улыбаюсь, когда думаю о нем... Этот дядя Ваня говорит, будто в моих жилах течет русалочья кровь. «Дайте себе волю хоть раз в жизни»... Что ж? Может быть, так и нужно... Улететь бы вольною птицей от всех вас, от ваших сонных физиономий, от разговоров, забыть, что все вы существуете на свете... Но я труслива, застенчива... Меня замучит совесть... Вот он бывает здесь каждый день, я угадываю, зачем он здесь, и уже чувствую себя виноватою, готова

пасть перед Соней на колени, извиняться, плакать...

Астров (входит с картограммой). Добрый день! (Пожимает руку.) Вы хотели видеть мою живопись?

Елена Андреевна. Вчера вы обещали показать мне свои работы... Вы свободны?

Астров. О, конечно. (Растягивает на ломберном столе картограмму и укрепляет ее кнопками.) Вы где родились?

Елена Андреевна (помогая ему). В Петербурге.

Астров. А получили образование?

Елена Андреевна. В консерватории.

Астров. Для вас, пожалуй, это неинтересно.

Елена Андреевна. Почему? Я, правда, деревни не знаю, но я много читала.

Астров. Здесь в доме есть мой собственный стол... В комнате у Ивана Петровича. Когда я утомляюсь совершенно, до полного отупения, то все бросаю и бегу сюда, и вот забавляюсь этой штукой час-другой... Иван Петрович и Софья Александровна щелкают на счетах, а я сижу подле них за своим столом и ма-

жу — и мне тепло, покойно, и сверчок кричит. Но это удовольствие я позволяю себе не часто, раз в месяц... (*Показывая на карте-грамме.*) Теперь смотрите сюда. Картина нашего уезда, каким он был 50 лет назад. Темно- и светло-зеленая краска означает леса; половина всей площади занята лесом. Где по зелени положена красная сетка, там водились лоси, козы... Я показываю тут и флору, и фауну. На этом озере жили лебеди, гуси, утки, и, как говорят старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо: носилась она тучей. Кроме сел и деревень, видите, там и сям разбросаны разные выселки, хуторочки, раскольничьи скиты, водяные мельницы... Рогатого скота и лошадей было много. По голубой краске видно. Например, в этой волости голубая краска легла густо; тут были целые табуны, и на каждый двор приходилось по три лошади.

Пауза.

Теперь посмотрим ниже. То, что было 25 лет назад. Тут уж под лесом только одна треть всей площади. Коз уже нет, но лоси есть. Зеленая и голубая краски уже бледнее. И так далее, и так далее. Переходим к третьей части:

картина уезда в настоящем. Зеленая краска лежит кое-где, но не сплошь, а пятнами; исчезли и лоси, и лебеди, и глухари... От прежних выселков, хуторков, скитов, мельниц и следа нет. В общем, картина постепенного и несомненного вырождения, которому, по-видимому, остается еще каких-нибудь 10–15 лет, чтобы стать полным. Вы скажете, что тут культурные влияния, что старая жизнь естественно должна была уступить место новой. Да, я понимаю, если бы на месте этих истребленных лесов пролегли шоссе, железные дороги, если бы тут были заводы, фабрики, школы, — народ стал бы здоровее, богаче, умнее, но ведь тут ничего подобного! В уезде те же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тиф, дифтерит, пожары... Тут мы имеем дело с вырождением вследствие непосильной борьбы за существование; это вырождение от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за все, чем только можно утолить голод, согреться, раз-

рушает все, не думая о завтрашнем дне... Разрушено уже почти все, но взамен не создано еще ничего. *(Холодно.)* Я по лицу вижу, что это вам неинтересно.

Елена Андреевна. Но я в этом так мало понимаю...

Астров. И понимать тут нечего, просто неинтересно.

Елена Андреевна. Откровенно говоря, мысли мои не тем заняты. Простите. Мне нужно сделать вам маленький допрос, и я смущена, не знаю, как начать.

Астров. Допрос?

Елена Андреевна. Да, допрос, но... довольно невинный. Сядем!

Садятся.

Дело касается одной молодой особы. Мы будем говорить, как честные люди, как приятели, без обиняков. Поговорим и забудем, о чем была речь. Да?

Астров. Да.

Елена Андреевна. Дело касается моей падчерицы Сони. Она вам нравится?

Астров. Да, я ее уважаю.

Елена Андреевна. Она вам нравится, как

женщина?

Астров (*не сразу*). Нет.

Елена Андреевна. Еще два-три слова — и конец. Вы ничего не замечали?

Астров. Ничего.

Елена Андреевна (*берет его за руку*). Вы не любите ее, по глазам вижу... Она страдает... Поймите это и... перестаньте бывать здесь.

Астров (*встает*). Время мое уже ушло... Да и некогда... (*Пожав плечами.*) Когда мне? (*Он смущен.*)

Елена Андреевна. Фу, какой неприятный разговор! Я так волнуюсь, точно протащила на себе тысячу пудов. Ну, слава богу, кончили. Забудем, будто не говорили вовсе, и... и уезжайте. Вы умный человек, поймете...

Пауза.

Я даже красная вся стала.

Астров. Если бы вы сказали месяц-два назад, то я, пожалуй, еще подумал бы, но теперь... (*Пожимает плечами.*) А если она страдает, то, конечно... Только одного не понимаю: зачем вам понадобился этот допрос? (*Глядит ей в глаза и грозит пальцем.*) Вы —

хитрая!

Елена Андреевна. Что это значит?

Астров *(смеясь)*. Хитрая! Положим, Соня страдает, я охотно допускаю, но к чему этот ваш допрос? *(Мешает ей говорить, живо.)* Позвольте, не делайте удивленного лица, вы отлично знаете, зачем я бываю здесь каждый день... Зачем и ради кого бываю, это вы отлично знаете. Хищница милая, не смотрите на меня так, я старый воробей...

Елена Андреевна *(в недоумении)*. Хищница? Ничего не понимаю.

Астров. Красивый, пушистый хорек... Вам нужны жертвы! Вот я уже целый месяц ничего не делаю, бросил все, жадно ищу вас — и это вам ужасно нравится, ужасно... Ну, что ж? Я побежден, вы это знали и без допроса. *(Скрестив руки и нагнув голову.)* Покоряюсь. Натe, ешьте!

Елена Андреевна. Вы с ума сошли!

Астров *(смеется сквозь зубы)*. Вы застенчивы...

Елена Андреевна. О, я лучше и выше, чем вы думаете! Клянусь вам! *(Хочет уйти.)*

Астров *(загораживая ей дорогу)*. Я сегодня

уюду, бывать здесь не буду, но... *(берет ее за руку, оглядывается)* где мы будем видеться? Говорите скорее: где? Сюда могут войти, говорите скорее... *(Страстно.)* Какая чудная, роскошная... Один поцелуй... Мне поцеловать только ваши ароматные волосы...

Елена Андреевна. Клянусь вам...

Астров *(мешая ей говорить)*. Зачем клясться? Не надо клясться. Не надо лишних слов... О, какая красивая! Какие руки! *(Целует руки.)*

Елена Андреевна. Но довольно, наконец... уходите... *(Отнимает руки.)* Вы забылись.

Астров. Говорите же, говорите, где мы завтра увидимся? *(Берет ее за талию.)* Ты видишь, это неизбежно, нам надо видеться. *(Целует ее; в это время входит Войницкий с букетом роз и останавливается у двери.)*

Елена Андреевна *(не видя Войницкого)*. Пощадите... оставьте меня... *(Кладет Астрову голову на грудь.)* Нет! *(Хочет уйти.)*

Астров *(удерживая ее за талию)*. Приезжай завтра в лесничество... часам к двум... Да? Да? Ты приедешь?

Елена Андреевна *(увидев Войницкого)*. Пусти! *(В сильном смущении отходит к окну.)*

Это ужасно.

Войницкий (*кладет букет на стул; волнуясь, вытирает платком лицо и за воротником*). Ничего... Да... Ничего...

Астров (*будуруя*). Сегодня, многоуважаемый Иван Петрович, погода недурна. Утром было пасмурно, словно как бы на дождь, а теперь солнце. Говоря по совести, осень выдалась прекрасная... и озими ничего себе. (*Свертывает картограмму в трубку*.) Вот только что: дни коротки стали... (*Уходит*.)

Елена Андреевна (*быстро подходит к Войницкому*). Вы постараетесь, вы употребите все ваше влияние, чтобы я и муж уехали отсюда сегодня же! Слышите? Сегодня же!

Войницкий (*вытирая лицо*). А? Ну, да... хорошо... Я, Hélène, все видел, все...

Елена Андреевна (*нервно*). Слышите? Я должна уехать отсюда сегодня же!

Входят Серебряков, Соня, Телегин и Марина.

Телегин. Я сам, ваше превосходительство, что-то не совсем здоров. Вот уже два дня хвораю. Голова что-то того...

Серебряков. Где же остальные? Не люблю

я этого дома. Какой-то лабиринт. Двадцать шесть громадных комнат, разбредутся все, и никого никогда не найдешь. (*Звонит.*) Пригласите сюда Марию Васильевну и Елену Андреевну!

Елена Андреевна. Я здесь.

Серебряков. Прошу, господа, садиться.

Соня (*подойдя к Елене Андреевне, нетерпеливо*). Что он сказал?

Елена Андреевна. После.

Соня. Ты дрожишь? Ты взволнована? (*Пытливо всматривается в ее лицо.*) Я понимаю... Он сказал, что уже больше не будет бывать здесь... Да?

Пауза.

Скажи: да?

Елена Андреевна утвердительно кивает головой.

Серебряков (*Телегину*). С нездоровьем еще можно мириться, куда ни шло, но чего я не могу переварить, так это строя деревенской жизни. У меня такое чувство, как будто я с земли свалился на какую-то чужую планету. Садитесь, господа, прошу вас. Соня!

Соня не слышит его, она стоит, печально

опустив голову.

Соня!

Пауза.

Не слышит. (*Марине.*) И ты, няня, садись.

Няня садится и вяжет чулок.

Прошу, господа. Повесьте, так сказать, ваши уши на гвоздь внимания. (*Смеется.*)

Войницкий (*волнуясь*). Я, быть может, не нужен? Могу уйти?

Серебряков. Нет, ты здесь нужнее всех.

Войницкий. Что вам от меня угодно?

Серебряков. Вам... Что же ты сердисься?

Пауза.

Если я в чем виноват перед тобою, то извини, пожалуйста.

Войницкий. Оставь этот тон. Приступим к делу... Что тебе нужно?

Входит Мария Васильевна.

Серебряков. Вот и тамап. Я начинаю, господа.

Пауза.

Я пригласил вас, господа, чтобы объявить вам, что к нам едет ревизор. Впрочем, шутки в сторону. Дело серьезное. Я, господа, собрал вас, чтобы попросить у вас помощи и совета,

и, зная всегдашнюю вашу любезность, надеюсь, что получу их. Человек я ученый, книжный и всегда был чужд практической жизни. Обойтись без указаний сведущих людей я не могу и прошу тебя, Иван Петрович, вот вас, Илья Ильич, вас, тамап... Дело в том, что *manet omnes und пох*[39], то есть все мы под богом ходим; я стар, болен и потому нахожу своевременным регулировать свои имущественные отношения постольку, поскольку они касаются моей семьи. Жизнь моя уже кончена, о себе я не думаю, но у меня молодая жена, дочь-девушка.

Пауза.

Продолжать жить в деревне мне невозможно. Мы для деревни не созданы. Жить же в городе на те средства, какие мы получаем от этого имения, невозможно. Если продать, положим, лес, то это мера экстраординарная, которую нельзя пользоваться ежегодно. Нужно изыскать такие меры, которые гарантировали бы нам постоянную, более или менее определенную цифру дохода. Я придумал одну такую меру и имею честь предложить ее на ваше обсуждение. Минуя детали, изложу ее в

общих чертах. Наше имение дает в среднем размере не более двух процентов. Я предлагаю продать его. Если вырученные деньги мы обратим в процентные бумаги, то будем получать от четырех до пяти процентов, и я думаю, что будет даже излишек в несколько тысяч, который нам позволит купить в Финляндии небольшую дачу.

Войницкий. Постой... Мне кажется, что мне изменяет мой слух. Повтори, что ты сказал.

Серебряков. Деньги обратить в процентные бумаги, на излишек, какой останется, купить дачу в Финляндии.

Войницкий. Не Финляндия... Ты еще что-то сказал.

Серебряков. Я предлагаю продать имение.

Войницкий. Вот это самое. Ты продашь имение, превосходно, богатая идея... А куда прикажешь деваться мне со старухой-матерью и вот с Соней?

Серебряков. Все это своевременно мы обсудим. Не сразу же.

Войницкий. Постой. Очевидно, до сих пор у меня не было ни капли здравого смысла. До

сих пор я имел глупость думать, что это имение принадлежит Соне. Мой покойный отец купил это имение в приданое для моей сестры. До сих пор я был наивен, понимал законы не по-турецки и думал, что имение от сестры перешло к Соне.

Серебряков. Да, имение принадлежит Соне. Кто спорит? Без согласия Сони я не решусь продать его. К тому же я предполагаю сделать это для блага Сони.

Войницкий. Это непостижимо, непостижимо! Или я с ума сошел, или... или...

Мария Васильевна. Жан, не противоречь Александру. Верь, он лучше нас знает, что хорошо и что дурно.

Войницкий. Нет, дайте мне воды. (*Пьет воду.*) Говорите что хотите, что хотите!

Серебряков. Я не понимаю, отчего ты волнуешься. Я не говорю, что мой проект идеален. Если все найдут его негодным, то я не буду настаивать.

Пауза.

Телегин (*в смущении*). Я, ваше превосходительство, питаю к науке не только благоговение, но и родственные чувства. Брата моего

Григория Ильича жены брат, может, изволи-те знать, Константин Трофимович Лакедемонов, был магистром...

Войницкий. Постой, Вафля, мы о деле... По-годи, после... *(Серебрякову.)* Вот спроси ты у него. Это имение куплено у его дяди.

Серебряков. Ах, зачем мне спрашивать? К чему?

Войницкий. Это имение было куплено по тогдашнему времени за девяносто пять ты-сяч. Отец уплатил только семьдесят и оста-лось долгу двадцать пять тысяч. Теперь слу-шайте... Имение это не было бы куплено, если бы я не отказался от наследства в пользу сест-ры, которую горячо любил. Мало того, я де-сять лет работал, как вол, и выплатил весь долг...

Серебряков. Я жалею, что начал этот раз-говор.

Войницкий. Имение чисто от долгов и не расстроено только благодаря моим личным усилиям. И вот, когда я стал стар, меня хотят выгнать отсюда в шею!

Серебряков. Я не понимаю, чего ты доби-ваешься!

Войницкий. Двадцать пять лет я управлял этим именем, работал, высылал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик, и за все время ты ни разу не поблагодарил меня. Все время — и в молодости, и теперь — я получал от тебя жалованья пятьсот рублей в год — нищенские деньги! — и ты ни разу не догадался прибавить мне хоть один рубль!

Серебряков. Иван Петрович, почему же я знал? Я человек не практический и ничего не понимаю. Ты мог бы сам прибавить себе, сколько угодно.

Войницкий. Зачем я не крал? Отчего вы все не презираете меня за то, что я не крал? Это было бы справедливо, и теперь я не был бы нищим!

Мария Васильевна (*строго*). Жан!

Телегин (волнуясь). Ваня, дружок, не надо, не надо... я дрожу... Зачем портить хорошие отношения? (*Целует его.*) Не надо.

Войницкий. Двадцать пять лет я вот с этою матерью, как крот, сидел в четырех стенах... Все наши мысли и чувства принадлежали тебе одному. Днем мы говорили о тебе, о твоих работах, гордились тобою, с благогове-

нием произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которые я теперь глубоко презираю!

Телегин. Не надо, Ваня, не надо... Не могу...

Серебряков (*гневно*). Не понимаю, что тебе нужно?

Войницкий. Ты для нас был существом высшего порядка, а твои статьи мы знали наизусть... Но теперь у меня открылись глаза! Я все вижу! Пишешь ты об искусстве, но ничего не понимаешь в искусстве! Все твои работы, которые я любил, не стоят гроша медного! Ты морочил нас!

Серебряков. Господа! Да уймите же его, наконец! Я уйду!

Елена Андреевна. Иван Петрович, я требую, чтобы вы замолчали! Слышите?

Войницкий. Не замолчу! (*Загораживая Серебрякову дорогу.*) Постой, я не кончил! Ты погубил мою жизнь! Я не жил, не жил! По твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни! Ты мой злейший враг!

Телегин. Я не могу... не могу... Я уйду... (*В сильном волнении уходит.*)

Серебряков. Что ты хочешь от меня? И ка-

кое ты имеешь право говорить со мною таким тоном? Ничтожество! Если имение твое, то бери его, я не нуждаюсь в нем!

Елена Андреевна. Я сию же минуту уезжаю из этого ада! *(Кричит.)* Я не могу дольше выносить!

Войницкий. Пропала жизнь! Я талантлив, умен, смел... Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский... Я зарпортовался! Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии! Матушка!

Мария Васильевна *(строго)*. Слушайся Александра!

Соня *(становится перед няней на колени и прижимается к ней)*. Нянечка! Нянечка!

Войницкий. Матушка! Что мне делать? Не нужно, не говорите! Я сам знаю, что мне делать! *(Серебрякову.)* Будешь ты меня помнить! *(Уходит в среднюю дверь.)*

Мария Васильевна *идет за ним.*

Серебряков. Господа, что же это такое, наконец? Уберите от меня этого сумасшедшего! Не могу я жить с ним под одною крышей! Живет тут *(указывает на среднюю дверь)*, почти рядом со мною... Пусть перебирается в дерев-

ню, во флигель, или я переберусь отсюда, но оставаться с ним в одном доме я не могу...

Елена Андреевна (*мужу*). Мы сегодня уедем отсюда! Необходимо распорядиться сию же минуту.

Серебряков. Ничтожнейший человек!

Соня (*стоя на коленях, оборачивается к отцу; нервно, сквозь слезы*). Надо быть милосердным, папа! Я и дядя Ваня так несчастны! (*Сдерживая отчаяние*.) Надо быть милосердным! Вспомни, когда ты был помоложе, дядя Ваня и бабушка по ночам переводили для тебя книги, переписывали твои бумаги... все ночи, все ночи! Я и дядя Ваня работали без отдыха, боялись потратить на себя копейку и всё посылали тебе... Мы не ели даром хлеба! Я говорю не то, не то я говорю, но ты должен понять нас, папа. Надо быть милосердным!

Елена Андреевна (*взволнованная, мужу*). Александр, ради бога, объяснись с ним... Умоляю.

Серебряков. Хорошо, я объяснюсь с ним... Я ни в чем его не обвиняю, я не сержусь, но, согласитесь, поведение его по меньшей мере странно. Извольте, я пойду к нему. (*Уходит в*

среднюю дверь.)

Елена Андреевна. Будь с ним помягче, успокой его... *(Уходит за ним.)*

Соня *(прижимаясь к няне).* Нянечка! Нянечка!

Марина. Ничего, деточка. Погогочут гусаки — и перестанут... Погогочут — и перестанут...

Соня. Нянечка!

Марина *(гладит ее по голове).* Дрожишь, словно в мороз! Ну, ну, сиротка, бог милостив. Липового чайку или малинки, оно и пройдет... Не горюй, сиротка... *(Глядя на среднюю дверь, с сердцем.)* Ишь расходились, гусаки, чтоб вам пусто!

За сценой выстрел; слышно, как вскрикивает Елена Андреевна; Соня вздрагивает.

У, чтоб тебя!

Серебряков *(вбегает, пошатываясь от испуга).* Удержите его! Удержите! Он сошел с ума!

Елена Андреевна и Войницкий борются в дверях.

Елена Андреевна *(стараясь отнять у него револьвер).* Отдайте! Отдайте, вам говорят!

Войницкий. Пустите, Hélène! Пустите меня! *(Освободившись, вбегает и ищет глазами Серебрякова.)* Где он! *(Стреляет в него).* Бац!

Пауза.

Не попал? Опять промах?! *(С гневом.)* А, черт, черт... черт бы побрал... *(Бьет револьвером об пол и в изнеможении садится на стул.)*

Серебряков ошеломлен; Елена Андреевна прислонилась к стене, ей дурно.

Елена Андреевна. Увезите меня отсюда! Увезите, убейте, но... я не могу здесь оставаться, не могу!

Войницкий *(в отчаянии).* О, что я делаю! Что я делаю!

Соня *(тихо).* Нянечка! Нянечка!

Занавес

Действие четвертое

Комната Ивана Петровича; тут его спальня, тут же и контора имения. У окна большой стол с приходо-расходными книгами и бумагами всякого рода, конторка, шкапы, весы. Стол поменьше для Астрова; на этом столе принадлежности для рисования, краски; возле папка. Клетка со скворцом. На стене

карта Африки, видимо, никому здесь не нужная. Громадный диван, обитый клеенкой. На лево — дверь, ведущая в покои: направо — дверь в сени: подле правой двери положен половик, чтобы не нагрязнили мужики. — Осенний вечер. Тишина.

Телегин и Марина сидят друг против друга и мотают чулочную шерсть.

Телегин. Вы скорее, Марина Тимофеевна, а то сейчас позовут прощаться. Уже приказали лошадей подавать.

Марина (старается мотать быстрее). Немного осталось.

Телегин. В Харьков уезжают. Там жить будут.

Марина. И лучше.

Телегин. Напужались... Елена Андреевна «одного часа, говорит, не желаю жить здесь... уедем да уедем... Поживем, говорит, в Харькове, оглядимся и тогда за вещами пришьлем...». Налегке уезжают. Значит, Марина Тимофеевна, не судьба им жить тут. Не судьба... Фатальное предопределение.

Марина. И лучше. Давеча подняли шум, пальбу — срам один!

Телегин. Да, сюжет, достойный кисти Айвазовского.

Марина. Глаза бы мои не глядели.

Пауза.

Опять заживем, как было, по-старому. Утром в восьмом часу чай, в первом часу обед, вечером — ужинать садиться; все своим порядком, как у людей... по-христиански. *(Со вздохом.)* Давно уже я, грешница, лапши не ела.

Телегин. Да, давненько у нас лапши не готовили.

Пауза.

Давненько... Сегодня утром, Марина Тимофеевна, иду я деревней, а лавочник мне вслед: «Эй, ты, приживал!» И так мне горько стало!

Марина. А ты без внимания, батюшка. Все мы у бога приживалы. Как ты, как Соня, как Иван Петрович — никто без дела не сидит; все трудимся! Все... Где Соня?

Телегин. В саду. С доктором все ходит, Ивана Петровича ищет. Боятся, как бы он на себя рук не наложил.

Марина. А где его пистолет?

Телегин (*шепотом*). Я в погребке спрятал!

Марина (*с усмешкой*). Грехи!

*Входят со двора **Войницкий** и **Астров**.*

Войницкий. Оставь меня. (*Марине и Телегину.*) Уйдите отсюда, оставьте меня одного хоть на один час! Я не терплю опеки.

Телегин. Сию минуту, Ваня. (*Уходит на цыпочках.*)

Марина. Гусак: го-го-го! (*Собирает шерсть и уходит.*)

Войницкий. Оставь меня!

Астров. С большим удовольствием, мне давно уже нужно уехать отсюда, но, повторяю, я не уеду, пока ты не возвратишь того, что взял у меня.

Войницкий. Я у тебя ничего не брал.

Астров. Серьезно говорю — не задерживай. Мне давно уже пора ехать.

Войницкий. Ничего я у тебя не брал.

Оба садятся.

Астров. Да? Что ж, погожу еще немного, а потом, извини, придется употребить насилие. Свяжем тебя и обыщем. Говорю это совершенно серьезно.

Войницкий. Как угодно.

Пауза.

Разыграть такого дурака: стрелять два раза и ни разу не попасть! Этого я себе никогда не прощу!

Астров. Пришла охота стрелять, ну, и палил бы в лоб себе самому.

Войницкий (*пожав плечами*). Странно. Я покушался на убийство, а меня не арестовывают, не отдают под суд. Значит, считают меня сумасшедшим. (*Злой смех.*) Я — сумасшедший, а не сумасшедшие те, которые под личной профессора, ученого мага, прячут свою бездарность, тупость, свое вопиющее бессердечие. Не сумасшедшие те, которые выходят за стариков и потом у всех на глазах обманывают их. Я видел, видел, как ты обнимал ее!

Астров. Да-с, обнимал-с, а тебе вот. (*Делает нос.*)

Войницкий (*глядя на дверь*). Нет, сумасшедшая земля, которая еще держит вас!

Астров. Ну, и глупо.

Войницкий. Что ж, я — сумасшедший, невменяем, я имею право говорить глупости.

Астров. Стара штука. Ты не сумасшедший, а просто чудаки. Шут гороховый. Прежде и я

всякого чудака считал больным, ненормальным, а теперь я такого мнения, что нормальное состояние человека — это быть чудаком. Ты вполне нормален.

Войницкий (*закрывает лицо руками*). Стыдно! Если бы ты знал, как мне стыдно! Это острое чувство стыда не может сравниться ни с какою болью. (*С тоской.*) Невыносимо! (*Склоняется к столу.*) Что мне делать? Что мне делать?

Астров. Ничего.

Войницкий. Дай мне чего-нибудь! О, боже мой... Мне сорок семь лет; если, положим, я проживу до шестидесяти, то мне остается еще тринадцать. Долго! Как я проживу эти тринадцать лет? Что буду делать, чем наполню их? О, понимаешь... (*судорожно жмет Астрову руку*) понимаешь, если бы можно было прожить остаток жизни как-нибудь по-новому. Проснуться бы в ясное, тихое утро и почувствовать, что жить ты начал снова, что все прошлое забыто, рассеялось, как дым. (*Плачет.*) Начать новую жизнь... Подскажи мне, как начать... с чего начать...

Астров (*с досадой*). Э, ну тебя! Какая еще

там новая жизнь! Наше положение, твое и мое, безнадежно.

Войницкий. Да?

Астров. Я убежден в этом.

Войницкий. Дай мне чего-нибудь... *(Показывая на сердце.)* Жжет здесь.

Астров *(кричит сердито).* Перестань! *(Смягчившись.)* Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что прожили свои жизни так глупо и так безвкусно, — те, быть может, найдут средство, как быть счастливыми, а мы... У нас с тобою только одна надежда и есть. Надежда, что когда мы будем почивать в своих гробах, то нас посетят видения, быть может, даже приятные. *(Вздыхнув.)* Да, брат. Во всем уезде было только два порядочных, интеллигентных человека: я да ты. Но в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас; она своими гнилыми испарениями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, как все. *(Живо.)* Но ты мне зубов не заговаривай, однако. Ты отдай то, что взял у меня.

Войницкий. Я у тебя ничего не брал.

Астров. Ты взял у меня из дорожной аптеки баночку с морфием.

Пауза.

Послушай, если тебе, во что бы то ни стало, хочется покончить с собою, то ступай в лес и застрелись там. Морфий же отдай, а то пойдут разговоры, догадки, подумают, что это я тебе дал... С меня же довольно и того, что мне придется вскрывать тебя... Ты думаешь, это интересно?

Входит Соня.

Войницкий. Оставь меня.

Астров (Соне). Софья Александровна, ваш дядя утащил из моей аптеки баночку с морфием и не отдает. Скажите ему, что это... не умно, наконец. Да и некогда мне. Мне пора ехать.

Соня. Дядя Ваня, ты взял морфий?

Пауза.

Астров. Он взял. Я в этом уверен.

Соня. Отдай. Зачем ты нас пугаешь? *(Нежно.)* Отдай, дядя Ваня! Я, быть может, несчастна не меньше твоего, однако же не прихожу в отчаяние. Я терплю и буду терпеть, пока жизнь моя не окончится сама собою... Терпи

И ты.

Пауза.

Отдай! *(Целует ему руки.)* Дорогой, славный дядя, милый, отдай! *(Плачет.)* Ты добрый, ты пожалеешь нас и отдашь. Терпи, дядя! Терпи!

Войницкий *(достает из стола баночку и подает ее Астрову).* На, возьми! *(Соне.)* Но надо скорее работать, скорее делать что-нибудь, а то не могу... не могу...

Соня. Да, да, работать. Как только проводим наших, сядем работать... *(Нервно перебирает на столе бумаги.)* У нас все запущено.

Астров *(кладет баночку в аптеку и затягивает ремни).* Теперь можно и в путь.

Елена Андреевна *(входит).* Иван Петрович, вы здесь? Мы сейчас уезжаем. Идите к Александру, он хочет что-то сказать вам.

Соня. Иди, дядя Ваня. *(Берет Войницкого под руку.)* Пойдем. Папа и ты должны помириться. Это необходимо.

Соня и Войницкий уходят.

Елена Андреевна. Я уезжаю. *(Подает Астрову руку.)* Прощайте.

Астров. Уже?

Елена Андреевна. Лошади уже поданы.

Астров. Прощайте.

Елена Андреевна. Сегодня вы обещали мне, что уедете отсюда.

Астров. Я помню. Сейчас уеду.

Пауза.

Испугались? *(Берет ее за руку.)* Разве это так страшно?

Елена Андреевна. Да.

Астров. А то остались бы! А? Завтра в лесничестве...

Елена Андреевна. Нет... Уже решено... И потому я гляжу на вас так храбро, что уже решен отъезд... Я об одном вас прошу: думайте обо мне лучше. Мне хочется, чтобы вы меня уважали.

Астров. Э! *(Жест нетерпения.)* Оставайтесь, прошу вас. Сознайтесь, делать вам на этом свете нечего, цели жизни у вас никакой, занять вам своего внимания нечем, и, рано или поздно, все равно поддадитесь чувству — это неизбежно. Так уж лучше это не в Харькове и не где-нибудь в Курске, а здесь, на лоне природы... Поэтично, по крайней мере, даже осень красива... Здесь есть лесничество, полу-

разрушенные усадьбы во вкусе Тургенева...

Елена Андреевна. Какой вы смешной... Я сердита на вас, но все же... буду вспоминать о вас с удовольствием. Вы интересный, оригинальный человек. Больше мы с вами уже никогда не увидимся, а потому — зачем скрывать? Я даже увлеклась вами немножко. Ну, давайте пожмем друг другу руки и разойдемся друзьями. Не поминайте лихом.

Астров (*пожал руку*). Да, уезжайте... (*В раздумье.*) Как будто бы вы и хороший, душевный человек, но как будто бы и что-то странное во всем вашем существе. Вот вы приехали сюда с мужем, и все, которые здесь работали, копошились, создавали что-то, должны были побросать свои дела и все лето заниматься только подагрой вашего мужа и вами. Оба — он и вы — заразили всех нас вашей праздностью. Я увлекся, целый месяц ничего не делал, а в это время люди болели, в лесах моих, лесных порослях, мужики пасли свой скот... Итак, куда бы ни ступили вы и ваш муж, всюду вы вносите разрушение... Я шучу, конечно, но все же... странно, и я убежден, что если бы вы остались, то опустошение произошло бы

громадное. И я бы погиб, да и вам бы... не сдобровать. Ну, уезжайте. *Finita la comedia!*

Елена Андреевна (*берет с его стола карандаш и быстро прячет*). Этот карандаш я беру себе на память.

Астров. Как-то странно... Были знакомы и вдруг почему-то... никогда уже больше не увидимся. Так и всё на свете... Пока здесь никого нет, пока дядя Ваня не вошел с букетом, позвольте мне... поцеловать вас... На прощанье... Да? (*Целует ее в щеку.*) Ну, вот... и прекрасно.

Елена Андреевна. Желаю вам всего хорошего. (*Оглянувшись.*) Куда ни шло, раз в жизни! (*Обнимает его порывисто, и оба тотчас же быстро отходят друг от друга.*) Надо уезжать.

Астров. Уезжайте поскорее. Если лошади поданы, то отправляйтесь.

Елена Андреевна. Сюда идут, кажется.
Оба прислушиваются.

Астров. *Finita!*

Входят Серебряков, Войницкий, Мария Васильевна с книгой, Телегин и Соня.

Серебряков (*Войницкому*). Кто старое по-

мянет, тому глаз вон. После того, что случилось, в эти несколько часов я так много пережил и столько передумал, что, кажется, мог бы написать в назидание потомству целый трактат, как надо жить. Я охотно принимаю твои извинения и сам прошу извинить меня. Прощай! *(Целуется с Войницким три раза.)*

Войницкий. Ты будешь аккуратно получать то же, что получал и раньше. Все будет по-старому.

Елена Андреевна обнимает Соню.

Серебряков *(целует у Марии Васильевны руку).* Мaman...

Мария Васильевна *(целует его).* Александр, снимитесь опять и пришлите мне вашу фотографию. Вы знаете, как вы мне дороги.

Телегин. Прощайте, ваше превосходительство! Нас не забывайте!

Серебряков *(поцеловав дочь).* Прощай... Все прощайте! *(Подавая руку Астрову.)* Благодарю вас за приятное общество... Я уважаю ваш образ мыслей, ваши увлечения, порывы, но позвольте старику внести в мой прощальный привет только одно замечание: надо, гос-

пода, дело делать! Надо дело делать! (*Общий поклон.*) Всего хорошего! (*Уходит; за ним идут Мария Васильевна и Соня.*)

Войницкий (*крепко целует руку у Елены Андреевны*). Прощайте... Простите... Никогда больше не увидимся.

Елена Андреевна (*растроганная*). Прощайте, голубчик. (*Целует его в голову и уходит.*)

Астров (*Телегину*). Скажи там, Вафля, чтобы заодно кстати подавали и мне лошадей.

Телегин. Слушаю, дружочек. (*Уходит.*)

Остаются только Астров и Войницкий.

Астров (*убирает со стола краски и прячет их в чемодан*). Что же ты не идешь проводить?

Войницкий. Пусть уезжают, а я... я не могу. Мне тяжело. Надо поскорее занять себя чем-нибудь... Работать, работать! (*Роется в бумагах на столе.*)

Пауза; слышны звонки.

Астров. Уехали. Профессор рад, небось. Его теперь сюда и калачом не заманишь.

Марина (*входит*). Уехали. (*Садится в кресло и вяжет чулок.*)

Соня (входит). Уехали. (Утирает глаза.) Дай бог благополучно. (Дяде.) Ну, дядя Ваня, давай делать что-нибудь.

Войницкий. Работать, работать...

Соня. Давно, давно уже мы не сидели вместе за этим столом. (Зажигает на столе лампу.) Чернил, кажется, нет... (Берет чернильницу, идет к шкапу и наливает чернил.) А мне грустно, что они уехали.

Мария Васильевна (медленно входит). Уехали! (Садится и погружается в чтение.)

Соня (садится за стол и перелистывает конторскую книгу). Напишем, дядя Ваня, прежде всего счета. У нас страшно запущено. Сегодня опять присылали за счетом. Пиши. Ты пиши один счет, я — другой...

Войницкий (пишет). «Счет... господину...»
Оба пишут молча.

Марина (зевает). Баиньки захотелось...

Астров. Тишина. Перья скрипят, сверчок кричит. Тепло, уютно... Не хочется уезжать отсюда.

Слышны бубенчики.

Вот подают лошадей... Остается, стало быть, проститься с вами, друзья мои, про-

ститься со своим столом и — айда! (*Укладывает картограммы в папку.*)

Марина. И чего засуетился? Сидел бы.

Астров. Нельзя.

Войницкий (*пишет*). «И старого долга осталось два семьдесят пять...»

Входит работник.

Работник. Михаил Львович, лошади поданы.

Астров. Слышал. (*Подает ему аптечку, чемодан и папку.*) Вот, возьми это. Гляди, чтобы не помять папку.

Работник. Слушаю. (*Уходит.*)

Астров. Ну-с... (*Идет проститься.*)

Соня. Когда же мы увидимся?

Астров. Не раньше лета, должно быть. Зимой едва ли... Само собою, если случится что, то дайте знать — приеду. (*Пожимает руки.*) Спасибо за хлеб, за соль, за ласку... одним словом, за все. (*Идет к няне и целует ее в голову.*) Прощай, старая.

Марина. Так и уедешь без чаю?

Астров. Не хочу, нянька.

Марина. Может, водочки выпьешь?

Астров (*нерешительно*). Пожалуй...

Марина уходит.

(После паузы.) Моя пристяжная что-то захромала. Вчера еще заметил, когда Петрушка водил поить.

Войницкий. Перековать надо.

Астров. Придется в Рождественном захватить к кузнецу. Не миновать. (Подходит к карте Африки и смотрит на нее.) А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища — страшное дело!

Войницкий. Да, вероятно.

Марина (возвращается с подносом, на котором рюмка водки и кусочек хлеба). Кушай.

Астров пьет водку.

На здоровье, батюшка. (Низко кланяется.) А ты бы хлебцем закусил.

Астров. Нет, я и так... Затем, всего хорошего! (Марине.) Не провожай меня, нянька. Не надо.

Он уходит; Соня идет за ним со свечой, чтобы проводить его; Марина садится в свое кресло.

Войницкий (пишет). «Второго февраля масла постного двадцать фунтов... Шестнадцатого февраля опять масла постного два-

дцать фунтов... Гречневой крупы...»

Пауза. Слышны бубенчики.

Марина. Уехал.

Пауза.

Соня (*возвращается, ставит свечу на стол*). Уехал...

Войницкий (*сосчитал на счетах и записывает*). Итого... пятнадцать... двадцать пять...

Соня садится и пишет.

Марина (*зевает*). Ох, грехи наши...

Телегин *входит на цыпочках, садится у двери и тихо настраивает гитару.*

Войницкий (*Соне, проведя рукой по ее волосам*). Дитя мое, как мне тяжело! О, если б ты знала, как мне тяжело!

Соня. Что же делать, надо жить!

Пауза.

Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и бог

сжалится над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем. Я верую, дядя, я верую горячо, страстно... *(Становится перед ним на колени и кладет голову на его руки; утомленным голосом.)* Мы отдохнем!

Телегин тихо играет на гитаре.

Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую... *(Вытирает ему платком слезы.)* Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь... *(Сквозь слезы.)* Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем... *(Обнимает его.)* Мы отдохнем!

Стучит сторож. Телегин тихо наигрывает; Мария Васильевна пишет на полях брошюры; Марина вяжет чулок.

Мы отдохнем!

Занавес медленно опускается

Три сестры
Драма в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Прозоров Андрей Сергеевич.

Наталья Ивановна, его невеста, потом жена.

Ольга

Маша

Ирина

Кульгин Федор Ильич, учитель гимназии, муж Маши.

Вершинин Александр Игнатьевич, подполковник, батарейный командир.

Тузенбах Николай Львович, барон, поручик.

Соленый Василий Васильевич, штабс-капитан.

Чебутыкин Иван Романович, военный доктор.

Федотик Алексей Петрович, подпоручик.

Родэ Владимир Карлович, подпоручик.

Ферапонт, сторож из земской управы, старик.

Анфиса, нянька, старуха 80 лет.

Действие происходит в губернском городе.

Действие первое

В доме Прозоровых. Гостиная с колоннами, за которыми виден большой зал. Полдень: на дворе солнечно, весело. В зале накрывают стол для завтрака.

Ольга в синем форменном платье учительницы женской гимназии, все время поправляет ученические тетрадки, стоя и на ходу; **Маша** в черном платье, со шляпкой на коленях сидит и читает книжку, **Ирина** в белом платье стоит задумавшись.

Ольга. Отец умер ровно год назад, как раз в этот день, пятого мая, в твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шел снег. Мне казалось, я не переживу, ты лежала в обмороке, как мертвая. Но вот прошел год, и мы вспоминаем об этом легко, ты уже в белом платье, лицо твое сияет. (Часы бьют двенадцать.) И тогда также били часы.

Пауза.

Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбище стреляли. Он был генералом, командовал бригадой, между тем народу шло

мало. Впрочем, был дождь тогда. Сильный дождь и снег.

Ирина. Зачем вспоминать!

За колоннами, в зале около стола показываются барон Тузенбах, Чебутыкин и Соленьный.

Ольга. Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы одиннадцать лет назад, и, я отлично помню, в начале мая, вот в эту пору в Москве уже все в цвету, тепло, все залито солнцем. Одиннадцать лет прошло, а я помню там все, как будто выехали вчера. Боже мой! Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно.

Чебутыкин. Черта с два!

Тузенбах. Конечно, вздор.

Маша, задумавшись над книжкой, тихо на-свистывает песню.

Ольга. Не свисти, Маша. Как это ты можешь!

Пауза.

Оттого, что я каждый день в гимназии и

потом даю уроки до вечера, у меня постоянно болит голова и такие мысли, точно я уже состарилась. И в самом деле, за эти четыре года, пока служу в гимназии, я чувствую, как из меня выходят каждый день по каплям и силы, и молодость. И только растет и крепнет одна мечта...

Ирина. Уехать в Москву. Продать дом, закончить все здесь и — в Москву...

Ольга. Да! Скорее в Москву.

Чебутыкин и Тузенбах смеются.

Ирина. Брат, вероятно, будет профессором, он все равно не станет жить здесь. Только вот остановка за бедной Машей.

Ольга. Маша будет приезжать в Москву на все лето, каждый год.

Маша тихо насвистывает песню.

Ирина. Бог даст, все устроится. (Глядя в окно.) Хорошая погода сегодня. Я не знаю, отчего у меня на душе так светло! Сегодня утром вспомнила, что я именинница, и вдруг почувствовала радость, и вспомнила детство, когда еще была жива мама. И какие чудные мысли волновали меня, какие мысли!

Ольга. Сегодня ты вся сияешь, кажешься

необыкновенно красивой. И Маша тоже красива. Андрей был бы хорош, только он располнел очень, это к нему не идет. А я постарела, похудела сильно, оттого, должно быть, что сержусь в гимназии на девочек. Вот сегодня я свободна, я дома, и у меня не болит голова, я чувствую себя моложе, чем вчера. Мне двадцать восемь лет, только... Все хорошо, все от бога, но мне кажется, если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше.

Пауза.

Я бы любила мужа.

Тузенбах (*Соленому*). Такой вы вздор говорите, надоело вас слушать. (*Входя в гостиную.*) Забыл сказать. Сегодня у вас с визитом будет наш новый батарейный командир Вершинин. (*Садится у пианино.*)

Ольга. Ну, что ж! Очень рада.

Ирина. Он старый?

Тузенбах. Нет, ничего. Самое большее, лет сорок, сорок пять. (*Тихо наигрывает.*) По-видимому, славный малый. Неглуп, это — несомненно. Только говорит много.

Ирина. Интересный человек?

Тузенбах. Да, ничего себе, только жена, те-ща и две девочки. Притом женат во второй раз. Он делает визиты и везде говорит, что у него жена и две девочки. И здесь скажет. Же-на какая-то полоумная, с длинной девической косой, говорит одни высокопарные вещи, фи-лософствует и часто покушается на самоубий-ство, очевидно, чтобы насолить мужу. Я бы давно ушел от такой, но он терпит и только жалуется.

Соленый (*входя из залы в гостиную с Чебу-тыкиным*). Одной рукой я поднимаю только полтора пуда, а двумя пять, даже шесть пу-дов. Из этого я заключаю, что два человека сильнее одного не вдвое, а втрое, даже боль-ше...

Чебутыкин (*читает на ходу газету*). При выпадении волос... два золотника нафталина на полбутылки спирта... растворить и упо-треблять ежедневно... (*Записывает в книжку*.) Запишем-с! (*Соленому*.) Так вот, я говорю вам, пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка... Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкно-веннейших квасцов...

Ирина. Иван Романыч, милый Иван Романыч!

Чебутыкин. Что, девочка моя, радость моя?

Ирина. Скажите мне, отчего я сегодня так счастлива? Точно я на парусах, надо мной широкое голубое небо и носятся большие белые птицы. Отчего это? Отчего?

Чебутыкин (*целует ей обе руки, нежно*).
Птица моя белая...

Ирина. Когда я сегодня проснулась, встала и умылась, то мне вдруг стало казаться, что для меня все ясно на этом свете, и я знаю, как надо жить. Милый Иван Романыч, я знаю все. Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге... Боже мой, не то что человеком, лучше быть волом, лучше быть простою лошадью, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встает в двенадцать часов дня, потом

пьет в постели кофе, потом два часа одевается... о, как это ужасно! В жаркую погоду так иногда хочется пить, как мне захотелось работать. И если я не буду рано вставать и трудиться, то откажите мне в вашей дружбе, Иван Романыч.

Чебутыкин (*нежно*). Откажу, откажу...

Ольга. Отец приучил нас вставать в семь часов. Теперь Ирина просыпается в семь и по крайней мере до девяти лежит и о чем-то думает. А лицо серьезное! (*Смеется.*)

Ирина. Ты привыкла видеть меня девочкой и тебе странно, когда у меня серьезное лицо. Мне двадцать лет!

Тузенбах. Тоска по труде, о боже мой, как она мне понятна! Я не работал ни разу в жизни. Родился я в Петербурге, холодном и праздном, в семье, которая никогда не знала труда и никаких забот. Помню, когда я приезжал домой из корпуса, то лакей стаскивал с меня сапоги, я капризничал в это время, а моя мать смотрела на меня с благоговением и удивлялась, когда другие на меня смотрели иначе. Меня оберегали от труда. Только едва ли удалось обречь, едва ли! Пришло время, надви-

гается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушные, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь 25–30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!

Чебутыкин. Я не буду работать.

Тузенбах. Вы не в счет.

Соленый. Через двадцать пять лет вас уже не будет на свете, слава богу. Года через два-три вы умрете от кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб, ангел мой. *(Вынимает из кармана флакон с духами и опрыскивает себе грудь, руки.)*

Чебутыкин *(смеется)*. А я в самом деле никогда ничего не делал. Как вышел из университета, так не ударил пальцем о палец, даже ни одной книжки не прочел, а читал только одни газеты... *(Вынимает из кармана другую газету.)* Вот... Знаю по газетам, что был, положим, Добролюбов, а что он там писал — не знаю... Бог его знает...

Слышно, как стучат в пол из нижнего этажа.

Вот... Зовут меня вниз, кто-то ко мне пришел. Сейчас приду... погодите... *(Торопливо уходит, расчесывая бороду.)*

Ирина. Это он что-то выдумал.

Тузенбах. Да. Ушел с торжественной физиономией, очевидно, принесет вам сейчас подарок.

Ирина. Как это неприятно!

Ольга. Да, это ужасно. Он всегда делает глупости.

Маша. У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... Золотая цепь на дубе том... *(Встает и напевает тихо.)*

Ольга. Ты сегодня невеселая, Маша.

Маша, напевая, надевает шляпу.

Куда ты?

Маша. Домой.

Ирина. Странно...

Тузенбах. Уходить с именин!

Маша. Все равно... Приду вечером. Прощай, моя хорошая... *(Целует Ирину.)* Желаю тебе еще раз, будь здорова, будь счастлива. В прежнее время, когда был жив отец, к нам на именины приходило всякий раз по тридцать-сорок офицеров, было шумно, а сегодня

только полтора человека и тихо, как в пустыне... Я уйду... Сегодня я в мерехлюндии, невестело мне, и ты не слушай меня. *(Смеясь сквозь слезы.)* После поговорим, а пока прощай, моя милая, пойду куда-нибудь.

Ирина *(недовольная)*. Ну, какая ты...

Ольга *(со слезами)*. Я понимаю тебя, Маша.

Соленый. Если философствует мужчина, то это будет философистика или там софистика; если же философствует женщина или две женщины, то уж это будет — потяни меня за палец.

Маша. Что вы хотите этим сказать, ужасно страшный человек?

Соленый. Ничего. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел.

Пауза.

Маша *(Ольге, сердито)*. Не реви!

Входят Анфиса и Ферапонт с тортом.

Анфиса. Сюда, батюшка мой. Входи, ноги у тебя чистые. *(Ирине.)* Из земской управы, от Протопопова, Михаила Иваныча... Пирог.

Ирина. Спасибо. Поблагодари. *(Принимает торт.)*

Ферапонт. Чего?

Ирина (*громче*). Поблагодари!

Ольга. Нянечка, дай ему пирога. Феррапонт, иди, там тебе пирога дадут.

Феррапонт. Чего?

Анфиса. Пойдем, батюшка Феррапонт Спиридоныч. Пойдем... (*Уходит с Феррапонтом.*)

Маша. Не люблю я Протопопова, этого Михаила Потапыча или Иванныча. Его не следует приглашать.

Ирина. Я не приглашала.

Маша. И прекрасно.

Входит Чебутыкин, за ним солдат с серебряным самоваром; гул изумления и недовольства.

Ольга (*закрывает лицо руками*). Самовар! Это ужасно! (*Уходит в залу к столу.*)

Ирина. Голубчик Иван Романыч, что вы делаете!

Тузенбах (*смеется*). Я говорил вам.

Маша. Иван Романыч, у вас просто стыда нет!

Чебутыкин. Милые мои, хорошие мои, вы у меня единственные, вы для меня самое дорогое, что только есть на свете. Мне скоро шестьдесят, я старик, одинокий, ничтожный

старик... Ничего во мне нет хорошего, кроме этой любви к вам, и если бы не вы, то я бы давно уже не жил на свете... *(Ирине.)* Милая, деточка моя, я знаю вас со дня вашего рождения... носил на руках... я любил покойницу маму...

Ирина. Но зачем такие дорогие подарки!

Чебутькин *(сквозь слезы, сердито).* Дорогие подарки... Ну вас совсем! *(Деницику.)* Неси самовар туда... *(Дразнит.)* Дорогие подарки...

Деницик уносит самовар в залу.

Анфиса *(проходя через гостиную).* Милые, полковник незнакомый! Уж пальто снял, деточки, сюда идет. Аринушка, ты же будь ласковая, вежливенькая... *(Уходя.)* И завтракать уже давно пора... Господи...

Тузенбах. Вершинин, должно быть.

Входит Вершинин.

Подполковник Вершинин!

Вершинин *(Маше и Ирине).* Честь имею представиться: Вершинин. Очень, очень рад, что, наконец, я у вас. Какие вы стали! Ай! ай!

Ирина. Садитесь, пожалуйста. Нам очень приятно.

Вершинин *(весело).* Как я рад, как я рад! Но

ведь вас три сестры. Я помню — три девочки. Лиц уж не помню, но что у вашего отца, полковника Прозорова, были три маленьких девочки, я отлично помню и видел собственными глазами. Как идет время! Ой, ой, как идет время!

Тузенбах. Александр Игнатьевич из Москвы.

Ирина. Из Москвы? Вы из Москвы?

Вершинин. Да, оттуда. Ваш покойный отец был там батареиным командиром, а я в той же бригаде офицером. *(Маше.)* Вот ваше лицо немножко помню, кажется.

Маша. А я вас — нет!

Ирина. Оля! Оля! *(Кричит в залу.)* Оля, иди же!

Ольга входит из залы в гостиную.

Подполковник Вершинин, оказывается, из Москвы.

Вершинин. Вы, стало быть, Ольга Сергеевна, старшая... А вы Мария... А вы Ирина — младшая...

Ольга. Вы из Москвы?

Вершинин. Да. Учился в Москве и начал службу в Москве, долго служил там, наконец

получил здесь батарею — перешел сюда, как видите. Я вас не помню собственно, помню только, что вас было три сестры. Ваш отец сохранился у меня в памяти, вот закрою глаза и вижу, как живого. Я у вас бывал в Москве...

Ольга. Мне казалось, я всех помню, и вдруг...

Вершинин. Меня зовут Александром Игнатьевичем...

Ирина. Александр Игнатьевич, вы из Москвы... Вот неожиданность!

Ольга. Ведь мы туда переезжаем.

Ирина. Думаем, к осени уже будем там. Наш родной город, мы родились там... На Старой Басманной улице...

Обе смеются от радости.

Маша. Неожиданно земляка увидели. (*Живо.*) Теперь вспомнила! Помнишь, Оля, у нас говорили: «влюбленный майор». Вы были тогда поручиком и в кого-то были влюблены, и вас все дразнили почему-то майором...

Вершинин (*смеется*). Вот, вот... Влюбленный майор, это так...

Маша. У вас были тогда только усы... О, как вы постарели. (*Сквозь слезы.*) Как вы по-

старели!

Вершинин. Да, когда меня звали влюбленным майором, я был еще молод, был влюблен. Теперь не то.

Ольга. Но у вас еще ни одного седого волоса. Вы постарели, но еще не стары.

Вершинин. Однако уже сорок третий год. Вы давно из Москвы?

Ирина. Одиннадцать лет. Ну, что ты, Маша, плачешь, чудачка... *(Сквозь слезы.)* И я заплачу...

Маша. Я ничего. А на какой вы улице жили?

Вершинин. На Старой Басманной.

Ольга. И мы там тоже...

Вершинин. Одно время я жил на Немецкой улице. С Немецкой улицы я хаживал в Красные казармы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит. Одинокому становится грустно на душе.

Пауза.

А здесь какая широкая, какая богатая река! Чудесная река!

Ольга. Да, но только холодно. Здесь холодно и комары...

Вершинин. Что вы! Здесь такой здоровый, хороший, славянский климат. Лес, река... и здесь тоже березы. Милые, скромные березы, я люблю их больше всех деревьев. Хорошо здесь жить. Только странно, вокзал железной дороги в двадцати верстах... И никто не знает, почему это так.

Соленый. А я знаю, почему это так.

Все глядят на него.

Потому что если бы вокзал был близко, то не был бы далеко, а если он далеко, то, значит, не близко.

Неловкое молчание.

Тузенбах. Шутник, Василий Васильич.

Ольга. Теперь и я вспомнила вас. Помню.

Вершинин. Я вашу матушку знал.

Чебутыкин. Хорошая была, царство ей небесное.

Ирина. Мама в Москве погребена.

Ольга. В Ново-Девичьем...

Маша. Представьте, я уж начинаю забывать ее лицо. Так и о нас не будут помнить. Забудут.

Вершинин. Да. Забудут. Такова уж судьба наша, ничего не поделаешь. То, что кажется

нам серьезным, значительным, очень важным, — придет время — будет забыто или будет казаться неважным.

Пауза.

И интересно, мы теперь совсем не можем знать, что, собственно, будет считаться высоким, важным и что жалким, смешным. Разве открытие Коперника или, положим, Колумба не казалось в первое время ненужным, смешным, а какой-нибудь пустой вздор, написанный чудачком, не казался истиной? И может статься, что наша теперешняя жизнь, с которой мы так миримся, будет со временем казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой, быть может, даже грешной...

Тузенбах. Кто знает? А быть может, нашу жизнь назовут высокой и вспомнят о ней с уважением. Теперь нет пыток, нет казней, нашествий, но вместе с тем сколько страданий!

Соленый (*тонким голосом*). Цып, цып, цып... Барона кашей не корми, а только дай ему пофилософствовать.

Тузенбах. Василий Васильич, прошу вас оставить меня в покое... (*Садится на другое*

место.) Это скучно, наконец.

Соленый (*тонким голосом*). Цып, цып, цып...

Тузенбах (*Вершинину*). Страдания, которые наблюдаются теперь, — их так много! — говорят все-таки об известном нравственном подъеме, которого уже достигло общество...

Вершинин. Да, да, конечно.

Чебутыкин. Вы только что сказали, барон, нашу жизнь назовут высокой; но люди всё же низенькие... (*Встает.*) Смотрите, какой я низенький. Это для моего утешения надо говорить, что жизнь моя высокая, понятная вещь.

За сценой игра на скрипке.

Маша. Это Андрей играет, наш брат.

Ирина. Он у нас ученый. Должно быть, будет профессором. Папа был военным, а его сын избрал себе ученую карьеру.

Маша. По желанию папы.

Ольга. Мы сегодня его задразнили. Он, кажется, влюблен немножко.

Ирина. В одну здешнюю барышню. Сегодня она будет у нас, по всей вероятности.

Маша. Ах, как она одевается! Не то чтобы некрасиво, не модно, а просто жалко. Ка-

кая-то странная, яркая, желтоватая юбка с
этакой пошленькой бахромой и красная коф-
точка. И щеки такие вымытые, вымытые! Ан-
дрей не влюблен — я не допускаю, все-таки у
него вкус есть, а просто он так, дразнит нас,
дурачится. Я вчера слышала, она выходит за
Протопопова, председателя здешней управы.
И прекрасно... *(В боковую дверь.)* Андрей, поди
сюда! Милый, на минутку!

Входит Андрей.

Ольга. Это мой брат, Андрей Сергеич.

Вершинин. Вершинин.

Андрей. Прозоров. *(Утирает вспотевшее
лицо.)* Вы к нам батарейным командиром?

Ольга. Можешь представить, Александр
Игнатьич из Москвы.

Андрей. Да? Ну, поздравляю, теперь мои
сестрицы не дадут вам покою.

Вершинин. Я уже успел надоесть вашим
сестрам.

Ирина. Посмотрите, какую рамочку для
портрета подарил мне сегодня Андрей! *(Пока-
зывает рамочку.)* Это он сам сделал.

Вершинин *(глядя на рамочку и не зная,
что сказать).* Да... вещь...

Ирина. И вот ту рамочку, что над пианино, он тоже сделал.

Андрей машет рукой и отходит.

Ольга. Он у нас и ученый, и на скрипке играет, и выпиливает разные штучки, одним словом, мастер на все руки. Андрей, не уходи! У него манера — всегда уходить. Поди сюда!

Маша и Ирина берут его под руки и со смехом ведут назад.

Маша. Иди, иди!

Андрей. Оставьте, пожалуйста.

Маша. Какой смешной! Александра Игнатьевича называли когда-то влюбленным майором, и он нисколько не сердился.

Вершинин. Нисколько!

Маша. А я хочу тебя назвать: влюбленный скрипач!

Ирина. Или влюбленный профессор!..

Ольга. Он влюблен! Андрюша влюблен!

Ирина (аплодируя). Bravo, bravo! Бис! Андрюшка влюблен!

Чебутыкин (подходит сзади к Андрею и берет его обеими руками за талию). Для любви одной природа нас на свет произвела! (Хохочет; он все время с газетой.)

Андрей. Ну, довольно, довольно... (*Утирает лицо.*) Я всю ночь не спал и теперь немножко не в себе, как говорится. До четырех часов читал, потом лег, но ничего не вышло. Думал о том, о сем, а тут ранний рассвет, солнце так и лезет в спальню. Хочу за лето, пока буду здесь, перевести одну книжку с английского.

Вершинин. А вы читаете по-английски?

Андрей. Да. Отец, царство ему небесное, угнетал нас воспитанием. Это смешно и глупо, но, в этом все-таки надо сознаться, после его смерти я стал полнеть и вот располнел в один год, точно мое тело освободилось от гнета. Благодаря отцу я и сестры знаем французский, немецкий и английский языки, а Ирина знает еще по-итальянски. Но чего это стоило!

Маша. В этом городе знать три языка ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный придаток, вроде шестого пальца. Мы знаем много лишнего.

Вершинин. Вот-те на! (*Смеется.*) Знаете много лишнего! Мне кажется, нет и не может быть такого скучного и унылого города, в котором был бы не нужен умный, образован-

ный человек. Допустим, что среди ста тысяч населения этого города, конечно, отсталого и грубого, таких, как вы, только три. Само собою разумеется, вам не победить окружающей вас темной массы; в течение вашей жизни мало-помалу вы должны будете уступить и затеряться в стотысячной толпе, вас заглушит жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния; таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока наконец такие, как вы, не станут большинством. Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец. *(Смеется.)* А вы жалуетесь, что знаете много лишнего.

Маша *(снимает шляпу)*. Я остаюсь завтракать.

Ирина *(со вздохом)*. Право, все это следовало бы записать...

Андрея нет, он незаметно ушел.

Тузенбах. Через много лет, вы говорите, жизнь на земле будет прекрасной, изумительной. Это правда. Но, чтобы участвовать в ней теперь, хотя издали, нужно подготовиться к ней, нужно работать...

Вершинин (*встает*). Да. Сколько, однако, у вас цветов! (*Оглядываясь.*) И квартира чудесная. Завидую! А я всю жизнь мою болтался по квартиркам с двумя стульями, с одним диваном и с печами, которые всегда дымят. У меня в жизни не хватало именно вот таких цветов... (*Потирает руки.*) Эх! Ну, да что!

Тузенбах. Да, нужно работать. Вы, небось, думаете: расчувствовался немец. Но я, честное слово, русский и по-немецки даже не говорю. Отец у меня православный...

Пауза.

Вершинин (*ходит по сцене*). Я часто думаю: что если бы начать жизнь снова, притом сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была, как говорится, начерно, другая — начисто! Тогда каждый из нас, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, по крайней мере создал бы для себя иную обстановку жизни, устроил бы

себе такую квартиру с цветами, с массою света... У меня жена, двое девочек, притом жена дама нездоровая и так далее, и так далее, ну, а если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы... Нет, нет!

Входит Кулыгин в форменном фраке.

Кулыгин (*подходит к Ирине*). Дорогая сестра, позволь мне поздравить тебя с днем твоего ангела и пожелать искренно, от души, здоровья и всего того, что можно пожелать девушке твоих лет. И позволь поднести тебе в подарок вот эту книжку. (*Подает книжку.*) История нашей гимназии за пятьдесят лет, написанная мною. Пустяшная книжка, написана от нечего делать, но ты все-таки прочти. Здравствуйте, господа! (*Вершинину.*) Кулыгин, учитель здешней гимназии. Надворный советник. (*Ирине.*) В этой книжке ты найдешь список всех кончивших курс в нашей гимназии за эти пятьдесят лет. Feci quod potui, faciant meliora potentes[40]. (*Целует Машу.*)

Ирина. Но ведь на Пасху ты уже подарил мне такую книжку.

Кулыгин (*смеется*). Не может быть! В таком случае отдай назад или вот лучше отдай

полковнику. Возьмите, полковник. Когда-нибудь прочтете от скуки.

Вершинин. Благодарю вас. *(Собирается уйти.)* Я чрезвычайно рад, что познакомился...

Ольга. Вы уходите? Нет, нет!

Ирина. Вы останетесь у нас завтракать. Пожалуйста.

Ольга. Прошу вас!

Вершинин *(кланяется)*. Я, кажется, попал на именины. Простите, я не знал, не поздравил вас... *(Уходит с Ольгой в залу.)*

Кулыгин. Сегодня, господа, воскресный день, день отдыха, будем же отдыхать, будем веселиться каждый сообразно со своим возрастом и положением. Ковры надо будет убрать на лето и спрятать до зимы... Персидским порошком или нафталином... Римляне были здоровы, потому что умели трудиться, умели и отдыхать, у них была *mens sana in corpore sano*[41]. Жизнь их текла по известным формам. Наш директор говорит: главное во всякой жизни — это ее форма... Что теряет свою форму, то кончается — и в нашей обыденной жизни то же самое. *(Берет Машу за талию, смеясь.)* Маша меня любит. Моя жена

меня любит. И оконные занавески тоже туда с коврами... Сегодня я весел, в отличном настроении духа. Маша, в четыре часа сегодня мы у директора. Устраивается прогулка педагогов и их семейств.

Маша. Не пойду я.

Кулыгин (огорченный). Милая Маша, почему?

Маша. После об этом... *(Сердито.)* Хорошо, я пойду, только отстань, пожалуйста... *(Отходит.)*

Кулыгин. А затем вечер проведем у директора. Несмотря на свое болезненное состояние, этот человек старается прежде всего быть общественным. Превосходная, светлая личность. Великолепный человек. Вчера после совета он мне говорит: «Устал, Федор Ильич! Устал!» *(Смотрит на стенные часы, потом на свои.)* Ваши часы спешат на семь минут. Да, говорит, устал!

За сценой игра на скрипке.

Ольга. Господа, милости просим, пожалуйста завтракать! Пирог!

Кулыгин. Ах, милая моя Ольга, милая моя! Я вчера работал с утра до одиннадцати часов

вечера, устал и сегодня чувствую себя счастливым. *(Уходит в залу к столу.)* Милая моя...

Чебутыкин *(кладет газету в карман, причесывает бороду)*. Пирог? Великолепно!

Маша *(Чебутыкину строго)*. Только смотрите: ничего не пить сегодня. Слышите? Вам вредно пить.

Чебутыкин. Эва! У меня уж прошло. Два года, как запоя не было. *(Нетерпеливо.)* Э, матушка, да не все ли равно!

Маша. Все-таки не смейте пить. Не смейте. *(Сердито, но так, чтобы не слышал муж.)* Опять, черт подери, скучать целый вечер у директора!

Тузенбах. Я бы не пошел на вашем месте... Очень просто.

Чебутыкин. Не ходите, дуся моя.

Маша. Да, не ходите... Эта жизнь проклятая, невыносимая... *(Идет в залу.)*

Чебутыкин *(идет к ней)*. Ну-у!

Соленый *(проходя в залу)*. Цып, цып, цып...

Тузенбах. Довольно, Василий Васильич. Будет!

Соленый. Цып, цып, цып...

Кульгин *(весело)*. Ваше здоровье, полков-

ник! Я педагог, и здесь в доме свой человек, Машин муж... Она добрая, очень добрая...

Вершинин. Я выпью вот этой темной водки... *(Пьет.)* Ваше здоровье! *(Ольге.)* Мне у вас так хорошо!..

В гостиной остаются только Ирина и Тузенбах.

Ирина. Маша сегодня не в духе. Она вышла замуж восемнадцати лет, когда он казался ей самым умным человеком. А теперь не то. Он самый добрый, но не самый умный.

Ольга *(нетерпеливо).* Андрей, иди же наконец!

Андрей *(за сценой).* Сейчас. *(Входит и идет к столу.)*

Тузенбах. О чем вы думаете?

Ирина. Так. Я не люблю и боюсь этого вашего Соленого. Он говорит одни глупости...

Тузенбах. Станный он человек. Мне и жаль его, и досадно, но больше жаль. Мне кажется, он застенчив... Когда мы вдвоем с ним, то он бывает очень умен и ласков, а в обществе он грубый человек, бретер. Не ходите, пусть пока сядут за стол. Дайте мне побыть около вас. О чем вы думаете?

Пауза.

Вам двадцать лет, мне еще нет тридцати. Сколько лет нам осталось впереди, длинный, длинный ряд дней, полных моей любви к вам...

Ирина. Николай Львович, не говорите мне о любви.

Тузенбах *(не слушая).* У меня страстная жажда жизни, борьбы, труда, и эта жажда в душе слилась с любовью к вам, Ирина, и, как нарочно, вы прекрасны, и жизнь мне кажется такой прекрасной! О чем вы думаете?

Ирина. Вы говорите: прекрасна жизнь. Да, но если она только кажется такой! У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава... Текут у меня слезы. Это не нужно... *(Быстро вытирает лицо, улыбается.)* Работать нужно, работать. Оттого нам невесело и смотрим мы на жизнь так мрачно, что не знаем труда. Мы родились от людей, презиравших труд...

Наталья Ивановна *входит; она в розовом платье, с зеленым поясом.*

Наташа. Там уже завтракать садятся... Я опоздала... *(Мельком глядится в зеркало, по-*

правляется.) Кажется, причесана ничего себе... (Увидев Ирину.) Милая Ирина Сергеевна, поздравляю вас! (Целует крепко и продолжительно.) У вас много гостей, мне, право, известно... Здравствуйте, барон!

Ольга (входя в гостиную). Ну, вот и Наталья Ивановна. Здравствуйте, моя милая!

Целуются.

Наташа. С именинницей. У вас такое большое общество, я смущена ужасно...

Ольга. Полно, у нас всё свои. (Вполголоса испуганно.) На вас зеленый пояс! Милая, это не хорошо!

Наташа. Разве есть примета?

Ольга. Нет, просто не идет... и как-то странно...

Наташа (плачущим голосом). Да? Но ведь это не зеленый, а скорее матовый. (Идет за Ольгой в залу.)

В зале садятся завтракать; в гостиной ни души.

Кулыгин. Желаю тебе, Ирина, жениха хорошего. Пора тебе уж выходить.

Чебутыкин. Наталья Ивановна, и вам женишка желаю.

Кулыгин. У Натальи Ивановны уже есть женишок.

Маша (*стучит вилкой по тарелке*). Выпью рюмочку винца! Эх-ма, жизнь малиновая, где наша не пропадала!

Кулыгин. Ты ведешь себя на три с минусом.

Вершинин. А наливка вкусная. На чем это настоено?

Соленый. На тараканах.

Ирина (*плачущим голосом*). Фу! Фу! Какое отвращение!..

Ольга. За ужином будет жареная индейка и сладкий пирог с яблоками. Слава богу, сегодня целый день я дома, вечером — дома... Господа, вечером приходите.

Вершинин. Позвольте и мне прийти вечером!

Ирина. Пожалуйста.

Наташа. У них попросту.

Чебутыкин. Для любви одной природа нас на свет произвела. (*Смеется.*)

Андрей (*сердито*). Перестаньте, господа! Не надоело вам.

Федотик и Родэ входят с большой корзи-

ной цветов.

Федотик. Однако уже завтракают.

Родэ (*громко и картавя*). Завтракают? Да, уже завтракают...

Федотик. Погоди минутку! (*Снимает фотографию.*) Раз! Погоди еще немного... (*Снимает другую фотографию.*) Два! Теперь готово!

Берут корзину и идут в залу, где их встречают с шумом.

Родэ (*громко*). Поздравляю, желаю всего, всего! Погода сегодня очаровательная, одно великолепие. Сегодня все утро гулял с гимназистами. Я преподаю в гимназии гимнастику...

Федотик. Можете двигаться, Ирина Сергеевна, можете! (*Снимая фотографию.*) Вы сегодня интересны. (*Вынимает из кармана волчок.*) Вот, между прочим, волчок... Удивительный звук...

Ирина. Какая прелесть!

Маша. У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... Золотая цепь на дубе том... (*Плаксиво.*) Ну, зачем я это говорю? Привязалась ко мне эта фраза с самого утра...

Кулыгин. Тринадцать за столом!

Родэ (*громко*). Господа, неужели вы придаете значение предрассудкам?

Смех.

Кулыгин. Если тринадцать за столом, то, значит, есть тут влюбленные. Уж не вы ли, Иван Романович, чего доброго...

Смех.

Чебутыкин. Я старый грешник, а вот отчего Наталья Ивановна сконфузилась, решительно понять не могу.

Громкий смех; Наташа выбегает из залы в гостиную, за ней Андрей.

Андрей. Полно, не обращайтесь внимания! Погодите... постойте, прошу вас...

Наташа. Мне стыдно... Я не знаю, что со мной делается, а они поднимают меня на смех. То, что я сейчас вышла из-за стола, неприлично, но я не могу... не могу... (*Закрывает лицо руками.*)

Андрей. Дорогая моя, прошу вас, умоляю, не волнуйтесь. Уверяю вас, они шутят, они от доброго сердца. Дорогая моя, моя хорошая, они все добрые, сердечные люди и любят меня и вас. Идите сюда к окну, нас здесь не вид-

но им... (Оглядывается.)

Наташа. Я так не привыкла бывать в обществе!..

Андрей. О молодость, чудная, прекрасная молодость! Моя дорогая, моя хорошая, не волнуйтесь так!.. Верьте мне, верьте... Мне так хорошо, душа полна любви, восторга... О, нас не видят! Не видят! За что, за что я полюбил вас, когда полюбил — о, ничего не понимаю. Дорогая моя, хорошая, чистая, будьте моей женой! Я вас люблю, люблю... как никого никогда...

Поцелуй.

Два офицера входят и, увидев целующуюся пару, останавливаются в изумлении.

Занавес

Действие второе

Декорация первого акта.

Восемь часов вечера. За сценой на улице едва слышно играют на гармонике. Нет огня.

*Входит **Наталья Ивановна** в капоте, со свечой; она идет и останавливается у двери, которая ведет в комнату Андрея.*

Наташа. Ты, Андрюша, что делаешь? Читаешь? Ничего, я так только... (*Идет, отворяет*

другую дверь и, заглянув в нее, затворяет.) Огня нет ли...

Андрей (входит с книгой в руке). Ты что, Наташа?

Наташа. Смотрю, огня нет ли... Теперь масленица, прислуга сама не своя, гляди да и гляди, чтоб чего не вышло. Вчера в полночь прохожу через столовую, а там свеча горит. Кто зажег, так и не добилась толку. (Ставит свечу.) Который час?

Андрей (взглянув на часы). Девятого четверть.

Наташа. А Ольги и Ирины до сих пор еще нет. Не пришли. Всё трудятся, бедняжки. Ольга на педагогическом совете, Ирина на телеграфе... (Вздыхает.) Сегодня утром говорю твоей сестре: «Побереги, говорю, себя, Ирина, голубчик». И не слушает. Четверть девятого, говоришь? Я боюсь, Бобик наш совсем нездоров. Отчего он холодный такой? Вчера у него был жар, а сегодня холодный весь... Я так боюсь!

Андрей. Ничего, Наташа. Мальчик здоров.

Наташа. Но все-таки лучше пускай диета. Я боюсь. И сегодня в десятом часу, говорили,

ряженные у нас будут, лучше бы они не приходили, Андрюша.

Андрей. Право, я не знаю. Их ведь звали.

Наташа. Сегодня мальчишечка проснулся утром и глядит на меня, и вдруг улыбнулся; значит, узнал. «Бобик, говорю, здравствуй! Здравствуй, милый!» А он смеется. Дети понимают, отлично понимают. Так, значит, Андрюша, я скажу, чтобы ряженных не принимали.

Андрей *(нерешительно)*. Да ведь это как сестры. Они тут хозяйки.

Наташа. И они тоже, я им скажу. Они добрые... *(Идет.)* К ужину я велела простокваши. Доктор говорит, тебе нужно одну простоквашу есть, иначе не похудеешь. *(Останавливается.)* Бобик холодный. Я боюсь, ему холодно в его комнате, пожалуй. Надо бы хоть до теплой погоды поместить его в другой комнате. Например, у Ирины комната как раз для ребенка: и сухо, и целый день солнце. Надо ей сказать, она пока может с Ольгой в одной комнате... Все равно днем дома не бывает, только ночует...

Пауза.

Андрюшанчик, отчего ты молчишь?

Андрей. Так, задумался... Да и нечего говорить...

Наташа. Да... Что-то я хотела тебе сказать... Ах, да. Там из управы Ферапонт пришел, тебя спрашивает.

Андрей (зевает). Позови его.

Наташа уходит; Андрей, нагнувшись к забытой ею свече, читает книгу. Входит Ферапонт; он в старом трепаном пальто, с поднятым воротником, уши повязаны.

Здравствуй, душа моя. Что скажешь?

Ферапонт. Председатель прислал книжку и бумагу какую-то. Вот... (Подает книгу и пакет.)

Андрей. Спасибо. Хорошо. Отчего же ты пришел так не рано? Ведь девятый час уже.

Ферапонт. Чего?

Андрей (громче). Я говорю, поздно пришел, уже девятый час.

Ферапонт. Так точно. Я пришел к вам, еще светло было, да не пускали всё. Барин, говорят, занят. Ну, что ж. Занят так занят, спешить мне некуда. (Думая, что Андрей спрашивает его о чем-то.) Чего?

Андрей. Ничего. *(Рассматривая книгу.)* Завтра пятница, у нас нет присутствия, но я все равно приду... займусь. Дома скучно...

Пауза.

Милый дед, как странно меняется, как обманывает жизнь! Сегодня от скуки, от нечего делать, я взял в руки вот эту книгу — старые университетские лекции, и мне стало смешно... Боже мой, я секретарь земской управы, той управы, где председательствует Протопопов, я секретарь, и самое большее, на что я могу надеяться, это — быть членом земской управы! Мне быть членом здешней земской управы, мне, которому снится каждую ночь, что я профессор московского университета, знаменитый ученый, которым гордится русская земля!

Ферапонт. Не могу знать... Слышу-то плохо...

Андрей. Если бы ты слышал как следует, то я, быть может, и не говорил бы с тобой. Мне нужно говорить с кем-нибудь, а жена меня не понимает, сестер я боюсь почему-то, боюсь, что они засмеют меня, застыдят... Я не пью, трактиров не люблю, но с каким удо-

вольствием я посидел бы теперь в Москве у Тестова или в Большом Московском, голубчик мой.

Ферапонт. А в Москве, в управе давеча рассказывал подрядчик, какие-то купцы ели блины; один, который съел сорок блинов, будто помер. Не то сорок, не то пятьдесят. Не упомяну.

Андрей. Сидишь в Москве, в громадной зале ресторана, никого не знаешь и тебя никто не знает, и в то же время не чувствуешь себя чужим. А здесь ты всех знаешь и тебя все знают, но чужой, чужой... Чужой и одинокий.

Ферапонт. Чего?

Пауза.

И тот же подрядчик рассказывал — может, и врет, — будто поперек всей Москвы канат протянут.

Андрей. Для чего?

Ферапонт. Не могу знать. Подрядчик говорил.

Андрей. Чепуха. *(Читает книгу.)* Ты был когда-нибудь в Москве?

Ферапонт *(после паузы).* Не был. Не привел бог.

Пауза.

Мне идти?

Андрей. Можешь идти. Будь здоров.

Ферапонт уходит.

Будь здоров. *(Читая.)* Завтра утром придешь, возьмешь тут бумаги... Ступай...

Пауза.

Он ушел.

Звонок.

Да, дела... *(Потягивается и не спеша уходит к себе.)*

За сценой поет нянька, укачивая ребенка. Входят **Маша** и **Вершинин**. Пока они потом беседуют, **горничная** зажигает лампу и свечи.

Маша. Не знаю.

Пауза.

Не знаю. Конечно, много значит привычка. После смерти отца, например, мы долго не могли привыкнуть к тому, что у нас уже нет денщиков. Но и помимо привычки, мне кажется, говорит во мне просто справедливость. Может быть, в других местах и не так, но в нашем городе самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди — это воен-

ные.

Вершинин. Мне пить хочется. Я бы выпил чаю.

Маша (*взглянув на часы*). Скоро дадут. Меня выдали замуж, когда мне было восемнадцать лет, и я своего мужа боялась, потому что он был учителем, а я тогда едва кончила курс. Он казался мне тогда ужасно ученым, умным и важным. А теперь уж не то, к сожалению.

Вершинин. Так... да.

Маша. Про мужа я не говорю, к нему я привыкла, но между штатскими вообще так много людей грубых, не любезных, не воспитанных. Меня волнует, оскорбляет грубость, я страдаю, когда вижу, что человек недостаточно тонок, недостаточно мягок, любезен. Когда мне случается быть среди учителей, товарищей мужа, то я просто страдаю.

Вершинин. Да-с... Но мне кажется, все равно, что штатский, что военный, одинаково неинтересно, по крайней мере, в этом городе. Все равно! Если послушать здешнего интеллигента, штатского или военного, то с женой он замучился, с домом замучился, с именем

замучился, с лошадьми замучился... Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко? Почему?

Маша. Почему?

Вершинин. Почему он с детьми замучился, с женой замучился? А почему жена и дети с ним замучились?

Маша. Вы сегодня немножко не в духе.

Вершинин. Может быть. Я сегодня не обедал, ничего не ел с утра. У меня дочь больна немножко, а когда болеют мои девочки, то мною овладевает тревога, меня мучает совесть за то, что у них такая мать. О, если бы вы видели ее сегодня! Что за ничтожество! Мы начали браниться с семи часов утра, а в девять я хлопнул дверью и ушел.

Пауза.

Я никогда не говорю об этом, и странно, жалею только вам одной. (*Целует руку.*) Не сердитесь на меня. Кроме вас одной, у меня нет никого, никого...

Пауза.

Маша. Какой шум в печке. У нас незадолго до смерти отца гудело в трубе. Вот точно так.

Вершинин. Вы с предрассудками?

Маша. Да.

Вершинин. Странно это. *(Целует руку.)* Вы великолепная, чудная женщина. Великолепная, чудная! Здесь темно, но я вижу блеск ваших глаз.

Маша *(садится на другой стул).* Здесь светлей...

Вершинин. Я люблю, люблю, люблю... Люблю ваши глаза, ваши движения, которые мне снятся... Великолепная, чудная женщина!

Маша *(тихо смеясь).* Когда вы говорите со мной так, то я почему-то смеюсь, хотя мне страшно. Не повторяйте, прошу вас... *(Вполголоса.)* А впрочем, говорите, мне все равно... *(Закрывает лицо руками.)* Мне все равно. Сюда идут, говорите о чем-нибудь другом...

Ирина и Тузенбах *входят через залу.*

Тузенбах. У меня тройная фамилия. Меня зовут барон Тузенбах-Кроне-Альтшауер, но я русский, православный, как вы. Немецкого у меня осталось мало, разве только терпеливость, упрямство, с каким я надоедаю вам. Я провожаю вас каждый вечер.

Ирина. Как я устала!

Тузенбах. И каждый вечер буду приходить на телеграф и провожать вас домой, буду десять, двадцать лет, пока вы не прогоните... *(Увидев Машу и Вершинина, радостно.)* Это вы? Здравствуйте.

Ирина. Вот я и дома, наконец. *(Маше.)* Сейчас приходит одна дама, телеграфирует своему брату в Саратов, что у ней сегодня сын умер, и никак не может вспомнить адреса. Так и послала без адреса, просто в Саратов. Плачет. И я ей нагрубила ни с того ни с сего. «Мне, говорю, некогда». Так глупо вышло. Сегодня у нас ряженные?

Маша. Да.

Ирина *(садится в кресло).* Отдохнуть. Устала.

Тузенбах *(с улыбкой).* Когда вы приходите с должности, то кажетесь такой маленькой, несчастненькой...

Пауза.

Ирина. Устала. Нет, не люблю я телеграфа, не люблю.

Маша. Ты похудела... *(Насвистывает.)* И помолодела, и на мальчишку стала похожа лицом.

Тузенбах. Это от прически.

Ирина. Надо поискать другую должность, а эта не по мне. Чего я так хотела, о чем мечтала, того-то в ней именно и нет. Труд без поэзии, без мыслей...

Стук в пол.

Доктор стучит. *(Тузенбаху.)* Милый, постучите. Я не могу... устала...

Тузенбах стучит в пол.

Сейчас придет. Надо бы принять какие-нибудь меры. Вчера доктор и наш Андрей были в клубе и опять проигрались. Говорят, Андрей двести рублей проиграл.

Маша *(равнодушно)*. Что ж теперь делать!

Ирина. Две недели назад проиграл, в декабре проиграл. Скорее бы всё проиграл, быть может, уехали бы из этого города. Господи боже мой, мне Москва снится каждую ночь, я совсем как помешанная. *(Смеется.)* Мы переезжаем туда в июне, а до июня осталось еще... февраль, март, апрель, май... почти полгода!

Маша. Надо только, чтобы Наташа не узнала как-нибудь о проигрыше.

Ирина. Ей, я думаю, все равно.

Чебутыкин, *только что вставший с по-*

стели, — он отдыхал после обеда, — входит в залу и причесывает бороду, потом садится там за стол и вынимает из кармана газету.

Маша. Вот пришел... Он заплатил за квартиру?

Ирина (смеется). Нет. За восемь месяцев ни копейки. Очевидно, забыл.

Маша (смеется). Как он важно сидит! Все смеются; пауза.

Ирина. Что вы молчите, Александр Игнатьич?

Вершинин. Не знаю. Чаю хочется. Полжизни за стакан чаю! С утра ничего не ел...

Чебутыкин. Ирина Сергеевна!

Ирина. Что вам?

Чебутыкин. Пожалуйста сюда. Venez ici.

Ирина идет и садится за стол.

Я без вас не могу.

Ирина раскладывает пасьянс.

Вершинин. Что ж? Если не дают чаю, то давайте хоть пофилософствуем.

Тузенбах. Давайте. О чем?

Вершинин. О чем? Давайте помечтаем... например, о той жизни, какая будет после нас, лет через двести-триста.

Тузенбах. Что ж? После нас будут летать на воздушных шарах, изменятся пиджаки, откроют, быть может, шестое чувство и развуют его, но жизнь останется все та же, жизнь трудная, полная тайн и счастливая. И через тысячу лет человек будет так же вздыхать: «ах, тяжело жить!» — и вместе с тем точно так же, как теперь, он будет бояться и не хотеть смерти.

Вершинин (*подумав*). Как вам сказать? Мне кажется, все на земле должно измениться мало-помалу и уже меняется на наших глазах. Через двести-триста, наконец, тысячу лет, — дело не в сроке, — настанет новая, счастливая жизнь. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы для нее живем теперь, работаем, ну, страдаем, мы творим ее — и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье.

Маша тихо смеется.

Тузенбах. Что вы?

Маша. Не знаю. Сегодня весь день смеюсь с утра.

Вершинин. Я кончил там же, где и вы, в академии я не был; читаю я много, но выби-

рать книг не умею и читаю, быть может, совсем не то, что нужно, а между тем, чем больше живу, тем больше хочу знать. Мои волосы седеют, я почти старик уже, но знаю мало, ах, как мало! Но все же, мне кажется, самое главное и настоящее я знаю, крепко знаю. И как бы мне хотелось доказать вам, что счастья нет, не должно быть и не будет для нас... Мы должны только работать и работать, а счастье — это удел наших далеких потомков.

Пауза.

Не я, то хоть потомки потомков моих.

Федотик и Родэ показываются в зале; они садятся и напевают тихо, наигрывая на гитаре.

Тузенбах. По-вашему, даже не мечтать о счастье! Но если я счастлив!

Вершинин. Нет.

Тузенбах (*всплеснув руками и смеясь*). Очевидно, мы не понимаем друг друга. Ну, как мне убедить вас?

Маша тихо смеется.

(*Показывая ей палец.*) Смейтесь! (*Вершинину.*) Не то что через двести или триста, но и через миллион лет жизнь останется такою

же, как и была; она не меняется, остается постоянной, следуя своим собственным законам, до которых вам нет дела или, по крайней мере, которых вы никогда не узнаете. Перелетные птицы, журавли, например, летят и летят, и какие бы мысли, высокие или малые, ни бродили в их головах, все же будут лететь и не знать, зачем и куда. Они летят и будут лететь, какие бы философы ни завелись среди них; и пускай философствуют, как хотят, лишь бы летели...

Маша. Все-таки смысл?

Тузенбах. Смысл... Вот снег идет. Какой смысл?

Пауза.

Маша. Мне кажется, человек должен быть верующим или должен искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли летят, для чего дети рождаются, для чего звезды на небе... Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, трын-трава.

Пауза.

Вершинин. Все-таки жалко, что молодость прошла...

Маша. У Гоголя сказано: скучно жить на

этом свете, господа!

Тузенбах. А я скажу: трудно с вами спорить, господа! Ну вас совсем...

Чебутыкин (*читая газету*). Бальзак венчался в Бердичеве.

Ирина напевает тихо.

Даже запишу себе это в книжку. (*Записывает.*) Бальзак венчался в Бердичеве. (*Читает газету.*)

Ирина (*раскладывает пасьянс, задумчиво*). Бальзак венчался в Бердичеве.

Тузенбах. Жребий брошен. Вы знаете, Мария Сергеевна, я подаю в отставку.

Маша. Слышала. И ничего я не вижу в этом хорошего. Не люблю я штатских.

Тузенбах. Все равно... (*Встает.*) Я не красив, какой я военный? Ну, да все равно, впрочем... Буду работать. Хоть один день в моей жизни поработать так, чтобы прийти вечером домой, в утомлении повалиться в постель и уснуть тотчас же. (*Уходя в залу.*) Рабочие, должно быть, спят крепко!

Федотик (*Ирине*). Сейчас на Московской у Пыжикова купил для вас цветных карандашей. И вот этот ножичек...

Ирина. Вы привыкли обращаться со мной, как с маленькой, но ведь я уже выросла... (*Берет карандаши и ножичек, радостно.*) Какая прелесть!

Федотик. А для себя я купил ножик... вот поглядите... нож, еще другой нож, третий, это в ушах ковырять, это ножнички, это ногти чистить...

Родэ (*громко*). Доктор, сколько вам лет?

Чебутыкин. Мне? Тридцать два.

Смех.

Федотик. Я сейчас покажу вам другой пасьянс... (*Раскладывает пасьянс.*)

Подают самовар; Анфиса около самовара; немного погодя приходит Наташа и тоже суется около стола; приходит Солёный и, поздоровавшись, садится за стол.

Вершинин. Однако, какой ветер!

Маша. Да. Надоела зима. Я уже и забыла, какое лето.

Ирина. Выйдет пасьянс, я вижу. Будем в Москве.

Федотик. Нет, не выйдет. Видите, осьмерка легла на двойку пик. (*Смеется.*) Значит, вы не будете в Москве.

Чебутыкин (*читает газету*). Цицикар. Здесь свирепствует оспа.

Анфиса (*подходя к Маше*). Маша, чай кушать, матушка. (*Вершинину.*) Пожалуйста, ваше высокоблагородие... простите, бабушка, забыла имя, отчество...

Маша. Принеси сюда, няня. Туда не пойду.

Ирина. Няня!

Анфиса. Иду-у!

Наташа (*Соленому*). Грудные дети прекрасно понимают. «Здравствуй, говорю, Бобик. Здравствуй, милый!» Он взглянул на меня как-то особенно. Вы думаете, во мне говорит только мать, но нет, нет, уверяю вас! Это необыкновенный ребенок.

Соленый. Если бы этот ребенок был мой, то я изжарил бы его на сковородке и съел бы. (*Идет со стаканом в гостиную и садится в угол.*)

Наташа (*закрыв лицо руками*). Грубый, невоспитанный человек!

Маша. Счастлив тот, кто не замечает, лето теперь или зима. Мне кажется, если бы я была в Москве, то относилась бы равнодушно к погоде...

Вершинин. На днях я читал дневник одного французского министра, писанный в тюрьме. Министр был осужден за Панаму. С каким упоением, восторгом упоминает он о птицах, которых видит в тюремном окне и которых не замечал раньше, когда был министром. Теперь, конечно, когда он выпущен на свободу, он уже по-прежнему не замечает птиц. Так же и вы не будете замечать Москвы, когда будете жить в ней. Счастья у нас нет и не бывает, мы только желаем его.

Тузенбах (*берет со стола коробку*). Где же конфеты?

Ирина. Соленый съел.

Тузенбах. Все?

Анфиса (*подавая чай*). Вам письмо, батюшка.

Вершинин. Мне? (*Берет письмо.*) От дочери. (*Читает.*) Да, конечно... Я, извините, Мария Сергеевна, уйду потихоньку. Чаю не буду пить. (*Встает взволнованный.*) Вечно эти истории...

Маша. Что такое? Не секрет?

Вершинин (*тихо*). Жена опять отравилась. Надо идти. Я пройду незаметно. Ужасно

неприятно все это. *(Целует Маше руку.)* Милая моя, славная, хорошая женщина... Я здесь пройду потихоньку... *(Уходит.)*

Анфиса. Куда же он? А я чай подала... Экой какой.

Маша *(рассердившись)*. Отстань! Пристаешь тут, покоя от тебя нет... *(Идет с чашкой к столу.)* Надоела ты мне, старая!

Анфиса. Что ж ты обижаешься? Милая!

Голос Андрея. Анфиса!

Анфиса *(дразнит)*. Анфиса! Сидит там... *(Уходит.)*

Маша *(в зале у стола, сердито)*. Дайте же мне сесть! *(Мешает на столе карты.)* Расселись тут с картами. Пейте чай!

Ирина. Ты, Машка, злая.

Маша. Раз я злая, не говорите со мной. Не трогайте меня!

Чебутыкин *(смеясь)*. Не трогайте ее, не трогайте...

Маша. Вам шестьдесят лет, а вы, как мальчишка, всегда городите черт знает что.

Натasha *(вздыхает)*. Милая Маша, к чему употреблять в разговоре такие выражения? При твоей прекрасной наружности в прилич-

ном светском обществе ты, я тебе прямо скажу, была бы просто очаровательна, если бы не эти твои слова. Je vous prie, pardonnez moi. Marie, mais vous avez des manières un peu drossières[42].

Тузенбах (*сдерживая смех*). Дайте мне... дайте мне... Там, кажется, коньяк...

Наташа. Il paraît, que mon Бобик déjà ne dort pas[43], проснулся. Он у меня сегодня нездоров. Я пойду к нему, простите... (*Уходит.*)

Ирина. А куда ушел Александр Игнатьич?

Маша. Домой. У него опять с женой что-то необычайное.

Тузенбах (*идет к Соленому, в руках графинчик с коньяком*). Все вы сидите один, о чем-то думаете — и не поймешь, о чем. Ну, давайте мириться. Давайте выпьем коньяку.

Пьют.

Сегодня мне придется играть на пианино всю ночь, вероятно, играть всякий вздор... Куда ни шло!

Соленьй. Почему мириться? Я с вами не ссорился.

Тузенбах. Всегда вы возбуждаете такое

чувство, как будто между нами что-то произошло. У вас характер странный, надо сознаться.

Соленый (декламируя). Я странен, не странен кто ж! Не сердись, Алеко!

Тузенбах. И при чем тут Алеко...

Пауза.

Соленый. Когда я вдвоем с кем-нибудь, то ничего, я как все, но в обществе я уныл, застенчив и... говорю всякий вздор. Но все-таки я честнее и благороднее очень, очень многих. И могу это доказать.

Тузенбах. Я часто сержусь на вас, вы постоянно придираетесь ко мне, когда мы бываем в обществе, но все же вы мне симпатичны почему-то. Куда ни шло, напьюсь сегодня. Выпьем!

Соленый. Выпьем.

Пьют.

Я против вас, барон, никогда ничего не имел. Но у меня характер Лермонтова. *(Тихо.)* Я даже немножко похож на Лермонтова... как говорят... *(Достает из кармана флакон с духами и льет на руки.)*

Тузенбах. Подаю в отставку. Баста! Пять

лет все раздумывал и, наконец, решил. Буду работать.

Соленый (декламируя). Не сердись, Алеко... Забудь, забудь мечтания свои...

Пока они говорят, Андрей входит с книгой тихо и садится у свечи.

Тузенбах. Буду работать.

Чебутыкин (идя в гостиную с Ириной). И угощение было тоже настоящее кавказское: суп с луком, а на жаркое — чехартма, мясное.

Соленый. Черемша вовсе не мясо, а растение вроде нашего лука.

Чебутыкин. Нет-с, ангел мой. Чехартма не лук, а жаркое из баранины.

Соленый. А я вам говорю, черемша — лук.

Чебутыкин. А я вам говорю, чехартма — баранина.

Соленый. А я вам говорю, черемша — лук.

Чебутыкин. Что же я буду с вами спорить! Вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы.

Соленый. Не ел, потому что терпеть не могу. От черемши такой же запах, как от чеснока.

Андрей (умоляюще). Довольно, господа!

Прошу вас!

Тузенбах. Когда придут ряженные?

Ирина. Обещали к девяти; значит, сейчас.

Тузенбах (*обнимает Андрея*). Ах вы сени, мои сени, сени новые мои...

Андрей (*пляшет и поет*). Сени новые, кленовые...

Чебутыкин (*пляшет*). Решетчатые-е!

Смех.

Тузенбах (*целует Андрея*). Черт возьми, давайте выпьем. Андрюша, давайте выпьем на ты. И я с тобой, Андрюша, в Москву, в университет.

Соленый. В какой? В Москве два университета.

Андрей. В Москве один университет.

Соленый. А я вам говорю — два.

Андрей. Пускай хоть три. Тем лучше.

Соленый. В Москве два университета!

Ропот и шиканье.

В Москве два университета: старый и новый. А если вам неудобно слушать, если мои слова раздражают вас, то я могу не говорить. Я даже могу уйти в другую комнату... (*Уходит в одну из дверей.*)

Тузенбах. Bravo, bravo! (*Смеется.*) Господа, начинайте, я сажусь играть! Смешной этот Соленый... (*Садится за пианино, играет вальс.*)

Маша (*танцует вальс одна*). Барон пьян, барон пьян, барон пьян!

Входит Наташа.

Наташа (*Чебутыкину*). Иван Романыч! (*Говорит о чем-то Чебутыкину, потом тихо уходит.*)

Чебутыкин трогает Тузенбаха за плечо и шепчет ему о чем-то.

Ирина. Что такое?

Чебутыкин. Нам пора уходить. Будьте здоровы.

Тузенбах. Спокойной ночи. Пора уходить.

Ирина. Позвольте... А ряженые?..

Андрей (*сконфуженный*). Ряженных не будет. Видишь ли, моя милая, Наташа говорит, что Бобик не совсем здоров, и потому... Одним словом, я не знаю, мне решительно все равно.

Ирина (*пожимая плечами*). Бобик нездоров!

Маша. Где наша не пропадала! Гонят, ста-

ло быть, надо уходить. (*Ирине.*) Не Бобик болен, а она сама... Вот! (*Стучит пальцем по лбу.*) Мещанка!

Андрей уходит в правую дверь к себе, **Чебутыкин** идет за ним; в зале прощаются.

Федотик. Какая жалость! Я рассчитывал провести вечерок, но если болен ребеночек, то, конечно... Я завтра принесу ему игрушечку...

Родэ (*громко*). Я сегодня нарочно выспался после обеда, думал, что всю ночь буду танцевать. Ведь теперь только девять часов!

Маша. Выйдем на улицу, там потолкуем. Решим, что и как.

Слышно: «Прощайте! Будьте здоровы!» Слышен веселый смех Тузенбаха. Все уходят. Анфиса и горничная убирают со стола, тушат огни. Слышно, как поет нянька. Андрей в пальто и шляпе и Чебутыкин тихо входят.

Чебутыкин. Жениться я не успел, потому что жизнь промелькнула, как молния, да и потому, что безумно любил твою матушку, которая была замужем...

Андрей. Жениться не нужно. Не нужно, потому что скучно.

Чебутыкин. Так-то оно так, да одиночество. Как там ни философствуй, а одиночество страшная штука, голубчик мой... Хотя в сущности... конечно, решительно все равно!

Андрей. Пойдемте скорей.

Чебутыкин. Что же спешить? Успеем.

Андрей. Я боюсь, жена бы не остановила.

Чебутыкин. А!

Андрей. Сегодня я играть не стану, только так посижу. Нездоровится... Что мне делать, Иван Романыч, от одышки?

Чебутыкин. Что спрашивать! Не помню, голубчик. Не знаю.

Андрей. Пройдем кухней.

Уходят.

Звонок, потом опять звонок; слышны голоса, смех.

Ирина *(входит)*. Что там?

Анфиса *(шепотом)*. Ряженые!

Звонок.

Ирина. Скажи, нянечка, дома нет никого. Пусть извинят.

Анфиса уходит. Ирина в раздумье ходит по комнате; она взволнована.

Входит Соленьий.

Соленый (*в недоумении*). Никого нет... А где же все?

Ирина. Ушли домой.

Соленый. Странно. Вы одни тут?

Ирина. Одна.

Пауза.

Прощайте.

Соленый. Давеча я вел себя недостаточно сдержанно, нетактично. Но вы не такая, как все, вы высоки и чисты, вам видна правда... Вы одна, только вы одна можете понять меня. Я люблю, глубоко, бесконечно люблю...

Ирина. Прощайте! Уходите.

Соленый. Я не могу жить без вас. (*Идя за ней.*) О, мое блаженство! (*Сквозь слезы.*) О, счастье! Роскошные, чудные, изумительные глаза, каких я не видел ни у одной женщины...

Ирина (*холодно*). Перестаньте, Василий Васильич!

Соленый. Первый раз я говорю о любви к вам, и точно я не на земле, а на другой планете. (*Трет себе лоб.*) Ну, да все равно. Насильно мил не будешь, конечно... Но счастливых соперников у меня не должно быть... Не должно... Клянусь вам всем святым, соперника я

убью... О, чудная!

Наташа проходит со свечой.

Наташа (*заглядывает в одну дверь, в другую и проходит мимо двери, ведущей в комнату мужа*). Тут Андрей. Пусть читает. Вы простите, Василий Васильевич, я не знала, что вы здесь, я по-домашнему.

Соленый. Мне все равно. Прощайте! (*Уходит.*)

Наташа. А ты устала, милая, бедная моя девочка! (*Целует Ирину.*) Ложилась бы спать пораньше.

Ирина. Бобик спит?

Наташа. Спит. Но беспокойно спит. Кстати, милая, я хотела тебе сказать, да все то тебя нет, то мне некогда... Бобику в теперешней детской, мне кажется, холодно и сыро. А твоя комната такая хорошая для ребенка. Милая, родная, переберись пока к Оле!

Ирина (*не понимая*). Куда?

Слышно, к дому подъезжает тройка с бубенчиками.

Наташа. Ты с Олей будешь в одной комнате, пока что, а твою комнату Бобику. Он такой милашка, сегодня я говорю ему: «Бобик, ты

мой! Мой!» А он на меня смотрит своими глазами.

Звонок.

Должно быть, Ольга. Как она поздно!

Горничная подходит к Наташе и шепчет ей на ухо.

Протопопов? Какой чудак. Приехал Протопопов, зовет меня покататься с ним на тройке. *(Смеется.)* Какие странные эти мужчины...

Звонок.

Кто-то там пришел. Поехать разве на четверть часика прокатиться... *(Горничной.)* Скажи, сейчас.

Звонок.

Звонят... там Ольга, должно быть. *(Уходит.)*

Горничная убегает; *Ирина* сидит задумавшись; входят *Кулыгин*, *Ольга*, за ними *Вершинин*.

Кулыгин. Вот тебе и раз. А говорили, что у них будет вечер.

Вершинин. Странно, я ушел недавно, полчаса назад, и ждали ряженных...

Ирина. Все ушли.

Кулыгин. И Маша ушла? Куда она ушла? А зачем Протопопов внизу ждет на тройке? Кого он ждет?

Ирина. Не задавайте вопросов... Я устала.

Кулыгин. Ну, капризница...

Ольга. Совет только что кончился. Я замучилась. Наша начальница больна, теперь я вместо нее. Голова, голова болит, голова... *(Садится.)* Андрей проиграл вчера в карты двести рублей... Весь город говорит об этом...

Кулыгин. Да, и я устал на совете. *(Садится.)*

Вершинин. Жена моя сейчас вздумала попугать меня, едва не отравилась. Все обошлось, и я рад, отдыхаю теперь... Стало быть, надо уходить? Что ж, позвольте пожелать всего хорошего. Федор Ильич, поедemте со мной куда-нибудь! Я дома не могу оставаться, совсем не могу... Поедемте!

Кулыгин. Устал. Не поеду. *(Встает.)* Устал. Жена домой пошла?

Ирина. Должно быть.

Кулыгин *(целует Ирине руку).* Прощай. Завтра и послезавтра целый день отдыхать. Всего хорошего! *(Идет.)* Чаю очень хочется.

Рассчитывал провести вечер в приятном обществе и — о, fallacem hominum sperem!..[44] Витительный падеж при восклицании...

Вершинин. Значит, один поеду. (*Уходит с Кулыгиным, посвистывая.*)

Ольга. Голова болит, голова... Андрей проиграл... весь город говорит... Пойду лягу. (*Идет.*) Завтра я свободна... О, боже мой, как это приятно! Завтра свободна, послезавтра свободна... Голова болит, голова... (*Уходит.*)

Ирина (*одна*). Все ушли. Никого нет.

На улице гармоника, нянька поет песню.

Наташа (*в шубе и шапке идет через залу; за ней горничная*). Через полчаса я буду дома. Только проедусь немножко. (*Уходит.*)

Ирина (*оставшись одна, тоскует*). В Москву! В Москву! В Москву!

Занавес

Действие третье

Комната Ольги и Ирины. Налево и направо постели, загороженные ширмами. Третий час ночи. За сценой бьют в набат по случаю пожара, начавшегося уже давно. Видно, что в доме еще не ложились спать. На диване лежит **Маша**, одетая, как обыкновенно, в чер-

ное платье.

Входят Ольга и Анфиса.

Анфиса. Сидят теперь внизу под лестницей... А говорю — «пожалуйста наверх, нешто, говорю, можно так», — плачут. «Папаша, говорят, не знаем где. Не дай бог, говорят, сгорел». Выдумали! И на дворе какие-то... тоже разде-тые.

Ольга (*вынимает из шкапа платья*). Вот это серенькое возьми... И вот это... Кофточку тоже... И эту юбку бери, нянечка... Что же это такое, боже мой! Кирсановский переулочок сгорел весь, очевидно... Это возьми... Это возьми... (*Кидает ей на руки платье.*) Вершинины бедные напугались... Их дом едва не сгорел. Пусть у нас переночуют... домой их нельзя пускать... У бедного Федотика все сгорело, ничего не осталось...

Анфиса. Ферापонта позвала бы, Олюшка, а то не донесу...

Ольга (*звонит*). Не дозвонишься... (*В дверь.*) Подите сюда, кто там есть!

В открытую дверь видно окно, красное от зарева; слышно, как мимо дома проезжает пожарная команда.

Какой это ужас. И как надоело!

Входит Ферапонт.

Вот возьми снеси вниз... Там под лестницей стоят барышни Колотилины... отдай им. И это отдай...

Ферапонт. Слушаю. В двенадцатом году Москва тоже горела. Господи ты боже мой! Французы удивлялись.

Ольга. Иди, ступай...

Ферапонт. Слушаю. *(Уходит.)*

Ольга. Нянечка, милая, всё отдавай. Ничего нам не надо, всё отдавай, нянечка... Я устала, едва на ногах стою... Вершининых нельзя отпускать домой... Девочки лягут в гостиной, Александра Игнатъича вниз к барону... Федотика тоже к барону, или пусть у нас в зале... Доктор, как нарочно, пьян, ужасно пьян, и к нему никого нельзя. И жену Вершинина тоже в гостиной.

Анфиса *(утомленно)*. Олюшка милая, не гони ты меня! Не гони!

Ольга. Глупости ты говоришь, няня. Никто тебя не гонит.

Анфиса *(кладет ей голову на грудь)*. Родная моя, золотая моя, я тружусь, я работаю...

Слаба стану, все скажут: пошла! А куда я пойду? Куда? Восемьдесят лет. Восемьдесят второй год...

Ольга. Ты посиди, нянечка... Устала ты, бедная... *(Усаживает ее.)* Отдохни, моя хорошая. Побледнела как!

Наташа *входит.*

Наташа. Там говорят, поскорее нужно составить общество для помощи погорельцам. Что ж? Прекрасная мысль. Вообще нужно помогать бедным людям, это обязанность богатых. Бобик и Софочка спят себе, спят, как ни в чем не бывало. У нас так много народу везде, куда ни пойдешь, полон дом. Теперь в городе инфлюэнца, боюсь, как бы не захватили дети.

Ольга *(не слушая ее).* В этой комнате не видно пожара, тут покойно...

Наташа. Да... Я, должно быть, растрепанная. *(Перед зеркалом.)* Говорят, я пополнела... и не правда! Ничуть! А Маша спит, утомилась, бедная... *(Анфисе холодно.)* При мне не смей сидеть! Встань! Ступай отсюда!

Анфиса *уходит; пауза.*

И зачем ты держишь эту старуху, не понимаю!

Ольга (*оторопев*). Извини, я тоже не понимаю...

Наташа. Ни к чему она тут. Она крестьянка, должна в деревне жить... Что за баловство! Я люблю в доме порядок! Лишних не должно быть в доме. (*Гладит ее по щеке.*) Ты, бедняжка, устала! Устала наша начальница! А когда моя Софочка вырастет и поступит в гимназию, я буду тебя бояться.

Ольга. Не буду я начальницей.

Наташа. Тебя выберут, Олечка. Это решено.

Ольга. Я откажусь. Не могу... Это мне не по силам... (*Пьет воду.*) Ты сейчас так грубо обошлась с няней... Прости, я не в состоянии переносить... даже в глазах потемнело...

Наташа (*взволнованно*). Прости, Оля, прости... Я не хотела тебя огорчать.

Маша *встает, берет подушку и уходит, сердитая.*

Ольга. Пойми, милая... мы воспитаны, быть может, странно, но я не переношу этого. Подобное отношение угнетает меня, я заболеваю... я просто падаю духом!

Наташа. Прости, прости... (*Целует ее.*)

Ольга. Всякая, даже малейшая грубость, неделикатно сказанное слово волнует меня...

Наташа. Я часто говорю лишнее, это правда, но согласись, моя милая, она могла бы жить в деревне.

Ольга. Она уже тридцать лет у нас.

Наташа. Но ведь теперь она не может работать! Или я тебя не понимаю, или же ты не хочешь меня понять. Она не способна к труду, она только спит или сидит.

Ольга. И пускай сидит.

Наташа (*удивленно*). Как пускай сидит? Но ведь она же прислуга. (*Сквозь слезы.*) Я тебя не понимаю, Оля. У меня нянька есть, кормилица есть, у нас горничная, кухарка... для чего же нам еще эта старуха? Для чего?

За сценой бьют в набат.

Ольга. В эту ночь я постарела на десять лет.

Наташа. Нам нужно уговориться, Оля. Раз навсегда... Ты в гимназии, я — дома, у тебя ученье, у меня — хозяйство. И если я говорю что насчет прислуги, то знаю, что говорю; я знаю, что го-во-рю... И чтоб завтра же не было здесь этой старой воровки, старой хрычов-

ки... (стучит ногами) этой ведьмы!.. Не смей меня раздражать! Не смей! (Спохватившись.) Право, если ты не переберешься вниз, то мы всегда будем ссориться. Это ужасно.

Входит Кулыгин.

Кулыгин. Где Маша? Нам пора бы уже домой. Пожар, говорят, стихает. (Потягивается.) Сгорел только один квартал, а ведь был ветер, вначале казалось, горит весь город. (Садится.) Утомился. Олечка моя милая... Я часто думаю: если бы не Маша, то я на тебе б женился, Олечка. Ты очень хорошая... Замучился. (Прислушивается.)

Ольга. Что?

Кулыгин. Как нарочно, у доктора запой, пьян он ужасно. Как нарочно! (Встает.) Вот он идет сюда, кажется... Слышите? Да, сюда... (Смеется.) Экий какой, право... Я спрячусь. (Идет в угол к шкапу.) Этакий разбойник.

Ольга. Два года не пил, а тут вдруг взял и напился... (Идет с Наташей в глубину комнаты.)

Чебутыкин входит; не шатаясь, как трезвый, проходит по комнате, останавливается, смотрит, потом подходит к рукомоюнику и

начинает мыть руки.

Чебутькин (*угрюмо*). Черт бы всех побрал... подрал... Думают, я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего.

Ольга и Наташа, незаметно для него, уходят.

Черт бы побрал. В прошлую среду лечил на Засыпи женщину — умерла, и я виноват, что она умерла. Да... Кое-что знал лет двадцать пять назад, а теперь ничего не помню. Ничего... В голове пусто, на душе холодно. Может быть, я и не человек, а только делаю вид, что у меня руки и ноги... и голова; может быть, я и не существую вовсе, а только кажется мне, что я хожу, ем, сплю. (*Плачет.*) О, если бы не существовать! (*Перестает плакать, угрюмо.*) Черт знает... Третьего дня разговор в клубе; говорят, Шекспир, Вольтер... Я не читал, совсем не читал, а на лице своем показал, будто читал. И другие тоже, как я. Пошлость! Низость! И та женщина, что уморил в среду, вспомнилась... и все вспомнилось, и стало на душе криво, гадко, мерзко... пошел, запил...

Ирина, Вершинин и Тузенбах входят; на Тузенбахе штатское платье, новое и модное.

Ирина. Здесь посидим. Сюда никто не войдет.

Вершинин. Если бы не солдаты, то сгорел бы весь город. Молодцы! *(Потирает от удовольствия руки.)* Золотой народ! Ах, что за молодцы!

Кулыгин *(подходя к ним)*. Который час, господа?

Тузенбах. Уже четвертый час. Светает.

Ирина. Все сидят в зале, никто не уходит. И ваш этот Соленый сидит... *(Чебутыкину.)* Вы бы, доктор, шли спать.

Чебутыкин. Ничего-с... Благодарю-с. *(Причесывает бороду.)*

Кулыгин *(смеется)*. Назююкался, Иван Романыч! *(Хлопает по плечу.)* Молодец! In vino veritas[45], говорили древние.

Тузенбах. Меня всё просят устроить концерт в пользу погорельцев.

Ирина. Ну, кто там...

Тузенбах. Можно бы устроить, если захотеть. Марья Сергеевна, например, играет на рояле чудесно.

Кулыгин. Чудесно играет!

Ирина. Она уже забыла. Три года не играла... или четыре.

Тузенбах. Здесь в городе решительно никто не понимает музыки, ни одна душа, но я, я понимаю и честным словом уверяю вас, Марья Сергеевна играет великолепно, почти талантливо.

Кулыгин. Вы правы, барон. Я ее очень люблю, Машу. Она славная.

Тузенбах. Уметь играть так роскошно и в то же время сознавать, что тебя никто, никто не понимает!

Кулыгин *(вздыхает)*. Да... Но прилично ли ей участвовать в концерте?

Пауза.

Я ведь, господа, ничего не знаю. Может быть, это и хорошо будет. Должен признаться, наш директор хороший человек, даже очень хороший, умнейший, но у него такие взгляды... Конечно, не его дело, но все-таки, если хотите, то я, пожалуй, поговорю с ним.

Чебутыкин берет в руки фарфоровые часы и рассматривает их.

Вершинин. На пожаре я загрязнился весь,

ни на что не похож.

Пауза.

Вчера я мельком слышал, будто нашу бригаду хотят перевести куда-то далеко. Одни говорят, в Царство Польское, другие — будто в Читту.

Тузенбах. Я тоже слышал. Что ж? Город тогда совсем опустеет.

Ирина. И мы уедем!

Чебутыкин (*роняет часы, которые разбиваются*). Вдребезги!

Пауза; все огорчены и сконфужены.

Кульгин (*подбирает осколки*). Разбить такую дорогую вещь — ах, Иван Романыч, Иван Романыч! Ноль с минусом вам за поведение!

Ирина. Это часы покойной мамы.

Чебутыкин. Может быть... Мамы так мамы. Может, я не разбивал, а только кажется, что разбил. Может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет. Ничего я не знаю, никто ничего не знает. (*Удвери.*) Что смотрите? У Наташи романчик с Протопоповым, а вы не видите... Вы вот сидите тут и ничего не видите, а у Наташи романчик с Протопоповым... (*Поет.*) Не уютно ль

этот финик вам принять... (*Уходит.*)

Вершинин. Да... (*Смеется.*) Как все это в сущности странно!

Пауза.

Когда начался пожар, я побежал скорее домой; подхожу, смотрю — дом наш цел и невредим и вне опасности, но мои две девочки стоят у порога в одном белье, матери нет, суетится народ, бегают лошади, собаки, и у девочек на лицах тревога, ужас, мольба, не знаю что; сердце у меня сжалось, когда я увидел эти лица. Боже мой, думаю, что придется пережить еще этим девочкам в течение долгой жизни! Я хватаю их, бегу и все думаю одно: что им придется пережить еще на этом свете!

Набат; пауза.

Прихожу сюда, а мать здесь, кричит, сердится.

Маша входит с подушкой и садится на диван.

И когда мои девочки стояли у порога в одном белье, босые, и улица была красной от огня, был страшный шум, то я подумал, что нечто похожее происходило много лет назад,

когда набегал неожиданно враг, грабил, зажигал... Между тем, в сущности, какая разница между тем, что есть и что было! А пройдет еще немного времени, каких-нибудь двести-триста лет, и на нашу теперешнюю жизнь также будут смотреть и со страхом, и с насмешкой, все нынешнее будет казаться и угловатым, и тяжелым, и очень неудобным, и странным. О, наверное, какая это будет жизнь, какая жизнь! *(Смеется.)* Простите, я опять зафилософствовался. Позвольте продолжать, господа. Мне ужасно хочется философствовать, такое у меня теперь настроение.

Пауза.

Точно спят все. Так я говорю: какая это будет жизнь! Вы можете себе только представить... Вот таких, как вы, в городе теперь только три, в следующих поколениях — больше, все больше и больше, и придет время, когда все изменится по-вашему, жить будут по-вашему, а потом и вы устареете, народятся люди, которые будут лучше вас... *(Смеется.)* Сегодня у меня какое-то особенное настроение. Хочется жить чертовски... *(Поет.)* Любви все возрасты покорны, ее порывы благотвор-

НЫ... (Смеется.)

Маша. Трам-там-там...

Вершинин. Трам-там...

Маша. Тра-ра-ра?

Вершинин. Тра-та-та. (Смеется.)

Входит Федотик.

Федотик (*танцует*). Погорел, погорел! Весь дочиста!

Смех.

Ирина. Что ж за шутки. Все сгорело?

Федотик (*смеется*). Все дочиста. Ничего не осталось. И гитара сгорела, и фотография сгорела, и все мои письма... И хотел подарить вам записную книжечку — тоже сгорела.

Входит Соленый.

Ирина. Нет, пожалуйста, уходите, Василий Васильич. Сюда нельзя.

Соленый. Почему же это барону можно, а мне нельзя?

Вершинин. Надо уходить, в самом деле. Как пожар?

Соленый. Говорят, стихает. Нет, мне положительно странно, почему это барону можно, а мне нельзя? (*Вынимает флакон с духами и прыскается.*)

Вершинин. Трам-там-там.

Маша. Трам-там.

Вершинин (*смеется, Соленому*). Пойдемте в залу.

Соленый. Хорошо-с, так и запишем. Мысль эту можно б боле пояснить, да боюсь, как бы гусей не раздразнить... (*Глядя на Тузенбаха*.) Цып, цып, цып...

Уходит с Вершининым и Федотиком.

Ирина. Как накурил этот Соленый... (*В недоумении*.) Барон спит! Барон! Барон!

Тузенбах (*очнувшись*). Устал я, однако... Кирпичный завод... Это я не брежу, а в самом деле, скоро поеду на кирпичный завод, начну работать... Уже был разговор. (*Ирине нежно*.) Вы такая бледная, прекрасная, обаятельная... Мне кажется, ваша бледность проясняет темный воздух, как свет... Вы печальны, вы недовольны жизнью... О, поедemте со мной, поедemте работать вместе!

Маша. Николай Львович, уходите отсюда.

Тузенбах (*смеясь*). Вы здесь? Я не вижу. (*Целует Ирине руку*.) Прощайте, я пойду... Я гляжу на вас теперь, и вспоминается мне, как когда-то давно, в день ваших именин, вы, бод-

рая, веселая, говорили о радостях труда... И какая мне тогда мерещилась счастливая жизнь! Где она? (*Целует руку.*) У вас слезы на глазах. Ложитесь спать, уж светает... начинается утро... Если бы мне было позволено отдать за вас жизнь свою!

Маша. Николай Львович, уходите! Ну, что право...

Тузенбах. Ухожу... (*Уходит.*)

Маша (*ложится*). Ты спишь, Федор?

Кулыгин. А?

Маша. Шел бы домой.

Кулыгин. Милая моя Маша, дорогая моя Маша...

Ирина. Она утомилась. Дал бы ей отдохнуть, Федя.

Кулыгин. Сейчас уйду... Жена моя хорошая, славная... Люблю тебя, мою единственную...

Маша (*сердито*). Amo, amas, amat, amatus, amatis, amant[46].

Кулыгин (*смеется*). Нет, право, она удивительная. Женат я на тебе семь лет, а кажется, венчались только вчера. Честное слово. Нет, право, ты удивительная женщина. Я доволен,

я доволен, я доволен!

Маша. Надоело, надоело, надоело... *(Встает и говорит сидя.)* И вот не выходит у меня из головы... Просто возмутительно. Сидит гвоздем в голове, не могу молчать. Я про Андрея... Заложил он этот дом в банке, и все деньги забрала его жена, а ведь дом принадлежит не ему одному, а нам четверым! Он должен это знать, если он порядочный человек.

Кулыгин. Охота тебе, Маша! На что тебе? Андрюша кругом должен, ну, и бог с ним.

Маша. Это во всяком случае возмутительно. *(Ложится.)*

Кулыгин. Мы с тобой не бедны. Я работаю, хожу в гимназию, потом уроки даю... Я честный человек. Простой... *Omnia mea mecum porto*[47], как говорится.

Маша. Мне ничего не нужно, но меня возмущает несправедливость.

Пауза.

Ступай, Федор.

Кулыгин *(целует ее)*. Ты устала, отдохни с полчасика, а я там посижу, подожду. Спи... *(Идет.)* Я доволен, я доволен, я доволен. *(Ухо-*

дит.)

Ирина. В самом деле, как измельчал наш Андрей, как он выдохся и постарел около этой женщины! Когда-то готовился в профессора, а вчера хвалился, что попал, наконец, в члены земской управы. Он член управы, а Протопопов председатель... Весь город говорит, смеется, и только он один ничего не знает и не видит... И вот все побежали на пожар, а он сидит у себя в комнате и никакого внимания. Только на скрипке играет. *(Нервно.)* О, ужасно, ужасно, ужасно! *(Плачет.)* Я не могу, не могу переносить больше!.. Не могу, не могу!..

Ольга *входит, убирает около своего столика.*

(Громко рыдает.) Выбросьте меня, выбросьте, я больше не могу!

Ольга *(испугавшись).* Что ты, что ты? Милая!

Ирина *(рыдая).* Куда? Куда все ушло? Где оно? О, боже мой, боже мой! Я все забыла, забыла... у меня перепуталось в голове... Я не помню, как по-итальянски окно или вот потолок... Все забываю, каждый день забываю, а жизнь уходит и никогда не вернется, никогда,

никогда мы не уедем в Москву... Я вижу, что не уедем...

Ольга. Милая, милая...

Ирина (*сдерживаясь*). О, я несчастная... Не могу я работать, не стану работать. Довольно, довольно! Была телеграфисткой, теперь служу в городской управе и ненавижу, презираю все, что только мне дают делать... Мне уже двадцать четвертый год, работаю уже давно, и мозг высох, похудела, подурнела, постарела, и ничего, ничего, никакого удовлетворения, а время идет, и все кажется, что уходишь от настоящей прекрасной жизни, уходишь все дальше и дальше, в какую-то пропасть. Я в отчаянии, я в отчаянии! И как я жива, как не убила себя до сих пор, не понимаю...

Ольга. Не плачь, моя девочка, не плачь... Я страдаю.

Ирина. Я не плачу, не плачу... Довольно... Ну, вот я уже не плачу. Довольно... Довольно!

Ольга. Милая, говорю тебе как сестра, как друг, если хочешь моего совета, выходи за брата!

Ирина тихо плачет.

Ведь ты его уважаешь, высоко ценишь...

Он, правда, некрасивый, но он такой порядочный, чистый... Ведь замуж выходят не из любви, а только для того, чтобы исполнить свой долг. Я, по крайней мере, так думаю, и я бы вышла без любви. Кто бы ни посватал, все равно бы пошла, лишь бы порядочный человек. Даже за старика бы пошла...

Ирина. Я все ждала, переселимся в Москву, там мне встретится мой настоящий, я мечтала о нем, любила... Но оказалось, все вздор, все вздор...

Ольга (*обнимает сестру*). Милая моя, прекрасная сестра, я все понимаю; когда барон Николай Львович оставил военную службу и пришел к нам в пиджаке, то показался мне таким некрасивым, что я даже заплакала... Он спрашивает: «что вы плачете?» Как я ему скажу! Но если бы бог привел ему жениться на тебе, то я была бы счастлива. Тут ведь другое, совсем другое.

Натasha со свечой проходит через сцену из правой двери в левую молча.

Маша (*садится*). Она ходит так, как будто она подожгла.

Ольга. Ты, Маша, глупая. Самая глупая в

нашей семье это ты. Извини, пожалуйста.

Пауза.

Маша. Мне хочется каяться, милые сестры. Томится душа моя. Покаюсь вам и уж больше никому, никогда... Скажу сию минуту. *(Тихо.)* Это моя тайна, но вы всё должны знать... Не могу молчать...

Пауза.

Я люблю, люблю... Люблю этого человека... Вы его только что видели... Ну, да что там. Одним словом, люблю Вершинина...

Ольга *(идет к себе за ширму)*. Оставь это. Я все равно не слышу.

Маша. Что же делать! *(Берется за голову.)* Он казался мне сначала странным, потом я жалела его... потом полюбила... полюбила с его голосом, его словами, несчастьями, двумя девочками...

Ольга *(за ширмой)*. Я не слышу, все равно. Какие бы ты глупости ни говорила, я все равно не слышу.

Маша. Э, чудная ты, Оля. Люблю — такая, значит, судьба моя. Значит, доля моя такая... И он меня любит... Это все страшно. Да? Не хорошо это? *(Тянет Ирину за руку, привлекает к*

себе.) О моя милая... Как-то мы проживем нашу жизнь, что из нас будет... Когда читаешь роман какой-нибудь, то кажется, что все это старо, и все так понятно, а как сама полюбишь, то и видно тебе, что никто ничего не знает и каждый должен решать сам за себя... Милые мои, сестры мои... Призналась вам, теперь буду молчать... Буду теперь, как гоголевский сумасшедший... молчание... молчание...

Входит Андрей, за ним Ферапонт.

Андрей (*сердито*). Что тебе нужно? Я не понимаю.

Ферапонт (*в дверях, нетерпеливо*). Я, Андрей Сергеич, уж говорил раз десять.

Андрей. Во-первых, я тебе не Андрей Сергеич, а ваше высокоблагородие!

Ферапонт. Пожарные, ваше высокородие, просят, дозвольте на реку садом проехать. А то кругом ездют, ездют — чистое наказание.

Андрей. Хорошо. Скажи, хорошо.

Ферапонт уходит.

Надоели. Где Ольга?

Ольга показывается из-за ширмы.

Я пришел к тебе, дай мне ключ от шкапа, я

затерял свой. У тебя есть такой маленький ключик.

Ольга подает ему молча ключ. Ирина идет к себе за ширму; пауза.

А какой громадный пожар! Теперь стало утихать. Черт знает, разозлил меня этот Феропонт, я сказал ему глупость... Ваше высокоблагородие...

Пауза.

Что же ты молчишь, Оля?

Пауза.

Пора уже оставить эти глупости и не дуться так, здорово-живешь... Ты, Маша, здесь, Ирина здесь, ну вот прекрасно — объяснимся начистоту, раз навсегда. Что вы имеете против меня? Что?

Ольга. Оставь, Андрюша. Завтра объяснимся. *(Волнуясь.)* Какая мучительная ночь!

Андрей *(он очень смущен)*. Не волнуйся. Я совершенно хладнокровно вас спрашиваю: что вы имеете против меня? Говорите прямо.

Голос Вершинина: «Трам-там-там!»

Маша *(встает, громко)*. Тра-та-та! *(Ольге.)* Прощай, Оля, господь с тобой. *(Идет за ширму, целует Ирину.)* Спи спокойно... Прощай,

Андрей. Уходи, они утомлены... завтра объяснишься... *(Уходит.)*

Ольга. В самом деле, Андрюша, отложим до завтра... *(Идет к себе за ширму.)* Спать пора.

Андрей. Только скажу и уйду. Сейчас... Во-первых, вы имеете что-то против Наташи, моей жены, и это я замечаю с самого дня моей свадьбы. Если желаете знать, Наташа прекрасный, честный человек, прямой и благородный — вот мое мнение. Свою жену я люблю и уважаю, понимаете, уважаю и требую, чтобы ее уважали также и другие. Повторяю, она честный, благородный человек, а все ваши неудовольствия, простите, это просто капризы...

Пауза.

Во-вторых, вы как будто сердитесь за то, что я не профессор, не занимаюсь наукой. Но я служу в земстве, я член земской управы и это свое служение считаю таким же святым и высоким, как служение науке. Я член земской управы и горжусь этим, если желаете знать...

Пауза.

В-третьих... Я еще имею сказать... Я зало-

жил дом, не испросив у вас позволения... В этом я виноват, да, и прошу меня извинить. Меня побудили к тому долги... тридцать пять тысяч... Я уже не играю в карты, давно бросил, но главное, что могу сказать в свое оправдание, это то, что вы девушки, вы получаете пенсию, я же не имел... заработка, так сказать...

Пауза.

Кульгин *(в дверь)*. Маши здесь нет? *(Встревоженно.)* Где же она? Это странно... *(Уходит.)*

Андрей. Не слушают. Наташа превосходный, честный человек. *(Ходит по сцене молча, потом останавливается.)* Когда я женился, я думал, что мы будем счастливы... все счастливы... Но боже мой... *(Плачет.)* Милые мои сестры, дорогие сестры, не верьте мне, не верьте... *(Уходит.)*

Кульгин *(в дверь встревоженно)*. Где Маша? Здесь Маши нет? Удивительное дело. *(Уходит.)*

Набат, сцена пустая.

Ирина *(за ширмами)*. Оля! Кто это стучит в пол?

Ольга. Это доктор Иван Романыч. Он пьян.

Ирина. Какая беспокойная ночь!

Пауза.

Оля! *(Выглядывает из-за ширм.)* Слышала?

Бригаду берут от нас, переводят куда-то далеко.

Ольга. Это слухи только.

Ирина. Останемся мы тогда одни... Оля!

Ольга. Ну?

Ирина. Милая, дорогая, я уважаю, я ценю барона, он прекрасный человек, я выйду за него, согласна, только поедem в Москву! Умоляю тебя, поедem! Лучше Москвы нет ничего на свете! Поедem, Оля! Поедem!

Занавес

Действие четвертое

Старый сад при доме Прозоровых. Длинная Селовая аллея, в конце которой видна река. На той стороне реки — лес. Направо терраса дома: здесь на столе бутылки и стаканы; видно, что только что пили шампанское. Двенадцать часов дня. С улицы к реке через сад ходят изредка прохожие; быстро проходят человек пять солдат. Чебутыкин в благодушном настроении, которое не покидает его в

течение всего акта, сидит в кресле, в саду, ждет, когда его позовут; он в фуражке и с палкой. **Ирина, Кулыгин** с орденом на шее, без усов, и **Тузенбах**, стоя на террасе, провожают **Федотика и Родэ**, которые сходят вниз; оба офицера в походной форме.

Тузенбах (целуется с Федотиком). Вы хороший, мы жили так дружно. (Целуется с Родэ.) Еще раз... Прощайте, дорогой мой!

Ирина. До свиданья!

Федотик. Не до свиданья, а прощайте, мы больше уже никогда не увидимся!

Кулыгин. Кто знает! (Вытирает глаза, улыбается.) Вот и я заплакал.

Ирина. Когда-нибудь встретимся.

Федотик. Лет через десять-пятнадцать? Но тогда мы едва узнаем друг друга, холодно здороваемся... (Снимает фотографию.) Стойте... Еще в последний раз.

Родэ (обнимает Тузенбаха). Не увидимся больше... (Целует руку Ирине.) Спасибо за все, за все!

Федотик (с досадой). Да постой!

Тузенбах. Даст бог, увидимся. Пишите же нам. Непременно пишите.

Родэ (*окидывает взглядом сад*). Прощайте, деревья! (*Кричит.*) Гоп-гоп!

Пауза.

Прощай, эхо!

Кулыгин. Чего доброго женитесь там, в Польше... Жена полька обнимет и скажет: «кохане!» (*Смеется.*)

Федотик (*взглянув на часы*). Осталось меньше часа. Из нашей батареи только Солёный пойдёт на барже, мы же со строевой частью. Сегодня уйдут три батареи дивизионно, завтра опять три — и в городе наступит тишина и спокойствие.

Тузенбах. И скучища страшная.

Родэ. А Мария Сергеевна где?

Кулыгин. Маша в саду.

Федотик. С ней проститься.

Родэ. Прощайте, надо уходить, а то я заплачу... (*Обнимает быстро Тузенбаха и Кулыгина, целует руку Ирине.*) Прекрасно мы здесь пожили...

Федотик (*Кулыгину*). Это вам на память... книжка с карандашиком... Мы здесь пойдём к реке...

Отходят, оба оглядываются.

Родэ (кричит). Гоп-гоп!

Кульгин (кричит). Прощайте!

В глубине сцены Федотик и Родэ встречаются с Машей и прощаются с нею; она уходит с ними.

Ирина. Ушли... (Садится на нижнюю ступень террасы.)

Чебутыкин. А со мной забыли проститься.

Ирина. Вы же чего?

Чебутыкин. Да и я как-то забыл. Впрочем, скоро увижусь с ними, уйду завтра. Да... Еще один денек остался. Через год дадут мне отставку, опять приеду сюда и буду доживать свой век около вас. Мне до пенсии только один годочек остался... (Кладет в карман газету, вынимает другую.) Приеду сюда к вам и изменю жизнь коренным образом. Стану таким тихоньким, благо... благоугодным, приличеньким...

Ирина. А вам надо бы изменить жизнь, голубчик. Надо бы как-нибудь.

Чебутыкин. Да. Чувствую. (Тихо напевает.) Тарара... бумбия... сижу на тумбе я...

Кульгин. Неисправим Иван Романыч! Неисправим!

Чебутыкин. Да вот к вам бы на выучку. Тогда бы исправился.

Ирина. Федор сбрил себе усы. Видеть не могу!

Кулыгин. А что?

Чебутыкин. Я бы сказал, на что теперь похожа ваша физиономия, да не могу.

Кулыгин. Что ж! Так принято, это *modus vivendi*. Директор у нас с выбритыми усами, и я тоже, как стал инспектором, побрился. Никому не нравится, а для меня все равно. Я доволен. С усами я или без усов, а я одинаково доволен... *(Садится.)*

В глубине сцены Андрей провозит в колясочке спящего ребенка.

Ирина. Иван Романыч, голубчик, родной мой, я страшно обеспокоена. Вы вчера были на бульваре, скажите, что произошло там?

Чебутыкин. Что произошло? Ничего. Пустяки. *(Читает газету.)* Все равно!

Кулыгин. Так рассказывают, будто Соленый и барон встретились вчера на бульваре около театра...

Тузенбах. Перестаньте! Ну, что право... *(Машет рукой и уходит в дом.)*

Кулыгин. Около театра... Соленый стал придирааться к барону, а тот не стерпел, сказал что-то обидное...

Чебутькин. Не знаю. Чепуха все.

Кулыгин. В какой-то семинарии учитель написал на сочинении «чепуха», а ученик прочел «реникса» — думал, по-латыни написано. *(Смеется.)* Смешно удивительно. Говорят, Соленый влюблен в Ирину и будто возненавидел барона... Это понятно. Ирина очень хорошая девушка. Она даже похожа на Машу, такая же задумчивая. Только у тебя, Ирина, характер мягче. Хотя и у Маши, впрочем, тоже очень хороший характер. Я ее люблю, Машу.

В глубине сада за сценой: «Ау! Гон-гон!»

Ирина *(вздрагивает)*. Меня как-то все пугает сегодня.

Пауза.

У меня уже все готово, я после обеда отправляю свои вещи. Мы с бароном завтра венчаемся, завтра же уезжаем на кирпичный завод, и послезавтра я уже в школе, начинается новая жизнь. Как-то мне поможет бог! Когда я держала экзамен на учительницу, то да-

же плакала от радости, от благодати...

Пауза.

Сейчас приедет подвода за вещами...

Кульгин. Так-то оно так, только как-то все это не серьезно. Одни только идеи, а серьезного мало. Впрочем, от души тебе желаю.

Чебутыкин *(в умилении)*. Славная моя, хорошая... Золотая моя... Далеко вы ушли, не догонишь вас. Остался я позади, точно перелетная птица, которая состарилась, не может лететь. Летите, мои милые, летите с богом!

Пауза.

Напрасно, Федор Ильич, вы усы себе сбрили.

Кульгин. Будет вам! *(Вздыхает.)* Вот сегодня уйдут военные, и все опять пойдет по-старому. Что бы там ни говорили, Маша хорошая, честная женщина, я ее очень люблю и благодарю свою судьбу. Судьба у людей разная... Тут в акцизе служит некто Козырев. Он учился со мной, его уволили из пятого класса гимназии за то, что никак не мог понять *ut consecutivum*. Теперь он ужасно бедствует, болен, и я, когда встречаюсь, то говорю ему: «Здравствуй, *ut consecutivum*». — Да, говорит,

именно consecutivum... а сам кашляет. А мне вот всю мою жизнь везет, я счастлив, вот имею даже Станислава второй степени и сам теперь преподаю другим это ut consecutivum. Конечно, я умный человек, умнее очень многих, но счастье не в этом...

В доме играют на рояле «Молитву девы».

Ирина. А завтра вечером я уже не буду слышать этой «Молитвы девы», не буду встречаться с Протопоповым...

Пауза.

А Протопопов сидит там в гостиной; и сегодня пришел...

Кульгин. Начальница еще не приехала?

В глубине сцены тихо проходит Маша, прогуливаясь.

Ирина. Нет. За ней послали. Если б только вы знали, как мне трудно жить здесь одной, без Оли... Она живет в гимназии; она начальница, целый день занята делом, а я одна, мне скучно, нечего делать, и ненавистна комната, в которой живу... Я так и решила: если мне не суждено быть в Москве, то так тому и быть. Значит, судьба. Ничего не поделаешь... Всё в божьей воле, это правда. Николай Львович

сделал мне предложение... Что ж? Подумала и решила. Он хороший человек, удивительно даже, такой хороший... И у меня вдруг точно крылья выросли на душе, я повеселела, стало мне легко и опять захотелось работать, работать... Только вот вчера произошло что-то, какая-то тайна нависла надо мной...

Чебутыкин. Реникса. Чепуха.

Натasha (в окно). Начальница!

Кулыгин. Приехала начальница. Пойдем.
Уходит с Ириной в дом.

Чебутыкин (читает газету и тихо напевает). Тара-ра... бумбия... сажу на тумбе я...

Маша подходит; в глубине Андрей проводит колясочку.

Маша. Сидит себе здесь, посиживает...

Чебутыкин. А что?

Маша (садится). Ничего...

Пауза.

Вы любили мою мать?

Чебутыкин. Очень.

Маша. А она вас?

Чебутыкин (после паузы). Этого я уже не помню.

Маша. Мой здесь? Так когда-то наша ку-

харка Марфа говорила про своего городского: мой. Мой здесь?

Чебутыкин. Нет еще.

Маша. Когда берешь счастье урывочками, по кусочкам, потом его теряешь, как я, то мало-помалу грубеешь, становишься злющей. *(Указывает себе на грудь.)* Вот тут у меня кипит... *(Глядя на брата Андрея, который провозит колясочку.)* Вот Андрей наш, братец... Все надежды пропали. Тысячи народа поднимали колокол, потрачено было много труда и денег, а он вдруг упал и разбился. Вдруг, ни с того ни с сего. Так и Андрей...

Андрей. И когда, наконец, в доме успокоятся. Такой шум.

Чебутыкин. Скоро. *(Смотрит на часы, потом заводит их; часы бьют.)* У меня часы старинные, с боем... Первая, вторая и пятая батарея уйдут ровно в час.

Пауза.

А я завтра.

Андрей. Навсегда?

Чебутыкин. Не знаю. Может, через год вернусь. Хотя черт его знает... все равно...

Слышно, как где-то далеко играют на арфе

и скрипке.

Андрей. Опустеет город. Точно его колпаком накроют.

Пауза.

Что-то произошло вчера около театра; все говорят, а я не знаю.

Чебутыкин. Ничего. Глупости. Соленый стал придирааться к барону, а тот вспылил и оскорбил его, и вышло так в конце концов, что Соленый обязан был вызвать его на дуэль. *(Смотрит на часы.)* Пора бы, кажется, уж... В половине первого, в казенной роще, вот в той, что отсюда видать за рекой... Пифпаф. *(Смеется.)* Соленый воображает, что он Лермонтов, и даже стихи пишет. Вот шутки шутками, а уж у него третья дуэль.

Маша. У кого?

Чебутыкин. У Соленого.

Маша. А у барона?

Чебутыкин. Что у барона?

Пауза.

Маша. В голове у меня перепуталось... Все-таки, я говорю, не следует им позволять. Он может ранить барона или даже убить.

Чебутыкин. Барон хороший человек, но

одним бароном больше, одним меньше — не все ли равно? Пускай! Все равно!

За садом крик: «Ау! Гон-гон!»

Подождешь. Это Скворцов кричит, секундانت. В лодке сидит.

Пауза.

Андрей. По-моему, и участвовать на дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы в качестве врача, просто безнравственно.

Чебутыкин. Это только кажется... Ничего нет на свете, нас нет, мы не существуем, а только кажется, что существуем... И не все ли равно!

Маша. Так вот целый день говорят, говорят... *(Идет.)* Живешь в таком климате, того гляди снег пойдет, а тут еще эти разговоры... *(Останавливаясь.)* Я не пойду в дом, я не могу туда ходить... Когда придет Вершинин, скажите мне... *(Идет по аллее.)* А уже летят перелетные птицы... *(Глядит вверх.)* Лебеди или гуси... Милые мои, счастливые мои... *(Уходит.)*

Андрей. Опустеет наш дом. Уедут офицеры, уедете вы, сестра замуж выйдет, и останусь в доме я один.

Чебутыкин. А жена?

Ферапонт входит с бумагами.

Андрей. Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем этом нечто принижающее ее до мелкого, слепого, этакое шершавого животного. Во всяком случае, она не человек. Говорю вам как другу, единственному человеку, которому могу открыть свою душу. Я люблю Наташу, это так, но иногда она мне кажется удивительно пошлой, и тогда я теряюсь, не понимаю, за что, отчего я так люблю ее, или, по крайней мере, любил...

Чебутыкин (встает). Я, брат, завтра уезжаю, может, никогда не увидимся, так вот тебе мой совет. Знаешь, надень шапку, возьми в руки палку и уходи... уходи и иди, иди без оглядки. И чем дальше уйдешь, тем лучше.

Соленый проходит в глубине сцены с двумя офицерами; увидев Чебутыкина, он поворачивает к нему; офицеры идут дальше.

Соленый. Доктор, пора! Уже половина первого. (Здоровается с Андреем.)

Чебутыкин. Сейчас. Надоели вы мне все. (Андрею.) Если кто спросит меня, Андрюша, то

скажешь, я сейчас... *(Вздыхает.)* Охо-хо-хо!

Соленый. Он ахнуть не успел, как на него медведь напал. *(Идет с ним.)* Что вы кричите, старик?

Чебутыкин. Ну!

Соленый. Как здоровье?

Чебутыкин *(сердито).* Как масло коровье.

Соленый. Старик волнуется напрасно. Я позволю себе немного, я только подстрелю его, как вальдшнепа. *(Вынимает духи и брызгает на руки.)* Вот вылил сегодня целый флакон, а они всё пахнут. Они у меня пахнут трупом.

Пауза.

Так-с... Помните стихи? А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой...

Чебутыкин. Да. Он ахнуть не успел, как на него медведь напал. *(Уходит с Соленым.)*

Слышны крики: «Гоп! Ау!» **Андрей и Феррапонт** входят.

Феррапонт. Бумаги подписать...

Андрей *(нервно).* Отстань от меня! Отстань! Умоляю! *(Уходит с колясочкой.)*

Феррапонт. На то ведь и бумаги, чтоб их подписывать. *(Уходит в глубину сцены.)*

Входят **Ирина** и **Тузенбах** в соломенной шляпе.

Кулыгин проходит через сцену, крича: «Ау, Маша, ау!»

Тузенбах. Это, кажется, единственный человек в городе, который рад, что уходят военные.

Ирина. Это понятно.

Пауза.

Наш город опустеет теперь.

Тузенбах. Милая, я сейчас приду.

Ирина. Куда ты?

Тузенбах. Мне нужно в город, затем... проводить товарищей.

Ирина. Неправда... Николай, отчего ты такой рассеянный сегодня?

Пауза.

Что вчера произошло около театра?

Тузенбах (*нетерпеливое движение*). Через час я вернусь и опять буду с тобой. (*Целует ей руки.*) Ненаглядная моя... (*Всматривается ей в лицо.*) Уже пять лет прошло, как я люблю тебя, и все не могу привыкнуть, и ты кажешься мне все прекраснее. Какие прелестные, чудные волосы! Какие глаза! Я увезу тебя завтра,

мы будем работать, будем богаты, мечты мои оживут. Ты будешь счастлива. Только вот одно, только одно: ты меня не любишь!

Ирина. Это не в моей власти! Я буду твоей женой, и верной, и покорной, но любви нет, что же делать! *(Плачет.)* Я не любила ни разу в жизни. О, я так мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, как дорогой рояль, который заперт и ключ потерян.

Пауза.

У тебя беспокойный взгляд.

Тузенбах. Я не спал всю ночь. В моей жизни нет ничего такого страшного, что могло бы испугать меня, и только этот потерянный ключ терзает мою душу, не дает мне спать. Скажи мне что-нибудь.

Пауза.

Скажи мне что-нибудь...

Ирина. Что? Что? Кругом все так таинственно, старые деревья стоят, молчат... *(Кладет голову ему на грудь.)*

Тузенбах. Скажи мне что-нибудь.

Ирина. Что? Что сказать? Что?

Тузенбах. Что-нибудь.

Ирина. Полно! Полно!

Пауза.

Тузенбах. Какие пустяки, какие глупые мелочи иногда приобретают в жизни значение, вдруг ни с того ни с сего. По-прежнему смеешься над ними, считаешь пустяками, и все же идешь и чувствуешь, что у тебя нет сил остановиться. О, не будем говорить об этом! Мне весело. Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с любопытством и ждет. Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!

Крик: «Ау! Гон-гон!»

Надо идти, уже пора... Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если я и умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе. Прощай, моя милая... *(Целует руки.)* Твои бумаги, что ты мне дала, лежат у меня на столе, под календарем.

Ирина. И я с тобой пойду.

Тузенбах *(тревожно).* Нет, нет! *(Быстро идет, на аллее останавливается.)* Ирина!

Ирина. Что?

Тузенбах *(не зная, что сказать).* Я не пил

сегодня кофе. Скажешь, чтобы мне сварили...
(Быстро уходит.)

Ирина стоит задумавшись, потом уходит в глубину сцены и садится на качели.

Входит Андрей с колясочкой, показывает-ся Феррапонт.

Феррапонт. Андрей Сергеич, бумаги-то ведь не мои, а казенные. Не я их выдумал.

Андрей. О, где оно, куда ушло мое прошлое, когда я был молод, весел, умен, когда я мечтал и мыслил изящно, когда настоящее и будущее мое озарялись надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны, ленивы, равнодушны, бесполезны, несчастны... Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного ученого, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть или страстное желание подражать ему. Только едят, пьют, спят, потом умирают... родятся другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою

гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жены обманывают мужей, а мужья лгут, делают вид, что ничего не видят, ничего не слышат, и неотразимо пошлое влияние гнетет детей, и искра божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери... (*Ферапонту сердито.*) Что тебе?

Ферапонт. Чего? Бумаги подписать.

Андрей. Надоел ты мне.

Ферапонт (*подавая бумаги*). Сейчас швейцар из казенной палаты сказывал... Будто, говорит, зимой в Петербурге мороз был в двести градусов.

Андрей. Настоящее противно, но зато когда я думаю о будущем, то как хорошо! Становится так легко, так просторно; и вдали забрезжит свет, я вижу свободу, я вижу, как я и дети мои становимся свободны от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства...

Ферапонт. Две тысячи людей померзло будто. Народ, говорит, ужасался. Не то в Петербурге, не то в Москве — не упомяну.

Андрей (охваченный нежным чувством). Милые мои сестры, чудные мои сестры! (Сквозь слезы.) Маша, сестра моя...

Наташа (в окне). Кто здесь разговаривает так громко? Это ты, Андрюша? Софочку разбудишь. Il ne faut pas faire du bruit, la Sophie est dormée déjà. Vous êtes un ours[48]. (Рассердившись.) Если хочешь разговаривать, то отдай колясочку с ребенком кому-нибудь другому. Ферапонт, возьми у барина колясочку!

Ферапонт. Слушаю. (Берет колясочку.)

Андрей (сконфуженно). Я говорю тихо.

Наташа (за окном, лаская своего мальчика). Бобик! Шалун Бобик! Дурной Бобик!

Андрей (оглядывая бумаги). Ладно, пересмотрю и, что нужно, подпишу, а ты снесешь опять в управу... (Уходит в дом, читая бумаги; Ферапонт везет колясочку.)

Наташа (за окном). Бобик, как зовут твою маму? Милый, милый! А это кто? Это тетя Оля. Скажи тете: здравствуй, Оля!

Бродячие музыканты, мужчина и девушка, играют на скрипке и арфе, из дому выходят **Вершинин, Ольга и Анфиса** и с минуту слушают молча; подходит **Ирина**.

Ольга. Наш сад, как проходной двор, через него и ходят, и ездят. Няня, дай этим музыкантам что-нибудь!..

Анфиса *(подаёт музыкантам)*. Уходите с богом, сердечные. *(Музыканты кланяются и уходят.)* Горький народ. От сытости не заиграешь. *(Ирине.)* Здравствуй, Ариша! *(Целует ее.)* И-и, деточка, вот живу! Вот живу! В гимназии на казенной квартире, золотая, вместе с Олюшкой — определил господь на старости лет. Отродясь я, грешница, так не жила... Квартира большая, казенная, и мне цельная комнатка и кровать. Все казенное. Проснусь ночью и — о господи, мать божия, счастливей меня человека нету!

Вершинин *(взглянув на часы)*. Сейчас уходим, Ольга Сергеевна. Мне пора.

Пауза.

Я желаю вам всего, всего... Где Мария Сергеевна?

Ирина. Она где-то в саду. Я пойду поищу ее.

Вершинин. Будьте добры. Я тороплюсь.

Анфиса. Пойду и я поищу. *(Кричит.)* Машенька, ау!

Уходит вместе с Ириной в глубину сада.

А-у, а-у!

Вершинин. Все имеет свой конец. Вот и мы расстаемся. *(Смотрит на часы.)* Город давал нам что-то вроде завтрака, пили шампанское, городской голова говорил речь, я ел и слушал, а душой был здесь, у вас... *(Оглядывается сад.)* Привык я к вам.

Ольга. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

Вершинин. Должно быть, нет.

Пауза.

Жена моя и обе девочки проживут здесь еще месяца два; пожалуйста, если что случится или что понадобится...

Ольга. Да, да, конечно. Будьте покойны.

Пауза.

В городе завтра не будет уже ни одного военного, все станет воспоминанием, и, конечно, для нас начнется новая жизнь...

Пауза.

Все делается не по-нашему. Я не хотела быть начальницей и все-таки сделалась ею. В Москве, значит, не быть...

Вершинин. Ну... Спасибо вам за все. Простите мне, если что не так... Много, очень уж

много я говорил — и за это простите, не поминайте лихом.

Ольга (*утирает глаза*). Что ж это Маша не идет...

Вершинин. Что же еще вам сказать на прощание? О чем пофилософствовать?.. (*Смеется*.) Жизнь тяжела. Она представляется многим из нас глухой и безнадежной, но все же, надо сознаться, она становится все яснее и легче, и, по-видимому, не далеко время, когда она станет совсем ясной. (*Смотрит на часы*.) Пора мне, пора! Прежде человечество было занято войнами, заполняя все свое существование походами, набегам, победами, теперь же все это отжило, оставив после себя громадное пустое место, которое пока нечем заполнить; человечество страстно ищет и, конечно, найдет. Ах, только бы поскорее!

Пауза.

Если бы, знаете, к трудолюбию прибавить образование, а к образованию трудолюбие. (*Смотрит на часы*.) Мне, однако, пора...

Ольга. Вот она идет.

Маша *входит*.

Вершинин. Я пришел проститься...

Ольга отходит немного в сторону, чтобы не помешать прощанию.

Маша (смотрит ему в лицо). Прощай...

Продолжительный поцелуй.

Ольга. Будет, будет...

Маша сильно рыдает.

Вершинин. Пиши мне... Не забывай!пусти меня... пора... Ольга Сергеевна, возьмите ее, мне уже... пора... опоздал... (*Растроганный, целует руки Ольге, потом еще раз обнимает Машу и быстро уходит.*)

Ольга. Будет, Маша! Перестань, милая...

Входит Кульгин.

Кульгин (в смущении). Ничего, пусть поплачет, пусть... Хорошая моя Маша, добрая моя Маша... Ты моя жена, и я счастлив, что бы там ни было... Я не жалуясь, не делаю тебе ни одного упрека... вот и Оля свидетельница... Начнем жить опять по-старому, и я тебе ни одного слова, ни намека...

Маша (сдерживая рыдания). У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... золотая цепь на дубе том... Я с ума схожу... У лукоморья... дуб зеленый...

Ольга. Успокойся, Маша... Успокойся... Дай

ей воды.

Маша. Я больше не плачу...

Кулыгин. Она уже не плачет... она добрая...

Слышен глухой далекий выстрел.

Маша. У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... Кот зеленый... дуб зеленый... Я путаю... *(Пьет воду.)* Неудачная жизнь... Ничего мне теперь не нужно... Я сейчас успокоюсь... Все равно... Что значит у лукоморья? Почему это слово у меня в голове? Путаются мысли.

Ирина *входит.*

Ольга. Успокойся, Маша. Ну, вот умница...
Пойдем в комнату.

Маша *(сердито).* Не пойду я туда. *(Рыдает, но тотчас же останавливается.)* Я в дом уже не хожу, и не пойду...

Ирина. Давайте посидим вместе, хоть помолчим. Ведь завтра я уезжаю...

Пауза.

Кулыгин. Вчера в третьем классе у одного мальчугана я отнял вот усы и бороду... *(Надевает усы и бороду.)* Похож на учителя немецкого языка... *(Смеется.)* Не правда ли? Смеш-

ные эти мальчишки.

Маша. В самом деле похож на вашего немца.

Ольга (*смеется*). Да.

Маша плачет.

Ирина. Будет, Маша!

Кулыгин. Очень похож...

Входит Наташа.

Наташа (*горничной*). Что? С Софочкой посидит Протопопов, Михаил Иванович, а Бобика пусть покатает Андрей Сергеич. Столько хлопот с детьми... (*Ирине.*) Ты завтра уезжаешь, Ирина, — такая жалость. Останься еще хоть недельку. (*Увидев Кулыгина, вскрикивает; тот смеется и снимает усы и бороду.*) Ну вас совсем, испугали! (*Ирине.*) Я к тебе привыкла и расстаться с тобой, ты думаешь, мне будет легко? В твою комнату я велю переселить Андрея с его скрипкой — пусть там пилит! — а в его комнату мы поместим Софочку. Дивный, чудный ребенок! Что за девчурочка! Сегодня она посмотрела на меня своими глазками и — «мама»!

Кулыгин. Прекрасный ребенок, это верно.

Наташа. Значит, завтра я уже одна тут.

(Вздыхает.) Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен. По вечерам он такой страшный, некрасивый... *(Ирине.)* Милая, совсем не к лицу тебе этот пояс... Это безвкусица. Надо что-нибудь светленькое. И тут везде я велю понасажать цветочков, цветочков, и будет запах... *(Строго.)* Зачем здесь на скамье валяется вилка? *(Проходя в дом, горничной.)* Зачем здесь на скамье валяется вилка, я спрашиваю? *(Кричит.)* Молчать!

Кулыгин. Разошлась!

За сценой музыка играет марш; все слушают.

Ольга. Уходят.

Входит Чебутыкин.

Маша. Уходят наши. Ну, что ж... Счастливый им путь! *(Мужу.)* Надо домой... Где моя шляпа и тальма...

Кулыгин. Я в дом отнес... Принесу сейчас. *(Уходит в дом.)*

Ольга. Да, теперь можно по домам. Пора.

Чебутыкин. Ольга Сергеевна!

Ольга. Что?

Пауза.

Что?

Чебутыкин. Ничего... Не знаю, как сказать вам... *(Шепчет ей на ухо.)*

Ольга *(в испуге)*. Не может быть!

Чебутыкин. Да... такая история... Утомился я, замучился, больше не хочу говорить... *(С досадой.)* Впрочем, все равно!

Маша. Что случилось?

Ольга *(обнимает Ирину)*. Ужасный сегодня день... Я не знаю, как тебе сказать, моя дорогая...

Ирина. Что? Говорите скорей: что? Бога ради! *(Плачет.)*

Чебутыкин. Сейчас на дуэли убит барон.

Ирина. Я знала, я знала...

Чебутыкин *(в глубине сцены садится на скамью)*. Утомился... *(Вынимает из кармана газету.)* Пусть поплачут... *(Тихо напевает.)* Та-ра-ра-бумбия... сижу на тумбе я... Не все ли равно!

Три сестры стоят, прижавшись друг к другу.

Маша. О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем, навсегда, мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

Ирина (*кладет голову на грудь Ольге*). Придет время, все узнают, зачем все это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить... надо работать, только работать! Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она, быть может, нужна. Теперь осень, скоро придет зима, засыплет снегом, а я буду работать, буду работать...

Ольга (*обнимает обеих сестер*). Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О, боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!

Музыка играет все тише и тише; Кулыгин, веселый, улыбающийся, несет шляпу и тальму, Андрей везет другую колясочку, в кото-

рой сидит Бобик.

Чебутькин *(тихо напевает).* Тара... ра... бумбия... сижу на тумбе я... *(Читает газету.)*
Все равно! Все равно!

Ольга. Если бы знать, если бы знать!

Занавес

О вреде табака

Сцена-монолог в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО

Иван Иванович Нюхин, муж своей жены, содержательницы музыкальной школы и женского пансиона.

Сцена представляет эстраду одного из провинциальных клубов.

Нюхин *(с длинными бакенами, без усов, в старом поношенном фраке, величественно входит, кланяется и поправляет жилетку).* Милостивые государыни и некоторым образом милостивые государи. *(Расчесывает бакены.)* Жене моей было предложено, чтобы я с благотворительною целью прочел здесь какую-нибудь популярную лекцию. Что ж? Лекцию так лекцию — мне решительно все рав-

но. Я, конечно, не профессор и чужд ученых степеней, но, тем не менее, все-таки я вот уже тридцать лет, не переставая, можно даже сказать, для вреда собственному здоровью и прочее, работаю над вопросами строго научного свойства, размышляю и даже пишу иногда, можете себе представить, ученые статьи, то есть не то чтобы ученые, а так, извините за выражение, вроде как бы ученые. Между прочим, на сих днях мною написана была громадная статья под заглавием: «О вреде некоторых насекомых». Дочерям очень понравилось, особенно про клопов, я же прочитал и разорвал. Ведь всё равно, как ни пиши, а без персидского порошка не обойтись. У нас даже в рояли клопы... Предметом сегодняшней моей лекции я избрал, так сказать, вред, который приносит человечеству потребление табаку. Я сам курю, но жена моя велела читать сегодня о вреде табака, и, стало быть, нечего тут разговаривать. О табаке так о табаке — мне решительно всё равно, вам же, милостивые государи, предлагаю отнестись к моей настоящей лекции с должною серьезностью, иначе как бы чего не вышло. Кого же пугает

сухая, научная лекция, кому не нравится, тот может не слушать и выйти. *(Поправляет жилетку.)* Особенно прошу внимания у присутствующих здесь господ врачей, которые могут почерпнуть из моей лекции много полезных сведений, так как табак, помимо его вредных действий, употребляется также в медицине. Так, например, если муху посадить в табакерку, то она издохнет, вероятно, от расстройства нервов. Табак есть, главным образом, растение... Когда я читаю лекцию, то обыкновенно подмигиваю правым глазом, но вы не обращайтесь внимания; это от волнения. Я очень нервный человек, вообще говоря, а глазом начал подмигивать в 1889 году 13-го сентября, в тот самый день, когда у моей жены родилась, некоторым образом, четвертая дочь Варвара. У меня все дочери родились 13-го числа. Впрочем *(поглядев на часы)*, ввиду недостатка времени, не станем отклоняться от предмета лекции. Надо вам заметить, жена моя содержит музыкальную школу и частный пансион, то есть не то чтобы пансион, а так, нечто вроде. Между нами говоря, жена любит пожаловаться на недостатки, но у нее кое-что при-

прятано, этак тысяч сорок или пятьдесят, у меня же ни копейки за душой, ни гроша — ну, да что толковать! В пансионе я состою заведующим хозяйственной частью. Я закупаю провизию, проверяю прислугу, записываю расходы, шью тетрадки, вывожу клопов, прогуливаю женину собачку, ловлю мышей... Вчера вечером на моей обязанности лежало выдать кухарке муку и масло, так как предполагались блины. Ну-с, одним словом, сегодня, когда блины были уже испечены, моя жена пришла на кухню сказать, что три воспитанницы не будут кушать блинов, так как у них распухли гланды. Таким образом оказалось, что мы испекли несколько лишних блинов. Куда прикажете девать их? Жена сначала велела отнести их на погреб, а потом подумала, подумала и говорит: «Ешь эти блины сам, чучело». Она, когда бывает не в духе, зовет меня так: чучело, или аспид, или сатана. А какой я сатана? Она всегда не в духе. И я не съел, а проглотил, не жевавши, так как всегда бываю голоден. Вчера, например, она не дала мне обедать. «Тебя, говорит, чучело, кормить не для чего...» Но, однако (*смотрит на часы*),

мы заболтались и несколько уклонились от темы. Будем продолжать. Хотя, конечно, вы охотнее прослушали бы теперь романс, или какую-нибудь этакую симфонию, или арию... *(Запевает.)* «Мы не моргнем в пылу сраженья глазом...» Не помню уж, откуда это... Между прочим, я забыл сказать вам, что в музыкальной школе моей жены, кроме заведования хозяйством, на мне лежит еще преподавание математики, физики, химии, географии, истории, сольфеджио, литературы и прочее. За танцы, пение и рисование жена берет особую плату, хотя танцы и пение преподаю тоже я. Наше музыкальное училище находится в Пятисобачьем переулке, в доме № 13. Вот потому-то, вероятно, и жизнь моя такая неудачная, что живем мы в доме № 13. И дочери мои родились 13-го числа, и в доме у нас 13 окошек... Ну, да что толковать! Для переговоров жену мою можно застать дома во всякое время, а программа школы, если желаете, продается у швейцара по 30 коп. за экземпляр. *(Вынимает из кармана несколько брошюр.)* И вот я, если желаете, могу поделиться. За каждый экземпляр по 30 копеек! Кто желает? *(Па-*

уза.) Никто не желает? Ну, по 20 копеек! (Пауза.) Досадно. Да, дом № 13! Ничто мне не удастся, постарел, поглупел... Вот читаю лекцию, на вид я весел, а самому так и хочется крикнуть во всё горло или полететь куда-нибудь за тридевять земель. И пожаловаться некому, даже плакать хочется... Вы скажете: дочери... Что дочери? Я говорю им, а они только смеются... У моей жены семь дочерей... Нет, виноват, кажется, шесть... (Живо.) Семь! Старшей из них, Анне, двадцать семь лет, младшей семнадцать. Милостивые государи! (Оглядывается.) Я несчастлив, я обратился в дурака, в ничтожество, но в сущности вы видите перед собой счастливейшего из отцов. В сущности это так должно быть, и я не смею говорить иначе. Если б вы только знали! Я прожил с женой тридцать три года, и, могу сказать, это были лучшие годы моей жизни, не то чтобы лучшие, а так вообще. Протекли они, одним словом, как один счастливый миг, собственно говоря, черт бы их побрал совсем. (Оглядывается.) Впрочем, она, кажется, еще не пришла, ее здесь нет, и можно говорить всё, что угодно... Я ужасно боюсь... боюсь, когда она на ме-

ня смотрит. Да, так вот я и говорю: дочери мои не выходят так долго замуж, вероятно, потому, что они застенчивы, и потому, что мужчины их никогда не видят. Вечеров давать жена моя не хочет, на обеды она никого не приглашает, это очень скупая, сердитая, сварливая дама, и потому никто не бывает у нас, но... могу вам сообщить по секрету... *(Приближается к рампе.)* Дочерей моей жены можно видеть по большим праздникам у тетки их Натальи Семеновны, той самой, которая страдает ревматизмом и ходит в таком желтом платье с черными пятнышками, точно вся осыпана тараканами. Там подают и закуски. А когда там не бывает моей жены, то можно и это... *(Щелкает себя по шее.)* Надо вам заметить, пьянею я от одной рюмки, и от этого становится хорошо на душе и в то же время так грустно, что и высказать не могу; вспоминаются почему-то молодые годы, и хочется почему-то бежать, ах если бы вы знали, как хочется! *(С увлечением.)* Бежать, бросить всё и бежать без оглядки... куда? Всё равно куда... лишь бы бежать от этой дрянной, пошлой, дешевенькой жизни, превратившей ме-

ня в старого, жалкого дурака, старого, жалкого идиота, бежать от этой глупой, мелкой, злой, злой, злой скряги, от моей жены, которая мучила меня тридцать три года, бежать от музыки, от кухни, от жениных денег, от всех этих пустяков и пошлостей... и остановиться где-нибудь далеко-далеко в поле и стоять деревом, столбом, огородным пугалом, под широким небом, и глядеть всю ночь, как над тобой стоит тихий, ясный месяц, и забыть, забыть... О, как бы я хотел ничего не помнить!.. Как бы я хотел сорвать с себя этот подлый, старый фрак, в котором я тридцать лет назад венчался... *(срывает с себя фрак)* в котором постоянно читаю лекции с благотворительною целью... Вот тебе! *(Топчет фрак.)* Вот тебе! Стар я, беден, жалок, как эта самая жилетка с ее поношенной, облезлой спиной... *(Показывает спину.)* Не нужно мне ничего! Я выше и чище этого, я был когда-то молод, умен, учился в университете, мечтал, считал себя человеком... Теперь не нужно мне ничего! Ничего бы, кроме покоя... кроме покоя! *(Поглядев в сторону, быстро надевает фрак.)* Однако за кулисами стоит жена... При-

шла и ждет меня там... *(Смотрит на часы.)* Уже прошло время... Если спросит она, то, пожалуйста, прошу вас, скажите ей, что лекция была... что чучело, то есть я, держал себя с достоинством. *(Смотрит в сторону, откашливается.)* Она смотрит сюда... *(Возвысив голос.)* Исходя из того положения, что табак заключает в себе страшный яд, о котором я только что говорил, курить ни в каком случае не следует, и я позволю себе, некоторым образом, надеяться, что эта моя лекция «о вреде табака» принесет свою пользу. Я все сказал. *Dixi et animam levavi!*[49]*(Кланяется и величественно уходит.)*

Вишневый сад
Комедия в 4-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Раневская Любовь Андреевна, помещица.
Аня, ее дочь, 17 лет.

Варя, ее приемная дочь, 24 лет.

Гаев Леонид Андреевич, брат Раневской.

Лопахин Ермолай Алексеевич, купец.

Трофимов Петр Сергеевич, студент.

Симеонов-Пищик Борис Борисович, помещик.

Шарлотта Ивановна, гувернантка.

Епиходов Семен Пантелеевич, конторщик.

Дуняша, горничная.

Фирс, лакей, старик, 87 лет.

Яша, молодой лакей.

Прохожий.

Начальник станции.

Почтовый чиновник.

Гости, прислуга.

Действие происходит в имении Л. А. Раневской.

Действие первое

Комната, которая до сих пор называется Детскою. Одна из дверей ведет в комнату Ани. Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренник. Окна в комнате закрыты.

Входят Дуняша со свечой и Лопахин с книгой в руке.

Лопахин. Пришел поезд, слава богу. Который час?

Дуняша. Скоро два. *(Тушит свечу.)* Уже светло.

Лопахин. На сколько же это опоздал поезд? Часа на два, по крайней мере. *(Зевает и потягивается.)* Я-то хорош, какого дурака сваял! Нарочно приехал сюда, чтобы на станции встретить, и вдруг проспал... Сидя уснул. Досада... Хоть бы ты меня разбудила.

Дуняша. Я думала, что вы уехали. *(Прислушивается.)* Вот, кажется, уже едут.

Лопахин *(прислушивается).* Нет... Багаж получить, то да се...

Пауза.

Любовь Андреевна прожила за границей пять лет, не знаю, какая она теперь стала...

Хороший она человек. Легкий, простой человек. Помню, когда я был мальчонком лет пятнадцати, отец мой покойный — он тогда здесь на деревне в лавке торговал — ударил меня по лицу кулаком, кровь пошла из носу... Мы тогда вместе пришли зачем-то во двор, и он выпивши был. Любовь Андреевна, как сейчас помню, еще молоденькая, такая худенькая, подвела меня к рукомоюнику, вот в этой самой комнате, в детской. «Не плачь, говорит, мужичок, до свадьбы заживет...»

Пауза.

Мужичок... Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башмаках. Со свиным рылом в калашный ряд... Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком... (*Перелистывает книгу.*) Читал вот книгу и ничего не понял. Читал и заснул.

Пауза.

Дуняша. А собаки всю ночь не спали, чувуют, что хозяйева едут.

Лопухин. Что ты, Дуняша, такая...

Дуняша. Руки трясутся. Я в обморок упаду.

Лопухин. Очень уж ты нежная, Дуняша. И

одеваешься, как барышня, и прическа тоже. Так нельзя. Надо себя помнить.

Входит Епиходов с букетом; он в пиджаке и в ярко вычищенных сапогах, которые сильно скрипят; войдя, он роняет букет.

Епиходов (*поднимает букет*). Вот садовник прислал, говорит, в столовой поставить. (*Отдает Дуняше букет.*)

Лопухин. И квасу мне принесешь.

Дуняша. Слушаю. (*Уходит.*)

Епиходов. Сейчас утренник, мороз в три градуса, а вишня вся в цвету. Не могу одобрить нашего климата. (*Вздыхает.*) Не могу. Наш климат не может способствовать в самый раз. Вот, Ермолай Алексеич, позвольте вам присовокупить, купил я себе третьего дня сапоги, а они, смею вас уверить, скрипят так, что нет никакой возможности. Чем бы смазать?

Лопухин. Отстань. Надоел.

Епиходов. Каждый день случается со мной какое-нибудь несчастье. И я не ропщу, привык и даже улыбаюсь.

Дуняша *входит, подает Лопухину квас.*

Я пойду. (*Натыкается на стул, который*

падает.) Вот... (Как бы торжествуя.) Вот видите, извините за выражение, какое обстоятельство, между прочим... Это просто даже замечательно! (Уходит.)

Дуняша. А мне, Ермолай Алексеич, признаться, Епиходов предложение сделал.

Лопахин. А!

Дуняша. Не знаю уж как... Человек он смирный, а только иной раз как начнет говорить, ничего не поймешь. И хорошо, и чувствительно, только непонятно. Мне он как будто и нравится. Он меня любит безумно. Человек он несчастливый, каждый день что-нибудь. Его так и дразнят у нас: двадцать два несчастья...

Лопахин (прислушивается). Вот, кажется, едут...

Дуняша. Едут! Что ж это со мной... похолодела вся.

Лопахин. Едут, в самом деле. Пойдем встречать. Узнает ли она меня? Пять лет не видались.

Дуняша (в волнении). Я сейчас упаду... Ах, упаду!

Слышно, как к дому подъезжают два эки-

пажа. **Лопухин и Дуняша** быстро уходят. Сцена пуста. В соседних комнатах начинается шум. Через сцену, опираясь на палочку, торопливо проходит **Фирс**, ездивший встречать **Любовь Андреевну**; он в старинной ливрее и в высокой шляпе; что-то говорит сам с собой, но нельзя разобрать ни одного слова. Шум за сценой все усиливается. Голос: «Вот пройдетте здесь...» **Любовь Андреевна, Аня и Шарлотта Ивановна** с собачкой на цепочке, одетые по-дорожному. **Варя** в пальто и платке. **Гаев, Симеонов-Пищик, Лопухин, Дуняша** с узлом и зонтиком, **прислуга** с вещами — все идут через комнату.

Аня. Пройдемте здесь. Ты, мама, помнишь, какая это комната?

Любовь Андреевна (радостно, сквозь слезы). Детская!

Варя. Как холодно, у меня руки заочене-ли. (Любови Андреевне.) Ваши комнаты, белая и фиолетовая, такими же и остались, мамочка.

Любовь Андреевна. Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... (Плачет.) И теперь я как ма-

ленькая... *(Целует брата, Варю, потом опять брата.)* А Варя по-прежнему все такая же, на монашку похожа. И Дуняшу я узнала... *(Целует Дуняшу.)*

Гаев. Поезд опоздал на два часа. Каково? Каковы порядки?

Шарлотта *(Пищнику).* Моя собака и орехи кушает.

Пищик *(удивленно).* Вы подумайте!

Уходят все, кроме Ани и Дуняши.

Дуняша. Заждались мы... *(Снимает с Ани пальто, шляпу.)*

Аня. Я не спала в дороге четыре ночи... теперь озябла очень.

Дуняша. Вы уехали в Великом посту, тогда был снег, был мороз, а теперь? Милая моя! *(Смеется, целует ее.)* Заждалась вас, радость моя, светик... Я скажу вам сейчас, одной минутки не могу утерпеть...

Аня *(вяло).* Опять что-нибудь...

Дуняша. Конторщик Епиходов после Святой мне предложение сделал.

Аня. Ты все об одном... *(Поправляет волосы.)* Я растеряла все шпильки... *(Она очень утомлена, даже пошатывается.)*

Дуняша. Уж я не знаю, что и думать. Он меня любит, так любит!

Аня (*глядит в свою дверь, нежно*). Моя комната, мои окна, как будто я не уезжала. Я дома! Завтра утром встану, побегу в сад... О, если бы я могла уснуть! Я не спала всю дорогу, томило меня беспокойство.

Дуняша. Третьего дня Петр Сергеич приехали.

Аня (*радостно*). Петя!

Дуняша. В бане спят, там и живут. Боюсь, говорят, стеснить. (*Взглянув на свои карманные часы.*) Надо бы их разбудить, да Варвара Михайловна не велела. Ты, говорит, его не буди.

Входит Варя, на поясе у нее вязка ключей.

Варя. Дуняша, кофе поскорей... Мамочка кофе просит.

Дуняша. Сию минуточку. (*Уходит.*)

Варя. Ну, слава богу, приехали. Опять ты дома. (*Ласкаясь.*) Душечка моя приехала! Красавица приехала!

Аня. Натерпелась я.

Варя. Воображаю!

Аня. Выехала я на Страстной неделе, тогда

было холодно. Шарлотта всю дорогу говорит, представляет фокусы. И зачем ты навязала мне Шарлотту...

Варя. Нельзя же тебе одной ехать, душечка. В семнадцать лет!

Аня. Приезжаем в Париж, там холодно, снег. По-французски говорю я ужасно. Мама живет на пятом этаже, прихожу к ней, у нее какие-то французы, дамы, старый патер с книжкой, и накурено, неудобно. Мне вдруг стало жаль мамы, так жаль, я обняла ее голову, сжала руками и не могу выпустить. Мама потом все ласкалась, плакала...

Варя (*сквозь слезы*). Не говори, не говори...

Аня. Дачу свою около Ментоны она уже продала, у нее ничего не осталось, ничего. У меня тоже не осталось ни копейки, едва доехали. И мама не понимает! Сядем на вокзале обедать, и она требует самое дорогое и на чай лакеям дает по рублю. Шарлотта тоже. Яша тоже требует себе порцию, просто ужасно. Ведь у мамы лакей Яша, мы привезли его сюда...

Варя. Видела подлеца.

Аня. Ну что, как? Заплатили проценты?

Варя. Где там.

Аня. Боже мой, боже мой...

Варя. В августе будут продавать имение...

Аня. Боже мой...

Лопухин (заглядывает в дверь и мычит).

Ме-е-е... (Уходит.)

Варя (сквозь слезы). Вот так бы и дала ему... (Грозит кулаком.)

Аня (обнимает Варю, тихо). Варя, он сделал предложение? (Варя отрицательно качает головой.) Ведь он же тебя любит... Отчего вы не объяснитесь, чего вы ждете?

Варя. Я так думаю, ничего у нас не выйдет. У него дела много, ему не до меня... и внимания не обращает. Бог с ним совсем, тяжело мне его видеть... Все говорят о нашей свадьбе, все поздравляют, а на самом деле ничего нет, всё как сон... (Другим тоном.) У тебя брошка вроде как пчелка.

Аня (печально). Это мама купила. (Идет в свою комнату, говорит весело, по-детски.) А в Париже я на воздушном шаре летала!

Варя. Душечка моя приехала! Красавица приехала!

Дуняша уже вернулась с кофейником и ва-

рит кофе.

(Стоит около двери.) Хожу я, душечка, цельный день по хозяйству и все мечтаю. Выдать бы тебя за богатого человека, и я бы тогда была покойней, пошла бы себе в пустынь, потом в Киев... в Москву, и так бы все ходила по святым местам... Ходила бы и ходила. Благолепие!..

Аня. Птицы поют в саду. Который теперь час?

Варя. Должно, третий. Тебе пора спать, душечка. *(Входя в комнату к Ане.)* Благолепие!

Входит Яша с пледом, дорожной сумочкой.

Яша *(идет через сцену, деликатно)*. Тут можно пройти-с?

Дуняша. И не узнаешь вас, Яша. Какой вы стали за границей.

Яша. Гм... А вы кто?

Дуняша. Когда вы уезжали отсюда, я была этакой... *(Показывает от пола.)* Дуняша, Федора Козоедова дочь. Вы не помните!

Яша. Гм... Огурчик! *(Оглядывается и обнимает ее; она вскрикивает и роняет блюдечко. Яша быстро уходит.)*

Варя (в дверях, недовольным голосом). Что еще тут?

Дуняша (сквозь слезы). Блюдечко разбила...

Варя. Это к добру.

Аня (выйдя из своей комнаты). Надо бы маму предупредить: Петя здесь...

Варя. Я приказала его не будить.

Аня (задумчиво.) Шесть лет тому назад умер отец, через месяц утонул в реке брат Гриша, хорошенький семилетний мальчик. Мама не перенесла, ушла, ушла без оглядки... (Вздрагивает.) Как я ее понимаю, если бы она знала!

Пауза.

А Петя Трофимов был учителем Гриши, он может напомнить...

Входит Фирс; он в пиджаке и белом жилете.

Фирс (идет к кофейнику, озабоченно). Барыня здесь будут кушать... (Надевает белые перчатки.) Готов кофий? (Строго Дуняше.) Ты! А сливки?

Дуняша. Ах, боже мой... (Быстро уходит.)

Фирс (хлопочет около кофейника). Эх ты, недотёпа... (Бормочет про себя.) Приехали из

Парижа... И барин когда-то ездил в Париж... на лошадях... *(Смеется.)*

Варя. Фирс, ты о чем?

Фирс. Чего изволите? *(Радостно.)* Барыня моя приехала! Дождался! Теперь хоть и помереть... *(Плачет от радости.)*

Входят Любовь Андреевна, Гаев, Лопахин и Симеонов-Пищик; Симеонов-Пищик в поддевке из тонкого сукна и шароварах. Гаев, входя, руками и туловищем делает движения, как будто играет на бильярде.

Любовь Андреевна. Как это? Дай-ка вспомнить... Желтого в угол! Дуплет в середину!

Гаев. Режу в угол! Когда-то мы с тобой, сестра, спали вот в этой самой комнате, а теперь мне уже пятьдесят один год, как это ни странно...

Лопахин. Да, время идет.

Гаев. Кого?

Лопахин. Время, говорю, идет.

Гаев. А здесь пачулями пахнет.

Аня. Я спать пойду. Спокойной ночи, мама. *(Целует мать.)*

Любовь Андреевна. Ненаглядная дитюся

моя. *(Целует ей руки.)* Ты рада, что ты дома? Я никак в себя не приду.

Аня. Прощай, дядя.

Гаев *(целует ей лицо, руки).* Господь с тобой. Как ты похожа на свою мать! *(Сестре.)* Ты, Люба, в ее годы была точно такая.

Аня *подает руку Лопихину и Пищичу, уходит и затворяет за собой дверь.*

Любовь Андреевна. Она утомилась очень.

Пищик. Дорога, небось, длинная.

Варя *(Лопихину и Пищичу).* Что ж, господа? Третий час, пора и честь знать.

Любовь Андреевна *(смеется).* Ты все такая же, Варя. *(Привлекает ее к себе и целует.)* Вот выпью кофе, тогда все уйдем.

Фирс *кладет ей под ноги подушечку.*

Спасибо, родной. Я привыкла к кофе. Пью его и днем и ночью. Спасибо, мой старичок. *(Целует Фирса.)*

Варя. Поглядеть, все ли вещи привезли... *(Уходит.)*

Любовь Андреевна. Неужели это я сижу? *(Смеется.)* Мне хочется прыгать, размахивать руками. *(Закрывает лицо руками.)* А вдруг я сплю! Видит бог, я люблю родину, люблю

нежно, я не могла смотреть из вагона, все плакала. *(Сквозь слезы.)* Однако же надо пить кофе. Спасибо тебе, Фирс, спасибо, мой старичок. Я так рада, что ты еще жив.

Фирс. Позавчера.

Гаев. Он плохо слышит.

Лопахин. Мне сейчас, в пятом часу утра, в Харьков ехать. Такая досада! Хотелось поглядеть на вас, поговорить... Вы все такая же великолепная.

Пищик *(тяжело дышит)*. Даже похорошела... Одеты по-парижскому... пропадай моя телега, все четыре колеса...

Лопахин. Ваш брат, вот Леонид Андреич, говорит про меня, что я хам, я кулак, но это мне решительно все равно. Пускай говорит. Хотелось бы только, чтобы вы мне верили по-прежнему, чтобы ваши удивительные, трогательные глаза глядели на меня, как прежде. Боже милосердный! Мой отец был крепостным у вашего деда и отца, но вы, собственно вы, сделали для меня когда-то так много, что я забыл все и люблю вас, как родную... больше, чем родную.

Любовь Андреевна. Я не могу усидеть, не

в состоянии... *(Вскакивает и ходит в сильном волнении.)* Я не переживу этой радости... Смейтесь надо мной, я глупая... Шкафик мой родной... *(Целует шкаф.)* Столик мой.

Гаев. А без тебя тут няня умерла.

Любовь Андреевна *(садится и пьет кофе).* Да, царство небесное. Мне писали.

Гаев. И Анастасий умер. Петрушка Косой от меня ушел и теперь в городе у пристава живет. *(Вынимает из кармана коробку с леденцами, сосет.)*

Пищик. Дочка моя, Дашенька... вам кланяется...

Лопухин. Мне хочется сказать вам что-нибудь очень приятное, веселое. *(Взглянув на часы.)* Сейчас уеду, некогда разговаривать... ну, да я в двух-трех словах. Вам уже известно, вишневый сад ваш продается за долги, на двадцать второе августа назначены торги, но вы не беспокойтесь, моя дорогая, спите себе спокойно, выход есть... Вот мой проект. Прошу внимания! Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и

отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода.

Гаев. Извините, какая чепуха!

Любовь Андреевна. Я вас не совсем понимаю, Ермолай Алексеич.

Лопухин. Вы будете брать с дачников самое малое по двадцати пяти рублей в год за десятину, и если теперь же объявите, то я ручаюсь чем угодно, у вас до осени не останется ни одного свободного клочка, всё разберут. Одним словом, поздравляю, вы спасены. Местоположение чудесное, река глубокая. Только, конечно, нужно поубрать, почистить... например, скажем, снести все старые постройки, вот этот дом, который уже никуда не годится, вырубить старый вишневый сад...

Любовь Андреевна. Вырубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете. Если во всей губернии есть что-нибудь интересное, даже замечательное, так это только наш вишневый сад.

Лопухин. Замечательного в этом саду только то, что он очень большой. Вишня родится раз в два года, да и ту девать некуда, ни-

кто не покупает.

Гаев. И в «Энциклопедическом словаре» упоминается про этот сад.

Лопухин (*взглянув на часы*). Если ничего не придумаем и ни к чему не придем, то двадцать второго августа и вишневый сад, и все имение будут продавать с аукциона. Решайтесь же! Другого выхода нет, клянусь вам. Нет и нет.

Фирс. В прежнее время, лет сорок-пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало...

Гаев. Помолчи, Фирс.

Фирс. И, бывало, сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... Способ тогда знали...

Любовь Андреевна. А где же теперь этот способ?

Фирс. Забыли. Никто не помнит.

Пищик (*Любови Андреевне*). Что в Париже? Как? Ели лягушек?

Любовь Андреевна. Крокодилов ела.

Пищик. Вы подумайте...

Лопухин. До сих пор в деревне были толь-

ко господи и мужики, а теперь появились еще дачники. Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десятине он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным...

Гаев (возмущаясь). Какая чепуха!

Входят Варя и Яша.

Варя. Тут, мамочка, вам две телеграммы. *(Выбирает ключ и со звоном отпирает старинный шкаф.)* Вот они.

Любовь Андреевна. Это из Парижа. *(Читает телеграммы, не прочитав.)* С Парижем кончено...

Гаев. А ты знаешь, Люба, сколько этому шкафу лет? Неделю назад я выдвинул нижний ящик, гляжу, а там выжжены цифры. Шкаф сделан ровно сто лет тому назад. Какое? А? Можно было бы юбилей отпраздновать. Предмет неодушевленный, а все-таки, как-никак, книжный шкаф.

Пищик (удивленно). Сто лет... Вы подумай-

те!..

Гаев. Да... Это вещь... *(Ощупав шкаф.)* Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая *(сквозь слезы)* в поколениях нашего рода бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания.

Пауза.

Лопехин. Да...

Любовь Андреевна. Ты все такой же, Леня.

Гаев *(немного сконфуженный)*. От шара направо в угол! Режу в среднюю!

Лопехин *(поглядев на часы)*. Ну, мне пора.

Яша *(подает Любови Андреевне лекарства)*.
. Может, примете сейчас пилюли...

Пищик. Не надо принимать медикаменты, милейшая... от них ни вреда, ни пользы... Дайте-ка сюда... многоуважаемая. *(Берет пилюли, высыпает их себе на ладонь, дует на них, кладет в рот и запивает квасом.)* Вот!

Любовь Андреевна *(испуганно)*. Да вы с

ума сошли!

Пищик. Все пилюли принял.

Лопяхин. Экая прорва.

Все смеются.

Фирс. Они были у нас на Святой, полведра
огурцов скушали... *(Бормочет.)*

Любовь Андреевна. О чем это он?

Варя. Уж три года так бормочет. Мы при-
выкли.

Яша. Преклонный возраст.

*Шарлотта Ивановна в белом платье,
очень худая, стянутая, с лорнеткой на поясе
проходит через сцену.*

Лопяхин. Простите, Шарлотта Ивановна, я
не успел еще поздороваться с вами. *(Хочет
поцеловать у нее руку.)*

Шарлотта *(отнимая руку).* Если позволить
вам поцеловать руку, то вы потом пожелаете
в локоть, потом в плечо...

Лопяхин. Не везет мне сегодня.

Все смеются.

Шарлотта Ивановна, покажите фокус!

Любовь Андреевна. Шарлотта, покажите
фокус!

Шарлотта. Не надо. Я спать желаю. *(Ухо-*

дит.)

Лопухин. Через три недели увидимся. (Целует Любви Андреевне руку.) Пока прощайте. Пора. (Гаеву.) До свиданья. (Целуется с Пищиком.) До свиданья. (Подает руку Варя, потом Фирсу и Яше.) Не хочется уезжать. (Любви Андреевне.) Ежели надумаете насчет дач и решите, тогда дайте знать, я займы тысяч пятьдесят достану. Seriously подумайте.

Варя (сердито). Да уходите же наконец!

Лопухин. Ухожу, ухожу... (Уходит.)

Гаев. Хам. Впрочем, пардон... Варя выходит за него замуж, это Варин женишок.

Варя. Не говорите, дядечка, лишнего.

Любовь Андреевна. Что ж, Варя, я буду очень рада. Он хороший человек.

Пищик. Человек, надо правду говорить... достойнейший... И моя Дашенька... тоже говорит, что... разные слова говорит. (Храпит, но тотчас же просыпается.) А все-таки, многоуважаемая, одолжите мне... займы двести сорок рублей... завтра по закладной проценты платить...

Варя (испуганно). Нету, нету!

Любовь Андреевна. У меня в самом деле

нет ничего.

Пищик. *Найдутся. (Смеется.)* Не теряю никогда надежды. Вот, думаю, уж все пропало, погиб, ан глядь, — железная дорога по моей земле прошла, и... мне заплатили. А там, гляди, еще что-нибудь случится не сегодня-завтра... Двести тысяч выиграет Дашенька... у нее билет есть.

Любовь Андреевна. Кофе выпит, можно на покой.

Фирс *(чистит щеткой Гаева, наставительно).* Опять не те брючки надели. И что мне с вами делать!

Варя *(тихо).* Аня спит. *(Тихо отворяет окно.)* Уже взошло солнце, не холодно. Взгляните, мамочка: какие чудесные деревья! Боже мой, воздух! Скворцы поют!

Гаев *(отворяет другое окно).* Сад весь белый. Ты не забыла, Люба? Вот эта длинная аллея идет прямо, прямо, точно протянутый ремень, она блестит в лунные ночи. Ты помнишь? Не забыла?

Любовь Андреевна *(глядит в окно на сад).* О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просы-

палось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. *(Смеется от радости.)* Весь, весь белый! О, сад мой! После темной, ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя... Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!

Гаев. Да, и сад продадут за долги, как это ни странно...

Любовь Андреевна. Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! *(Смеется от радости.)* Это она.

Гаев. Где?

Варя. Господь с вами, мамочка.

Любовь Андреевна. Никого нет, мне показалось. Направо, на повороте к беседке, белое деревцо склонилось, похоже на женщину...

Входит Трофимов, в поношенном студенческом мундире, в очках.

Какой изумительный сад! Белые массы цветов, голубое небо...

Трофимов. Любовь Андреевна!

Она оглянулась на него.

Я только поклонюсь вам и тотчас же уйду.

(Горячо целует руку.) Мне приказано было ждать до утра, но у меня не хватило терпения...

Любовь Андреевна *глядит с недоумением.*

Варя *(сквозь слезы).* Это Петя Трофимов...

Трофимов. Петя Трофимов, бывший учитель вашего Гриши... Неужели я так изменился?

Любовь Андреевна обнимает его и тихо плачет.

Гаев *(смущенно).* Полно, полно, Люба.

Варя *(плачет).* Говорила ведь, Петя, чтобы погодили до завтра.

Любовь Андреевна. Гриша мой... мой мальчик... Гриша... сын...

Варя. Что же делать, мамочка. Воля божья.

Трофимов *(мягко, сквозь слезы).* Будет, будет...

Любовь Андреевна *(тихо плачет).* Мальчик погиб, утонул... Для чего? Для чего, мой друг? *(Тише.)* Там Аня спит, а я громко говорю... поднимаю шум... Что же, Петя? Отчего вы так подурнели? Отчего постарели?

Трофимов. Меня в вагоне одна баба назвала так: облезлый барин.

Любовь Андреевна. Вы были тогда совсем мальчиком, милым студентиком, а теперь волосы не густые, очки. Неужели вы все еще студент? *(Идет к двери.)*

Трофимов. Должно быть, я буду вечным студентом.

Любовь Андреевна *(целует брата, потом Варю)*. Ну, идите спать... Постарел и ты, Леонид.

Пищик *(идет за ней)*. Значит, теперь спать... Ох, подагра моя. Я у вас останусь... Мне бы, Любовь Андреевна, душа моя, завтра утречком... двести сорок рублей...

Гаев. А этот все свое.

Пищик. Двести сорок рублей... проценты по закладной платить.

Любовь Андреевна. Нет у меня денег, голубчик.

Пищик. Отдам, милая... Сумма пустяшная...

Любовь Андреевна. Ну, хорошо, Леонид даст... Ты дай, Леонид.

Гаев. Дам я ему, держи карман.

Любовь Андреевна. Что же делать, дай... Ему нужно... Он отдаст.

Любовь Андреевна, Трофимов, Пищик и Фирс уходят. Остаются Гаев, Варя и Яша.

Гаев. Сестра не отвыкла еще сорить деньгами. *(Яше.)* Отойди, любезный, от тебя курицей пахнет.

Яша *(с усмешкой)*. А вы, Леонид Андреич, все такой же, как были.

Гаев. Кого? *(Варе.)* Что он сказал?

Варя *(Яше)*. Твоя мать пришла из деревни, со вчерашнего дня сидит в людской, хочет по-видаться...

Яша. Бог с ней совсем!

Варя. Ах, бесстыдник!

Яша. Очень нужно. Могла бы и завтра прийти. *(Уходит.)*

Варя. Мамочка такая же, как была, несколько не изменилась. Если б ей волю, она бы все раздала.

Гаев. Да...

Пауза.

Если против какой-нибудь болезни предлагается очень много средств, то это значит, что болезнь неизлечима. Я думаю, напрягаю мозги, у меня много средств, очень много и, значит, в сущности ни одного. Хорошо бы по-

лучить от кого-нибудь наследство, хорошо бы выдать нашу Аню за очень богатого человека, хорошо бы поехать в Ярославль и попытаться счастья у тетушки-графини. Тетка ведь очень, очень богата.

Варя (*плачет*). Если бы бог помог.

Гаев. Не реви. Тетка очень богата, но нас она не любит. Сестра, во-первых, вышла замуж за присяжного поверенного, не дворянина...

Аня *показывается в дверях.*

Вышла за не дворянина и вела себя нельзя сказать чтобы очень добродетельно. Она хорошая, добрая, славная, я ее очень люблю, но, как там ни придумывай смягчающие обстоятельства, все же, надо сознаться, она порочна. Это чувствуется в ее малейшем движении.

Варя (*шепотом*). Аня стоит в дверях.

Гаев. Кого?

Пауза.

Удивительно, мне что-то в правый глаз попало... плохо стал видеть. И в четверг, когда я был в окружном суде...

Входит Аня.

Варя. Что же ты не спишь, Аня?

Аня. Не спится. Не могу.

Гаев. Крошка моя. *(Целует Ане лицо, руки.)*
Дитя мое... *(Сквозь слезы.)* Ты не племянница,
ты мой ангел, ты для меня все. Верь мне,
верь...

Аня. Я верю тебе, дядя. Тебя все любят, уважают... но, милый дядя, тебе надо молчать, только молчать. Что ты говорил только что про мою маму, про свою сестру? Для чего ты это говорил?

Гаев. Да, да... *(Ее рукой закрывает себе лицо.)* В самом деле, это ужасно! Боже мой! Боже, спаси меня! И сегодня я речь говорил перед шкафом... так глупо! И только когда кончил, понял, что глупо...

Варя. Правда, дядечка, вам надо бы молчать. Молчите себе, и все.

Аня. Если будешь молчать, то тебе же самому будет покойнее.

Гаев. Молчу. *(Целует Ане и Варе руки.)*
Молчу. Только вот о деле. В четверг я был в окружном суде, ну, сошлась компания, начался разговор о том, о сем, пятое-десятое, и, кажется, вот можно будет устроить заем под векселя, чтобы заплатить проценты в банк.

Варя. Если бы господь помог!

Гаев. Во вторник поеду, еще раз поговорю. *(Варе.)* Не реви. *(Ане.)* Твоя мама поговорит с Лопахиным; он, конечно, ей не откажет... А ты, как отдохнешь, поедешь в Ярославль к графине, твоей бабушке. Вот так и будем действовать с трех концов — и дело наше в шляпе. Проценты мы заплатим, я убежден... *(Кладет в рот леденец.)* Честью моей, чем хочешь, клянусь, имение не будет продано! *(Возбужденно.)* Счастьем моим клянусь! Вот тебе моя рука, назови меня тогда дрянным, бесчестным человеком, если я допущу до аукциона! Всем существом моим клянусь!

Аня *(спокойное настроение вернулось к ней, она счастлива).* Какой ты хороший, дядя, какой умный! *(Обнимает дядю.)* Я теперь покойна! Я покойна! Я счастлива!

Входит Фирс.

Фирс *(укоризненно).* Леонид Андреич, бога вы не боитесь! Когда же спать?

Гаев. Сейчас, сейчас. Ты уходи, Фирс. Я уж так и быть, сам разденусь. Ну, детки, бай-бай... Подробности завтра, а теперь идите спать. *(Целует Аню и Варю.)* Я человек вось-

мидесятых годов... Не хвалят это время, но все же могу сказать, за убеждения мне доставалось немало в жизни. Недаром меня мужик любит. Мужика надо знать! Надо знать, с какой...

Аня. Опять ты, дядя!

Варя. Вы, дядечка, молчите.

Фирс (*сердито*). Леонид Андреич!

Гаев. Иду, иду... Ложитесь. От двух бортов в середину! Кладу чистого... (*Уходит, за ним семенит Фирс.*)

Аня. Я теперь покойна. В Ярославль ехать не хочется, я не люблю бабушку, но все же я покойна. Спасибо дяде. (*Садится.*)

Варя. Надо спать. Пойду. А тут без тебя было неудовольствие. В старой людской, как тебе известно, живут одни старые слуги: Ефимьюшка, Поля, Евстигней, ну и Карп. Стали они пускать к себе ночевать каких-то проходимцев — я промолчала. Только вот, слышу, распустили слух, будто я велела кормить их одним только горохом. От скупости, видишь ли... И это все Евстигней... Хорошо, думаю. Коли так, думаю, то погоди же. Зову я Евстигней... (*Зевает.*) Приходит... Как же ты, говорю,

Евстигней... дурак ты этакой... (Поглядев на Аню.) Анечка!..

Пауза.

Заснула!.. (Берет Аню под руку.) Пойдем в постельку... Пойдем!.. (Ведет ее.) Душечка моя уснула! Пойдем...

Идут.

Далеко за садом пастух играет на свирели.

Трофимов идет через сцену и, увидев Варю и Аню, останавливается.

Тссс... Она спит... спит... Пойдем, родная.

Аня (тихо, в полусне). Я так устала... все колокольчики... Дядя... милый... и мама и дядя...

Варя. Пойдем, родная, пойдем... (Уходят в комнату Ани.)

Трофимов (в умилении). Солнышко мое! Весна моя!

Занавес

Действие второе

Поле. Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами, и старая скамья. Видна дорога в усадьбу Гаева. В стороне, возвышаясь, темнеют тополи: там начинается виш-

невый сад. Вдали ряд телеграфных столбов, и далеко-далеко на горизонте неясно обозначается большой город, который бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду. Скоро сядет солнце. **Шарлотта, Яша и Дуняша** сидят на скамье; **Епиходов** стоит возле и играет на гитаре; все сидят задумавшись. Шарлотта в старой фуражке; она сняла с плеч ружье и поправляет пряжку на ремне.

Шарлотта (в раздумье). У меня нет настоящего паспорта, я не знаю, сколько мне лет, и мне все кажется, что я молоденькая. Когда я была маленькой девочкой, то мой отец и мамаша ездили по ярмаркам и давали представления, очень хорошие. А я прыгала salto mortale и разные штучки. И когда папаша и мамаша умерли, меня взяла к себе одна немецкая госпожа и стала меня учить. Хорошо. Я выросла, потом пошла в гувернантки. А откуда я и кто я — не знаю... Кто мои родители, может, они не венчались... не знаю. (Достает из кармана огурец и ест.) Ничего не знаю.

Пауза.

Так хочется поговорить, а не с кем... Нико-

го у меня нет.

Епиходов (*играет на гитаре и поет*). «Что мне до шумного света, что мне друзья и враги...» Как приятно играть на мандолине!

Дуняша. Это гитара, а не мандолина. (*Глядится в зеркальце и пудрится.*)

Епиходов. Для безумца, который влюблен, это мандолина... (*Напевает.*) «Было бы сердце согрето жаром взаимной любви...»

Яша подпевает.

Шарлотта. Ужасно поют эти люди... фуй! Как шакалы.

Дуняша (*Яше*). Все-таки какое счастье побывать за границей.

Яша. Да, конечно. Не могу с вами не согласиться. (*Зевает, потом закуривает сигару.*)

Епиходов. Понятное дело. За границей всё давно уж в полной комплектции.

Яша. Само собой.

Епиходов. Я развитой человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять направления, чего мне собственно хочется, жить мне или застрелиться, собственно говоря, но тем не менее я всегда ношу при себе револьвер. Вот он... (*Показывает револьвер.*)

вер.)

Шарлотта. Кончила. Теперь пойду. *(Надевает ружье.)* Ты, Епиходов, очень умный человек и очень страшный; тебя должны безумно любить женщины. Бррр! *(Идет.)* Эти умники все такие глупые, не с кем мне поговорить... Все одна, одна, никого у меня нет и... и кто я, зачем я, неизвестно... *(Уходит не спеша.)*

Епиходов. Собственно говоря, не касаясь других предметов, я должен выразиться о себе, между прочим, что судьба относится ко мне без сожаления, как буря к небольшому кораблю. Если, допустим, я ошибаюсь, тогда зачем же сегодня утром я просыпаюсь, к примеру сказать, гляжу, а у меня на груди страшной величины паук... Вот такой. *(Показывает обеими руками.)* И тоже квасу возьмешь, чтобы напиться, а там глядишь, что-нибудь в высшей степени неприличное, вроде таракана.

Пауза.

Вы читали Бокля?

Пауза.

Я желаю побеспокоить вас, Авдотья Федо-

ровна, на пару слов.

Дуняша. Говорите.

Епиходов. Мне бы желательно с вами наедине... *(Вздыхает.)*

Дуняша *(смущенно)*. Хорошо... только сначала принесите мне мою тальмочку... Она около шкафа... тут немножко сыро...

Епиходов. Хорошо-с... принесу-с... Теперь я знаю, что мне делать с моим револьвером... *(Берет гитару и уходит, наигрывая.)*

Яша. Двадцать два несчастья! Глупый человек, между нами говоря. *(Зевает.)*

Дуняша. Не дай бог, застрелится.

Пауза.

Я стала тревожная, все беспокоюсь. Меня еще девочкой взяли к господам, я теперь отвыкла от простой жизни, и вот руки белые-белые, как у барышни. Нежная стала, такая деликатная, благородная, всего боюсь... Страшно так. И если вы, Яша, обманете меня, то я не знаю, что будет с моими нервами.

Яша *(целует ее)*. Огурчик! Конечно, каждая девушка должна себя помнить, и я больше всего не люблю, ежели девушка дурного поведения.

Дуняша. Я страстно полюбила вас, вы образованный, можете обо всем рассуждать.

Пауза.

Яша *(зевает)*. Да-с... По-моему, так: ежели девушка кого любит, то она, значит, безнравственная.

Пауза.

Приятно выкурить сигару на чистом воздухе... *(Прислушивается.)* Сюда идут... Это господа...

Дуняша порывисто обнимает его.

Идите домой, будто ходили на реку купаться, идите этой дорожкой, а то встретятся и подумают про меня, будто я с вами на свидании. Терпеть этого не могу.

Дуняша *(тихо кашляет)*. У меня от сигары голова разболелась... *(Уходит.)*

Яша остается, сидит возле часовни.

Входят Любовь Андреевна, Гаев и Лопахин.

Лопахин. Надо окончательно решить — время не ждет. Вопрос ведь совсем пустой. Согласны вы отдать землю под дачи или нет? Ответьте одно слово: да или нет? Только одно слово!

Любовь Андреевна. Кто это здесь курит отвратительные сигары... *(Садится.)*

Гаев. Вот железную дорогу построили, и стало удобно. *(Садится.)* Съездили в город и позавтракали... желтого в середину! Мне бы сначала пойти в дом, сыграть одну партию...

Любовь Андреевна. Успеешь.

Лопехин. Только одно слово! *(Умоляюще.)* Дайте же мне ответ!

Гаев *(зевая)*. Кого?

Любовь Андреевна *(глядит в свое портмоне)*. Вчера было много денег, а сегодня совсем мало. Бедная моя Варя из экономии кормит всех молочным супом, на кухне старикам дают один горох, а я трачу как-то бессмысленно... *(Уронила портмоне, рассыпала золотые.)* Ну, посыпались... *(Ей досадно.)*

Яша. Позвольте, я сейчас подберу. *(Собирает монеты.)*

Любовь Андреевна. Будьте добры, Яша. И зачем я поехала завтракать... Дрянной ваш ресторан с музыкой, скатерти пахнут мылом. Зачем так много пить, Леня? Зачем так много есть? Зачем так много говорить? Сегодня в ресторане ты говорил опять много и все некста-

ти. О семидесятых годах, о декадентах. И кому? Половым говорить о декадентах!

Лопахин. Да.

Гаев (*машет рукой*). Я не исправим, это очевидно... (*Раздраженно Яше.*) Что такое, постоянно вертишься перед глазами...

Яша (*смеется*). Я не могу без смеха вашего голоса слышать.

Гаев (*сестре*). Или я, или он...

Любовь Андреевна. Уходите, Яша, ступайте...

Яша (*отдает Любви Андреевне кошелек*). Сейчас уйду. (*Едва удерживается от смеха.*) Сию минуту... (*Уходит.*)

Лопахин. Ваше имение собирается купить богач Дериганов. На торги, говорят, приедет сам лично.

Любовь Андреевна. А вы откуда слышали?

Лопахин. В городе говорят.

Гаев. Ярославская тетушка обещала прислать, а когда и сколько пришлет, неизвестно...

Лопахин. Сколько она пришлет? Тысяч сто? Двести?

Любовь Андреевна. Ну... Тысяч десять-пятнадцать, и на том спасибо.

Лопахин. Простите, таких легкомысленных людей, как вы, господа, таких неделовых, странных, я еще не встречал. Вам говорят русским языком, имение ваше продается, а вы точно не понимаете.

Любовь Андреевна. Что же нам делать? Научите, что?

Лопахин. Я вас каждый день учу. Каждый день я говорю все одно и то же. И вишневый сад, и землю необходимо отдать в аренду под дачи, сделать это теперь же, поскорее — аукцион на носу! Поймите! Раз окончательно решите, чтоб были дачи, так денег вам дадут сколько угодно, и вы тогда спасены.

Любовь Андреевна. Дачи и дачники — это так пошло, простите.

Гаев. Совершенно с тобой согласен.

Лопахин. Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу! Вы меня замутили! *(Гаеву.)* Баба вы!

Гаев. Кого?

Лопахин. Баба! *(Хочет уйти.)*

Любовь Андреевна *(испуганно).* Нет, не

уходите, останьтесь, голубчик. Прошу вас. Может быть, надумаем что-нибудь!

Лопухин. О чем тут думать!

Любовь Андреевна. Не уходите, прошу вас. С вами все-таки веселее...

Пауза.

Я все жду чего-то, как будто над нами должен обвалиться дом.

Гаев (*в глубоком раздумье*). Дуплет в угол... Круазе в середину...

Любовь Андреевна. Уж очень много мы грешили...

Лопухин. Какие у вас грехи...

Гаев (*кладет в рот леденец*). Говорят, что я все свое состояние проел на леденцах... (*Смеется.*)

Любовь Андреевна. О, мои грехи... Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая, и вышла замуж за человека, который делал одни только долги. Муж мой умер от шампанского, — он страшно пил, — и на несчастье я полюбила другого, сошлась, и как раз в это время, — это было первое наказание, удар прямо в голову, — вот тут на реке... утонул мой мальчик, и я уехала за границу, со-

всем уехала, чтобы никогда не возвращаться, не видеть этой реки... Я закрыла глаза, бежала, себя не помня, а он за мной... безжалостно, грубо. Купила я дачу возле Ментоны, так как он заболел там, и три года я не знала отдыха ни днем, ни ночью; больной измучил меня, душа моя высохла. А в прошлом году, когда дачу продали за долги, я уехала в Париж, и там он обобрал меня, бросил, сошелся с другой, я пробовала отравиться... Так глупо, так стыдно... И потянуло вдруг в Россию, на родину, к девочке моей... *(Утирает слезы.)* Господи, господи, будь милостив, прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше! *(Достает из кармана телеграмму.)* Получила сегодня из Парижа... Просит прощения, умоляет вернуться... *(Рвет телеграмму.)* Словно где-то музыка. *(Прислушивается.)*

Гаев. Это наш знаменитый еврейский оркестр. Помнишь, четыре скрипки, флейта и контрабас.

Любовь Андреевна. Он еще существует? Его бы к нам зазвать как-нибудь, устроить вечерок.

Лопехин *(прислушивается).* Не слышать...

(Тихо напевает.) «И за деньги русака немцы офранцузят». *(Смеется.)* Какую я вчера пьесу смотрел в театре, очень смешно.

Любовь Андреевна. И, наверное, ничего нет смешного. Вам не пьесы смотреть, а смотреть бы почаще на самих себя. Как вы все серо живете, как много говорите ненужного.

Лопахин. Это правда. Надо прямо говорить, жизнь у нас дурацкая...

Пауза.

Мой папаша был мужик, идиот, ничего не понимал, меня не учил, а только бил спьяна, и все палкой. В сущности, и я такой же болван и идиот. Ничему не обучался, почерк у меня скверный, пишу я так, что от людей совестно, как свинья.

Любовь Андреевна. Жениться вам нужно, мой друг.

Лопахин. Да... Это правда.

Любовь Андреевна. На нашей бы Варе. Она хорошая девушка.

Лопахин. Да.

Любовь Андреевна. Она у меня из простых, работает целый день, а главное, вас любит. Да и вам-то давно нравится.

Лопухин. Что же? Я не прочь... Она хорошая девушка.

Пауза.

Гаев. Мне предлагают место в банке. Шесть тысяч в год... Слышала?

Любовь Андреевна. Где тебе! Сиди уж...

Фирс *входит; он принес пальто.*

Фирс *(Гаеву).* Извольте, сударь, надеть, а то сыро.

Гаев *(надевает пальто).* Надоел ты, брат.

Фирс. Нечего там... Утром уехали, не сказавшись. *(Оглядывает его.)*

Любовь Андреевна. Как ты постарел, Фирс!

Фирс. Чего изволите?

Лопухин. Говорят, ты постарел очень!

Фирс. Живу давно. Меня женить собирались, а вашего папаши еще на свете не было... *(Смеется.)* А воля вышла, я уже старшим камердинером был. Тогда я не согласился на волю, остался при господах...

Пауза.

И помню, все рады, а чему рады, и сами не знают.

Лопухин. Прежде очень хорошо было. По

крайней мере, драли.

Фирс (*не расслышав*). А еще бы. Мужики при господах, господа при мужиках, а теперь все враздробь, не поймешь ничего.

Гаев. Помолчи, Фирс. Завтра мне нужно в город. Обещали познакомить с одним генералом, который может дать под вексель.

Лопухин. Ничего у вас не выйдет. И не заплатите вы процентов, будьте покойны.

Любовь Андреевна. Это он бредит. Никаких генералов нет.

Входят Трофимов, Аня и Варя.

Гаев. А вот и наши идут.

Аня. Мама сидит.

Любовь Андреевна (*нежно*). Иди, иди... Родные мои... (*Обнимая Аню и Варю.*) Если бы вы обе знали, как я вас люблю. Садитесь рядом, вот так.

Все усаживаются.

Лопухин. Наш вечный студент все с барышнями ходит.

Трофимов. Не ваше дело.

Лопухин. Ему пятьдесят лет скоро, а он все еще студент.

Трофимов. Оставьте ваши дурацкие шут-

ки.

Лопухин. Что же ты, чудак, сердишься?

Трофимов. А ты не приставай.

Лопухин (*смеется*). Позвольте вас спросить, как вы обо мне понимаете?

Трофимов. Я, Ермолай Алексеич, так понимаю: вы богатый человек, будете скоро миллионером. Вот как в смысле обмена веществ нужен хищный зверь, который съедает все, что попадается ему на пути, так и ты нужен.

Все смеются.

Варя. Вы, Петя, расскажите лучше о планетах.

Любовь Андреевна. Нет, давайте продолжим вчерашний разговор.

Трофимов. О чем это?

Гаев. О гордом человеке.

Трофимов. Мы вчера говорили долго, но ни к чему не пришли. В гордом человеке, в вашем смысле, есть что-то мистическое. Быть может, вы и правы по-своему, но если рассуждать попросту, без затей, то какая там гордость, есть ли в ней смысл, если человек физиологически устроен неважно, если в своем громадном большинстве он груб, неумен, глу-

боко несчастлив. Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать.

Гаев. Все равно умрешь.

Трофимов. Кто знает? И что значит — умрешь? Быть может, у человека сто чувств и со смертью погибают только пять, известных нам, а остальные девяносто пять остаются живы.

Любовь Андреевна. Какой вы умный, Петя!..

Лопахин (*иронически*). Страсть!

Трофимов. Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. Все, что недостижимо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину. У нас, в России, работают пока очень немногие. Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно. Называют себя интеллигенцией, а прислуге говорят «ты», с мужиками обращаются как с животными, учатся плохо, серьезно ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусстве понимают мало. Все серьезные, у

всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют, а между тем у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота... И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы отвести глаза себе и другим. Укажите мне, где у нас ясли, о которых говорят так много и часто, где читальни? О них только в романах пишут, на деле же их нет совсем. Есть только грязь, пошлость, азиатчина... Я боюсь и не люблю очень серьезных физиономий, боюсь серьезных разговоров. Лучше помолчим!

Лопяхин. Знаете, я встаю в пятом часу утра, работаю с утра до вечера, ну, у меня постоянно деньги свои и чужие, и я вижу, какие кругом люди. Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей. Иной раз, когда не спится, я думаю: господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...

Любовь Андреевна. Вам понадобились ве-

ликаны... Они только в сказках хороши, а так они пугают.

*В глубине сцены проходит **Епиходов** и играет на гитаре.*

(Задумчиво.) Епиходов идет.

Аня *(задумчиво)*. Епиходов идет...

Гаев. Солнце село, господа.

Трофимов. Да.

Гаев *(негромко, как бы декламируя)*. О природа, дивная, ты блещешь вечным сиянием, прекрасная и равнодушная, ты, которую мы называем матерью, сочетаешь в себе бытие и смерть, ты живишь и разрушаешь...

Варя *(умоляюще)*. Дядечка!

Аня. Дядя, ты опять!

Трофимов. Вы лучше желтого в середину дуплетом.

Гаев. Я молчу, молчу.

Все сидят, задумались. Тишина. Слышно только, как тихо бормочет Фирс.

Вдруг раздается отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный.

Любовь Андреевна. Это что?

Лопяхин. Не знаю. Где-нибудь далеко в

шахта сорвалась бадья. Но где-нибудь очень далеко.

Гаев. А может быть, птица какая-нибудь... вроде цапли.

Трофимов. Или филин...

Любовь Андреевна (*вздрагивает*). Неприятно почему-то.

Пауза.

Фирс. Перед несчастьем тоже было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь.

Гаев. Перед каким несчастьем?

Фирс. Перед волей.

Пауза.

Любовь Андреевна. Знаете, друзья, пойдемте, уже вечерет. (*Ане.*) У тебя на глазах слезы... Что ты, девочка? (*Обнимает ее.*)

Аня. Это так, мама. Ничего.

Трофимов. Кто-то идет.

Показывается Прохожий в белой потасканной фуражке, в пальто; он слегка пьян.

Прохожий. Позвольте вас спросить, могу ли я пройти здесь прямо на станцию?

Гаев. Можете. Идите по этой дороге.

Прохожий. Чувствительно вам благодарен. (*Кашлянув.*) Погода превосходная... (*Де-*

кламирует.) Брат мой, страдающий брат... выдь на Волгу, чей стон... (Варя.) Мадемуазель, позвольте голодному россиянину копеек тридцать...

Варя испугалась, вскрикивает.

Лопахин (сердито). Всякому безобразию есть свое приличие!

Любовь Андреевна (оторопев). Возьмите... вот вам... (Ищет в портмоне.) Серебра нет... Все равно, вот вам золотой...

Прохожий. Чувствительно вам благодарен! (Уходит.)

Смех.

Варя (испуганно). Я уйду... я уйду... Ах, мамочка, дома людям есть нечего, а вы ему отдали золотой.

Любовь Андреевна. Что ж со мной, глупой, делать! Я тебе дома отдам все, что у меня есть. Ермолай Алексеич, дадите мне еще взаймы!..

Лопахин. Слушаю.

Любовь Андреевна. Пойдемте, господа, пора. А тут, Варя, мы тебя совсем просватали, поздравляю.

Варя (сквозь слезы). Этим, мама, шутить

нельзя.

Лопехин. Охмелия, иди в монастырь...

Гаев. А у меня дрожат руки: давно не играл на биллиарде.

Лопехин. Охмелия, о нимфа, помяни меня в твоих молитвах!

Любовь Андреевна. Идемте, господа. Скоро ужинать.

Варя. Напугал он меня. Сердце так и стучит.

Лопехин. Напоминаю вам, господа: двадцать второго августа будет продаваться вишневым сад. Думайте об этом!.. Думайте!..

Уходят все, кроме Трофимова и Ани.

Аня (смеясь). Спасибо прохожему, напугал Варю, теперь мы одни.

Трофимов. Варя боится, а вдруг мы полюбим друг друга, и целые дни не отходит от нас. Она своей узкой головой не может понять, что мы выше любви. Обойти то мелкое и призрачное, что мешает быть свободным и счастливым, — вот цель и смысл нашей жизни. Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали! Вперед! Не отставай, друзья!

Аня (*всплескивая руками*). Как хорошо вы говорите!

Пауза.

Сегодня здесь дивно!

Трофимов. Да, погода удивительная.

Аня. Что вы со мной сделали, Петя, отчего я уже не люблю вишневого сада, как прежде. Я любила его так нежно, мне казалось, на земле нет лучше места, как наш сад.

Трофимов. Вся Россия наш сад. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест.

Пауза.

Подумайте, Аня: ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов... Владеть живыми душами — ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так что ваша мать, вы, дядя уже не замечаете, что вы живете в долг, на чужой счет, на счет тех людей, которых вы не пускаете дальше передней... Мы отстали по крайней мере лет на двести, у

нас нет еще ровно ничего, нет определенного отношения к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом. Поймите это, Аня.

Аня. Дом, в котором мы живем, давно уже не наш дом, и я уйду, даю вам слово.

Трофимов. Если у вас есть ключи от хозяйства, то бросьте их в колодец и уходите. Будьте свободны, как ветер.

Аня (в восторге). Как хорошо вы сказали!

Трофимов. Верьте мне, Аня, верьте! Мне еще нет тридцати, я молод, я еще студент, но я уже столько вынес! Как зима, так я голоден, болен, встревожен, беден, как нищий, и — куда только судьба не гоняла меня, где я только не был! И все же душа моя всегда, во всякую минуту, и днем и ночью, была полна неизъяснимых предчувствий. Я предчувствую счастье, Аня, я уже вижу его...

Аня (задумчиво). Восходит луна.

Слышно, как Епиходов играет на гитаре

все ту же грустную песню. Восходит луна. Где-то около тополей Варя ищет Аню и зовет: «Аня! Где ты?»

Трофимов. Да, восходит луна.

Пауза.

Вот оно счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги. И если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие!

Голос Вари: «Аня! Где ты?»

Опять эта Варя! *(Сердито.)* Возмутительно!

Аня. Что ж? Пойдемте к реке. Там хорошо.

Трофимов. Пойдемте.

Идут.

Голос Вари: «Аня! Аня!»

Занавес **Действие третье**

Гостиная, отделенная аркой от залы. Горит люстра. Слышно, как в передней играет еврейский оркестр, тот самый, о котором упоминается во втором акте. Вечер. В зале танцуют *grand-ronde*. Голос Симеонова-Пищика: «*Promenade a une paire!*» Выходят в гостиную: в первой паре **Пищик и Шарлотта Ивановна**, во второй — **Трофимов и Любовь Андреев-**

на, в третьей — Аня с почтовым чиновником, в четвертой — Варя с начальником станции и т. д. Варя тихо плачет и, танцуя, утирает слезы. В последней паре Дуняша. Идут по гостиной, Пищик кричит «Grand-ron, balancez!» и «Les cavaliers a genoux et remerciez vos dames»[50].

Фирс во фраке проносит на подносе сельтерскую воду. Входят в гостиную Пищик и Трофимов.

Пищик. Я полнокровный, со мной уже два раза удар был, танцевать трудно, но, как говорится, попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй. Здоровье-то у меня лошадиное. Мой покойный родитель, шутник, царство небесное, насчет нашего происхождения говорил так, будто древний род наш Симеоновых-Пищиков происходит будто бы от той самой лошади, которую Калигула посадил в сенате... (Садится.) Но вот беда: денег нет! Голодная собака верует только в мясо... (Храпит и тотчас же просыпается.) Так и я... могу только про деньги...

Трофимов. А у вас в фигуре в самом деле есть что-то лошадиное.

Пищик. Что ж... лошадь хороший зверь...
Лошадь продать можно...

Слышно, как в соседней комнате играют на бильярде.

В зале под аркой показывается Варя.

Трофимов (дразнит). Мадам Лопахина!
Мадам Лопахина!..

Варя (сердито). Облезлый барин!

Трофимов. Да, я облезлый барин и горжусь этим!

Варя (в горьком раздумье). Вот наняли музыкантов, а чем платить? (Уходит.)

Трофимов (Пищику). Если бы энергия, которую вы в течение всей вашей жизни затратили на поиски денег для уплаты процентов, пошла у вас на что-нибудь другое, то, вероятно, в конце концов вы могли бы перевернуть землю.

Пищик. Ницше... философ... величайший, знаменитейший... громадного ума человек, говорит в своих сочинениях, будто фальшивые бумажки делать можно.

Трофимов. А вы читали Ницше?

Пищик. Ну... Мне Дашенька говорила. А я теперь в таком положении, что хоть фальши-

вые бумажки делай... Послезавтра триста десять рублей платить... Сто тридцать уже достал... *(Ощупывает карманы, встревоженно.)* Деньги пропали! Потерял деньги! *(Сквозь слезы.)* Где деньги? *(Радостно.)* Вот они, за подкладкой... Даже в пот ударило...

Входят Любовь Андреевна и Шарлотта Ивановна.

Любовь Андреевна *(напевает лезгинку).* Отчего так долго нет Леонида? Что он делает в городе? *(Дуняше.)* Дуняша, предложите музыкантам чаю...

Трофимов. Торги не состоялись, по всей вероятности.

Любовь Андреевна. И музыканты пришли некстати, и бал мы затеяли некстати... Ну, ничего... *(Садится и тихо напевает.)*

Шарлотта *(подает Пицику колоду карт).* Вот вам колода карт, задумайте какую-нибудь одну карту.

Пищик. Задумал.

Шарлотта. Тасуйте теперь колоду. Очень хорошо. Дайте сюда, о мой милый господин Пищик. Ein, zwei, drei! Теперь поищите, она у вас в боковом кармане...

Пищик (*достает из бокового кармана карту*). Восьмерка пик, совершенно верно! (*Удивляясь.*) Вы подумайте!

Шарлотта (*держит на ладони колоду карт, Трофимову*). Говорите скорее, какая карта сверху?

Трофимов. Что ж? Ну, дама пик.

Шарлотта. Есть! (*Пищику.*) Ну? Какая карта сверху?

Пищик. Туз червовый.

Шарлотта. Есть!.. (*Бьет по ладони, колода карт исчезает.*) А какая сегодня хорошая погода!

Ей отвечает таинственный женский голос, точно из-под пола: «О да, погода великолепная, сударыня».

Вы такой хороший мой идеал...

Голос: «Вы сударыня, мне тоже очень понравился».

Начальник станции (*аплодирует*). Госпожа чревовещательница, браво!

Пищик (*удивляясь*). Вы подумайте! Очаровательнейшая Шарлотта Ивановна... я просто влюблен...

Шарлотта. Влюблен? (*Пожав плечами.*)

Разве вы можете любить? Guter Mensch, aber schlechter Musikant[51].

Трофимов (*хлопает Пищика по плечу*). Лошадь вы этакая...

Шарлотта. Прошу внимания, еще один фокус. (*Берет со стула плед.*) Вот очень хороший плед, я желаю продавать... (*Встряхивает.*) Не желает ли кто покупать?

Пищик (*удивляясь*). Вы подумайте!

Шарлотта. Ein, zwei, drei! (*Быстро поднимает опущенный плед.*)

За пледом стоит Аня; она делает реверанс, бежит к матери, обнимает ее и убегает назад в залу при общем восторге.

Любовь Андреевна (*аплодирует*). Bravo, bravo!..

Шарлотта. Теперь еще! Ein, zwei, drei!

Поднимает плед; за пледом стоит Варя и кланяется.

Пищик (*удивляясь*). Вы подумайте!

Шарлотта. Конец! (*Бросает плед на Пищика, делает реверанс и убегает в залу.*)

Пищик (*спешит за ней*). Злодейка... какова? Какова? (*Уходит.*)

Любовь Андреевна. А Леонида все нет. Что

он делает в городе, так долго, не понимаю! Ведь все уже кончено там, имение продано или торги не состоялись, зачем же так долго держать в неведении!

Варя (*стараясь ее утешить*). Дядечка купил, я в этом уверена.

Трофимов (*насмешливо*). Да.

Варя. Бабушка прислала ему доверенность, чтобы он купил на ее имя с переводом долга. Это она для Ани. И я уверена, бог поможет, дядечка купит.

Любовь Андреевна. Ярославская бабушка прислала пятнадцать тысяч, чтобы купить имение на ее имя, — нам она не верит, — а этих денег не хватило бы даже проценты заплатить. (*Закрывает лицо руками.*) Сегодня судьба моя решается, судьба...

Трофимов (*дразнит Варю*). Мадам Лопахина!

Варя (*сердито*). Вечный студент! Уже два раза увольняли из университета.

Любовь Андреевна. Что же ты сердишься. Варя? Он дразнит тебя Лопахиным, ну что ж? Хочешь — выходи за Лопахина, он хороший, интересный человек. Не хочешь — не выхо-

ди; тебя, дуся, никто не неволит...

Варя. Я смотрю на это дело серьезно, мамочка, надо прямо говорить. Он хороший человек, мне нравится.

Любовь Андреевна. И выходи. Что же ждать, не понимаю!

Варя. Мамочка, не могу же я сама делать ему предложение. Вот уже два года все мне говорят про него, все говорят, а он или молчит, или шутит. Я понимаю. Он богатеет, занят делом, ему не до меня. Если бы были деньги, хоть немного, хоть бы сто рублей, бросила бы я все, ушла бы подальше. В монастырь бы ушла.

Трофимов. Благолепие!

Варя (*Трофимову*). Студенту надо быть умным! (*Мягким тоном, со слезами.*) Какой вы стали некрасивый, Петя, как постарели! (*Любови Андреевне, уже не плача.*) Только вот без дела не могу, мамочка. Мне каждую минуту надо что-нибудь делать.

Входит Яша.

Яша (*едва удерживаясь от смеха*). Епиходов бильярдный кий сломал!.. (*Уходит.*)

Варя. Зачем же Епиходов здесь? Кто ему

позволил на миллиарде играть? Не понимаю этих людей... *(Уходит.)*

Любовь Андреевна. Не дразните ее, Петя, вы видите, она и без того в горе.

Трофимов. Уж очень она усердная, не в свое дело суется. Все лето не давала покоя ни мне, ни Ане, боялась, как бы у нас романа не вышло. Какое ей дело? И к тому же я вида не подавал, я так далек от пошлости. Мы выше любви!

Любовь Андреевна. А я вот, должно быть, ниже любви. *(В сильном беспокойстве.)* Отчего нет Леонида? Только бы знать: продано имение или нет? Несчастье представляется мне до такой степени невероятным, что даже как-то не знаю, что думать, теряюсь... Я могу сейчас крикнуть... могу глупость сделать. Спасите меня, Петя. Говорите же что-нибудь, говорите...

Трофимов. Продано ли сегодня имение или не продано — не все ли равно? С ним давно уже покончено, нет поворота назад, заросла дорожка. Успокойтесь, дорогая. Не надо обманывать себя, надо хоть раз в жизни взглянуть правде прямо в глаза.

Любовь Андреевна. Какой правде? Вы видите, где правда и где неправда, а я точно потеряла зрение, ничего не вижу. Вы смело решаете все важные вопросы, но скажите, голубчик, не потому ли это, что вы молоды, что вы не успели перестрадать ни одного вашего вопроса? Вы смело смотрите вперед, и не потому ли, что не видите и не ждете ничего страшного, так как жизнь еще скрыта от ваших молодых глаз? Вы смелее, честнее, глубже нас, но вдумайтесь, будьте великодушны хоть на кончике пальца, пощадите меня. Ведь я родилась здесь, здесь жили мои отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом... *(Обнимает Трофимова, целует его в лоб.)* Ведь мой сын утонул здесь... *(Плачет.)* Пожалейте меня, хороший, добрый человек.

Трофимов. Вы знаете, я сочувствую всей душой.

Любовь Андреевна. Но надо иначе, иначе это сказать... *(Вынимает платок, на пол падает телеграмма.)* У меня сегодня тяжело на

душе, вы не можете себе представить. Здесь мне шумно, дрожит душа от каждого звука, я вся дрожу, а уйти к себе не могу, мне одной в тишине страшно. Не осуждайте меня, Петя... Я вас люблю, как родного. Я охотно бы отдала за вас Аню, клянусь вам, только, голубчик, надо же учиться, надо курс кончить. Вы ничего не делаете, только судьба бросает вас с места на место, так это странно... Не правда ли? Да? И надо же что-нибудь с бородой сделать, чтобы она росла как-нибудь... (Смеется.) Смешной вы!

Трофимов (*поднимает телеграмму*). Я не желаю быть красавцем.

Любовь Андреевна. Это из Парижа телеграмма. Каждый день получаю. И вчера, и сегодня. Этот дикий человек опять заболел, опять с ним нехорошо... Он просит прощения, умоляет приехать, и по-настоящему мне следовало бы съездить в Париж, побыть возле него. У вас, Петя, строгое лицо, но что же делать, голубчик мой, что мне делать, он болен, он одинок, несчастлив, а кто там поглядит за ним, кто удержит его от ошибок, кто даст ему вовремя лекарство? И что ж тут скрывать или

молчать, я люблю его, это ясно. Люблю, люблю... Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу. *(Жмет Трофимову руку.)* Не думайте дурно, Петя, не говорите мне ничего, не говорите...

Трофимов *(сквозь слезы)*. Простите за откровенность бога ради: ведь он обобрал вас!

Любовь Андреевна. Нет, нет, нет, не надо говорить так... *(Закрывает уши.)*

Трофимов. Ведь он негодяй, только вы одна не знаете этого! Он мелкий негодяй, ничтожество...

Любовь Андреевна *(рассердившись, но сдержанно)*. Вам двадцать шесть лет или двадцать семь, а вы все еще гимназист второго класса!

Трофимов. Пусть!

Любовь Андреевна. Надо быть мужчиной, в ваши годы надо понимать тех, кто любит. И надо самому любить... надо влюбляться! *(Сердито.)* Да, да! И у вас нет чистоты, а вы просто чистюлька, смешной чудака, урод...

Трофимов *(в ужасе)*. Что она говорит!

Любовь Андреевна. «Я выше любви!» Вы

не выше любви, а просто, как вот говорит наш Фирс, вы недотёпа. В ваши годы не иметь любовницы!..

Трофимов (в ужасе). Это ужасно! Что она говорит?! (Идет быстро в зал, схватив себя за голову.) Это ужасно... Не могу, я уйду... (Уходит, но тотчас же возвращается.) Между нами все кончено! (Уходит в переднюю.)

Любовь Андреевна (кричит вслед). Петя, погодите! Смешной человек, я пошутила! Петя!

Слышно, как в передней кто-то быстро идет по лестнице и вдруг с грохотом падает вниз. Аня и Варя вскрикивают, но тотчас же слышится смех.

Что там такое?

Вбегает **Аня**.

Аня (смеясь). Петя с лестницы упал! (Убегает.)

Любовь Андреевна. Какой чудак этот Петя...

Начальник станции останавливается среди залы и читает «Грешницу» А. Толстого. Его слушают, но едва он прочел несколько строк, как из передней доносятся звуки валь-

са, и чтение обрывается. Все танцуют. Проходят из передней **Трофимов, Аня, Варя и Любовь Андреевна.**

Ну, Петя... ну, чистая душа... я прощения прошу... Пойдемте танцевать... *(Танцует с Петей.)*

Аня и Варя танцуют.

Фирс входит, ставит свою палку около боковой двери. **Яша** тоже вошел из гостиной, смотрит на танцы.

Яша. Что, дедушка?

Фирс. Нездоровится. Прежде у нас на балах танцевали генералы, бароны, адмиралы, а теперь посылаем за почтовым чиновником и начальником станции, да и те не в охотку идут. Что-то ослабел я. Барин покойный, дедушка, всех сургучом пользовал, от всех болезней. Я сургуч принимаю каждый день уже лет двадцать, а то и больше; может, я от него и жив.

Яша. Надоел ты, дед. *(Зевает.)* Хоть бы ты поскорее подох.

Фирс. Эх ты... недотёпа! *(Бормочет.)*

Трофимов и Любовь Андреевна танцуют в зале, потом в гостиной.

Любовь Андреевна. Мерсі! Я посижу... (*Садится.*) Устала.

Входит Аня.

Аня (*взволнованно*). А сейчас на кухне какой-то человек говорил, что вишневый сад уже продан сегодня.

Любовь Андреевна. Кому продан?

Аня. Не сказал, кому. Ушел. (*Танцует с Трофимовым, оба уходят в залу.*)

Яша. Это там какой-то старик болтал. Чужой.

Фирс. А Леонида Андреича еще нет, не приехал. Пальто на нем легкое, демисезон, того гляди простудится. Эх, молодо-зелено.

Любовь Андреевна. Я сейчас умру. Подите, Яша, узнайте, кому продано.

Яша. Да он давно ушел, старик-то. (*Смеется.*)

Любовь Андреевна (*с легкой досадой*). Ну, чему вы смеетесь? Чему рады?

Яша. Очень уж Епиходов смешной. Пустой человек. Двадцать два несчастья.

Любовь Андреевна. Фирс, если продадут имение, то куда ты пойдешь?

Фирс. Куда прикажете, туда и пойду.

Любовь Андреевна. Отчего у тебя лицо такое? Ты нездоров? Шел бы, знаешь, спать...

Фирс. Да... *(С усмешкой.)* Я уйду спать, а без меня тут кто подаст, кто распорядится? Один на весь дом.

Яша *(Любови Андреевне).* Любовь Андреевна! Позвольте обратиться к вам с просьбой, будьте так добры! Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость. Здесь мне оставаться положительно невозможно. *(Оглядываясь, вполголоса.)* Что ж там говорить, вы сами видите, страна необразованная, народ безнравственный, притом скука, на кухне кормят безобразно, а тут еще Фирс этот ходит, бормочет разные неподходящие слова. Возьмите меня с собой, будьте так добры!

Входит Пищик.

Пищик. Позвольте просить вас... на вальсишку, прекраснейшая... *(Любовь Андреевна идет с ним.)* Очаровательная, все-таки сто восемьдесят рубликов я возьму у вас... Возьму... *(Танцует.)* Сто восемьдесят рубликов...

Перешли в зал.

Яша *(тихо напевает).* «Поймешь ли ты ду-

ши моей волненье...»

В зале фигура в сером цилиндре и в клетчатых панталонах машет руками и прыгает; крики: «Браво, Шарлотта Ивановна!»

Дуняша (*остановилась, чтобы попудриться*). Барышня велит мне танцевать, — кавалеров много, а дам мало, — а у меня от танцев кружится голова, сердце бьется, Фирс Николаевич, а сейчас чиновник с почты такое мне сказал, что у меня дыхание захватило.

Музыка стихает.

Фирс. Что же он тебе сказал?

Дуняша. Вы, говорит, как цветок.

Яша (*зевает*). Невежество... (*Уходит.*)

Дуняша. Как цветок... Я такая деликатная девушка, ужасно люблю нежные слова.

Фирс. Закрутишься ты.

Входит Епиходов.

Епиходов. Вы, Авдотья Федоровна, не желаете меня видеть... как будто я какое насекомое. (*Вздыхает.*) Эх, жизнь!

Дуняша. Что вам угодно?

Епиходов. Несомненно, может, вы и правы. (*Вздыхает.*) Но, конечно, если взглянуть с точки зрения, то вы, позволю себе так выра-

зиться, извините за откровенность, совершенно привели меня в состояние духа. Я знаю свою фортуна, каждый день со мной случается какое-нибудь несчастье, и к этому я давно уже привык, так что с улыбкой гляжу на свою судьбу. Вы дали мне слово, и хотя я...

Дуняша. Прошу вас, после поговорим, а теперь оставьте меня в покое. Теперь я мечтаю.
(Играет веером.)

Епиходов. У меня несчастье каждый день, и я, позволю себе так выразиться, только улыбаюсь, даже смеюсь.

Входит из залы Варя.

Варя. Ты все еще не ушел, Семен? Какой же ты, право, неуважительный человек. *(Дуняше.)* Ступай отсюда, Дуняша. *(Епиходову.)* То на биллиарде играешь и кий сломал, то по гостинной расхаживаешь, как гость.

Епиходов. С меня взыскивать, позвольте вам выразиться, вы не можете.

Варя. Я не взыскиваю с тебя, а говорю. Только и знаешь, что ходишь с места на место, а делом не занимаешься. Конторщика держим, а неизвестно — для чего.

Епиходов *(обиженно).* Работаю ли я, хожу

ли, кушаю ли, играю ли на бильярде, про то могут рассуждать только люди понимающие и старшие.

Варя. Ты смеешь мне говорить это! (*Вспылив.*) Ты смеешь? Значит, я ничего не понимаю? Убирайся же вон отсюда! Сию минуту!

Епиходов (*струсив*). Прошу вас выражаться деликатным способом.

Варя (*выйдя из себя*). Сию же минуту вон отсюда! Вон!

Он идет к двери, она за ним.

Двадцать два несчастья! Чтобы духу твоего здесь не было! Чтобы глаза мои тебя не видели!

Епиходов вышел, за дверью его голос: «Я на вас буду жаловаться».

А, ты назад идешь? (*Хватает палку, поставленную около двери Фирсом.*) Иди... Иди... Иди, я тебе покажу... А, ты идешь? Идешь? Так вот же тебе... (*Замахивается.*)

В это время входит Лопахин.

Лопахин. Покорнейше благодарю.

Варя (*сердито и насмешливо*). Виновата!

Лопахин. Ничего-с. Покорно благодарю за приятное угощение.

Варя. Не стоит благодарности. *(Отходит, потом оглядывается и спрашивает мягко.)* Я вас не ушибла?

Лопухин. Нет, ничего. Шишка, однако, вскочит огромная.

Голоса в зале: «Лопухин приехал! Ермолай Алексеич!»

Пищик. Видом видать, слыхом слышать... *(Целуется с Лопухиным.)* Коньячком от тебя пахнет, милый мой, душа моя. А мы тут тоже веселимся.

Входит Любовь Андреевна.

Любовь Андреевна. Это вы, Ермолай Алексеич? Отчего так долго? Где Леонид?

Лопухин. Леонид Андреич со мной приехал, он идет...

Любовь Андреевна *(волнуясь)*. Ну, что? Были торги? Говорите же!

Лопухин *(сконфуженно, боясь обнаружить свою радость)*. Торги кончились к четырем часам... Мы к поезду опоздали, пришлось ждать до половины десятого. *(Тяжело вздохнув.)* Уф! У меня немножко голова кружится...

Входит Гаев; в правой руке у него покупки, левой он утирает слезы.

Любовь Андреевна. Леня, что? Леня, ну? (Нетерпеливо, со слезами.) Скорей же, бога ради...

Гаев (ничего ей не отвечает, только машет рукой; Фирсу, плача). Вот возьми... Тут анчоусы, керченские сельди... Я сегодня ничего не ел... Столько я выстрадал!

Дверь в биллиардную открыта: слышен стук шаров и голос Яши: «Семь и восемнадцать!» У Гаева меняется выражение, он уже не плачет.

Устал я ужасно. Дашь мне, Фирс, переодеться. (Уходит к себе через залу, за ним Фирс.)

Пищик. Что на торгах? Рассказывай же!

Любовь Андреевна. Продан вишневый сад?

Лопухин. Продан.

Любовь Андреевна. Кто купил?

Лопухин. Я купил.

Пауза.

Любовь Андреевна угнетена; она упала бы, если бы не стояла возле кресла и стола. Варя снимает с пояса ключи, бросает их на пол, посреди гостиной, и уходит.

Я купил! Погодите, господа, сделайте милость, у меня в голове помутилось, говорить не могу... *(Смеется.)* Пришли мы на торги, там уже Дериганов. У Леонида Андрейча было только пятнадцать тысяч, а Дериганов сверх долга сразу надавал тридцать. Вижу, дело такое, я схватился с ним, надавал сорок. Он сорок пять. Я пятьдесят пять. Он, значит, по пяти надбавляет, я по десяти... Ну, кончилось. Сверх долга я надавал девяносто, осталось за мной. Вишневый сад теперь мой! Мой! *(Хочет.)* Боже мой, господи, вишневый сад мой! Скажите мне, что я пьян, не в своем уме, что все это мне представляется... *(Топочет ногами.)* Не смейтесь надо мной! Если бы отец мой и дед встали из гробов и посмотрели на все происшествие, как их Ермолай, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, как этот самый Ермолай купил имение, прекрасней которого ничего нет на свете. Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню. Я сплю, это только мерещится мне, это только кажется... Это плод вашего воображения, покрытый мраком неизвестности... *(Поднимает*

ключи, ласково улыбаясь.) Бросила ключи, хочет показать, что она уж не хозяйка здесь... (Звенит ключами.) Ну, да все равно.

Слышно, как настраивается оркестр.

Эй, музыканты, играйте, я желаю вас слушать! Приходите все смотреть, как Ермолай Лопахин хватит топором по вишневному саду, как упадут на землю деревья! Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь... Музыка, играй!

Играет музыка, Любовь Андреевна опустилась на стул и горько плачет.

(С укором.) Отчего же, отчего вы меня не послушали? Бедная моя, хорошая, не вернешь теперь. (Со слезами.) О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь.

Пищик (берет его под руку, вполголоса). Она плачет. Пойдем в залу, пусть она одна... Пойдем... (Берет его под руку и уводит в залу.)

Лопахин. Что ж такое? Музыка, играй отчетливо! Пускай всё, как я желаю! (С иронией.) Идет новый помещик, владелец вишневого сада! (Толкнул нечаянно столик, едва не опрокинул канделябры.) За все могу заплатить!

(Уходит с Пищиком.)

*В зале и гостиной нет никого, кроме Любови Андреевны, которая сидит, сжалась вся и горько плачет. Тихо играет музыка. Быстро входят **Аня и Трофимов**. Аня подходит к матери и становится перед ней на колени. Трофимов остается у входа в залу.*

Аня. Мама!.. Мама, ты плачешь? Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя.. я благословляю тебя. Вишневый сад продан, его уже нет, это правда, правда, но не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа.. Пойдем со мной, пойдем, милая, отсюда, пойдем!.. Мы насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймешь, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама! Пойдем, милая! Пойдем!..

Занавес

Действие четвертое

Декорация первого акта. Нет ни занавесей на окнах, ни картин, осталось немного мебели, которая сложена в один угол, точно для продажи. Чувствуется пустота. Около вы-

ходной двери и в глубине сцены сложены чемоданы, дорожные узлы и т. п. Налево дверь открыта, оттуда слышны голоса Вари и Ани. **Лопухин** стоит, ждет. **Яша** держит поднос со стаканчиками, налитыми шампанским. В передней **Епиходов** увязывает ящик. За сценой в глубине гул. Это пришли прощаться мужики.

Голос Гаева: «Спасибо, братцы, спасибо вам».

Яша. Простой народ прощаться пришел. Я такого мнения, Ермолай Алексеич, народ добрый, но мало понимает.

Гул стихает. Входят через переднюю **Любовь Андреевна** и **Гаев**; она не плачет, но бледна, лицо ее дрожит, она не может говорить.

Гаев. Ты отдала им свой кошелек, Люба. Так нельзя! Так нельзя!

Любовь Андреевна. Я не смогла! Я не смогла!

Оба уходят.

Лопухин (в дверь, им вслед). Пожалуйста, покорнейше прошу! По стаканчику на прощанье. Из города не догадался привезть, а на

станции нашел только одну бутылку. Пожа-
луйте!

Пауза.

Что ж, господа! Не желаете? (*Отходит от двери.*) Знал бы — не покупал. Ну, и я пить не стану.

Яша осторожно ставит поднос на стул.

Выпей, Яша, хоть ты.

Яша. С отъезжающими! Счастливо оставаться! (*Пьет.*) Это шампанское не настоящее, могу вас уверить.

Лопахин. Восемь рублей бутылка.

Пауза.

Холодно здесь чертовски.

Яша. Не топили сегодня, все равно уезжаем. (*Смеется.*)

Лопахин. Что ты?

Яша. От удовольствия.

Лопахин. На дворе октябрь, а солнечно и тихо, как летом. Строиться хорошо. (*Поглядев на часы, в дверь.*) Господа, имейте в виду, до поезда осталось всего сорок шесть минут! Значит, через двадцать минут на станцию ехать. Поторапливайтесь.

Трофимов в пальто входит со двора.

Трофимов. Мне кажется, ехать уже пора. Лошади поданы. Черт его знает, где мои калоши. Пропали. *(В дверь.)* Аня, нет моих калош! Не нашел!

Лопахин. А мне в Харьков надо. Поеду с вами в одном поезде. В Харькове проживу всю зиму. Я все болтался с вами, замучился без дела. Не могу без работы, не знаю, что вот делать с руками; болтаются как-то странно, точно чужие.

Трофимов. Сейчас уедем, и вы опять приметесь за свой полезный труд.

Лопахин. Выпей-ка стаканчик.

Трофимов. Не стану.

Лопахин. Значит, в Москву теперь?

Трофимов. Да, провожу их в город, а завтра в Москву.

Лопахин. Да... Что ж, профессора не читают лекций, небось всё ждут, когда приедешь!

Трофимов. Не твое дело.

Лопахин. Сколько лет, как ты в университете учишься?

Трофимов. Придумай что-нибудь поновее. Это старо и плоско. *(Ищет калоши.)* Знаешь, мы, пожалуй, не увидимся больше, так вот

позволь мне дать тебе на прощанье один совет: не размахивай руками! Отвыкни от этой привычки — размахивать. И тоже вот строить дачи, рассчитывать, что из дачников со временем выйдут отдельные хозяева, рассчитывать так — это тоже значит размахивать... Как-никак, все-таки я тебя люблю. У тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа...

Лопухин (*обнимает его*). Прощай, голубчик. Спасибо за все. Ежели нужно, возьми у меня денег на дорогу.

Трофимов. Для чего мне? Не нужно.

Лопухин. Ведь у вас нет!

Трофимов. Есть. Благодарю вас. Я за перевод получил. Вот они тут, в кармане. (*Тревожно.*) А калош моих нет!

Варя (*из другой комнаты*). Возьмите вашу гадость! (*Выбрасывает на сцену пару резиновых калош.*)

Трофимов. Что же вы сердитесь. Варя? Гм... Да это не мои калоши!

Лопухин. Я весной посеял маку тысячу десятин и теперь заработал сорок тысяч чисто-го. А когда мой мак цвел, что это была за кар-

тина! Так вот я, говорю, заработал сорок тысяч и, значит, предлагаю тебе займы, потому что могу. Зачем же нос драть? Я мужик... по-просту.

Трофимов. Твой отец был мужик, мой — аптекарь, и из этого не следует решительно ничего.

Лопухин вынимает бумажник.

Оставь, оставь... Дай мне хоть двести тысяч, не возьму. Я свободный человек. И всё, что так высоко и дорого цените вы все, богатые и нищие, не имеет надо мной ни малейшей власти, вот как пух, который носится по воздуху. Я могу обходиться без вас, я могу проходить мимо вас, я силен и горд. Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле, и я в первых рядах!

Лопухин. Дойдешь?

Трофимов. Дойду.

Пауза.

Дойду или укажу другим путь, как пойти.

Слышно, как вдали стучат топором по дереву.

Лопухин. Ну, прощай, голубчик. Пора

ехать. Мы друг перед другом нос дерем, а жизнь знай себе проходит. Когда я работаю подолгу, без устали, тогда мысли полегче, и кажется, будто мне тоже известно, для чего я существую. А сколько, брат, в России людей, которые существуют неизвестно для чего. Ну, все равно, циркуляция дела не в этом. Леонид Андреич, говорят, принял место, будет в банке, шесть тысяч в год... Только ведь не усидит, ленив очень...

Аня *(в дверях)*. Мама вас просит: пока она не уехала, чтоб не рубили сада.

Трофимов. В самом деле, неужели не хватает такта... *(Уходит через переднюю.)*

Лопухин. Сейчас, сейчас... Экие, право. *(Уходит за ним.)*

Аня. Фирса отправили в больницу?

Яша. Я утром говорил. Отправили, надо думать.

Аня *(Епиходову, который проходит через залу)*. Семен Пантелеич, справьтесь, пожалуйста, отвезли ли Фирса в больницу.

Яша *(обиженно)*. Утром я говорил Егору. Что ж спрашивать по десяти раз!

Епиходов. Долголетний Фирс, по моему

окончательному мнению, в починку не годится, ему надо к праотцам. А я могу ему только завидовать. *(Положил чемодан на картонку со шляпой и раздавил.)* Ну, вот, конечно. Так и знал. *(Уходит.)*

Яша *(насмешливо)*. Двадцать два несчастья...

Варя *(за дверью)*. Фирса отвезли в больницу?

Аня. Отвезли.

Варя. Отчего же письмо не взяли к доктору?

Аня. Так надо послать вдогонку... *(Уходит.)*

Варя *(из соседней комнаты)*. Где Яша? Скажите, мать его пришла, хочет проститься с ним.

Яша *(машет рукой)*. Выводят только из терпения.

Дуняша все время хлопчет около вещей; теперь, когда Яша остался один, она подошла к нему.

Дуняша. Хоть бы взглянули разочек, Яша. Вы уезжаете... меня покидаете... *(Плачет и бросается ему на шею.)*

Яша. Что ж плакать? *(Пьет шампанское.)*

Через шесть дней я опять в Париже. Завтра сядем в курьерский поезд и закатим, только нас и видели. Даже как-то не верится. Вив ла Франс!.. [52] Здесь не по мне, не могу жить... ничего не поделаешь. Насмотрелся на невежество — будет с меня. *(Пьет шампанское.)* Что ж плакать? Ведите себя прилично, тогда не будете плакать.

Дуняша *(пудрится, глядясь в зеркальце).* Пришлите из Парижа письмо. Ведь я вас любила, Яша, так любила! Я нежное существо, Яша!

Яша. Идут сюда. *(Хлопочет около чемоданов, тихо напевает.)*

Входят Любовь Андреевна, Гаев, Аня и Шарлотта Ивановна.

Гаев. Ехать бы нам. Уже немного осталось. *(Глядя на Яшу.)* От кого это селедкой пахнет!

Любовь Андреевна. Минут через десять давайте уже в экипажи садиться... *(Окидывает взглядом комнату.)* Прощай, милый дом, старый дедушка. Пройдет зима, настанет весна, а там тебя уже не будет, тебя сломают. Сколько видели эти стены! *(Целует горячо дочь.)* Сокровище мое, ты сияешь, твои глаз-

ки играют, как два алмаза. Ты довольна? Очень?

Аня. Очень! Начинается новая жизнь, мама!

Гаев (*весело*). В самом деле, теперь все хорошо. До продажи вишневого сада мы все волновались, страдали, а потом, когда вопрос был решен окончательно, бесповоротно, все успокоились, повеселели даже... Я банковский служака, теперь я финансист... желтого в середину, и ты, Люба, как-никак, выглядишь лучше, это несомненно.

Любовь Андреевна. Да. Нервы мои лучше, это правда.

Ей подают шляпу и пальто.

Я сплю хорошо. Выносите мои вещи, Яша. Пора. (*Ане.*) Девочка моя, скоро мы увидимся... Я уезжаю в Париж, буду жить там на те деньги, которые прислала твоя ярославская бабушка на покупку имения — да здравствует бабушка! — а денег этих хватит ненадолго.

Аня. Ты, мама, вернешься скоро, скоро... не правда ли? Я подготовлюсь, выдержу экзамен в гимназии и потом буду работать, тебе помогать. Мы, мама, будем вместе читать разные

книги... Не правда ли? *(Целует матери руки.)*
Мы будем читать в осенние вечера, прочтем
много книг, и перед нами откроется новый,
чудесный мир... *(Мечтает.)* Мама, приез-
жай...

Любовь Андреевна. Приеду, мое золото.
(Обнимает дочь.)

*Входит Лопехин. Шарлотта тихо напева-
ет песенку.*

Гаев. Счастливая Шарлотта: поет!

Шарлотта *(берет узел, похожий на сверну-
того ребенка).* Мой ребеночек, бай, бай...

Слышится плач ребенка: «Уа, уа!..»

Замолчи, мой хороший, мой милый маль-
чик.

«Уа!.. уа!..»

Мне тебя так жалко! *(Бросает узел на ме-
сто.)* Так вы, пожалуйста, найдите мне место.
Я не могу так.

Лопехин. Найдем, Шарлотта Ивановна, не
беспокойтесь.

Гаев. Все нас бросают, Варя уходит... мы
стали вдруг не нужны.

Шарлотта. В городе мне жить негде. Надо
уходить... *(Напевает.)* Все равно...

Входит Пищик.

Лопухин. Чудо природы!..

Пищик (*запыхавшись*). Ой, дайте отдышаться... замучился... Мои почтеннейшие... Воды дайте...

Гаев. За деньгами небось? Слуга покорный, уходите от греха... (*Уходит.*)

Пищик. Давненько не был у вас... прекраснейшая... (*Лопухину.*) Ты здесь... рад тебя видеть... громаднейшего ума человек... возьми... получи... (*Подает Лопухину деньги.*) Четыреста рублей... За мной остается восемьсот сорок...

Лопухин (*в недоумении пожимает плечами*). Точно во сне... Ты где же взял?

Пищик. Постой... Жарко... Событие необычайнейшее. Приехали ко мне англичане и нашли в земле какую-то белую глину... (*Любови Андреевне.*) И вам четыреста... прекрасная... удивительная... (*Подает деньги.*) Остальные потом. (*Пьет воду.*) Сейчас один молодой человек рассказывал в вагоне, будто какой-то... великий философ советует прыгать с крыш... «Прыгай!», говорит, и в этом вся задача. (*Удивленно.*) Вы подумайте! Воды!..

Лопухин. Какие же это англичане?

Пищик. Сдал им участок с глиной на двадцать четыре года... А теперь, извините, некогда... надо скакать дальше... Поеду к Знойкову... к Кардамонову... Всем должен... *(Пьет.)* Желаю здравствовать. В четверг заеду...

Любовь Андреевна. Мы сейчас переезжаем в город, а завтра я за границу.

Пищик. Как? *(Встревоженно.)* Почему в город? То-то я гляжу на мебель... чемоданы... Ну, ничего... *(Сквозь слезы.)* Ничего... Величайшего ума люди... эти англичане... Ничего... Будьте счастливы... Бог поможет вам... Ничего... Все на этом свете бывает конец... *(Целует руку Любови Андреевне.)* А дойдет до вас слух, что мне конец пришел, вспомните вот эту самую... лошадь и скажите: «Был на свете такой, сякой... Симеонов-Пищик... царство ему небесное»... Замечательнейшая погода... Да... *(Уходит в сильном смущении, но тотчас же возвращается и говорит в дверях.)* Кланялась вам Дашенька! *(Уходит.)*

Любовь Андреевна. Теперь можно и ехать. Уезжаю я с двумя заботами. Первая — это больной Фирс. *(Взглянув на часы.)* Еще минут

пять можно...

Аня. Мама, Фирса уже отправили в больницу. Яша отправил утром.

Любовь Андреевна. Вторая моя печаль — Варя. Она привыкла рано вставать и работать, и теперь без труда она как рыба без воды. Похудела, побледнела и плачет, бедняжка...

Пауза.

Вы это очень хорошо знаете, Ермолай Алексеич; я мечтала... выдать ее за вас, да и по всему видно было, что вы женитесь. *(Шепчет Ане, та кивает Шарлотте, и обе уходят.)* Она вас любит, вам она по душе, и не знаю, не знаю, почему это вы точно сторонитесь друг друга. Не понимаю!

Лопахин. Я сам тоже не понимаю, признаться. Как-то странно все... Если есть еще время, то я хоть сейчас готов... Покончим сразу — и баста, а без вас я, чувствую, не сделаю предложения.

Любовь Андреевна. И превосходно. Ведь одна минута нужна только. Я ее сейчас позову...

Лопахин. Кстати и шампанское есть. *(По-*

глядев на стаканчики.) Пустые, кто-то уже выпил.

Яша кашляет.

Это называется вылакать...

Любовь Андреевна (оживленно). Прекрасно. Мы выйдем... Яша, allez![53] Я ее позову... (В дверь.) Варя, оставь все, поди сюда. Иди! (Уходит с Яшей.)

Лопухин (поглядыв на часы). Да...

Пауза.

За дверью сдержанный смех, шепот, наконец входит Варя.

Варя (долго осматривает вещи). Странно, никак не найду...

Лопухин. Что вы ищете?

Варя. Сама уложила и не помню.

Пауза.

Лопухин. Вы куда же теперь, Варвара Михайловна?

Варя. Я? К Рагулиным... Договорилась к ним смотреть за хозяйством... в экономки, что ли.

Лопухин. Это в Яшнево? Верст семьдесят будет.

Пауза.

Вот и кончилась жизнь в этом доме...

Варя (оглядывая вещи). Где же это... Или, может, я в сундук уложила... Да, жизнь в этом доме кончилась... больше уже не будет...

Лопухин. А я в Харьков уезжаю сейчас... вот с этим поездом. Дела много. А тут во дворе оставляю Епиходова... Я его нанял.

Варя. Что ж!

Лопухин. В прошлом году об эту пору уже снег шел, если припомните, а теперь тихо, солнечно. Только что вот холодно... Градуса три мороза.

Варя. Я не поглядела.

Пауза.

Да и разбит у нас градусник...

Пауза.

Голос в дверь со двора: «Ермолай Алексеевич!..»

Лопухин (точно давно ждал этого зова). Сию минуту! (Быстро уходит.)

Варя, сидя на полу, положив голову на узел с платьем, тихо рыдает. Отворяется дверь, осторожно входит Любовь Андреевна.

Любовь Андреевна. Что?

Пауза.

Надо ехать.

Варя (уже не плачет, вытерла глаза). Да, пора, мамочка. Я к Рагулиным поспею сегодня, не опоздать бы только к поезду...

Любовь Андреевна (в дверь). Аня, одевайся!

Входят Аня, потом Гаев, Шарлотта Ивановна. На Гаеве теплое пальто с башлыком. Сходится прислуга, извозчики. Около вещей хлопочет Епиходов.

Теперь можно и в дорогу.

Аня (радостно). В дорогу!

Гаев. Друзья мои, милые, дорогие друзья мои! Покидая этот дом навсегда, могу ли я умолчать, могу ли удержаться, чтобы не высказать на прощанье те чувства, которые наполняют теперь все мое существо...

Аня (умоляюще). Дядя!

Варя. Дядечка, не нужно!

Гаев (уныло). Дуплетом желтого в середине... Молчу...

Входит Трофимов, потом Лопахин.

Трофимов. Что же, господа, пора ехать!

Лопахин. Епиходов, мое пальто!

Любовь Андреевна. Я посижу еще одну

минутку. Точно раньше я никогда не видела, какие в этом доме стены, какие потолки, и теперь я гляжу на них с жадностью, с такой нежной любовью...

Гаев. Помню, когда мне было шесть лет, в Троицын день я сидел на этом окне и смотрел, как мой отец шел в церковь...

Любовь Андреевна. Все вещи забрали?

Лопехин. Кажется, все. *(Епиходову, подавая пальто.)* Ты же, Епиходов, смотри, чтобы все было в порядке.

Епиходов *(говорит сильным голосом).* Будьте покойны, Ермолай Алексеич!

Лопехин. Что это у тебя голос такой?

Епиходов. Сейчас воду пил, что-то проглотил.

Яша *(с презрением).* Невежество...

Любовь Андреевна. Уедем — и здесь не останется ни души...

Лопехин. До самой весны.

Варя *(выдергивает из узла зонтик, похоже, как будто она замахнулась).*

Лопехин делает вид, что испугался.

Что вы, что вы... Я и не думала.

Трофимов. Господа, идемте садиться в эки-

пажи... Уже пора! Сейчас поезд придет!

Варя. Петя, вот они, ваши калоши, возле чемодана. *(Со слезами.)* И какие они у вас грязные, старые...

Трофимов *(надевая калоши).* Идем, господа!..

Гаев *(сильно смущен, боится заплакать).* Поезд... станция... Круазе в середину, белого дуплетом в угол...

Любовь Андреевна. Идем!

Лопехин. Все здесь? Никого там нет? *(Запирает боковую дверь налево.)* Здесь вещи сложены, надо запереть. Идем!..

Аня. Прощай, дом! Прощай, старая жизнь!

Трофимов. Здравствуй, новая жизнь!.. *(Уходит с Аней.)*

Варя окидывает взглядом комнату и не спеша уходит.

Уходят **Яша и Шарлотта** с собачкой.

Лопехин. Значит, до весны. Выходите, господа... До свиданья!.. *(Уходит.)*

Любовь Андреевна и **Гаев** остались вдвоем. Они точно ждали этого, бросаются на шею друг другу и рыдают сдержанно, тихо, боясь, чтобы их не услышали.

Гаев (в отчаянии). Сестра моя, сестра моя...

Любовь Андреевна. О мой милый, мой нежный, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай!.. Прощай!..

Голос Ани (весело, призывающе): «Мама!..»

Голос Трофимова (весело, возбужденно): «Ау!..»

В последний раз взглянуть на стены, на окна... По этой комнате любила ходить покойная мать...

Гаев. Сестра моя, сестра моя!..

Голос Ани: «Мама!..»

Голос Трофимова: «Ау!..»

Любовь Андреевна. Мы идем!..

Уходят.

Сцена пуста. Слышно, как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи. Становится тихо. Среди тишины раздастся глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно.

Слышатся шаги. Из двери, что направо, показывается **Фирс**.

Он одет, как всегда, в пиджаке и белой жилетке, на ногах туфли. Он болен.

Фирс (подходит к двери, трогает за ручку).

Заперто. Уехали... *(Садится на диван.)* Про меня забыли... Ничего... я тут посижу... А Леонид Андреич, небось, шубы не надел, в пальто поехал... *(Озабоченно вздыхает.)* Я-то не поглядел... Молодо-зелено! *(Бормочет что-то, чего понять нельзя.)* Жизнь-то прошла, словно и не жил... *(Ложится.)* Я полежу... Силушки-то у тебя нету, ничего не осталось, ничего... Эх ты... недотёпа!.. *(Лежит неподвижно.)*

Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву.

Занавес

Сноски

мой ангел (*франц.*).

[^^^]

2

Здоровый дух в здоровом теле. (*лат.*)

[^^^]

3

ваше превосходительство!.. (*франц.*)

[^^^]

Далее утрачен лист рукописи.

[^^^]

5

О мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*).

[^^^]

6

обо всех или ничего, или правда (*лат.*).

[^^^]

Без сомнения (*франц.*).

[^^^]

Ляпис... дистиллированной воды (*лат.*).

[^^^]

Простой продукт (*лат.*).

[^^^]

10

кое-что (*франц.* quelque chose).

[^^^]

«Граф Глагольев» (*франц.*).

[^^^]

12

Материя и сила (*нем.* Stoff und Kraft).

[^^^]

Ничего (*лат.*).

[^^^]

Оставьте всякую надежду! (*итал.*)

[^^^]

мой отец (*франц.*).

[^^^]

прелестна! (*франц.*)

[^^^]

Тысячу извинений (*франц.*).

[^^^]

дорогой мой (*франц.*).

[^^^]

кстати (*франц.*).

[^^^]

Я люблю, ты любишь, он любит... *(лат.)*

[^^^]

Пошлите, моя милая! *(нем.)*

[^^^]

Летающие мушки... *(франц.)*

[^^^]

Комедия окончена! (*итал.*)

[^^^]

Я вас прошу (*франц.* je vous prie).

[^^^]

25

Идите-ка сюда (*нем.* kommen Sie hier).

[^^^]

Кто это (*франц.*).

[^^^]

Между нами (*франц.*).

[^^^]

Повторим! (лат.)

[^^^]

Здесь: карман (*франц.* *emprocher* — класть в карман).

[^^^]

Дорогая (*франц.* ma chere).

[^^^]

С высоты птичьего полета (*франц.*).

[^^^]

Всех ожидает одна ночь (*лат.*).

[^^^]

Слуги (*франц.* domestique).

[^^^]

Исповедание веры (*франц.*).

[^^^]

На широкую ногу (*франц.*).

[^^^]

О вкусах — или хорошо, или ничего (*лат.*).

[^^^]

Как следует (*франц.*).

[^^^]

В полную меру (*лат.*).

[^^^]

Всех ожидает одна ночь (*лат.*).

[^^^]

Сделал, что мог; пусть, кто может, сделает лучше (*лат.*).

[^^^]

Здоровый дух в здоровом теле (*лат.*).

[^^^]

Прошу извинить меня, Мари, но у вас несколько грубые манеры (*франц.*).

[^^^]

Кажется, мой Бобик уже не спит (*франц.*).

[^^^]

О, призрачная надежда людская!.. (лат.)

[^^^]

Истина в вине (*лат.*).

[^^^]

Люблю, любишь, любит, любим, любите, любят (*лат.*).

[^^^]

Все мое ношу с собой (*лат.*).

[^^^]

Не шумите, Софи уже спит. Вы медведь (искаж. *франц.*).

[^^^]

Сказал и душу облегчил! (*лат.*)

[^^^]

«Променад парами!»... «Большой круг, баланс!»... «Кавалеры, на колени и благодарите дам» (*франц.*).

[^^^]

Хороший человек, но плохой музыкант (*нем.*).

[^^^]

Да здравствует Франция! (*франц.* Vive la France!)

[^^^]

Идите! (*франц.*).

[^^^]